

ИСКУССТВО СЛОВА

Хрестоматия по судебной риторике

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»
БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(ФИЛИАЛ)

ИСКУССТВО СЛОВА

Хрестоматия по судебной риторике

Уфа
2017

УДК 80/81+347.97
ББК 67.410.90Я72-3
И86

Составители:

Т.А. Нигматуллина, Р.Я. Вельц

Рецензенты:

В.О. Аббасов, член Исполкома Гильдии российских адвокатов,
Председатель президиума коллегии адвокатов «Гильдия российских
адвокатов по Республике Башкортостан», Вице-президент член Совета
Адвокатской палаты Республики Башкортостан; Почетный адвокат России;

А.С. Курманов, доктор юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

Искусство слова : хрестоматия по судебной риторике // сост.:
И86 Т.А. Нигматуллина, Р.Я. Вельц ; Башкирский институт социаль-
ных технологий (филиал) Образовательного учреждения проф-
союзов высшего образования «Академия труда и социальных от-
ношений». — Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО»,
2017. — 672 с.

ISBN 978-5-904354-72-5

Цель настоящего пособия — оказание помощи в приобретении опре-
деленных умений и навыков в подготовке и произнесении судебной
речи, в управлении вниманием судебной аудитории.

Хрестоматия включает тексты судебных речей — как адвокатов, так
и прокуроров — начиная с античной эпохи и заканчивая выступлениями
юристов наших дней. Эти тексты дают читателям возможность познако-
миться с искусством судебного слова, логичной, аргументированной по-
дачей материала, риторическими приемами, которые использовали прак-
тикующие юристы, необходимыми для того, чтобы говорить не только
грамотно, ярко, выразительно, но и убедительно, аргументированно.

Пособие адресовано преподавателям, а также студентам и маги-
странтам юридических факультетов и всем, кто интересуется вопросами
судебного красноречия. Оно может быть использовано как на занятиях
по правовым дисциплинам, так и для самостоятельной работы.

УДК 80/81+347.97
ББК 67.410.90Я72-3

ISBN 978-5-904354-72-5

© БИСТ (филиал)
ОУП ВО «АТиСО», 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	9
П. Сергеич (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде.....	11
ОБРАЗЦЫ АНТИЧНОГО СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ	111
Лисий Речь о том, что не дают пенсии инвалиду.....	111
Марк Юний Брут Речь после убийства Юлия Цезаря	117
Марк Туллий Цицерон Первая речь против Луция Сергия Катилины.....	120
РУССКОЕ СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ XIX–XX веков	133
Александров Петр Акимович Дело Засулич	135
Дело Нотовича.....	155
Дело Сары Модебадзе.....	189
Карабчевский Николай Платонович Дело Николая Кашина	235
Дело о крушении парохода «Владимир»	241
Кони Анатолий Федорович Приемы и задачи обвинения.....	268
Дело о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова	279
Плевако Федор Никифорович Дело Бартенева	294
Дело люторических крестьян	317

Спасович Владимир Данилович	
Дело Дементьева	332
Дело Островлевой и Худина	342
Урусов Александр Иванович	
Дело Мироновича	359
СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ	
XX–XXI веков	373
Ватман Давид Петрович	
Дело А.И. Котова (О смерти «фактического» супруга)	374
Гельфанд Леонид Аронович	
Дело С.А. Баянова (Об убийстве)	381
Гершанова Г.Е.	
Дело И.М. Лихова (О восстановлении на работе)	391
Декснис В.П.	
Дело И. Штараса и А. Исоцкене (О прекращении общей собственности)	393
Дервиз Олег Валерианович	
Дело Васильевой (О причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть)	398
Дело о подмене скрипки (из записок адвоката О.В. Дервиза)	404
Елизарова Н.В.	
Дело ЖСК «СТАРТ» (Выселение из дома ЖСК)	411
Забела В.А.	
Дело В. Пятраускене (О недействительности договора дарения)	416
Игнатова С.В.	
Дело М.С. Колина (О восстановлении на работе)	421

Израхович М.Л.

Дело И.Г. Картузова
(Об установлении отцовства) 425

Карманов Федор Александрович

Дело З. Даева
(Обвинение сразу по четырем статьям УК РФ — 105 (убийство),
26 (похищение человека), 162 (разбой) и 163 (вымогательство)) . . . 431

Клокова В.А.

Дело А.А. Ивакина
(О признании права на квартиру) 436

Коморский В.Е.

Дело Н.Е. Бачерикова
(Об изъятии домовладения в фонд местного Совета
народных депутатов) 439

Костанов Юрий Артемович

Дело Пилипенко
(Об убийстве) 443

Дело Е. Климовой
(О жертве финансовых пирамид) 450

Куприянов Алексей Анатольевич

Дело о групповом разбое 457

Дело о ДТП на Ленинградском 470

Дело А. Наумова
(О продаже мобильных телефонов) 480

Дело Хатовой
(Налоговое дело) 485

Дело о признании права собственности
на часть дома 491

Липецкер М.С.

Дело С.И. Зубова
(Об изъятии самовольно построенного дома) 494

Любарская Г.В.

Дело А.П. Перадзе
(О расторжении договора найма жилого помещения) 502

Могилянский Леонид Генрихович

Дело А.Н. Приймака
(О замене купленного автомобиля) 507

Нахимова Елена Владимировна

Дело И.А. Зорина
(О взыскании пая) 511

Падва Генрих Павлович

Дело Каулина
(О доведении до самоубийства) 514
Дело по иску Селиверстова к Гуваковой и Дубовой
(О признании недействительным договора дарения квартиры) .. 521

Порецкая А.П.

Дело М.И. Валиной
(О разделе жилой площади в ЖСК) 523

Раппопорт Леонид

Дело А.И. Кузенковой
(О праве собственности на автомобиль)..... 528

Резник Генри Маркович

Дело о публикации в журнале «Наш современник»..... 532
Дело В.Ю. Поэгли
(Об оскорблении личности) 534

Резниченко Иосиф Моисеевич

Дело Сосниной
(О непреднамеренном убийстве при самообороне) 542

Россельс Владимир Львович

Дело Семеновых
(О хищении)..... 545
Дело об оговоре отчима падчерицей 549

Свирин Юрий Александрович

Дело об убийстве на сексуальной почве 561
Дело А.П. Землянского
(О нарушении таможенного законодательства) 566
Дело Е.И. Астафьевой
(Об уклонении от уплаты налогов) 576

Дело Гирша В.Р. (Обвинение по трем статьям: покушение на убийство общеопасным способом, по найму, организованной группой; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; незаконное приобретение, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов в составе организованной группы)	581
Склярский И.И. Дело Т.Б. Косенко (О вселении)	586
Скобунова Т.И. Дело С.Ф. Костюченко (Об увольнении)	592
Трейстер И.А. Дело С.Г. Кириной (Об отказе в выдаче ордера на квартиру)	595
Филиппов Б.В. Дело И.Л. Красавиной (Об обмене жилой площади в ЖСК)	599
Хейфец Леонид Генрихович Дело Г.Б. Маркова (О возмещении вреда, причиненному автомобилю)	603
Чертков Владимир Лазаревич Дело Леонова и др. (О взыскании постановочного вознаграждения)	609
Цегельницкий И.Л. Дело И.Б. Осенева (О признании брака недействительным)	612
Ярмуш Мария Михайловна Дело о взыскании алиментов в твердой денежной сумме.	617
Иск Торри Энн Хансен к Российской газете об обязанности опубликовать ответ гражданина на публикацию в газете.	620
Дело о признании сделки купли-продажи земельного участка недействительной	625

Дело об определении места жительства детей	630
Дело об исключении личного имущества из общего имущества супругов	636
Дело о разделе имущества супругов	640
Дело об определении места жительства детей и о выезде детей с матерью на постоянное проживание за границу без согласия отца	644
Дело о взыскании стоимости заказанного товара	648
Дело Артемьева (Об убийстве и поджоге)	651
Дело Б.Г. Савельевой (О признании права собственности)	662
Дело Старовойтова (Об изнасиловании и убийстве)	664
Речь в защиту Иванова	665

ВВЕДЕНИЕ

Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, творит чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх нагнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить.

*Горгий,
древний философ-просветитель*

Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление.

*Блез Паскаль,
французский математик,
механик, физик, литератор и философ*

Успех — это произведение интересных мыслей на умение их донести.

Скилеф, древнегреческий мудрец

Истинное красноречие — это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно.

*Франсуа де Ларошфуко,
французский писатель-философ*

Практикующий юрист — одна из профессий, которая требует виртуозного владения словом: выступления в суде, в государственных и муниципальных органах власти — для всего этого необходимо не только грамотно выразить свои мысли, но и так выстраивать свою речь, чтобы воздействовать на слушателей.

Основная цель судебного красноречия — способствовать установлению юридической истины по делу, формированию внутреннего убеждения судей, имеет свою специфику, которая обусловлена нормами процессуального закона и предполагает оценочно-правовой ха-

рактер речи¹. По справедливому высказыванию Н.П. Карабчевского, «судебное красноречие — красноречие особого рода. На него нельзя смотреть лишь с точки зрения эстетики. Вся деятельность судебного оратора — деятельность боевая. Это вечный турнир перед возвышенной и недостижимой „дамой с повязкой на глазах“. Она слышит и считает удары, которые наносят друг другу противники, угадывает и каким орудием они наносятся»².

Данное пособие призвано восполнить потребность в материалах, не всегда доступных студентам, познакомить их с оригинальными текстами — образцами красноречия. Здесь представлены образцы речей известных юристов начиная с эпохи античности и заканчивая современностью. Речи предваряют краткие биографические сведения об авторе.

Материалы располагаются в хронологической последовательности, что дает возможность увидеть, как развивалось судебное красноречие, как формировались его методы и приемы.

Тексты даются в соответствии с нормами современной орфографии, но при этом сохраняются без изменений написания терминов, принятых в определенный отрезок времени. В отдельных случаях сохраняется также авторское написание примеров и без изменений приводятся цитаты, включенные в то или иное выступление.

В хрестоматию включены речи в большинстве своем по гражданским делам. Вместе с тем приводятся выступления известных юристов в сфере уголовного судопроизводства. Каждая из речей имеет свою специфику, но все они являются образцами судебного красноречия.

---

¹ Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов): учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. С. 3.

² Карабчевский Н.И. Речи. 1882–1914. Пг., 1916.

П. Сергеич (Пороховщиков П.С.)

П. Сергеич (1867–1954) — псевдоним известного русского юриста и судебного деятеля Петра Сергеевича Пороховщикова. Родился в Петербурге, в обеспеченной дворянской семье, сумевшей дать ему хорошее образование. Учился в Лицее цесаревича Николая, затем на юридическом отделении Московского университета. С декабря 1889 г. в течение года служил по ведомству Министерства юстиции кандидатом на судебные должности, после чего был определен на место помощника секретаря при прокуроре Московской судебной палаты. Несколько лет состоял на различных канцелярских должностях — старшего помощника делопроизводителя государственной канцелярии, младшего делопроизводителя, члена хозяйственного комитета канцелярии. Первый самостоятельный пост П.С. Пороховщиков получил в августе 1894 г., когда его назначили товарищем прокурора Смоленского окружного суда. Через год способного и хорошо проявившего себя на службе Пороховщикова перевели товарищем прокурора Московского окружного суда. Затем работал прокурором Орловского и Харьковского окружного суда. Вплоть до 1917 г. состоял членом Петербургского, а затем Петроградского окружного суда, имел чин действительного статского советника. Был награжден орденами Анны 2-й и 3-й степени и Владимира.

Наиболее известны работы Пороховщикова «Уголовная защита» (1908) и «Искусство речи на суде» (1910), а также ряд статей в периодической печати. Многие рекомендации автора по методике построения судебной речи не потеряли своей актуальности и в наши дни.

ИСКУССТВО РЕЧИ НА СУДЕ¹

Глава I

О слоге

Чтобы быть настоящим обвинителем или защитником на суде, надо уметь говорить; мы не умеем и не учимся, а разучиваемся; в школьные годы мы говорим и пишем правильнее, чем в зрелом возрасте. Доказательства этого избылиуют в любом из видов современной русской речи: в обыкновенном разговоре, в изящной словесности, в печати, в поли-

---

¹ Печатается по изданию: Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юридическая литература, 1988.

тических речах. Наши отцы и деды говорили чистым русским языком, без грубостей и без ненужной изысканности; в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом, читающих толстые журналы, знакомых с древними и новыми языками, мы слышим такие выражения, как: *позавчера, ни к чему, ничо чем, тринадцать душ гостей, помер* вместо умер, *вытывал*, вместо пил, *занять приятелю* деньги; мне приходилось слышать: *заманул* и *обманил*.

Наряду с этими грубыми орфографическими ошибками разговор бывает засорен ненужными вводными предложениями и бессмысленными междометиями. Будьте внимательны к своим собеседникам, и вы убедитесь, что они не могут обойтись без этого. У одного только и слышно: так сказать, как бы сказать, как говорится, в некотором роде, все ж таки; это последнее слово, само по себе далеко не благозвучное, произносится с каким-то змеиным пошипом; другой поминутно произносит: *ну*; это слово — маленький протей: *ну, ну-ну, ну-те, ну-те-с, ну-ну-ну*; третий между каждыми двумя предложениями восклицает: да! — хотя его никто ни о чем не спрашивает и риторических вопросов он себе не задает. Окончив беседу, эти русские люди садятся за работу и пишут: я жалуюсь на нанесение мне *побой*; он ничего не помнит, что с ним произошло; дерево было *треснуто*; все *положилися* спать. Это — отрывки из следственных актов. В постановлении одного столичного мирового судьи я нашел указание на обвинение некоего Чернышева «в краже торговых прав, выданных губернатором на право торговли». Впрочем, мировые судьи завалены работой; им некогда заниматься стилистикой. Заглянем в недавние законодательные материалы; мы найдем следующие примечательные строки: «Между преступными по службе деяниями и служебными провинностями усматривается существенное различие, обуславливаемое тем, что дисциплинарная ответственность служащих есть последствие самостоятельного, независимо от преступности или непроступности, данного деяния, нарушение особых, вытекающих из служебно-подчиненных отношений обязанностей, к которым принадлежит также соблюдение достоинства власти во вне-служебной деятельности служащих».

В этом отрывке встречается только одно нерусское слово; тем не менее это настоящая китайская грамота. Необходимо крайнее напряжение внимания и рассудка, чтобы уразуметь мысль писавшего. В русском переводе это можно изложить так: служебные провинности, в отличие от служебных преступлений, заключаются в нарушении обязанностей служебной подчиненности или несоблюдении достоинства власти вне службы; за эти провинности устанавливается дисциплинарная ответ-

ственность. В подлиннике 47 слов, в переложении — 26, то есть почти вдвое меньше. Не знаю, есть ли преимущества в подлиннике, но в нем несомненно есть ошибка, замаскированная многословием. По прямому смыслу этих строк различие между должностным преступлением и проступком заключается не в свойстве деяния, а в порядке преследования; это все равно, что сказать: убийство отличается от обиды тем, что в одном случае обвиняет прокурор, а в другом — частное лицо. Писавший, конечно, хотел сказать не это, а нечто другое.

Несколькими строками ниже читаем: «*проявление* неспособности или неблагонадежности может *возбудить* вопрос о прекращении отношений служебной подчиненности». Здесь отвлеченному понятию *проявление* приписывается способность к рассудочной деятельности.

Примером законченного законодательного творчества может служить ст. 531 Уголовного уложения: «Виновный в *опозорении* разглашением, хотя бы в отсутствие *опозоренного*, обстоятельства, его *позорящего*, за сие оскорбление наказывается заключением в тюрьме».

В торжественном заседании Академии наук в честь Льва Толстого ученый исследователь литературы говорит, что предполагает «коснуться творчества великого писателя *со стороны* лишь некоторых, *так сказать*, его *сторон*». Чтобы пояснить свои основные воззрения и быть вполне понятным для аудитории, он высказывает несколько рассуждений о человеческом познании и, между прочим, объясняет, что «*рациональное мышление не рационалистично*» и что «*будущее будет очень психологично*». Самая задача, поставленная себе оратором относительно Толстого, заключается в том, чтобы «заглянуть, если можно так выразиться, в его *нутро*». В том-то и дело, что так нельзя выражаться.

Через месяц или два, 22 марта 1909 г., в том же высоком учреждении тот же знаток родной словесности говорил: «*особая, исключительная, великая гениальность* Гоголя». Это второе хуже, чем сказать: всегдашний завсегдатый. Слышали вы, что существует обыкновенная, заурядная, мелкая гениальность?

В статье проф. Н.Д. Сергеевского «К учению о религиозных преступлениях» (Журнал Министерства Юстиции, 1906 г., № 4) встречаются следующие выражения: «*тяжесть* наказания этого преступления может быть *невысока*»; «еврейская и христианская религии признают сверхчувственного бога, в существе своем стоящего превыше всяких человекоуподобительных персонификаций»; «религиозные убеждения служат почвою образования ряда особых преступных деяний, *окрашенных* религиозным моментом».

Это писал поклонник чистой русской народности! И чем больше мы будем искать, тем больше найдем таких примеров.

Но где же причина постыдного упадка богатого языка? Ответ всегда готов: виноваты школа, классическая система, неумелое преподавание.

Пушкин ли не был воспитан на классиках? Где учились И.Ф. Горбунов или Максим Горький?

Скажут, виноваты газеты, виновата литература: писатели, критики; если так пишут творцы слога и их присяжные ценители, мудрено ли, что те, кто читает их, разучились и писать, и говорить? С таким же правом можно спросить: как не стать вором судьбе, который каждый день судит воров? или: как не победить тому, кого побеждают враги?

Нет, виноваты не только школа и литература, виноват каждый грамотный человек, позволяющий себе невнимание к своей разговорной и письменной речи. У нас ли нет образцов? Но мы не хотим их знать и помнить. Тургенев приводит слова Мериме: у Пушкина поэзия чудным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы. Удивительно верное замечание, — и делает его иностранец. Перепишите стихи пушкинских элегий, не разделяя их на рифмованные строки, и учитесь по этой прозе. Таких стихов никто никогда не напишет, но такую же хрустальной прозой обязаны писать все образованные люди. Этого требует уважение к своему народу, к окружающим и к себе. А безупречный слог в письме приучает к чистой разговорной речи.

Чистота слога

В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? В том, чтобы ее поняли те, к кому она обращена. Поэтому можно сказать, что ясность есть первое необходимое условие хорошего слога; Эпикур учил: не ищите ничего, кроме ясности. Аристотель говорит: ясность — главное достоинство речи, ибо очевидно, что неясные слова не делают своего дела. Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он. Бывает, что оратор почему-либо находит нужным высказаться неопределенно по тому или иному поводу; но ясность слога необходима в этом случае не менее чем во всяком другом, чтобы сохранить именно ту степень освещения предмета, которая нужна говорящему; иначе слушатели могут понять больше или меньше того, что он хотел сказать. Красота и живость речи уместны не всегда; можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки? Но быть не вполне понятным в таких случаях значит говорить на воздух.

Но мало сказать: нужна ясная речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать *без усилий*. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность. Поняв его, они пойдут дальше; но поняв не вполне, попадут в тупик или забредут в сторону. «Нельзя рассчитывать на непрерывно чуткое внимание судьи, — говорит Квантилиан, — нельзя надеяться, что он собственными силами рассеет туман речи, внесет свет своего разума в ее темноту; напротив того, оратору часто придется отвлекать его от множества посторонних мыслей; для этого речь должна быть настолько ясной, чтобы проникать ему в душу помимо его воли, как солнце в глаза». *Quare non ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intelligere, curandum*: не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья.

На пути к такому совершенству стоят два внешних условия: чистота и точность слога и два внутренних: знание предмета и знание языка.

Точность, опрятность, говорил Пушкин, первые достоинства прозы; она требует мыслей и мыслей. Изящество, красота слога есть роскошь, дозволительная для тех, у кого она является сама собою; но в отношении чистоты своей речи оратор должен быть неумолим. К сожалению, надо сказать, что в речах большинства наших обвинителей и защитников больше сору, чем мыслей; о точности выражений они совсем не заботятся, скорее щеголяют их неряшливостью.

Первый недостаток их — это постоянное злоупотребление иностранными словами. Изредка раздаются жалобы и увещания бороться с этим, но их никто не слушает. Огромное большинство этих незваных гостей совсем не нужны нам, потому что есть русские слова того же значения, простые и точные: *фиктивный* — вымышленный, мнимый, *инициатор* — зачинщик, *инспирировать* — внушать, *доминирующий* — преобладающий, господствующий, *симуляция* — притворство и т. д. Мы слышим: *травма, прекарность, базировать, варьировать, интеллигенция, интеллигентность, интеллигентный, интеллигент*. Одно или два из этих четырех последних слов вошли в общее употребление с определенным смыслом, и нам, к сожалению, уже не отделаться от них; но зачем поощрять вторжение других? В течение немногих последних месяцев в петербургском суде вошло в обычай вместо: преступление наказуется, карается, говорить: преступление таксирруется. Не знаю, почему. Мы не торгуем правосудием.

Во многих случаях для известного понятия у нас вместо одного иностранного есть несколько русских слов, и тем не менее все они вытесняются из употребления неуклюжими галлицизмами. Мы встречаем людей, которые по непонятной причине избегают говорить и писать

слова: недостаток, пробел, упущение, исправление, поправка, дополнение; они говорят: надо внести *корректив* в этот *дефект*; вместо слов: расследование, опрос, дознание им почему-то кажется лучше сказать: *анкета*, вместо наука — *дисциплина*, вместо: связь, измена, прелюбодеяние — *адюльтер*. Хуже всего то, что эти безобразные иностранные слова приобретают понемногу в нашем представлении какое-то преимущество перед чистыми русскими словами: *детальный анализ и систематическая группировка материала* кажутся более ценной работой, чем подробный разбор и научное изложение предмета.

Можно ли говорить, что «прежняя судимость есть характеристика, так сказать, *досье* подсудимого?» Можно ли говорить: «абзац речи», — «письменное заявление *адекватно* явке», — «приговор аннулирован» и т.п.? Существуют два глагола, которые ежедневно повторяются в судебных залах: это *мотивировать* и *фигурировать*. Нам заявляют с трибуны, что в письмах фигурировал яд, или что мещанка Авдотья Далашкина мотивировала ревностью пощечину, данную ею Дарье Захрапкиной. Я слышал, как блестящий обвинитель, говоря о нравственных последствиях растления девушки, сказал: «в ее жизни *встал* известный *ингредиент*».

В современном языке, преимущественно газетном, встречаются ходячие иностранные слова, которые действительно трудно заменить русскими, например: абсентеизм, лояльность, скомпрометировать. Но, конечно, в тысячу раз лучше передать мысль в описательных выражениях, чем мириться с этими нетерпимыми для русского уха созвучиями. Зачем говорить: *инсинуация*, когда можно сказать: недостойный, оскорбительный или трусливый намек?

Не только в уездах, но и среди наших городских присяжных большинство незнакомо с иностранными языками. Я хотел бы знать, что отражается у них в мозгу, когда прокурор объясняет им, что подробности события *инсценированы* подсудимым, а защитник, чтобы не остаться в долгу, возражает, что преступление *инсценизировал* прокурор. Кто поверит, что на уездных сессиях, перед мужиками и лавочниками, раздаётся слово алиби?

Иностранные фразы в судебной речи — такой же сор, как иностранные слова. <...> Вы говорите перед русским судом, а не перед римлянами или западными европейцами. Щеголяйте французскими поговорками и латинскими цитатами в ваших книгах, в ученых собраниях, перед светскими женщинами, но в суде — ни единого слова на чужом языке.

Другой обычный недостаток наших судебных речей составляют ненужные вставные слова. Один из наших обвинителей имеет привычку к паузам; в этом еще нет недостатка; но в каждую остановку он встав-

ляет слово: «хорошо». Это очень плохо. Молодой шорник обвинялся по 1 ч. 1455 ст. Уложения; в короткой и деловой речи товарищ прокурора отказался от обвинения в умышленном убийстве и поддерживал обвинение по 2 ч. 1455 ст., указав присяжным на возможность признать убийство в драке. Но в речи были три паузы, — и присяжные три раза слышали: «хорошо!» Невольно думалось: человека убили, что тут хорошего? Другой обвинитель ежеминутно повторяет: «так сказать». Отличительная черта этого оратора — ясность мышления и смелая точность, иной раз грубость языка; а он кается в неумении определенно выражаться.

Если оратор знает, что выражаемая им мысль должна показаться справедливой, он может с некоторым лицемерием начать словами: я не уверен, не кажется ли вам и т. п. Это хороший риторический прием. Нельзя возражать и против таких оборотов, как: нет сомнения, нам всем ясно и проч., если только не злоупотреблять ими; в них есть доля невинного внушения. Но если говорящий сам считает свой вывод не совсем твердым, вступительные слова вроде: мне кажется, мне думается, — могут только повредить ему. Когда обвинитель или защитник заявляет присяжным: «Я не знаю, какое впечатление произвело на вас заключение эксперта, но вы, вероятно, признаете, и т. д.», хочется сказать: не знаешь, так и не говори.

Многие наши ораторы, закончив определенный период, не могут перейти к следующему иначе, как томительными, невыносимыми словами: *и вот*. Прислушайтесь к созвучию гласных в этом выражении, читатель. И это глупое выражение повторяется почти в каждом процессе с обеих сторон: «И вот поддельный документ пускается в обращение...»; «И вот у следственной власти возникает подозрение...» и т. д.

Неправильное ударение так же оскорбительно для слуха, как неупотребительное или искаженное слово. У нас говорят: возбудил, перевёден, а́лкоголь, астрóном, злоба́, де́ньгами, уме́ньшить, ходата́йствовать, при́говор вместо приговóр. <...>

О точности слога

Странно, казалось бы, упоминать о значении точности в юридическом споре. Но заботятся ли о ней у нас на суде? Нет. Неряшливость речи доходит до того, что образованные люди, ни мало не стесняясь и не замечая того, употребляют рядом слова, не соответствующие одно другому и даже прямо исключающие друг друга. Эксперт-врач, ученый человек, говорит: «подсудимый был *довольно порядочно* выпивши, и смерть раненого *несомненно вероятно* последовала от удара ножом»;

прокурор полагает, что «факт можно считать *более или менее* установленным»; защитник заявляет присяжным, что они имеют право отвергать всякое усиливающее вину обстоятельство, если оно является *недоказанным* или по крайней мере *сомнительным*. Говорят: «защитить концы в воду»; «прежняя судимость обвиняемого уже служит для него большим *отрицательным минусом*». Председательствующий в своем напутствии упорно называет подсудимого Матвеева Максимовым, а умершего от раны Максимова Матвеевым, и в заключение предлагает им такой вывод: «Факты не оставляют сомнения в том, что подсудимый является тем преступником, которым он действительно является». Такие речи хоть кого сбьют с толку.

Точность обязательна при передаче чужих слов; нельзя изменять данных предварительного и судебного следствия. Всякий понимает это. Однако каждый раз, когда свидетель дает двоякую меру чего-либо, в словах сторон сказывается недостаток логической дисциплины. Свидетель показал, что подсудимый растратил от восьми до десяти тысяч; обвинитель всегда повторит: было растрчено десять тысяч, защитник всегда скажет: восемь. Следует отучиться от этого наивного приема; ибо нет сомнения, что судья и присяжные всякий раз мысленно поправляют оратора не к его выгоде. Надо поступать как раз наоборот во имя рыцарской предупредительности к противнику или повторить показание полностью; в этом скажется уважение оратора к своим словам.

Неловко говорить, но приходится напомнить, что оратор должен затвердить имена лиц, названия местностей, время отдельных происшествий. У нас то и дело слышится такое обращение к присяжным: один из свидетелей — я сейчас не могу вспомнить его имени, но вы без сомнения хорошо помните его слова, — удостоверил... Так нельзя говорить, это — *testimonium pauper-tatis*. Присяжным действительно приходится запоминать, но обвинитель и защитник должны *знать*.

Остановимся теперь на точности слога в другом отношении. Когда мы смешиваем несколько родовых или несколько видовых названий, наши слова выражают не ту мысль, которую надо сказать, а другую; мы говорим больше или меньше, чем хотели сказать, и этим даем противнику лишний козырь в руки. В виде общего правила можно сказать, что видовой термин лучше родового. Д. Кемпбелл в своей книге «*Philosophy of Rhetoric*» приводит следующий пример из третьей книги Моисея: «Они (египтяне), как свинец, погрузились в великие воды» (Исход, XV, 10); скажите: «они, как металл, опустились в великие воды» — и вы удивитесь разнице в выразительности этих слов. Прислушиваясь к нашим судебным речам, можно прийти к заключе-

нию, что ораторы хорошо знакомы с этим элементарным правилом, но пользуются им как раз в обратном смысле. Они всегда предпочитают сказать: «душевное волнение»... вместо: «радость», «злоба», «гнев», «нарушение телесной неприкосновенности» — вместо «рана»; там, где всякий другой сказал бы «громилы», оратор говорит: «лица, нарушающие преграды и запоры, коими граждане стремятся охранить свое имущество», и т. п. Судится женщина; вместо того, чтобы назвать ее по имени или сказать: крестьянка, баба, старуха, девушка, защитник называет ее человеком и сообразно с этим произносит всю речь не о женщине, а о мужчине; все местоимения, прилагательные, глагольные формы употребляются в мужском роде. Не трудно представить себе, какую путаницу это вносит в представление слушателей.

Обратная ошибка, то есть употребление названия вида вместо названия рода или собственного имени вместо видового, может иметь двойное последствие: она привлекает внимание слушателей к признаку, который невыгоден для оратора, или, напротив, оставляет незамеченным то, что ему нужно подчеркнуть. Защитнику всегда выгоднее сказать: подсудимый, Иванов, пострадавшая, чем: грабитель, поджигатель, убитая; обвинитель уменьшает выразительность своей речи, когда, говоря о разоренном человеке, называет его Петровым или потерпевшим. В обвинительной речи о враче, совершившем преступную операцию, товарищ прокурора называл умершую девушку и ее отца, возбужденного дело, по фамилии. Это была излишняя нерасчетливая точность; если бы он говорил: девушка, отец, эти слова каждый раз напоминали бы присяжным о погибшей молодой жизни и о горе старика, похоронившего любимую дочь.

Нередки и случаи смешения родового понятия с видовым. Обвинители негодуют на *возмутительное* и *нехорошее* поведение подсудимых. Не всякий дурной поступок бывает возмутительным, но возмутительное поведение хорошим быть не может. «Если вы пожелаете сойти со своего пьедестала судей и быть людьми, — говорил товарищ прокурора в недавнем громком процессе, — вам придется оправдать Кириллову по соображениям другого порядка». Разве судья не человек?

Ошибка, аналогичная указанным выше, встречается часто в заключительных словах наших прокуроров. Они говорят присяжным: я ходатайствую о признании подсудимого виновным; я прошу у вас обвинительного приговора. Нищий может просить имущего о подаении; влюбленный пусть униженно ищет благосклонности хорошенькой женщины; но разве присяжные заседатели по своей прихоти дарят обвинение или отказывают в нем? Не может государственный обвинитель *просить* о правосудии; он требует его.

Шопенгауэр писал Фрауенштедту: урезывайте дукаты и луидоры, но не урезывайте моих слов; я пишу, как пишу я и никто иной; каждое слово имеет свое значение и каждое необходимо, хотя бы вы и не чувствовали и не замечали этого. Он не допускал малейшего изменения своего предложения или хотя бы слова, слога, буквы, знака препинания. В живой речи такая тщательность совсем не нужна, ибо тонкости и оттенки передаются не столько словами, сколько голосом. Но я советовал бы всякому оратору запомнить эти слова: одно неудачное выражение может извратить мысль, сделать трогательное смешным, значительное лишить содержания.

Богатство слов

Чтобы хорошо говорить, надо хорошо знать свой язык; богатство слов есть необходимое условие хорошего слога. Строго говоря, образованный человек должен свободно пользоваться всеми современными словами своего языка, за исключением специальных научных или технических терминов. Можно быть образованным человеком, не зная кристаллографии или высшей математики; нельзя, — не зная психологии, истории, анатомии и родной литературы.

Проверьте себя: отделите *известные* вам слова от *привычных*, то есть таких, которые вы не только знаете, но и употребляете в письмах или в разговоре; вы поразитесь своей бедности. Мы большей частью слишком небрежны к словам в разговоре и слишком заботимся о них на кафедре. Это коренная ошибка. Старательный подбор слов на трибуне выдает искусственность речи, когда нужна ее непосредственность. Напротив, в обыкновенном разговоре изысканный слог выражает уважение к самому себе и внимание к собеседнику. В своей тонко написанной небольшой книжке «L'Art de Plaider» бельгийский адвокат De Vaets говорит: «Когда вы приучите себя обозначать каждую вещь тем самым словом, которое на вашем языке в точности передает ее сущность, вы увидите, с какою легкостью тысячи слов будут являться в ваше распоряжение, коль скоро в уме вашем возникло соответствующее представление. Тогда в ваших словах не будет тех несообразностей, которые в ежедневных речах наших ораторов так раздражают чуткого слушателя». У великих писателей каждое отдельное слово бывает выбрано сознательно, с определенной целью; каждый отдельный оборот нарочито создан для данной мысли; это подтверждается их черновыми рукописями. Если бы в первоначальном наброске о смерти Ленского Пушкин написал: «Угас огонь на алтаре», я думаю, что, перечитав рукопись, он заменил бы слово *угас*

словом *потух*; а если бы в стихотворении: «Я вас любил...» было первоначально сказано:

...Любовь еще, быть может,
В душе моей *потухла* не совсем,

Пушкин, несомненно, вычеркнул бы это слово и написал бы: *угасла* не совсем.

У нас многие не прочь похвалиться тем, что не любят стихов. Если бы спросить, много ли стихов они читали, то окажется, что они не равнодушны к поэзии, а просто незнакомы с нею. Спросите собеседника, кто убил Ромео, или от чего закололся Гамлет. Если он давно не был в опере, он простодушно ответит: не помню. Откройте наудачу Пушкина и прочтите вслух первый попавшийся стих в кружке знакомых: немногие узнают и скажут все стихотворение. Мы, однако, обязаны знать Пушкина наизусть; любим мы поэзию или нет, это все равно; обязаны для того, чтобы знать родной язык во всем его изобилии.

Если писатель или оратор подбирает несколько прилагательных к одному существительному, если он часто поясняет отдельные слова дополнительными предложениями или ставит рядом несколько синонимов без постепенного усилия мысли, — это плохие признаки. А если он «скажет слово — рублем подарит», ему можно позавидовать. В речи по делу Плотицыных Спасович сказал: «Не нам, людям XIX века, *пятитесь* в средние века». Червонец отдать не жаль за такое слово, как за пушкинский стих.

Старайтесь богатеть ежедневно. Услыдав в разговоре или прочтя непривычное вам русское слово, запишите его себе в память и торопитесь освоиться с ним. Ищите в простонародной речи. Живя в городе, мы не знаем ее; живя в деревне, не прислушиваемся к ней; но мы не можем не чувствовать ее выразительности и красоты. Пьяница и вор нанялся к молодому крестьянину в работники, прослужил месяц и скрылся, украв 140 рублей. Обокраденный хозяин показывает: «Такой был задушевный старичок, такой *трудник*; мы думали, этот старичок умрет, от нас не уйдет». Председатель спрашивает свидетеля-крестьянина: «Светло было?» Тот отвечает: «Не шибко светло, *затучивало*». Вот как можно говорить. Здесь и неверное слово не засоряет, а украшает речь.

Сколько любви к природе в народных названиях месяца: новичок и ветошок! Сколько свежего юмора в слове: заваялся! Такие выражения оживляют речь и вместе с тем придают ей непринужденный и добродушный оттенок. Вообще говоря, народный язык превосходит наш и простотой, и частыми образами; но, черпая в нем, мы, конечно, обязаны руководствоваться чувством изящного. Если вам не приходится говорить с крестьянами, читайте басни Крылова.

Одним из признаков хорошего слога бывает правильное употребление синонимов. Не все равно сказать: *жалость, сострадание* или *милосердие*, — *обмануть, обольстить* или *провести*, — *удивиться, изумиться* или *поразиться*. Кто владеет своим языком, тот бессознательно выбирает в каждом случае наиболее подходящее из слов однородного значения. Девочка 13 лет показала мне свое классное сочинение; она описывала свое первое свидание с незнакомой родственницей; в тексте встречались слова: старуха, старушка, старушонка, — тетка, тетушка, тетя. Я похвалил девочку за то, что в каждом отдельном случае она поместила именно то из каждых трех слов, которое соответствовало смыслу фразы. А я этого и не замечала, сказала она. Существуют слова: змей, змея, — выразительные, звучные слова; казалось бы, их нечего заменять. Однако Андреевский говорит: «Вот когда этот нож, как змий, проскользнул в его руку». Необычная форма слова придает ему тройную силу. В устах неразвитого или небрежного человека синонимы, напротив того, служат к затемнению его мыслей. Этот недостаток часто встречается у нас наряду с пристрастием к галлицизмам; русское слово употребляется рядом с иностранным синонимом, причем чужестранец получает первое место. Вот два отрывка из речи ученого юриста в Государственной думе: «Наказание, которое *фиксируется, намечается* судом...», — «общество, в отличие от отдельного человека, обладает гораздо большим материальным достатком, а потому и может себе позволить роскошь *гуманности и человечности*». В законе разумно сказано: «в запальчивости *или* раздражении»; мы, законники, все без исключения, далеко не разумно говорим: в запальчивости *и* раздражении.

Каждого из нас в школе предостерегали от тавтологии и плеоназмов. Однако судебный оратор говорит: «Бухаленкова по своей натуре несомненно природа честная»; я недавно выслушал соображение: «Подсудимый *субъективно* думал, что совершает не грабеж, а *тайную кражу*».

В одной не слишком длинной обвинительной речи о крайне сомнительном истязании приемыша-девочки женщиной, взявшей ее на воспитание, судьи и присяжные слышали такие отрывки: «Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном совпадают; — развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; — то, что вы слышали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом».

Знание предмета

Человеческая речь была бы совершенной, если бы могла передавать мысль с такой же точностью, как зеркало отражает световые лучи. Но это идеальное совершенство, недостижимое и ненужное. Предмет, слабо освещенный, представляется на зеркальной поверхности в таком же неясном виде; вещь, освещенная ярко, и в зеркале отразится в четких очертаниях. То же можно сказать о человеческом языке: мысль, вполне сложившаяся в мозгу, легко находит себе точное выражение в словах; неопределенность выражений обыкновенно бывает признаком неясного мышления.

Мне попался где-то один из афоризмов Гладстона: старайтесь вполне переварить предмет и освоиться с ним; это подскажет вам нужные выражения во время произнесения речи. Другими словами:

Selon que notre idee est plus ou moins obscure,
L'expression la suit, ou moins nette ou plus pure. Ce que
Ton concoit bien s'enonce clairement, Et les mots pour
le dire arrivent aisement¹.

Только точное знание дает точность выражения. Послушайте, как говорит крестьянин о сельских работах, рыбак о море, ваятель о мраморе; пусть будут это невежды во всякой другой области, но о своей работе каждый будет говорить определенно и понятно. Наши ораторы постоянно смешивают страховую премию со страховым вознаграждением, кровотечение с кровоизлиянием, и не всегда различают зачинщика от подстрекателя или крайнюю необходимость от необходимой обороны. При такой путанице в их словах может ли быть ясно в голове присяжных?

Старым судьям хорошо знакомо мучительное недоумение, появляющееся на лицах присяжных, когда им разъясняются какие-нибудь процессуальные правила, например невозможность оглашать свидетельские показания, изложенные в неформальных актах, значение кассации предыдущего приговора по тому же делу и т. п.; то же бывает и при разъяснениях, касающихся общей части Уложения о наказаниях. Это недоумение указывает, что мы не обладаем способ-

---

¹ В современном переводе этот отрывок звучит так:
Обдумать надо мысль, а лишь потом писать!
Пока неясно вам, что вы сказать хотите,
Простых и точных слов напрасно не ищите;
Но если замысел в уме готов,
Вам нужные слова идут на первый зов.

(Буало. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 62).

ностью говорить понятно даже о таких вещах, которые должны бы знать очень хорошо и которые вполне доступны пониманию обыкновенного здравомыслящего человека. Происходит это отчасти оттого, что оратор сам не слишком ясно понимает то, что хочет разъяснить, отчасти от полного неумения стать в положение слушателей. Этим объясняется, между прочим, необыкновенное пристрастие к техническим терминам. В акте вскрытия сказано: ряд кровоподтеков у наружного угла правой глазной впадины, спускающихся по направлению к правой ушной мочке. Присяжные слышали протокол, но, конечно, ни один из них не представляет себе эти следы насилия. Оратор непременно скажет про мочку и кровоподтек; а этого нельзя говорить; надо сказать так, чтобы они *видели* несколько синяков на правой щеке. Если в акте упомянуто о нарушении целостности правой теменной и левой височной кости, скажите, как говорили пять минут тому назад в совещательной комнате: череп пробит в нескольких местах. Если же вам приходится говорить о сложных физиологических процессах, — поройтесь в книгах и проверьте себя беседой со сведущим врачом.

Сорные мысли

Сорные мысли несравненно хуже сорных слов. Расплывчатые выражения, вставные предложения, ненужные синонимы составляют большой недостаток, но с этим легче примириться, чем с нагромождением ненужных мыслей, с рассуждениями о пустяках или о вещах, для каждого понятных. Подсудимый обвиняется по ст. 9 и 2 ч. 1455 ст. Уложения о наказаниях и признает себя виновным именно в покушении на убийство в состоянии раздражения. Оратор спрашивает: что такое убийство, что такое покушение на убийство, и объясняет это самым подробным образом, перечисляя признаки соответствующих статей закона. Он говорит безупречно, но разве это не пустословие? Ведь при самом блестящем таланте он не в состоянии сказать присяжным ничего нового. Вы помните монолог Меркуцио во втором акте «Ромео и Джульетты»? По случайному замечанию товарища он раздражается очаровательной импровизацией о маленькой королеве Меб. Это целый поток цветов и кружев, это чудный поэтический отрывок, но вместе с тем это чистая болтовня; Грациано недаром говорит о его несносных словоизвержениях: *he speaks an infinite deal of nothing*. Примером неопозволительного пустословия может служить обычное начало прокурорских речей по мелким делам: «Господа присяжные заседатели! Подсудимый сознался в приписываемой ему кра-

же; сознание подсудимого всегда считалось, как прежде выражались (говорится даже, по выражению императрицы Екатерины Второй), лучшим доказательством всего света...» Адвокат отвечает на это столь же избитым афоризмом: «Одно из двух: или верить подсудимому, или не верить; прокурор верит ему, я также; но если мы приняли его признание, то должны принять его целиком и, следовательно...». Разве это что-нибудь значит? Разве говорящий не знает, что можно верить вероятному или правдоподобному и не следует верить несообразному и нелепому?

Так называемое *remplissage*, то есть заполнение пустых мест ненужными словами, составляет извинительный и иногда неизбежный недостаток в стихотворении; но оно недопустимо в деловой судебной речи. Можно возразить, что слишком сжатое изложение затруднительно для непривычных слушателей и мысли лишние сами по себе, бывают полезны для того, чтобы дать отдых их вниманию. Но это неверное соображение: во-первых, сознание, что оратор способен говорить ненужные вещи, уменьшает внимание слушателей, и, во-вторых, отдых вниманию присяжных следует давать не бесцельными рассуждениями, а повторением существенных доводов в новых риторических оборотах.

Речь должна быть коротка и содержательна. У нас молодые защитники произносят по самым простым делам очень длинные речи; говорят обо всем, что только есть в деле, и о том, чего в нем нет. Но среди их соображений нет ни одного неожиданного для присяжных. Шопенгауэр советует: *Nichts, was der Leser auch selbst denken kann*. Они поступают как раз наоборот: говорят только такие вещи, которые уже с самого начала судебного следствия были очевидны для всех. И обвинители наши не свободны от этого упрека.

Нужно ли напоминать, что словами оратора должен руководить здравый смысл, что небылиц и бессмыслицы говорить нельзя? Судите сами, читатель.

Казалось бы, ни один обвинитель не станет намеренно ослаблять поддерживаемого им обвинения. Однако товарищ прокурора обращается к присяжным с таким заявлением: «Настоящее дело темное; с одной стороны, подсудимый утверждает, что совершенно непричастен к краже; с другой — трое свидетелей удостоверяют, что он был задержан на месте преступления с поличным». Если при таких уликах дело называется темным, то что же можно назвать ясным?

Подсудимый обвинялся по 9 и 1647 ст. Уложения; при заключении следствия председатель, оглашая его прежнюю судимость, прочел вопрос суда и ответ присяжных по другому делу, по которому он судил-

ся за вооруженный грабёж с насилием; в ответе было сказано: да, виновен, но *без насилия и вооружен не был*. Товарищ прокурора сказал присяжным, что подсудимый был уже осужден за столь тяжкое преступление, как грабёж с насилием, причем даже был вооружен. Это слова государственного обвинителя на суде! Присяжный поверенный зрелых лет рассуждает о законных признаках 2 ч. 1681 ст. Уложения о наказаниях, и присяжные услыхали следующее: «Что такое легкомыслие, это сказать невозможно; это понятие, которое не укладывается в определенные рамки; нельзя сказать, что легкомысленно и что легкомысленно».

Ученые цитаты, как и литературные отрывки или ссылки на героев известных романов, — все это не к месту в серьезной судебной речи. Кто говорит: «всеу законы писать, ежели их не исполнять» или «промедление времени смерти безвозвратной подобно», тот выдает себе свидетельство о бедности: он знает в истории только то, что слышал от других, а хочет показаться ученым.

В одном громком процессе оратор, защищавший отца, укрывателя убийцы-дочери, вспомнил балладу Пушкина «Утопленник», стихотворение в прозе Тургенева «Воробей» и элегию Никитина «Вырыта заступом яма глубокая». Хозяйка грязного притона судилась за поджог по 1612 ст. Уложения. Один из ораторов высказал, между прочим, в своей речи, что и среди рабынь веселья, «начиная от евангельской Марии Магдалины до Сони Мармеладовой у Достоевского, до Надежды Николаевны у Гаршина и Катюши Масловой у Толстого встречаются нежные, возвышенные натуры...» Если и была нужна эта общая мысль, то она потеряла силу в этих именных справках.

Берите примеры из литературы, берите их сколько угодно, если они нужны; но никогда не говорите, что взяли их из книги. Не называйте ни Толстого, ни Достоевского: говорите от себя.

Лучший пушкинский стих есть неуместная роскошь в суровых словах прокурора, как и в полной надежд и сомнений страстной речи защитника: нельзя мешать жемчуг с желчью и кровью. Когда Ше д'Эст Анж молил ослепленных присяжных открыть глаза и понять ошибку, тянувшую их к жестокому осуждению несчастного ла Ронсьера, до того ли ему было, чтобы вспомнить Горация или Расина?

Но ведь у Кони, у Андреевского, кажется, нет ни одной речи без стихов или, по крайней мере, без выражений, взятых в стихотворениях. Да; но, во-первых, им это можно, а нам с вами нельзя; а во-вторых, возьмите заключение Андреевского по делу Афанасьевой: там упоминается старинное стихотворение о страданиях любви; это безупречно в своем роде, но это изящная словесность, а не судебная защита.

О пристойности

По свойственному каждому из нас чувству изящного мы бываем очень впечатлительны к различию приличного и неуместного в чужих словах; было бы хорошо, если бы мы развивали эту восприимчивость и по отношению к самим себе.

Не касайтесь религии, не ссылайтесь на божественный промысел.

Когда свидетель говорит: как перед иконой, как на духу и т. п., это отенок его показания и только. Но когда прокурор заявляет присяжным: «Здесь пытались уничтожить улики; попытка эта, слава богу, не удалась», или защитник восклицает: «Ей богу! здесь нет доказательств», это нельзя не назвать непристойностью.

В английском суде и стороны, и судьи постоянно упоминают о боге God forbid! I pray to God! May God have mercy on your soul! и т. п. Человек, называющий себя христианином, обращается к другому человеку и говорит ему: мы вас повесим и подержим в петле на полчаса, дондеже последует смерть; да примет вашу душу милосердый господь!

Я не могу понять этого. Суд не божеское дело, а человеческое; мы творим его от имени земной власти, а не по евангельскому учению. Насилие суда необходимо для существования современного общественного строя, но оно остается насилием и нарушением христианской заповеди.

Соблюдайте уважение к достоинству лиц, выступающих в процессе.

Современные молодые ораторы без стеснения говорят о свидетельницах: содержанка, любовница, проститутка, забывая, что произнесение этих слов составляет уголовный проступок и что свобода судебной речи не есть право безнаказанного оскорбления женщины. В прежнее время этого не было. «Вы знаете, — говорил обвинитель, — что между Янсенем и Акар существовала большая дружба, старинная приязнь, переходящая в родственные отношения, которая допускает постоянное пребывание Янсена у Акар, допускает возможность обедать и завтракать у нее, заведовать ее кассой, вести расчеты, почти жить у нее». Мысль понятна без оскорбительных грубых слов.

Неразборчивые защитники при первой возможности спешат назвать неприятного свидетеля «добровольным сыщиком». Если свидетель действительно соглядатайствовал, не имея в этом надобности, и притом прибегал к обманам и лжи, это может быть справедливым; но в большинстве случаев это делается безо всякого разумного основания, и человек, честно исполнивший свою обязанность перед судом, подвергается незаслуженному поруганию на глазах присяжных, нередко к явному вреду для подсудимого.

Избегайте предположений о самом себе и о присяжных. У нас часто говорят: если у меня разгромили квартиру... если я знаю, что от моего показания зависит участь человека..., и т. п. Такие выражения просятся на язык, потому что придают речи оттенок непринужденности; но они переходят в привычку, которой надо остерегаться. Не замечая этого, наши защитники и обвинители высказывают иногда о себе самые неожиданные догадки, вроде следующих: «Если я иду на кражу со взломом, я, конечно, запасаясь нужными орудиями...» «Если я решился на ложное показание перед судом, я, несомненно, постараюсь сделать это так, чтобы ложь не была заметна для судей». Эти предположения иногда выражаются во втором лице: вы давно знаете человека, доверяете ему, считаете его надежным другом, а он пользуется вашим доверием, чтобы обкрадывать вас, чтобы обольстить вашу дочь и т. д. Нельзя думать, чтобы судьям было особенно приятно выслушивать подобные речи; но бывает еще хуже. Я слышал оратора, говорившего: «Если бы была объявлена безнаказанность преступлений, то верьте мне, господа присяжные заседатели, многим из ваших знакомых вы не решились бы подать руки». Другой оратор высказался еще смелее: «Иное дело, когда вы являетесь по вечерам в контору под предлогом работы на пишущей машине, а занимаетесь фабрикацией подложных векселей». Третий рассуждает: «Когда вы запускаете руку в карман своего соседа, чтобы вытащить кошелек...» Бедные присяжные! Кажется, что они беспокойно оглядываются направо и налево.

Слог речи должен быть строго приличным как ради изящества ее, так и из уважения к слушателям. Резкое выражение никогда не будет поставлено в вину искреннему оратору, но резкость не должна переходить в грубость. В конце одной защитительной речи мне пришлось слышать слова: «собака собачья и смерть». Так нельзя говорить, хотя бы это и казалось справедливым. С другой стороны, ненужная вежливость также может резать ухо и, хуже того, может быть смешна. Нигде не принято говорить: господин насильник, господин поджигатель. Зачем же государственному обвинителю твердить на каждом шагу: «господин Золотое» о подсудимом, которого он обвиняет в подкупе к убийству? А вслед за обвинителем защитники повторяют: «господин Лучин», — «господин Рапацкий», — «господин Киреев»; Рапацкий — это слесарь, Киреев — булочник, напавшие на Федорова; Лучин — приказчик Золотова, нанявший их для расправы с убитым; «господин Рябинин» — это швейцар, указавший им на Федорова; «господин Чирков» — извозчик, умчавший их после рокового удара. В уголовном споре, когда поставлен вопрос — преступник или честный человек, нет места житейским условностям, и несвоевременная вежливость переходит в насмешку.

Но для одного из защитников и вежливости оказалось мало. Надо заметить, что, за исключением Рябинина, все подсудимые на судебном следствии признали, что Киреев и Рапацкий были подкуплены Болотовым и Лучиным, чтобы отколотить Федорова, а Чирков — чтобы увести их после расправы с ним. На предварительном следствии Золотое, Рапацкий и Чирков признали, что было предумышленное убийство. Киреев ударом палки оглушил Федорова, его товарищ Рапацкий всадил ему в грудь финский нож по самую рукоятку. В порыве вдохновения один из защитников восклицал: «Чирков — этот славный, симпатичный юноша! Киреев — этот добрый, честный труженик! Лучин — этот милый, хороший мальчик»; а старший товарищ оратора кончил свою речь таким обращением к присяжным: «Небесное правосудие совершилось», то есть среди бела дня за несколько рублей зарезали человека; «совершите земное!», скажите: виновных нет...

Простота и сила

Высшее изящество слога заключается в простоте, говорит архиепископ Уэтли, но совершенство простоты дается нелегко. О вещах обыкновенных мы, естественно, говорим обыкновенными словами; но под художественной простотой слога следует разуметь умение говорить легко и просто о вещах возвышенных и сложных. «Man brauche gewöhnliche Worte und sage ungewöhnliche Dinge», — говорит Шопенгауэр. Можно играть, по его выражению, золотыми шахматами или простыми деревяшками: сила и блеск игры ничего не потеряют от этого.

Послушаем, как говорят у нас.

Талантливый обвинитель негодует против распущенности нравов, когда «кулаку предоставлена свобода разбития физиономий»; его товарищ хочет сказать: покойная пила — и говорит: «Она проводила время за тем ужасным напитком, который составляет бич человечества». Защитник хочет объяснить, что подсудимый не успел вывезти тележку со двора, а потому нельзя судить о том, хотел ли он украсть ее или имел другие намерения; казалось бы, так и надо сказать; но он говорит: «тележка, не вывезенная еще со двора, находилась в такой стадии, что мы не можем составить определенного суждения о характере умысла подсудимого».

Надо говорить просто. Можно сказать: Каин с обдуманном заранее намерением лишил жизни своего родного брата Авеля — так пишется в наших обвинительных актах; или: Каин обогрил руки неповинною кровью своего брата Авеля — так говорят у нас многие на трибуне; или: Каин убил Авеля — это лучше всего — но так у нас на суде почти не го-

ворят. Слушая наших ораторов, можно подумать, что они сознательно изощряются говорить не просто и кратко, а длинно и непонятно. Простое сильное слово «убил» смущает их. «Он убил из мести», — говорит оратор и тут же, точно встревоженный ясностью выраженной им мысли, спешит прибавить: «Он присвоил себе функции (это было сказано, читатель!), которых не имел». И это не случайность. На следующий день новый оратор с той же кафедры говорил то же самое «Сказано: *не убий!* Сказано: нельзя такими *произвольными действиями нарушать порядок* организованного общества».

Полицейский пристав давал суду показание о первоначальных розысках по убийству инженера Федорова; в дознании были некоторые намеки на то, что он был убит за неплатеж денег рабочим. Свидетель не умел выразить этого просто и сказал: «Предполагалось, что убийство произошло на политико-экономической почве». Первый из говоривших ораторов обязан был заменить это нелепое выражение простыми и определенными словами. Но никто об этом не подумал. Прокурор и шестеро защитников один за другим повторяли: «Убийство произошло на политико-экономической почве». Хотелось крикнуть: «На мостовой!»

Но что может быть изящного и выразительного в простых словах? — Судите.

В стихотворении, посвященном 19 октября 1836 г., Пушкин говорил:

Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим.

Что может быть проще этих слов и прекраснее мысли? Или устами Дон Жуана:

Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже *на жизнь*
Я осужден.

Попробуйте сказать проще; не пытайтесь сказать сильнее.

Оратору надо изобразить в высшей степени бесстрастного человека; Спасович говорит: «Он — как дерево, как лед». Слова бесцветные, а выражение выходит удивительно яркое. Крестьянин Царицын обвинялся в убийстве с целью ограбления; другие подсудимые утверждали, что он был только укрывателем преступления. Его защитник, молодой человек, сказал: «Обвинитель предполагает, что они делают это по взаимному уговору; я вполне согласен с ним: у них *сговорилась совесть*». Слова обыкновенные, — выражение своеобразное и убедительное.

Слово — великая сила, но надо заметить, что это союзник, всегда готовый стать предателем. Недавно в заседании Государственной

думы представитель одной политической партии торжественно заявил: «Фракция нашего союза будет *настойчиво ждать* снятия исключительных положений». Не многого дождется страна от такой настойчивости.

Но как научиться этой изящной простоте?

Я заметил у некоторых судебных ораторов один очень выгодный прием: они вставляют отдельные отрывки из будущей речи в свои случайные разговоры. Это дает тройной результат: а) логическую проверку мыслей оратора, в) приспособление их к нравственному сознанию обывателя, следовательно, и присяжных, и с) естественную передачу их тоном и словами на трибуне. Последнее объясняется тем, что в обыденной беседе мы без труда и незаметно для себя достигаем того, что так трудно для многих на суде, то есть говорим искренне и просто. Высказав несколько раз одну и ту же мысль перед собеседником, оратор привыкает к ясному ее выражению простыми словами и усваивает подходящий естественный тон. Нетрудно убедиться, что этот прием полезен не только для слога, но и для содержания будущей речи: оратор может обогатиться замечаниями своего собеседника <...>.

Квинтилиан говорит: «Всякая мысль сама дает те слова, в которых она лучше всего выражается; эти слова имеют свою естественную красоту; а мы ищем их, как будто они скрываются от нас, убегают; мы все не верим, что они уже перед нами, ищем их направо и налево, а найдя, извращаем их смысл. Красноречие требует большей смелости; сильная речь не нуждается в белилах и румянах. Слишком старательные поиски слов часто портят всю речь. Лучшие слова — это те, которые являются сами собою; они кажутся подсказанными самой правдой; слова, выдающие старание оратора, представляются неестественными, искусственно подобранными; они не нравятся слушателям и внушают им недоверие: сорная трава, заглушающая добрые семена».

«В своем пристрастии к словам мы всячески обходим то, что можно сказать прямо; повторяем то, что достаточно высказать один раз; то, что ясно выражается одним словом, загромождаем множеством, и часто предпочитаем неопределенные намеки открытой речи... Короче сказать, чем труднее слушателям понимать нас, тем более мы восхищаемся своим умом» (De Inst. Or., VIII). Он кончает прекрасным восклицанием: «Miser et, ut sic dicam, pauper orator est, qui nullum verbum aequo animo perdere potest»¹.

---

¹ Достойным сожаления, нищим кажется мне тот, кто не может спокойно потеть ни единого слова.

Монтень писал: «Le parler que j'aime est un parler simple et naif, court et serre, non tant delicat et peigne comme vehement et brusque»¹.

Бездарные люди не пишут, а списывают; Шопенгауэр сравнивает их слог с оттиском стертого шрифта. То же можно сказать и о большинстве наших обвинителей и защитников; какой-то бледной немочью страдают их речи. Они говорят готовыми чужими словами, они всегда рады воспользоваться ходячим оборотом. В разговорной речи встречается множество выражений, сложившихся из привычного сочетания двух или нескольких слов: «проницательный взгляд», «неразрешимая загадка», «внутреннее убеждение» (как будто может быть убеждение внешнее!), «грозный признак войны» и т. п. Такие ходячие выражения не годятся для сильной речи. Разбиралось дело о каком-то жестоком убийстве; обвинитель несколько раз говорил о кровавом тумане; воображение дремало; защитник сказал: «кровавый *угар*», и необычное слово задело за живое. Еще хуже, конечно, затверженные присловья и общие места, вроде: «все люди вообще и русский человек в частности», — «плоть от плоти и кровь от крови», — «вы, господа, присяжные заседатели, как представители общественной совести, как люди жизни» и т. д. Мы каждый день слушаем эти вещания, а их следовало бы воспретить под страхом отлучения от трибуны.

Надо знать цену словам. Одно простое слово может иногда выражать все существо дела с точки зрения обвинения или защиты; один удачный эпитет иной раз стоит целой характеристики. Такие слова надо подметить и с расчетливой небрежностью уронить их несколько раз перед присяжными; они сделают свое дело. Защитник Золотова говорил, между прочим, о том, что дуэль, как средство восстановить супружескую честь, не входит в нравы среды подсудимого; чтобы подчеркнуть это присяжным, он несколько раз называл его *лавочником*, хотя Золотов был купец 1-й гильдии и почти миллионер. Прогнанный со службы чиновник выманивал деньги у легковерных собутыльников, выдавая себя за гвардейского офицера в запасе; А.А. Иогансон называл его в своем заключительном слове не иначе, как *корнет* Загорецкий, *гусар* Загорецкий; он ни разу не сказал: обманщик, мошенник и, несмотря на это, много раз напоминал присяжным основной признак мошенничества. Это можно было бы назвать юридической выразительностью, и это очень выгодное качество для законника. Мне пришлось слышать подобный пример в устах совсем молодого оратора. Подсудимый обвинялся в убийстве; его защитник сказал: «Он не метил в сердце, он не

---

¹ Я люблю язык простой и наивный, краткий и сжатый, не столько нежный и отделанный, как сильный и резкий.

бил и в живот; он *попал* в пах». Одно простое слово ясно указывает на отсутствие определенного умысла у подсудимого. Если вместо «попал» сказать «ударил», вся фраза теряет свое значение.

Чтобы судить о том, в какой мере выразительность речи зависит от более или менее удачного сочетания слов, стоит только сравнить передачу одной и той же мысли на разных языках. Трудно перечесть, как много выражено в словах Мирабо: *le tocsin de la necessite*, но нельзя не чувствовать их необычайной силы; по-русски «набат необходимости» звучит как бессмыслица. Английское слово *dream* имеет два значения: сновидение или мечта; благодаря этой случайности слова Розенкранца в «Гамлете» «*the shadow of a dream*» являются квинтэссенцией элегической поэзии всех времен; по-русски слова «тень сновидения» или «тень мечты» вызывают только недоумение. С другой стороны, попробуйте перевести слова: «печаль моя *светла*».

Посредственные писатели любят жаловаться на невозможность точно передать их тонкие мысли: слова слишком грубы, по их уверению, чтобы передать те оттенки, которые именно и составляют самую суть и главное достоинство того, что им надо сказать.

Мысль изреченная есть ложь, вздыхают они. Но эти жалобы изобличают только их собственное скудоумие или бессилие. Читая истинных мыслителей, мы повторяем: как легко и ясно выражено здесь то, что так смутно сознавалось нами! <...>

О благозвучии

Красота звука отдельных слов и выражений имеет, конечно, второстепенное значение в живой, нервной судебной речи. Но из этого не следует, что ею должно пренебрегать. У привычных людей она является бессознательно; а чтобы судить, как значительны для слуха могут быть даже отдельные слова, вспомним одну строфу из Фета:

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты *сотрешь* меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Нельзя не видеть, как много выигрывает мысль не только от смысла, но и от звучания глагола «сотрешь». Скажите «снесешь», и сила теряется.

Прислушайтесь и оцените чрезвычайную выразительность звука в одном слове стихов:

Gleich einer alten, halb *verkiungnen* Sage
Kommt erste Lieb' und Freundschaft mit herauf.

Можно сказать это слово так, что слушающие не заметят его; можно сосредоточить в нем все настроение поэта.

Прочтите вслух следующей отрывок: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений». После этого только глухой может сомневаться в том, что меланхолическое настроение выражается в плавных и шипящих звуках.

Вспомните некоторые места из прелестного стихотворения А.К. Толстого «Сватовство»:

Кружась, жужжит и пляшет
Ее веретено,
Черемухою пашет
В открытое окно;...

Звукоподражание в первой строке очевидно; его не должно подчеркивать; слово *пашет* напоминает весеннее тепло и пряный запах цветов; его можно и следует произнести так, чтобы передать этот намек.

Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;

Слово *пушистые* включает в себе настроение всего стихотворения; это очень нетрудно выразить интонацией голоса и некоторой расстановкой слогов.

Я слышал, как эти стихи читала восьмилетняя девочка:

Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердец их слышен стук.

В последнем стихе она произнесла слово *сердец* и *стук*, подражая тиканью часов; получилась иллюзия сердцебиения.

Еще большее значение, чем звукоподражание, имеет в прозаической речи *ритм*. Привожу только два примера:

«Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы; возьмите иго мое на себе и научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим; иго бо мое благо и бремя мое легко есть».

В своей речи о Пушкине А.Ф. Кони сказал о его поэзии: «Так, отдаленная звезда, уже утратившая свой блеск, еще посылает на землю свои живые, свои пленительные лучи...».

Какая речь лучше, быстрая или медленная, тихая или громкая? Ни та, ни другая; хороша только естественная, обычная скорость произношения, то есть такая, которая соответствует содержанию речи, и естественное напряжение голоса. У нас на суде почти без исключения преобладают печальные крайности; одни говорят со скоростью тысячи слов в минуту; другие мучительно ищут их или выжимают из себя звуки с таким усилием, как если бы их душили за горло; те бормочут, эти кричат. Оратор, бесспорно занимающий первое место в рядах нынешнего зрелого поколения, говорит, почти не меняя голоса и так быстро, что за ним бывает трудно следить. Между тем Квинтилиан писал про Цицерона: *Cicero noster gradarius est*, то есть, говорит с расстановкой. Если вслушаться в наши речи, нельзя не заметить в них странную особенность. Существенные части фраз по большей части произносятся непонятной скороговоркой или робким бормотанием; а всякие сорные слова, вроде: при всяких условиях вообще, а в данном случае в особенности; жизнь — это драгоценнейшее благо человека; кража, то есть тайное похищение чужого движимого имущества, и т. п. — раздаются громко, отчетливо, «словно падает жемчуг на серебряное блюдо». Обвинительная речь о краже банки с вареньем мчится, громит, сокрушает, а обвинение в посягательстве против женской чести или в преднамеренном убийстве хромает, ищет, заикается.

Когда оратор вычисляет время, размеряет шаги, сажени и версты, он должен говорить отчетливо, отнюдь не торопливо и совершенно бесстрастно, хотя бы вся суть дела и, следовательно, участь подсудимых зависела от его слов. Я помню такой случай. На Васильевском острове, недалеко от Галерной гавани, была задушена и ограблена в своей квартире молодая женщина; убийство обнаружилось около двух часов дня, тело было еще настолько теплое, что прибывший врач не терял надежды спасти несчастную искусственным дыханием; в связи со свидетельскими показаниями это указывало, что убийство было совершено около часа дня. Другие свидетели удостоверяли, что два брата, обвинявшиеся в убийстве, до начала второго часа дня работали на заводе на Железнодорожной улице, за Невской заставой. Защитник предъявил суду план Петербурга и изложил в своей речи подробный расчет расстояния и времени, необходимого, чтобы доехать с Железнодорожной улицы до места преступления. Он сделал это по расчету безукоризненно; но он говорил: от завода до паровика две версты — полчаса, от станции паровика до Николаевского вокзала три перегона — сорок минут, от Николаевского вокзала до Адмиралтейства один перегон — пятнадцать минут, от Адмиралтейства до Николаевского моста один перегон... и т. д.; все это он говорил с крайней торопливостью, в том же возбужденном,

страстным тоне, в каком изобличал небрежность и промахи следователя и предостерегал присяжных от осуждения невинных. При этом он сделал и другую ошибку: он слишком много говорил о важном значении этого расчета. Я проверил свое впечатление, спросив обеих своих товарищей, и должен сказать, что по извращенности, столь свойственной прихотливой и недоверчивой природе человека, мысль пошла не за рассуждением защитника, а совсем в другом направлении: явилось сомнение в том, были ли подсудимые на заводе в день убийства, и это сомнение родилось только вследствие ошибки защитника, от чрезмерного старания говорившего: он слишком трепетал, слишком звенел голосом. Ошибки эти, впрочем, не имели последствий: подсудимые были оправданы.

Остерегайтесь говорить ручейком: вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа. Чтобы избежать утомительного однообразия, надо составить речь в таком порядке, чтобы каждый переход от одного раздела к другому требовал перемены интонации.

В своей превосходной книге «Hints on Advocacy» английский адвокат Р. Гаррис называет модуляцию голоса *the most beautiful of all the graces of eloquence* — самой прекрасной из всех прелестей красноречия. Это музыка речи, говорит он; о ней мало заботятся в суде, да и где бы то ни было, кроме сцены; но это неоценимое преимущество для оратора, и его следовало бы развивать в себе с величайшим прилежанием.

Неверно взятый тон может погубить целую речь или испортить ее отдельные части. Помните вы этот бесподобный отрывок: «Тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается... Вот уже дыму столько, что его тянет наружу; потянулись струйки через оконные щели на воздух, стали бродить над двором фабрики, потянулись за ветром на соседний двор...» Самые слова указывают и силу голоса, и тон, и меру времени. Как вы прочтете это? Так же, как «Осада! приступ! злые волны, как воры, лезут в окна...», как «Полтавский бой» или так, как «Простишь ли мне ревнивые мечты..?» Не думаю, чтобы это удалось вам. А нашим ораторам удастся вполне; сейчас увидите.

Прочтите следующие слова, подумайте минуту и повторите их вслух «Любовь не только верит, любовь верит слепо; любовь будет обманывать себя, когда уже верить нельзя...»

А теперь догадайтесь, как были произнесены эти слова защитником. Угадать нельзя, и я скажу вам: *громовым голосом*.

Обвинитель напомнил присяжным последние слова раненого юноши: «Что я ему сделал? за что он меня убил?» Он сказал это *скороговоркой*. Надо было сказать так, чтобы присяжные слышали *умирающего*.

По замечанию Гарриса, лучшая обстановка для упражнения голоса — пустая комната. Это, действительно, приучает к громкой и уверенной речи. С своей стороны, я напомним то, о чем уже говорил: повторяйте заранее обдуманые отрывки речи в случайных разговорах; это будет незаметно наводить вас на верную интонацию голоса. А затем — учитесь читать вслух. А.Я. Пассовер говорил мне, что Евгений Онегин делается откровением, когда его читает С.А. Андреевский. Подумайте, что это значит, и попытайтесь прочесть несколько строф так, чтобы хоть кому-нибудь они показались откровением¹.

Истинно художественная речь состоит в совершенной гармонии душевного состояния оратора с внешним выражением этого состояния; в уме и в сердце говорящего есть известные мысли, известные чувства; если они передаются точно и притом не только в словах, но во всей внешности говорящего, его голосе и движениях, он говорит как оратор.

Да это невыносимо! — скажете вы; я не Кони и не Андреевский... Читатель! Позвольте напомнить вам то, что я сказал с самого начала: бросьте книгу. Не бросили? Так не забывайте, что искусство начинается там, где слабые теряют уверенность в своих силах и охоту работать.

Глава II

Цветы красноречия

Красноречие есть прикладное искусство; оно преследует практические цели; поэтому украшение речи только для украшения не соответствует ее назначению. Если оставить в стороне нравственные требования, можно было бы сказать, что самая плохая речь лучше самой превосходной, коль скоро вторая не достигла цели, а первая имела успех. С другой стороны, всеми признается, что главное украшение речи заключается в мыслях. Но это — игра слов; мысли составляют содержание, а не украшение речи; нельзя смешивать жилые помещения здания с лепным орнаментом на его фасаде или фресками на внутренних стенках. Таким образом, мы подходим к основному вопросу: какое значение могут иметь цветы красноречия на суде, или, лучше сказать, указываем основное положение: риторические украшения, как и прочие элементы судебной речи, имеют право на существование

---

¹ У нас есть очень хорошая книга Л. Коровякова «Искусство выразительного чтения».

только как средства успеха, а не как источник эстетического наслаждения. Цветы красноречия — это курсив в печати, красные чернила в рукописи.

Древние высоко ценили изящество и блеск речи; без этого не признавалось искусства. *Nee fortibus modo, sed etiam fulgentibus armis proliatus in causa est Cicero Cornelii*, — говорит Квинтилиан. Далее, в той же главе: «Красота речи содействует успеху; те, кто охотно слушают, лучше понимают и легче верят. Недаром Цицерон писал Бруту, что нет красноречия, если нет восхищения слушателей, и Аристотель недаром учил их восхищаться». Эти слова могут вызвать возражение наших современных обвинителей и защитников отчасти по незнанию, отчасти потому, что следовать указанию древних не так легко. Кто их читал, возражать не станет: *Nic ornatus, repetam enim, virilis, et fortis, et sanctus sit; nee effeminatam laxitatem et fucō ementitum colorem amet; sanguine et viribus niteat*.

Пусть блещет речь мужественной, суровой красотой, а не женской изнеженностью; пусть красит ее горячая кровь и талант оратора.

Опытные и умелые люди любят наставлять младших, напоминая, что надо говорить как можно проще; я думаю, что это совсем не верно. Простота есть лучшее украшение *слога*, но не речи. Мало говорить просто, ибо недостаточно, чтобы слушатели понимали речь оратора; надо, чтобы она подчинила их себе. На пути к этой конечной цели лежат три задачи: *пленить, доказать, убедить*. Всему этому служат цветы красноречия.

Что такое наши присяжные? В большинстве случаев это малообразованные, а в уездах часто совсем невежественные люди; среди них могут быть очень умные и очень ограниченные. Оратору всегда желательно быть понятым всеми; для этого он должен обладать умением приспособить свою речь к уровню средних, а может быть, и ниже чем средних людей. Я не ошибусь, если скажу, что и большинство так называемых образованных людей нашего общества не слишком привыкли усваивать общие мысли без помощи примеров или сравнений. Возьмем пример. Шопенгауэр определяет эстетическое наслаждение как состояние чистого созерцания и безвольного познания вне течения времени и иных индивидуальных отношений. Эти слова имеют определенный смысл, но мы представляем его себе крайне смутно. За отвлекенной формулой следует пояснение: «Тогда уже все равно, из-за тюремной решетки или из окон дворца смотреть на заходящее солнце»; после этих слов мысль становится понятной. Сравняя повышенную восприимчивость и духовную неудовлетворенность нравственно развитых людей с грубым материализмом, Д.С. Милль говорит, что луч-

ше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей. И это трудно не понять.

Известно, что образная речь, то есть пользование метафорами, свойственна не только образованным людям, но и дикарям. Народная речь на всех ступенях культуры и во всех странах изобилует риторическими фигурами: молодец против овец, а на молодца и сам овца — антитеза; прям, как кочерга — охотерог; где нам, *дуракам*, чай пить? — ирония и meiosis. В своих Dialogues sur L'eloquence Фенелон говорит: «Было бы нетрудно доказать с книгами в руках, что в наше время нет духовного оратора, который в самых обработанных проповедях своих так же часто пользовался риторическими фигурами, как это делал спаситель в своих поучениях народу». Все это дает нам право сказать, что образная речь *более понятна* человеку, чем простая.

17 января 1909 г. в С.-Петербургском суде разбиралось дело о Григорьеве и Козаке, обвинявшихся в разбое (экспроприации). Оба подсудимых сознались на дознании и не сознавались на судебном следствии; защитники утверждали, что сознание было вызвано угрозой передать дело военно-полевому суду. По времени события это объяснение не было невероятно; по крайней мере, по отношению к одному из подсудимых, Козаку, двое из судей находили его правдоподобным. Его правдивый тон и точные ответы в связи с категорическими показаниями о его алиби внушали доверие; другой подсудимый несомненно был участником разбоя. Защитники говорили много и для судей совершенно понятно, но для присяжных, может быть, *не вполне* понятно. То, что представлялось вероятным для людей, знакомых с обстановкой полицейского расследования и со случайностями, изменяющими подсудность при действии чрезвычайных положений, могло казаться невозможным для простых обывателей. Между тем можно было без труда дать им почувствовать то, что должны были пережить подсудимые после их задержания. Надо было только прибавить к сказанному: когда приходится выбирать между виселицей через 24 часа или каторгой после нескольких месяцев да еще с возможностью оправдания, всякий, кому не надоела жизнь, сознается в чем угодно, сознается и в том, чего не совершал; а эти люди уже чувствовали веревку на шее. Подобная метафора не оставляла бы сомнения в том, что мысль защиты вполне понятна присяжным.

Они признали виновными обоих подсудимых. Я думаю, что это была ошибка; разговор с защитником Козака после приговора подтверждает это тяжелое сомнение. Пусть вдумается начинающий судебный оратор в этот случай. Нельзя утверждать, что одно слово *веревка* не спасло бы человека от каторги.

Образы

Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может. С другой стороны, только краски и образы могут создать живую речь, то есть такую, которая могла бы произвести впечатление на слушателей. Привожу несколько указаний из «Диалогов» Фенелона. Он говорит: следует не только описывать факты, но изображать их подробности так живо и образно, чтобы слушателям казалось, что они почти видят их; вот отчего поэт и художник имеют так много общего; поэзия отличается от красноречия только большей смелостью и увлечением; проза имеет свои картины, хотя более сдержанные; без них обойтись нельзя; простой рассказ не может ни привлечь внимание слушателей, ни растрогать их; и потому поэзия, то есть живое изображение действительности, есть душа красноречия.

Нужны образы, нужны картины: пусть оратор *rem dicendo subjiciet oculis* (Cic, Orator., XL)¹.

Р. Гаррис говорит то же, что писали Аристотель и Цицерон. «Впечатление, сохраняющееся в представлении слушателей после настоящей ораторской речи, есть ряд образов. Люди не столько *слушают* большую речь, сколько *видят* и *чувствуют* ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их. Ребенок, перелистывающий книгу без картинок, — это совершенно то же, что слушатель перед человеком, способным только к словоизвержению».

Скажите присяжным: честь женщины должна быть охраняема законом независимо от ее общественного положения. Будут ли вас слушать профессора или ремесленники — все равно; эти слова не произведут на них никакого впечатления: одни совсем не поймут, другие пропустят их мимо ушей. Скажите, как сказал опытный обвинитель: во всякой среде, в деревне и в городе, под шелком и бархатом или под дерюгою, честь женщины должна быть неприкосновенна, — и присяжные не только поймут, но и почувствуют и запомнят вашу мысль.

Речь, украшенная образами, несравненно выразительнее простой.

Образная речь и несравненно короче. Попытайтесь передать без образа все то, что заключается в словах:

---

¹ Пусть оратор своей речью сделает дело очевидным, представит его образно (Цицерон. Оратор. — XL).

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Те, кто слышали, пусть вспомнят заключительные слова одной речи Жуковского: «Подсудимый был полтора года в одиночной камере. Знаете ли вы, господа присяжные заседатели, что такое одиночное заключение? Это — три шага в длину, два шага в ширину и... ни клочка неба!». Я не знаю стихотворения, которое с такою ясностью передавало бы пытку заточения.

Чтобы говорить наглядно, то есть так, чтобы слушателям казалось, что они видят то, о чем им рассказывает говорящий, надо изображать предметы в действии. Это правило Аристотеля.

Он приводит стихи из «Илиады»:

«Копья торчали по земле, все еще требуя добычи».
«Волны бегут, вздымаясь пенистыми гребнями;
одни впереди,
за ними другие».

Сравните с этим:

В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток,
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;

или:

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы
И всходит месяц золотой;

или:

И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою...

<...> Переносное выражение, риторическая фигура дают возможность усилить не только содержание мысли, но и внешнее ее выражение голосом, мимикой, жестом. <...>

Я не буду перечислять те разнообразные риторические фигуры, о которых говорит Цицерон в Риторике ad Herennium; остановлюсь лишь на некоторых, чтобы показать, что эти цветы суть не роскошь, а необходимое в судебном красноречии.

Метафоры и сравнения

Известно, что все мы по привычке говорим метафорами, не замечая этого. Они так понятны для окружающих и так оживляют разговор, что мы всегда охотно слышим их в чужих речах. Аристотель говорит: в прозе хороши только самые точные или самые простые слова или метафоры (Rhet., III, 2).

Не следует скупиться на метафоры. Я готов сказать: чем больше их, тем лучше; но надо употреблять или настолько привычные для всех, что они уже стали *незаметными*, как например: рассудок говорит, закон требует, давление нужды, строгость наказания, и т. п. — или новые, своеобразные, неожиданные. Не говорите: преступление совершено под покровом ночи; цепь улик сковала подсудимого; он должен преклониться перед мечом правосудия. Уши вянут от таких речей. А удачная метафора вызывает восторг у слушателей.

Всякий писака сравнивает неудачу после успеха с меркнувшей звездой. Андреевский сказал: с весны настоящего года звезда г. Лютостанского начала меркнуть и *чадить*... Чувствуя старость, Цицерон однажды выразился, что его речь начинает *седеть*. Ищите таких метафор.

Сравнение, как и метафора, есть обычное украшение живой и письменной речи. Его основное назначение заключается в том, чтобы обратить внимание слушателей на какую-нибудь одну или несколько особенностей упоминаемого предмета; чем больше различия в предметах сравнения, тем неожиданнее черты сходства, тем лучше сравнение; поэтому не следует сравнивать однородные вещи. Такое сравнение ничего не прибавляет к основной мысли; оно нередко уменьшает впечатление. Вспомните:

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет...

Образ яркий и увлекательный. Следует сравнение:

Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал,
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здрав, и молод стал.

Это не есть художественное сравнение; это — историческая справка, ничего не усиливающая и не поясняющая, напротив того, — ослабляющая впечатление.

Конечно, главным мерилom и здесь должно быть чувство изящно-го, и общие правила не писаны для гения. Царские похороны в Англии и триумфальный въезд победителя в древний Рим суть виды одного родового понятия — процессии; поэтому теоретически одно не годится для сравнения с другим. Тем не менее у Шекспира, на похоронах Генриха V, герцог Глостер говорит: «Умер Генрих, и не встанет никогда; мы, лучшие люди королевства, идем за его гробом и своей пышностью сла-вим торжество смерти, как пленники, прикованные к колеснице побе-дителя».

Какая роскошь!

Вот заключительные слова Н.И. Холевы по делу Максименко и Рез-никова: «Господа! Один римский император, подписывая смертный приговор, воскликнул: как я несчастлив, что умею писать! Я уверен, что старшина ваш скажет иное; он скажет: как счастлив я, что умею пи-сать!»

Сопоставьте это со стихами Шекспира. В обоих случаях один не-достаток — большое внешнее сходство. Но в первом случае недоста-ток исчезает: сходство образов усиливает контраст мысли; во вто-ром — к сходству внешнего действия присоединяется тождество его внутреннего значения, и, кроме того, самый предмет сравнения выбран неудачно: присяжные заседатели в Ростове-на-Дону в наши дни и рим-ский цезарь в первый век христианства. Воображение недоумевает: не то — цезарь в нашей совещательной комнате, не то — старшина присяж-ных в императорской тоге.

Чтобы не остаться незамеченным, чтобы быть интересным, срав-нение, как метафора, должно быть неожиданным, новым; Спасович, как я уже упоминал, говорит про Емельянова, обвиняемого в убийстве жены, про *живого человека*, что он — как дерево, как лед. Но, конеч-но, при известном различии сравниваемого черты, в коих проявляется сходство, должны существовать на самом деле и быть характерными для обоих предметов.

Нельзя сказать, чтобы наши молодые ораторы соблюдали эти эле-ментарные правила; иногда кажется, что вся фантазия их заключена между первой и последней страницами уложения о наказаниях; их из-любленное сравнение: *убить* значит *похитить* высшее благо, данное человеку; *подлог* векселя есть как бы *отрава* его или коварный *поджог* против всех будущих его держателей... Это все равно, что сравнить пти-цу с птицей или дерево с деревом. Разве когда-нибудь говорится: этот

вяз как *старый дуб*... Эта штука, как *акула*?.. Я недавно слышал такие слова одного частного обвинителя: «Обольщение девушки близко подходит к *краже*: сорвать цветок и уйти». Уподобление женской невинности цветку не слишком ново; предметы сравнения и здесь суть виды одного общего понятия — преступления; их родовые признаки неизбежно совпадают, а видовые — разнятся; в чем заключается сходство последних, остается тайной оратора, и такой «цветок» красноречия, конечно, оставляет слушателей в полном недоумении.

Если в деле имеются вещественные доказательства, можно заранее сказать, что обвинитель или защитник назовет их бессловесными уликами или немymi свидетелями. В недавнем процессе главной уликой против двух подсудимых была случайно обнаруженная переписка, в которой девушка требовала от влюбленного в нее человека яда, чтобы отравить юношу, отвернувшегося от нее, а ее будущий сообщник писал, что он не в силах стать убийцей; эти письма были написаны с необыкновенной силой; любовная страсть, ужас перед преступлением, жажда мести грозили, умоляли, томилась, проклинали в этих строках, и эти-то безумные вопли мятущейся жизни, этих беспощадных *обличителей* убийства коронный оратор называет мертвыми *свидетелями*! Защитник справедливо указал своему противнику, что если письма мертвы, то читают их живые люди; он забыл сказать, что и писали живые.

Простые люди легко владеют образной речью. Встретив похороны, извозчик говорит: домой поехал; в деревне скажут: повезли под зеленое одеяло; признаваясь в нечестном поступке, крестьяне говорят: укусил грешка. Председатель спросил 18-летнего воришку, отчего он убежал из полицейского участка; подсудимый вытаращил глаза и громко отчеканил: «Каждый человек выбежит из такой клетки, если дверь откроют; даже птица вылетает из клетки, если откроют клетку». Я слышал, как вор-рецидивист назвал себя *людским мусором*.

Послушаем наших ораторов.

Мещанка Макарова судилась по 1477 ст. уложения о наказаниях; она облила жену любовника своей дочери серной кислотой. Товарищ прокурора начал свою речь так: «Реальные *плоды* тех отношений, которые существовали между Макаровой и Пруденской, осязательны и для нас очевидны: Пруденская *лишилась глаза*...» Защитник не уступил своему противнику в непринужденности; он заявил присяжным, что «все дело, в сущности, представляется каким-то *водевилем или фарсом*». Расскажите это здравомыслящему человеку, и, если поверит, он скажет: этим людям дали право свободно говорить перед судом, и они пользуются им, чтобы публично издеваться над изувеченной женщиной.

Девушка-работница в пьяном виде зарезала мать. Присяжные узнают от оратора, что это произошло в один *прекрасный* день и в этой *сфере* происходит часто. Два татарина задушили старого извозчика и, бросив его сани и лошадь, воспользовались рукавицами, свечным огарком и несколькими копейками; несчастный старик молил их пощадить его ради пятерых детей. И среди угнетенной тишины судебного зала раздаются слова обвинителя: «Мы не знаем, кто из подсудимых был руководителем, *играл*, так сказать, *первую скрипку*».

Верное сравнение подтверждает верную мысль; оно же изобличает ошибку.

Защитник Ольги Штейн выражал недоумение о том, как возможно предание суду за подлог документа, не имеющегося при деле; это все равно, что обвинять в убийстве без трупа, прибавил оратор. Разбирая этот довод, председательствующий сказал присяжным: представьте себе, что на Невской набережной на глазах нескольких людей один человек зарезал другого и сбросил его в воду; волны унесли убитого в море; может быть, совсем не вернут его на сушу, может быть, выкинут обезображенный труп; тело будет предано земле, а дело — воле божией. Положение очень выгодное, но для кого? для убийцы. Если так рассуждать, всякий подлог останется безнаказанным, коль скоро преступник, достигнув цели, уничтожит подделанный документ.

Вопреки известной французской поговорке, сравнение часто бывает превосходным доказательством. В речи по делу крестьян села Люторич Ф.Н. Плевако говорил по поводу взрыва накипевших страданий и озлобления со стороны нескольких десятков мужиков: «Вы не допускаете такой необыкновенной солидарности, такого удивительного единодушия *без предварительного сговора*? Войдите в детскую, где нянька в обычное время забыла накормить детей: вы услышите одновременные крики и плач из нескольких люлек. Был ли здесь предварительный сговор? Войдите в зверинец за несколько минут до кормления зверей: вы увидите движение в каждой клетке, вы с разных концов услышите дикий рев. Кто вызвал это соглашение? Голод создал его, и голод вызвал и одновременное неповиновение полиции со стороны люторических крестьян...». Нужно ли прибавлять, что эти два сравнения сделали для доказательства мысли защитника больше, чем могла бы сделать целая вереница неоспоримых логических рассуждений?

Всякая метафора есть, в сущности, сокращенное сравнение; но в сравнении сходство бывает указано прямо, а в метафоре подразумевается; поэтому последняя не так заметна для слушателей и меньше напоминает об искусственности; она вместе с тем и короче; следовательно, в виде общего правила метафора предпочтительнее сравнения.

Антитеза

Антитеза есть один из самых обычных оборотов ежедневной речи: ни богу свечка, ни черту кочерга; отвага мед пьет, она же и кандалы трет. Главные достоинства этой фигуры заключаются в том, что обе части антитезы взаимно освещают одна другую; мысль выигрывает в силе; при этом мысль выражается в сжатой форме, и это также увеличивает ее выразительность. Недаром остроумный Гамильтон в своей книжке «Парламентская логика, тактика и риторика»¹ советует читать Сенеку, который, как Тацит, постоянно говорит антитезами.

Чтобы судить о яркости, придаваемой речи этой фигурой, стоит вспомнить клятвы Демона Тамаре или слова Мазепы:

Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.

Насколько щедр на антитезы может быть оратор, отнюдь не утомляя слушателей, видно из речи Виктора Гюго перед присяжными в 1832 году по поводу запрещения драмы «Le roi s'amuse». Он говорит о первой империи: «То было время великих дел, господа. Первая империя была, несомненно, эпохой невыносимого деспотизма; но мы не должны забывать, что за нашу свободу нам щедро платили славой. Тогдашняя Франция, как Рим в эпоху цезарей, была в одно и то же время и покорной, и величественной. Эта не была та Франция, о которой мы мечтаем, независимая, свободная. Нет, это была Франция — раба одного человека и владычица мира».

«Правда, в то время у нас отнимали нашу свободу; но зато нам давали поистине великолепное зрелище. Нам говорили: в такой-то день, в такой-то час я вступаю в такую-то столицу; и в назначенный день и час столица открывала свои ворота нашим войскам; у нас в передней толкалась куча всяких королей; если являлась фантазия поставить где-нибудь колонну, то мрамор для нее заказывали австрийскому императору; вводили, надо признаться, несколько произвольный устав для

---

¹ Эта книжка была напечатана в Англии в XVIII веке; подлинник давно исчез с рынка, но существует немецкий перевод, напечатанный в Тюбингене в 1872 г., изд. Г. Лауша.

актеров французской комедии, но его подписывали в Москве; учреждали цензурные комитеты, жгли наши книжки, запрещали наши пьесы, но на все наши жалобы нам могли одним единым словом дать великолепный ответ, нам могли ответить: Маренго, Иена, Аустерлиц!»

Пример взят из героической истории; но и сама серая, будничная действительность бывает таровата на яркие антитезы. «Григорьев много сделал для Русова: он в течение многих лет ссужал его деньгами, из нищего превратил его в состоятельного человека; захворав, он доверил ему ключи от своих денег, умирая, назначил его своим душеприказчиком. Но и Русов немало сделал для Григорьева: он обманывал его при жизни, обокрал после смерти и теперь всеми силами препятствует исполнению его завещания». Приведенные два примера, как видит читатель, также взаимно составляют антитезу. В речи по делу Максименко Плевако говорил: соблазнитель девушки пал и уронил, но умел встать и поднять свою жертву. Во время речи Лабори по делу Дрейфуса оратора часто прерывали с крайней грубостью. Он повернулся к публике и крикнул: «Вы думаете помешать мне вашим воем; я смущаюсь только, когда слышу одобрение».

Чтобы находить новые мысли, надо иметь творческий ум; для удачных образов нужна счастливая фантазия; но живые антитезы легко доступны каждому, рассыпаны повсюду; день и ночь, сытые и голодные, расчет и страсть, статьи закона и нравственные заповеди, вчерашний учитель нравов — сегодняшний арестант, торжественное спокойствие суда — суетливая жизнь за его стенами и т. д., без конца; нет дела, в котором бы не пестрели вечные противоречия жизни.

Пример, приведенный Цицероном в его Риторике, наглядно показывает, как нетрудна эта игра мысли: «Когда все спокойно, ты шумишь; когда все волнуются, ты спокоен; в делах безразличных — горячишься; в страстных вопросах — холоден; когда надо молчать, ты кричишь; когда следует говорить, молчишь; если ты здесь — хочешь уйти; если тебя нет — мечтаешь возвратиться; среди мира требуешь войны; в походе вздыхаешь о мире; в народных собраниях толкуешь о храбрости, в битве дрожишь от страха при звуке трубы».

Concessio¹

Одна из самых изящных риторических фигур это — *concessio*; она заключается в том, что оратор соглашается с положением противника и, став на точку зрения последнего, бьет его собственным оружием; при-

---

¹ Уступка, позволение, согласие.

няв, как заслуженное, укорительные слова противника, тут же придает им другое, лестное *для себя* значение; или, напротив, склонившись перед его притязаниями на заслуги, немедленно изобличает их несостоятельность. Я не знаю лучшего примера, чем речь Ше д'Эст Анж в заседании французской палаты депутатов в 1864 году по поводу внесенного оппозицией проекта о подчинении парижского городского бюджета законодательному корпусу. Проект этот был вызван колоссальными затратами Гаусмана на украшение города; один из депутатов упрекал его как префекта столицы в расточении городских денег на ненужную роскошь. Ше д'Эст Анж отвечал оппозиции в качестве вице-президента муниципальной комиссии. Он поднял брошенный упрек, и вот что он говорил:

«Вы говорите: все приносилось в жертву роскоши; нет, все приносилось в жертву необходимости».

«С разумной смелостью, без рабского страха перед прямой линией, забывая о ней, когда было нужно, мы расширили площади вокруг парижских памятников, воздвигли новые, реставрировали старые, провели новые улицы; повсюду, во всех концах облегчили колоссальное движение городского населения; вместо клоак, в которых приходилось ютиться жителям, вместо этих отвратительных улиц, имена коих уже забыты вами, улицы Мортеллери, Тиксерандри и других, им подобных, мы дали им воздуха, света и, правда, дали роскошь; да, этим нищим дали роскошь; они задыхались от недостатка воздуха; им предоставили площади, им устроили сады...».

Отступление было сделано, чтобы потом, в удобный момент броситься на противника с удвоенной силой. Оратор указывает, что заботы городского управления о бедном населении не остались без результатов.

«Или вы жалуетсяе на то, что эти преимущества предоставлены рабочему населению? Богатые люди всегда имели свои великолепные дома и широкие дворы; они всегда могли дышать свежим воздухом; с наступлением летней жары они уезжали из города. Итак, эти улучшения делались для трудящихся жителей Парижа; все это было сделано для них, ради их пользы».

«Что же возмущает вас? Что им дали слишком много труда и слишком много заработка, слишком много воздуха, света, солнца, слишком долгую жизнь? Это возмущает вас?».

Конечно, достоинство *concessio*, как и всякой риторической фигуры, заключается не только в изяществе оборота, но и в силе мысли. В «Потонувшем колоколе» Гауптмана пастор говорит Генриху:

Ich bin schlichter Mann, ein Erdgeborener,
Und weiss von überstiegenen Dingen nichts.
Eins aber weiss ich, was ihr nicht mehr wisst:

Was Recht und Unrecht, Gut und Bose ist.¹

И, соглашаясь с этим, Генрих отвечает:

Auch Adam wusst'es nicht im Paradiese².

Concessio расчищает путь для мысли, неприятной слушателям. Нельзя сказать присяжным или судьям: наказание бывает несправедливой и жестокой расправой, не вызвав в них некоторого неудовольствия. Оратор говорит: «Есть, бесспорно, такие преступники, в отношении которых наказание является необходимым возмещением содеянного, является безусловным требованием чувства справедливости». После этого уже можно смело сказать: «Но есть и такие, для которых наказание является ненужной и жестокой расправой».

Есть особый вид фигуры concessio, не имеющий ни латинского, ни греческого названия, но который по-русски можно бы назвать *канканом*. Это по преимуществу прием политического оратора. В суде слушатели безмолвны: в народном собрании, в представительной палате резкое или красивое слово всегда вызывает или протест, или восхищение. Искусный оратор умеет найти такую мысль, которая вырвет ликующие или злобные возгласы его противников, и бросит им в лицо их собственную радость или укоры.

В 1745 году перед началом войны за независимость Северо-Американских Штатов в одном собрании представителей штата Виргинии адвокат Патрик Генри говорил об упорстве, с которым Георг IV относился к умеренным домогательствам колоний. Он сказал знаменитую фразу: «На Цезаря нашелся Брут, на Карла Первого — Кромвель, Георг IV...» Здесь он был прерван негодующими возгласами приверженцев Англии: измена! измена! Он остановился на минуту и внушительно произнес: «...пусть не забудет их примера. Если это измена, я готов отвечать за нее».

Несколько лет тому назад в германском рейхстаге обсуждалось требование правительства о дополнительном кредите на армию. Военный министр подробно доказывал депутатам, что для устранения некоторых настоятельных опасностей необходимо определенное количество пехоты и артиллерии; при этом он имел неосторожность сказать, что расчеты сделаны с величайшей предусмотрительностью, и, дав испрашиваемое ассигнование, рейхстаг будет надолго застрахован от новых требований военного министерства. Возражая министру, Евгений Рихтер доказывал, что его домогательство не имеет оснований, и что пала-

---

¹ Я простой человек, я родился на земле и таких высоких вещей не знаю. Одно знаю, что вы уже забыли: знаю, где правда и где ложь, что добро и что зло.

² И Адам не знал этого, живя в раю.

та не должна доверяться его обещаниям. Правительство не знает меры, говорил он; оно не считается с народными средствами; сегодня выдайте эту сумму, через год они потребуют новых назначений; они говорят, что требуют минимум того, что необходимо; я не могу верить им, потому что из собственного их расчета ясно, что это слишком много... Военный министр не выдержал и перебил оратора: «Напротив, если бы вы могли вдуматься в представленный нами отчет, вы убедились бы, что этого еще слишком мало».

– Вот видите, — добродушно продолжал Рихтер, — я говорил, что через год вы опять будете просить денег.

Как я сказал, это преимущественно политический прием: оратор изобличает ошибку в словах противника, перебившего его своим замечанием. На суде это можно сделать только с ошибкой в уме судей. Из вопросов присяжных на судебном следствии нетрудно бывает угадать, какое соображение навязывается их вниманию. Если это мысль неверная, скажите им, что всякий, кто знает это дело, должен остановиться именно на этом предположении; подтвердите его лучшими доводами и когда увидите, что присяжные восхищены вашей готовностью признать опасное для вас положение, разъясните их заблуждение.

Sermocinatio¹

Есть одна риторическая фигура, которой наши рядовые ораторы почти никогда не пользуются. Это *sermocinatio*, одна из наиболее сильных, понятных и простых. Разговоры, просьбы, убеждения участников судебной драмы, предшествовавшие и следовавшие за событием, лишь в незначительной доле бывают достоянием суда. Между тем передать вполне понятным образом чужое чувство, чужую мысль несравненно труднее в описательных выражениях, чем в тех самых словах, в коих это чувство или мысль выражается непосредственно. Последний способ выражения и точнее, и понятнее, и, главное, убедительнее для слушателей. Я говорю: любовник указал жене на удобный случай отравить мужа. Присяжные слушают и думают, что это могло быть и могло не быть. Опытный обвинитель скажет: я не слышал их разговора, но нам нетрудно догадаться о его содержании. Она, женщина, колеблется, он, мужчина, решился твердо и настойчив в своем решении. «Иди, — говорит он, — порошок на полке, муж задремал; проснется и сам выпьет; я пройду в кухню, чтобы не вышла в спальную сиделка». Перед вами в немногих словах передана вся картина отравления, и, если предпо-

---

¹ Приведение чьих-либо слов, введение чужой речи, цитирование.

ложение о подстрекательстве уже обосновано оратором, присяжным кажется, что они слышат не его, а самого подсудимого на месте преступления. Этот прием незаменим, как объяснение мотивов действия, и как дополнение характеристики, и как выражение нравственной оценки поступков того или другого человека. В деле крестьянина Егора Емельянова обвинитель говорит, что убийца взял с собой на место преступления свою любовницу, чтобы, сделав ее соучастницей, закрепить ее навсегда за собой: «Поделившись с ней страшной тайной, всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена, я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем; ведь из-за тебя же, Лукерья, душу загубил». В деле о подлоге завещания штабс-капитана Седкова тот же оратор говорил: «Если бы Лысенков — один из главных виновников, нотариус, сочувствовал Седковой, как честный человек, он должен был сказать ей: «Что вы делаете? Одумайтесь! Ведь это преступление; вы можете погибнуть. Заглушите в себе голос жадности к деньгам мужа, удовлетворьтесь вашей вдовьей частью...» и т.д. Эти слова — не догадка о том, что было сказано Лысенковым; оратор указывает именно на то, что они не были сказаны; но всякому ясно, как они наглядно поясняют мысль обвинителя и вместе с тем как оживляют его речь. В речах Андреевского, князя Урусова такие разговоры, не подслушанные, а, так сказать, подсмотренные в деле между строками, встречаются очень часто, и одно это служит доказательством достоинства такого риторического приема. Само собой разумеется, что, если значительный разговор действующих лиц передан свидетелем или подсудимым в подлинных выражениях, их нельзя заменять измышлением.

Давно испытанным и благодарным приемом к тому, чтобы придать мысли яркость, служит *оживление неодушевленных предметов*. Золото — оболститель, перо — тихий заговорщик, рукопись — лжец или неумолимый обличитель и т. п. Молодой писец обвинялся в убийстве невесты. Он купил поломанный револьвер, отдал его в починку, сделал несколько пробных выстрелов; револьвер опять сломался, и ему пришлось еще раз отдавать его мастеру. Обвинитель сказал присяжным, что револьвер *не хотел* служить преступлению, *убеждал* подсудимого отказаться от убийства. Это было, вероятно, сознательное или бессознательное подражание словам Андреевского: «К сожалению, Зайцев не психолог; он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадал в кабалу к этой глупой вещи, что топор с этой минуты станет живым, будет безмолвным подстрекателем, будет сам проситься под руку». В приведенных двух примерах видна разница истинного искусства и подражания. У художника вещь подстрекает безмолвно — это восхищает нас; у ремесленника вещь

говорит, это оскорбляет здравый смысл и чувство изящного. Но бывает еще несравненно хуже. Нам приходится выслушивать такие примеры: «в руке у мужа оказался молоток и начал нещадно опускаться на голову покойной»; «нож, по всей вероятности, бессознательно появился в руке подсудимого»; защитник рассказывает, как вор «вошел в чулан и увидел самовар, который *знал*, что он нужен хозяину».

Глава III

Meditatio

Готовясь к обвинению или защите, судебный оратор должен уяснить себе три вопроса:

1. Что произошло и почему произошло?
2. Что надо доказать присяжным?
3. Чем можно оказать влияние на их решение?

То, что надо доказать, есть главное положение или главный вывод речи; то, что может иметь влияние на решение присяжных, я, не гнушаясь старым сравнением, назову ее нервами. В теории главный вывод обвинения всегда один: подсудимый виновен в таком-то преступлении; главный вывод защиты также один: подсудимый в этом преступлении не виновен. Поэтому теоретически оба оратора должны доказать все условия, необходимые для такого вывода; но на практике задача суживается, и по большей части спорный пункт сосредоточивается где-нибудь на полпути, в доказательстве одного или нескольких отдельных положений, составляющих звенья общего логического рассуждения оратора; заключительный вывод подразумевается или указывается лишь в общих чертах. Возьмем пример. Подсудимый обвиняется в подлоге расписки на 12 тысяч рублей; подлог сделан искусно. Теоретически главное положение обвинения — подсудимый виновен в том, что подделал расписку; но возможно, что обвинитель ограничит свою задачу доказательством: а) того, что подсудимый не имел в своем распоряжении 12 тысяч рублей, которые будто бы ссудил потерпевшему, и б) того, что, если расписка подложна, никто иной, кроме подсудимого, не мог совершить подлога. Главный вывод защитника в этом деле — подсудимый не совершал подлога; но защитник может ограничиться доказательством того, что расписка могла быть подделана другим лицом и подозрение против последнего представляется более основательным, чем против подсудимого.

Связь главного положения или вывода речи с тем, что я называю главными нервами дела, может быть очень близкой и более отдаленной. В упомянутом выше деле поручика ла Ронсьера, осужденного

в 1835 году за покушение на изнасилование дочери начальника кавалерийского училища в Сомюре Марии Моррель, главный нерв защиты совпадает с одним из ее отдельных положений. Это положение — Мария Моррель лжет. Главный нерв — Мария Моррель страдает истерией и лжет не злонамеренно, а как больная. Эта мысль примиряет защитников Марии Моррель, то есть врагов подсудимого, с его защитниками; она указывает присяжным возможность оправдать подсудимого, не оскорбляя семьи девушки. В речи Н.П. Карабчевского по делу Николая Кашина, обвинявшегося в убийстве жены, главное (неверное) положение почти совпадает с главным (верным) нервом защиты: главное положение — убийство жены было *единственным* средством нравственного возрождения подсудимого, это неверно; главный нерв — убийство было средством его нравственного возрождения, это верно. — В деле доктора Корабевича (1 ч. 1462 ст. и 1463 ст. Уложения о наказаниях) главное положение обвинения — девушка умерла от преступной операции, совершенной Корабевичем; главный нерв не в этом и даже не в том, что он вообще занимался такими операциями, а в том, что он делал их ради наживы; главный нерв целесообразной, хотя безнравственной, защиты заключался бы в том, что врачу трудно отказать женщине в противозаконной помощи. — В деле о подлоге завещания от имени штабс-капитана Седкова главное положение обвинения — Седков был мертв в то время, когда писалось завещание; главный нерв — подлог направлен против тех, кто имел и законное, и нравственное право на наследство, и в пользу той, которая не имела ни того, ни другого.

Главное положение составляет часть формального логического рассуждения о виновности подсудимого, это рассуждение составляется из ряда отдельных последовательных положений. Всякий может найти их чисто рассудочным путем, перебирая в обратном порядке части одного или нескольких силлогизмов. В действительности и этого не приходится делать, так как главный спорный вопрос и условия его решения почти всегда сами бросаются в глаза. Не то — нервы дела; они могут быть совсем в стороне от логического рассуждения; чтобы находить их, нужен живой ум и знание людей.

Указанные выше три разветвления работы в приготовлении оратора к судебному состязанию тесно связаны единством его цели. Вследствие этого, а равно и по свойствам человеческого мышления, останавливаясь мысленно на той или другой из этих трех задач (изучение дела, разбор доказательств, разбор средств убеждения), оратор не может вполне забыть о прочих; они сталкиваются и переплетаются у него в голове. В этом нет беды, но, чтобы твердо владеть оружием в предстоящем бою, оратор должен ясно разделить их с самого начала.

Поиски истины

Само собою разумеется, что следует начать с педантичного изучения предварительного следствия. Следует уяснить себе и твердо запомнить все обстоятельства дела, не различая крупных фактов от мелочей, ибо заранее нельзя знать, что окажется важным и что лишенным значения. «Первая, азбучная обязанность публичного обвинителя, — говорит М.Ф. Громницкий, — *изучение дела по предварительному следствию*. Изучение это, безусловно, должно быть самое внимательное, всестороннее, от первой страницы до последней, без пропуска самой с виду ничтожной бумаги из полицейского, например, дознания или из каких-либо приложений к делу. Самая ничтожная бумага может неожиданно служить на суде материалом в разъяснение обстоятельств дела, может дать указание на сильные или слабые стороны защиты, может дать, наконец, иное освещение имеющим значение в деле фактам». Указания эти, конечно, в равной мере применимы и к защите.

Изучив акты следствия, узнав все то, что дано, оратор должен по возможности найти ответы на все существенные недомолвки следователя, вольные и невольные. Знать дело — вовсе не значит знать, что было. Теперь только начинается настоящая работа. Есть по-своему счастливые люди, для которых все сразу бывает ясно; это люди, которых счастье служит их противнику; для других чуть не каждая страница дела бывает полна загадками. Это тоже крайность. Будьте умеренно любопытны и *разумно недоверчивы*. Он убил и утверждает, что убил по злобе. А что-то говорит вам, что была другая причина; он откровенно рассказывает обо всем, но не хочет сказать о двух днях за неделю до события; почему? где он был? что делал? Факты дела подсказывают, что поджечь должен был тот; почему поджег этот? Два свидетеля дают правдивые и согласные показания; почему так резко противоречат они друг другу в одном незначительном обстоятельстве? Такие вопросы не должны оставаться без ответа. Но как найти ключи к этим разнообразным загадкам?

Я не думаю, чтобы можно было научиться пронизательности, но полагаю, что можно приучить себя к последовательности в размышлении и что это весьма важное условие успеха для нас (хотя оно и не соблюдается большинством). Вспомним знаменитое в свое время «Великое Искусство» Раймунда Луллия, столь увлекавшее впоследствии удивительного Джордано Бруно. Оно было основано на механическом сочетании различных основных понятий, расположенных схематически на концентрических кругах, вращавшихся независимо один от другого. Система Луллия, как всякое искание абсолютного знания, давно забы-

та наукой; но мне представляется, что метод «Великого Искусства» может быть не совсем бесполезным для судебного оратора.

Каким образом? Это будет видно ниже; прежде чем искать удачного сочетания фактов, нужно знать самые факты. Поэтому первое правило *meditationis* — размышления о речи — заключается в том, чтобы уяснить себе данные предварительного следствия.

* * *

1. Спросите себя, что было: *quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando*? Кто, что, где, когда, с какой целью, каким способом, с какими соучастниками? Каждое из этих обстоятельств может осветить вам ту или иную сторону дела. Отделите соучастников друг от друга; определите точно, что и почему, с какой целью сделал каждый из них.

В книге «*De Inventione*» Цицерон говорит: «Чтобы легче найти нужные соображения, следует как можно чаще обдумывать как свое объяснение события, так и объяснение противника (переведя на наш язык, можно сказать: сравнить данные, установленные предварительным следствием, с объяснениями обвиняемого) и, отметив сомнительное в том и другом, обдумать: почему, с какой целью, с какими шансами на успех было совершено преступление; почему был избран именно этот способ, а не другой; почему исполнителем был этот, а не тот; почему действовал виновник один или почему избрал такого пособника; почему не было сообщников преступления, почему был сообщник, почему был именно этот» и т. п. Посмотрите, как много дали обвинителю в деле о подлоге акций Тамбовско-Козловской железной дороги размышления о том, почему сообщниками зачинщика Колосова явились Феликс и Александр Ярошевичи.

* * *

2. Отделите установленные факты от сомнительных и от неизвестного.

По свойству всякой человеческой работы, и особенно по условиям деятельности наших следователей, в протоколах предварительного следствия почти не бывает достоверного. У нас есть превосходные следователи и бывают предварительные следствия, в которых видны не только выдающийся ум и настойчивая работа, но и важнейшее искусство неискоренимо закреплять на бумаге установленные обстоятельства. Таково, например, предварительное следствие по второму делу доктора Корабевича. Про такие дела можно сказать, что они не только созданы следователем, но им же главным образом и проведены до конца, то есть до ответа присяжных. Обвинителю остается только смотреть за тем, чтобы не повредить делу каким-нибудь промахом, защите — играть на случайностях в составе присяжных или корон-

ных членов присутствия. Но таких дел у вас очень немного. Во многих случаях предварительное следствие бывает хуже полицейского дознания; по большей части его можно назвать только посредственным. Если в деле есть акт осмотра пожарища, несомненно, что был пожар; но если по протоколам два свидетеля удостоверяют, что заметили сильный запах керосина, не удивляйтесь, когда на судебном следствии один заявит, что никакого особенного запаха не было, а другой — что пахла тряпка, которой кухарка вытирала жестянку для керосина. Если в деле есть акт вскрытия женского трупа, нет сомнения, что женщина умерла, но если трое экспертов категорически доказали, что умершая не могла повеситься, не удивляйтесь тому, что трое других столь же решительно докажут присяжным противное и один или двое из числа первых согласятся с ними. В Петербурге был случай, когда защитник взял в руку нож — подсудимый обвинялся в покушении на убийство — и двумя пальцами согнул его пополам: следователь не заметил, что лезвие было жестяное.

Возвращая председателю вопросный лист по делу об убийстве Александра Мерка (1908 год), старшина присяжных спросил, может ли он от лица всего их состава заявить, что они возмущены непозволительной небрежностью предварительного следствия. По своему содержанию это преступление представляло завлекательнейшую задачу для добросовестного следователя; это было одно из самых интересных дел в Петербурге за последнее время; по милости судебного следователя своим оправдательным приговором оно обратилось в издевательство над правосудием и над смертью ни в чем не повинного юноши. Подобных дел у нас, к сожалению, бывает слишком много.

Итак, общее, основное правило при изучении предварительного следствия таково: *достоверно только то, что на таком-то листе дела написано то-то; в каждой строке может оказаться ошибка*. Обстоятельство это имеет практическое значение при составлении речи: в основную схему ее могут быть введены только вполне надежные факты.

Конечно, судебное следствие может и независимо от ошибок следователя изменить многое в предварительном. Но в каждом деле здравый смысл укажет оратору, что можно считать достоверным и где следует допустить возможность ошибки. Можно доказать, что пешеход двигался быстрее всадника, что грамотный намеренно делал ошибки в правописании, здоровый притворился сумасшедшим; что одаренный слухом мог не слышать, что зрячий не мог видеть. Но нельзя доказать, что предельная скорость человека больше предельной скорости лошади, что безграмотный человек может соблюдать орфографию;

что душевнобольной одновременно страдает прирожденным идиотизмом и паранойей, что глухой слышит или слепой увидал. Можно утверждать, что человек, одаренный хорошей памятью, забыл что-нибудь, но нельзя доказать, что он не знал о данном факте, если он собственноручно написал о нем другому; можно доказать, что левша застрелился правой рукой, но нельзя доказать, что он застрелился, если у него оказалось три раны и каждая должна была вызвать мгновенную смерть.

* * *

3. Не удовлетворяйтесь готовыми объяснениями фактов.

Все ошибаются: и потерпевшие, и полиция, и свидетель, и следователь. В 1902 году в Англии одна женщина была осуждена за убийство своей хозяйки. На суде было установлено, что в доме не было никого, кроме убитой и подсудимой, и что все окна и двери были заперты изнутри. Однако из позднейшего признания одного из настоящих двух убийц выяснилось, что они проникли внутрь дома по доске, перекинутой через узкий переулок из окон верхнего этажа соседнего дома в верхний этаж дома убитой, и, совершив убийство, скрылись тем же способом. Как не сопоставить этого случая с делом об убийстве генеральши Болдыревой? Одной из неопровержимых улик против Александра Тальма признавалось то обстоятельство, что в квартиру покойной нельзя было проникнуть иначе, как со двора. Тальма был присужден к каторге, а через три года Александр Карпов на глазах у судей и присяжных без труда пролез в форточку окна, выходящего из спальни Болдыревой в соседний переулок. По этим примерам можно судить о том, какие грубые ошибки могут делать и опытный следователь, производящий следствие под наблюдением прокурора окружного суда, и присяжные заседатели, руководимые осторожнейшим английским судьей. Признания людей осужденных часто открывают, что действительные подробности преступления во многом отличались от того, что казалось бесспорным на суде. В известной книге английского судьи W. Wills «An Essay on the principles of Circumstantial Evidence» приведены многие случаи судебных ошибок, поучительные для всякого обвинителя и защитника.

* * *

4. Ищите внутреннюю связь событий. Помните, что ее объяснение заключается именно в тех фактах, которые кажутся необъяснимыми или безразличными. Иногда для этого нужна большая проникаемость, иногда трудность заключается в том, что объяснение слишком просто. В известном рассказе Эдгара По «Убийство на улице Морг» несколько человек, слыжавших один и тот же звук, принимают его за

восклицание, произнесенное на чужом языке; при этом каждый новый свидетель называет новый язык. Эти показания противоречат друг другу; противоречие кажется необъяснимым, но оно объясняется тем, что свидетели слышали голос обезьяны, а не человека. Конечно, угадать это нелегко. В том же рассказе всех сбивает с толку нечеловеческая жестокость убийства; между тем она-то и указывает, что оно совершено не человеком; это просто.

Не торопитесь признавать факты безразличными. Коль скоро вы говорите: подсудимый почему-то пошел туда-то, свидетель почему-то ушел, потерпевший почему-то не говорит об этом, остановитесь и постарайтесь объяснить, *почему*. Подумайте, не объясняются ли все эти сомнения одним общим ответом.

Ищите незримого виновника. В другом рассказе Эдгара По — «Тайна Марии Роже» расследование преступления затрудняется тем, что убийца, чтобы навести полицию на ложный след, печатал вымышленные сведения в газетах. Известно, что рассказ этот написан по поводу действительного происшествия: Эдгар По разгадал прием убийцы и направил розыски против виновного. Но и менее блестящие люди могут сделать не хуже того, что сделал гениальный писатель. Зимой 1909 года в Петербурге разбиралось дело крестьянина Ивана Харитонова, обвинявшегося в убийстве крестьянина Жукова. В деле было четыре факта: 1) мать зарезанного Жукова запретила своему другому сыну разыскивать убийцу из опасения, чтобы не убили и его, 2) перед самым убийством убитый ранил ножом некоего Михаила Сатану, любовница которого указала на подсудимого Харитонова как на виновника; этот Сатана скрылся и остался неразысканным; 3) двое свидетелей давали указание на виновность третьего, по-видимому, *вымышленного* лица и 4) подсудимый признал себя виновным при первом допросе, но при дальнейшем производстве следствия отказался от своего признания. Эти факты противоречили один другому, и прямая улика — сознание — могла погубить подсудимого. Защитник, молодой человек, сумел найти скрытую связь между фактами. Он сказал присяжным: убийца — Михаил Сатана; подсудимый взял на себя вину, чтобы отвлечь подозрение от влиятельного товарища; свидетели знали это, но, как и мать убитого, боялись настоящего убийцы; а вместе с тем они знали, что полиция остановилась на ложном следу; Харитонов был арестован; чтобы спасти невинного, не выдавая виновного, они назвали третье, вымышленное и потому никому не опасное лицо.

Обсудите обстоятельства, благоприятствовавшие преступлению и затруднявшие его совершение.

* * *

5. Найдите для каждого факта то освещение и объяснение, которое наиболее выгодно для вас, для вашего противника. Цицерон учил: «Выслушав своего клиента, я вступаю с ним в спор от имени его противника; он возражает и, таким образом, высказывает мне все, что ему кажется полезным для дела; когда он ушел, я воплощаю в себе три лица: себя, своего противника и судью, всячески стараясь быть вполне беспристрастным». Это важно не для того, чтобы предугадать доводы противника, а чтобы проверить прочность своих.

* * *

6. Отделите более значительные факты дела, расположите их в последовательности по времени и, остановившись на каждом, посмотрите кругом, посмотрите назад, посмотрите вперед. Поставьте себя в положение подсудимого и взгляните вокруг него его глазами перед преступлением, в момент преступления, после него; сделайте то же по отношению к каждому из соучастников, к пострадавшим, к свидетелям, роль которых для вас не вполне понятна. Уясните себе вероятные поступки, встречи и переговоры преступника с жертвой или соучастников преступления между собой в разное время; обратите внимание на то, не переменялись ли взаимные отношения их после преступления.

Отношение участников события к отдельным фактам в разные моменты имеет большое значение. В грубых обманах, например, в подлогах под предлогом учета дружеских векселей, в злоупотреблениях с денежными залогами, в обыкновенных мошенничествах и растратах обычным доводом защиты бывает утверждение, что потерпевший не был обманут, а добровольно соглашался на известные операции по небрежности или по расчету. Это доказывается тем, что подсудимый не мог бы решиться на столь грубый обман, а потерпевший не мог бы не заметить его. Но если перенестись к тому времени, когда обман еще не был обнаружен, доверчивость потерпевшего становится не только допустимой, правдоподобной, но и вероятной, а иногда и очевидной.

* * *

7. Меняйте предполагаемые условия места и времени.

Это может открыть вам то, что заинтересованные люди сумели скрыть от следователя. Действительность факта определяется его совпадением в пространстве и времени; причинная связь двух фактов, кроме того, — их последовательностью. В 12 часов 1 января 1909 г. я мог быть на любой улице Петербурга; но если в это время я был на углу Морской и Невского, то ни в каком другом месте быть не мог. Чтобы найти обман или ошибку в толковании фактов, может быть достаточно

изменить одно из упомянутых условий или изменить последовательность событий. Ольга Штейн распространяла слух об открывшемся будто бы для нее миллионном наследстве во Франции; в подтверждение этого вымысла она составила подложную телеграмму на свое имя от имени консульства. Подлог был сделан так грубо, что бросался в глаза при первом взгляде; его нельзя было не заметить. Судившийся вместе с Ольгой Штейн бывший присяжный поверенный фон Д. обвинялся, между прочим, в покушении на мошенничество посредством этой телеграммы. Он доказывал свое добросовестное заблуждение тем, что, убедившись из разговоров с другими лицами в ее подложности и поняв обман, он немедленно заявил об этом одному из высших чиновников министерства иностранных дел. На следствии было установлено, что он грозил своей соучастнице заявить о подлоге министру юстиции и в министерство иностранных дел прежде разговора с людьми, убедившими его в подложности телеграммы. Таким образом, выяснилось, что он грозил доносом, *потому что знал о подлоге, а не пошел с доносом вследствие того, что узнал* о нем.

Доктор Корабевич не отрицал противозаконной операции, от которой умерла его пациентка; факт операции входил в его защиту; но он утверждал, что она была совершена другим врачом не у него в кабинете, а в убежище акушерки Гертнер.

* * *

8. Ищите противоречий в фактах, не согласных с вашим пониманием дела.

В деле Ольги Штейн было установлено, что фон Д. в продолжение нескольких месяцев носил у себя в кармане упомянутую выше подложную телеграмму и показывал ее разным лицам, выражая уверенность в том, что наследство действительно существовало; на суде он заявил, что считал телеграмму подлинной. Один из потерпевших, Зелинский, показал, что, когда в разговоре, происходившем у него на квартире, он указал фон Д. на явную несообразность уверений Ольги Штейн об этом наследстве, тот не поверил ему; когда же, после долгих рассуждений свидетеля, фон Д. понял наконец, что был обманут, он схватился за голову, стал рыдать, говорил, что лишается чести, и, потеряв сознание, упал на диван; чтобы вернуть ему силы, свидетель дал ему стакан *кофе*. Защитник фон Д. спросил Зелинского, не было ли все это комедией; свидетель с очевидной искренностью сказал: нет; это было действительное отчаяние и настоящий обморок. На другой день суд огласил показание неявившегося свидетеля — присяжного поверенного Бентковского. В этом показании значилось, что фон Д. приходил на квартиру Бентковского и показывал ему телеграмму

о парижском наследстве; взглянув на нее, Бентковский сразу заметил, что текст ее написан по подчищенному месту; он сказал об этом своему посетителю; фон Д. «был страшно поражен, подбежал к окну... рассматривал телеграмму и, убедившись, по-видимому, в справедливости догадки о подлоге, опустился на кресло со словами: «Теперь я все понимаю; если бы вы знали, что я потерял! все пропало, все!» Сидя в кресле, фон Д. почувствовал себя дурно, и свидетель должен был дать ему воды. «Он производил впечатление человека, глубоко и неожиданно пораженного». Нет сомнения, что если бы этого свидетеля спросили, не комедия ли это, он, как Зелинский, сказал бы решительно: нет. Оба свидетеля давали вполне правдивые показания; оба удостоверяли факты, в отдельности вполне правдоподобные; но сопоставление этих фактов приводило к явному противоречию. Если фон Д. был поражен неожиданным для него открытием в квартире Бентковского, он не мог быть поражен тем же открытием у Зелинского, и наоборот. Чем более естественным казался тому и другому обморок фон Д., тем выше следует ценить его сценические способности. Он, несомненно, лгал или тому, или другому, а другие обстоятельства указывали, что лгал обоим. Назовите это психологией, назовите здравым смыслом — все равно; это — неопровержимая улика, и, так как фон Д. выманил посредством этой телеграммы деньги у своего знакомого после своих обмороков, одно это обстоятельство доказывало преступление.

* * *

9. Примите во внимание то, чего не было.

В плохом рассказе посредственного современного писателя обстановка происшествия заставляет предполагать преступление; на самом деле человек убит лошадью. В разговоре героя с полицейским сыщиком встречается остроумное замечание:

«Обратите внимание на замечательный случай с собакой». — «Позвольте, с собакой ничего не случилось». — «В этом-то и заключается замечательный случай».

Собака не лаяла, потому что не чужой человек, а свой тренер хотел увести лошадь из хозяйских конюшен, и лошадь убила его.

В речи о подлоге завещания от имени штабс-капитана Седкова обвинитель говорит: «Если утром с мужем сделался только припадок, то он должен был поразить жену своею продолжительностью. Он должен был напомнить о входящей в дверь смерти. Но где же естественная в таком случае посылка за священником, за доктором, где испуг, беспокойство, тревога?»

То, чего не было!

В 1872 году в Лондоне Эдуард Кларк, впоследствии генерал-атторней, защищал Патрика Стонтона, обвинявшегося вместе со своей женой, свояченицей и братом в предумышленном убийстве слабоумной жены последнего, жившей в доме Патрика и умершей, по заключению врачей, голодной смертью.

Оратор разбирает показания главной свидетельницы, горничной Клары Броун, о небрежном уходе за покойной в мельчайших подробностях и приводит факты, опровергающие некоторые части ее показаний. Затем он говорит:

«Итак, все, что говорила Клара Броун об уборке комнаты, о чесании волос, рукомойнике, кровати, о постельных принадлежностях, все это исчезает из дела. И разве положение вещей, как оно косвенно вытекает из показания Клары Броун, не является сильным опровержением всего рассказа?»

«Рассказ этот, по моему мнению, не так важен тем, что она говорит, как тем, чего она не говорит. Если вам предлагают признать, что намеренно или по небрежности эту бедную женщину заморили голодом в то время, когда она жила в доме Патрика Стонтона, что намерение это приводилось в исполнение в течение продолжительного времени, то что должны были бы вы найти в объяснениях Клары Броун? Не должны ли бы вы услышать, что Гарриет Стонтон просила Клару Броун доставать ей еду? Не должны ли бы вы услышать, что она пыталась бежать? Не должны ли бы вы услышать, что сама Клара Броун помогала ей и доставляла ей пищу, когда супругов Стонтонов не было дома? В показании Клары Броун нет ни единого слова о том, чтобы Гарриет Стонтон жаловалась на голод; есть только указания на жалобы, что ей не дают есть досыта; притом эти жалобы, судя по рассказу Клары Броун, повторялись лишь от времени до времени. В деле нет никаких указаний на такие жалобы или на попытку бежать, а также нет — и я очень прошу вас запомнить это обстоятельство потому, что оно особенно важно по отношению к заключению врачей, — в показаниях Клары Броун нет ни слова о каких-либо жалобах г-жи Стонтон на страдания или на болезнь и нет требования ее о том, чтобы к ней был приглашен врач».

Во второй своей речи по делу ла Ронсьера Ше д'Эст Анж говорил: «Отчего не кричала она? — восклицал мой противник. — О! бедная девушка хотела схоронить в вечном молчании опозорившее ее преступление; она укрывалась своим девическим стыдом. Покрывая свой позор и свою наготу, она говорила: меня видели!.. Это возможно. Раз преступление было совершено, возможно, что она решилась молчать. Но, я спрашиваю, ранее, до преступления, когда ей еще нечего скрывать, когда она, напротив, должна всего бояться, отчего тогда не кри-

чит она? Если она находит в себе мужество, чтобы защищаться, присутствие духа, чтобы все видеть, все слышать, все запомнить, отчего же не кричит она? Вот о чем я вас спрашиваю, и все ваше красноречие не в силах дать мне ответа».

«А мисс Аллен?»

«Удивительно крепко спит мисс Аллен. Весь этот шум, этот страшный шум не может разбудить ее. Вся эта борьба, со всеми ее подробностями, возгласами, происходила тут, в нескольких шагах от нее, почти в самой ее комнате; дверь сначала была открыта, потом едва притворена; и она ничего не слышала. Боже мой! Мария зовет на помощь! Бегите, бегите! О ужас! запирают дверь, эту дверь, которая всегда остается открытой; раздаются два голоса!.. Два голоса! Несчастная Мария! Ее оскорбляют, ее хотят убить! Бегите, стучитесь в дверь, зовите на помощь, кричите! Да кричите же, мисс Аллен!...»

«Ни звука!..»

Нетрудно представить себе впечатление слушателей при этих словах. То, чего не было, также может быть доказательством, и доказательством неотразимым.

Таковы некоторые из руководящих указаний в поисках истины; конечно, у каждого оратора найдутся и другие приемы этого рода.

Картины

Наряду с размышлениями о загадках дела, надо думать и о картинах, необходимых для речи. Эти картины создаются эпизодами самого дела. Но как быть, если в деле нет картинных эпизодов? Чего же проще? Надо сочинить их. Представьте себе виновников драмы и пострадавших от нее, их окружающих, родных и близких при встречах задолго до преступления, в разные дни после того, как оно было обнаружено, перед судом и после суда. Уясните себе их вероятные поступки, угрозы, обещания и попреки при этих встречах; рисуйте их сытыми и голодными, озлобленными и любящими. Подсудимый — разорившийся богач; перенеситесь с ним в утраченную роскошную обстановку; он создал себе состояние; верните его в былую нищету. Вы будете говорить о мошенничестве — возьмите встречу, где сказались дружба и лицемерие, доверие и ложь обманутого и обманщика; о поджоге — изобразите хозяина-поджигателя днем у его кассы за счетами и книгами и ночью у той же кассы с фителем и спичками в руках; в первую картину внесите все его расчеты о выгодах поджога; во второй сравните потревоженное и заботливо унесенное золото с жильцами соседних квартир, безмятежно спящими рядом с крадущимся пламенем...

Вы говорите об убийстве невесты — представьте обряд венчания, как рисовала его себе погибшая девушка или отец ее, и его горе над ее могилой... Идите из леса в город, из петербургских улиц в деревню, из барского особняка в кабак и в ночлежный дом, из уютного угла, согретого и освещенного домашними радостями, к тюремным воротам, где в зимнюю вьюгу, застыв от холода и отчаяния, стоят мать и дети, лишенные своего кормильца. Ищите в этих воображаемых и действительных сценах таких случайностей, которые в сочетании с теми или иными подробностями дела дали бы вам новые, эффектные картины.

Просмотрите речь С.А. Андреевского по делу Андреева, прочтите речь Цицерона *De Suppliciis*, и увидите, что достигается этим; ищите сами и вы изумитесь удаче ваших поисков.

Некий Ласточкин, заведовавший уличной продажей газет в Москве, растратил несколько тысяч рублей, данных ему разносчиками на ведение предприятия. Обвинитель сказал:

«Я смотрел на этих людей, которые теперь протягивают вам руку за помощью, и думал, что раньше когда-то видел их. Я видел их на московских перекрестках и мостовых, в дождь и в холод, у подъезда московских ресторанов, в которых Ласточкин проживал с женщинами их трудовые деньги, заработанные ими не для себя, для их голодных детей и жен».

Отнюдь не следует думать, что характерные эпизоды можно брать только среди фактов, установленных на суде. Напротив того; это большею частью бывают именно такие эпизоды, которые недоступны взгляду следователя, присяжного и судьи, потому что они боятся света. Притом то, что присяжные слыхали и видали сами, уже и неинтересно для них. А если оратор сумеет показать им то, что от них хотят утаить, они охотно послушают его. Бывает разве в действительности, чтобы хозяин просил приказчика поджечь застрахованный товар в незастрахованном доме в присутствии своего домовладельца и местного полицейского пристава? Станет ли подпольный адвокат учить нанятого пропойцу его показаниям на суде в присутствии участкового товарища прокурора?

В Московском суде разбиралось дело об отставном рядовом гусарского полка Семенове, обвинявшемся по 1532 ст. уложения. Он служил в качестве дворника у скромного чиновника-вдовца, семья которого состояла из старухи-матери, почти впавшей в детство, девушки-дочери и дальней родственницы, сорокалетней старой девы, слепой. Вполне сложившись физически, Марья И. в умственном отношении развивалась медленно; свидетели в один голос удостоверили, что в 14 лет она была совершенным ребенком; поведение ее на суде при передаче

некоторых безобразных обстоятельств было так свободно, что эта принужденность могла объясняться или невероятной развращенностью, или полной наивностью. Отец ее проводил на службе целые дни и возвращался домой поздно вечером; надзор за девушкой со стороны дряхлой старухи-бабки и слепой тетки был слабый. Ее увлекали фельетонные романы и страсть к театру; с другой стороны, она почти никогда не отлучалась из дому. Семенов, зная, что у девушки есть приданое, решил соблазнить ее, чтобы затем вынудить отца отдать ее за него за муж. Красивый и умный мужчина, он воспользовался благоприятными условиями, чтобы распалить воображение девушки рассказами о своей блестящей службе в гвардейском полку и картинами мнимой роскоши, ожидавшей ее после свадьбы; девушка сильно привязалась к нему и совершенно подчинилась его влиянию. Когда ее отец прогнал дворника за пьянство, она по первому требованию бежала к нему из родного дома. Семенов отвез ее в одну из подмосковных деревень и там, в ночлежном доме, лишил ее невинности. Затем, чтобы снять с себя ответственность за оболщание, он убедил ее в ту же ночь написать ему длинное письмо, в котором она якобы еще из дому умоляла его не покидать ее и взять с собою. Письмо это было переполнено самыми ласковыми обращениями и излияниями любви: «Милый, дорогой мой, — писала она, — я мучаюсь ужасно, я знаю, что ты уходишь, я боюсь, что ты не исполнишь своего обещания и не возьмешь меня с собою. Дорогой мой! Не брось меня здесь, я без тебя жить не могу, меня мучит тоска. Бери же, бери меня скорей...» и т. д.

Обвинитель прочел целиком все это письмо, оттеняя полной искренностью все нежные выражения, как бы забыв о назначении этих вымышленных признаний. Присяжные насторожились, один из членов суда встревоженно закачал головою; казалось, что товарищ прокурора намеренно губит дело. Он окончил чтение и, слегка понизив тон, заговорил голосом, отражавшим более глубокое волнение: «Вы знаете, — сказал он, — в какую минуту и для чего было написано это письмо. Девушка, никогда не покидавшая родительского крова, выросшая и воспитанная, как в монастырской келье, была брошена на грязную койку ночлежного дома, рядом с пьяницами и бродягами; в этом притоне, в то время, когда за стеною раздаются песни и ругательства ватаги воров и публичных женщин, грубый развратник внушает только что опозоренной им девушке письмо, которое должно снять с него вину за его возмутительный поступок. И что же? Стараясь всеми силами очернить себя, стремясь всячески подчеркнуть свое падение, ложно обвиняя себя в том, что она будто бы сама навязалась соблазнителю, эта девушка в каждой строке, в каждом слове выказывает свою нравственную

чистоту, свою детски наивную любовь и полное подчинение своего ума и сердца развратителю».

Весь драматизм этого дела выражен этой яркой бытовой картиной и тонким психологическим штрихом.

Итак, и отдельные образы, и общие картины найдутся без труда. Как рисовать их? На тысячу ладов! Попробуйте несколько раз, и без труда найдется нужный прием.

Если свидетель, бывший очевидцем известного происшествия, передает о нем в живом рассказе, то его показание следует оставить неприкосновенным. В исключительном случае оратор может повторить его дословно; но отнюдь нельзя пересказывать такого показания, как постоянно делают у нас; в этом пересказе описание уже теряет свою яркость.

Два подростка, 12 и 14 лет, обвинялись в поджоге магазина с застрахованным товаром по подстрекательству владельца; оба сознались на судебном следствии, и один из них передал разговор их между собой, когда они остались на ночь в пустой лавке для исполнения хозяйского поручения.

- Васька!
- Что?
- Хозяин велел поджечь товар...
- Что ты врешь?
- Чего вру? Велел...
- Страшно...
- И мне страшно. Велел... и т. д.

Мальчик говорил отрывистым, испуганным шепотом, не глядя на присяжных. Он, видимо, переживал вновь свое состояние перед поджогом; казалось, и тут его колотила лихорадка. Обвинителю, конечно, оставалось только повторить это признание слово в слово. Если бы присяжные собственными глазами видели, как мальчики разложили тряпки, стружки, разлили керосин и подложили огонь, они не испытали бы того волнения, какое вызвал в них рассказ жалкого ребенка.

В большинстве случаев, однако, свидетели дают отрывочные и бесцветные объяснения, неудачные ответы, а не картины. Не всякому дано и не всякий обязан быть искусным рассказчиком; оратор обязан обладать этим нехитрым умением. Когда факты картинны сами по себе, их надо передать с полной непосредственностью, как можно проще; если в событии недостает красок, оратор должен найти их.

В маленькой усадьбе, на краю города, жила старуха с девушкой-прислужгой и дворником. К ним пришел ночевать знакомый мужик; его поместили в дворницкой. Ночью он убил дворника и стал ломиться

к женщинам; старуха в испуге металась по сениям, девушка ухватилась за расшатанную дверь и прижалась к косяку, чтобы удержать ее на запоре. Убийца разбил стеклянный верх двери, просунул руку в отверстие и, поймав несчастную за волосы, тянулся к ней с топором в другой руке. Обвинитель говорил это присяжным так, как написано здесь; он только понизил голос и под влиянием волнения говорил с расстановкой; но в зале прошел холод ужаса. Всякий искусственный прием мог бы только ослабить впечатление.

В этих простых описаниях сильных сцен следует иметь в виду одно: чтобы произвести впечатление, они не должны быть слишком кратки. Но подробностей не надо; они уже известны слушателям, и картина, которую вы рисуете, сложится в их воображении по двум-трем чертам.

Если событие яркое, но обыкновенное, описание должно быть заменено быстрым наброском.

Возьмем одно из тех многочисленных дел, где истина остается недоступной ни суду, ни прокурору, ни присяжным. Юноша Александр Мерк увлекся молоденькой мастерицей Антоновой. Его родители сдали ей комнату у себя в квартире. Потом он охладел к ней, а его дядя по матери, Никифоров, страстно влюбился в нее. Девушка дошла до такой ненависти к Мерку, что требовала от Никифорова яда для отравы, и кончила тем, что ценою своей любви выманила у него револьвер. Ночью 31 декабря 1906 г. они втроем встречали Новый год; в два часа ночи Антонова прибежала в дворницкую и заявила, что Никифоров в ссоре застрелил Мерка. Следствием было установлено, что во время убийства у Никифорова и Антоновой было два револьвера; один из них исчез. Никифоров утверждал, что убийство было совершено им без соучастия Антоновой; но они были преданы суду по 13 и 1452 ст. Уложения. Как передаст обвинитель сцену преступления? Конечно, без затруднения. Что там было? — спросит он; если бы кто из нас был случайным свидетелем смерти Александра Мерка, что увидал бы он? Двух мужчин и девушку за ужином в известной вам домашней обстановке. Принужденная веселость разговора, смутная тревога юноши, может быть, предчувствующего конец, неподвижность другого полупьяного собеседника; раз-другой — злобный огонек нетерпения в глазах девушки, и вдруг — у нее в руке револьвер. Выстрел, другой, и раненый юноша хватается за голову. Представим себе, что у обвинителя твердо сложилось убеждение, что стреляли оба: и Никифоров, и Антонова. Это подтверждалось пропажей второго револьвера; скрыть его можно было только с целью утаить, что из него также был произведен выстрел. Вместо слов: у нее, обвинитель сказал бы: у обоих, и в приведенных выше трех строках также было бы сказано все, что

нужно. Ибо надо только указать направление и дать толчок воображению слушателей; остальное — их дело. В обоих случаях убийство рисуется перед глазами быстро, живо, отчетливо; воображение не стеснено навязчивой точностью описания и потому работает свободно и легко. Несомненно, что каждый из присяжных увидал бы сцену не так, как все прочие. Но каждое из четырнадцати изображений, отличаясь в мелочах, своими существенными чертами вполне будет соответствовать словам прокурора. Этого мало. Присяжные знают, что обвинитель не может сказать им, кто попал, кто промахнулся. Но обвинитель убежден, что нравственной виновницей была женщина; тогда ранее отмеченные им факты и соображения сами собою подскажут воображению присяжных, что она стреляла спокойно, наведя дуло на ненавистного юношу, стреляла, чтобы убить, а пьяный сообщник ее стрелял наудачу, стрелял, не зная, для чего. Возьмем ту же сцену с точки зрения защиты. Вы знаете, господа присяжные заседатели, что на столе закуска и водка; все пьют, чокаются, поздравляют один другого с наступающим Новым годом; совершенно издерганный нравственно Никифоров пьет много; Мерк раздражителен и также не вполне трезв; Антонова болезненно возбуждена. Одно какое-нибудь случайное слово, резкий ответ, может быть, вызывающий смех Антоновой, и вдруг — удар ей в лицо. Мгновение, и за ударом выстрел, и... пьяный Никифоров до сих пор не в силах отдать себе отчет о том, как выхватил револьвер, как нажал на спуск.

Опытные ораторы всегда, когда можно, избегают точных описаний в драматических местах. Если же этого требует дело, то есть когда фактические подробности являются доказательством или подтверждением известного положения обвинения или защиты, описание более походит на медицинский акт, чем на картину. Так, конечно, и должно быть, ибо в этих случаях оратор обращается не к фантазии, а к рассудку слушателей. Образцом этого является описание последней сцены в речах обвинителя и защитника по делу об убийстве статского советника Чихачова.

<...>

Схема речи

Изучив предварительное следствие указанным образом, то есть уяснив себе факты, насколько возможно, и внимательно обдумав их с разных точек зрения, всякий убедится, что общее содержание речи уже определилось. Выяснилось главное положение и те, из которых оно должно быть выведено; выяснилась и *логическая схема* обвинения или

защиты и *боевая схема речи*; чтобы точно установить последнюю, стоит только сократить первую, исключив из нее те положения, которые не требуют ни доказательства, ни развития; те, которые останутся, образуют настоящий план речи.

Предположим, что подсудимый обвиняется в ложном доносе. Логическая схема обвинения такова:

- 1) донос был обращен к подлежащей власти,
- 2) в нем заключалось указание на определенное преступление,
- 3) это указание было ложно,
- 4) донос был сделан подсудимым,
- 5) он был сделан с целью навлечь подозрение на потерпевшего.

Если каждое из этих положений допускает спор, все они войдут в боевую схему обвинения и каждое положение составит предмет особого раздела речи. Если состав преступления установлен бесспорно и в деле нет других существенных сомнений, например предположения о законной причине невменяемости, вся речь может быть ограничена одним основным положением: донос сделан подсудимым. Если защитник признает, что каждое из положений логической схемы обвинения хотя и не доказано вполне, но подтверждается серьезными уликами, он должен опровергнуть каждое из них, то есть доказать столько же противоположных положений, и каждое из них войдет в боевую схему речи; в противном случае — только те, которые допускают спор.

Подсудимый обвиняется по 1612 ст. Уложения о наказаниях. Главное положение прокурора: поджог совершен подсудимым; чтобы доказать это, он доказывает четыре других положения:

- 1) пожар не мог произойти от случайной причины,
- 2) пожар был выгоден для подсудимого,
- 3) поджог не мог быть совершен никем другим, кроме подсудимого,
- 4) подсудимый принял известные меры к тому, чтобы доказать, что он не был на месте пожара при его начале.

Если одно, два или три из этих четырех положений ясны с первого взгляда, задача, естественно, сосредоточится на трех, двух или одном сомнительном положении; но это бывает редко; в большинстве случаев обе стороны находят несколько таких отдельных положений; из них слагаются отдельные части главного раздела речи, которая у древних называлась *probatio* — доказывание.

Но в чем же должны заключаться эти основные положения? Когда говорят: само дело укажет, вы сами увидите, разве это ответ? Перед нами самый существенный из вопросов судебного красноречия — о чем надо говорить, и вместо определенных и ясных указаний нам отвечают:

это так просто, что не требует пояснений. Это насмешка, а не ответ. Такое возражение может сделать только совершенно несведущий и неопытный человек. Кто хоть один раз был обвинителем или защитником на суде, тот знает, что общего указания быть не может, ибо содержание речи зависит в каждом отдельном процессе от обстоятельств данного дела. *Quot homines, tot causae*. Обратившись к отдельным процессам, вы убедитесь в справедливости сказанного.

В речи Цицерона за Секста Росция главное положение защиты — подсудимый не совершал убийства; основные положения:

- 1) у него не было мотива к отцеубийству,
- 2) он не мог совершить его ни лично, ни через других лиц,
- 3) Тит Росций имел мотив к убийству — стремление захватить имущество убитого,
- 4) факты изобличают Тита Росция.

Могли ли эти соображения остаться не замеченными для того, кто старательно обдумал дело? В речи Ше д'Эст Анж по делу ла Ронсьера главное положение — подсудимый не совершал приписываемого ему покушения; основные положения:

- 1) письма, написанные от лица подсудимого и изобличающие его, написаны не им,
- 2) попытки к изнасилованию Марии Моррель не было,
- 3) Мария Моррель страдает истерией,
- 4) письма написаны Марией Моррель.

В речи Андреевского по делу Михаила Андреева, обвинявшегося в убийстве жены, главное положение — подсудимый не ответствен нравственно за совершенное им преступление; основные тезисы:

- 1) Андреев страстно любил жену, и ее любовь была счастьем его жизни,
- 2) Зинаида Андреева была существом, совершенно лишенным нравственного чувства,
- 3) убийство было роковым последствием безрассудных поступков жены.

Разве это не были открытые тайны для человека, изучавшего дело с целью защиты, так же как и основные положения в защите ла Ронсьера?

Чем меньше отдельных тезисов, тем лучше. Чтобы построить куб, нужны только три линии, а куб есть фигура, совершенная по форме и по содержанию. Чем больше отдельных положений, тем легче могут присяжные забыть некоторые из них. Но каждое из них должно быть *quam pluribus rebus instructam* — должно быть подтверждено множеством доказательств.

Глава VII

Искусство спора на суде

Основные элементы судебного спора суть: *probatio* — доказательство и *refutatio* — опровержение.

Probatio

1. Во всем, что продумано, различайте необходимое и полезное, неизбежное и опасное. Необходимое следует разобрать до конца, не оставляя ничего недоказанного, объяснять до полной очевидности, развивать, усиливать, украшать, повторять без усталости; о полезном достаточно упомянуть; опасное должно быть устранено из речи с величайшим старанием, и надо следить за собой, чтобы случайным намеком, неосторожным словом не напомнить противнику козырного хода; неизбежное надо решительно признать и объяснить или совсем не касаться его: оно подразумевается само собой.

* * *

2. Не забывайте различия между *argumentum ad rem* и *argumentum ad hominem*. *Argumentum ad rem*, то есть соображение, касающееся существа предмета, есть лучшее орудие спора при равенстве прочих условий. Суд ищет истины, и потому в идее *argumenta ad rem*, то есть соображения, хотя и убедительные для данного лица или нескольких данных лиц, но не решающие существа спора, не должны бы встречаться в прениях. При нормальных условиях *argumentum ad hominem* есть свидетельство о бедности, выдаваемое оратором его делу или самому себе. Но при ненадежных судьях приходится пользоваться и *arguments ad hominem*, убедительными для данного состава суда, например, когда подсудимый и судьи принадлежат к разным и враждебным сословиям или к враждующим политическим партиям. В этих случаях предпочтение настоящих доказательств мнимым может быть губительной ошибкой.

Если бы в нашем военном суде невоенный оратор начал свою речь с общего положения, что честь воинская не есть нечто отличное от чести вообще, судьи сказали бы себе: придется слушать человека, рассуждающего о том, чего не понимает. Если, напротив, он начнет с признания предрассудка и скажет: не может быть сомнения в том, что честь воинская и честь, так сказать, штатская суть совершенно различные вещи, судьи-офицеры подумают: этот вольный кое-что смыслит. Ясно, что в том и другом случае его будут слушать далеко не одинаково.

Припоминаю, однако, случай удачного применения аргумента *ad hominem* по общему преступлению перед присяжными. Это упомяну-

тое выше дело околоточного надзирателя Буковского, обвинявшегося в убийстве студента Гуданиса. Мотив убийства, признанный присяжными, был не совсем обыкновенный — оскорбленное самолюбие. Студент давал уроки детям Буковского; последний сознавал умственное превосходство молодого человека и чувствовал, что его семейные видят это превосходство. Но Буковский обладал большой физической силой, и, убежденный, что в этом отношении Гуданис хуже его, он мирился со своим унижением. В один злополучный вечер они вздумали померяться силами, и молодой человек положил богатыря-противника «на лопатки». Этому Буковский простить не мог и спустя несколько времени безо всякого нового повода застрелил его в упор. Он утверждал, что выстрелил потому, что Гуданис бросился на него и душил его за горло. В прекрасной, сдержанной, но убедительной и трогательной речи обвинитель, между прочим, воспользовался аргументом *ad hominem*, чтобы подтвердить свои соображения о мотиве преступления. «Возможно ли вообще убийство по столь ничтожному поводу? — спросил он. — Возможно. По крайней мере, возможно для Буковского. Это не подлежит сомнению; это явствует из его собственных объяснений: он все время твердит, что Гуданис, *не выдавший от него никакой обиды*, настолько ненавидел его, Буковского, что только и думал о том, как бы убить его, грозил ему словами: «смою кровью», — и даже семье его: «всем вам смерть принесу».

* * *

3. Остерегайтесь так называемых *argumenta communia* или *ambigua*, то есть обоюдоострых доводов. *Commune qui prius dicit, contrarium facit*: всякий, кто выставляет подобные соображения, тем самым обращает их против себя. «Нельзя не верить потерпевшему, — говорит обвинитель, — ибо невозможно измыслить столь чудовищное обвинение». «Невозможно, согласен, — возразит защитник; — но если невозможно измыслить, как же можно было совершить?» (Квинтилиан, V, 96).

Оратор говорит: «Я спрашиваю, в какой степени вероятно, чтобы человек, имеющий преступное намерение, два раза накануне совершения преступления приходил в то место, в котором может быть узнан и изобличен?». Ответ напрашивается сам собою: он приходил исследовать местность.

Егор Емельянов сказал своей жене, которую впоследствии утопил: «Тебе бы в Ждановку». Спасович говорил по этому поводу: «Из всей моей практики я вынес убеждение, что на угрозы нельзя полагаться, так как они крайне обманчивы; нельзя поверить в серьезность такой угрозы, например, если человек говорит другому: я тебя убью, растерзаю, сожгу. Напротив, если кто имеет затаенную мысль убить челове-

ка, то не станет грозить, а будет держать свой замысел в глубине души и только тогда приведет его в исполнение, когда будет уверен, что никто не будет свидетелем этого, уж никак не станет передавать своей жертве о своем замысле». Это сказано с большим искусством, но это убедительно лишь наполовину. У каждого готов ответ на это рассуждение: что на уме, то и на языке. А по свойству отношений между мужем и женой слова: тебе бы в Ждановку — не были случайной фразой; они выражали озлобление, уже перешедшее в ненависть.

Братья Иван и Петр Антоновы были в давней вражде с Густавом Марди и Вильгельмом Сарр. На сельском празднике в соседней деревне между ними произошла ссора, и Марди нанес Ивану Антонову тяжелую рану в голову. Спустя несколько часов, когда Марди и Сарр поздно ночью возвращались домой, из-за угла раздались выстрелы, и оба они были ранены. Это было уже в их собственной деревне. Поднялась тревога, староста с понятными пошел к Антоновым для обыска. Они застали всю семью на ногах; Иван Антонов с перевязанной головой сидел за столом; мать, сестра и брат были тут же. Обвинитель указал на это обстоятельство как на улику: семья была в тревожном ожидании. Действительно, на первый взгляд это бодрствование целой семьи среди деревни, погруженной в сон, эта освещенная комната среди темноты зимней ночи казались знаменательными. Защитник указал присяжным, что Иван Антонов не спал потому, что страдал от полученной раны, а его семейные — потому, что ухаживали за ним и боялись, чтобы рана не оказалась смертельной. Это было верное соображение. Но если бы защитник помнил, что *commune qui prius dicit, contrarium facit*, он мог бы прибавить: если бы в семье Антоновых знали, что оба сына только что покушались на убийство, то пришедшие крестьяне, конечно, застали бы в доме мрак и полную тишину; в ожидании обыска преступники и их близкие, вероятно, не могли бы спать, но, наверное, притворились бы спящими. Этот пример, как и предыдущие, указывает на необходимость обсуждать каждый факт с противоположных точек зрения.

Из этого примера также видно, что, объясняя себе факты, надо думать до конца.

* * *

4. Из предыдущего правила вытекает другое: умеете пользоваться обоюдоострыми соображениями. Это правило особенно важно для обвинителя. Бывают обстоятельства, которых нельзя объяснить только в свою пользу и вместе с тем нельзя обойти молчанием, потому что они слишком заметны и интересны, заманчивы.

Многие соображения за и против подсудимого выясняются еще на судебном следствии, преимущественно при допросе свидетелей. Ино-

гда стороны по собственной неосторожности выдают свои соображения, иногда выводы навязываются сами собою из выяснившихся фактов. Если, таким образом, внимание присяжных обращено на какое-нибудь заметное *argumentum ambiguum* и обвинитель понимает, что они остановятся на нем, ему следует идти им навстречу, не выжидая, чтобы это сделал защитник, особенно, если в устах последнего оно дает возможность произвести впечатление. «Как? — восклицал защитник в деле Золотова, — богатый купец, миллионщик, подкупает убийц, чтобы разделаться с любовником жены, и он обещает за это не то сто, не то полтора ста рублей! Накануне убийства Киреев получил от него десять рублей, Рябинин три рубля или пять. Кто хочет быть правдивым, тот скажет: «Да эти пять рублей — это спасение Золотова, это прямое доказательство, что он поручил Лучину отколотить Федорова, а не убивать его!» Это эффектное соображение; оно было указано данными судебного следствия, и обвинитель мог бы предугадать и вырвать его у своего противника. Он мог сам заметить присяжным: «Можно подумать, что эти полтора ста рублей — это спасение Золотова» и т. д. Но затем сказал бы: «До убийства и три, и пять рублей — хорошие деньги для пропойцы и хулигана, во всяком случае — осязательная приманка; до убийства Золотов еще важный барин: захочет — даст денег, захочет — прогонит вон; он вне их власти. После убийства он у их ног, его касса для них открыта: от каторги придется откупаться уже не рублями, а тысячами, пожалуй, десятками тысяч рублей».

* * *

5. Не доказывайте очевидного. Читая или слушая, говорит Кембель, мы всегда ищем чего-нибудь нового, чего раньше не знали или, по крайней мере, не замечали. Чем меньше находим такого, тем скорее теряем охоту следить за книгой или за речью. Казалось бы, указание это не требует доказательств; лишним кажется и напоминать о нем; но многие ли у нас соблюдают это правило?

У нас постоянно приходится слышать, как оратор с внушительным видом разъясняет присяжным, что они должны обсудить несчастную триаду о событии, о совершении преступления подсудимым и о его виновности. Это может быть вполне целесообразно, если существенный материал речи распадается на эти подразделения; но то же самое нередко разъясняется и тогда, когда факт установлен или подсудимый отрицает свою виновность, а не свое деяние. Это делается отчасти по суеверному преклонению перед текстом 754 ст. Устава уголовного судопроизводства, частью вследствие неумелого подражания образцам, а иногда и по непривычке следить за своими мыслями.

После протокола, удостоверяющего десяток смертельных ран, и вскрытия трупа присяжные неожиданно слышат, что «во всяком деле они должны прежде всего обсудить, имело ли место событие преступления». За этим, конечно, немедленно следует дополнение спохватившегося оратора, что в данном случае такого вопроса не возникает; но для присяжных ясно, что он говорит не думая. Еще хуже, конечно, когда несомненное или ненужное увлекает оратора в долгие рассуждения.

Говоря о новом, следовательно, об интересном, можно говорить много и подробно; если же приходится повторять уже известное, надо быть по возможности кратким: чем короче, тем лучше, лишь бы поняли слушатели, что нужно; одно слово, быстрый намек могут с успехом заменить страницу протокола или целое свидетельское показание. Вы помните расположение комнат — это настоящая западня; вы оценили по достоинству этого свидетеля: он помнит все, забыл только свою присягу. Если свидетель действительно лгал неискусно, нет нужды доказывать это: пусть ваш противник защищает его.

* * *

6. Если вам удалось найти яркое доказательство или сильное возражение, не начинайте с них и не высказывайте их без известной подготовки. Впечатление выиграет, если вы сначала приведете несколько других соображений, хотя бы и не столь решительных, но все же верных и убедительных, а в заключение — решительный довод, как *coup de grace*.

* * *

7. Отбросьте все посредственные и ненадежные доводы. Только самые прочные и убедительные доказательства должны входить в речь; важно качество, а не количество. *Cum colligo argumenta causarum, non tam ea numerare soleo, quam expendere*, — говорит Цицерон. Не следует опасаться, что речь покажется слабой от того, что в ней мало доказательств; практическое правило можно высказать как раз в обратном смысле: *чем меньше доказательств, тем лучше, лишь бы их было достаточно*. *Si causa est in argumentis, firmissima quaeque maxime tueor, sive plura sunt, sive aliquod unum*. Это в особенности полезно помнить начинающим. Коль скоро есть два или хотя бы одно решительное доказательство, то других и не нужно. Защитник, доказавший алиби, ничего другого доказывать не станет: все прочее, как бы ни было интересно, умно, красиво, будет лишним, а иногда и опасным. Цицерон говорит: «Многие соображения напрашиваются сами собою; они кажутся подходящими для речи; но одни настолько незначительны, что не стоит и высказывать их; другие, хотя в них и есть нечто хорошее, таят вместе с тем в себе и невыгодное для оратора, причем полезное не настоль-

ко хорошо, чтобы можно было допустить и связанное с ним опасное» (De orat., II, 76.) Квинтилиан указывает и другое соображение: «Не следует обременять память судей многочисленными доказательствами; это утомляет их и вызывает недоверие: судья не может положиться на наши доводы, когда мы сами напоминаем о их недостаточной убедительности, нагромождая их больше, чем нужно».

Не рассчитывайте на невнимательность противника; помните, что после вас будет говорить опасный враг — судья. Называю его врагом потому, что он обязан зорко следить за каждой вашей ошибкой и ни одной не имеет права вам простить; называю опасным потому, что в большинстве случаев он беспристрастен, а также потому, что он пользуется большим доверием присяжных. Итак, не ошибайтесь! А чтобы не ошибаться, не позволяйте себе ненадежных аргументов.

Имейте в виду, что каждый слабый довод, привлекая внимание, подрывает доверие ко всем другим: один калека испортит целый строй.

* * *

8. Доказывая и развивая каждое отдельное положение, не упускайте из виду главной мысли и других основных положений; пользуйтесь всяким случаем, чтобы напомнить то или другое. В каждой из первых четырех речей Цицерона против Верреса он заранее упоминает о казни Гавия, составляющей главное обвинение в пятой речи. Защищая ла Ронсьера, Ше д'Эст Анж повторяет на каждом шагу: все это обвинение есть ряд невозможностей; все недоразумение объясняется тем, что Мария Моррель страдает истерией или иной непонятной болезнью.

* * *

9. Не упускайте случая изложить сильный довод в виде рассуждения: одно из двух, то есть дилеммы. Это, может быть, лучшая форма рассуждения перед судьями. Цицерон говорит: *comprehensio, quae, utrum concesseris, debet tollere, numquam reprehendetur*: никогда не следует возражать на верную дилемму.

Отчего так убедительны для присяжных соображения председателя о силе доказательств? Оттого, что он не имеет права высказывать своего мнения и потому всегда указывает два возможных толкования каждого разбираемого им обстоятельства: наиболее благоприятное обвинению и наиболее благоприятное подсудимому. «Которое из этих объяснений покажется вам более соответствующим логике и вашему житейскому опыту, — прибавляет председатель, — то вы и примите в основание вашего суждения».

Привожу простой пример.

Подсудимая, воровка по ремеслу, жалостно плачет; это явно притворный плач. Если обвинитель сказал: это притворный плач, он сде-

лал ошибку. Если он скажет: возможно, что она плачет искренне, возможно, что притворяется; решайте сами; но ни то, ни другое не имеет значения для решения вопроса о виновности. Присяжные, предоставленные своему непосредственному впечатлению, без колебания скажут: притворство.

Дилеммы встречаются на каждом шагу в речи Демосфена о венце. Он спрашивает Эхина: «Как прикажешь сказать: кому ты враг: мне или государству? Конечно, мне! Однако, когда тебе представлялись законные поводы возбудить против меня обвинение, если только я был виноват, ты этого не делал. А здесь, когда я огражден со всех сторон и законами, и давностью, и позднейшими постановлениями народного собрания, когда против меня нет ни проступка, ни улики, а вместе с тем государство до известной степени должно нести ответственность за все совершенное с его ведома, ты выступаешь против меня. Смотри, как бы не оказалось, что ты на самом деле враг государства и только прикидываешься моим врагом» (§ 125). В другом месте: «Если ты один предвидел будущее, когда шли всенародные совещания, то тогда же должен был высказаться перед государством; а если ты не предвидел будущего, чем же я виноват больше тебя?» (§ 196). Еще ниже: «Я бы спросил Эхина: когда все радовались, когда по всему городу распевались хвалебные гимны богам, он радовался с прочими, участвовал в жертвоприношениях или сидел дома, вздыхая и негодуя на общее счастье? Если он был со всеми, не странно ли, что он теперь требует, чтобы вы признали государственным бедствием то самое, что тогда он перед лицом богов называл их величайшим благодеянием? А если он не был со всеми, то не достоин ли тысячи смертей, он, проклинаящий то, о чем ликовал весь народ?»

* * *

10. Не бойтесь согласиться с противником, не дожидаясь возражения. Это подтверждает ваше беспристрастие в глазах судей; выводы, сделанные из его собственных посылок, вдвойне интересны для слушателей; можно также согласиться с его положением, чтобы затем доказать, что оно ничего по делу не доказывает или доказывает не то, чего хотел противник.

* * *

11. Если улики сильны, следует приводить их порознь, подробно развивая каждую в отдельности; если они слабы, следует собрать их в одну горсть. Квинтилиан говорит: «Первые сильны сами по себе и надо только показать их такими, какие они есть, не заслоняя их другими; вторые, слабейшие, взаимно подкрепляют друг друга. Лишенные значения качественно, они убедительны количеством — тем, что

все подтверждают одно и то же обстоятельство. Предположим, что человек обвиняется в убийстве своего родственника с целью воспользоваться его наследством; оратор скажет: вы рассчитывали на наследство, и наследство богатое, вы были в нужде, вас теснили кредиторы; будучи наследником по завещанию покойного, вы оскорбили его и знали, что он собирается изменить завещание. Взятое в отдельности, каждое из этих соображений не имеет большого значения; соединенные вместе, они производят известное впечатление». Это правило не требует пояснений, а примеры найдутся в любой речи.

Цицерон советует скрывать от слушателей число своих доказательств, чтобы их казалось больше. Это может быть выгодно в политических речах, но это не годится на суде. Как бы ни были взволнованы, увлечены присяжные, в совещательной комнате наступает момент, когда они прямо ставят вопрос: что же есть в деле против подсудимого? Сказать на это: есть многое — значит не сказать ничего; для обвинителя необходимо, чтобы они могли припомнить все приведенные им аргументы, и ему нет оснований опасаться их ограниченного числа, раз он знает, что они разъясняют дело. По тем же соображениям и для защитника, мне кажется, выгоднее отчетливо разграничить свои доводы, чем утаивать их число.

* * *

12. Старайтесь как можно чаще подкреплять одно доказательство другим. Если в деле есть прямое доказательство, оставьте его в стороне и докажите спорный факт косвенными уликами; сопоставление логического вывода с прямым удостоверением факта есть сильнейший риторический прием.

Крестьянин Иван Малик судился в Харьковском окружном суде по 1449 ст. Уложения о наказаниях. Самой сильной уликой против него было показание одной крестьянки, Анны Ткаченковой, проходившей через рощу на расстоянии нескольких шагов от места, где как раз в это время было совершено убийство; она утверждала, что слышала громкий спор и узнала голоса отца и сына. Малик отрицал свою виновность, но все местные крестьяне считали его убийцей отца. Показание Анны Ткаченковой, переданное ею чрезвычайно живо, казалось основным устоем обвинения; но защитник легко мог бы вызвать недоверие к показанию опасной для него свидетельницы, указав, что в нем отражается общее настроение окружающих. Обвинитель сумел предупредить это. Он внимательно, без торопливости, с деловитым бесстрашием разобрал другие данные дела и потом сказал: «Все известные нам обстоятельства указывают, что убийство было совершено не кем иным, как Иваном Маликом, во время ссоры его с отцом, в роще. Наряду с этим

мы знаем достоверно, что в это же время около того же места проходила Анна Ткаченко; поэтому, если бы она сказала, что не слышала голосов ссорившихся, мы не могли бы верить ей, мы должны были бы заключить, что она лжет». Блестящая мысль!

* * *

13. Не пытайтесь объяснять то, что сами не вполне понимаете. Неопытные люди часто делают эту ошибку, как будто рассчитывая, что найдут объяснение, если будут искать его вслух. Противник бывает искренне признателен этим ораторам. Не следует забывать, что внимание слушателей всегда сосредоточивается на слабейшей части рассуждений говорящего.

* * *

14. Не старайтесь доказывать большее, когда можно ограничиться меньшим. Не следует усложнять своей задачи.

Беглый солдат и проститутка обвинялись в убийстве с целью ограбления; он признал себя виновным, но утверждал вопреки сильным уликам, что женщина не участвовала в преступлении. Во время судебного следствия присяжные очень интересовались взаимными отношениями подсудимых, стараясь выяснить, почему мужчина выгораживал свою явную соучастницу; но это осталось неустановленным. Товарищ прокурора сказал по этому поводу: «В деле нет определенных указаний на те побуждения, по которым Семенухин отрицает соучастие Андреевой в убийстве; я также не знаю их; но я укажу вам общее соображение, которое избавит вас от необходимости искать эти побуждения: избобличая ее, он ничего не выигрывает, спасая ее — ничего не теряет».

* * *

15. Не допускайте противоречия в своих доводах.

Это правило постоянно нарушается нашими защитниками. Они подробно и старательно доказывают полную неприкосновенность своего клиента к преступлению, а потом заявляют, что на случай, если бы их доводы не показались присяжным убедительными, они считают себя обязанными напомнить им обстоятельства, могущие служить основанием к отпущению вины или, по крайней мере, к снисхождению. Несколько заключительных слов обращают всю защиту в пепел. Это ошибка в самой схеме речи; то же повторяется и с отдельными аргументами. Вот что пишет мне об этом один присяжный заседатель:

«Обвинению много помогали защитники».

«Сначала, набрасываются на прокурора и следствие, доказывая, что ничего, решительно ничего ими не установлено: ни самого преступления, ни подробностей его... Прокурор выстроил карточный домик. Коснитесь его слегка, чуть-чуть, и он разлетится. Но сам защитник кар-

точного домика не трогал и, как он рассыпается, не показывал, представляя присяжным заседателям вообразить себе такое касательство и рассыпание, дойти до него собственным умом. В заключение, должно быть на случай недостатка в них необходимой сообразительности, он просил нас, присяжных заседателей, проникнуться чувством жалости к своему «клиенту», не забывать его молодости или стесненного положения и дать возможное снисхождение. Таким образом, окончание защитительных речей почти всегда шло вразрез с их началом, подрывая к нему всякое доверие. Естественно, что при такой архитектуре этих речей самые жалостливые присяжные заседатели заключают, что в пользу подсудимого ничего сказать нельзя».

В деле доктора Корабевича один из защитников много говорил о свидетельнице Семечкиной; он горячо доказывал, что ее показание ни в чем не опровергнуто, напротив, подтверждается фактами, он грозно упрекал обвинителя в неумении быть беспристрастным к ней... А кончил он так: «Но оставим Семечкину; она не нравится прокурору. *Я согласен.* Она опорочена. Хорошо. Оставим ее. У нас есть лучшие доказательства». Возможно, что были такие доказательства, но показания Семечкиной уже обратилось в довод против подсудимого.

Аделаида Бартлет обвинялась в отравлении мужа; с нею вместе в качестве пособника предан был суду пастор Дайсон; было установлено, что смерть Бартлета последовала от отравления хлороформом в жидком виде. Хлороформ был доставлен жене Дайсоном; последний под вымышленным предлогом добыл незначительные дозы яда в трех различных местах и, перелив хлороформ из отдельных пузырьков в одну склянку, тайно передал ее подсудимой. По его словам, она уверяла его, что пользовалась хлороформом как снотворным средством для больного мужа. На суде представитель короны заявил, что не имеет достаточных оснований поддерживать обвинение против Дайсона, и по предложению председателя присяжные, как это допускается в Англии, немедленно признали его невиновным; судебное следствие продолжалось только над Аделаидой Бартлет.

«Господа присяжные заседатели, — говорил ее защитник Э. Кларк, — я не могу не остановиться на одном обстоятельстве, которое, вероятно, бросилось в глаза и вам с самого начала процесса: если ложное показание есть доказательство вины, то представляется несколько странным, что господин Дайсон явился здесь в качестве свидетеля. *Я прошу вас иметь в виду, что* не только нисколько не осуждаю действие поверенного короны по отношению к господину Дайсону, но, напротив, *всецело присоединяюсь к заключению его, что в деле действительно не было оснований предъявить Дайсону какое-нибудь обвинение.* Если бы мой почтен-

ный противник считал, что такое основание существует, он никогда, конечно, не отказался бы от его обвинения. Я не говорю, что такое основание есть, я подчиняюсь, могу ли сказать? Я верю в справедливость решения, вынесенного вами по предложению короны; признаю, что господин Дайсон не был участником преступления, если здесь было преступление. Но когда вам предлагают обсудить это дело по отношению к госпоже Бартлет и предлагают вменить ей в улику или допустить, чтобы другие вменяли ей в серьезную улику те ложные объяснения, которые будто бы были ею даны и которые удостоверяются перед вами показаниями господина Дайсона, насколько он их помнит или говорит, что помнит, то не приходила ли вам в голову мысль: какое счастье для господина Дайсона, что он сам не сидит на скамье подсудимых?

...Господа присяжные заседатели! Я прошу вас помнить, что я *не возбуждаю ни малейшего сомнения в его невиновности*. Я не хотел бы, чтобы в едином слове моем вы увидели намек — ив моих словах нет такого намека — на какие-либо сомнения по этому поводу с моей стороны. Но предположим, что вы судили бы его. Какие факты были бы перед вами? В воскресенье утром он идет по дороге в церковь для проповеди и на ходу выбрасывает теми движениями, которые он здесь повторил перед вами, три или четыре склянки. Что если бы кто-нибудь из людей, знающих его, увидел его на этой дороге в это утро, заметил, как он бросил эти склянки, и подумал: не странно ли, что преподобный господин Дайсон разбрасывает какие-то склянки по дороге в церковь в воскресное утро? Что если бы этот случайный прохожий из любопытства поднял одну из этих склянок и прочел на ней надпись: «Хлороформ. Яд»? Что если бы с первых шагов дознания выяснилось, что господин Дайсон был постоянным посетителем в том доме, где произошла смерть? Если бы выяснилось, что госпожа Бартлет имела обыкновение выходить вместе с ним из дому, что она бывала у него на квартире? Если бы выяснилось, что его отношение к супругам Бартлет, в особенности к жене, носило исключительный характер? Если бы выяснилось из показания аптекаря — на ярлыке склянки есть название аптеки — что, когда господин Дайсон требовал хлороформа, он солгал, сказав, что хлороформ нужен ему, чтобы вывести пятна с платья, пятна, сделанные на его сюртуке во время его поездки в Пуль? Каково бы было положение господина Дайсона? Этот суровый человек, Ричард Бэкстер (один из свидетелей), имеет обыкновение говорить, что, видя осужденного, идущего на казнь, он всякий раз мысленно говорит себе: не будь милость божия, вот куда вели бы Ричарда Бэкстера. Я думаю, что в течение всей своей жизни, читая отчеты судебных процессов об убийствах, господин Дайсон будет каждый раз вспоминать, какой страшной уликой было бы

против него его опрометчивое, непростительное поведение, если бы обвинение, возбужденное против него, не было прекращено в самом начале процесса».

«Господа присяжные заседатели! Я говорю все это не с целью внушить вам — я сказал и повторяю, что не хотел бы внушить вам — малейшее сомнение в невинности господина Дайсона. Я говорю это для того, чтобы показать вам, что если его, невинного человека, можно было уличить здесь в том, что он солгал с исключительной целью добыть этот яд, и это обстоятельство могло бы в глазах присяжных стать для него роковым, то было бы жестоко, чтобы уверениям этого самого человека о том, будто госпожа Бартлет солгала ему, чтобы этой ложью побудить его достать ей хлороформ, — было бы странно, если бы этому показанию придавалось в ваших глазах сколько-нибудь серьезное значение как улике против нее».

Каково первое впечатление от этих слов? Оратор утверждает, что ни в чем не подозревает Дайсона, и всеми силами стремится внушить присяжным заседателям убеждение в его соучастии в убийстве. Это яркий пример того, что мысль недоговоренная сильнее мысли, выраженной прямо. Ясно, что факты и на самом деле навлекли на Дайсона сильные подозрения. Почему же защитник с такой настойчивостью повторяет, что вполне убежден в его невинности? Потому, что знает свое дело и соблюдает другое правило: не допускать противоречий в своих доводах. Его главное положение, главное доказательство невинности подсудимой, которая судится за убийство, это — что убийства не было, а было самоубийство. Поэтому он не может допустить и предположения о виновности Дайсона.

Refutatio

1. Разделяйте обобщенные доводы противника.

Возьмем указанный выше пример Квинтилиана: вы были наследником умершего, вы нуждались, вас теснили заимодавцы; покойный был раздражен против вас, вы знали, что он собирается изменить свое завещание; остановившись с некоторой подробностью на каждом из этих обстоятельств, можно без труда обнаружить их ничтожное значение. Это правило применяется в возражении против так называемых улик поведения.

Иногда бывает уместен и обратный прием — обобщение. Квинтилиан говорит: обвинитель перечислил те побуждения, которые могли толкнуть подсудимого на преступление; к чему разбирать все эти соображения? Не достаточно ли сказать, что, если человек имел осно-

вание к известному поступку, из этого еще не следует, что он совершил его?

В речи по делу Максименко Плевако говорил: «Я советую вам разделить ваше внимание поровну между подсудимыми, обдумывая доказательства виновности отдельно для каждого... Совершилось преступление. Подозревается несколько лиц. Мы начинаем смотреть на всех подсудимых, привлеченных по одному делу, на всю скамью как на одного человека. Преступление вызывает в нас негодование против всех. Улики, обрисовывающие одного подсудимого, мы переносим на остальных. Он сделал то-то, она сделала то-то, откуда заключается, что они сделали то и другое вместе. Вы слышали здесь показания, которыми один из подсудимых изобличался в возведении клеветы на врача Португалова, а другая — в упреке, сделанном его соседке Дмитриевой в неосторожном угощении больного мужа крепким чаем, что было на самом деле. И вот в речи господина обвинителя эти отдельные улики объединяются в двойную улику: оказывается, что Максименко и Резников клеветали на доктора, Максименко и Резников упрекали Дмитриеву».

* * *

2. Возражая противнику, не выказывайте особой старательности. Слишком настойчивое возражение против того или иного довода, не сопряженное с безусловным его опровержением, может придать ему новый вес в представлении слушателей, у них слагается собственное соображение, невыгодное для оратора: если он так много говорит об этом, значит, это действительно имеет большое значение. Напротив того, когда оратор лишь мимоходом возражает противнику, как бы пренебрегая его доводами, они часто уже по одному этому кажутся не заслуживающими внимания. Я помню случай, когда обвинителю пришлось возражать двум защитникам; первый из них говорил два часа, второй — почти час. Обвинитель сказал присяжным: «На первую речь я возражать не буду: не стоит; обратимся ко второй». Так можно говорить, конечно, только при уверенности в своей правоте. Если это риторическая уловка, противник смешает с грязью такое легкомыслие.

* * *

3. Не оставляйте без возражения сильных доводов противника. Но, возражая на них, отнюдь не следует развивать их или повторять те соображения, которыми он эти доводы подкреплял. Это, к сожалению, делается у нас слишком часто и почти бессознательно. Оно вполне понятно: повторять то, что уже сказано, легко, и, повторяя, мы отдыхаем, вместе с тем уясняя себе то, чему собираемся возражать; думаем, что и возражение выиграет от этого. А выходит наоборот. Соображения

противника были подготовлены и изложены в наиболее подходящей форме; повторяя, мы немного сокращаем и упрощаем их, делаем, так сказать, конспект этих соображений, уясняем их присяжным, то есть самым искусным образом помогаем противнику: присяжные могли не понять, не вполне усвоить себе его доводы — мы поясняем их; они могли забыть их — мы им напоминаем. Сделав, таким образом, все возможное, чтобы подкрепить положение противника, мы затем экспромтом переходим к его опровержению: возражение не подготовлено и страдает многословием, не продумано, и мы не успеваем развить свои доводы до конца, хватаемся за первые пришедшие в голову соображения и упускаем из виду более важные, излагаем их в неясной, неудачной форме. Многоречивость и туманность возражения после сжатой и ясной мысли противника только оттеняют убедительность последней.

* * *

4. Не доказывайте, когда можно отрицать. «Если житейская или законная презумпция на вашей стороне, — говорит Уэтли, — и вы опровергли выставленные против вас доводы — ваш противник разбит. Но если вы сойдете с этой позиции и дадите слушателям забыть благоприятную вам презумпцию, вы лишите себя одного из лучших своих доводов; вместо славно отбитого приступа останется неудачная вылазка. Возьмем самый наглядный пример. Человек привлечен к уголовному делу в качестве обвиняемого без всяких улик; ему надо *сказать*, что он не признает себя виновным, и потребовать, чтобы обвинитель доказал обвинение; предположим, однако, что он вместо этого задался целью *доказать*, что не виновен, и приводит ряд соображений в подтверждение этого; во многих случаях окажется, что доказать невиновность, то есть установить отрицательное обстоятельство, невозможно; вместо того чтобы рассеять подозрения, он усилит их».

Приведенное правило допускает исключение. На нем основана защита Карабчевского по делу Скитских; защита Андреевского по делу об убийстве Сарры Беккер представляет его нарушение. Приводя ряд соображений в доказательство того, что убийство не могло быть совершено Мироновичем, защитник доказывает затем, что убийцей была Семенова. Такое исключительное построение защиты объясняется исключительными обстоятельствами дела. Семенова сама утверждала, что убийство было совершено ею, и так как она действительно была в ссудной кассе в роковую ночь, то ее мнимое признание подтверждалось рядом фактов. Было бы ошибкой не воспользоваться этим обстоятельством, и в этом случае схема защиты вполне соответствовала указанию Квинтилиана, что такое построение удваивает аргументацию.

* * *

5. Отвечайте фактами на слова.

Мать убитого Александра Довнара называла Ольгу Палем лгуньей, шантажисткой и авантюристкой. Н.П. Карабчевский разбирает эти эпитеты. На слово «шантажистка» он отвечает, что за четыре года сожительства с подсудимой Довнар истратил из своего капитала в четырнадцать тысяч не более одной тысячи рублей и что после убийства в номере гостиницы у убитого оказалось меньше, а у Ольги Палем больше денег, чем надобно было заплатить по счету. Защитник признает, что подсудимая отличалась чрезвычайной лживостью, но доказывает, что это ложь безвредная: простое хвастовство и желание казаться выше своего двусмысленного общественного положения. Остановливаясь на слове «авантюристка», оратор доказывает, что под этим подразумевалось желание подсудимой выйти замуж за Довнара. Он замечает, что во время их продолжительной связи убитый многим выдавал ее за свою жену, что он посылал ей письма на имя «Ольги Васильевны Довнар», и выводит из этого, что ее желание сделаться законной супругой любимого человека не представляет ничего предосудительного. Немного далее в той же речи оратор возвращается к отзывам госпожи Шмидт об Ольге Палем, указывает, что в своих письмах мать называет сожительницу сына «милая Ольга Васильевна», подписывается «уважающая вас Александра Шмидт» и напоминает, что она поручила ей надзор за своим младшим сыном, тринадцатилетним мальчиком: «Балуйте моего Виву, заботьтесь о бедном мальчике», — писала госпожа Шмидт. «Сколько нужно доверия, сколько нужно глубочайшего, скажу более — безграничного уважения к женщине, стоящей по внешним условиям в таком щекотливом, в таком двусмысленном положении относительно госпожи Шмидт, как стояла госпожа Палем в качестве любовницы ее старшего сына, чтобы ей же, этой самой женщине, без страха, без колебаний доверить участь младшего малолетнего сына!» Что могло остаться от неблагоприятных отзывов свидетельницы после речи защитника? Они все послужили к тому, чтобы выставить подсудимую перед судьями в более выгодном освещении: на слова оратор отвечал фактами. «Я сделал все, что мог» — говорил на суде доктор Корабевич. «Да, — сказал обвинитель, — он сделал, что мог; об этом говорят тело умершей девушки и квитанции на скромные вещи, заложенные ею, чтобы платить врачу за преступную помощь».

* * *

6. Возражайте противнику его собственными доводами. Это называется *retorsio arguments*.

Обвинитель по делу об убийстве Ал. Мерка высказал следующее соображение: если Антонова просила Никифорова достать ей мор-

фия, то это могло быть сделано лишь с целью отравить Мерка, а не для самоубийства; если бы она хотела покончить с собой, она искала бы более сильного яда. Защитник возразил: прокурор не верит, что можно отравиться морфием; пусть откроет прокурор любую газету: он убедится, что не только морфием — уксусной эссенцией ежедневно отравляются женщины и девушки. Обвинитель мог бы воспользоваться этим возражением; он мог бы сказать: из слов защитника ясно, что достать отраву для самоубийства очень легко; Антонова, как всякая другая девушка, могла достать себе уксусной эссенции, если бы хотела отравиться; у нее не было разумного основания обращаться для этого к знакомому фельдшеру; но отравить другого уксусной эссенцией очень трудно, хотя бы и живя в одной квартире с отравляемым: ее нельзя выпить незаметно; отравить морфием при тех же условиях несравненно легче.

Блистательный пример *retorsionis argumenti ex persona* указан Аристотелем (*Rhetor.*, II, 23): «Ификрат спросил Аристофонта, способен ли был бы тот продать за деньги флот неприятелю; а когда тот ответил отрицательно, сказал: ты, Аристофонт, не решился бы на измену, а я, Ификрат, пошел бы на нее!»

В деле священника Тимофеева, обвинявшегося в убийстве мужа своей любовницы, был свидетель Григорий Пеньков. Он давал страшные показания против подсудимого; он говорил, что священник много раз подговаривал его убить Никиту Аксенова, что в ответ на отказ Тимофеев просил только побить Никиту настолько, чтобы жена имела повод послать за священником, то есть за подсудимым. Григорий Пеньков шел дальше: по его словам, священник высказывал при этом, что, причащая Никиту, он без труда заставит его выпить яду из святой чаши.

Невероятное показание! Однако обвинитель имел основание верить ему. Но Григорий Пеньков был горький пьяница и два раза сидел в тюрьме за кражи. Возможно ли, спрашивал защитник, мыслимо ли отнестись не только с доверием, но хотя бы со вниманием к этому чудовищному обвинению? И кто же свидетель? Кто обличитель? Последний мужик во всей деревне, пропойца, известный вор. Довольно знать его, чтобы выбросить из дела его показание как бессмысленную, наглуемую ложь.

Что можно было возразить на это?

Обвинитель благодарил противника за яркое освещение этой непривлекательной фигуры: «Защитник совершенно прав, говоря, что Григорий Пеньков — последний мужик в Ендовке; только поэтому мы и можем поверить его ужасным показаниям; когда нужен убийца, его ищут не в монастыре, а в кабаке или в остроге. Только такой человек,

как Григорий Пеньков, и мог знать то, что говорил суду; если бы честный и трезвый крестьянин говорил, что священник решился подкупать его на убийство, мы действительно не могли бы верить ему».

* * *

7. Не спорьте против несомненных доказательств и верных мыслей противника. Это спор бесполезный, а иногда и безнравственный.

Антоний говорит у Цицерона: «Мое первое правило заключается в том, чтобы совсем не отвечать на сильные или щекотливые доказательства и соображения противника. Это может показаться смешным. Кто же не сумеет этого? Но я говорю о том, что делаю я, а не о том, что могли бы сделать другие на моем месте, и, признаюсь, что там, где противник сильнее меня, — отступаю, но отступаю, не бросив щита, не прикрываясь даже им; я сохраняю полный порядок и победоносный вид, так что мое отступление кажется продолжением битвы; я останавливаюсь в укрепленном месте так, чтобы казалось, что отступил не для бегства, а для того, чтобы занять лучшую позицию». Если факт установлен, то задача не в том, чтобы возражать против него, а в том, чтобы найти объяснение, которое примирило бы его с выводом или основными положениями оратора. Защита доктора Корабевича в процессе 1909 года была сплошным нарушением этого основного правила; правда, защитники были связаны настойчивым запирательством подсудимого. Он был осужден.

* * *

8. Не опровергайте невероятного; это — удары без промаха по воде и по ветру. Подсудимый обвинялся в двух покушениях на убийство: он в упор стрелял в двух человек, попал в обоих, но ни одна из трех пуль не проникла в толщу кожи раненых. Эксперт сказал, что револьвер, из которого были произведены выстрелы, часто не пробивает одежды и служит больше к тому, чтобы пугать, чем нападать или защищаться. Обвинитель сказал несколько слов о слабом бое револьвера. Защитнику надо было только мимоходом, с убеждением в тоне упомянуть, что из револьвера нельзя было убить. Вместо этого он стал приводить самые разнообразные соображения, чтобы доказать то, что было ясно из самого факта и с каждым новым соображением давно сложившаяся мысль — не револьвер, а игрушка — постепенно тускнела и таяла. Мальчишка-подсудимый производил жалкое впечатление; отзывы о нем были хорошие; казалось возможным, что его напоили старшие, чтобы толкнуть на бывшего хозяина. На суде он, вероятно, был подавлен обстановкой и, может быть, жалел о том, что сделал, но высказать этого не умел. Это надо было объяснить присяжным, но об этом защитник не подумал.

* * *

9. Пользуйтесь фактами, признанными противником.

Эсхин приглашал афинян судить Демосфена по обстоятельствам дела, а не по предвзятому мнению их о нем. Демосфен ответил на это: Эсхин советует вам отрешиться от того мнения обо мне, которое вы принесли сюда с собой из дому. Посмотрите, как непрочна то, что несправедливо. Ведь этим самым он утверждает вашу уверенность в том, что мои советы всегда шли на пользу государства, а его речи служили выгодам Филиппа. Зачем бы ему разубеждать вас, если бы вы не думали именно так? (*De corona*, 227, 228). Это не есть *retorsio argumenti*: Демосфен не говорит, что требование Эскина лишено логического или нравственного основания; он пользуется тем, что противник признал факт, ему выгодный, и, заняв открывшуюся позицию, немедленно переходит в наступление.

* * *

10. Если защитник обошел молчанием непроверяемую улику, обвинителю следует только напомнить ее присяжным и указать, что его противник не нашел объяснения, которое устранило бы ее. Если в защитительной речи были ошибки или искажения, возражение обвинителя должно быть ограничено простым исправлением их, без всяких догадок или изобличений в недобросовестности. Наши обвинители не знают этого, и прокурорское возражение часто превращается в ненужные, не всегда пристойные, а иногда и оскорбительные личные нападки; это неизбежно вызывает и колкости с противной стороны.

В виде общего правила можно сказать, что обвинитель не должен возражать; возражение есть уже признание силы защиты или слабости обвинения; напротив, спокойный отказ от возражения есть подтверждение уверенности в своей правоте. Если в речи защиты были доводы, которые могли произвести впечатление на присяжных, но не пошатнули обвинения, обвинитель должен опровергнуть их в немногих словах, предоставив присяжным их более подробное обсуждение.

* * *

Следует помнить общее правило всякого спора: чтобы изобличить неверные рассуждения противника, надо устранить из них побочные соображения и, отделив положения, составляющие звенья логической цепи, расположить их в виде одного или нескольких силлогизмов; ошибка тогда станет очевидной. Этот прием вполне уместен в судебной речи: он указывает присяжным, что хотя доводы противника могут казаться очень убедительными, на них все-таки полагаться нельзя.

Можно сказать, что почти каждое обвинение в посягательстве против женской чести заканчивается ясно или неявно выраженной мыс-

лю: если этот подсудимый будет оправдан, нам придется дрожать за наших жен и дочерей. Логическое построение этой мысли таково: всякий, совершивший преступление против женской чести, должен быть наказан, ибо иначе мы будем дрожать за своих жен и дочерей; подсудимый совершил такое преступление; следовательно, подсудимый должен быть наказан. Первая посылка составляет бесспорное положение, но пока не доказана вторая, вывод не верен. Защитник должен возразить: всякий, не изблеченный в преступлении, должен быть оправдан. Вопрос в том, изблечен ли подсудимый, обвинитель подменил предмет спора: он доказывает то, в чем никто не сомневается, но что для нас не имеет значения, пока не решен главный вопрос. Этот софизм повторяется на каждом шагу не только в делах этого рода, но и при всяких других обвинениях.

Преувеличение

Во всяком практическом рассуждении важно не только то, что сказано, но и то, как сказано. Риторика указывает некоторые искусственные приемы усиления мыслей формой их изложения. Некоторые из этих приемов уже были указаны мной в главе о цветах красноречия. Привожу еще несколько таких указаний.

По замечанию Аристотеля, одним из способов подкреплять или отвергать обвинение служит преувеличение. Вместо того чтобы доказать или отрицать виновность подсудимого, оратор распространяется о зле преступления; если это делает сам подсудимый или его защитник, слушателям представляется, что он не мог совершить такого злодеяния, и наоборот, кажется, что оно совершено им, когда негодует обвинитель. Этот прием или, если хотите, эта уловка ежедневно применяется в каждом уголовном суде. К нему прибегает прокурор, когда, как я упоминал, сознавая слабость улики, предупреждает присяжных, что они будут дрожать за своих жен и детей, если оправдают подсудимого, обвиняемого по ст. 1523 или 1525 Уложения о наказаниях. То же делает защитник, развивая предположение о предумышленном убийстве, когда подсудимый предан суду лишь по 2 ч. 1455 ст. Уложения: после этого легче говорить о ненамеренном лишении жизни, или когда вместо диффамации рассуждает о клевете. Аристотель указывает, что здесь нет энтимемы, то есть нет логического умозаключения: слушатели делают неверный вывод о наличии или об отсутствии факта, который на самом деле остается под сомнением. Этим же приемом пользуется Ше д'Эст Анж в защите ла Ронсьера: он иронически называет подсудимого невероятным злодеем, небывалым чудовищем, исчадием ада.

Гражданский истец по этому делу Одилон Барро закончил свою речь таким образом: «Вся Франция, целый мир, быть может, не без тревоги ждут вашего ответа. Здесь решается участь не одной отдельной семьи, не двух, трех лиц, здесь нужно дать высокий нравственный урок, надо оградить глубоко потрясенные основы общей безопасности семейной. Это дело, господа, кажется воплощением какого-то современного стремления к нравственному извращению. Во всякой эпохе были свои моды; мы знаем развратников времен Людовика XV, регентства, империи; мы знаем их, знаем характерные черты тех и других. Одни скрывали свои пороки под внешним лоском, под соблазнительной внешностью; другие подчиняли свои страсти стремлению к славе; потом пришло другое время, наше время, и явились люди, которым кажется, что все, что существует в природе, все, что возможно, — прекрасно, что есть какая-то поэзия в преступлении... И, увлекаясь своим расстроенным воображением, эти люди стали искать новых ощущений какой бы то ни было ценой. Нравственное сознание заражено, и чуть не каждый день приходится слышать о гнусных преступлениях, поражающих своею чудовищностью, непохожих на прежние; эти преступления в самой извращенности своей находят защиту, потому что превосходят все наши представления, все человеческие вероятия. Если мы дошли до этого, то государственное правосудие, вами здесь представленное, правосудие человеческое, отражение небесного, должно дать обществу грозное предупреждение, должно остановить его в этом общем распаде, дать залог безопасности семейного очага. Нельзя допустить, чтобы эта несчастная семья (мне уже не приходится говорить о ее высоком положении, могуществе, богатствах; нет семьи, самой скромной, самой несчастной, для которой семья Моррель не была бы предметом жалости), нельзя допустить, чтобы она вышла из этой ограды, куда ее привела горестная необходимость восстановить свою честь, нельзя допустить, чтобы она вышла отсюда опозоренная судебным приговором и чтобы отныне было ведомо всем и каждому, что существует преступление, для которого нет возмездия и в котором обращение к правосудию ведет лишь к публичному позору пострадавших».

Что это за неслыханное, небывалое злодеяние? Это преступление, которое совершается ежедневно и часто карается должным возмездием. Это даже не было оконченное преступление: ла Ронсьер обвинялся лишь в покушении на честь девушки. И, однако, даже в чтении, спустя полвека в чужой стране эти слова производят впечатление, подчиняют себе воображение. Можно судить о том, какое сильное предубеждение они должны были создать против подсудимого на суде, хотя в них нет и тени улики против него. Как мы видели, защитник приводил то же

самое соображение, поддерживал у присяжных то же преувеличенное представление о злодействе преступления в подтверждение того, что подсудимый — не чудовище и не злодей, не мог совершить его.

Крестьянин Евдокимов нарубил в общественном лесу три воза дров, запродал их крестьянину Филиппову и получил задаток. Сторож, крестьянин Родионов, застиг порубщика и прогнал его; Евдокимов подчинился этому без раздражения и брани. Филиппов, приехавший за дровами, убедил Родионова выпустить один воз на деревню: крестьяне могли разрешить покупку. Они втроем отправились в деревню; по пути, на перекрестке, Родионов взял лошадь под уздцы, чтобы направить ее куда следовало. В это время Евдокимов, не говоря ни слова, бросился на него с топором и три раза ударил его. По счастливой случайности Родионов уцелел, хотя получил три раны и оглох на одно ухо. Он давал показания с удивительной правдивостью и незлобивостью, заявил даже, что готов простить Евдокимова. Следствием было установлено, что Евдокимов был пьян. Свидетель удостоверил, что, и трезвый и пьяный, он был смирный человек; никаких указаний на умоисступление не было. Защитник, однако, пытался доказать невменяемость и настаивал на оправдании. Это было совершенно безнадежно. А подсудимому можно было помочь. Что стоило защитнику сказать присяжным: если бы Евдокимов хотел убить Родионова и, несмотря на выпитую водку, вполне сознавал все, что делал, то, конечно, нет довольно строгого наказания за эту дикую расправу с человеком, исполнявшим свой долг. Если для вас ясно, что это так и было, я затрудняюсь найти подходящее название этому зверскому поступку. Я скажу даже, что наказание, грозящее ему по закону, слишком снисходительно для его преступления. Но ведь перед вами четыре свидетеля единогласно удостоверяют, что это совершенно добродушный человек; в числе этих свидетелей — и сам пострадавший, спасшийся только чудом и оставшийся на всю жизнь калекой. Поступок, действительно, зверский, но факт мгновенный; а люди, давно знающие Евдокимова, его односельчане, говорят: не зверь, а смирный человек. Присяжные увидели бы, что из двух возможных предположений второе ближе к истине; коль скоро это так, они, естественно, будут склонны идти по пути, благоприятному для подсудимого.

Повторение

В разговоре кто повторяется, считается несносным болтуном; что сказано раз, то неприлично повторять. А перед присяжными повторение — один из самых нужных приемов. Сжатая речь — опасное достоинство для оратора. Мысли привычные, вполне очевидные скользят

в мозгу слушателей, не задевая его. Менее обыкновенные, сложные не успевают в него проникнуть. Всякий отлично знает, что такое дневной свет, знает, что без света нет зрения. Однако, любуясь на красоты божьего мира, мы не думаем о свете. С другой стороны, для человека мало-развитого новая мысль есть трудность. Надо дать ему время вдуматься, усвоить ее, надо задержать на ней его внимание. Возьмем известное стихотворение Тютчева:

Два демона ему служили.
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змеи вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет
И в самом буйстве дерзновений
Змеиной мудрости расчет!

В этих восьми строках четыре раза повторяется одна и та же мысль; однако повторение не надоедает, а как бы увлекает нас с каждым разом дальше в глубину мысли поэта.

Чтобы не быть утомительным и скучным в повторении, оратор, как видно из этого образца, должен излагать повторяемые мысли в различных оборотах речи. По замечанию Уэтли, то, что первоначально высказано в прямых выражениях, может быть повторено в виде метафоры, в антитезе можно переставить противоположаемые понятия, в умозаключении — вывод и посылку, можно повторить ряд высказанных соображений в новой последовательности и т. п.

Все это крайне легко. Возьмем все то же дело Золотова. По обвинительному акту, два хулигана совершили убийство вследствие подкупа богатого человека. Основная мысль так очевидна, что не привлекает к себе внимания, не может заинтересовать слушателя и становится, как дневной свет, незаметной. Надо *навязать* ее присяжным. Применим к этому случаю каждый из четырех приемов, указанных Уэтли.

1. *Метафора.* Золотов подкупил Киреева и Рапацкого убить Федорова. Что такое Рапацкий и Киреев? Это палка и нож, послушные вещи в руках Золотова.

2. *Антитеза.* Для Киреева и Рапацкого Федоров первый встречный: ни друг, ни недруг; для подсудимого — ненавистный враг; он — в золоте, они — в грязи; он может заплатить; они рады продать себя; они призывали к крови, он боится ее.

3. *Перестановка посылок и вывода.* У Киреева была палка, у Рапацкого — нож. Чтобы побить Федорова, довольно было палки. Очевидно, что Золотов требовал убийства. — Золотов требовал убийства.

Палкой убить не так просто. У Киреева в руках палка, у Рапацкого — нож.

4. *Перемена в порядке изложения.* Почему стали убийцами Киреев и Рапацкий? — Потому, что Золотову нужно было убийство. Почему приказчик Лучин пошел нанимать убийц? — Потому, что велел хозяин. Почему взят у старухи-матери единственный работник Чирков, почему оторван от жены и детей Рябинин? — Потому, что для семейного благополучия Золотова было необходимо их соучастие в убийстве.

То же в другом порядке. — В чем виноват Золотов? Лучше спросить, не он ли виноват во всем и за всех. Кто, как не он, сделал убийцами послушного Лучина, невежественных Киреева и Рапацкого, жадного Рябинина и легкомысленного Чиркова?

Само собой разумеется, все это нельзя говорить так, как оно сейчас написано, одно вслед за другим. Мысль слишком простая. Она должна быть разбросана по всей речи обвинителя, повторяясь как бы нечаянно, мимоходом.

В речи о венце Демосфен говорит о вступлении Филиппа в Грецию и занятии им Элатеи. Как только известие об этом пришло в Афины, поднялась тревога. На следующий день, уже на рассвете весь город был на пниксе. Пританы подтвердили грозный слух, и по обычаю глашатай обратился к присутствующим, приглашая желающих говорить. Все молчали. Воззвание повторялось несколько раз, никто не решался говорить, «хотя по закону голос глашатая справедливо признается голосом самого отечества». Тогда Демосфен выступил перед народом с предложением о помощи фиванцам. Последующее место в речи представляет удивительный образец риторической техники. «Мое предложение, — сказал он, — привело к тому, что гроза, висевшая над государством, рассеялась, как облако. Долг каждого честного гражданина обязывал его говорить, если он мог дать лучший ответ, а не откладывать на будущее обвинение против советника. Добрый советник и крючкотвор тем и отличаются друг от друга, что один высказывается, не дожидаясь событий, и берет на себя ответственность перед слушателями, перед случайностями, перед неизвестным, одним словом, перед всеми и всем; а другой молчит, когда следует говорить, а когда наступит несчастье, клеветает на других. Как я сказал, тогда было время для людей, верных родине, и для честных речей. Но теперь скажу иначе: ежели теперь кто-либо может указать что-нибудь лучшее или вообще если можно было решиться на что-либо другое, кроме того, что было предложено мною, я признаю себя виновным. Ежели кто из вас знает такую меру, которая могла бы тогда принести нам пользу, признаю себя виновным в том, что не заметил ее. Но ежели нет никакой, ника-

кой и не было и даже сегодня никто не может указать никакой, то как должен был поступить добрый советчик? Не должен ли был он указать лучшее, что мог, и притом единственно возможное? Это сделал я, когда глашатай спрашивал, кто хочет говорить, а не кто хочет обвинять за прошлое или кто хочет ручаться за будущее? И когда ты сидел и молчал, я встал и говорил. Что же? Если ты тогда ничего не мог указать, укажи хоть теперь. Скажи, какое соображение, какую полезную меру я упустил из виду? Какой союз, какие действия могли быть полезны государству и остались мной не замеченными?» Здесь переплетаются два повторения: о предложении Демосфена и молчании Эсхина и о недобросовестном обвинении со стороны последнего.

О недоговоренном

По свойствам нашего ума всякое незаконченное логически положение, высказанное другим лицом, дает толчок нашей рассудочной деятельности в указанном направлении; и хотя по формальным условиям мышления для всякого вывода необходимо сопоставление двух посылок, это требование не стесняет нас. Я пишу: некоторые люди обладают ораторским талантом; это вовсе не значит, что есть люди, лишенные этого дара, ибо это частное суждение логически не исключает возможности общего положения: все люди обладают ораторским талантом. Но ум быстрее пера и смелее логики, и мой читатель, прочитав частное суждение, не допускающее логического опровержения, уже возражает на него: «Но большинство людей не обладают ораторским талантом». Потребность дополнить чужую мысль или возразить ей бывает особенно сильна, когда возражение подсказывается знанием, жизненным опытом и, еще более, самолюбием. Я пишу: если читатель не понимает книги, он сам виноват в этом. Вы немедленно скажете: а может быть, виноват писатель. Скажи я: если читатель не понимает книги, в этом виноват писатель; вы прибавите: или читатель. В обоих случаях я мог иметь в виду только непосредственное содержание своих слов, но мог иметь в виду и навести вас на противоположный вывод. Во втором случае в вашем мозгу отразилась мысль, ранее родившаяся в моем. Но в первом случае, если это не *parthenogenesis*, это не есть и повторение чужой мысли; это ваша мысль, а не моя. Этим самым она кажется вам более убедительной. Опытный оратор всегда может прикрыть от слушателей свою главную мысль и навести их на нее, не высказываясь до конца. Когда же мысль уже сложилась у них, когда зашевелилось торжество законченного творчества и с рождением мысли родилось и пристрастие к своему детищу, тогда они уже не критики, полные недоверия, а единомышлен-

ники оратора, восхищенные собственной пронизательностью. Мысль так же заразительна, как и чувство.

Итак, надо запомнить, что половина больше целого. В драме Леонида Андреева «Царь Голод» в сцене суда над одним из голодных говорится о Смерти: «Она, свирепея все более, высокая, черная, *страшная...*» С последним словом впечатление мгновенно ослабевает.

В речи Александрова по делу Веры Засулич нет резких выражений. Защитник говорит: распоряжение, происшествие, наказание, действие; но, просмотрев эту речь, вы чувствуете, что присяжные, слушая эти бесцветные слова, мысленно повторяли: произвол, надругательство, истязание, безнаказанное преступление.

Оратор должен быть как Фальстаф: не только сам быть умен, но и возбуждать ум в других. Если вы вдумаетесь в обстановку судебной речи, то скажете, что уменье не договаривать есть залог цельного впечатления слушателей от слов обвинителя и защитника.

Не договаривайте, когда факты говорят за себя.

Свидетель показывает, что подсудимый заходил к нему накануне заседания. Прокурор спрашивает: «Не просил ли он вас дать показания на суде? Не привез ли он вас в суд на своей лошади? Не угощал ли сегодня утром в трактире?» Свидетель подтверждает все это. Прокурор видит в этом подстрекательство к лжесвидетельству, изобличает подсудимого и свидетеля в стачке, негодует; его слова производят впечатление. Но что стоит защитнику спросить присяжных: если бы кто из вас был по недоразумению предан суду и знал, что одним из оснований обвинения было показание его соседа, имел бы он право пойти к нему и напомнить ему, как было дело? Если бы он знал, что сосед может удостоверить обстоятельство, опровергающее обвинение, имел бы он право просить его сделать это? Не понимаю, почему прокурор видит в этом преступление: ст. 557 уже предоставляет это подсудимому как право. Если бы обвинитель ограничился внушительным напоминанием факта, не распространяясь о его толковании, защитнику пришлось бы приводить свои соображения как доказательства, а не как опровержение, что далеко не так убедительно.

В 1856 году в Лондоне разбирался громкий процесс Пальмера, обвинявшегося в отравлении Парсона Кука. Вечером, за несколько часов до смерти Кука Пальмер принес ему лекарство, в котором был стрихнин. Больной отказывался взять пилюли, но Пальмер настоял на том, чтобы он принял их. Затем Пальмер ушел в свою комнату спать, оставив при больном его приятеля Джонса. Не успел последний скинуть верхнее платье, как услышал страшный крик Кука. Горничная пошла за Пальмером; он тотчас же вышел из своей комнаты. Передав эти подробности

присяжным в своей вступительной речи, генерал-атторней сказал: «Через две минуты Пальмер был у постели больного и, хотя никто его не спрашивал, высказал странное замечание: „Никогда в жизни не приходилось мне одеваться так скоро”. Из вашего ответа, господа, мы узнаем, думаете ли вы, что ему пришлось одеваться». Оратор не досказал своей мысли, но, конечно, присяжные не могли не сделать естественного вывода. Отравитель и не раздевался: *он ждал*.

Осторожность обвинителя была вполне уместна в этом убедительном, но тонком указании; ничуть не ослабив его силы, он заранее отвел от себя удар противника.

Не выражайте ни хвалы, ни порицания, когда доказываете, что человек заслуживает того или другого. Докажите это и, не назвав его трусом, скрягой, бессребреником, другом человечества, заговорите о другом, а потом, спустя некоторое время, называйте его тем самым словом, которое вы уже подсказали присяжным.

Ничто так не требует сдержанности в выражениях, как похвала, особенно если она касается присутствующих. Неумелое восхваление переходит в лесть, насмешку, оскорбление или пошлость. Нельзя не удивляться, что наши обвинители и защитники решаются говорить присяжным о их глубоком знании жизни и вдумчивом отношении к деду. Искусство заключается в том, чтобы слушателям казалось, что одобрение или восхищение вырвалось у оратора ненамеренно и для него самого неожиданно: то, что сказалось нечаянно, несомненно, было искренно.

Чтобы судить о том, как случайны, прихотливы и вместе с тем как изящны бывают такие обороты речи, надо вспомнить слова Буало в известной оде после победоносного похода Людовика XIV во Францию.

Поэт, казалось бы, хочет только сказать, что трудно написать хорошее стихотворение; но вместе с тем и как бы неожиданно для самого себя высказывает и другую мысль: французы так научились побеждать, что для их полководцев брать неприятельские города есть самое легкое дело.

А порицание? Я обращаюсь к вам, читатель, и говорю: вы не знаете своего родного языка, вы не умеете мыслить, не умеете говорить. Вы едва ли будете довольны этой тирадой. Но я скажу: мы не знаем русского языка, мы утратили здравый смысл, мы разучились говорить — и вы не заметите, что эти укоры относятся столько же к вам, как и ко мне.

Недоговоренная мысль всегда интереснее высказанной до конца; кроме того, она дает простор воображению слушателей; они дополняют слова оратора каждый по-своему. *Ein Jeder sucht sich selbst was aus*. Если намек сделан умело, это служит только к выгоде оратора. «Хо-

чешь воздать должное Цезарю, — говорится у Шекспира, — скажи: Цезарь». Никто не подумает, что это значит трус, скряга, честолюбец; напротив, всякий представит себе те достоинства и заслуги, которые особенно ценит в людях.

Не все можно говорить, но благодаря чудодейственной гибкости слова все можно передать в речи; надо только владеть словами, а не подчиняться им. Привожу случайный пример. «Выйдя из исправительного приюта, — говорил защитник, — Никифоров сейчас же пошел на кражу; очевидно, в этом приюте его *не учили* тому, что красть нельзя». Своей явно несообразностью эти слова немедленно вызывают мысленное возражение у слушателя и вызвали резкое замечание председателя. Между тем, если бы оратор сказал то, что хотел сказать: очевидно, в этом приюте *его не отучили* красть, его намек не был бы грубостью и обвинение воспитательного заведения в краже, совершенной рецидивистом, не имело бы вида нелепости.

Старик-рабочий вернулся домой пьяный; пьяная жена встретила его бранью и вцепилась ему в волосы; он ударил ее подвернувшимся поленом и нанес ей смертельную рану. Никаких указаний на намеренное убийство в деле не было; тем не менее он судился не по 1465 ст. или 2 ч. 1484 ст., а по 2 ч. 1455 ст. Уложения. Защитник сказал, что прокурорская власть запросила больше, чем следовало, чтобы было, что скинуть. Упрек был справедлив, но неуместные выражения: запросить, скинуть — дали председателю законный повод резко остановить защитника, а в заключительном слове разъяснить присяжным, что никто не торгуется на суде, что суд не лавочка, как думает адвокат, и т. п. Надо было высказать мысль осторожнее. Что стоило оратору, разбивая явно преувеличенное обвинение, упомянуть мимоходом о гарантиях, установленных для подсудимого в обряде предания суду? Вместо заслуженного замечания защитнику председатель, пожалуй, был бы вынужден говорить о «случайной ошибке» непогрешимых.

Возможное и вероятное

Судебный оратор, если только он не переливает из пустого в порожнее, сравнительно редко может сказать: наверно; ему чаще приходится говорить: вероятно. Но надо говорить так, чтобы суд и присяжные, услышав от вас: вероятно, сказали от себя: наверно. Это простое соображение; я приведу ниже несколько примеров удачного его применения. Но наши молодые ораторы, особенно защитники, часто говорят так, как будто, сказав: вероятно, хотят внушить слушателям: вряд ли, или: ни в каком случае.

Подсудимый обвинялся в грабеже. Он спросил встречного прохожего, есть ли у него папиросы; тот ответил: нет; подсудимый засунул руку ему в карман и вытащил кошелек с деньгами. А вот и папиросы! — воскликнул он и бросился бежать, унося с собой кошелек. Он не признал себя виновным на суде и объяснил, что принял кошелек (кошелек, а не бумажник) за портсигар. Защитник говорил присяжным:

«Я считаю, что подсудимый не совершал того преступления, в котором он обвиняется. Его объяснение представляется мне *вполне правдоподобным*... Конечно, строго говоря, папиросы так же являются имуществом, как и деньги, и путем натяжки можно и это назвать грабежом; но такое толкование дела не соответствовало бы намерению подсудимого. Он хотел взять у потерпевшего одну папиросу, а случайно вытащил портсигар. Но затем он испугался крика потерпевшего и бросился бежать. Так он объясняет свой поступок, *и я не вижу в этом ничего невозможного, ничего невероятного*».

Невозможного действительно не было; но возможное далеко не есть вероятное, и люди знающие недаром говорят: вероятности лучше возможностей.

Другой случай. Вор пришел в квартиру состоятельного купца и сказал прислуге, что ее барыня заболела на улице и отвезена в больницу. Горничная заперла квартиру и побежала в магазин за хозяином, но по какой-то случайности сейчас же вернулась и нашла входную дверь взломанной, а в квартире вора, стоявшего у буфета со взломанными ящиками; в руках у него была серебряная сахарница, в кармане серебряные ложки. У него был соучастник, который успел ускользнуть, услышав приближение девушки: она встретила его на лестнице. Защитник доказывал, что кража была совершена с голоду, только чтобы купить кусок хлеба на украденную вещь. «*Подсудимые, — сказал он, — рассчитывали, что прислуга скоро вернется; стали бы они продолжать разгром квартиры, это большой вопрос*».

Подумайте, читатель, насколько правдоподобно и вероятно это утверждение.

Итак, *важнейшее правило*: найдя объяснение того или иного сомнительного обстоятельства, не довольствуйтесь тем, что оно возможно, что животное, ребенок или идиот могли поступить так; спросите себя, правдоподобно ли, вероятно ли ваше изобретение. Если вы будете внимательны к фактам и разумно требовательны к своим толкованиям, вы найдете соображения, в которых вероятность будет почти несомненностью.

Напоминая сказанное в пятой главе о житейской психологии, укажу здесь еще один или два примера правдоподобного и убедительного объяснения фактов.

В деле по обвинению одной газеты в клевете защитник спрашивал чиновников министерства финансов:

«Неужели вы не понимали, что при допущении такого несовершенного способа доказательств, как частные письма, неизбежны злоупотребления? Неужели элементарная осторожность не должна была возбудить в вас этих тревожных вопросов? Неужели требовалось двухлетнее расхищение казенных денег Сергеевым и его шайкой для того, чтобы чины министерства финансов стали более осмотрительными?»

«Ведь мать покойного мичмана Краевского, вызванная в суд обвинителями, простодушно заявила: когда мне сказали, что сын мой, получавший всего 190 рублей жалования, внес будто бы в судовую кассу свыше трех тысяч рублей, я сразу сказала: да этого и быть не может; самое большое, что мог он накопить, это рублей двести-триста.»

«И то, что доступно пониманию бесхитростной женщины, разве недоступно умудренным опытом и знанием чинам финансового ведомства?»

Соображение от имени здравого смысла получает здесь двойную цену в глазах присяжных: оно исходит не от искушенного в судебном состязании диалектика-адвоката, а от простодушной старушки-свидетельницы. Она сказала: *этого быть не может*, и присяжные, конечно, согласились с ней.

Двое гуляющих в парке слышат женский крик, идут на голос и видят на тропинке мужчину и женщину. В это время она не кричит. Он скрывается, она заявляет им, что подверглась грубому надругательству. Выясняется, что эта женщина вышла замуж пять месяцев тому назад. На суде, естественно, весь спор свелся к одному вопросу: правду говорит она или нет. Обвинитель сказал свою речь убежденным тоном, подчеркнул гнусный характер преступления и указал, между прочим, на житейские соображения: если бы была добровольная встреча, женщина не стала бы криком выдавать место тайного свидания; встретившись в условленном месте, любовники не остались бы на дороге, где ходят люди, а ушли бы в глубь парка. Но почему не прибавил оратор, что, сознавая себя виновной в измене мужу, эта женщина не пошла бы на встречу к незнакомцам, а поспешила бы скрыться, как скрылся ее любовник? Почему не отметил он, что подсудимый был грубый, неопрятный, уродливый парень, а муж этой женщины — настоящий красавец? Одного взгляда на обоих мужчин было довольно, чтобы устранить всякие сомнения.

В осеннюю ночь в Петербурге к городовому, стоявшему на Михайловском мосту, у Царицына луга, подошла молодая крестьянка и спросила, как пройти к Троицкому мосту. Городовой подозвал товарища; оба потребовали, чтобы девушка шла с ними в участок, и подвели ее к мосткам паровой пристани на Мойке. Она не хотела идти дальше; поли-

цейские пригрозили бросить ее в воду. Кругом никого не было видно; она повиновалась. Один из городских остался у входа на мостках, другой спустился за девушкой на пристань. Что было дальше, рассказывать не приходится. Несчастливая не избежала надругательства, а полицейский, стоявший на стороже, два раза подходил к товарищу, чтобы узнать, скоро ли его очередь. Но гнусное дело не прошло безнаказанным: его видел прохожий, сказал подошедшему случайно офицеру. Они освободили девушку; офицер записал номера городских. Преданные суду, оба утверждали, что девушка сама напросилась на их желание.

Защита выдвигала два обстоятельства против потерпевшей: во-первых, она спросила у городского дорогу на Троицкий мост, а следствием было установлено, что она каждый день ходила этим именно путем на Петербургскую сторону; во-вторых, она ни разу не крикнула; между тем, если бы она подвергалась грубому посягательству против ее желания, инстинкт женщины вырвал бы у нее крик о помощи.

Обвинитель предложил присяжным представить себе обстановку события. Ночь, холод, ветер, дождь; перед девушкой пустынное, темное Марсово поле, за ним черная Нева. Девушка идет одна, в сознании своего одиночества и беспомощности; ей жутко, ей страшно, и у нее является потребность ощутить присутствие живого существа, способного оградить ее от воображаемых опасностей. Она видит городского — чего же лучше? — и идет к нему с ненужным ей вопросом только для того, чтобы услышать человеческий голос и умерить свой страх. Что можно возразить на такое объяснение? Опровергнуть его нельзя.

«Защитник утверждает, — продолжал обвинитель, — что девушка по инстинкту должна была кричать. Она, конечно, кричала бы, если бы могла надеяться на чью-нибудь помощь. Но перед нею были только два злодея-насильника да безлюдная площадь. Когда она молила отпустить ее, ей отвечали: молчи или столкнем в Мойку. Полицейские зашли слишком далеко, чтобы остановиться перед убийством. Она, может быть, не понимала этого, но чувствовала, что один громкий возглас может погубить ее; инстинкт, именно инстинкт, страх смерти, присущий каждому живому существу, удержал ее крики и спас ее если не от насилия, то от воды». — И на это возразить нечего.

О здравом смысле

Помнится, читатель, мы несколько увлеклись с вами, когда рассуждали о художественной обработке дела. <...> Будем искать доводов от имени закона и здравого смысла.

Шла сессия в уездном городе; два «помощника» из Петербурга, командированные для защиты, наперерыв топили подсудимых. На второй или третий день было назначено дело по 1 ч. 1483 ст. Уложения. Во время деревенской беседы молодой крестьянин ударил одного парня ножом в живот; удар был очень сильный, рана опасна; к счастью, пострадавший выжил, но на суд он явился с неизлечимой грыжей. Свидетели разбились на две половины: одни утверждали, что Калкин ударил Федорова безо всякого повода, другие — что Федоров с несколькими другими парнями гнались за Калкиным с железными тростями в руках и что он ударил Федорова, настигнувшего его раньше других, не оглядываясь, защищаясь от нападения. На счастье подсудимого, молодой юрист, бывший на очереди защиты, не решился взяться за дело и заявил об этом суду. Произошло некоторое замешательство; судьи не хотели откладывать дела, но не решались приступить к разбору без защитника; в это время из публики неожиданно выступил отец Калкина и заявил, что защитник есть — родной дядя подсудимого. Перед судом предстал коренастый человек лет сорока, в широкой куртке, в высоких сапогах; ему указали место против присяжных. В течение судебного следствия он часто вызывал улыбку, не раз и раздражение у судей; он не спрашивал свидетелей, а спорил с ними и корил их; после обвинения товарища прокурора он произнес свою речь, обращаясь исключительно к председателю и совсем забыв о присяжных. «Ваше благородие, — начал он, — я человек необразованный и малограмотный; что я буду говорить, это все равно, как бы никто не говорил; я не знаю, что надо сказать. Мы на вас надеемся...» Он говорил, волнуясь, торопясь, затрудняясь; однако вот что он успел высказать:

1. Калкин не хотел причинить столь тяжкое повреждение Федорову, «он ударил его наотмашь, не оглядываясь, *то был несчастный случай, что удар пришелся в живот*».

2. Калкин не хотел этого; «он сам жалеет, что произошло такое несчастье; он сразу жалел».

3. Он не имел никакой вражды против Федорова; он не хотел ударить именно его.

4. Удар «пришелся» в Федорова потому, что он был ближе других: «*тот ему топчет пятки, он его и ударил*».

5. Он не напал, а бежал от напавших на него.

6. «*Их шестеро, они с железными палками, он один; он спасал свою жизнь и ударил*».

7. Несчастье в том, что у него оказался этот нож: «*ему бы ударить палкой, железной тростью, как его били; он сшиб бы Федорова с ног и только; тогда не было бы и такой раны; да палки-то у него с собой не случилось*».

8. «Какой это нож? Канцелярский, перочинный ножик; он не для чего худого его носил в кармане; у нас у всех такие ножи для надобности, для работы».

9. Он не буйн, он смиренный; «они за то его не любят», что он с ними водку не пил и им на водку не давал».

10. «Он смиренный; он не буйн, если бы он остался над Федоровым, когда тот упал, да кричал: «Эй подходи еще, кто хочет», — тогда бы можно сказать, что он их задирает; а он убежал;... размахнулся назад, ударил и убежал».

Кончил защитник тем, с чего начал: «Я не знаю, что надо говорить, ваше благородие, вы лучше знаете; мы надеемся на ваше правосудие...»

Доводы говорившего приведены мною в том порядке, в каком были высказаны им; логической последовательности между ними нет. Разберем, однако, логическое и юридическое значение каждого из них в отдельности. Защитник сказал:

во-первых, что тяжесть раны была последствием *случайности*, а именно случайности *по месту приложения удара*; юридически безразличное, житейски убедительное соображение;

во-вторых, что подсудимый раскаивается в своем поступке; это 2 п. 134 ст. Уложения о наказаниях;

в-третьих, что у подсудимого не могло быть заранее обдуманного намерения или умысла на преступление — прямое возражение против законного состава 1 ч. 1483 ст. в деянии Калкина;

в-четвертых, что случайность была и в *личности* жертвы — подтверждение первого житейского и третьего юридического соображения;

в-пятых, что поведение подсудимого *доказывало* отсутствие умысла — прямое возражение против 1 ч. 1383 ст.;

в-шестых, что подсудимый действовал в состоянии *необходимой обороны* — ст. 101 Уложения о наказаниях;

в-седьмых, что случайность была и в *орудии* преступления — «палки не случилось», подвернулся нож — подтверждение первого и третьего соображения;

в-восьмых, что орудие преступления — не сапожный, не кухонный, а перочинный нож — не соответствует предполагаемому умыслу подсудимого — убедительное житейское соображение против законного состава 1 ч. 1483 ст. Уложения о наказаниях;

в-девятых, что личные свойства подсудимого — характеристика, если хотите, *вызывают сомнение* в составе преступления и объясняют неблагоприятные показания некоторых свидетелей;

в-десятых, что поведение подсудимого *подтверждает* характеристику, сделанную защитником, и *доказывает* отсутствие заранее обдуманного намерения или умысла.

Вот защита, господа защитники!

Дело было сомнительное. Подсудимый не только по обвинительному акту, но и по судебному следствию рисковал арестантскими отделениями, потерей всех особых прав и высылкой на четыре года. Присяжные признали рану легкой, признали состояние запальчивости и дали снисхождение. Судьи приговорили Калкина к тюремному заключению на два месяца. В следующем перерыве я подошел к оратору и, поздравив его с успехом защиты, спросил между прочим о его занятии. Он заторопился:

«Да я... Так что я... У меня две запряжки. Я извозчик».

Заметили ли вы, читатель, общую техническую ошибку профессиональных защитников? Заметили ли вы, что извозчик не сделал ее? Каждый присяжный поверенный и каждый помощник требуют оправдания или, по крайней мере, говорят, что присяжные могут не обвинить подсудимого; извозчик сказал: «Мы на вас надеемся». В их речах звучит нравственное насилие над судьейской совестью; в его словах — уважение к судьям и уверенность в их справедливости. И при воспоминании о его защитительной речи мне хочется сказать: «Друг, ты сказал ровно столько, сколько сказал бы мудрец».

Этот простой случай заслуживает большого внимания начинающих адвокатов. В словах этого извозчика не было ни одного тонкого или глубокомысленного соображения. И сам он не показался мне человеком выдающимся. Это был просто разумный мужик, говоривший здравые мысли. Любой из наших молодых защитников, конечно, мог бы без затруднения, но при старании и без суетливости найти все его соображения. Можно, пожалуй, сказать, что трудно было не заметить их. Однако я имею основания думать, что, если бы им пришлось защищать молодого Калкина, они или, по крайней мере, многие из них не сказали бы того, что сказал его дядя, а наговорили бы...

Думаю так по своим наблюдениям. Предлагаю читателю судить по некоторым отрывкам.

Двое мальчишек обвинялись в краже со взломом; оба признали себя виновными, объяснив, что были *пьяны*; оба защитника доказывали *крайность* и требовали оправдания. Подсудимый был задержан в ту минуту, когда пытался вынуть деньги из кружки для сбора пожертвований в пользу арестантских детей при помощи особой «удочки»; при нем оказалась и запасная такая же удочка, и он признал, что уже был один раз осужден за такую же кражу; его защитник потребовал оправ-

дания, сказав между прочим: «Для меня вполне ясно, что подсудимый действовал почти машинально».

Подсудимый обвинялся по 2 ч. 1655 ст. Уложения о наказаниях; не помню, была ли это четвертая или пятая кража; защитник говорил: «Прокурор считает, что прежняя судимость отягчает вину подсудимого. Я, как это ни парадоксально, утверждаю противное; если бы он не был заражен ядом преступности, уязвлен бациллой этой общественной болезни, он предпочел бы голодать, а не красть; поэтому его прежняя судимость представляется мне обстоятельством не только смягчающим, но и исключаяющим его вину».

Девушка 17 лет, бегавшая по садам и театрам, украла меховые вещи, стоившие 1000 рублей, заложила их и накупила себе нарядов и золотых безделушек; вещи были найдены и возвращены владельцу. «Если бы у меня, — сказал защитник, — был крупный бриллиант, Регент или Коинур, стоящий несколько миллионов, его украли бы, продали за 50 копеек и я потом получил бы его в целости, — можно ли было бы говорить о краже на сумму нескольких миллионов? Конечно, нет, и поэтому с чисто юридической точки зрения, несомненно, следует признать, что эта кража на сумму менее 300 рублей!» — это говорил немолодой, образованный и умный адвокат.

Разбиралось дело по 2 ч. 1455 ст. уложения, то есть об убийстве; перед присяжными в арестантском бушлате стоял невысокий геркулес: широкие плечи, богатырская грудь; благодаря низкому росту он казался еще более крепким. Защитник говорил о превышении необходимой обороны, так как подсудимый был «человек довольно слабого сложения».

Подсудимый обвинялся по 1489 и 2 ч. 1490 ст. уложения; преступление было совершено 31 декабря 1908 г. По обвинительному акту присяжные знали, что он признавал себя виновным на предварительном следствии. Защитник, доказывая невозможность обвинительного приговора, сказал: «Вина Приватова, в сущности, в том, что он захотел встретить новый год и не рассчитал своих сил». Таковую представлялась защитнику вина человека, в пьяном озлоблении забившего насмерть другого человека.

Защитник-извозчик говорил только по здравому смыслу и, как мы видели, этим путем угадывал разум неведомых ему законов. Запомните же, читатель, что защита идет перед лицом закона, и, насколько подсудимый прав, настолько закон не враг, а союзник его. Это уже один; призовите другого, не менее сильного — здравый смысл, и вы можете сделать многое. Вот вам пример.

Подсудимый судился по 3 ч. 1655 ст. Уложения о наказаниях; в обвинительном акте было сказано: Семенов обвиняется в том, что «меж-

ду 10 мая и 7 июня 1906 г. в Петербурге тайно похитил с расположенных на улицах: Расстанной, Тамбовской, Курской, Прилукской, Лиговской, с набережной Обводного канала и в Расстанном переулке с фонарей бельгийского общества электрического освещения двадцать одну реактивную катушку, стоимостью свыше 300 рублей, то есть в преступлении, предусмотренном 3 ч. 1655 ст. Уложения о наказаниях». Он признал себя виновным и объяснил, что совершил кражу по крайности.

Из речи защитника было видно, что он очень внимательно отнесся к делу и старательно готовился к нему. Что сказал он присяжным?

1. Похищение могло быть совершено не из корыстной цели, а из мести.

2. Тюремное заключение развращает людей.

3. Различие в наказуемости кражи на сумму более и менее 300 рублей имеет случайный характер, и по обстоятельствам дела, если бы присяжные не признали возможным оправдать подсудимого по первому и второму соображению, они имеют основания признать, что стоимость похищенного не превышает 300 рублей.

Можно ли назвать это сильными доводами? Между тем одно перечисление семи улиц в обвинительном пункте обличало непростительную ошибку в предании суду.

Семью семь — единица. Так рассуждали коронные юристы, от судебного следователя до членов судебной палаты. Если бы Иванов украл у Петрова в 1900 году 100 рублей в Одессе, в 1901 году — 100 рублей в Киеве, в 1902 году — 100 рублей в Москве и в 1903 году — 100 рублей в Петербурге, то, следуя такой логике, в 1904 году его можно было бы судить по 3 ч. 1655 ст. за кражу 400 рублей в Российской империи. Если бы защитник указал эту ошибку присяжным, вместо трех плохих доводов он предъявил бы им одно неотразимое соображение.

Известный берлинский адвокат Фриц Фридман рассказывает в своих воспоминаниях такой случай. Четверо известных берлинских шулеров приехали на модный курорт несколько ранее разгара сезона и, чтобы не пропустить дня без упражнения в благородном искусстве, «сели на лужок под липки» за веселый фараон. Зевающие лакеи и уличные мальчишки с почтением наблюдали за игрой. На ту беду — жандарм. Протокол; ст. 284 германского уголовного уложения; коронный суд, обвинительная речь и требование тюремного заключения на два года.

Адвокат сказал судьям: «Закон карает занятие азартными играми в виде промысла. Все мы, юристы, знаем, что разумеет закон под словами: занятие в виде промысла. Господин товарищ прокурора упомя-

нул об этом лишь вскользь. Тот, кто обращает известную деятельность в свой промысел, должен искать в ней свой заработок, весь заработок или часть его. Нет сомнения, и я не думаю оспаривать, что подсудимые очень часто ищут заработка в игре, если только им попадет в руки *посторонний*. Я вполне уверен, что, если бы жандарм не поторопился, в их силах очень скоро оказался бы такой «птенчик», и было бы нетрудно доказать их виновность на точном основании закона. Но пока эти господа оставались в своей компании, они *играли в игру*, вроде того как на придворных балах некоторые из приглашенных сидят за столами с картами в руках и болтают между собой всякий вздор, не ведая настоящей игры. Только этим ведь и объясняется обычное обращение императрицы Августы к своим гостям: „Извольте выигрывать?“ Я прошу об оправдании подсудимых за отсутствием в их деянии состава преступления».

Ищите таких доводов, читатель; старайтесь произносить такие речи. Это не красноречие, конечно, но это настоящая защита.

О нравственной свободе оратора

Всякий искусственный прием включает в себе некоторую долю лжи: пользование дополнительными цветами в живописи, несоразмерность частей в архитектуре и скульптуре применительно к расположению здания или статуи, риторические фигуры в словесности, демонстрация на войне, жертва ферзем в шахматах — все это есть до некоторой степени обман. В красноречии, как во всяком практическом искусстве, технические приемы часто переходят в настоящую ложь, еще чаще в лесть или лицемерие. Здесь нелегко провести границу между безнравственным и дозволенным. Всякий оратор, заведомо преувеличивающий силу известного довода, поступает нечестно; это вне сомнения; столь же ясно, что тот, кто старается риторическими оборотами усилить убедительность приведенного им соображения, делает то, что должен делать. Здесь отличие указать нетрудно: первый лжет, второй говорит правду; но первый может быть и вполне добросовестным, а доводы его все-таки преувеличенными; по отношению к неопытным обвинителям и защитникам это общее правило, а не исключение.

С другой стороны, возьмите *cartatio benevolentiae* перед враждебно настроенными присяжными; там уже не так просто будет отделать лесть от благородства. Представим себе, что на судебном следствии неожиданно открылось обстоятельство, в высшей степени неблагоприятное для оратора: свидетель-очевидец уличен во лжи, свидетель, удостоверявший алиби, отказался от своего показания. Оратор встре-

возможен, ибо он убежден в своей правоте. Если он даст присяжным заметить свое волнение, он искусственно усилит невыгодное для него впечатление; поэтому он, конечно, будет стараться казаться спокойным. Скажут: это самообладание. — Да, изредка; но в большинстве случаев это притворство.

Проф. Л. Владимиров в статье «Реформа уголовной защиты» говорит: «Можно и даже должно уважать защиту как великое учреждение; но не следует ее превращать в орудие против истины. Не странно ли слышать от такого процессуалиста, как Глазер («Handbuch des Strafprozesses»), что он вполне одобряет прием защиты, состоящий в замалчивании каких-либо сторон в деле в тех случаях, когда защитник это находит выгодным? Неужели же в самом деле защита есть законом установленные и наукой одобренные приемы для наилучшего введения судей в заблуждение? Нам кажется, что защита имеет целью выяснить все то, что может быть приведено в пользу подсудимого согласно со здравым смыслом, правом и особенностями данного случая. Но полагать, что и молчание для затушевывания истины входит в приемы защиты, значит заходить слишком далеко в допущении односторонности защиты.

Защита, конечно, есть самооборона на суде. Но судебное состязание не есть бой, не есть война; средства, здесь дозволяемые, должны основываться на совести, справедливости и законе. Хитрость едва ли может быть допускаема как законное средство судебного состязания. Если военные хитрости терпят, то судебные вовсе не желательны».

Это кажется очень убедительным, а самый вопрос имеет важнейшее значение. Прав или нет проф. Владимиров? Если защитник не имеет нравственного права умалчивать или замалчивать (дело не в словах) обстоятельства и соображения, изобличающие подсудимого, это значит, что он обязан напомнить их присяжным, если обвинитель упустил их из виду. Например: прокурор указал вам на некоторые незначительные разногласия в объяснениях подсудимого на суде; но если вы вспомните его объяснения, занесенные в обвинительный акт, вы убедитесь в еще более важных противоречиях, или обвинитель доказал вам нравственную невозможность совершения преступления лицом, изобличаемым подсудимым; я, согласно с современной теорией уголовной защиты, докажу вам физическую невозможность этого; прокурор назвал двух свидетелей, удостоверяющих внесудебное сознание подсудимого; я напомню вам, что свидетель N подтвердил это признание на суде, и т. д.

Если защитник будет говорить так, он, очевидно, станет вторым обвинителем и состязательный процесс превратится в сугубо розыскной.

Это невозможно. Но в таком случае не следует ли применить это же рассуждение и к обвинителю? Не имеет ли он права замалчивать факты, оправдывающие подсудимого, рискуя осуждением невинного?

Ответ напрашивается сам собой. Оправдание виновного есть незначительное зло по сравнению с осуждением невинного. Но, оставляя в стороне соображения отвлеченной нравственности, как и соображения целесообразности, заглянем в закон. В ст. 739 Устава уголовного судопроизводства сказано: «Прокурор в обвинительной речи не должен представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значение имеющихся в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления».

Статья 744 говорит: «Защитник подсудимого объясняет в защитительной речи все те обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное против подсудимого обвинение». Сопоставление этих двух статей устраняет спор: законодатель утвердил существенное различие между обязанностями обвинителя и защитника.

Суд не может требовать истины от сторон, ни даже откровенности; они обязаны перед ним только к правдивости. Ни обвинитель, ни защитник не могут открыть истину присяжным; они могут говорить только о вероятности. Как же ограничивать им себя в стремлении представить свои догадки наиболее вероятными?

Закон, как вы видели, предостерегает прокуратуру от односторонности в прениях. Требование это очень нелегко исполнить. А.Ф. Кони давно сказал, что прокурор должен быть говорящим судьей, но даже в его речах судья не раз уступает место обвинителю. Это кажется мне неизбежным, коль скоро прокурор убежден, что только обвинительный приговор может быть справедливым. Насколько могу судить, эта естественная односторонность в значительном большинстве случаев не нарушает должных границ; но не могу не обратить здесь внимание наших обвинителей, особенно начинающих товарищей прокурора, на одно соображение.

В провинции многие уголовные дела разбираются без защиты; в различных губерниях защитниками бывают неопытные помощники присяжных поверенных; это часто оказывается еще хуже для подсудимых. Своими неумелыми вопросами они подчеркивают показания свидетелей обвинения, изобличают ложь подсудимых и их свидетелей; незнанием и неверным пониманием закона раздражают судей; несостоятельными доводами и рассуждениями подкрепляют улики и легкомысленным требованием оправдания озлобляют присяжных. В словах этих нет преувеличения, ручаюсь совестью. Председатель может быть просвещен-

ным судьей, но может оказаться не совсем беспристрастным, или несведущим, или просто ограниченным человеком. Вот когда надо стать говорящим судьей, чтобы не сделать непоправимой ошибки «с последствиями по 25 ст. Уложения о наказаниях», то есть каторгой или хотя бы с чрезмерно строгим наказанием осужденного.

Я сказал, что от представителя стороны в процессе нельзя требовать безусловной откровенности. Что если бы нам когда-нибудь довелось услышать на прокурорской трибуне вполне откровенного человека?

«Господа присяжные заседатели! — сказал бы он. — Проникнутый возвышенной верой в людей, в человеческий разум и совесть, законодатель даровал нам свободный общественный суд. Действительность жестоко обманула его ожидания. В Европе преимущества суда присяжных вызывают большие сомнения. У нас таких сомнений быть не может. Ежедневный опыт говорит, что для виновного выгодно, для невинного опасно судиться перед присяжными. Это и не удивительно. Наблюдение жизни давно убедило меня, что на свете больше глупых, чем умных, людей. Естественный вывод — что и между вами больше дураков, чем умных людей, и, взятые вместе, вы ниже умственного уровня обыкновенного здравомыслящего русского обывателя. Если бы у меня сохранились какие-нибудь наивные самообольщения по этому поводу, то частью нелепые, частью бессовестные решения ваши по некоторым делам этой сессии открыли бы мне глаза».

Несомненно, что во многих случаях такого рода вступление было бы самым правдивым выражением мыслей оратора; но действие такого обращения на присяжных также не подлежит сомнению.

Представим себе такую речь: «Господа сенаторы! Кассационный повод, указанный в моей жалобе, составляет существенное нарушение закона. Но я знаю, что это обстоятельство не имеет для вас большого значения. В сборниках кассационных решений, а особенно в решениях ненапечатанных, есть немало приговоров, отмененных сенатом по нарушениям, признанным не существенными в ваших руководящих решениях, и есть десятки приговоров, оставленных в силе, несмотря на нарушения, многократно признанные недопустимыми. С другой стороны, я также знаю, что, хотя закон и воспрещает вам входить в оценку дела по существу, вы часто решаете его именно и исключительно на основании такой оценки. Поэтому я не столько буду стараться доказать вам наличие кассационного повода, сколько убедить вас в несправедливости или нецелесообразности приговора».

Остановитесь немного на этих двух примерах, читатель. Я не хочу сказать, что всякий думает так, как мои воображаемые ораторы; но тот, кто так думает, имеет право не высказывать этого и сделал бы глу-

пость, если бы сказал. Отсюда неизбежный вывод: в искусстве красноречия некоторая доля принадлежит искусству умолчания. Как же далеко могут идти в искусственных риторических приемах обвинитель и защитник на суде? Повторяю, здесь нельзя указать формальной границы: врач, который лжет умирающему, чтобы получить деньги за бесполезное лечение, — негодяй; тот, который лжет, чтобы облегчить его последние минуты, поступает, как друг человечества. Судебный оратор не может лгать, но за этим требованием он в каждом отдельном случае сам свой высший судья в том, на что имеет нравственное право в интересах общества или отдельных людей и что недопустимо для него:

To thine own self be true,
And it must follow, as the night the day,
Thou canst not then be false to any man –

«Будь верен самому себе, и ты всегда будешь прав перед другими».
Верен самому себе тот, кто к себе неумолимо строг.

ОБРАЗЦЫ АНТИЧНОГО СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ

Лисий

(ок. 459–380 гг. до н.э.)

Афинский оратор, логограф, один из десяти аттических ораторов, которых александрийские ученые (II или I в. до н.э.) признали классическими.

Речь о том, что не дают пенсии инвалиду¹

В Афинах уже со времени Солона был закон о выдаче инвалидам пенсии, которая в начале IV в. равнялась одному оболу (около 4 копеек) в день, хотя бы они еще были способны заниматься каким-нибудь ремеслом, если только стоимость их имущества не превышала трех мин (около 75 рублей). Каждый год Совет пятисот производил проверку инвалидности пенсионеров, и каждый гражданин мог заявить протест против дальнейшей выдачи пенсии инвалиду. Так произошло и в нашем случае: кто-то заявил, что один калека достаточно здоров и имеет такой заработок от ремесла своего, что может обходиться без пособия от государства. При рассмотрении этого дела Советом калека и произнес речь, составленную для него Лисием.

Калека был, по-видимому, человеком остроумным. В его мастерскую на рынке ходило много народа для препровождения времени, так что он был хорошо знаком своим согражданам. В этой речи Лисий выразил во всем блеске свою способность к этопее: речь полна грубого юмора и язвительных насмешек по отношению к противнику.

Члены Совета! Я почти что благодарен своему противнику за то, что он возбудил против меня это дело. Раньше у меня не было повода дать отчет в своей жизни, а теперь благодаря ему я получил его. В своей речи я постараюсь показать, что он лжет, а что я своей жизнью до нынешнего дня скорее заслуживал похвалы, чем зависти: не по другой какой причине, думается мне, он возбудил против меня это дело, а только по зависти. А кто завидует тому, кого все жалеют, пред какой подлостью,

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://simposium.ru/node/726>

как вы думаете, остановится подобный человек? Ведь если он сделал на меня ложный донос из-за денег...¹; но если он говорит, что мстит мне по личной вражде, то это ложь: с таким подлым человеком я никогда не был ни в дружбе, ни во вражде. Значит, члены Совета, уже сразу видно, что он завидует мне, — именно, что я, несмотря на свой недостаток, более, чем он, честный гражданин. Да, члены Совета, по моему мнению, телесные недостатки надо уравновешивать душевными достоинствами, это верно. Если, например, направление ума у меня и весь вообще образ жизни будет в соответствии с моим недостатком, то чем же я буду отличаться от него?

Но довольно об этом. Теперь я скажу, насколько возможно короче, о том, что составляет цель моей речи. Противник мой утверждает, будто я не имею права получать пособие от государства, так как я здоров физически и не принадлежу к числу «немощих», да и знаю такое ремесло, при котором могу жить и без этого пособия. В доказательство моей физической силы он указывает на то, что я могу ездить верхом, а в доказательство обеспеченности моей от ремесла — на то, что я могу водить компанию с людьми, могущими позволять себе кое-какие траты. Как велика моя обеспеченность от ремесла, да и вообще что за жизнь у меня, я думаю, вы все знаете; но все-таки и я скажу про это несколько слов. Отец мне оставил в наследство... ничего; мать кормить я перестал только третий год, с ее смертью; детей у меня пока еще нет, которые бы обо мне позаботились. Ремесло мое дает мало прибыли; к тому же мне самому им заниматься уже тяжело, а купить себе раба, который бы меня заменил в работе, пока еще не могу. Других доходов, кроме этого, у меня нет; и, если вы отнимете его у меня, мне грозила бы опасность очутиться в крайне тяжелом положении.) Поэтому, члены Совета, не приговаривайте меня к смерти несправедливым решением, когда у вас есть возможность сохранить мне жизнь решением справедливым; не отнимайте у меня теперь, когда я становлюсь старше и слабее, того, что вы дали мне, когда я был моложе и сильнее! Вы пользовались прежде славою людей чрезвычайно сострадательных даже к тем, у кого нет никакого несчастья; так не обходитесь жестоко теперь, под влиянием этого человека, с теми, кто внушает сострадание даже врагам; не повергайте в отчаяние всех, находящихся в одинаковом со мною положении, если у вас хватит духу обидеть меня! Ведь в самом деле, члены Совета, была бы странная несообразность, если бы вышло так, что я получал

---

¹ Оратор нарочно не заканчивает фразы, — вероятно, делая выразительный жест, он хочет сказать: «В противном случае противник мой глуп: деньгами от меня он не поживится».

это пособие в ту пору, когда недуг был у меня лишь один, но был бы лишен пособия теперь, когда прибавились и старость и болезни с их тяжелыми последствиями. Как велика моя бедность, это может показать, я думаю, яснее всех мой обвинитель: если бы я был назначен устройтелем хора¹ при представлении трагедии и предложил бы ему обмен имуществом², то он предпочел бы лучше десять раз быть устройтелем хора, чем один раз поменяться имуществом. Разве это не возмутительное дело, что теперь он меня обвиняет, будто я при своей полной обеспеченности могу на равной ноге водить компанию с первыми богачами, а если бы случилось что-нибудь такое, о чем я сказал, то он признал бы меня таким, каков я на самом деле, и даже еще беднее?³

Что касается моей езды верхом, упомянуть о которой перед вами он решился, судьбы не боясь и вас не стыдясь, то об этом разговор короткий. Все, имеющие какой-нибудь недуг, члены Совета, конечно, направляют свои старания и помыслы на то, чтобы сделать постигшее их страдание как можно менее болезненным. Один из них я: попавши в такое несчастье, я нашел себе в езде на лошади облегчение, когда мне предстоит более или менее далекий путь по необходимым делам. Но самое главное доказательство, члены Совета, того, что я езжу не из чванства, как он утверждает, а вследствие своего недуга, — это вот какое. Если бы у меня было состояние, я ездил бы на муле⁴, а не на чужой лошади; но так как я не могу его купить, то часто бываю вынужден брать чужую лошадь. Если бы он видел, что я езжу на муле, то

---

¹ Вместо постоянного подоходного налога в Афинах были натуральные повинности («литургии»). Главные виды литургий были: снаряжение военного корабля (триеры), снаряжение хора для драматического представления или музыкального состязания и устройство гимнастических игр. Первая обязанность хоруга состояла в наборе певцов для хора, содержании их во время обучения и выплате жалования; на его же обязанности было представление помещения для занятий хора в его собственном доме или в нанятой для этой цели квартире.

² Всякий гражданин, которому казалось слишком обременительной или неправильно наложенной та или другая натуральная повинность, мог предложить ее более богатому и, в случае отказа последнего, имел право потребовать от него поменяться имуществом.

³ Смысл: если бы мой противник поменялся со мной имуществом, то увидел бы, что я еще беднее, чем он думает.

⁴ На мула накладывалось седло со спинкой, похожее на кресло, делавшее езду очень покойной; так ездили преимущественно женщины (и, может быть, калеки). Смысл: если бы я ездил на муле, в гораздо более покойном положении, чем верхом на лошади, то противник мой ничего не мог бы возразить, потому что такая езда естественна для калеки; поэтому бессмысленно ставить мне в упрек гораздо менее удобную для калеки езду на лошади.

молчал бы (что тут мог бы он сказать?): так не глупо ли с его стороны, члены Совета, на том основании, что я езжу верхом на лошади, которую выпрошу у кого-нибудь, стараться уверить вас, будто я здоров? Еще: он не указывает в своем обвинении, как на признак моего здоровья, то, что я хожу с двумя палками, тогда как все ходят с одной¹: так не глупо ли приводить вам в доказательство моего здоровья то, что я езжу на лошади? Ведь я прибегаю и к тому, и к другому средству по одной и той же причине.

Но он бесстыдством своим настолько превосходит всех, что старается уверить вас, — вас столькоих он один, — будто меня нельзя отнести к числу немощных. Но, если он уверит в этом хоть кого-нибудь из вас, члены Совета, тогда что мешает мне вынимать жребий на должность одного из девяти архонтов², а вам всем отнять обол у меня как у здорового и назначить ему как калеке? Ведь нельзя предположить, что если вы отнимете пособие у кого-нибудь как у здорового, то фесмофеты не допустят к вынугию жребия его же как нездорового. Но, к счастью, вы не разделяете его мнения, как и он вашего. Хоть он и явился сюда с целью оспаривать у меня мой недуг, точно невесту-сироту с наследством, и старается уверить вас, что я не такой, каким вы все меня видите, но вы, как и следует людям разумным, больше верите своим собственным глазам, чем его уверениям.

Он называет меня дерзким, буйным, ужасным нахалом: точно думает, что если наговорит страшных слов, то скажет правду, а если станет употреблять вполне мягкие выражения, то этого не будет. Я со своей стороны полагаю, члены Совета, что вам необходимо иметь ясное представление о том, каким людям можно быть дерзкими и какие не могут себе этого позволить. Вполне естественно, что дерзким может быть не бедняк, находящийся в крайней нужде, а тот, у кого денег больше, чем нужно; не слабый телом, а тот, кто имеет полную уверенность в своей силе; не человек преклонного возраста, а тот, кто еще молод и годами и разумом. И действительно, богатый откупится деньгами от суда, а бедного нужда заставляет быть смиренным; молодой вправе рассчиты-

---

¹ Афиняне обыкновенно ходили с палкой. Оратор иронически замечает, что если его противник ездю на лошади считает признаком здоровья, то и ношение двух палок вместо одной можно считать признаком здоровья.

² В древнее время во главе всего государственного управления Афин стояли девять архонтов. Мало-помалу их должностная власть была раздроблена и так ограничена, что они могли выбираться по жребию из всех граждан, лишенных телесных недостатков, — вероятно, потому, что с их должностью соединялись и некоторые религиозные функции. Жеребьевку всех вообще должностных лиц производили фесмофеты.

вать на снисхождение старых, а старого за проступок осуждают равно и молодые и старые; сильный может обижать кого хочет без вреда для себя, а слабому нельзя ни защищаться от нападающего, который ему хочет нанести оскорбление, ни одолеть того, кого он сам обижает, желая нанести ему оскорбление. Поэтому мне кажется, что обвинитель упомянул о моей дерзости не серьезно, а шутя, не из желания уверить вас, что я таков на самом деле, а из желания посмеяться надо мной, вообразая, что это какой-то геройский подвиг.

Далее, он говорит, что у меня собираются разные негодяи, и в большом числе, — люди, которые свое состояние промотали и теперь ищут случая напасть на тех, кто хочет сберечь свое. Но вы все должны иметь в виду, что он, бросая такой упрек мне, обвиняет меня не больше, чем всех занимающихся разными мастерствами, и моих посетителей обвиняет не больше, чем посетителей всех других ремесленников. Ведь каждый из вас имеет обычай заходить куда-нибудь: — один — в парфюмерный магазин, другой — в цирюльню, третий — в сапожную мастерскую, четвертый — куда придется; чаще всего заходят куда-нибудь поблизости от рынка и очень редко — куда-нибудь далеко от него. Таким образом, если кто из вас признает негодьями моих посетителей, то, очевидно, признает такими же и тех, кто бывает у других; а если этих, то и всех вообще афинян, потому что вы все имеете обычай заходить куда-нибудь и там проводить свободное время.

Но не знаю, чего ради мне вдаваться в излишние подробности, отвечая в своей защите на каждый пункт обвинения в отдельности, и докучать вам долее. Раз я сказал уже о главнейших пунктах, чего ради буду я, подобно моему противнику, тщательно останавливаться на мелочах? Я со своей стороны прошу вас всех, члены Совета, не менять вашего прежнего мнения обо мне: не лишайте меня, по его доносу, того единственного блага, которое судьба дала мне на родине; не поддавайтесь убеждениям одного этого человека, не отнимайте у меня тех денег, которые вы дали мне все по общему решению уже давно! Да, члены Совета, судьба лишила нас высших благ; ввиду этого государство назначило нам эту пенсию, принимая во внимание, что как счастье, так и несчастье может выпасть на долю каждого одинаково. Так, разве не был бы я несчастнейшим человеком в мире, если бы, лишенный своим недугом лучших и высших благ, потерял, по милости моего противника, ту пенсию, которую дало государство, озабоченное положением таких людей? Нет, нет, члены Совета, не постановляйте такого решения! Да и за что вы могли бы ко мне отнестись так? Может быть, за то, что кто-нибудь по моей жалобе когда-либо был привлечен к суду и лишился своего имущества? Нет, никто не может этого доказать. Мо-

жет быть, за то, что я вмешиваюсь в чужие дела, что я дерзок и сварлив? Нет, не в таких условиях я живу. Может быть, за то, что я гордец и буян? Нет, этого он даже сам не скажет, если не захочет лгать и в этом, как лжет во всем остальном. Может быть, за то, что в правление коллегии Тридцати я был в силе и делал зло многим гражданам? Нет, я вместе с вашей народной партией бежал в Халкиду и, хотя имел возможность жить с ними, ничего не боясь, я предпочел уйти и делить с вами опасности. Ввиду этого, члены Совета, не относитесь ко мне, человеку ни в чем не повинному, так, как вы относитесь к преступникам; постановите обо мне такое же решение, какое постановлял Совет в прежние годы: вспомните, что я не отчет сдаю в государственных деньгах, бывших в моем ведении, и не контролю подвергаюсь за какую-нибудь должность, которую занимал: речь идет только лишь об оболе. Приняв такое решение, вы все постановите справедливый приговор, я за такое отношение ваше буду питать к вам благодарность, а он на будущее время поймет, что не надо нападать на слабых, а надо стараться побеждать равных себе.

Марк Юний Брут

(85–42 гг. до н. э.)

Римский политический деятель, один из убийц Юлия Цезаря.

Речь после убийства Юлия Цезаря¹

Римляне, сограждане и друзья! Судите меня по своему разумению и пробудите свои чувства, чтобы вы смогли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтобы Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми?

Цезарь любил меня, и я его оплакиваю, он был удачлив, и я радовался этому, за доблести я чтил его, но он был властолюбив, и я убил его. За любовь — слезы, за его доблести — почет, за его властолюбие — смерть.

Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество?

Я жду ответа.

Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия, слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он заплатился смертью.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/3492/uilyam-shekspir-yuliy-tsezar-10.php>

Марк Туллий Цицерон

(106–43 до н. э.),

Римский политический деятель, оратор, философ, писатель.

Дошедшие до нас речи против Катилины представляют собой результат произведенной Цицероном в 61–60 гг. литературной обработки речей, произнесенных им в ноябре и декабре 63 г. при подавлении движения, известного под названием заговора Катилины.

Луций Сергий Катилина (108–62 гг.) принадлежал к патрицианскому роду, был на стороне Суллы и в 82–81 гг. лично участвовал в казнях. В 68 году был претором, в 67 году – пропретором провинции Африки. В 66 году Катилина добивался консульства, но был привлечен населением своей провинции к суду за вымогательство и потому был исключен из числа кандидатов, что побудило его принять участие в заговоре с целью захвата власти. Этот так называемый первый заговор Катилины не выразился в активных выступлениях; несмотря на то, что его наличие было явным, участники его не были привлечены к ответственности.

Суд по обвинению Катилины в вымогательстве закончился его оправданием, но привлечение к суду не позволило ему участвовать в соискании консульства на 64 год. В соискании консульства на 63 год участвовало семь человек, среди них Цицерон, Катилина, Гай Антоний. Предвыборная агитация, во время которой была обещана отмена долгов, вышла за пределы законного, вследствие чего сенат принял особые постановления на этот счет. Стараниями нобилей и римских всадников были избраны Цицерон и Гай Антоний.

Первые месяцы консульства Цицерона ознаменовались его выступлениями против земельного закона Рулла и защитой Гая Рабрия; вторая половина его консульства прошла в борьбе с движением Катилины. Политическая программа Катилины была неопределенной: приход к власти законным или же насильственным путем, ограничение власти сената. Катилина имел успех среди низших слоев населения, разорившихся ветеранов Суллы и среди разорившихся нобилей, надеявшихся освободиться от долгов и достигнуть высших должностей. В Фезулах (Этрурия) центурион Гай Манлий собрал вооруженные отряды, чтобы двинуться на Рим; Цицерона предполагалось убить. Борьба усилилась летом 63 года. Слухи о поджоге Рима и о резне, подготовляемых Катилиной, усилились, этот вопрос обсуждался в сенате в его присут-

ствии. В октябре Красс получил анонимные письма с советом уехать из Рима и этим спастись от смерти. Были получены сведения, что Манлий двинется на Рим 27 октября и что в ночь с 28 на 29 октября заговорщики подожгут Рим и устроят резню. 2 октября сенат принял *senatus consultum ultimum*. Было решено двинуть войска против Манлия, который был объявлен врагом государства (*hostis publicus*). Катилина был привлечен к суду по обвинению в насильственных действиях, на основании Плавциева закона. Он предложил ряду лиц взять его под стражу у себя в доме (*custodia libera*), но встретил отказ.

В ночь с 6 на 7 ноября заговорщики собрались в доме у Марка Порция Леки; были отданы последние распоряжения: насчет восстания и, в частности, убийства Цицерона, который узнал об этом через своих осведомителей и усилил охрану города. 8 ноября Цицерон созвал сенат в храме Юпитера Статора и обвинил Катилину, явившегося в сенат, в противогосударственных действиях. Не имея улик, Цицерон предложил ему покинуть Рим (первая речь против Катилины). В ночь на 9 ноября Катилина выехал из Рима в лагерь Манлия. 9 ноября Цицерон выступил на форуме и сообщил народу о своих действиях (вторая речь), он предостерег заговорщиков, оставшихся в Риме, от каких-либо выступлений.

Военные действия против Катилины были поручены консулу Гаю Антонию и претору Квинту Метеллу Целеру. Прямые улики против заговорщиков были получены в ночь со 2 на 3 декабря, при аресте послов галльского племени аллоброгов; послы везли собственноручные письма заговорщиков к Катилине. Рано утром 3 декабря Цицерон арестовал заговорщиков Лентула Суру, Цетега, Габиния и Статилия. В храме Согласия был созван сенат, которому Цицерон доложил о событиях минувшей ночи; письма были предъявлены заговорщикам, которые признали их подлинность. Сенат заставил Публия Корнелия Лентула Суру сложить с себя звание претора. Цицерон был объявлен «отцом отечества», от его имени было назначено благодарственное молебствие богам. 3 декабря он произнес перед народом речь о получении им прямых улик о заговоре (третья речь против Катилины).

4 декабря сенат объявил заговорщиков врагами государства. 5 декабря сенат собрался в храме Согласия. Избранный консул Децим Юний Силан высказался за смертную казнь как для задержанных, так и для других заговорщиков, если они будут схвачены. Избранный претор Гай Цезарь высказался за пожизненное заключение и конфискацию имущества заговорщиков. Его предложение и колебания среди сенаторов заставили Цицерона выступить с речью (четвертая речь против Катилины); он высказался против предложения Цезаря и за смертную

казнь. Речь Марка Катона склонила сенат к решению о немедленной казни пятерых заговорщиков, которая и была совершена вечером 5 декабря в подземелье Мамертинской тюрьмы. 5 января 62 г. под Писторией произошло сражение между войсками Гая Антония, которыми командовал его легат Марк Петрей, и отрядами Катилины, окончившееся истреблением последних вместе с их предводителем.

Цицерон ставил себе в большую заслугу раскрытие и подавление заговора Катилины — «спасение государства, достигнутое им трудами и ценой опасностей»; он описал свое консульство в двух поэмах: «О моем консульстве», 61 г., и «О моем времени», 54 г.

Первая речь против Луция Сергия Катилины¹

[В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 г. до н.э.]

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине², ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената³, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что́ делал ты последней, что́ предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О, времена! О, нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула⁴, против тебя

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1267350009>

² При наличии опасности Палатинский холм, имевший военное значение, охранялся особенно тщательно.

³ Сенат собирался в Гостилиевой курии или в одном из храмов. Храм Юпитера Статора находился у подошвы Палатинского холма.

⁴ На основании *senatus consultum ultimum* консулы обладали в это время чрезвычайными полномочиями, правом жизни и смерти

самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно подготавливаешь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион¹, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду — например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот². Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, которая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы — говорю открыто — мы, консулы, изменяем ему.

(II, 4) Сенат, своим постановлением, некогда обязал консула Луция Опимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба³. Не прошло и ночи — и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий⁴. На основании такого же постановления сената, защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию⁵. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы, вот уже двадцатый день⁶, спокойно смотрим, как притуляется острее полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу,

---

¹ В 133 году консуляр *Публий Сципион Насика Сератион* поднял сторонников нобилитета против Тиберия Гракха.

² В 439 году, во время голода, *Спурий Мелий* стал продавать народу хлеб по дешевой цене; он был заподозрен в стремлении к царской власти. Не явившись для ответа по вызову диктатора Цинцинната, он был убит его помощником Гаем Сервлием Структом Агалой.

³ Консул 121 года *Луций Опимий*, действуя на основании *senatus consultum ultimum*, подавил движение Гая Гракха. Гай Гракх был внуком Публия Корнелия Сципиона Африканского (Старшего).

⁴ *Марк Фульвий Флакк*, соратник Гая Гракха, консул 125 года, народный трибун 122 года, хотел предоставить гражданские права всем италикам.

⁵ В 100 году для действий против Сатурнина и Главции.

⁶ Точнее, 18-й день; т. е. с 21 октября.

вложенному в ножны; на основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, — чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того — в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко павшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, — окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет — незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, — за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом — удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже — в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также, — и это должно вызывать гораздо большее изумление, — в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ — тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избежать

опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных¹ ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту², не понял ли ты тогда, что колония эта, именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того — этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позавчерашней ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков — буду говорить напрямик — в дом Марка Леки³; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию⁴, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты все же еще не надолго удержишься, так

---

¹ Одни уехали из страха, другие, чтобы не быть скомпрометированными.

² *Пренеста* — город в 24 милях к юго-востоку от Рима.

³ *Марк Порций Лека* принадлежал к одному из лучших родов Рима.

⁴ Т. е. наметил очаги восстания.

как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели¹. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание². Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями³; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход — и притом именно в это время — я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настезь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору⁴, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры предосторожности. Но когда ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле⁵, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей

---

¹ Это были Гай Корнелий и Луций Варгунтей.

² Цицерон был извещен некоей Фульвией.

³ *Salutatio* — утреннее посещение влиятельного лица его друзьями и клиентами.

⁴ Речь произнесена в храме Юпитера Статора.

⁵ *Марсово поле*, где собирались центуриатские комиции.

первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй¹ и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловредные подонки государства в лице твоих приверженцев. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу² удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропавших людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием — своих рук, какой гнусностью — всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату?³ (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого?⁴ Не стану о нем говорить, — пусть лучше о нем молчат — дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным. Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды⁵. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты

---

¹ Здесь имеются в виду полномочия на основании *senatus consultum ultimum*.

² *Hostis publicus*, т. е. государственный преступник.

³ Улицы Рима не освещались; рабы несли факелы перед своими господами.

⁴ Молва обвиняла Катилину в убийстве сына.

⁵ Обычным сроком уплаты долгов были календы, крайним — иды, после чего была неизбежна утрата заложенного имущества.

знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла¹, в канун январских календ стоял на комиции с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз — во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удастся, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскользнул у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам², раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого — с незапамятных времен — не случалось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание — уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консулары, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом³. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я — пусть даже незаслуженно — навлек на себя такое тяжкое подзрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними,

---

¹ *Маний Эмилий Лепид* и *Луций Волкаций Тулл* были консулами в 66 году. Консулы приступали к своим обязанностям 1 января. Речь идет о покушении на избранных на 65 году консулов *Луция Аврелия Котту* и *Луция Мания Торквата*. Ношение оружия в городе Рима не разрешалось. Канун январских календ — 29 декабря.

² Нож, применявшийся при жертвоприношении, посвящался божеству, как и оружие, которым было совершено политическое убийство.

³ Цицерон не всегда проявлял такую мягкость по отношению к рабам.

только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства. И ты не склонись перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18). Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попирать. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, — все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив, — чтобы мне не погибнуть; если он ложен, — чтобы мне, наконец, перестать бояться». (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избегнуть подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида?¹ Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу², которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проникательным в его подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак,

---

¹ *Маний Эмилий Лепид*, консул 66 года, был одним из противников Катилины.

² *Квинт Цецилий Метелл Целер* был претором в 63 году, консулом в 60 году. О Марке Метелле сведения недостаточны.

долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, стóит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влачить в изгнании и одиночестве?

«Доложи, — говоришь ты, — об этом сенату». Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду — это против моих правил — и все-таки заставлю тебя понять, что́ думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание — если ты именно этого слова ждешь от меня — отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию¹, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу², то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят, и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты, по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удастся удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они — в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, — проводили тебя до самых ворот³.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти — в случае, если ты, устрешенный моими словами, решишь удалиться

---

¹ *Публий Сестий* в январе 62 года участвовал в сражении против Катилины под Писторией; в 57 году как трибун способствовал возвращению Цицерона из изгнания.

² *Марк Клавдий Марцелл*, консул 51 года, впоследствии помпеянец.

³ Когда магистраты выезжали из Рима, их друзья и клиенты провожали их до городских ворот. Здесь ирония.

в изгнание — угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодействах еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх — от опасных действий или же здравый смысл — от безумия. (23) Итак, — говорю это уже не в первый раз — уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжело будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропавших граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты — как я знаю — уже послал вперед людей¹, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума²; когда ты — как я знаю — назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла³, который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех твоих сторонников и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот, ты, наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже — мира,

---

¹ Это могло быть решено во время собрания заговорщиков у Марка Леки.

² Городок *Аврелиев Форум* лежал у Аврелиевой дороги, которая вела в сторону Фезул, где находился Гай Манлий с войском.

³ По преданию, этот *серебряный орел* (знак легиона) был у Мария во время войны с кимврами.

нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достояние, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения — лежать на голой земле не только, чтобы насладиться незаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения, которыми ты вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул¹ ниспровергнуть его не можешь, — твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: «Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере — зачинщику злодеяния, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель. Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан?² Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не порученного ему предка-

---

¹ В подлиннике игра слов: *exsul* (изгнанник) — *consul*.

² По законам Валериеву, Порциевым и Семпрониеву вынести смертный приговор римскому гражданину могли только центуриатские комиции.

ми¹, так рано² вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшаясь какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?» (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка³, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди — в случае, если бы я Катилину покарал, — назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто — столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней,

---

¹ Цицерон был «новым человеком».

² Цицерон достиг государственных должностей «в свой год».

³ *Тиберий Гракх* был убит в 133 году, *Гай Гракх* и *Марк Фульвий Флакк* — в 121 году, *Луций Антулей Сатурнин* — в 100 году.

связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора¹, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы — такой авторитет, римские всадники — такое мужество, все честные люди — такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер², чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь — живых и мертвых — на вечные муки.

---

¹ Дела о долгах рассматривались городским претором. В 63 году им был Луций Валерий Флакк.

² Храм Юпитера Статора («Останавливающего бегущие войска») был освящен в 294 году.

РУССКОЕ СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ XIX–XX ВЕКОВ

Александров Петр Акимович
(1838–1893)

По окончании юридического факультета Петербургского университета с 1860 года в течение 15 лет занимал различные должности по Министерству юстиции. Прочные знания, большие способности и одаренность обеспечили П.А. Александрову быстрое продвижение по служебной лестнице: товарищ прокурора Петербургского окружного суда, прокурор Псковского окружного суда, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты и, наконец, товарищ обер-прокурора кассационного департамента Правительствующего Сената. В 1876 году Александров после служебного конфликта, вызванного неодобрением начальства его заключения в суде по одному из дел, где он выступил в защиту свободы печати, вышел в отставку и в этом же году поступил в адвокатуру.

Как защитник Александров обратил на себя внимание выступлением в известном политическом процессе «193-х». Дело слушалось в 1878 году в Петербургском окружном суде при закрытых дверях. В качестве защитников в процессе принимали участие лучшие силы Петербургской адвокатуры.

Выступая в этом процессе, Александров, малоизвестный как адвокат; впервые обратил на себя внимание общественности продуманной речью, убедительной полемикой с прокурором.

Вскоре, вслед за этим делом, в Петербургском окружном суде слушалось дело по обвинению Веры Засулич в покушении на убийство Петербургского градоначальника Трепова. Речь, произнесенная Александровым в защиту Веры Засулич, принесла ему широкую известность не только в России, но и за рубежом. Речь его полностью воспроизводилась на иностранные языки. Надо прямо отметить, что речь Александрова оказала большое воздействие на формирование решения присяжных заседателей по делу. В этой речи проявился большой талант даровитого, мужественного судебного оратора.

В настоящий сборник включены две речи Александрова — по так называемому «Кутаисскому делу» — об убийстве Сарры Модебадзе

и в защиту Нотовича, обвиняемого в клевете в печати на членов правления Петербургско-Тульского поземельного банка.

Осуществляя защиту четырех совершенно невиновных людей по Кутаисскому делу, понимая тот большой общественный резонанс, какой имел этот процесс, и свою роль в этом деле, он защитительной речи придал большое общественное звучание. Как уже отмечалось, он правильно оценил социальные корни и питательную среду этого грязного, позорного дела, смело поднял голос в защиту невиновных, принесенных в жертву реакционным идеям, преследующим цель разжигания национальной розни.

Адвокат изучил материал, относящийся к рассматриваемому делу, показал тонкое знание специальных вопросов, разбираемых на суде, успешно опровергал выводы экспертизы, на которых обосновывалось обвинение.

Давая глубокий анализ составу преступления, тщательно разбирая представленные обвинителем улики, оратор умело показал необоснованность доводов прокурора.

Закончив обстоятельный разбор доказательств, он без аффектации, излишних украшений, тщательно отработав свой основной вывод, сказал по поводу разбираемого дела: «Оно напомнит русским людям о справедливости, которая только и нужна, чтобы такие печальные дела не повторялись. Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим общественным деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу. Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует народным суеверием, а господствовать над ним..., оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений».

Убедительную речь в защиту слова и печати произнес талантливый оратор по делу Нотовича. И в этой речи проявил он свой ум, умение глубоко анализировать доказательства. Уважая свою профессию, П.А. Александров был всегда сдержан в своих речах. Речи его отличаются тщательностью отделки основных положений, внутренней согласованностью всех их частей. Произносил он их тихо, убедительно, с большой внутренней силой. Будучи блестящим оратором, он никогда не полагался только на свое ораторское мастерство, придавая большое значение досудебной подготовке к делу и судебному следствию. Он всегда тщательно продумывал свои речи.

Дело Засулич¹

Краткое содержание дела: Вера Ивановна Засулич обвинялась в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова, совершенного ею путем выстрела из пистолета 24 января 1878 г. Обвинительной властью преступление Засулич квалифицировалось как умышленное, с заранее обдуманым намерением.

Истинным мотивом этого преступления было возмущение Засулич незаконными действиями генерала Трепова, отдавшего распоряжение высечь розгами содержащегося в доме предварительного заключения политического подследственного Боголюбова. Поступок генерала Трепова широко обсуждался в печати и различных общественных кругах. Наиболее передовые из них оценивали этот поступок как жестокий акт насилия, произвола и надругания над человеческой личностью, несовместимый с принципами гуманности. Выстрел В. Засулич и прозвучал как выражение протеста против действий генерала Трепова со стороны прогрессивной общественности.

При рассмотрении дела Засулич царская юстиция предложила обвинителям не давать в речи оценки действий Трепова. Такое условие не было принято Андреевским и Жуковским, которые выступать обвинителями в этом процессе отказались. Однако не только оценка действий Трепова, но и горячее осуждение вообще применения телесных наказаний были блестяще даны в речи Александрова, защищавшего Веру Засулич.

Дело рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г.

Речь адвоката П.А. Александрова:

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

---

¹ [Электронный пецурп]. URL: <http://historicaldis.ru/blog/43306745407/Sudebnaya-rech-advokata-Aleksandrova-v-zaschitu-Veryi-Zasulich?page=1&tmd=1>

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления, я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошевой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушным, радуемся, если находим распоряжения мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны отвечать, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или не правильны действия

должностного лица с точки зрения закона, а как мы сам» смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие, степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, — они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это событие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В. Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы теперь начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь, между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни В. Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступление и преступников. Вам сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные; они не длинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. Старуха-мать ее живет в Петербурге. В небольшой сравнительно промежуток времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие

его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В. Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев — государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В. Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности — по справедливости считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовится стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали ясной, розовой, обольстительной стороной без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии; здесь завязываются товарищеские связи; отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей alma mater. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятею, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То — пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то — пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любят обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть от них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем, вре-

мя от времени, в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук открываемых и закрываемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения — одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич действительно создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию — беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрьма была для нее *aima mater*, которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: «Иди», — и даже не прибавили: «И более не согрешай», — потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена, и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта: «Иди». Куда же идти? По счастью, у нее есть куда идти — у нее здесь, в Петербурге, старуха-мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием; казалось, два тяжких года исчезли из памяти. Засулич была еще молода — ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: «Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно». Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет, и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается — не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. «Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебной палатой и Правительствующим Сенатом». — «Не могу знать, — отвечает надзиратель, — пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас».

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус, говорит: «Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест — очевидное недоразумение, дело объяснится и ты будешь освобождена».

Проходит пять дней, В. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того как дело было прекращено судебною властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: «Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы». — «Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их. Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным». — «Нельзя, — говорят, — не можем по закону, требуют вас немедленно отправить».

Рассуждать было нечего. Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель месяц, стало в легком бурнусе невыносимо холодно: жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах отдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: «Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором».

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка, да коробка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представилось возможности тем более, что нельзя было скрыть, что она — высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама В. Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом началась ее бродячая жизнь, — жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергали иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей

сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете «Голос» известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги, — это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история русской розги весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розг, которое существовало до 17 апреля 1863 года. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание — апокрифического, впрочем, свойства, — что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом, и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенев. Но наступил великий день, который чтит вся Россия, — 17 апреля 1863 г., — и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розг Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, — Россию, которая, По их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобрета-

ются и сохраняются в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами; теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустит себя наказать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розг, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мыслям В. Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, — этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания

Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В. Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самых газетных известий, что Боголюбов, хотя и был осужден в каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльнокаторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди

прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В. Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможности видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании таких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, и дало им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко — только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий: ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга — одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может без особенно вопиющей неравномерности постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достоинство человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжелую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишит его всего того, что составляет неотъемлемое достоинство его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладело всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, — представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич — она сама, ее горькое прошлое, ее собственная история — история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич — горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: Что я сделала? Что будет со мной? Когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетное известие действовало на Засулич еще сильнее, чем оно могло бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить свои сомнения, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверно, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели 20 лет прогресса, смягчение нравов, человеколюбивое отношение к арестованному, улучшение судебных и тюремных порядков, ограничение личного произвола, неужели 20 лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно? Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмыслаемый позор на эту, положим, преступную, но во всяком случае не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно-заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если

и признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывает Боголюбову газетное известие? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию, и распаленное воображение старалось угадать, перечувствовать все то, что мог перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; скоро явилось и то и другое.

В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно, от очевидцев. Рассказы по содержанию своему не способны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что естественное уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крики со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы «успокоить» волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, в виду испуганных чем-то необычайным происходящим в тюрьме женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восставал в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтоб устоять в борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев, да также мерное счисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стона; этот стон раздался, — то не был стон физической боли — не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!..

Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелою известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смает, кто и как искупит тот позор, которыми навсегда неутешимую болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: «Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, — войди и будь снова гражданином». Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смает то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова, — неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевных страданий?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть мо-

жет, найдется много экзальтированного, болезненно-преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешил бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоил бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич — натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом преступлении, подозрение не оправдавшееся, но стойвшее ей двухлетнего одиночного заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине днем и ночью среди занятий и без дела Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ни откуда сочувственной помощи, ни откуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинета, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова, и снова, и опять, и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка.

Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение; рубцы — позорные рубцы — резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного, звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба,

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: «О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!» Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманном.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, в своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманным, как ни велико по времени расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапной, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятную, для нее подготовленную, почву, овладевшей всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич, возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы. Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собою. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом. Мысль не проверяется, не обсуждается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуждаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль, — об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа, в котором зарождается и воспринимается мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенной, не выдуманной, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на расправу с Боголюбвым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло: эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям, отвечала на те задачи, которые волновали ее.

Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня пред-

ставляется невозможным объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово «месть» употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте, как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна «месть» была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Месть обыкновенно руководится личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее, интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Месть стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, месть старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, месть действует скрытно, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее месть всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее месть окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда, — надо было воскресить его и поставить твердо и громко. Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невозстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести — неудовлетворенным. Возможность повторения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась не предупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника. Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточ-

но громко и призвать к ее признанию и уверению, — вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтоб поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнущий вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково безразлично и то, если б выстрел, очевидно, направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если б последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенно го преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным следствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась. А, конечно, находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в каком она находилась, она, действительно, могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своею свитою, и выстрел на более далеком расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять совсем в сторону было совсем дело не подходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопрос о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, во я согласиться с ними не могу, и они все падают перед соображением о той цели, которую имела В. Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение дела с Боголюбовым было для В. Засулич побудительного причиной преступления. При такой точке зрения мы можем довольно безразлично относиться к тем обстоятельствам, которые обратили внимание господина прокурора, например, что револьвер был выбран из самых опасных. Я не думаю, чтобы тут имелась в виду наибольшая опасность; выбирался такой револьвер, какой мог удобнее войти в карман: большой нельзя было бы взять, потому что он высовывался бы из кармана, — необходимо было взять револьвер меньшей величины. Как он действовал — более опасно или менее опасно, какие последствия от выстрела могли произойти, — это для Засулич было совершенно безразлично. Мена револьвера произведена была без ведения Засулич. Но если даже и предполагать, как признает возможным предполагать прокурор, что первый револьвер принадлежит В. Засулич, то опять-таки перемена револьвера объясняется очень просто: прежний револьвер был таких размеров, что не мог поместиться в кармане.

Я не могу согласиться и с тем весьма остроумным предположением, что Засулич не стреляла в грудь и в голову генерал-адъютанта Трепова, находясь к нему en face, потому только, что чувствовала некоторое смущение, и что только после того, как несколько оправилась, она нашла в себе достаточно силы, чтобы произвести выстрел. Я думаю, что она просто не стреляла в грудь генерал-адъютанта Трепова потому, что она не заботилась о более опасном выстреле: она стреляет тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать более нельзя.

Раздался выстрел... Не продолжая более дела, которое совершала, довольствуясь вполне тем, что достигнуто, Засулич сама бросила револьвер, прежде чем успели схватить ее, и, отойдя в сторону, без борьбы и сопротивления отдалась во власть набросившегося на нее майора Курнеева и осталась не задушенной им только благодаря помощи других окружающих. Ее песня была теперь спета, ее мысль исполнена, ее дело совершено.

Я должен остановиться на прочтенном здесь показании генерал-адъютанта Трепова. В этом показании сказано, что после первого выстрела Засулич, как заметил генерал Трепов, хотела произвести второй выстрел, и что началась борьба: у нее отнимали револьвер. Это совершенно ошибочное показание генерал-адъютанта Трепова объясня-

ется тем весьма понятным взволнованным состоянием, в котором он находился. Все свидетели, хотя также взволнованные происшествием, но не до такой степени, как генерал-адъютант Трепов, показали, что Засулич совершенно добровольно, без всякой борьбы, бросила сама револьвер и не показывала намерения продолжать выстрелы. Если же и представилось, генерал-адъютанту Трепову что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую вел с Засулич Курнеев и вели прочие свидетели, которые должны были отрывать Курнеева, вцепившегося в Засулич.

Я думаю, что ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для ее намерений было безразлично последствие большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением В. Засулич, — нет оснований произведенный ею выстрел определять покушением на убийство. Ее поступок должен быть определен по тому последствию, которое произведено в связи с тем особым намерением, которое имело в виду это последствие.

Намерение было: или причинить смерть, или нанести рану; не последовало смерти, но нанесена рана. Нет основания в этой нанесенной ране видеть осуществление намерения причинить смерть, уравнивать это нанесение раны покушению на убийство, а вполне было бы справедливо считать не более как действительным нанесением раны и осуществлением намерения нанести такую рану. Таким образом, отбрасывая покушение на убийство как не осуществившееся, следовало бы остановиться на действительно доказанном результате, соответствовавшем особому условному намерению — нанесению раны.

Если Засулич должна понести ответственность за свой поступок, то эта ответственность была бы справедливее за зло, действительно последовавшее, а не такое, которое не было предположено как необходимый и исключительный результат, как прямое и безусловное стремление, а только допускалось.

Впрочем, все это — только мое желание представить вам соображения непосильную помощь к разрешению предстоящих вам вопросов; для личных же чувств и желаний Засулич безразлично, как бы ни решился вопрос о юридическом характере ее действий, для нее безразлично быть похороненной по той или другой статье закона. Когда она переступила порог дома градоначальника с решительным намерением разрешить мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все — свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то многое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветною рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед нами все бремя наболевшей души, открыть скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она Пережила, передумала, перечувствовала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом, преступлении.

Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазителям; были женщины, обгарявшие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общечеловечности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

* * *

В. Засулич была оправдана.

Дело Нотовича¹

Краткое содержание дела: в 1888 году в газете «Новости» была напечатана статья «О чем говорить». Вслед за ней появилась еще серия статей, в которых вскрывались злоупотребления в деятельности Петербургско-Тульского банка. В этих статьях деятельность банка сравнивалась с деятельностью Симбирско-Саратовского банка, дело о котором в свое время рассматривалось в уголовном порядке и главные «деятели» которого оказались на скамье подсудимых.

Членами правления Петербургско-Тульского банка была подана жалоба прокурору С.-Петербургской судебной палаты, в которой предъявлялось к редактору газеты «Новости» обвинение в публичном оскорблении и клевете.

Окружной суд, рассмотрев жалобу, признал Нотовича виновным в инкриминируемых ему преступлениях и осудил его на четыре месяца тюремного заключения и к напечатанию за его счет в 30 газетах судебного приговора.

Приговор был обжалован защитой. При пересмотре приговора он был отменен С.-Петербургской судебной палатой, которая Нотовича оправдала. Приговор вновь был обжалован в Уголовно-кассационный Департамент Сената, который его отменил и направил дело на новое рассмотрение.

Вторично дело слушалось 10 февраля 1893 года. Защищал Нотовича П.А. Александров. Нотовичу вновь был вынесен оправдательный приговор. Речь П.А. Александрова, заслужившая очень высокую оценку его современников и названная его «лебединой песнью», полностью приводится ниже.

Речь адвоката П.А. Александрова:

Господа судьи! На страницах Уложения о наказаниях мирно покоится статья закона, редко тревожимая, редко вспоминаемая, ждущая того желанного луча рассвета, когда наступит и для нее естественный час бесшумного погребения. А казалось при ее рождении, еще не особенно отдаленном, что ей предназначена деятельная будущность. Вооруженная мечом, довольно-таки солидного вида, в форме пятисотрублевого штрафа и шестнадцатимесячного тюремного заключения, она призвана была стать на страже между порывами к обличению существующего зла и оскорбляемостью поносителей всякой чести, умиротворять и уравнивать эти два враждующие по своей природе

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://hatituli.ru/?p=52>

де элемента. Я разумею закон о диффамации. Он прост и ясен, тверд и решителен!

Не оглашай в печати, заповедует он, ни о частном, ни о должностном лице, ни об обществе, ни об установлении, ни какого такого обстоятельства, которое могло бы повредить их чести, достоинству или доброму имени.

Не все отнималось у печатного станка в его погоне за текущими явлениями современной жизни. Прежде всего, и сам закон допускал исключение. Наказание устраняется, если подсудимый посредством письменных доказательств докажет справедливость позорящего обстоятельства, касающегося судебной или общественной деятельности лица, занимающего должность по определению от правительства или по выборам. Правда, конечно, и то, что лица, занимающие должности по определению от правительства или по выборам, если совершают деяния, не соответствующие чести и достоинству, то, в большинстве случаев, не чувствуют склонности верить следы этих деяний письмам, а тем более — выпускать такие письма в свободное обращение. Остается затем розовая область отрадных явлений. Оглашение таких явлений не возбранено; в этой области печать свободна. Хвали — что можно; одобряй — где нужно, славословь — где выгодно, ликуй — когда это предоставлено.

Никто не оспаривал обязательной силы закона о диффамации, никто не дерзнул возбуждать к нему неуважение, и тем не менее, случилось так, что жизнь пошла помимо закона. Справедливые общественные требования и необходимость заставили смягчить его безусловные требования, и в этом уклонении жизни от закона оказываются виновными не одни только обывательское самовольство и писательская продрозость; к уклонному направлению приобщили себя и властная рука администратора, и подзаконный взгляд судьи. Справедливые, честные, благонамеренные обличения звучащего зла более и более становились полезными и необходимыми для общественной дезинфекции. Правительству не раз пришлось с выгодой воспользоваться в общественных интересах разоблачениями в печати. Суд, силой вещей и требованиями времени, побужден был входить в оценку цели обличения, цели, которая, по буквальному смыслу закона, не должна была бы иметь значения для кары. И, в конце концов, закон о диффамации, в его практическом приложении, остался вполне целесообразным лишь в сфере обличения частной жизни, не имеющей общественного интереса. Общественные и правительственные установления, должностные лица сами увидели, что закон этот недостаточен для реабилитации их оскорбленной чести, остающейся под сомнением и после обвинительного приговора

над диффаматорами. Процессы о диффамации стали редки, бесцветны и мало внушительны.

Праздную скамью обвиняемых в диффамации заняли обвиняемые в клевете. Картина выиграла в своей грандиозности и, скажу, в симпатичности. Обвинитель являлся уже не с намордником, готовый набросить его на уста обвиняемого, как только они раскрывались для доказательства справедливости напечатанного. Рыцарски честное преследовалось в этой борьбе равным оружием и с уравновешенными условиями. Оскорбленный отдает себя публичному изобличению, он требовал доказательств, оставляя за собой право опровергать их. Но иногда прекрасен только сверху вид. Уравновешенность условий борьбы в процессах о клевете не легко достижима. Обвинители не расположены делиться теми сведениями, которые находятся в их распоряжении и в их архивах. Так было и по настоящему делу. Наглядным доказательством разверстки акций между подставными акционерами могла бы послужить квитанция банка, по которой заложенные там акции Масловского препровождены временно для общего собрания в правление Тульского банка. Обвиняемый просил об истребовании такой квитанции, относящейся к общему собранию 1881 года: ему в этом было отказано. Нотович просил об истребовании от правления банка производств по содержанию, ремонту и продаже указанных им домов, оставшихся за банком, в подтверждение неправильностей отчетов. Масловский оспаривал право Нотовича на подобное ходатайство, и в ходатайстве было отказано. В своем возражении Масловский заявляет:

«В качестве частного обвинителя я оставляю за собой право представлять только те доказательства и письменные документы, которые я лично признаю необходимыми в интересах разъяснения настоящего дела» (заявление Масловского судебному следователю).

Вот вам и равенство борьбы и уравновешенность условий. Немудрено, что при таком равенстве у обвиняемого, если не совершенно отнимается язык, как в процессе о диффамации, то связывается настолько, что о равенстве оружия не может быть и речи. А, казалось бы, чего же правителю Тульского банка уклоняться от возможно широкого расследования дела и, следовательно, возможно убедительнейшего восстановления их оскорбленной чести?

Но недостаточно одного процессуального уравновешивания сил и средств борющихся на суде сторон. Требование этого разъяснения, требование справедливого взвешивания и определения условий и взаимных отношений автора произведения, считающего себя оскорбленным, идет дальше, идет до самого объема законного понятия о клевете. Оскорбленный оглашением в печати позорящего его деяния, конечно,

всегда и безусловно вправе требовать от оскорбителя истинности и доказанности напечатанного, но мера этих требований не может не подпадать известным смягчениям и ограничениям, — и не только в видах точнейшего определения степени и меры виновности, но и для разрешения вопроса — существует ли, действительно, виновность, удовлетворяет ли вина понятию о клевете?

В делах о преступлениях в печати, не в пример делам о других общих преступлениях, судья не может замыкаться исключительно в сферу уголовного кодекса; он, в силу необходимости и высшей справедливости, должен быть политиком, как орган общественный, отправляющий свои функции в соображении условий и потребностей общественной жизни. Не нужно долго жить, чтобы видеть, как в непродолжительные периоды изменяются взгляды самой администрации на дозволенное и не дозволенное в печати, как изменяются в этом отношении воззрения общества, как видоизменяется применение закона, хотя он сам и остается тем же, не имея возможности поспевать за всеми этими изменениями.

В делах о клевете выступают, в виде сторон, два интереса, оба требующие своего охранения: интерес общественный — обличения существующего зла, оглашения затаившихся отрицательных явлений жизни, их обнаружения и интерес личной оскорбительности — ограждения и восстановления чести, если только это не есть интерес ограждения от беспокойства и препятствования нашему праву, любящему простор и неприкосновенность. Характер и сила этих интересов в каждом случае требуют особого взвешивания и не подчиняются одной предустановленной мерке.

Если обличение зла, обнаружение явлений противозаконных или просто вредных для общественности имеет право в печати, если оно является одним из необходимейших и наиболее сильно действующих средств общественной дезинфекции, то ему должен быть дан соответственный простор, должны быть приняты в расчет и неизбежность ошибок, и некоторая неполнота доказательства истинности напечатанного оглашения. Так и понимает это наша, еще молодая в делах печати, судебная практика. Перед вами приговор высшего суда по делу о Куликове.

Куликов судился по 1039 статье Уложения, но содержание приговора может одинаково относиться и к делам о клевете. В этом приговоре мы видим, что Куликов судился за то, что относительно управы, где он, кстати сказать, и служил, он напечатал заявление, в котором, между прочим, называл служебные действия членов управы относительно хранения и распоряжения деньгами систематическим хищением земских денег, то есть прямо обвинял их в уголовном преступлении тяжко-

го свойства. Сенат нашел выражение неуместным, но указал, что «оно еще не служит для применения к Куликову 1039 статьи Уложения, так как такая характеристика не содержит в себе прямого указания на совершение членами управы каких-либо преступных действий, а может быть относимо к беспорядочному и невыгодному для земства ведению земских дел». Такой взгляд и прием совершенно противоположны тому, каким пользуются обвинители по настоящему делу. Сенат продолжает: «документальные данные в пользу Куликова, содержащиеся в подробном его показании при предварительном следствии, а равно приложенные к делу выдержки из журналов земских собраний и удостоверения старшин содержат в себе некоторое подтверждение указаний обвиняемого на непроизводительность трат земских денег и на известные неправильности в их расходовании». На этом основании Сенат оправдал Куликова. Следовательно, оказалось достаточным не всецелое, не полное, а лишь некоторое подтверждение данных из всего обвинения, напечатанного Куликовым, чтобы признать действия его не подлежащими наказанию.

Вот тот прием, который может и должен быть, по всей справедливости, применяем вообще к делам о печати, когда дело идет об обнаружении и обличении существующего общественного зла. Мера требований по отношению к истинности и доказанности напечатанного в обличительной статье, по справедливости, должна степениться в приложении к отдельным случаям. Наиболее строгими должны быть такие требования, когда дело идет об оглашении какого-либо действия из домашней жизни частного лица. Частная жизнь, по большей части, не имеет никакого общественного интереса; оглашение ее может служить только удовлетворением праздного любопытства. Строгие требования справедливо прилагать, когда дело идет о лице должностном, общественном деятеле, деятельность которого не публична, который не может охранять свою честь и достоинство гласностью своих действий и которому может быть нанесен несправедливым оглашением личный непоправимый вред прежде, чем он будет в состоянии оправдаться посредством процесса о клевете против своего неосторожного или злонамеренного обличителя. Строже можно относиться, когда дело идет об оглашении какого-нибудь отдельного, несложного действия, обстоятельства, эпизодического явления, которое удобно может быть проверено и исследовано средствами самого обличителя, неосторожность и легкомыслие которого в таком случае неизвинительны.

Совсем не то, когда дело идет об оглашении ненормальных и неправильных, сомнительных и подозрительных действий целого сложного установления, каким является крупное акционерное предприя-

тие. Здесь — и значительность общественного интереса, и трудность исследования и разведывания злоупотребления. Для постороннего лица, публициста, здесь мало доступная область. Требовать безусловной справедливости и полной доказанности всего того, что в виде слухов, случайных сведений доходит до периодического издания через его сотрудников, корреспондентов, репортеров и случайных добровольцев, значит оставить публицистическому обличению невозможные условия. А между тем акционерные предприятия имеют огромную важность в нашей экономической, промышленной, жизни. Общество заинтересовано в том, чтобы операции этих капиталистических, промышленных предприятий совершались правильно, хозяйственно и законно, чтобы злоупотребления, которые туда вкрадываются, открывались и обличались своевременно, потому что от этих злоупотреблений страдают не только хозяева предприятий, каковы акционеры, но и другие лица, вступающие в отношения с компанией, например, облигационеры в ипотечном учреждении, вкладчики и т. п.

Опыт нескольких лет показал уже, что в большей части акционерных предприятий — вопреки мысли и намерению закона, рассчитывающего на ассоциацию мелких капиталистов в акционерных предприятиях, с определенным ограниченным количеством голосов, — являются заправилами один-два крупных капиталиста, около которых составляется компактная партия, или же подобранная, с собственными излюбленными, им преданными комитетами и агентами. Одни из мелких акционеров прилипают инертно к этой компактной массе; другие, разрозненные, не имеющие средств сплотиться, органа, чтобы высказаться и сговориться, а то и просто по лени и добродушному доверию, мало посещающие общие собрания, а если и посещающие, то мало в них понимающие, остаются без всякого руководства, без указания, без средств самостоятельно следить за действиями компанийского учреждения, судить и проверять правильность операции. Миллионы народных сбережений, вложенных в предприятие или связанных с ним, сбережений небогатого люда, остаются на воле и распоряжении заправил, иногда недобросовестных, иногда склонных к риску и азарту. Должна ли печать, следящая за текущими явлениями современной жизни, остаться безмолвной ввиду подозреваемой опасности, предусматриваемых нежелательных последствий? А как вовремя предусмотреть и предупредить о таких последствиях? Какие к этому законные и широкие пути? Акционерные предприятия обязаны к известной степени гласности, через издание отчетов, балансов, ответов на запросы акционеров; но в балансах и отчетах и специалисты по бухгалтерии не всегда в состоянии различить ловко замаскированную истину; запро-

сы и возражения акционеров заглушаются партией господствующего в предприятии лица. Цифры балансов, верные арифметически и скрывающие весьма неверные приемы и действия правителей предприятия, остаются языком непонятым и недоступным для непосвященных. Потребуйте теперь от публициста, который задался полезной мыслью — раскрыть перед публикой некрасивые действия такого учреждения, который, по дошедшим до него слухам, по некоторым неясностям в отчетах и балансах, заподозрил опасные злоупотребления, рискованные операции — попробуйте потребовать от него точной доказанности и свободных от всякой ошибки его писаний и оглашений! Он должен отказаться от своего намерения, от выполнения своих полезных и честных побуждений. Обширны ли его средства знать истину? Внутренних распорядков ему не покажут, объяснений ему не дадут, дел перед ним не откроют. Не открыли их перед Нотовичем и тогда, когда он, привлеченный уже по обвинению в клевете, просил, в видах разъяснения истины, открыть ему некоторые из них, прямо указанные им и свидетелями дела. И после этого хотят требовать безошибочности и строгой доказанности малейших подробностей оглашения, его строгого соответствия с действительностью!..

На вашей памяти, господа, и нередко при вашем участии прошла масса банковских процессов. Вы знаете, как они долго продолжались, какого напряжения сил они требовали, и если после продолжительного, тщательного и основательного следствия, на основании данных, проверенных официальным путем и, по видимому, несомненных, составлялись по таким делам обвинительные акты, то и в этих актах не раз обнаруживались и неточности, и недоказанности, и ошибочности, и неверное освещение фактов. И не будь на обвинительном акте казенного клейма, марки должностного, официального характера, то, само собою разумеется, такой обвинительный акт, появившись в печати в виде частной статьи, дал бы удобный материал для обвинения в клевете, потому что, помимо фактов истинных и доказанных, в нем нашлись бы и факты ложные, недоказанные, излишества и преувеличения. Поэтому, повторяю, для определения наличности клеветы необходимо сообразовать требования общественных интересов и необходимость обличения существующего зла, отрицательных явлений текущей жизни, с тою степенью доказанности и безошибочности сообщений, какой может удовлетворить партикулярный автор статьи периодического издания. Нельзя оставлять без внимания и то, от кого исходят статьи. Ведь если бы ту статью, которую теперь вменяют нам в вину, писал член правления, ревизионной или оценочной комиссии С.-Петербургско-Тульского банка, имевший возможность изучить и знать по своим условиям положение

дел банка, тогда справедливо было бы требовать со всею строгостью той достоверности и доказанности, которая недостижима по тому же предмету для частного, постороннего лица. Но ведь Градовский или Нотович были не свои люди в С.-Петербургско-Тульском банке; они могли получать только отрывочные сведения, проверять их только в меру своих небольших средств разъяснениями и расследованиями, и если они, тем не менее, значительную часть сообщенных ими сведений доказали, то едва ли возможно обвинение в клевете.

Но не на этих только соображениях утверждаем мы якорь нашей защиты и оправдания. Мы имеем достаточный запас доказательств истинности тех оглашений, которые содержатся в инкриминируемых статьях. Сами обвинители признали факты, которые относятся к противоуставности и к нарушениям порядка. То же самое признает и приговор окружного суда. Что же остается? Остается сравнение С.-Петербургско-Тульского банка с Саратовским, чем мы будто бы оклеветали правителей Тульского банка.

Позвольте сказать несколько предварительных слов относительно этого сравнения. Каким образом разбирают и обсуждают его? Его вырывают из статьи и толкуют без всякого соотношения к содержанию целой статьи. Прием в корне неправильный. Из костюма вырывают клоч, клоч этот рассматривают через микроскоп, увеличивающий во много раз, отыскивают подозрительное пятно и заключают. Нет! судите нас по всему костюму, а не по тому лоскуту, который вырвали наши обвинители.

Господа судьи, я не имею претензии открыть в настоящем деле какую-нибудь новую Америку, я не задаюсь мыслью предложить вашему вниманию какой-нибудь новый ключ для разрешения этого дела, но по отношению к делу, мною защищаемому, я нахожусь в некотором особенном, скажу даже, счастливом положении. Я в нем — человек новый. Я вхожу в него тогда, когда уже борьба давно длится, когда она утомила и внимание, и силы борющихся сторон, когда уже не раз склонялась в бою то их, то наша сторона. Прежде, в качестве постороннего зрителя, я поверхностно следил за борьбой, не имея причины углубляться в ее подробности. Когда я вошел в дело в качестве представителя одной из сторон и занялся его изучением, я не мог не заметить, что борьба давно покинула ту почву, на которой только она и должна бы вестись и на которой только она и может быть правильно окончена. Спор давно уже идет не о целых инкриминируемых статьях, а об отдельных выражениях, выхваченных из целого, оставленного вне внимания содержания статей. Весь спор сосредоточился на том, были ли в С.-Петербургско-Тульском банке такие фальшивые отчеты,

дутые цифры, выдача небывалых дивидендов, подставные акционеры, как то было в Саратовско-Симбирском банке, по словам обвинительно-го акта. Какое место занимает в инкриминируемых статьях сравнение одного банка с другим, до какой степени простирается это сравнение, какое отношение оно имеет к главной мысли, предмету и изложению целых статей — эти вопросы остались забытыми в жару борьбы сторон, удалившихся с истинного места боя. Поэтому, несмотря на то, что инкриминируемые статьи нам известны, позвольте мне, хотя в возможно кратком очерке, проштудировать содержание этих статей для того, чтобы выяснить, что сравнение, которое служит против нас основанием к обвинению в клевете, не составляет ни главного предмета, ни сущности самых статей; что те выражения, которые принимаются за клеветнические, служат лишь пояснением главного содержания статей и тех фактов, которые указываются не в сравнениях, а в самих статьях, что эти сравнения составляют только дополнительную часть главного содержания, что если исключить эти дополнения из статей, то статьи ни в содержании, ни в характере ничего не потеряют, что от чтения статей остается лишь впечатление общего их содержания, а сравнение теряет-ся из виду и забывается.

Первая инкриминируемая статья «Новостей» имеет своим содержанием суждения по поводу метаморфозы, происшедшей в балансах 1888 года, с рубрикою «расходы, подлежащие возврату». Это составило и содержание статьи, и ее исходную точку.

«В прежние времена и даже 1 января 1888 года, — говорит газета, — в отчетах и балансах банка неизменно красовалась статья под заглавием: «расходы, подлежащие возврату». Подобное заглавие было весьма заманчиво. В самом деле, если, за всеми действительными расходами, получают значительные прибыли, да еще имеется в перспективе возврат каких-то временно издержанных сумм, то чего же и желать лучшего.

«В балансе на 1 декабря, однако, эта успокоительная рубрика совершенно исчезла. Взамен ее появляется новая: «расходы по имуществам, состоящим за банком» — на сумму 914 339 руб. 55 коп. Расходы, «подлежащие возврату», каким-то чудом исчезли и выставили вместо себя горько-кислую цифру расходов, попадающих в бездонную бочку «имуществ, состоящих за банком».

«Но что это, собственно, за имущества, состоящие за банком?» — спросят читатели.

Вопрос вполне уместный.

Это та же история, что получилась с обществами городского взаимного кредита или с пресловутым Саратовским банком. Ссуды выдавались широко. Если злоупотребление и спекуляция вкрались в деятель-

ность кредитного учреждения, построенного на начале взаимности, то в акционерном банке они почти неизбежны; это соответствует самой их природе.

Затем непосредственно следуют строки, в которых хотят видеть клевету. Это — сравнение с Саратовским банком.

Прежде всего эти строки сравнения обоих банков относятся исключительно к обвинению в широкой выдаче ссуд, как несомненно явствует из предшествующего текста. Кроме как об обширной выдаче ссуд, ни о чем другом, до этого сравнения не говорится. Во-вторых, сравнение относится к С.-Петербургско-Тульскому банку и его операциям, без указания на отдельные периоды существования банка и его правлений; поэтому, если наличный состав правления, действующий с 1882 года, не считает себя виновным в широкой выдаче ссуд, то оно и не имеет никакого повода принимать объяснения в этом отношении на свой счет. Все, что может принять на себя из статьи наличный состав правления С.-Петербургско-Тульского банка, это та часть сравнения, в которой говорится, как о последствиях широкой выдачи ссуд — прикрытии неизбежных прорех — мнимых прибылей и недочетов первых годов существования банка. На свой счет могут отнести представители наличного состава правления и отчисление, при помощи отчетов, более или менее кругленьких прибылей. Таким образом, весь пассив, который могут поставить на наш счет наши противники по первой инкриминируемой статье, это — обвинение их в сокрытии убытков и недочетов и отчислений ими в свою пользу лишних прибылей.

Но прежде, чем я буду балансировать этот пассив, — а буду я его балансировать тогда, когда извлеку истинную сущность всех инкриминируемых статей, — я предложу краткое изложение теперь разбираемой мной статьи.

Вы припомните, что выше в статье было сделано сравнение С.-Петербургско-Тульского банка не только с Саратовским, но и с обществом взаимного поземельного кредита. Сделано было еще более сильное обобщение. Сказано было, что злоупотребления и спекуляции почти неизбежны в акционерном банке.

Продолжая в том же смысле, статья говорит: «Искусственные отчеты и мнимые прибыли необходимы каждому акционерному банку на первых порах его деятельности. Без этого он не добудет ни закладчиков, ни охотников покупать закладные листы». «Надо поддержать курс акций» — это вам скажет всякий акционер. Но курсовая цена акций определяется их дивидендом. Для выдачи дивиденда необходима прибыль, которую приходится на первых порах сочинять, пока операция не расширится. В свою очередь, развитие операций в акционерном банке

зависит от широты кредита, которая привлекает заемщика, а широкие условия кредита влекут ошибочные выдачи, несостоятельность отдельных заемщиков и потери.

Таковы рамки и условия деятельности акционерных банков. Весь вопрос в том, чтобы вовремя остановиться, вовремя прекратить первоначальное спекулятивное направление деятельности, разделаться с рискованными выдачами и ликвидировать старые потери».

И после такой защитительной тирады, находящейся в той же статье, где сделано сравнение С.-Петербургско-Тульского банка с Саратовским, по поводу широких ссуд и мнимых прибылей, позволительно ли заключать, что статья имеет целью оклеветание банка? Нет, это не клевета, это — аналогия банковских спекуляций и противозаконностей, где берут под защиту все банки, не исключая, конечно, и С.-Петербургско-Тульского.

Разделяя далее акционеров на действительных и спекулянтов, газета говорит: «Главная задача последних заключается в возможно более продолжительном и хотя бы искусственном возвышении прибыли даже в ущерб всему предприятию».

И тотчас продолжает: «Мы не решаемся, конечно, утверждать, что таково, именно, положение С.-Петербургско-Тульского банка».

Более умеренной и спокойной, более сдержанной критики положения и операций банка трудно и требовать. Не чем иным, как желанием сделать спокойным и правдивым сообщение о положении дел банка, объясняются и следующие строки статьи:

«Несомненно, что во владении банка очутилось много имуществ, владельцы которых оказались несостоятельными по той простой причине, что полученные ими ссуды невозможно было оплачивать доходами из заложенного имущества. Имеются, говорят, и такие имущества, ссуда по которым превышает их стоимость. Несомненно, наконец, что благоразумная часть действительных акционеров ежегодно из сил выбивается, чтобы взглянуть в лицо истине, какова бы она ни была. Правленская же партия, наоборот, замедляет ликвидацию прежних рискованных и неудачных операций, так как прямой интерес ее — возвышать дивиденды на акцию. Чем больше выведенная по отчетам прибыль, тем крупнее и те добавочные отчисления, которые выпадают на долю правления».

Затем статья приводит сведения об убытках банка от продажи оставшихся за ним домов, переходит к указаниям на неправильные операции и оценку принадлежащих банку процентных бумаг, насколько это известно из отчетов банка, к указаниям на то, в чем сами обвинители не усматривают клеветы, и оканчивается следующими словами:

«Желательно, — пишут нам, — чтобы в общее собрание явилось возможно большее число действительных акционеров, чтоб не дать одному крупному акционеру, хотя бы и заложенных акций, добиться отчисления высокого дивиденда в личных его видах».

Вот истинная цель и существенный вывод всей статьи. Ни в каких уголовных злонамеренностях статья не обвиняет С.-Петербургско-Тульский банк; сравнение его с Саратовским не простирается на все те преступления, которые указывались в обвинительном акте Саратовского банка. Напротив, даже возвышенные ссуды и отчисление преувеличенных прибылей на первое время, в чем собственно и заключалось сравнение, оправдываются необходимостью под условием остановки вовремя. Статья имеет целью обратить внимание разрозненных акционеров на предстоящее определение дивиденда и воспрепятствовать неосторожному исчислению прибылей. Характер статьи спокойный и сдержанный, и она не представляет и намека на какую-либо клевету, так как огорчающее наших обвинителей сравнение с Саратовским банком забывается и теряется при чтении всей статьи, возбуждающей и обсуждающей вопросы, имеющие лишь частичное отношение к одной и отнюдь не главной доле деятельности Саратовского банка. Ни о какой Ново-Никольской даче, так много фигурировавшей в Саратовском банке, ни о каком позаймствовании на личные нужды из запасного и основного капиталов, ни об употреблении представителями банка ценностей банка на их личную биржевую игру, — ничего в этой статье не говорится. Поэтому и сравнение не может простирается на все те злоупотребления, которые существовали в Саратовском банке и на которые не указывалось относительно С.-Петербургско-Тульского банка.

Последняя инкриминируемая статья «Новостей» есть, собственно, полемическая статья против газеты «Новое Время».

«По некоторым случайным обстоятельствам, — говорится в статье, — мы уже пятый день остаемся в долгу перед «Новым Временем». Дело идет о любовном вмешательстве этой газеты в наши разговоры с правлением С.-Петербургско-Тульского банка».

Я прошу обратить внимание, что статья эта напечатана 13 января, следовательно, до возбуждения дела о клевете, когда Нотовичу или автору статьи не было надобности оправдываться в том обвинении, которое было предъявлено позже.

Объясняя, какую услугу оказывает правлению С.-Петербургско-Тульского банка нововременская заметка, газета обращается к статье, напечатанной в № 354, и выражается таким образом: «Характеризуя общие условия действий земельных банков, построенных на акционерном начале, мы сказали: С.-Петербургско-Тульский банк и его

операции то же самое, что Саратовский банк и его операции». Итак, вот как сама газета определяет смысл своего сравнения, употребленного в статье № 354. «Характеризуя общие условия действий земельных акционерных банков», газета сделала сравнение двух банков, а не с целью приписать Петербургскому банку те же и такой же важности преступления, какие возводились на Саратовский банк. Так оно и было, как вы видели, при разборе всего содержания статьи № 354.

Продолжая полемику дальше, газета ставит вопрос: «Правы были мы или нет, сравнивая С.-Петербургско-Тульский банк с Саратовским? На этот вопрос вполне категорический ответ дает само опровержение правления С.-Петербургско-Тулского банка (напечатанное в предыдущем номере газеты, из которого тут же приводится выдержка). Само правление признает, — продолжает статья, — что, несмотря на отчеты и балансы, свидетельствовавшие о полном благополучии и процветании банка, невзирая на ежегодные выдачи дивиденда, действительное положение банка в 1882 году было очень близко к «ликвидации» и «к сопряженному с нею полнейшему разорению акционеров». Точно так же сознается правление, что убытки, понесенные банком от раздачи мнимых дивидендов, до сих пор еще не покрыты вполне».

Прошу обратить внимание на то, что сейчас цитированные строки имеют в виду С.-Петербургско-Тульский банк, как за время до 1882 года, так и после этого года и что к наличному составу правления, вступившему в 1882 году, положение банка, доведенного до близости к ликвидации, и относимо быть не может, а могут принять на себя обвинители лишь ту часть заметки, где говорится о непокрытии убытков вполне! Следовательно, только упрек в этом непокрытии могут принять на себя наличные члены и председатель правления. Вот по поводу этого-то непокрытия убытков, происшедших от прежде выданных чрезмерных ссуд, и следует непосредственно то место статьи, которое принимается за клевету со стороны Нотовича.

«Ясно, следовательно, что мы были правы, говоря, что Саратовский банк судился за неудачу, за крах, за то, что он не успел развить свои операции и при помощи их покрыть прошлые грехи и уголовные материалы».

Теперь я прошу вас воздать честь газете, дать прочитанному и инкриминируемому месту статьи ее истинный смысл и только этим истинным, входившим в намерение автора и правильно им выраженным смыслом ограничить обязанность его ответа за напечатанные слова. Дело идет, очевидно, не о всей полноте преступлений и злонамеренностей, приписываемых Саратовскому банку, а единственно лишь о непокрытии убытков от чрезмерных ссуд. Только в объеме этого нарушения

устава и для его осуществления употребляются те средства, которые перечисляются затем: фальшивые отчеты, дутые цифры, выдачи небывалых дивидендов и искусственно составленные общие собрания. В этом объеме и в этом строго вытекающем из содержания статьи смысле мы и принимаем ответ за приведенное место статьи и приведем наши доказательства истинности напечатанного.

Самая статья, продолжаясь, выясняет личный взгляд автора на то, что против банковских злоупотреблений употребление карательных средств не представляется спасительным средством. Таким средством может быть только более внимательный надзор за действиями правлений, тщательное посещение общих собраний, ревизия и гласность дела акционерных предприятий.

В этой части статьи находится одно место, которое оказалось возможным выкроить так, что и из него фраза вышла, как фраза клеветнического содержания, и в таком виде вошла в частную жалобу и в приговор суда. Вот это место в его полноте.

«Когда уголовные громы разразились над головами людей, виновных в том самом, что творится в С.-Петербургско-Тульском банке и в большинстве других акционерных компаний, мы стали на сторону присяжных (как известно, оправдавших обвиняемых по Саратовскому банку)».

Всякий беспристрастный и не лишенный здравого смысла читатель поймет в этой фразе стремление оправдать деятелей Саратовского банка. Наши обвинители сделали из фразы сокращение, отбросивши в начале слово «когда» и в конце, начиная со слов «и в большинстве». Фраза оказалась сразу обидной для С.-Петербургского банка. Мы отстраняем от себя эту выкройку из слов статьи: мы хотим отвечать только за истинное содержание и смысл статьи.

Статья 13 номера оканчивалась словами:

«К оценке деятельности С.-Петербургско-Тульского банка по существу мы возвратимся в следующих номерах».

Это было напечатано 13 января 1889 г.; 14 января появилась первая статья, относящаяся к такой оценке, а 18-го была уже принесена жалоба на Нотовича.

Теперь, когда периодическая печать усилилась в числе своих органов, когда она, следуя требованиям времени, с лихорадочной поспешностью должна ответить на запросы дня и отмечать современные явления, читатели привыкли относиться к напечатанному не с рабским доверием, а с критикой. Все понимают, что, в спешной, ежедневной публицистической работе неизбежны промахи и ошибки и в фактах, и в мнениях, и суждениях. Теперь, чтобы оклеветать

сравнением, надо иметь малограмотных читателей, а такие статей о банках не читают.

Теперь я приступаю к разбору тех фактов, которые приведены в инкриминируемых статьях».

Я прежде всего обращусь к выдаче ссуд, явно не соответствовавших стоимости заложенных имуществ.

«Выдача таких ссуд сама по себе, — говорит Масловский в объяснении на апелляционную жалобу, — без корыстных целей, без подлогов и обманов, без стачек с залогодателями и прочее, составляет не уголовное преступление, а просто действие неосторожное, неблагоприятное» (заметьте — эта неосторожность и неблагоприятность касаются не своего, а чужого, управляемого имущества).

«Преувеличенные оценки и ссуды, доставлявшие банку громадные убытки, имели место только до 1882 года, при прежнем составе правления банка».

«В деле не оказывается никаких доказательств того, чтобы выдача этих преувеличенных ссуд при прежнем правлении сопровождалась какими-либо обстоятельствами уголовного характера, указанными в обвинительном акте по саратовско-симбирскому делу».

Вместе с тем в опровержении на статью газеты «Новости» настоящее правление банка сочло долгом заявить, что дело Тульского банка стояло в 1882 году накануне «ликвидации и сопряженного с нею полнейшего разорения акционеров». Достаточно сильно сказано!

Что же по поводу выдачи ссуд сказано в статьях «Новостей»?

«Ссуды выдавались широко, как выдавались они в обществе городского взаимного кредита и в Саратовском банке». Сравнение, таким образом, делается не с одним Саратовским банком. Выдача преувеличенных ссуд относится не к наличному составу правления, а к банку вообще.

Мало этого. Широкая выдача ссуд, по крайней мере на первое время, даже оправдывается.

«Развитие операции в акционерном банке зависит от широты кредита, которая привлекает заемщиков, а широкие условия кредита влекут ошибочные выдачи, несостоятельность отдельных заемщиков и потери».

«Несомненно, что во владении банка очутилось много имуществ, владельцы которых оказались несостоятельными по той простой причине, что полученные ими ссуды невозможно было оплачивать доходами из заложенного имущества. Имеются, говорят, и такие имущества, ссуда по которым превышает их стоимость».

Где же здесь прямое приписывание наличному составу правления С.-Петербургско-Тульского банка злоупотреблений и уголовных пре-

ступлений? Но что сходство с Саратовским банком есть — это несомненно.

На странице седьмой обвинительного акта по делу Саратовского банка мы видим, что расстройство дел этого банка должно быть приписано, между прочим: «выдаче ссуд, явно не соответствовавших стоимости заложенных имуществ».

Между тем в некоторых преувеличенных ссудах Тульского банка позволительно предполагать и нечто большее, чем неблагоразумие, неосторожность и ошибку. Так, о подобных ссудах имеются сведения по домам: Киселева, Хомяковых, Корвин-Круковского, Рогова, товарищества Петровских линий в Москве и других.

Именно по этим-то домам Нотович и желал иметь дело — производства правления, но Масловский отказался их представить.

Затем позвольте привести показание Адамовича о некоторых выдачах. Под дом Киселева в ссуду выдано 130 тысяч рублей, а продан он за 15 тысяч рублей. Тут уже широта выдачи ссуды представляет нечто колоссальное! Вы помните, что против оценки выдается в ссуду 60 процентов. Если затем не только не выручаются эти 60 процентов, но из 130 тысяч рублей выручается только 15 тысяч рублей, помимо затраченного громадного капитала на ремонт, и, кроме того, одна часть этого строения, по требованию градоначальника, была снесена, как не удовлетворяющая условиям в техническом отношении и грозившая опасностью для жизни проживающих в нем лиц; если обнаруживаются такие обстоятельства и ошибки, то тут уже недостаточно говорить об одной неосторожности, но тут позволительно предполагать уголовный материал, который, может быть, при известных условиях, мог привести и на скамью подсудимых. Под дом Хомяковых в Москве ссуды выдано 700 тысяч рублей, а продан он Гартман за 525 тысяч рублей. Затем под дом Корвин-Круковского с банями ссуды выдано 300 тысяч рублей, а на ремонт истрачено около 80 тысяч рублей и списано процентов и других расходов до 70 тысяч рублей; продан дом Котомину за 325 тысяч рублей. Опять убытки громадные, которые едва ли могли быть объяснены просто ошибочной выдачей ссуды. По дому Рогова числилось капитального долга на 1 января 1889 г. 330 тысяч рублей; продан он за 290 тысяч рублей. Из этой суммы следует вычесть 10 тысяч рублей уплаченного гонорара за продажу дома. Стоимость ремонта этого дома около 60 тысяч рублей.

Позвольте также процитировать показание Безродного. Вот что говорит свидетель Безродный о широкой выдаче ссуд. Безродный был избран членом ревизионной комиссии. Еще до начала деятельности этой комиссии до свидетеля стали доходить слухи о рискованных действиях

правления, преувеличенных и неправильных ссудах. Свидетель взял на выдержку несколько дел о ссудах, из которых усмотрел, что оценка имущества производится, вопреки устава, не всеми членами оценочной комиссии коллективно, так как на протоколах оценок имелись подписи лишь одного-двух членов-оценщиков, а также, что объявление банка подписано не тремя членами банка, как бы надлежало, а иногда только одним. Свидетель настаивал, чтобы его особое мнение было напечатано, чего председатель Борисов не исполнил. Вслед затем Безродный не был выбран в члены ревизионной комиссии.

Итак, вот свидетель, который дает понятие, что в широкой выдаче ссуд следует усматривать нечто большее, чем неблагоприятие; что это были нарушения таких правил устава, при которых самые выдачи могут быть недействительными, при которых нельзя было решить, действительно ли эти ссуды выданы по решению правления в полном составе, то есть, по крайней мере, в составе трех членов. Безродный не ограничивается этим; он прямо указывает те дома, по которым он замечал подобные нарушения. Вообще, говорит Безродный, «о правильности производимых оценок точного заключения вывести нельзя, нет копий контрактов, условий и других документов о доходности. При рассмотрении многих дел оказалось, что протоколы подписывались лишь двумя членами, а журналы о выдаче ссуд — двумя лицами правления. Точное соблюдение устава, — говорит он, — желательно в видах большой обеспеченности правильности производства и выдачи ссуд. Обращаясь к некоторым более значительным по своим размерам ссудам, могу сказать, — продолжает свидетель, — что подобные несоблюдения устава банка были допущены при ссудах: по дому Хомяковых ссуды 700 тысяч рублей, по дому Рогова — 330 тысяч рублей. Протоколы оценочной комиссии и журналы правления о выдаче этих ссуд подписаны только двумя лицами. По дому общества аптекарского товарищества ссуды 552 тысячи рублей, а протокол оценочной комиссии только — за двумя подписями».

Вы видите, что и тут повторяются имена некоторых домов, на которые было указано Адамовичем и делопроизводства о которых тщетно просил Нотович. Итак, вот основание к тому, чтобы заподозрить, что в такой широкой выдаче ссуд был некоторый уголовный материал, который, может быть, и не довел бы до скамьи подсудимых, но который мог бы правление познакомить с камерой судебного следователя в том случае, если бы банк не вышел благополучно из затруднения, если бы банк, в силу причин, хотя бы и не зависящих от правителей банка, потерпел крушение. При таких условиях, действительно, можно смело говорить об уголовном материале, положим, если не по 1154 статье, то по

1155 статье, которые предусматривают неправильные действия в производстве ссуд с ущербом для банковских установлений. Следовательно, недостает только ущерба, который легко мог случиться, как мы дальше будем иметь возможность доказать.

Настоящий наличный состав правления банка совершенно открывается от своих предшественников, бывших до 1882 года. Однако оказывается, что связь между наличным составом правления, оценочной комиссии и ревизионной комиссии, который существовал в 1880, 1881 и 1882 годах до правления в настоящем составе и этим последним, что эта связь по крайней мере в отношении нескольких лиц осталась и что, таким образом, традиции, которые существовали в банке до 1882 года, могли переходить и к преемникам, действовавшим после 1882 года. Так, мы можем упомянуть о самом Масловском, который был до 1882 года хотя частным, но влиятельным акционером. В правлении банка в 1880 и 1881 годах участвовал, например, Г.Ф. Черкасов, член настоящего правления банка, а в оценочной комиссии за те же годы участвовал А.Н. Костомаров (который теперь состоит членом правления банка), как это видно из подписей на отчетах за эти годы правления и оценочной комиссии. Затем в оценочной комиссии в 1888 году мы встречаем двух лиц, бывших в оценочной комиссии 1880 года (М.Ф. Масловский и А.Ф. Тиздель), и четырех лиц оценочной комиссии 1881 года (А.Ф. Тиздель, М.Ф. Масловский, О.С. Бок и Г.С. Бок). Что удивительного, что дух банка до 1882 года мог не исчезнуть и в более позднее время?

Приведем показание свидетеля Михельсона, относящееся к тому же предмету. Михельсон, между прочим, говорит: «по моему мнению, с оставлением в 1881 году председательства в правлении банка Борисовым, никакой, в сущности, перемены в правлении не произошло, так как в то время Масловский имел решающее значение в делах банка и все, совершавшееся в банке при Борисове, делалось и совершалось с ведома и согласия Масловского, а в личном составе правления, со вступлением Масловского в председательство, не произошло почти никаких перемен».

Таким образом, оказывается несправедливым отвергать всецело связь настоящего состава правления с тем составом, который был до 1882 года.

Перехожу к другому пункту — относительно выдачи акционерам преувеличенных дивидендов.

Относительно выдачи преувеличенных дивидендов читаем в инкриминируемых статьях: «Мнимые прибыли необходимы каждому акционерному банку на первых порах его деятельности. Надо поддержать

курс акций. Но курсовая цена акций определяется их дивидендом. Для выдачи дивиденда необходима прибыль, которую приходится на первых порах сочинять».

Выдача небывалого дивиденда указывается в третьей статье как одна из черт сходства Тульского банка с Саратовским.

В обвинительном акте по Саратовскому банку, в числе причин расстройств дел этого банка, действительно указывается: «выдача акционерам дивиденда в размерах, превышающих действительно полученные банком прибыли».

«Но в Саратовском банке, — говорит Масловский, — дивиденд выдавался из запасного и складочного капитала, так что указанные капиталы совсем исчезли; в Тульском же банке, напротив, эти капиталы увеличились». Однако и суд в своем приговоре допускает право рассуждать, вследствие раскрытых обстоятельств, о том, что правление банка вело дела не расчетливо, так как основывалось при выдаче дивиденда на таких надеждах, которые не могли оправдаться в будущем. Тем не менее, говорят и суд и обвинители, в этом не было тех преступлений, которые выведены обвинительным актом относительно Саратовского банка. О преступлениях не говорилось в статьях, а уголовный материал такие отчисления дивидендов действительно могли представить, если бы правителям Тульского банка не удалось избежать расстройства дела, благодаря, положим, не только их умению, но и счастью, которого не оказалось в Саратовском банке.

С выдачей небывалых дивидендов легко ознакомиться по тем сведениям, которые имеются в деле.

Правители Тульского банка в настоящем личном составе жаловались на то, что они приняли банк в страшно расстроенном состоянии, что затем, год за годом, в продолжение нескольких лет, затруднения увеличивались не только из-за прежних ошибочных действий правления банка, но и из-за причин случайных, шедших извне. Так, например, приходилось переживать домовую кризис и всякие другие торговые затруднения и кризисы: возникли дворянский и крестьянский банки, которые отвлекали много выгодных операций от Тульского банка. Тем не менее, мы видим, что, начиная с 1883 года, выдается дивиденд в высоком размере, доходящий до 24 рублей на акцию, следовательно, до 12 процентов. И так шло почти из года в год, за исключением одного года, когда было выдано меньше 24 рублей, но был год, когда было выдано 25 руб. 88 коп. Каким образом достигалось это? Банк переживал трудные времена. У банка накопились непроданные заложенные имущества, требовавшие расходов, они продавались с убытками, а тем не менее — правление имело возможность отчислить большие дивиденды!

Покрытие убытков прибылями отдалилось на будущее время. Убытки по оставшимся домам, несомненно, существуют; это видит правление, но дома еще не проданы, и сумма убытка, в ее определенной цифре, не может быть высчитана. Тогда делят прибыли, как будто бы убытка нет. Прибыли теперь, а убытки — после, когда их сосчитаем. Казалось бы, правильнее — по нашей обывательской арифметике — дожидаться определения убытков, а потом и высчитать прибыли. Но по бухгалтерии выходит будто бы иначе. Убытки ото двигались, однако, не только потому, что они иногда не были высчитаны, что они только предполагались, но они отодвигались и тогда, когда были точно уже определены. Пример этому — отчет за 1887 год. В нем было высчитано 290 тысяч рублей убытков, и, тем не менее, этот убыток перенесен был на следующий год, а в отчете за 1888 год было прямо сказано, что 290 тысяч рублей составляли убыток, окончательно выяснившийся к 1 января 1888 года. При таких порядках, — как же не говорить о преувеличенных прибылях? Я знаю, что прибыль, которую я высчитываю, есть только прибыль валовая, что она не может считаться чистой прибылью, потому что против нее существуют еще убытки, но только не определенные в цифре. Благодаря этому передвижению убытков и тому, что операции банка развивались и шли, может быть, очень хорошо, — мы охотно признаем это — благодаря умелости, энергии правителей банка, могли быть выдаваемы большие дивиденды. Но что было бы, если бы наступили затруднения?

Это была выдача, позволю сказать, лживого дивиденда, потому что такого дивиденда не могло быть. Ведь правление знало, что сумма прибыли увеличена на сумму непокрытых хотя и вполне выяснившихся убытков! Я ликвидировал свой год и в своем бюджете, положим, имею 1000 рублей и у меня есть при этом остаток в 200 рублей. Я знаю, что у меня есть неоплаченный долг, который я не уплачиваю потому, что он еще не определился в точности. Разве я могу эти 200 рублей обратить в свою прибыль?

В отчете за 1885 год высказывались надежды и утешения, что поступление плохих домов в распоряжение банка должно уменьшиться, а вместе с тем уменьшится и убыток банка, и что источник затруднений, являющийся последствием широких выдач ссуд, начинает иссякать. Надежды эти не оправдались потому, что в 1886, 1887 и 1888 годах дома продолжали оставаться за банком и, следовательно, затруднения банка все более и более увеличивались. Беда могла случиться и заключаться в том, что такое поступление домов превзошло бы запасный и основные капиталы банка и к этому присоединились бы затруднения, зависящие от промышленного кризиса. С чем бы встре-

тило эти затруднения правление Тульского банка? Ведь те прибыли, которые они широко отсчитали, ушли, а убытки остались, и, таким образом, крушение банка было неизбежно. А если бы последовало такое крушение банка, то применение ст. 1155 было бы, конечно, вполне соответственно, а, следовательно, Уголовный материал в деятельности банка безусловно был бы.

Затем говорят: мы не трогали ни основного, ни запасного капитала, но тот и другой капитал возрос. Возрос основной капитал сам по себе, потому что последовал новый выпуск акций. Это еще, собственно говоря, к чести банка относиться не может. Запасный капитал действительно возрос, но оказывается, что из этого запасного капитала в 1888 году пришлось взять более трех четвертей накопления за пять-шесть лет и эти деньги пошли на уплату убытков. Что же такое, говорят, что убытки заплачены из того запаса, который мы накопили!

Позвольте приступить к этому предмету не с бухгалтерской точки зрения, а просто с арифметической. Прибыли исчислялись в увеличенном размере, затем из прибылей 10 процентов шло в запасный капитал, а 90 процентов расходовалось по рукам: на увеличение дивиденда, на разные тантъемы и разные платежи в полый оценщиков, ревизионной комиссии и прочее. Таким образом, банк из каждого рубля терял 90 копеек и откладывал лишь 10 копеек в запасный капитал. Когда пришлось платить убытки, которые могли быть уплачены из прибылей прежних шести лет, тогда пришлось терять те 10 копеек из рубля, которые были сбережены, а остальные 90 копеек, конечно, возвратиться не могли. Таким образом, запасный капитал весь был составлен из тех гривенников, которые оставались из рубля, когда 90 копеек уходили, и этот запас, который был сделан в течение шести лет, весь ушел на покрытие убытков. Очевидно, что зачисление в запасный капитал — была временная передача денег в кассу банка, из которой они должны улетучиться, как только нужно стало платить эти убытки.

Что самая выдача дивиденда была преувеличена, это доказывается распоряжением министра финансов о приостановлении выдачи дивиденда за 1888 год. Министром финансов было отвергнуто предложение правления банка о том, чтобы убытки были разложены на несколько лет; министр финансов признал это действие неправильным, и совершенно справедливо, — убытки были уплачены из прибылей года и из запасного капитала. Нормальный ход вещей был восстановлен. Следовательно, предшествующий прием счета дивиденда был признан неправильным, что и требовалось доказать, на что и обращалось внимание в статье «Новостей», что действительно существовало и среди злоупотреблений Саратовского банка.

Но, говорят наши обвинители, мы, выдавая преувеличенный дивиденд, может быть, в данном случае действовали нерасчетливо, но у нас не было корыстных побуждений, не было того, что обнаружилось в деятельности деятелей Саратовского банка. Как сказать о корыстных целях? Тут бескорыстие от корысти отличить нельзя. Бывало так: когда гора не шла к Магомету — Магомет шел к горе. Когда правители какого-либо банка действуют в пользу акционеров, то выгоды и барыши идут и в пользу правителей. Действительно, стоит набавить дивиденд, как увеличивается и собственный дивиденд правителей, и биржевая цена акций. Все это само собою, без особенных усилий, идет на пользу правителей банка. В этом случае можно применить перефразировку правила евангельской морали: «ищите прежде выгоды акционеров, и она вся приложится вам». Позаботьтесь только выдавать побольше дивиденда, и всякие благополучия, все выгоды сольются к вам — в карманы правителей.

Ввиду всего этого, господа судьи, как не согрешишь — не скажешь, что тут что-то неладно, что во всяком случае как правители банка ни заботились о выгодах акционеров, но судьба заботилась и о них самих и об их выгодах.

Не следует забывать также, что за акционерами стояли облигационеры, о которых следовало бы позаботиться еще прежде, чем об акционерах, потому что они были кредиторами предприятия; они внесли в него свои сбережения, отдавали ему в ссуду свои деньги и не искали барышей в банке, а только хотели получать законный процент на капитал. Таким образом, и тут оказывается, что уголовный материал существовал; он не признан был к действию только потому, что краха банка не последовало, но последуй крах банка, и здесь была бы уместна 1155 статья, как карающая за неправильные выдачи в ущерб банка. А что такой ущерб мог быть, я уже об этом говорил. Ведь и деятели Саратовско-Симбирского банка не по прямой же линии шли к скамье подсудимых? Ведь они, конечно, надеялись на известные обороты, на улучшение дел банка, на благоприятные обстоятельства, которые дадут им возможность извернуться, заплатат те прорехи, которые оказались в счетах банка. Не вывезло счастье, оказалось невозможным стянуть концы с концом, и они сели на скамью подсудимых.

Следует рассмотреть допущение подлогов в отчетах, балансах и т. п.

По этому предмету обвинители считают клеветой то место из статьи «Новостей», где говорится: «Фальшивые отчеты, дутые цифры», — и ничего более.

В действительности эти слова относимы были Нотовичем и не могут быть относимы ни к чему другому, как к графе баланса по счету

возвратных расходов. Первая инкриминируемая статья исходною своею точкою ставит суждение о расходах, подлежащих возврату, говорит о том, как такая графа в балансе способна скрывать истину и как она преобразилась в графу расходов по имуществам, оставшимся за банком. Фальшивые отчеты, дутые цифры только и могут относиться к возвратным расходам, так как ни о каких других подлогах в статье нет речи.

Что статья «возвратные расходы» в отчетах и балансах составляла крупную бухгалтерскую неясность, способную вводить в заблуждения, об этом едва ли можно спорить. Под этим успокоительным заглавием скрывались в значительной доле несомненные убытки или имеющие определиться в будущем. А такие убытки не могли считаться возвратными расходами или с ними складываться. Возвратные расходы росли, убытки предполагаемые увеличивались и» однако, ускользали от внимания благодаря смешению их с действительно возвратными расходами. Правление само отказалось от этой графы в своих балансах, изменив ее на более точную.

Само собою разумеется, что после того как аукционная продажа домов или имений не состоялась, когда цена, равняющаяся сумме долга и сумме недоимок, не была никем предложена, весьма естественно было предположить, что за эти дома и имения не может быть выручена та сумма, за которую они были заложены. Тогда естественно было предполагать, что по этому долгу были убытки, как в большинстве случаев и было. К этому присоединялись еще известные расходы: на ремонт, уплату недоимок, повинности и прочее. Таким образом, стоимость этих домов для банка росла, а возможность выручить достаточную сумму, соответственную залоговой сумме, улетучивалась все более и более. Эта статья баланса должна была бы быть разделена на две или, скорее всего, должна была быть в статье об убытках, которые если затем и возвращались, то могли бы быть отнесены к прибылям. Таким образом, оказывается, что эти суммы возвратных расходов действительно вводили в заблуждение, так как, обыкновенно, мы склонны думать, что под возвратными расходами разумеются такие расходы, которые сделаны, но которые, по всей вероятности, должны возвратиться. Здесь же оказывается, что в статье возвратных расходов были такие расходы которые должны были определиться как убытки в будущем.

Я опять ссылаюсь на отчет 1888 года, где видно, что в статью возвратных расходов вошли 290 тысяч рублей уже определенных убытков. Таким образом, эта статья, вводящая неясность и заблуждение, могла быть названа дутой цифрой, фальшивым отчетом в смысле ли того подлога, который преследуется по 362 статье Уложения, или в другом.

Но ведь статья, которая инкриминируется, не есть статья чисто юридическая, автор ее не обязан выражаться точным юридическим языком. Неверные цифры, сомнительные цифры у нас очень часто на общепринятом языке называются дутыми цифрами. Только в этом смысле и может быть понимаемо указание на фальшивые отчеты, дутые цифры, о которых говорится в инкриминируемой статье.

Но всего лучше, насколько вводились в заблуждение этой статьей возвратных расходов, видно из того, что, несмотря на то, что эти отчеты представлялись в министерство финансов, — и, конечно, представлялись туда не для того, чтобы быть оставленными без рассмотрения, — неправильность этой цифры не была замечена министерством финансов, иначе еще раньше последовало бы распоряжение о покрытии убытков, в этой статье числившихся.

Если бы Нотович, — говорит Масловский в своем объяснении на апелляционную жалобу, — упрекал правление в недостаточной ясности статьи «возвратных расходов», то не было бы и речи о клевете, но подсудимый доказывает, что это подлог, что в этой статье отчета и баланса скрывались злоупотребления банка, — в чем и заключается клевета. Да, скрывались злоупотребления банка, именно те, которые указывались в статье, то есть скрывались убытки обеспечивалась, благодаря этому сокрытию, выдача дивиденда. В этом отношении, действительно, как указывается в статье газеты «Новости», статья возвратных расходов представляла не подлог — этого не было сказано в статье — то, что в общезнании называется фальшивыми, дутыми цифрами.

По делу о продаже дома Котомина мы имеем журнал правления, который, несомненно, подходит под 362 статью Уложения. Дом продан по долгосрочной ссуде на 18 лет, а переведен без согласия владельца его на краткосрочную ссуду на 3 года с обязательством ее возобновления после каждых 3 лет (первая неверность); в случае требования нотариусами сведения правление постановляет сообщать им, что ссуда выдана из 15 серий на срок 26 лет (вторая неверность или, вернее сказать, ложь), поручить бухгалтерии банка провести эту операцию по книгам, согласно журналу (прямое поручение совершить подлог). Что бы ни говорили правители Тульского банка о невинности этой операции, журнал представляет, несомненно, уголовный материал для 362 статьи Уложения.

Мне остается теперь приступить к представлению объяснений о составлении общих собраний из подставных акционеров.

Вопрос о подставных акционерах вызывает разногласие. Я должен сказать, что в предыдущих заседаниях в этом отношении была размолвка не только между Нотовичем и представителями обвинения, но даже между Нотовичем и его защитником. Я, в свою очередь, вступаю, в этом

отношении, в разногласие с предшествовавшим защитником и становлюсь на сторону Нотовича.

Я думаю, что всякое собрание, составленное из подставных акционеров, есть незаконное собрание, и если собрание из подставных акционеров не наказуется Уложением, то только потому, что деяние это было просмотрено в законе, в проекте же нового Уложения оно уже указано. Действительно, по мысли, которая положена в нашем законе об устройстве акционерных предприятий, — можно спорить против справедливости самой мысли и целесообразности ее в экономическом отношении — закон об акционерных предприятиях не имеет в виду крупных капиталистов; он основан на демократизации капитала. Вследствие этого, как бы ни было значительно число акции, владельцы этих акций не могут иметь более пяти голосов каждый. Говорят, что таким образом хотят убить крупного капиталиста, что нельзя его подчинять воле мелких капиталистов, что, во всяком случае, если он большим количеством акций заинтересован в предприятии, то ему, как большому кораблю, принадлежит и большое плавание. Ему нужно дать большее участие в деле; отсюда и следует, что если он свои акции разделяет между другими акционерами, то он только осуществляет свое право, основанное на справедливости, хотя бы и несогласное ни с буквой, ни с мыслью закона.

С буквой закона оно не согласно, и мысли закона оно, по-моему, вполне противоречит: закон не имел в виду привлекать крупных капиталистов в акционерные предприятия. Для крупных капиталистов существуют другие предприятия: товарищества на паях и другие тому подобные. В предприятиях, основанных на акционерных началах, крупный капиталист не должен иметь преимущественного значения перед другими капиталистами. Его опасно впускать в дело, ему опасно давать все то количество голосов, которое может соответствовать всему количеству его акций. Если такой капиталист связывает свои интересы с интересами предприятия, тогда он, действительно, может быть полезен; вкладывая свой более или менее значительный капитал, он и заботится об этом капитале; а так как этот капитал на продолжительное время связан с предприятием, то и он заинтересован в предприятии. Но дело в том, что и такой добросовестный крупный акционер может быть также опасен своим усиленным влиянием, потому что он может оказаться акционером сангвинического темперамента, рискующим; он один может погубить целое предприятие. И может он это сделать благодаря тому, что около такого акционера, обыкновенно собирается большая компактная партия, которая всегда одерживает верх над разрозненными акционерами, редко посещающими собрания, притом в таком

разрозненном виде, что не могут капиталисту составить оппозиции. Но если этот капиталист, как это нередко бывает, биржевой игрок или спекулянт, если он заботился только о более скором получении гешефта, то он в высшей степени опасен и вреден. Благодаря тому, что около него создается партия, посредством которой он распоряжается составом ревизионной и всяких других комиссий, он становится неограниченным хозяином в предприятии. Он искусственным увеличением дивиденда может поднять цену акций до такой степени, по которой он считает выгодным эти акции, по их увеличенной цене, сбывать на бирже; затем, он уходит из дела, оставляя его в руках других акционеров в виде чрезвычайно невзрачном, с истощенными средствами и прочее. Затем, выждав понижения акций, может быть, даже искусственно подготовив это понижение, он может скупать их, опять проделывать новую процедуру повышения этих акций и посредством биржевой игры и ажиотажа обогащаться. Такой крупный акционер, появляющийся в среде мелких акционеров, действительно, опасен. А если бы закон предоставил ему право иметь больше пяти голосов, то такой акционер чувствовал бы себя совершенно свободным в этой сфере и мог бы уже законно, по своему усмотрению, так или иначе, шатать предприятие, с которым его имущественный интерес связан лишь временно биржевой игрой и ажиотажем. Вот почему подобный акционер является злом, злом, особенно сильным, когда этот акционер — биржевой игрок, и опасным даже и тогда, когда такой акционер добросовестен и деятелен. Поэтому нельзя считать непротивозаконным, хотя и ненаказуемым, состав общих собраний из подставных акционеров. Мы видели примеры, представляемые железнодорожными акционерными компаниями.

Там является сперва концессионер, который, благодаря своей ловкости, выхлопотывает для себя концессию, передает ее крупному капиталисту, который, заполучив акции в свои руки, составляет около себя из акционеров партию; расточительным образом строится дорога, эксплуатируется хищническим образом и затем сдается правительству с миллионными долгами и с содержанием в убыток, а крупный акционер-строитель давно уже ушел благополучно из дела. Ему нет дела ни до дороги, ни до акций, ни до акционеров, он получил свое с предприятия. Появление таких акционеров нежелательно. Я далек, конечно, от мысли, чтобы А.Ф. Масловский был именно, таким акционером. Но что его влияние в Тульском банке было сильно и что около него была партия, которая составляла его силу и оказывала влияние на решения общих собраний, это мне представляется несомненным. Масловский удивляется, говорит: «Меньшинства не было. Что же это за меньшинство, Михельсон и генерал Глуховской?» Да, не было меньшинства, но

надо было создать это меньшинство, потому что ни одно правительство не может правильно управлять, не имея оппозиции. Нужно было дать все средства, чтобы образовалось меньшинство. Только тогда можно со спокойной совестью делать то или другое дело, когда выслушаешь оппозицию. Но оппозиция выслушиваема не была; меньшинство из одного или двух акционеров тщетно добивалось, например, сокращения выдачи дивидендов; их не слушали. Протесты этого одного или двух акционеров оставались без последствий и не представлялись в министерство. Если им удалось подать какую-нибудь записку в общее собрание, то она устранялась по той, например, причине, что подана была до срока, что несогласно с уставам. А вот дома удерживались за банком более шести месяцев, — это, говорят, хотя и противно уставу, но для пользы банка практиковалось!

Были ли подставные акционеры в С.-Петербургско-Тульском банке? Михельсон и Глуховской говорят: да, были, это всему миру известно. Но, что же это, говорят, за доказательство? Вы сами видели, как распределялись акции? — спрашивали свидетелей. Возликовали сущие во гробах дьяки и подьячие старинных русских приказов — не пропал, дескать, наш дух в земле русской, несмотря на все судебные реформы! Можно же было предложить такой вопрос! Видели, как передавались акции? — Нет; но кто же это будет делать явно; этого, конечно, никто не делает. Если мы будем требовать таких доказательств, то останемся без доказательств и остановимся на том уровне правосудия, который существовал в старинных русских приказах. Но мы не без доказательств. Сошлемся на показания Борисова. Борисов не наивный ребенок, а человек бывалый. Спросите ребенка, совершенно искреннего, наивного, и он в искренности своей не лучше расскажет правду, чем делает это Борисов. Борисов, конечно, не может считаться таким ребенком, но он так освоился с системой подставных акционеров, что рассказывает об этом, как о чем-то обычном, относительно чего не может быть ни сомнения, ни недоразумения, ни тайны, ни смущения.

Извольте выслушать это место из показания Борисова. Он говорит: «Что касается отношений моих к Масловскому, то он оказал мне поддержку при избрании рекомендованных мною членов правления. Относительно же роли его в С.-Петербургско-Тульском банке во время моего управления, то я должен сказать, что через меня он во всей подробности знал положение дел банка, что также может быть доказано письмами его ко мне, относящимися к концу 1881 года». «Что же касается участия Масловского в забаллотировании в 1881 году Безродного (припомните, господа судьи, это тот Безродный, который указал на неправильность выдачи суд и на неправильность их разрешения, с фор-

мальной стороны; после этого заявления Безродный был забаллотирован) — то, насколько я могу припомнить, на общем собрании этого года Масловского не было, он находился тогда (как подтвердил сам Масловский) на ревизии в Уфимской губернии (дух его оставался в Петербурге), а находившиеся в его распоряжении акции были представлены к общему собранию, что доказывается избранием для проверки списка акционеров его родственника Кувшинникова, а также и избранием в члены оценочной комиссии брата его М.Ф. Масловского и в кандидаты к ним вышеупомянутого Кувшинникова и затем знакомых Масловского К.И. Масленникова и П.П. Кудрявцева, а в депутаты для присутствования при тираже его же знакомого Гончаревского. Все это видно из протокола общего собрания 26 февраля 1881 года. Но Масловский знал от меня раньше о предстоящем забаллотировании Безродного, а именно в 1880 году я находил нужным изменить состав ревизионной комиссии: до 1881 года она выбиралась обыкновенно из акционеров, знакомых правлению». Вы видите, Борисов находил нужным изменить состав ревизионной комиссии, то есть тех лиц, которые должны были ревизовать его самого. Новыми членами были выбраны: Иващенко, Костылев, Малышев, Шершевский, Фишер и Чаманский...

Таким образом, дело делалось совершенно фамильно. Крупный акционер желал, чтобы такие-то лица попали в правление, и они попадали, они раньше намечались, а об общем собрании никто не заботился, потому что голос общего собрания был голосом крупного акционера. И «милостивые государи», которых приказчиками являлись члены правления, были такими хозяевами, которые делали то, что приказывали их приказчики!.. Ну, после этого как же можно не говорить о подставных, подборных акционерах? Вот что говорит свидетель Михельсон: «В С.-Петербургско-Тульском банке перед общим собранием происходила фиктивная раздача акций. На общих собраниях родственники Масловского и служащие в банке имели на руках именно столько акций, на сколько уменьшено число акций самого Масловского».

К Делу представлен список, относящийся к общему собранию 1888 года. Выборка из этого списка была напечатана в № 37 газеты «Новости» за 1889 год. Номер этот представлен к делу самими обвинителями. Из того списка выводится такое заключение. В указанный список были внесены 98 акционеров, владевших 6503 акциями и располагавших 264 голосами. Извлекаем из этого числа имена лиц, наиболее близко стоящих к банку. Здесь члены правления, ревизионной и оценочной комиссий и их ближайшие родственники. Степени родства указываются в этом списке. Из приведенного списка видно, что 2613 акций и 102 голоса принадлежали правлению, комиссиям, род-

ственникам главных деятелей и зависящим от них лицам. 102 голоса при 2613 акциях имеет правленская партия, группирующаяся около главного, крупного акционера. Затем были четыре человека с 320 акциями, принадлежащими другому учреждению, в котором Масловский являлся председателем. Затем, еще указываются некоторые фигуранты; но мы не можем этого подтвердить. Но вот вам несомненная партия в 102 голоса, которая состоит из деятелей банка и их родственников.

Масловский говорит: кем составлен этот список и чем он доказывается? Положим, перед судом все должно быть доказано, но я вправе и себя, и обвинителей считать за людей честных и порядочных, которые не станут спорить о том, о чем спорить нельзя. Если нам обвинители скажут, что родства не существует между этими лицами, то я устраняю список, не стану доказывать, что такой-то в известной степени родства с таким-то, что такая-то состоит дочерью, падчерицей, женой, сестрой. Если не отвергать родства, то и мы говорим, что 102 голоса составлялись из деятелей банка и их родственников. Родственникам, говорят, нельзя запретить иметь акции и являться на общие собрания. Пусть так! Но для дела чрезвычайно важен этот родственный элемент. Так, например, фамилия Масловских является в четырех лицах, Кувшинниковых — в трех, Тизделя — в четырех, Бока — в четырех, Масленникова — в двух, Черкасова — в двух, Вейнберга — в двух. Остальные акционеры, мало появлялись на общих собраниях, а тут целыми родственными группами идут. Говорят: мы им не раздавали акций, но эта партия, группирующаяся около вас, есть партия оценщиков, ревизоров, которых вы же сами выбирали. Наконец, эта группа ваших родственников, которые не пойдут против вас.

Ах! господа судьи, как бы мы хорошо себя чувствовали, если бы за вашим столом сидели теперь наши родственники, хотя бы и не нашего подбора. Как не порадеть родному человеку! Составляется такая группа. Что же могут поделаться тут Михельсон и Глуховской, которые идут против такой непреодолимой крепости и заявляют свой протест!

Таким образом, нам представляется доказанным, что общие собрания были из подставных акционеров. Не было меньшинство, потому что меньшинству тут нечего было делать; могли быть только единоличные протесты, которые ни к чему привести не могли.

Остается еще одно: отвлечение капиталов банка на биржевые спекуляции.

Масловский говорит, что в обвинительном акте Саратовского банка дело идет об отвлечении капиталов на собственные биржевые операции Борисова, а в Тульском банке этого не было. Но Нотович не утверждал, что биржевые операции совершались на пользу и выгоду членов прав-

ления; он просто говорит, что капиталы отвлекались на биржевые операции. Это же нам говорят свидетели: Михельсон, Костылев и Шершевский. Вот что они говорят. Михельсон говорит: «Банк вопреки устава покупал негарантированные правительством процентные бумаги, причем, если банк на этих бумагах терпел убытки, то стоимость процентной бумаги в счетах обозначалась по покупной цене, а не по той, по которой они были в действительности проданы». То же показывает Костылев. Шершевский говорит: на покупку спекулятивных бумаг затрачивалось около 8 миллионов, а года два тому назад, на бумагах этих была потеря около 90 тысяч рублей, что подтверждается и отчетами. Вследствие таких нарушений Шершевский вышел из ревизионной комиссии, в которой был с 1881 по 1886 год.

Таким образом, отвлечения капиталов на биржевые спекуляции были. Положим, они производились не к выгоде кого-нибудь из членов правления, но тем не менее на биржевые спекуляции обращался такой капитал, который должен был служить обеспечением для облигационеров, которых по капиталам было в десять раз больше, чем акционеров. Это действие незаконное, и разразись крах, случись с банком крушение, само собою разумеется, что подобные операции с бумагами составили бы уголовный материал для применения 1155 статьи Уложения.

Таким образом, разобраны те факты, на которые указывалось в статьях «Новостей». Факты эти, как вы видите, подкрепляются свидетельскими показаниями, справками с отчетами и балансами; но оглашение этих фактов не вменяется нам в вину, а вменяется нам в вину то, что эти факты мы сравнили с деяниями по Саратовско-Симбирскому банку. Дело идет, значит, о сравнении. Нам говорят: мы, хотя это все и совершили, но злого намерения не имели, материала уголовного не представляли. Относительно уголовного материала мы уже сказали, что каждое из этих нарушений могло быть уголовным материалом, при несчастном обороте. Что же касается корыстных и других побуждений, то это для противозаконности не всегда требуется.

Нам вменяется в вину сравнение с Саратовско-Симбирским банком. Не известно, к каким фактам относится это сравнение. Сравнение может быть не точное, преувеличенное, неудачное, пожалуй, даже сравнение может быть и оскорбительное, но как сравнение можно сделать предметом клеветы, когда указывается, в каком отношении предметы сравниваются? Если так оценивать сравнения, обвинений в клевете не оберешься. Поймали на взломе амбара человека с топором и ножом. Говорят, — разбойник. Нет, говорит он, извините, я только вооруженный вор. Два казначея взяли из ящика по пачке денег и пошли играть в карты. Один выиграл и внес взятую сумму в казну, а сумму выигрыша

положил в карман. Другой проиграл — его обвиняют в растрате. Говорят: оба казначея одного поля ягоды. Не клеветайте, говорит казначей счастливый, я не казнокрад, я ничего не растратил, я только нарушил правила о хранении вверенных мне денег.

При такой строгости каждое сравнение можно будет, более или менее, обратить в клевету. Ведь, сравнивают предметы не тождественные между собой, а только похожие в том или в другом отношении, указывая на один или несколько признаков сходства. Ну, кто бы стал требовать, чтобы человеческая шея, которую сравнивали с шеей лебединой, была покрыта лебяжьим пухом? Влюбленную девицу сравнивают с лунной... Сравнение есть мнение, вывод, его можно проверить, раз указано, к чему оно относится.

Но, говорят, сравнением с Саратовским банком мы напомнили о скамье подсудимых, мы говорили, что вот те попали на скамью подсудимых благодаря тому, что запутались, а вы, перескакивая трещины и заделывая прорехи, только благодаря этому не попали туда же... Но разве скамья подсудимых была так далека от С.-Петербургско-Тульского банка, что о ней можно говорить с пренебрежением?

Теми тенденциями, которыми руководились деятели Саратовско-Симбирского банка, правители С.-Петербургско-Тульского банка не задавались; тем не менее, они совершали такие рискованные и неправильные действия, которые при несчастном обороте могли привести банк к крушению, а крушение это могло окончиться и скамьей подсудимых. Слава богу, она ушла и, по всей вероятности, никогда не будет грозить почтенным деятелям Тульского банка, с чем их и поздравляю.

Но ведь сидящие на скамье подсудимых не всегда бывают грешнее тех, которые ходят на свободе.

Покончив с разбором тех фактов, которых касалось дело, предстоит ответить на очень немногие вопросы, которые возбуждаются, между прочим, жалобой обвинителей, а отчасти возбуждаются и нашей жалобой.

Первое — увеличение наказания. Я, по крайней мере, троих из господ обвинителей знаю, как людей вполне добродушных, и не верю, чтобы они желали увеличения наказания. Я думал это и раньше; это подтвердил сегодня и представитель обвинения. А.В. Михайлов, сказавший, что, прося об увеличении наказания, они хлопочут только о восстановлении симметрии между мотивами суда и резолютивной частью приговора. Следовательно, дело идет об апелляционном параде. Для симметрии просят накинуть четыре месяца тюрьмы. Вот, что значит художественный вкус и любовь к красоте линий! Так это крепость, воздвигнутая против нас, на которую бы мы полезли и кото-

рую старались бы разрушить! Пусть она так и останется, как памятник парада.

Но следует сказать о мотивах, которые будто бы вызвали напечатание статей.

Господа судьи! с большим волнением я хочу сказать вам, что я не в силах бороться на почве этих обвинений, выставленных против Нотовича. Я человек старого времени, я принадлежу началом моей деятельности к первым годам судебной реформы. Я проникнут традициями того времени, а в то время всякая непорядочность в прениях удалялась, и чистоплотность и порядочность прений считались одним, из лучших украшений суда. Мне не по сердцу, не по вкусу, не по характеру и не по силам принимать борьбу на этой почве — исследовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да разве преступления печати представляют такие крупные преступления, по которым нужно еще рыться в душе писателя и искать, почему он написал ту или другую статью?

Говорят нам: вы напечатали ваши статьи против нас, потому что мы перестали печатать объявления в вашей газете, не выдали вам дополнительной ссуды.

Мы не будем искать таких мотивов печатного произведения. Для чего на этих разысканиях останавливаться, отчего не поискать других причин? Ну, жены поссорились, дети передрались, кухарки пересплетничались, соседи перебранились, — тогда придется выставлять на вид и тянуть всякую грязь.

Разве мотив статьи может иметь влияние на состав преступления? Разве он может иметь влияние на определение наказания. Умысел — да, это необходимый элемент клеветы, но мотив не имеет значения.

Потом, какие особенно блестящие результаты доставило это разыскание мотивов? Дальше подозрений не пошло дело. Если бы мы стали руководствоваться такими подозрениями, то тоже бы указали, что до 14 января обвинители не жаловались. Первая статья, которая была напечатана, не возбудила их гнева и обвинения в клевете. А когда 13 января было напечатано, что вслед за этим пойдет ряд статей, в которых надеются разоблачать неправильные действия Тульского банка, тогда, после появления этой статьи, приносится жалоба. Тогда и мы у вас стали бы искать мотивов и так же произвольно, как вы ищите мотивов у нас. Свидетели заподозреваются. Кто же эти свидетели? Один из свидетелей сам ушел из правления, другого удалили. Все это ваши враги.

Само собою, в числе друзей и мы можем найти свидетелей, которые подтвердили бы обстоятельства, нами приводимые. Но ведь эти свиде-

тели, которые попали, а может быть, и не попали в число врагов ваших, свидетельствовали и поддерживали свои свидетельства документами. Мы хотели идти дальше в пределах этих свидетельств — мы просили о доставлении делопроизводств, но вы сами не нашли возможным дать нам в руки эти доказательства.

Таким образом, это новое начало относительно печатания обвинительных приговоров должно заменить прежнее, вытекающее из 1536 статьи. Говорят, наши операции совершаются в нескольких губерниях; поэтому мы требуем, чтобы, помимо других газет, приговор был напечатан и в «Губернских Ведомостях» тех губерний, на которые операции банка простираются. Но ведь банк правит делами из Петербурга, следовательно, только в Петербурге и уместно печатание.

Во-первых, если держаться такого начала печатания обвинительных приговоров по пространству деятельности оскорбленного, то ведь не предохранишь себя от неудержимого потока требований. Представим себе, что кто-нибудь написал клеветническую статью о мануфактуре Саввы Морозова или о виноторговле братьев Елисеевых. Произведения этих фирм расходятся по всей России — от хладных финских скал до пламенной Колхиды, прошу вас сосчитать, во скольких газетах нужно было бы напечатать обвинительный приговор, потому что во всех местностях России эти два, с одной стороны, мануфактурный деятель, а с другой — виноторговец совершают свои операции. Ведь надо было бы удовлетворить их требования. Да зачем? Ведь, сегодня сами представители обвинения говорят, что губернских ведомостей никто не читает, ну а если их никто не читает, то к чему же печатать там обвинительный приговор? Да зачем я буду навязывать читателям газет, в которых самая статья не помещена, зачем буду навязывать чтение печатного приговора о такой статье, которая им не известна?

Я понимаю, читатели «Новостей» видели статью, они могут заинтересованы прочесть на нее опровержение, обвинительный приговор. Но какое дело читателям «Тульских Губернских Ведомостей» прочитать обвинительный приговор о Нотовиче, осужденном клеветническую статью, которой они никогда не читали? Это требование всецело неосновательно — и я не сомневаюсь в том, что оно будет отвергнуто. Я заканчиваю.

Позвольте мне, господа судьи, обратиться к вам с вопросом: помните ли вы хотя один такой случай, когда, вследствие статьи, ошибочной или клеветнической, потерпел бы крушение какой-либо банк? Вы не помните такого случая, потому что его не было. Но что банки рушились, что погибали состояния не только людей богатых, но и бедных, благодаря тому, что печать не смела или не хотела обратить внимание

на злоупотребления, делавшиеся в них, — такие случаи можно считать десятками. С 1875 года, со времени легкой руки Московского ссудного банка, мы видели десятки банков, потерпевших крушение, но об этих банках было полное молчание в печати и благодаря этому молчанию погибали и состояния, и сбережения бедного люда.

Необходимо взвесить общественные интересы, необходимо обратить внимание, что банки, акционерные предприятия не находятся в положении безответном и беззащитном. Ведь они в своих руках имеют такие средства, как публичность собрания и отчетности, которые всегда могут изобличить всякую несправедливую о них статью. Им стоит только собрать общее собрание для того, чтобы дать отчет в своих действиях. Этот отчет всегда может быть напечатан, может быть напечатано опровержение. Ничто не обязывает акционерные банки и вообще акционерные правления раскрывать двери общих собраний для публики, но никто и не воспрещает. Во всяком случае, если желательно восстановить честь, то восстановить честь можно собственной отчетностью, давая ее публично перед оппозицией, которую нужно создать, а не угнетать своей правленской партией. Это такое средство, которым не может обладать самая сильная газета в мире. Отчего же не прибегнуть к этому средству? Отчего не искать удовлетворения здесь? Ведь огорчение, причиняемое неправдой известному учреждению, не так досадно, как оскорбление, причиняемое частному лицу. Я полагаю, частному лицу, которое не может прибегнуть ни к какому публичному оправданию в своих действиях, остается единственное убежище — суд. Я понимаю прибегающего к суду чиновника, который не имеет возможности отдавать публично отчет в своей деятельности, потому что она совершается в стенах канцелярии, но для огромного акционерного предприятия представляется более средств к оправданию и к очищению, чем процесс о клевете. Но когда вы, господа, прибегаете к суду, просите обвинения в клевете, то нельзя возлагать на обвиняемого таких требований, чтобы он доказал с полной точностью все то, что в его статьях содержится о многосторонней и достаточно сокровенной деятельности. Требовать этого, значит закрывать уста печати. Уважая такие неудобноисполняемые требования, суд, может быть, закроет тому или другому недобросовестному писателю рот, но с этим вместе наложит молчание на всю печать.

Господа судьи! Не защита Нотовича ждет вашего приговора, — его ждут от вас интересы общества и печати.

* * *

Суд вынес оправдательный приговор по делу.

Дело Сары Модебадзе¹

Краткое содержание дела: по настоящему делу суду была предана группа евреев — жителей местечка Сачхери, Шаропанского уезда, Кутаисской губернии, обвинявшихся в похищении и умерщвлении 6-летней девочки Сарры Модебадзе. Цель похищения Сарры Модебадзе предварительным следствием установлена не была, однако все пункты обвинительного заключения были сформулированы таким образом, что невольно наталкивали на мысль о совершении преступления из религиозных и мистических побуждений.

Сарра Модебадзе пропала накануне еврейской пасхи, то есть накануне дня, когда, по старинным преданиям и легендам, евреи якобы используют христианскую кровь в ритуальных целях. Это обстоятельство, а также ряд косвенных улик, свидетельствовавших о том, что в момент пропажи Сарры Модебадзе неподалеку от нее проезжала группа евреев, и послужили основанием для привлечения их всех в качестве обвиняемых по делу. Обстоятельства настоящего дела весьма подробно рассматриваются в речи защитника, поэтому подробное их описание представляется нецелесообразным. Необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящее дело представляет большой интерес с двух сторон. Во-первых, речь П.А. Александрова является блестящим образцом судебного красноречия: наряду с ее стройностью, логичностью, четкостью языка и формулировок, она характеризуется исключительно, умелым и талантливо проведенным разбором дела и доказательственного материала, на который опиралось обвинение. В результате чего все доводы обвинительного акта были опровергнуты, и судьям ничего не оставалось иного, как вынести оправдательный приговор всем подсудимым. Кроме того, речь П.А. Александрова весьма интересна и с точки зрения ее общественно-политического содержания и звучания. Защитник очень тонко и красноречиво нарисовал картину, отражающую собой существо национальной политики царского правительства. Известно, что в целях удержания своего господства царское правительство стремилось разжечь Рознь и недоверие между различными народностями и национальностями, населяющими Россию. В качестве одного из приемов развития национальной розни неоднократно устраивались и провоцировались еврейские погромы. Поводами для организации погромов нередко служило искусственное создание ситуаций, позаимствованных из религиозных преданий, о том, что якобы перед пасхой евреи похищают и умерщвляют младенцев для использования

---

¹ [Электронный ресурс] URL: <http://hatituli.ru/?p=68>

из мистических побуждений христианской крови. Красной нитью через всю речь П.А. Александрова проходит мысль о том, что и в данном деле немаловажную роль сыграло явное стремление использовать эти древние заветы.

Разбирая обстоятельства дела, П.А. Александров разоблачает антинациональную политику царского правительства, направленную на разжигание вражды между народами. Как грозный обличительный акт звучат слова П.А. Александрова, произнесенные им в заключительной части речи: «Несколько дней, и дело, которое прошло перед вами (обращение к суду. — *Ред.*) в живых лицах, станет достоянием всей читающей России. Много поучительного представит оно русскому общественному мнению... Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь... Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоящее гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы... Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим общественным деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу... Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам... Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений... Оно, не сомневаемся, привлечет внимание и высшего представителя прокуратуры в здешнем крае (имеется в виду Закавказье. — *Ред.*) в сторону тех, благодаря заведомому лжесвидетельству которых создано настоящее дело... И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского процесса!»

Настоящее дело рассматривалось Кутаисским окружным судом 5–12 марта 1879 года.

Речь адвоката П.А. Александрова:

Господа судьи! 4 апреля в селении Перевиси исчезла, неизвестно куда, приближавшаяся к шестилетию своей жизни Сарра Модебадзе. На другой день — слилат-дам — кровавый навет, столь памятный еврейству по средневековым кострам, пыткам, мучениям и гонениям всякого рода, — грозным эхом пронесся по всей сачхерской дороге и встретил мирное сачхерское еврейское население. Правда, ничего было

опасаться костров и пыток, но смягченные бедствия новейшего времени, — в виде грозного самосуда народной толпы, вызванного мезью исповедующих иную веру, и не всегда разборчивого в своих основаниях напрасного обвинения, привлечения к следствию и суду, предварительного тюремного заключения, — все же бедствия и тяжкие бедствия, с которыми приходится считаться. Если опасения народного самосуда оказались в настоящем случае преувеличенными, если казаки, присланные шарапанским уездным начальником на случай столкновения между местными христианами и евреями, не имели повода действовать, то опасения другого рода — в виде предварительного следствия, подозрения, обвинения, тюремного заключения — к несчастью, оказались вполне справедливыми. Девять сачхерских евреев, оторванные от своих домов и семей, от своих занятий, были привлечены к следствию по тяжкому и грозному обвинению и увеличили собой население местной тюрьмы; пять из этих девяти до сих пор томятся там уже десять месяцев. Тяжелое время пришлось пережить подсудимым. В долгий период предварительного следствия, в борьбе за свою невиновность, в борьбе с убеждением следователя и прокурора, бывшим не в их пользу, под тяжким гнетом многочисленных свидетельских показаний, старавшихся поддержать составившееся против них предубеждение, в этот тяжелый период внутренних страданий и внешних лишений, лишенные возможности относиться к своему положению с спокойствием постороннего наблюдателя, они в непоколебимом сознании своей невиновности, с недоверием, с упреком, с подозрением, с жалобой относились ко всем, кто держал судьбу их в своей власти; и к лицам, производившим дознание, и к судебному следователю, и к прокурору, которые, думали они, действуют против них с предубеждением, вопреки очевидной истине и справедливости. Даже переводчику, переводившему показания свидетелей на языке, им не понятном, перестали они верить и в нем видели своего врага, устраивающего их погибель. Но все эти подозрения, несправедливые сами по себе, но весьма понятные в том положении, в котором находились эти несчастные заподозренные, не шли дальше порога вашего суда. Инстинктивно чувствовали они, что есть справедливость и истина на земле, что их невиновность должна выясниться, что если ближайшие в то время к судьбе их лица не видят или не хотят видеть той истины, то стоит только делу их подняться выше, — и туман, одевавший его, рассеется, будет свет, и истина раскроется.

В окружном суде, говорили они судебному следователю, свидетели докажут нашу невиновность. В долгие дни тюремных страданий они успокаивались на мысли о вашем суде, они ждали дня судебного, как дня решительного их оправдания. Шесть Дней шел суд, шесть дней вы вни-

мательно шаг за шагом изучали подробности настоящего дела и нынешний день, день седьмой, не есть еще для вас день покоя и отдыха от понесенного труда, отрадны были для меня эти дни, проведенные с вами здесь, в этой судебной зале, они и останутся для меня навсегда отрадным воспоминанием в моей жизни. Я видел труд, внимательный, неустанный труд, который каждый из вас приложил к рассмотрению, к изучению, к оценке каждого из представлявшихся вам судебных доказательств. Я понял, господа, ту тяжелую ответственность, которую вы должны нести в глубине вашей совести, творя суд и правду. Для вас, господа, недостаточно составить убеждение в вашей совести, вы должны реализовать это убеждение в ясных постороннему пониманию мотивах, которые могли бы быть поверяемы, обсуждаемы и оцениваемы со всех сторон; вы принуждены основывать ваше убеждение на тех неуловимых, но часто весьма решительных данных, которые производят в суде то или другое убеждение о деле; вы должны найти для вашего приговора такие основания, которые бы укладывались на бумаге, которые могли бы быть оцениваемы и поверяемы, если та или другая борющаяся пред вами сторона станет в высшем суде подтверждать или опровергать справедливость вашего приговора. Нелегко было добывать такие данные в настоящем деле. Наряду с самым наглым лжесвидетельством вы встретились с крайним тупоумием, печальной умственной слепотой, первобытной простотой знаний и суждений по самым обыкновенным предметам. В вопросах, где время и пространство значило все, вы выслушивали людей, измеряющих время и пространство способами, достойными населения дикарей. Где были дороги минуты и вершки, вам отвечали: скоро, нескоро, далеко, близко, не знаю — не мерил, пока дойдем — так устанешь, утром, около вечера, в обед, после самхрада (послеобеденный завтрак) и т. п. Сорокалетняя женщина сказала вам, что ей 13 лет; дряхлая старуха, желая обратить ваше внимание на ее преклонную старость, ничем не могла лучше выразить это, как сказавши, что она так стара, что ей уже больше сорока лет. Вот с какими свидетелями пришлось вам иметь дело в вопросах о времени и пространстве. Не лучше было и по другим вопросам — вопросам, например, вокальным. Припомните сачхерскую группу, которая должна была свидетельствовать о детском крике и стоне. Но трудности поддались упорному труду, и я теперь могу сказать с полным убеждением, что дело ясно, что истина, нужная для судейского убеждения и долженствующая воплотиться в вашем решении, раскрыта и разъяснена до такой степени, что это решение не может уже составлять предмет недоумения и спора, а есть только вопрос времени, может быть, нескольких слов. При таком положении дела самая лучшая и наиболее соответствующая защити-

тельная речь могла бы заключаться в самой краткой фразе: мне не остается ничего более сказать вам. Молчание защиты в настоящую минуту было бы самой красноречивейшей и вполне убедительной защитой; но настоящий процесс не есть процесс этих четырех стен.

Его желает знать Россия, о нем будет судить русское общественное мнение. Не для вас, господа судьи, для тех, кто, не присутствуя при ваших усилиях раскрыть истину и выяснить дело, кто, не зная, да и не желая знать оснований вашего убеждения, наперед уже готов наглой клеветой осквернить приговор ваш, если он будет против их грязных вожелений; для тех, кто захочет искать в нем тех низких мотивов, над уровнем которых он сам никогда не поднимется... да и не для них, — когда их просвещал свет истины и правды... для тех, кто пожелает без предвзятого взгляда узнать истину настоящего дела, для тех, кто пожелает поискать в нем оснований для критики старого предубеждения — предубеждения суеверного и питающего племенную рознь, для тех, кто пожелает найти в судебном решении урок и полезное указание для будущего отношения к еврейству, — позвольте еще раз в общих контурах и очертаниях провести пред вами все то, что в мельчайших подробностях прошло пред вами в минувшие шесть дней неустанного труда, что уже изучено, взвешено, рассмотрено и оценено вами. Когда я изучил предварительное следствие по настоящему делу, я не мог не быть поражен той массой труда, энергии, силы, которые вложены в это дело. Чего здесь не было сделано! Три раза вырывали из земли погребенный труп Сарры, два раза производимо было его судебно-медицинское вскрытие, в судебно-медицинской экспертизе приняли участие представители высшего медицинского персонала здешнего края. Осмотрены были многие местности — и та, где найден труп Сарры, и та, откуда она исчезла, и тот путь, по которому проезжали евреи, — линии садзаглихевской и сачхерской дорог, многие местности сняты на плане. За один из этих планов моя глубокая признательность судебному следователю. На плане местности садзаглихевской дороги, среди его геометрических линий и арифметических вычислений расстояний, я вижу крупными буквами написанный оправдательный приговор для всех подсудимых. Экспертиза по делу не ограничилась медицинскими вопросами; она затронула и другие предметы, другие чрезвычайные и своеобразные вопросы. Козлов измеряли и в ширину, и в длину, и в высоту. Невинных младенцев сажали в сумки, приводя их в такое положение, в котором удобно только в утробе матери. Их только не провезли в этом положении хотя бы небольшую часть сачхерской дороги. А жаль! Тогда с поразительной очевидностью представилась бы справедливость соображений эксперта Гульбинского, высказавшего вчера свое мнение о невозмож-

ности провоза Сарры в этом положении и при тех условиях, как предполагает прокурор. Тогда, быть может, не явилось бы на суд и то обвинение, которое теперь приходится судить вам. Спрошено было свыше 150 свидетелей, собраны, по-видимому, улики по всем мельчайшим обстоятельствам обвинения, и тем не менее в существе своем и в основаниях обвинение не перестает быть неясным, шатким, недостаточным или прямо несбыточным.

Когда я затем подхожу к обвинению, как оно выразилось в обвинительном акте, поддерживаемом и здесь, на суде, во всей его целости, я вижу здание, с виду величественное, обширное, сложное, я вижу стиль и единство в деталях, я готов заподозрить даже я присутствие в нем художественной правды: здание готическое, зубчатые линии, как лес мачт Миланского собора, бегут в небеса; на каждой остроконечности повисла улика против нас, крупные доказательства в виде скульптурных фигур расположились в нишах здания. Вот на западе у входа семейство Модебадзе со своим главой Иосифом, отцом Сарры. Иосиф Модебадзе с кошельком в руках. Я думаю, не ошибка ли? Зачем здесь эта фигура с классическим кошельком, — фигура, которую мы обыкновенно видим в группе двенадцати. Не отсюда ли она, от той случайно разрозненной группы? Но мне говорят — это гражданский истец, и мое недоумение разъясняется. Вот другая группа — семейство Цхададзе, соседи Модебадзе, готовые по соседской приязни послужить своим свидетельством видам и вождениям гражданского истца. Оно так услужливо склонялось в его сторону. Я вижу фигуру Дмитрия Церетели; он весь огонь и ревность, он видел дальше всех, он видел то, чего никто не мог видеть. Боюсь, чтобы его пыл и усердие не испортили гармонию и согласие свидетельских показаний. Рядом с ним Григорий Григоров Модебадзе; он руками изображает пространство между двумя группами проезжавших евреев — ту западно, в которую, по его словам, попала Сарра, — снова боюсь, чтоб эта западня не стала западней для обвинения. Выдвигается фигура Григория Датикова Модебадзе; он как будто готов подвинуться назад, он сам не убежден в прочности своей постановки, но его словам дано выдвигающееся значение, и обвинением он крепко прикован к месту. Замечаю Бесо Гогечиладзе, испытующего и вопрошающего, что движется в еврейской сумке; фигура, полная думы, точно Галилей перед вопросом о движении земли. Вокруг купола расположилась группа сачхерских дам с Максимом Надирадзе; они все — слух и мудрая догадка. Много и других характеристичных фигур, — я встречу с ними впоследствии. Но теперь мои глаза падают на фундамент здания, и зловещее предчувствие закрадывается в мою душу; я вижу крайнюю непрочность, легкость, шаткость оснований, поддержи-

вающих здание. Я вижу роковую архитектурную ошибку в фундаменте и заключаю, что как ни артистично смотрит здание, — оно недолговечно, оно должно пасть при первой невзгоде, при первом потрясении его оснований. К этой поверке, к этому испытанию оснований я и перехожу.

Для основательности обвинения в похищении необходима наличность всех тех условий, при которых только и может совершиться похищение. Первое такое условие относится ко времени и месту. Необходимо доказать, что похититель и предмет похищения сошлись в одно и то же время в одном и том же месте и находились в такой один от другого близости, чтобы похититель имел возможность овладеть похищаемым предметом. Нет этого условия, — похищение невозможно. Господа судьи, слушая меня, вы можете подумать в эту минуту, что я говорю не перед судьями, что я забыл о суде и примером объясняю 12-летнему юноше элементарные правила логических умозаключений и выводов. Да, это можно подумать. Но я вынужден спускаться до такой простоты, так как в основаниях и выводах обвинения я именно усматриваю забвение одного из самых элементарных правил логического умозаключения. Обвинение именно забыло об условиях времени и пространства, как необходимых условиях похищения, и в этом его печальная ошибка. Была ли Сарра Модебадзе во время проезда евреев по садзаглихевской дороге в такой близости к проезжавшим евреям, что могла быть ими похищена? Обращаюсь к показаниям свидетелей тех самых, на которых опирается обвинение, которых оно считает свидетелями, в достоверности подтвердившими здесь свои прежние показания и освятившими их присягой. Бесспорным признается, что евреи проезжали по садзаглихевской дороге, что проехали двумя группами: одна группа прежде, другая после, и что место выжигания белил, где находилась Сарра в минуту появления евреев, было от места этого появления в сторону на расстоянии нескольких десятков сажен. Мои слова далеко не были бы лишены оснований, если бы я стал доказывать, что Сарра не отлучалась с места выжигания белил, где она была возле Турфы Цхададзе, даже и при появлении второй, позднейшей группы евреев. Я мог бы это утверждать на основании показаний Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе. Обе они утверждают, что они были на месте выжигания белил во время появления параллельно с этим местом первой группы евреев, что в то время возле них были и Турфа Цхададзе, и Сарра Модебадзе, и что в это время Турфа не имела никакого разговора с проезжающей группой евреев. Вторая группа проехала после ухода Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе в лес. Как Турфа Цхададзе, так и другие свидетели утверждают, что Турфа разговаривала с евреями, спрашивала у них, не продадут ли они товар. Следует заключить, что Турфа говорила со

второй группой. А так как она после разговора с евреями, по ее собственным словам, говорила потом с Саррой, объясняя ей, что если бы она пошла к евреям, то они дали бы ей платье и увезли бы ее, то очевидно, что Сарра могла пойти на садзаглихевскую дорогу лишь после проезда по ней второй, последней группы евреев, которых она, как я сейчас докажу, не могла догнать. Так как других евреев, кроме этих двух групп, в то время по дороге не проезжало, то, следовательно, и нельзя говорить о возможности похищения Сарры евреями. Но если даже допустить возможность ошибки в показаниях Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе, если предположить, что Турфа разговаривала с первой группой евреев и что Мая и Елизавета только случайно не слышали ее разговора, находясь, однако, возле нее, если сделать эти уступки обвинению, то и тогда еще останется длинный ряд свидетельских показаний, сопоставляя которые и соображаясь с местностью, как она измерена судебным следователем, я не затрудняюсь показать, что Сарра не могла быть похищена евреями, потому что она не могла быть во время их проезда вблизи них, и что, следовательно, детские крики, которые были слышны на садзаглихевской дороге, никак не могли быть ее криками.

В самом деле, установим факты, которые занесены в обвинительный акт прокурора. Две группы проезжавших евреев распределялись таким образом: одна в четыре, а другая в три человека. В первой группе было трое конных и один пеший, тут же был и козел, что подтверждается рядом свидетельских показаний, а именно: Май Модебадзе, Елизаветы Цхададзе, Павла Цхададзе, Дата Цхададзе и Сино Церетели, которые все говорят, что впереди ехало четверо евреев. Григорий Датиков и Григорий Григоров Модебадзе также видели, что в первой группе было четверо евреев, и что эта группа везла козла в сумке. Производивший дознание полицейский пристав Абашидзе говорит, что при первом приступе к дознанию он удостоверился, что проехало две партии евреев, первая в четыре, а вторая — в три человека. Со всеми этими вполне одинаковыми показаниями не согласуются только два показания. Я не хочу оставить их без рассмотрения и оценки. Свидетель Коджаие говорит, что впереди проехала группа из трех, а позади из четырех; козла он не видел ни в той, ни в другой группе, но был туман, объясняет он, и он не всматривался, что везли евреи. Показание Коджаие, не согласное с другими свидетельскими показаниями, я объясняю ошибкой и запямятованием, весьма возможным по прошествии почти года. Тем более я имею основание к такому заключению, что в показании своем, данном на предварительном следствии и им собственноручно писанном, Коджаия, как и прочие свидетели, утверждал, что впереди проехала группа из четырех евреев. Турфа Цхададзе, утверждая также, что

впереди проехало четверо евреев, говорит, однако, что козел был во второй группе. Но это единственное показание о местонахождении козла в группе трех опровергается всеми остальными единогласными относительно этого предмета свидетельскими показаниями. Впрочем, Турфа — это та свидетельница, о которой сам прокурор выразился по выслушании ее на судебном следствии, что она или по старости лет, или по забыванию, или почему-либо другому совершенно не способна давать показания.

Таким образом, за исключением Коджаие и Турфы, всеми остальными свидетельскими показаниями установлен тот бесспорный факт, что впереди проехало четыре еврея, и что с ними был козел. Этот факт, как вы знаете, весьма важен, так как показания всех свидетелей, слышавших впоследствии детские крики, относятся к этой группе, которая была из четырех, и при которой был козел. Определяю теперь расстояние, в котором находилась Сарра от проезжавших евреев. Место выжигания белил было в стороне от садзаглихевской дороги. Чтобы выйти с этого места на дорогу, нужно было предварительно взойти на тропинку, которая в виде кривой линии выходила на дорогу. Эта кривая линия может быть принята как третья сторона треугольника, две остальные стороны которого составляют: 1) прямая линия от места выжигания белил на садзаглихевскую дорогу в виде перпендикуляра к этой дороге; точка прикосновения этого перпендикуляра к дороге означает место, параллельное месту выжигания белил и на котором были в первый раз усмотрены евреи при проезде их по дороге и с которого они разговаривали с Турфой; 2) вторая сторона, идущая по дороге, есть прямая линия от соединения упомянутого перпендикуляра с дорогой до пункта соединения с этой же дорогой тропинки, ведущей от места выжигания белил. Демонстрируя пред вами на плане во время судебного следствия, я определил протяжение тропинки в 81 сажень.

Вы имели возможность убедиться, что вычисление мое умеренно. Но, чтобы быть еще более уступчивым, я приму протяжение тропинки как равное перпендикулярной линии, оказавшейся, по измерению судебным следователем, в 66 сажений, и, прибавляя к этим 66 сажням еще 6 сажений расстояния от места выжигания белил до тропинки, я заключаю, что для выхода на садзаглихевскую дорогу в месте соединения этой дороги с тропинкой Сарра должна была пройти 72 сажени, по самому умеренному расчету. Между тем до этого же пункта, начиная с которого только и возможна становилась встреча евреев с Саррой, евреям оставалось только проехать 42 сажени. Сарра, очевидно, не могла опередить их, не могла сойтись с ними на дороге в одно время, так как для этого она должна была бы идти вдвое скорее, чем конные евреи. Первая

группа евреев должна была, следовательно, проехать раньше выхода Сарры на дорогу. Так как детские крики, по единогласным свидетельским показаниям, относятся к первой группе, при которой был козел, а следовательно, и похищение Сарры могло быть совершено только первой группой, то спрашивается, где же эта группа могла встретить Сарру? Не поджидали ли ее евреи на дороге? Но этого не предполагает и само обвинение, которое в похищении Сарры не усматривает заранее обдуманного и подготовленного плана. Никто не видел, чтобы евреи останавливались по дороге во все время следования их через селение Перевиси. Дмитрий Церетели видел, что они остановились на короткое время и подвязывали сумку уже в 180 саженях от тропинки, между тем как раньше в 72 саженях Григорий Датиков Модебадзе слышал детский крик и видел проезжавшую группу четырех евреев. Все свидетели говорят, что евреи ехали шибко на лошадях. Коджаия и Сино Церетели удивлялись, как пеший еврей успевал не отставать от конных. Евреи нигде не хотели останавливаться: они не приняли приглашения Турфы продать ей товары, говоря, что они спешат, а ведь во время их разговора с Турфой Сарра еще не была похищена и была от них в 66 саженях в сторону. Евреи действительно имели повод спешить. Завтра наступал канун еврейской пасхи; они везли домой необходимые хозяйственные припасы к празднику, им нужно было вовремя поспеть домой, чтобы семейства их могли успеть сделать необходимые приготовления. Доказывая, что Сарра не могла встретиться с евреями на дороге, я употребил несколько грубый прием сравнения расстояний в 42 и 72 сажени. Я прошу вас теперь сообразить, что 42 сажени было расстояние для ехавших, хотя бы только шагом евреев, а 72 сажени для Сарры, 6-летнего ребенка, хромого, ходившего медленно и с трудом, как говорят это все знавшие Сарру. Путь для Сарры был под гору, что для хромого гораздо труднее ровной дороги. Если предположить, что шаг Сарры вдвое меньше или вдвое медленнее, чем шаг лошади или взрослого человека, то 72 сажени для Сарры по самому умеренному расчету равняются 144 саженям для евреев. Не следует забывать, наконец, что евреи, разговаривая с Турфой, не останавливались и продолжали путь, что после разговора с ними Турфа разговаривала с Саррой, которая была еще возле нее и никуда пока не уходила, что с Саррой затем разговаривала ее сестра, что если на все это было потрачено две минуты, прежде чем Сарра удалилась, то в эти две минуты евреи успели уйти вперед хоть на 100 сажени, а следовательно, опередить появление ее на дороге по крайней мере на 230 саженей.

Таким образом, оказывается, что, прежде чем Сарра могла выйти на садзаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селение Перевиси и были

далеко впереди Сарры. Это соображение простое, оно основано на измерениях, сделанных следственной и обвинительной властью на плане, снятом судебным следователем и подтверждаемом актом осмотра местности, на показаниях свидетелей, которым верит и прокурор и которых он ставит в основание своих обвинительных доказательств. Это соображение было упущено, и упущение это составляет ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвинение. Это же соображение, поставленное теперь в конец, непоправимо разрушает обвинение в его основе. Этим соображением я доказываю, что не только Сарра не была похищена евреями и именно первой группой, против которой и сводятся улики, но и не могла быть похищена. С этой минуты мне остается иметь дело не с обвинением, в основе своей разрушенным, а лишь с обломками обвинения, которые я должен смести с моей дороги, чтобы очистить путь к оправдательному приговору. Всей силой моего убеждения я опираюсь на проведенное соображение. Напрасно, поверяя прочность этого соображения, я ищу возможности какого-либо объяснения встречи Сарры с евреями. Я не нахожу объяснения. Или мысли мои путаются, или в каком-то странном тумане блуждают мои соображения, и я не вижу очевидного, или роковая ошибка на стороне обвинения. Просветите меня, прокурор, если я заблуждаюсь; разъясните мне, каким образом Сарра могла попасть в руки первой группы евреев. Ведь никто не говорит, что евреи останавливались и ждали Сарру, что она сама условилась выйти к ним. Напротив, по смыслу всех обвинительных доказательств, видно, что только нечаянная, неподготовленная заранее встреча с Саррой обусловили ее похищение.

Очищая предстоящий мне путь, я остановлюсь прежде всего на показании Дмитрия Церетели. Я прямо называю этого свидетеля самым достоверным лжесвидетелем. Он слишком поусердствовал в своих показаниях. Он говорит, что видел Сарру на садаглихевской дороге впереди обеих групп евреев. Выходит, по его показанию, что Сарра вышла на дорогу еще ранее появления евреев. Но это опровергается показанием всех прочих свидетелей — и семейства Цхададзе, и сестры Сарры — Май Модебадзе, которая говорит, что Сарра находилась на месте выжигания белил при появлении первой группы евреев. Очевидно, Дмитрий Церетели не мог видеть Сарру на дороге впереди первой группы. Несправедливо его показание и о том, что он видел евреев и слышал детский крик, когда он после проезда евреев отправился по лесу отыскивать свою скотину. По показанию Турфы и Елизаветы Цхададзе, Церетели работал в своем винограднике во время проезда евреев. После их проезда, ввиду павшего тумана, Церетели отправился искать скотину.

Место, на котором он, по его собственному указанию, видел евреев и слышал детский крик, находится в 180 саженьях от виноградника Церетели по линии садаглихевской дороги. Церетели прошел это расстояние медленно, заглядывая по сторонам, ища в лесу скотину и тем не менее успел догнать евреев, уехавших раньше его выхода на поиски скотины, ехавших скоро и без остановок. Оказывается, если верить показанию Дмитрия Церетели, что евреи, похитив Сарру, нарочно поджидали на дороге Дмитрия Церетели, чтоб он только успел придти на место, увидеть их, услышать детский крик и затем об этом засвидетельствовать. Он и свидетельствует сначала, что видел семерых евреев, потом — что не мог различить, сколько их было, за туманом, а, наконец — что видел трех. Верно одно, что если Церетели видел евреев из своего виноградника, то он уже не мог их нагнать за 180 саженьями от него и пришел после продолжительных поисков за неизвестно куда ушедшей скотиной.

Неправдоподобным является и показание другого свидетеля — Григория Григорова Модебадзе. Он видел Сарру на дороге между двумя группами евреев. Сначала он показал, что расстояние между обеими группами было в 40 сажень; здесь он расширил это расстояние до 60 сажень. Но и при таком расстоянии Сарра не могла попасть между двумя группами в силу тех же соображений, которые я высказал о том, сколько времени нужно было для Сарры, чтобы выйти с места выжигания белил на садаглихевскую дорогу. Если вторая группа ехала на расстоянии 60 сажень от первой группы, то и эта вторая группа должна была проехать раньше, чем Сарра успела бы выйти на дорогу. Показания Коджаии и Сино Церетели определяют расстояние между группами на четверть часа времени. При таком расстоянии между группами, конечно, возможным представляется, что Сарра, немедленно отправившаяся по тропинке на дорогу, встретила со второй группой. Но все следы и улики похищения относятся к первой группе; там и козел, и сумка, и детские крики, а первая группа, если она ехала на четверть часа ранее второй, была уже по крайней мере в двух верстах от Перевисей, и детский крик, слышанный Григорием Датиковым Модебадзе из первой группы, на месте в 15–72 сажень от выхода на дорогу тропинки, давно уже раздался и, следовательно, давно уже совершилось похищение. Таким образом, та западня, в которую, по показанию Григория Григорова Модебадзе, попала Сарра, оказавшаяся между двух еврейских групп, становится в действительности безвыходной западней для обвинения. Суживает обвинение эту западню, — Сарра не успеет попасть в нее; расширяет, — первая группа давно миновала Григория Датикова Модебадзе, козел уже проблеял, ребенок прокричал, похищение, стало быть,

совершилось, и на долю второй группы нет ни козла, ни ребенка, ни детского крика. Таким образом, оказывается, что и показание Григория Григоровца Модебадзе есть чистейшая ложь.

Павел Цхададзе не видел Сарры на дороге, но он видел обе группы евреев, и, по его соображениям, Сарра могла опередить вторую группу на 10 сажень. К показаниям свидетелей о расстоянии надо относиться осторожно. Я и отнесся осторожно, спросил Цхададзе, на чем он основывает свой расчет? Оказалось, что тропу, по которой должна была пройти Сарра, он определяет в 32 сажени. Определение неверное. По измерению, сделанному судебным следователем, эта тропа никак не может быть меньше 66 сажень. Таким образом, расчет Цхададзе должен быть устранен, как вывод из неверного основания. Между тем, свидетель Дотуа Цхададзе свидетельствует, что Сарра не могла бы опередить вторую группу евреев, и это показание действительно находит себе подтверждение в соображениях расстояний, изображенных на плане, составленном хоть и не специалистом, но, тем не менее, и что всего важнее, на основании точных измерений, произведенных судебным следователем. До сих пор я признавал как бы бесспорным, что Сарра направилась на садзаглихевскую дорогу. Представляется ли, однако, доказанным, что Сарра пошла и вышла на эту дорогу? Кто видел ее на этой дороге? Дмитрий Церетели и Григорий Григоров Модебадзе — свидетели недостоверные, как я уже доказал. За исключением их, никто не видел Сарры на дороге. Не видела ее Турфа Цхададзе; она, напротив, думала, что Сарра пошла с сестрой в лес, и только видела потом, что Сарра вышла на тропинку, но не видела, куда она направилась. Тропинка была всего в 6 сажень от места выжигания белил, и Сарра, ничем не занятая, легко могла и без особой надобности и цели, ради одной прогулки, чтобы не оставаться на одном месте, выйти на тропинку, по которой еще далеко было до дороги. Елизавета Цхададзе видела Сарру на этой тропинке «лицом к садзаглихевской дороге». И этот оборот Сарры по направлению к дороге не доказывает еще, что она направилась и вышла на дорогу. Павел Цхададзе видел Сарру на тропе, видел, что она сделала несколько шагов по направлению к дороге, но он не видел, чтоб она вышла на дорогу, между тем как он мог бы это видеть со своего места. Сарра, и не направляясь к дороге, могла ходить по тропинке взад и вперед, как ничем не занятый ребенок. Да и была ли надобность для Сарры выходить на садзаглихевскую дорогу? Единственная надобность, которая могла представиться ей, — это возвратиться домой. По объяснению Турфы Цхададзе, Май Модебадзе говорила своей сестре Сарре перед уходом в лес, что им обеим оставаться у Цхададзе нельзя и что Сарре надо идти домой. После ухода Май в лес за валежником Сарра действи-

тельно могла отправиться домой. Но по какой дороге она могла возвратиться домой? Кроме садзаглихевской дороги, параллельно с ней, к дому отца Сарры, по возвышению, на котором стоят дома Цхададзе и Модебадзе, идет тропинка, соединяющая оба эти дома.

Эта тропинка пешеходная, идущая по плоскогорью, по которой не нужно подниматься и опускаться, как по садзаглихевской дороге, и по которой обыкновенно ходили между домами Цхададзе и Модебадзе. По этой тропинке Сарра и пришла к Цхададзе, как это видели Коджаие и Сино Церетели; по этой тропинке Май возвратилась домой, когда узнала, что Сарра ушла; на эту тропинку прежде всего направились розыски, когда исчезла Сарра. Естественнее всего, Сарра, отправляясь домой, направилась по этой тропинке, а не по садзаглихевской дороге, где путь был дальше, менее удобен, где нужно было спускаться под гору и снова подниматься. Тем более не было для Сарры побуждения выходить на садзаглихевскую дорогу после того предупреждения, которое сделала ей Турфа, сказавши, что евреи, проезжавшие по дороге, могут ее увезти, подаривши ей платье. Что за странный каприз был бы у девочки после всего этого предпочесть садзаглихевскую дорогу удобной и привычной, более короткой и более ей знакомой тропинке.

Обратим, наконец, внимание на садзаглихевскую дорогу. Соответствует ли она условиям похищения среди дня живого ребенка, возможности того преступления, которое предполагает обвинительная власть? Дорога эта идет с юга на север по долине или, лучше сказать, по ложбине, между двумя удлинёнными холмами, ограничивающими ее с запада и востока. На холмах, по обе стороны дороги, рассеяны в разных расстояниях один от другого дома обитателей селения Перевиси. Дома эти, перемежаясь с виноградниками и лесными кустарниками, служат как бы обсервационными пунктами по отношению к дороге. С возвышенности холмов все дороги, идущие через Перевиси на расстоянии около 200 сажен, видны почти во всех своих пунктах. Днем в виноградниках, около домов, в кустарниках леса, то здесь, то там, работают жители Перевисей вблизи самой дороги. Проезжающие по дороге видны. Пока проезжали 4 апреля евреи через селение Перевиси, их видели то Церетели, то Цхададзе, то Модебадзе, Цивилишвили, то Коджаие и другой Церетели. Их видели из домов, со дворов, из виноградников. Со всех мест, на которых находились свидетели проезда евреев, они свободно могли разговаривать с евреями; по опыту, произведенному следователем, со всех этих мест слышен обыкновенный человеческий говор, происходящий на дороге. Жители одной стороны дороги могут свободно разговаривать с жителями противоположной стороны. Часть дороги видна с одного места, другая — с другого. Дорога вся на

виду и в наблюдении. При таких условиях было бы крайне рискованно и едва ли могло придти кому-либо в голову решиться на похищение ребенка, который, понимая опасность, конечно, употребил бы все свои детские усилия, чтобы закричать, позвать на помощь, и, конечно, жители Перевисей услышали бы такие крики отчаяния и ужаса, которые не оставили бы возможности недоумевать, крики ли это козла или крики ребенка, плачет ли ребенок и напрягает свой детский голос, чтобы призвать к себе на помощь.

Нет, я не вижу возможности похищения Сарры Модебадзе на садзглихевской дороге. Не видели этой возможности вначале и сами жители селения Перевиси. Все они видели проезжавших евреев, и, однако, когда исчезла Сарра, подозрение на евреев пало не вдруг. Первое и самое естественное предположение было, что девочка, уйдя домой, заблудилась, так как был сильный туман. Все усилия родственников и знакомых направились к тому, чтоб искать девочку по сторонам дороги, в лесу, в кустарниках, в полях. Никто не начинал речи о евреях. Будь иначе, розыски в тот же день направились бы в Сачхеры, куда проехали евреи. Подозрение на евреев возникло только на другой день, когда Сарры, несмотря на поиски, нигде не оказалось. Иосиф Модебадзе говорит, что подозрение на евреев у него явилось только тогда, когда Дмитрий Церетели рассказал ему о слышанном им детском крике. Кекеле Модебадзе говорит, что на другой день стали думать на евреев, так как девочка нигде не находилась, «а кто же мог ее похитить, кроме евреев?». Любопытно, что все свидетели, возымевшие решительное подозрение на евреев, при расспросах их здесь старались свалить друг на друга честь первоначального заявления такого подозрения. Так, Иосиф Модебадзе говорит, что он заподозрил евреев со слов Дмитрия Церетели. Церетели говорит, что он не имел разговора с Модебадзе о евреях. Цхададзе говорит, что Григорий Датиков Модебадзе, придя к ним в дом, сказал: «Нечего искать ребенка, — евреи похитили». Григорий Модебадзе утверждает, что был такой разговор, но что подозрения возбудила Турфа. Одним словом, подозрение утвердилось на следующем умозаключении: евреи проезжали, девочка пропала, следовательно, евреи ее похитили.

Я не стану смеяться над этими простыми людьми, лишенными умственного света, над детской наивностью их выводов, над их суеверием, не тронутым критикой здравого рассуждения. Какое права имею я глумиться над шаткостью и легкостью их умозаключений, когда и теперь, после долгого предварительного и судебного следствия, вам преподносят обвинение, построенное на тех же умозаключениях и лишь пополненное с избытком баснями и сплетнями. Поучительно, одна-

ко, проследить, как возникшее в умах простых и суеверных людей подозрение росло, развивалось, укреплялось и сложилось в грозное обвинение. Вы увидите, что жизненность этого подозрения нашла себе пищу и поддержку не в умах жителей Перевисей и Сачхер, а в доверии к подозрению и действиях полицейской и следственной власти; что родственники Сарры только пользовались искусно недоразумениями и легковерием лиц, разъяснивших дело о ее смерти. Иосиф Модебадзе, нигде не находя своей пропавшей дочери, не видя объяснения ее исчезновения, останавливается хотя и на шатком подозрении против евреев, о чем он и делает заявление полицейскому приставу. Между тем как пристав, не произведя ни розысков, ни дознания об обстоятельствах пропажи Сарры, передает заявление Модебадзе судебному следователю.

Сарра была отыскана. С отысканием ее трупа и для Модебадзе, и для всех других, по-видимому, стала ясна причина смерти Сарры: девочка заблудилась и погибла несчастным образом. По крайней мере, ни старшина, осматривавший труп Сарры, ни другие, бывшие при этом осмотре, не поддерживают подозрения против евреев и поступают с трупом Сарры так, как это бывает при бесспорных случаях нечаянной несчастной смерти. Старшина приносит труп в дом Модебадзе, семейство Сарры хоронит ее труп, не ожидая его осмотра следователем, не требуя этого освидетельствования и не заботясь о судьбе заявленного перед тем подозрения, которое теперь для самого Модебадзе не представлялось уже основательным и вероятным. Между тем, имея пред собой прежнее заявление Модебадзе, следователь приступает к вырытию и вскрытию трупа. Модебадзе не присутствует при вскрытии, не интересуется им и даже некоторое время не знает о нем. Между следователем и врачом происходит разногласие о причине смерти Сарры. Пользуясь неверными полицейскими сведениями, врач дал такое объяснение случаю смерти Сарры, которое не находит себе подтверждения в осмотре места, где найден труп. Первое Недоумение, которое было бы нетрудно разъяснить, отнесясь к делу без предвзятой мысли, первое разногласие, которое могло быть примирено более соответственным обстоятельствам дела объяснением причины смерти Сарры, дает Иосифу Модебадзе случай поднять снова оставленное уже им подозрение, и тут начинает он указывать свидетелей, слышавших детский крик, обращает внимание на разорванное платье Сарры, заявляет о том, что под коленами у нее замечены были порезы. Порезы необходимо было придумать, чтобы придать солидность подозрению. Конечно, рассчитывалось при этом, что труп погребен и что показание о порезах примут на веру. Вторичный осмотр трупа, вырытого из земли, произведенный в при-

сутствии отца Сарры, убеждает, что никаких порезов на ногах Сарры нет и не существовало.

Казалось бы, вторичное вскрытие трупа должно было повести к разъяснению случая смерти Сарры и указать, с каким подозрением и с какими достоверными заявлениями имеет дело следствие. Но оно, напротив, проникается важностью подозрения и дает ему преувеличенную цену. Через несколько времени после первого вскрытия полицейский пристав, осматривая место нахождения трупа Сарры, замечает давние следы двух лошадей, шедшие по направлению к месту трупа. Пристав обращает на это внимание, и этого достаточно, чтобы его недоумение родственники Сарры обратили в пользу своего подозрения на евреев. Скрывают действительное происхождение следов и объясняют, что на них не обратили внимания в то время, когда нашли труп Сарры. Странное и невероятное обвинение. Возможно ли, чтоб осматривавшие труп на месте, — а таких было много, — могли упустить тогда еще свежие следы, указывавшие на привоз Сарры в то место, где она найдена? Возможно ли, чтоб отец Сарры, имевший подозрение на евреев, оставил без внимания эти следы, которые так поддерживали его подозрение? Пристав не остановился на этих вопросах.

Он допустил, что следы существуют, но не были замечены. И свидетели, которые, как оказывается, знали о происхождении этих следов, умалчивают, а другие, пользуясь их молчанием, свидетельствуют о встрече на сачхерской дороге двух евреев накануне нахождения трупа Сарры и таким образом готовят разъяснение тому недоумению, которое возбудилось в уме пристава.

Следствие получает новый толчок. Крик сперва слышали только на садаглихевской дороге. Этого недостаточно; следствие желало бы еще новых свидетелей детского крика на дальнейшем пути евреев. И раз почувствовали эту надобность, — целая группа свидетелей, более чем через месяц после пропажи Сарры, является внезапно и, молчавшая до тех пор, свидетельствует о слышанных криках. Вообще, следя за предварительным следствием, мы видели, что при каждом новом требовании следствия тотчас же является и предложение, вполне удовлетворительное. Каждое недоразумение, каждое сомнение, которое является у лиц, производящих дознание и следствие, каждая их иногда невольная ошибка тотчас же обращаются в пользу заявленного подозрения; за них хватаются как за искру и раздувают в пламя, освещающее дело совсем не с той стороны, на которой была истина. Так сложилось настоящее дело и настоящее обвинение.

Я поставил себе задачей доказать перед вами не только то, что самое здание обвинения построено на шатком основании и должно раз-

рушиться при серьезном к нему прикосновении, но я хочу доказать, что самые материалы этого здания, которое венчал теперь своим решительным словом прокурор, не имели и не имеют внутреннего достоинства и прочности.

Я должен теперь вступить на путь детских стоков и криков, слышанных несколькими свидетелями. Это какой-то мрачный переход дантовского чистилища, где души некрещеных младенцев в томительном ожидании взывают о спасении. Это продолжительная вокальная музыка, которая, однако, никак не складывается в концерт. Нет согласия, нет и единообразия в этих звуках, подхваченных случайно свидетелями; разнообразны впечатления и заключения самих свидетелей. То слышат они детский крик, то какое-то мычание, то крик козла, то стон задыхающегося ребенка, то плач, то целую фразу о призыве к спасению. Иным свидетелям послышался детский крик, но когда они увидели козла, то заключили, что это был крик козла, и успокоились. Другие слышат крик, но когда выходят на этот крик, — слышанные звуки умолкают. Слышат плач, идут на помощь, думают увидеть ребенка, но видят евреев и, не обращая затем внимания на плач, уходят. Обмениваясь мыслями по поводу слышанного крика, соглашаются, что это крик козла, но когда узнают, что евреями похищен ребенок, убеждаются, что слышанный ими крик был не крик козла, а ребенка, и что евреи не просто торопились ехать, а были испуганы.

Все эти самые разнообразные свидетельские впечатления без дальнейшего их разбора, без применения противоречий между ними, выставляются обвинением как улики, и, прибавлю, как главнейшая улика, связывающая проезд евреев с исчезновением Сарры. Рассмотрю в отдельности каждое из свидетельских показаний.

Первым слышавшим крик является Григорий Датиков Модебадзе. Он был в 72 сажнях на дальнейшем пути евреев от соединения тропинки с садзаглихевскою дорогой. На пространстве этих 72 сажень должно было совершиться похищение Сарры. Модебадзе слышит «крики как будто ребенка», звуки «вай ми дэда мишвил». «Вы утверждаете, — спрашивает свидетеля прокурор, — что это действительно был крик ребенка?» — «Непременно ребенка», — отвечает Г.Д. Модебадзе. «Какой же крик, — любопытствует защита, — воспроизведите его». Послышалось какое-то мычание, а потом крик а... а... а..., произносимый не особенно громко. Продолжая, свидетель говорит, что ему показалось, что это был «крик ребенка». Значит, добавляет к этому отзыву прокурор, вы убеждены, что это был крик ребенка. Дмитрий Церетели слышал, что ребенок плакал, «как будто бы побили ребенка». Но я уже доказывал, что этот свидетель не мог слышать никакого плача и крика на том

месте, на которое он указывает, так как он не мог догнать на этом месте евреев. Нужно заметить, однако, что и этот свидетель, и Григорий Мобедадзе выйдя на место, с которого им послышался крик, видят проезжающих евреев, но крика детского уже не слышат, видят, однако, козла, успокаиваются и уходят, как бы ничего и не случилось. Не внушительны им были крики и стоны Сарры. Свидетельница Непарадзе — это та самая старуха, которая сказала, что она слишком стара, так как ей более сорока лет. Она тоже говорит, что слышала плач ребенка, а не козла, но прибавляет, что она немного глуховата. И этой глуховатой свидетельнице приходится свидетельствовать о слышанных ею звуках, предательских звуках, долженствующих уличить подсудимых. Непарадзе слышала крик: ва... ва... ва... Ребенок, говорит она, плакал, один раз вскрикнул. Расспрашивая эту свидетельницу, прокурор высказал, что она на предварительном следствии показывала одно, здесь говорила другое, а теперь — третье. Прошу теперь, судьи, основать ваш обвинительный приговор на показаниях этой свидетельницы. Выступает перед нами Бесо Гогатишвили. Он слышал детский стон; просим изобразить этот стон; свидетель изображает какое-то мычание. Услышав детский крик, говорит Гогатишвили, я увидел потом, что кричит козел, и успокоился. Далее следует группа сачерцев. Это не отдельные свидетели, случайно соединенные, но именно цельная группа, соединенная узами — одни кумовства, другие сожительствва и, наконец, все единением умственного мрака. Соломея Колмохелидзе услышала крик, «как будто дети душатся». Это ее собственное характерное выражение. Спрашиваем, «как это дети душатся, — объясните». Прикладывается рука ко рту, и Соломея изображает, как душатся дети. Свидетельница, услышав крик, подумала, что это крик ее внука, по крайней мере она так говорила на предварительном следствии, здесь же она это отвергла.

Обеспокоившись криками, она вышла, посмотрела, убедилась, что ребенок невестки не кричит, и пошла к своему жильцу Надирадзе, который успокоил ее тем, что едут евреи и везут козла, кричит козел, а не ребенок. Кажется, оставалось одно — совершенно успокоиться, но Соломея Колмохелидзе не успокоилась; в недоумении возвратилась она домой, затворила дверь и, добравшись до постели, упала в обморок от одного представления, как она объяснила, о том крике, который она слышала. Когда на другой день она узнала о похищении евреями ребенка, для нее все стало ясно, а через полтора месяца она заявила полиции о слышанном ею крике. Следует затем жилец Соломеи Колмохелидзе, Максим Надирадзе, который также говорит, что явственно слышал стон ребенка. Просим и его изобразить эти стонущие звуки; он точно так же, по одному образцу с Соломеей Колмохелидзе, прикладывает

руку ко рту и воспроизводит их. «Вошла ко мне, — повествует он, — хозяйка и сказала, что, кажется, слышала она крик ребенка»; но Максим Надирадзе указывает ей на козла, которого в то время мимо него провезли евреи, что это козел кричит; на другой, однако, день, когда он услышал о пропаже Сарры, он сам понял, что слышанный им крик был действительно крик ребенка. Натела Дурмашидзе стоит в своем саду, видит проезжающих евреев; у них переметная сумка; в одной половине сумки, говорит свидетельница, что-то ворчало или пищало, а в другой был козел. Не было ли это, спрашиваем мы, ворчанье и пищание кур или гусей, которых везли с собою евреи? Нет, говорит, эти звуки напоминали голос ребенка, но только все это «было далеко от меня, через забор я не видела, так как далеко стояла от забора». Просим и эту свидетельницу изобразить слышанное ворчанье и пищание, и она издает стонущее а... а... а... Какая, спрашиваем, была сумка? Небольшая, отвечает, она была завязана. «Я в то время поясняет свидетельница, — была огорчена смертью своего сына». Натела Дурмашидзе была в саду не одна, а с своей кумой Пепой Яламовой. С любопытством ждем показания Яламовой, но она не явилась, вывихнула себе ногу. Прочитывается ее показание, данное на предварительном следствии. В нем узнаем следующее. «Когда евреи поравнялись с нами, — говорит свидетельница, — в это время я услышала крики козленка. Перед этим я никакого детского крика и звуков не слышала. Увидевши встревоженные лица евреев, я подумала, что случилось что-то недоброе, и, не знаю почему, у меня появилась мысль, что они везут похищенного ребенка, о чем я тут же и сказала куме Нателе, а кума отвечала, что она ясно услышала крик ребенка. После того как мы узнали о похищении Сарры, я стала всем рассказывать о виденном мной». Итак, рядом стоят в саду под вечер две кумы: одна слышит ясно, что кричит ребенок, а другая слышит крик козленка, но думает, что евреи везут похищенного ребенка; обменялись кумы своими впечатлениями и порешили на том, что евреи действительно провезли никого другого, как ребенка; а когда на другой день они услышали о пропаже Сарры, то для них стало ясно, как день, что ее-то и везли евреи. Наталья Тушишвили видела то, что никто другой не видел. Она видела, что еврей сидел на лошади по-дамски. Недоставало только, чтобы еврей был в длинном костюме амазонки и складками юбки прикрывал драгоценную, но и опасную ношу, бывшую в сумке. Тушишвили слышала звуки, эти звуки отличались от крика козла.

Дав терпеливо ответы на вопросы председателя и прокурора, свидетельница во время вопросов со стороны защиты утомляется, жалуется на болезненность и ссылается на свое показание, данное на предварительном следствии; подкрепленная внушительным словом председате-

ля, который объясняет свидетельнице, что она отвечает суду, а не защите, Тушишвили удовлетворяет наше любопытство о том, какие звуки слышала она из сумки. «Звук был глухой, — говорит она; — если бы меня повесить, то я не в состоянии была бы изобразить этого звука. Если бы было громче, — продолжает она, — то я бы могла выразить, впрочем, времени не было, чтобы заметить все в подробности». Так мы и не узнали слышанных свидетельницей звуков. Следует синьора Кесария Чарквани. Слышала, говорит крик: ай, ай, как будто рот был чем-то заложен у ребенка. Потом она закрывает рукой свой рот, совершенно так же, как делали это Соломея Колмохелидзе и Максим Надирадзе, и издает совершенно такой же звук. «Звук этот подходил к звуку 7 или 8-летнего ребенка», — утверждает свидетельница. Удивительная слуховая способность определять посредством звука лета! Пробуем проверить эту способность и спрашиваем, могла ли бы она отличить голос 30-летнего от 25-летнего человека. Свидетельница в ответ бросает на меня недовольный взгляд. Мог ли быть похож слышанный вами звук, даю я вопрос более простой, на голос, например, 9-летнего ребенка? Нет, отвечает свидетельница. А на голос 6-летнего? Тоже, говорит, нет, и как раз ошиблась, потому что Сарре Модебадзе было только 6 лет. «Евреи были испуганы, когда поравнялись со мной». Смотрю на свидетельницу и, кроме приятности, не вижу в ней ничего, что могло бы испугать евреев, увидевших ее...

Председатель: Я бы попросил не касаться личностей.

Присяжный поверенный Александров: Спрашиваю затем, почему она заключает об испуге евреев. «Потому, — говорит, — что они торопились», — вот вам и объяснение испуга евреев. «Подумала, — продолжает свидетельница, — что у еврея в сумке дитя», — но она подумала это на другой день, когда узнала о пропаже Сарры.

Господа судьи! Полтора дня мы слышали всех этих свидетелей, изучали звуки, ими слышанные. Мы были в душевной атмосфере тяжкого уголовного преступления; мы видели перед собой эти арестантские халаты, эти лица, изможденные одиннадцатимесячным тюремным заключением; над ними грозной тучей нависло обвинение, оно готово было разразиться каторгой. Не до шуток и смеха было. Но когда чрез несколько дней настоящий процесс станет минувшим делом, когда к нему можно будет подойти с безмятежностью постороннего наблюдателя, когда можно будет спокойно взглянуть на эту страницу процесса, занявшую у вас полтора дня, что-то странное предстанет воображению наблюдателя. Предстанет взору какой-то комический дивертисмент, как будто для развлечения, для успокоения нервов вдвинутый в страшную уголовную драму; какой-то юмористический листок среди стра-

ниц уголовного дела о кровавом преступлении. И под этим юмористическим листком вас приглашают подписать приговор, присуждающий несколько человек к каторге.

Обратимся теперь к другим свидетелям, которые тоже могли бы слышать детские крики и стоны, но которые их не слышали. Самсон Гогечиладзе говорит, что детских криков не слышал, хотя и был близко около евреев, прошел с ними несколько шагов и слышал лишь, что козел блеял. Правда, обратил он внимание на какое-то движение в еврейской сумке. Он полюбопытствовал узнать, что двигается в сумке. Ему отвечали, а может быть, и не отвечали, что в сумке гуси. Да ведь они подохнут, предупреждает он; пусть подохнут, отвечают ему. Очевидно, любопытство Гогечиладзе не интересовались удовлетворить, отвечали как попало. Двигалось ли что-либо в сумке или не двигалось, важно то, что если бы то было движение ребенка, желающего высвободиться из сумки, Гогечиладзе не успокоился бы на объяснении, что в сумке гуси. Илихо Комушадзе тоже встретил евреев, но не мог заметить, что было у них в сумке; с козлом евреи ничего не делали, его за ухо не трепали, хворостиной не били, детских криков свидетель не слышал. Давид Анашавили — свидетель случая покупки евреями гуся на дворе Нателя Капуршвили. Один из евреев вошел во двор; началась торговля; хозяйка просит за гуся 1 руб. 20 коп., еврей дает только 40 копеек. Товарищи его торопят домой, советуют дать за гуся 80 копеек; и, наконец, гусь куплен. Анашавили и Капуршвили видят других евреев, остановившихся в ожидании покупки их товарищем гуся, видят у них козла, слышат, что козел постоянно кричит, но детских криков и стонов не слышат. Евреи торопятся, но тем не менее ждут, пока товарищ окончит покупку гуся. И это в то время, когда, по мысли обвинения, евреи везли Сарру, когда каждую минуту они рисковали быть открытыми, изобличенными в тяжком преступлении, когда ежеминутно можно было опасаться предательского для них крика и стопа заключенного в сумку ребенка. Есть ли смысл в спокойном торге из-за гуся в то время, когда все мысли должны быть заняты сокрытием коварно похищенного ребенка? Евреи въезжают в Сачхеры; их встречает Бичия Душишвили, старшина, представитель полицейской власти; он разговаривает с евреями, но никаких детских криков из их сумок не слышит. Обратите, господа, внимание на план местечка Сачхеры и заметьте ту дорогу, по которой ехали домой евреи; вы увидите, что они ехали по самой людной улице Сачхер. Это преступники-то, везущие с собою опасную ношу! Князь Абашидзе, полицейский пристав, объяснил, что путь, по которому ехали евреи по Сачхерам» наиболее отдален от еврейского квартала и что они могли, если бы пожелали, проехать совсем другой дорогой, которая даже не

была дорогой, более длинной, там, где не было домов, где, следовательно, стоны и крики ребенка никто бы не услышал. Удивительное пренебрежение к опасности, в которой евреи не могли не находиться, которую они не могли не сознавать, если верить прокурору, что они везли похищенную Сарру.

В каком положении могла находиться Сарра Модебадзе, когда ее везли в сумке? Была ли она герметически закупорена? Тогда она задохнулась бы очень скоро, и криков из сумки никаких не могло быть. Было ли ей просторно в сумке? Но тогда она старалась бы высвободиться, кричала бы, рвалась наружу; ведь находясь в таком опасном положении, Сарра, которой было 6 лет и которая не могла не сознавать его, напрягла бы все свои, хотя бы детские, усилия, кричала, звала на помощь, рвалась из сумки, прогрызла бы ее, наконец, и дала бы о себе знать более ярким способом, чем звуки, которые можно было принять и за голос ребенка, и за бляение козла. Очевидным представляется, что в сумке у евреев был и кричал не ребенок, а козел. Молодое животное, в полной неизвестности за предстоящую ему будущность, в тоске, может быть, о покинутых полях своей родины, стесненное в своих движениях, предпочитавшее побегать, пощипать траву, скучавшее, очевидно, непривычным для него положением пассажира, выражало свое огорчение в жалобных криках, пискливом бляении и тому подобных звуках. Развлекали себя на его счет и спутники его; то хворостиной его ударят, то ухо закрутят. Все делалось начистоту, по душе, и никто не ждал грозного обвинения. Были с евреями индейки, куры и гуси, и эти не ощущали надобности оставаться безгласными. Вот правдивое соображение о происхождении тех звуков, которые стали вдруг звуками и стонами ребенка, как только разнеслась весть о похищении Сарры.

Покончим с комической страницей дела; впереди предстоит что-то, по-видимому, серьезное: это событие в доме предводителя дворянства князя Церетели. Что-то необычайное слышится, напоминающее как будто событие из первых веков христианства. Еврей, только что покинувший своих единомышленников, бежит в ближайший дом, дом предводителя дворянства, и громким криком заявляет, что пришел открыть сердечную тайну, говорить о замученном христианском ребенке. Так и ждешь какого-то великого события, воочию совершающегося обращения еврея в последователя Христа. Пред этим евреем не разверзлись небеса, он не слышал голоса: «Савле, что гониши!», — но он только что окончил пасхальную трапезу со своими друзьями, он знает за ними преступление, возмутившее его совесть, отвратившее его от прежних убеждений; пред ним открыло свет истины, и он идет обличать великое преступление своих единоверцев. Еврей потонул в человеке, и этот

человек с желанием порвать со своим прошедшим, с желанием, может быть, полного обновления, приходит исполнить великий нравственный долг. Прибегает Еликашвили и садится на землю. Несколько раз неистово кричит он: «Подайте мне предводителя дворянства!» Предводителя нет. У Еликашвили любопытствуют, на что ему предводитель? Сидя на земле все в том же положении, продолжает кричать Еликашвили, кричит так, что на крик сбегаются люди с разных сторон, кричит без всякой надобности, кричит, когда с ним говорят обыкновенным голосом, и все кричит: подайте мне предводителя, я хочу открыть сердечную тайну!

Пьян был Еликашвили, закрадывается во мне подозрение, по всему видно, что пьян. Спрашиваю свидетелей. Нет, говорят, мы стояли близко, никакого винного запаха не было слышно. Что же, может быть, у свидетелей обоняние не особенно сильно, из этого еще не следует, чтобы М. Еликашвили не был пьян. Мы его прогоняли, говорят свидетели, хотели удалить со двора. Зачем вы прогоняли, спрашиваю, человека, который пришел по серьезному делу охотно разговаривает с вами, хочет открыть сердечную тайну? Предводителя нет, положим, но Еликашвили вам беспокойства не причиняет? Напротив, он должен был возбуждать ваше внимание, любопытство, вы могли ждать от него рассказа о важном событии. Зачем же было гнать со двора? На этот вопрос удовлетворительного ответа не получаю. Справляюсь у местного старшины, имея в виду, что в день происшествия праздновалась пасха, что Еликашвили был на праздничном обеде и что весьма возможно некоторое с его стороны послеобеденное возбуждение. Бичия Душиашвили, свидетель, вызванный обвинением, говорит: «Да, М. Еликашвили человек, вообще непьющий, но изредка, раза два-три я видел его пьяным. В день пасхи он напился. Он обедал в этот день в еврейском доме, поблизости двора предводителя дворянства, затеял там драку, гнался с деревянным подносом за одним евреем; позвали проходившего мимо старшину, тот вступился, связал Еликашвили, но через несколько минут он развязался и, ругаясь, побежал в дом предводителя». Вот объяснение события с Еликашвили, и если он действительно даже говорил о замученном ребенке, то и в этом нет ничего удивительного, так как еще накануне все сачерцы знали о пропаже Сарры и о том, что ее похищение приписывается евреям.

Выхожу со двора предводителя дворянства и встречаю Иосифа Якобишвили, — это свидетель своеобразный, с показанием в виде движущейся панорамы. Иосиф Якобишвили, бывший дьячок, бросил тихое и сладкогласное псалмопение, и судьба, не то смеясь над ним, не то серьезно указуя ему новый путь служения, выдвинула его в роль, ко-

торая требует не только голоса, но и такта, добросовестности, правды, в особенности правды. Он вдруг совершенно неожиданно становится свидетелем двух фактов, важных для обвинения. Идет Якобишвили по улице Сачхер, куда он прибыл по своим делам, идет и остановился. Почему, спрашивают его, вы остановились? Так себе, говорит. Думаю, что могло случиться. Бывает, что часы идут и останавливаются, а потом опять идут. Остановившись, Якобишвили видит, что мальчик лет одиннадцати подбежал к еврею на улице и спрашивает: а что, замученного нашими ребенка отвезли в ту же ночь или нет? и получает за это от еврея подзатыльник и название осла. Якобишвили не понял собственно смысла слов мальчика; он пошел своей дорогой. Но эти слова, значения которых он не понял, остались в его памяти, и он припомнил их, когда, через две-три недели, он услышал спор по поводу обвинения, взведенного на евреев.

Станным, однако, представляется то, что евреи, похитившие Сарру, так неосторожно обращались с предметом своего преступления, что даже малые ребята знали о нем и болтали на улице. Но слова еврейского мальчика не единственное приобретение на пользу дела со стороны Якобишвили. Было еще другое, о чем он свидетельствует. Было это 6 апреля. Идет он, рассказывает Якобишвили, и на этот раз не останавливается. Видит он, что десятский ходит по домам евреев, стучит и зовет их на сход; а Якобишвили все идет и идет так что, надо полагать, десятский очень скоропостижно заходил в дома, делал вызовы, да и самые дома были расположены как раз по пути Якобишвили. Стучит десятский в одном доме и, конечно, постучав, остановился, а Якобишвили все продолжает идти. На стук выходит женщина. Десятский просит ее вызвать сына. Между тем Якобишвили все идет. Женщина отвечает: «Зачем вам моего сына? Он на сход не пойдет, он в замучении ребенка с вами не участвовал, незачем ему быть на сходе». Якобишвили, не забывая, все идет да идет. Что же такое его показание, как не движущаяся панорама? Я припоминаю рассказ, как один сановник, призвав к себе художника, предложил ему написать картину баталии, продолжавшейся четыре дня. Войска выступали, двигалась артиллерия, развертывалась и скакала кавалерия, колонны переменили места, шел бой, победа склонялась то в ту, то в другую сторону, и, наконец, на четвертый день на месте битвы остались только трупы и стаи воронов. «Вам угодно, чтоб я написал несколько картин?», — спросил художник. «Зачем несколько, напишите все это на одной картине». Художник отказался. Якобишвили — этот бы изобразил все на одной картине. Выслушав рассказ Якобишвили, спрашиваем десятского, не собирал ли он 6 апреля сход. Он отвечает, что не мог собирать сход, потому что это

был день еврейской пасхи, и в этот день, как день большого праздника, сходов не собирают. Модебадзе возражает, что Нато Цициашвили не десятский. Спрашиваем об этом старшину Душиашвили. Бичия Душиашвили подтверждает, что схода 6 апреля не было. Нато Цициашвили действительно десятский, но схода собирать не мог, потому что этот день в сходе надобности не было.

Расстанемся с Якобишвили. Мне предстоит говорить по поводу обвинения Моши Цициашвили. Я должен вам открыться по душе. Если 61-летний И. Хундиашвили возбуждает во мне серьезные мысли, если я, смотря на него, не мог отрешиться от мысли, что 61 год жизни Хундиашвили был первым годом его тюремного заключения; если я смотрю на него и думаю, что нет условий, которые бы застраховали от тюрьмы, что, собственно говоря, места столь и не столь отдаленные есть только понятие относительное, что, в сущности, они близки каждому из нас и что близость их зависит от обстоятельств, которыми располагает наша воля, — если Хундиашвили возбуждает во мне серьезные мысли, то мои симпатии посвящены Моше Цициашвили.

Я его люблю, как любит мать своего несчастного сына; Моша — это мой Иосиф, которого все продают, к кому он братски обращается. И действительно, Моша замечательно несчастлив, ничто ему не удается. Захотел Моша погадать о будущем. Он знал уже, что против него собирается грозное обвинение, а тут как нарочно подвернулся маг и волшебник Комушидзе, который по пульсу узнавал судьбу человека. Моше хочется немножко приподнять завесу будущего, узнать, чем кончится его дело, которое его так беспокоит. Конечно, Моша преступает этим закон Моисеев, запрещающий обращаться к магам и волшебникам. Но если бы не было закона, не было бы и преступлений. С другой стороны, царь Саул был и посерьезнее Моши, да и тот обращался к аендорской волшебнице, вызывая через нее тень Самуила. Моша тени Самуила не тревожил; он желал только предложить свой пульс, чтобы Комушидзе посредством его решил вопрос, сильно занимавший Мошу.

Председатель: Я бы попросил не говорить лишнего и не касаться вещей, которые к делу не идут.

Присяжный поверенный Александров: Я принужден касаться этого предмета только потому, что гаданье ставится в улику М. Цициашвили в обвинительном акте, и я по необходимости должен считать эту улику существенной, ибо обвинительный акт есть собрание существенных улик. Я думаю, что из покушения Моши на гаданье можно вывести заключение не о его виновности по делу, а только о его нервной нетерпеливости. Моша действительно нетерпелив, он не может спокойно выжидать течение событий. Он обращается к одному свидетелю по делу

и просит его ни о чем другом, как только сказать правду на следствии. Моша уже знает, что этот свидетель указан как встретивший его будто бы в ночь на 6 апреля недалеко от Дорбаидзе. Покажите правду, говорит он этому свидетелю, скажите, что вы меня не встречали, потому что вы ведь действительно меня не встречали. И эти наивные и невинные слова, где нет никакого намека на подговор сказать неправду, и эти обращения Моши к свидетелю ставятся ему в улику, и улика эта, как существенная, заносится в обвинительный акт. Нетерпеливый Моша то и дело говорит о своем деле, но и тут неудача. Он говорит, и как нарочно удается ему построить такое выражение, которое можно объяснить и так, и иначе. Свидетель Юркевич и прокурор понимают это выражение в одном смысле, защита имеет основание понимать его в другом. Моша, говорит Юркевич, выразился так: «Если не будем хлопотать по нашему делу, если будем сидеть сложа руки, то докажется или окажется наша вина». Тут два смысла, и все зависит от того, над каким словом сделать повышение голоса. «Докажется» наша вина, — понятно, что дело идет о действительно совершенном преступлении, повысьте голос над словом «наша», смысл будет другой: взвалят на нас и окажется наша вина.

Я полагаю, что Моша употребил это выражение именно во втором смысле, потому что если бы он имел в виду первый смысл, то не стал бы так громко говорить, чтобы Юркевич мог слышать его слова. Что же связывает Мошу с настоящим обвинением? Его встретили, он ехал накануне дня, когда найден труп Сарры, по сачхерской дороге, вблизи коей оказался труп. Но в действительности труп от этой дороги лежал далеко. Можно остановиться в недоумении над вопросом: зачем нужно было привозить труп так далеко, когда его можно было бросить в другом, ближайшем месте. Свидетели говорят: мы видели, что ехали два еврея; Мошу узнали. Моша был единственный еврей, которого свидетели знали. Окликнули они Мошу, назвали его по имени, но встретившиеся всадники не отвечали. Почему не отвечали? Не отвечали потому, что между ними не было М. Цициашвили, или не хотели ответить, хотели скрыться — неизвестно. Возле трупа оказались следы двух лошадей. Если видели Мошу вдвоем с другим всадником и если затем оказываются возле трупа следы двух лошадей, то кто же, заключают, как не Моша привез труп? Но я полагаю, что Моши не было при встрече с двумя свидетелями, если даже они встретили каких-либо всадников. Моша Цициашвили вечером был вместе с другими, он просил поставить на ночь караул около еврейских домов, так как евреи боялись, что ребенок, ввиду сделанного против них обвинения, может быть к кому-нибудь подброшен. Такая просьба, которая только случайно оста-

лась без удовлетворения, не указывает на предстоящую необходимость для Моши вывезти из Сачхер труп ребенка. Затем ночь на 6 апреля была лунная, та ночь еврейской пасхи, которая, в отличие от нашей, празднуется в полнолуние. В светлую ночь выезжать из селения с трупом Сарры Модебадзе было бы рискованно. Предположить такую неосторожность со стороны Моши трудно. Да и зачем было увозить труп так далеко, когда его можно было всюду спрятать, хотя бы в одном из еврейских домов или огородов. Но как же объяснить следы двух лошадей около трупа? Относительно следов лошадей я не стану исключительно основываться на свидетельстве Филимона Микадзе не потому, что не верю этому свидетелю; нет, личное мое впечатление было в пользу того показания, которое он дал. Не знаю, какое впечатление он произвел на вас, г. г. судьи, это зависит от вкуса и взгляда; на меня его показание произвело впечатление правды, но я не могу не признать, что свидетельство Микадзе несколько запоздалое. Правда, я не согласен с тем, что свидетельское показание Микадзе, данное здесь, находится в противоречии с показанием его на предварительном следствии, — это не совсем справедливо.

Здесь Микадзе показал более того, что показал он на предварительном следствии; на предварительном следствии он далеко не показал всей правды; но то, что он показал тогда, не исключает того, что он более откровенно показал здесь. На предварительном следствии он говорил, например, что не видел следов наносного песка на трупе. Но ведь на предварительном следствии вопрос был о том, действительно ли Сарра Модебадзе утонула или нет? Такого количества песка, чтоб можно предположить утопление, на трупе не было. Здесь Микадзе утверждает, что были следы песка, но какие? Крайне незначительные следы, которые могли быть оставлены мышами или другими зверями, которые бегали по трупу. Наконец, эти следы песка, как и замеченные следы сырости, могли остаться от дождя, под которым труп оставался у забора; частицы песка могли быть занесены на труп ветром. Таким образом, в теперешнем показании Микадзе я не вижу противоречия с тем показанием, которое он дал на предварительном следствии. Как совершенно новое, Микадзе, между прочим, рассказал здесь умолчанное им прежде о происхождении конных следов возле трупа Сарры. Я принял за правило оперировать только теми доказательствами, которые считает достоверными сам обвинитель. Я не стану опираться на показание Микадзе, которое, как данное поздно, может быть заподозрено обвинением, но для меня важно это показание в том отношении, что оно дает мне мысль объяснить хотя бы только предположительно, как возможное, происхождение следов возле трупа. Микадзе говорит,

что родственники Сарры, узнав о разыскании трупа, на двух лошадях отправились к месту нахождения его, с дороги свернули по направлению к трупу и тем же путем вернулись назад. Действительно, весьма возможно, что при первом известии о разыскании Сарры в трех верстах от дома ее отца, семейные Сарры на лошадях поспешили к трупу и следы лошадей возле трупа оставлены были ими. В справедливости этого моего предположения убеждает меня не показание Микадзе, которое только наводит меня на эту мысль, а другое соображение, имеющее для меня по крайней мере, всю силу убедительности. Труп Сарры Модебадзе найден уже после того, как подозрение было заявлено против евреев. Вы знаете г.г. судьи, что родственники Сарры ничего не пропускали, чтобы обличить вину евреев. Вы помните, что, по их словам, у Сарры оказались даже порезы под коленами, в действительности никогда не существовавшие, как это бесспорно доказано. Без сомнения, эти люди, которые для своих целей находили возможным изобретать порезы у Сарры, видя следы двух лошадей около места нахождения трупа, следы свежие, происхождения которых они, однако, не знали, не простили бы их евреям, не упустили бы в свое время обратить на них внимание. Тогда же бы они указали на эти предательские следы, как на доказательство того, что ребенок не сам пришел к стене виноградника, но что его привезли неизвестные люди на двух лошадях и подбросили. Но об этих следах ничего не было говорено, никто не возбудил вопроса и подозрения, а людей, осматривавших труп и местность в самое первое время по разыскании трупа, было много. Конечно, они останавливались на вопросе, как попала девочка к забору виноградника, конечно, в суждениях, в предположениях о характере случая не было недостатка. Конечно, было обращено внимание и на положение трупа, и на местность, где труп находился, конечно, вспоминали о евреях, которых до того подозревали, и среди естественных рассуждений обо всех этих предметах никто не заметил возле самого трупа свежие следы двух лошадей и никто не указал на эти следы. Этого нельзя допустить. Нет, происхождение этих следов понимали и не могли не смотреть на них как на улику, как на указание, что труп Сарры привезен и подброшен.

Следами воспользовались после, когда пристав, не зная действительного происхождения этих следов, обратил на них внимание. Когда эти следы стали приводить в связь с привозом трупа Сарры, тогда оказалось, что никому не пришло в голову обратить внимание на следы. «Мы, дескать, люди простые, не доглядели». А вот порезы под коленами доглядели.

Я покончил с разбором улик, которые выставляют обвинительный акт и обвинительная речь. Я мог бы, как совершенно справедливо заме-

тил прокурор, задачу мою ограничить только тем, чтобы опровергнуть выставленные улики. Я не следователь, я не прокурор, не лицо, производящее дознание, я не обязан искать объяснения, как, отчего последовала смерть Сарры, я могу оставаться в полном на этот счет недоумении и, тем не менее, просить для обвиняемых оправдательного приговора. Но в настоящем деле есть достаточно данных, которые дают возможность разъяснить случай смерти Сарры Модебадзе. Пусть эти объяснения будут только предположением; важно, что можно допустить это предположение и что оно не только не противоречит данным дела, но даже ими подтверждается, что предположение это, во всяком случае, более состоятельно, чем предположение о похищении евреями Сарры для какой-то неведомой цели. Я объясняю случай смерти Сарры таким образом. Сарра, очевидно, пошла с места выжигания белил домой. Это заключение я основываю на том разговоре, который был у нее с сестрой ее Маей и о котором свидетельствует Турфа Цхададзе. Турфа Цхададзе говорит, что, уходя за валежником, Мая сказала сестре: «Уходи домой, нам обeim здесь оставаться нечего». По всей вероятности, после этого девочка решила отправиться домой, и действительно, не прощаясь ни с кем, — да, очевидно, этого и не находила нужным, — ушла незамеченной. Когда вернулась Мая и Сарры не было, все подумали, что девочка пошла домой. Пойти домой она могла по верхней тропинке, идущей по плоскогорью. На этой тропинке видели ее С. Церетели и Коджае, когда она шла к Цхададзе; вернуться ей домой по той же тропинке было совершенно естественно. Зачем ей было для возвращения домой спускаться на садзаглихевскую дорогу? Там предстоял ей подгорный сток, который был для нее тяжел, а затем горный подъем у дома отца. Мы имеем показания многих свидетелей о том, что во время, совпадающее со временем исчезновения Сарры после проезда евреев, густой туман пал на ту местность, где находилось селение Перевеси. Я признаю лживым свидетельство Д. Церетели; но в этом свидетельстве, из которого так много черпает обвинение, я возьму только одно указание, по моему мнению, совершенно свободное от подозрения в лжесвидетельстве, потому что это указание в целом строе показаний Д. Церетели представляется незначительным. Д. Церетели говорит, что после проезда евреев пал такой густой туман, что он, боясь, чтобы не заблудилась скотина в лесу, отправился ее отыскивать и загонять.

Конечно, скотина — животное неразумное, она с человеком сравнена быть не может; но если мы сравним эту скотину с 6-летней девочкой, то не можем не придти к заключению, что если скотина, которая руководится инстинктом, могла в тумане заблудиться, если этот туман относительно скотины мог возбудить опасения Д. Церетели, то

нет ничего удивительного, что Сарра, направившись по тропинке и достигши того места, где эта тропинка разветвляется и впадает с одной стороны направо в дорбаидзевскую дорогу, а с другой — налево ведет к дому Модебадзе, что в тумане, который препятствовал видеть перед собой в нескольких шагах, Сарра попала на правую ветвь тропинки, тогда как она должна была идти налево. Попав на дорбаидзевскую дорогу, по которой она и пошла сначала, думая, что она идет к дому отца, а потом, вероятно, догадавшись, что она ошиблась и заблудилась, шла до какого-либо жилища, где бы она могла узнать дорогу домой и вернуться. Очевидно, Сарра шла по дорбаидзевской дороге до тех пор, пока не дошла до места, с которого она могла увидеть каменную стену. Увидевши эту стену и думая, вероятно, что это след жилища, она пошла по направлению к стене. Заметив, однако, что жилища нет, не догадываясь, как попасть в деревню, конечно, утомленная и истощенная продолжительной ходьбой, в испуге, Сарра уселась около стены на покатоности, где она потом и была найдена. Конечно, она кричала, плакала. Но крика Сарры, говорят, никто не слышал, а между тем по произведенному опыту, с места, на котором нашли Сарру, звуки человеческого голоса слышны в деревне Дорбаидзе. Но произведенный опыт не может опровергнуть то предположение, что Сарра Модебадзе кричала и крик ее, однако, не был услышан. Иное дело напрягать внимание, слушать, когда предупрежден о том, что следует слушать, как это было при производстве опыта, и другое дело, когда человек не предупрежден, не обращает внимания, не прислушивается, когда кричащий находится в поле, а тот, кто мог бы услышать крик, сидит, запершись в доме. Слышать голос взрослого — одно, а совсем другое услышать крик ослабевшего 6-летнего ребенка. Наступила тяжелая ночь. Сарра не знала, куда деваться, куда идти. Ей предстояло одно — остаться на этом месте у стены. На этом месте она уснула. Ее так и нашли. Если верить показанию Ф. Микадзе, — а не верить ему, по крайней мере, в этом отношении, нет основания, — Сарра найдена в полусидячем положении, согнувши несколько ноги, опираясь спиной на покатоность. Отчего Сарра умерла? От истощения, от утомления, от дождя, от ночного холода, наступившего за этим дождем. Ведь для того, чтобы умереть от ночного холода 6-летнему ребенку, который был одет в рубище, босой, промокший от дождя, истощенный ходьбой, голодный, не нужно температуры ниже 0 — Сарра могла умереть от холода даже при 3 или 4 градусах выше нуля. Мы, взрослые люди, с трудом переносим в комнате температуру 10–12°, что же удивительного, что ребенок мог умереть, пробывши долго под холодным дождем.

Случай с Саррой не что иное, как несчастье. У нас, к сожалению, нередко такие случаи с детьми, за которыми родители по бедности средств, а иногда и по небрежности, не имеют внимательного призора. Случаи эти не возбуждают ни в ком подозрения, объясняются очень просто, как объяснили вначале и случай с Саррой Модебадзе. Когда труп ее нашли, причина смерти была для всех ясна, и ни в ком — ни в родных, ни в старшине, ни в посторонних свидетелях — не возбудилось никаких подозрений относительно причины смерти. Старшина, который, конечно, знал, как следует поступать в случаях сомнительной смерти, без колебания согласился на просьбу И. Модебадзе отдать домой тело дочери, и умершая была похоронена родителями без заявлений каких-либо подозрений.

На теле Сарры Модебадзе нашлись, однако, некоторые подозрительные поранения. Наружные знаки на трупе — обстоятельство очень важное. Иосиф Модебадзе и его семейство поняли, что вся сущность их подозрений на евреев держится на замеченных наружных знаках на трупе. Но так как этих наружных знаков было мало, так как этим знакам не без основания приписывалось посмертно; происхождение, то нужно было указать что-либо более серьезное, и вот после того как труп был освидетельствован и зарыт на вечный покой, является со стороны родственников Сарры заявление, что у нее были порезы под коленками. Ввиду этого заявления труп был снова вырыт, было произведено вторичное освидетельствование местным медицинским авторитетом, произведено оно было в присутствии отца, которому показаны были подколенки его дочери, для того, чтобы он смог убедиться собственными глазами, что порезов нет. Тем не менее, все семейство Модебадзе заявляет и здесь, что были порезы. Тщетно прокурор старается через расспросы объяснить чем-нибудь это очевидно ложное свидетельство; он спрашивает у свидетелей, не были ли это пятна на теле, не приняли ли свидетели пятен на трупе за порезы? Нет, с каждым ответом утверждают они более и более существование порезов и добавляют: это были глубокие порезы. После этого прокурор уже более вопросов не делает. Вы, господин председатель, вновь передопрашиваете этих свидетелей о порезах, вы стараетесь найти какое-либо объяснение очевидно ложному показанию, вы ищете возможности объяснить их слова ошибкой. Нет, — новые утверждения, и теперь уже не о порезах, а о глубоких ранах. Теперь остановимся на знаках на руках. Знаки на руках, по моему мнению, объясняются весьма легко, как объяснили их врач Верно и доктор Гульбинский. Они говорят, что полевые мыши или другие какие-нибудь грызущие животные могли обгрызть эти мягкие части. Раны не были вырезанными, а были выгрызенными; они затрагивали

только кожу и не проникали ни в мышцы, ни в сухожилия. По мнению врача Верно, который действительно может быть признан свидетелем-очевидцем, раны были посмертными и притом рваными. Говорят, свидетельство врача Верно не заслуживает внимания, мнение его неверно и не имеет значения. Это не совсем так.

Если в свидетельстве врача Верно и не соблюдены все условия, которые требуются для актов этого рода, то, во всяком случае, в нем содержатся факты, которые подтверждены и Ахумовым, помощником мирового судьи, присутствовавшим при вскрытии трупа Сарры и вопреки мнению врача Верно подозревавшим в случае смерти Сарры следы преступления. Ахумов говорит, что описание ран, как оно сделано врачом Верно, — верно, но что он разошелся с врачом только относительно времени происхождения этих ран. Это разномыслие было в виду высшей гражданской медицинской власти на Кавказе и признано по отношению ран, в чем согласны и Верно, и Ахумов, — что раны, по всей вероятности, посмертные и что если даже допустить прижизненное происхождение этих ран, то извлеченное из них количество крови могло быть только самое незначительное. Если стать на почву обвинения, то происхождение ран и количество крови имеет серьезное значение. Весьма важно и другое мнение общего присутствия управления медицинской частью на Кавказе, которое допускает возможность объяснить смерть Сарры действием не только утопления, удушения, но других причин, за исключением одного — смерти от потери крови. Вскрытие действительно обнаружило переполнение кровью внутренних органов. Итак, раны на руках, если бы вопреки мнению врачей и принять их прижизненное происхождение, не дали и не могли дать много той драгоценной крови, которая, по-видимому, должна бы составлять существенную цель похищения Сарры. Это соображение дает мне повод, господа судьи, привести вам один аргумент, которым я и закончу разбор фактической стороны дела. Это было уже давно, века три тому назад; в одной из местностей России судили какую-то старуху по обвинению в том, что она ведьма, портит людей, разные беды накликает на местность. Множество улик, множество свидетелей было собрано против старухи, но она энергически защищалась. Это не басня, господа судьи, У нас известны процессы о ведьмах, они существовали и в Западной Европе, хотя теперь сделались явлением невозможным. Изнемогая под тяжестью улик, старуха, однако, так энергически защищалась, что производила впечатление. Судьи колебались и медлили с приговором. Тогда из публики, — обычаи в то время были проще, и публике не воспрещалось высказывать свои мнения, — тогда из публики один мудрый старец, нетерпеливый видеть торжество правосудия, для того чтобы подавить ее

силой бесспорного доказательства, говорит судьям: «Да что вы на нее смотрите? Если она ведьма, у нее должен быть хвост, потому что ведьма всегда с хвостом, и скрыть этого хвоста она никак не может». Исследовали — хвоста не оказалось; старуха ушла оправданной к великому огорчению старца, побитого его же аргументом. Я не имею авторитета старца, тем более мудрого, но мне кажется, я могу воспользоваться и для настоящего дела мыслью старца. Ведь оба дела — и настоящее, и о ведьмах — по характеру своему довольно близки между собой. Я спрашиваю, если, обращая внимание на эти раны, хотят доказать, что они были ранами прижизненными, что они были произведены для извлечения из ребенка крови с известной целью, то дайте характеристические признаки этого.

Укажите те характеристические признаки, которые бы показывали, что этот ребенок похищен евреями с целью добывания крови. В самом деле, ведь эти признаки составляют цельный кодекс, по которому обыкновенно люди, поддерживающие обвинение против евреев, признают и доказывают, что ребенок похищен евреями и похищен для известной цели. Где же следы катанья в бочке, где следы полукруглого долота для выдалбливания желоба для стока крови? Где обрезание ногтей и сосков на груди? А обрезание ногтей — предварительное следствие тщательно исследовало, и этого обрезания не оказалось. Где же знаки и синяки от тугих перевязок? Где знаки, которые показывали, что кожа как будто истерта? И этого нет. Нет хвоста, нет ведьмы. Этим последним, надеюсь, весьма сильным, а в особенности самым соответственным свойству настоящего обвинения, аргументом я оканчиваю разбор фактической стороны дела.

Мне остается говорить о внутренней стороне преступления, приписываемого обвиняемым, о побуждениях и целях похищения Сарры Модебадзе. Цель побуждения всегда играет существенную или, по крайней мере, важную роль не только в определении свойства преступления, внутренней виновности преступника, но и в системе доказательств и улик при совершении лицом деяния. Не всегда, конечно, эта цель и побуждение могут быть доказаны, с точностью определены, но, по крайней мере, они должны предполагаться, как возможные и вероятные. Если деяние бесцельно, если оно не может быть объяснено, хотя бы предположительно, никаким возможным побуждением, тогда возникает основательное сомнение или в действительности существования этого деяния, или во вменяемости его, как деяния бесцельного, безмотивного, а, следовательно, едва ли и здравомысленного.

Цель похищения и задержания Сарры Модебадзе, говорит прокурор, следствием не обнаружена. Полно, так ли? Цель не была обнару-

живаема, она, и то не всегда, не была называема, не была доказываема, но обнаруживать ее и не было надобности, ибо для обвинителей она всегда была ясна. Когда, сопоставив исчезновение Сарры с проездом евреев, заявляли подозрение в похищении ребенка на евреев, в чем лежала основа этого подозрения — в проезжавшем или в еврее? Конечно, в еврее. Ни грузин, ни армянин, ни вообще христианин не был бы заподозрен в похищении ребенка при тех обстоятельствах, при которых исчезла Сарра, потому что такое похищение показалось бы бесцельным. Подозрение, а затем и следствие направились бы на другие нити раскрытия истины. Что до еврея, то цель похищения казалась ясна, и побуждение несомненно. Цель похищения следствием не вполне обнаружена, говорит прокурор. А разве следствие старалось обнаружить эту цель? Разве им было предпринято что-либо в этом направлении? Если когда-либо для настоящего следствия цель была не ясна, если она возбуждала сомнение и недоумение, требовавшие разъяснения, то следует сознаться, что это сомнение, эта неясность убеждений следователя и прокурора не оставили никаких видимых следов в актах следствия. Цель похищения не обнаружена, говорит прокурор, а между тем два раза в том же обвинительном акте он датирует разные обстоятельства кануном еврейской пасхи. Что за своеобразная дата? Если простолюдины означают иногда время праздниками и постами, то это имеет свои причины, неприложимые к просвещенному составителю обвинительного акта. К чему в русском обвинительном акте еврейский календарь, если с ним не связываются, как в настоящем случае, указания на цель преступления, на его смысл и значение? Еврейская пасха не говорит, она кивает на цель похищения Сарры Модебадзе, и этот кивок вразумителен не менее слов. Нет, уж нечего шила в мешке таить. Надо поставить прямо вопрос об употреблении евреями христианской крови для религиозных и мистических целей. Не пугайтесь, господа судьи. Я не ставлю моей задачей подробный разбор этого вопроса с его исторической, литературной и религиозной сторон. С одной стороны, этого не позволяют мне размеры и характер судебных прений, с другой — мои суждения по этому вопросу, как не специалиста в еврейской истории и литературе, не могли бы быть самостоятельными и, как не основанные на непосредственном изучении источников, не могли бы, конечно, внести ничего нового в обширные работы, составившие богатую литературу вопроса. Не сомневаясь затем, что в ваших суждениях по настоящему делу вы постараетесь и сами устранить влияние возбуждаемого мною вопроса, я хочу только изложением немногих соображений представить некоторый противовес тому подозрению, на которое наводит невольно обвинение по настоящему делу, — подозрению, которое вы не

в состоянии будете забыть или вычеркнуть из ваших мыслей и которое опасно в том отношении, что оно помимо вашего желания может оказать неотвратимое влияние на оценку внешних фактов дела, улики и доказательств виновности.

Вам, без сомнения, известна по крайней мере ближайшая часть литературы, относящейся к возбуждаемому мною вопросу. В 1876 году в русской литературе появилось сочинение Лютостанского. Родившийся евреем, бывший раввином, променявший одежды раввина на сутану католического ксендза, сутану на рясу православного иеромонаха и эту последнюю на сюртук мирянина, Лютостанский составил длинный, не хочу сказать, доказательный акт против евреев, погрешив в нем разом и против добросовестности честного человека, и писателя, ибо не указал главного источника своего сочинения — записки директора департамента иностранных исповеданий Скрипицына, составленной в 1844 году и в прошедшем году обнародованной в газете «Гражданин», — записки, относительно которой сочинение Лютостанского в значительной своей части представляет лишь перепутанную и извращенную перепечатку; погрешив и против серьезности и беспристрастности литературного исследователя, ибо в своей тенденциозной рекламе Лютостанский представляется неведающим такого серьезного сочинения по разбираемому Лютостанским вопросу, появившегося еще в 1861 году, каким представляется сочинение профессора Хвольсона, глубоко ученого гебраиста, всю свою долгую ученую жизнь посвятившего еврейской литературе и истории, человека, принявшего христианство по искреннему убеждению, человека честной жизни и безупречной нравственности, ветерана-профессора двух высших — светского и духовного учебных заведений.

Глубоко и серьезно, как истый добросовестный ученый, пользуясь всей обширной литературой вопроса, разбирает Хвольсон в своем сочинении вопрос об употреблении евреями христианской крови, подвергая его всестороннему обсуждению, разбирает шаг за шагом все доводы своих противников и основывает свои опровержения на непосредственном знакомстве с самыми отдаленными историческими и литературными источниками. Этим сочинением Хвольсона, с которым следовало бы почаще справляться нашим обвинителям и которое я стыжусь назвать противовесом сочинению Лютостанского, — до того они несоизмеримы между собой по своему характеру, — я прошу позволения воспользоваться, чтобы представить мои соображения по занимающему нас вопросу.

Древние христиане никогда не обвиняли евреев в употреблении христианской крови. Напротив, христиане первых веков сами были

обвиняемы в употреблении крови, так что древние апологеты христианства, как Тертуллиан, Августин и другие, были вынуждены оправдывать христиан во взводимом на них обвинении. Замолкнувшее с победой христианства обвинение против них возобновилось уже со стороны христиан против евреев не раньше двенадцатого века и получило более значительное распространение лишь в тринадцатом веке. С тех пор и до конца шестнадцатого века кровавой полосой проходит в истории преследование евреев по разным случаям обвинения в умертвлении христианских детей с целью получения крови для разных религиозных, мистических и медицинских целей. Периодом особенной жизненности таких обвинений был период крайнего умственного застоя и невежества, суеверия и религиозного фанатизма. Детоубийство в средние века встречалось очень часто; чтоб избавиться от наказания за преступление, детоубийцы первые распространяли молву, что найденное убитое дитя есть дело рук ненавистных евреев. С другой стороны, средние века были по преимуществу веками выдумывания благочестивых обманов, чудес и убеждения людей посредством суеверия. Всякая местность нуждалась в чудотворных образах, местной святыне, местных чудотворных мощах или вообще в каких-либо средствах внушения благоговения. Мертвое дитя, убийство которого можно было взвести на евреев, являлось удобным случаем иметь своего местного мученика веры, свою местную святыню, привлекавшую своих и чужих и становившуюся доходной статьей не только для клерикальных установлений, но и для целой местности, куда привлекалась масса народа, спешившего доверчиво выразить свое благоговение провозглашенному мученику. Тысячи безвинно казненных, сожженных и замученных евреев и еще большие тысячи изгоняемых и преследуемых были плодом средневекового суеверия, невежества и фанатизма. Но уже до реформации были пастыри церкви, имевшие вес и значение в христианстве и не страшившиеся подозрения со стороны ученой и неученой толпы, а после реформации и многие миряне, которые ревностно заступались за евреев и смело ополчались на нелепое обвинение.

Многие папы, как Григорий IX, Климент VI, Сикст IV и другие, после тщательного рассмотрения оснований, на которые опирается мнение, будто евреи употребляют человеческую кровь и что ради этого они будто бы способны на убийство христианских детей, признавали и возвещали торжественно, что нет никаких доказательств, достаточно ясных и верных, чтобы признать справедливым существующее против евреев предубеждение и объявить их виновными в подобных преступлениях. Под влиянием оппозиции, шедшей из недр самого христианства, под влиянием реформации, успехов цивилизации и рационали-

стической критики, рушилось средневековое обвинение против евреев, и с половины семнадцатого века Западная Европа не знает уже процессов по обвинению евреев в употреблении христианской крови. Даже простые слухи о случаях добывания евреями мученической христианской крови исчезли, и в этом отношении обвинители евреев за полтора века могли сослаться только на один случай, и то последний, ничем не подтвержденный и имевший место в 1823 году в Баварии. С тех пор такие обвинения против евреев остались только в Польше, в наших западных губерниях и на Востоке — в Турции, Сирии и здесь на Кавказе. Но и в России в 1817 году было сделано заявление против взводимого на евреев обвинения. Под давлением этого заявления, под влиянием тех простых соображений, что убийство и употребление крови воспрещены коренными догматами ветхозаветной религии и талмудических учений, обвинение против евреев должно было ограничиться, сузиться до той формы и пределов, в которых оно могло бы еще влачить между легковверными людьми свое жалкое в последних позорных издыханиях существование. Теперь уже и ярый обвинитель еврейства, пожелавший выдать себя за хранителя христианских детей от изуверного неистовства, покусившийся, негодными, впрочем, средствами, возвести средневековую невежественную басню на степень историко-богословского исследования, Лютостанский говорил: «Обычай употребления крови, не составляя вовсе религиозной принадлежности целого еврейства, составляет религиозную особенность невежественных фанатических талмудистов-сектантов». «Обряд этот, — говорит Скрипицын в своей записке, — не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже без всякого сомнения весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов, но и тут он составляет большую тайну, может быть не всем им известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется. Польша и западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и по ныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась». По поводу мнения Скрипицына я, прежде всего, должен заметить, что покойному директору департамента иностранных исповеданий, ведающего делами евреев, подобало бы знать, что секта хасидов появилась между евреями лишь около половины прошедшего столетия и распространилась постепенно в Литве, Польше и Галиции, а обвинение евреев в употреблении христианской крови возникло и жило в Западной Европе уже с двенадцатого века.

Далее, если Польша и наши западные губернии служат убежищем невежественного жидовства, как выражается Скрипицын, и представ-

ляют большую часть примеров изуверского умерщвления христианских детей, то не следует забывать и того, что эти же местности населены и другими племенами: русским, польским, литовским, которые в низких своих социальных слоях не представляют также высокой степени образования и культуры и которые наравне с евреями ждут просвещения от интеллигентных своих единоплеменников. Если невежественная масса еврейства способна, по мнению Скрипицына, представлять пример невежественного изуверства, то другая, не менее невежественная масса населения способна верить таким примерам со сказочным характером и в своей наивной вере давать суеверные толкования событиям, возбуждать подозрения и обвинения, которые отвергают здравый смысл и просвещенный взгляд, как невежественные и неоправдываемые критически проверенной действительностью.

«В убийстве христианских детей, — говорит Лютостанский, — обвиняет евреев не один народный голос: они неоднократно обвинялись в том и перед судом. В большинстве таких случаев собственного их сознания не было, несмотря ни на какие улики; но были, однако же, и такие примеры, что евреи сознавались сами, обличали своих родителей и родственников и потом, сознав свои религиозные заблуждения, принимали крещение». Что касается до ссылки на обвинительный народный голос, то не мешает помнить, что этим голосом надобно пользоваться с разбором, отличая в нем истинно народное, разумное, плод здравого смысла и понимания, от чужого, наваянного, предрассудочного и суеверного. Иначе с голоса народного пришлось бы усвоить много суеверий и несообразностей. Что касается до указаний на судебные производства, то, прежде всего я хотел бы обратить внимание на следующее. Страшным, кровавым заревом костров со многими тысячами погибших на них освещена история процессов о ведьмах, колдунах, чародеях, волшебниках, сознавшихся и уличенных в чародействе, в сношениях с нечистой силой, в порче людей сверхъестественными средствами, в чернокнижестве и других мистических преступлениях. Куда девались теперь эти преступления? Они угасли вместе с кострами, освещавшими их, вместе с судами, их судившими. А были ведь то суды святой инквизиции, творившие суд во имя и славу божию, мнившие своими приговорами службу приносить богу. Судебные приговоры не возвели суеверия на степень истины; они только доказали, что суеверие порождало и питало эти самые приговоры.

Я не могу входить в разбор всех случаев судебных приговоров, приводимых в доказательство употребления евреями христианской крови. Но к чести русского судопроизводства, даже и дореформенного, следует сказать, что наши обвинители могут указать только единственный

случай обвинительного приговора, в котором, впрочем, вопрос об употреблении крови устранен.

Прочие случаи подозрения против евреев или не выходили из сферы сплетен, не доходя до суда, а нередко, будучи даже категорически опровергнуты, или оканчивались оправдательными приговорами. Знаменитое велижское дело, на которое любят ссылаться в доказательство против евреев, окончилось тем, чем оно и должно было окончиться по всей справедливости. Государственный совет признал, что показания доносчиц, заключая в себе многие противоречия и несообразности без всяких положительных улик или несомненных доводов, не могут быть приняты судебным доказательством против евреев и составляют ничем не подтвержденные изветы, за которые доносчицы подвергнуты наказанию. Не менее знаменитое саратовское дело ждет своего исследователя, который подверг бы его весьма поучительному всестороннему исследованию с точки зрения исторической, историко-богословской, судебно-медицинской. Не пускаясь в такое исследование, я не могу не заметить, что саратовское дело рассматривалось в порядке старого судопроизводства, признанного несовершенно и недостаточным для достижения правильного судебного убеждения. Саратовское дело, рассмотренное теперешним порядком, — порядком перекрестного допроса и состязания сторон, может быть, разъяснило бы то недоумение и тот вопрос, который ставят обвинители евреев. Откуда, говорят они, эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы маленьких детей? Почему находят их там только, где есть евреи? Почему это всегда дети христиан? И, наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около пасхи? Как объяснить, что могло побудить кого бы то ни было к бессмысленному зверскому поступку, если это не какая-либо таинственная кабалистическая или религиозно-изверская цель? Отчего, переспрошу я в свою очередь, происходит то, что доносчики и уличники евреев, являясь в таком качестве добровольно, заявляя искреннее желание открыть истину, показывая иногда даже раскаяние в своем соучастии в уличаемом ими преступлении, дают на следствии то и дело разноречивые, а иногда и прямо противоречивые показания? Отчего масса подробностей в их показаниях оказывается очевидной и категорически опровергаемой ложью? Откуда в их разъяснениях, наряду по крайней мере с вероятным и возможным, является масса невероятного и недопустимого, очевидно выдуманного и ложного? Отчего обыкновенно только после многих передопросов и очных ставок, после многих усилий и разъяснений, сглаживания противоречий и устранения очевидных несообразностей оказывается возможность остановиться на чем-нибудь существенном? Отчего эти доно-

счики и учителя — всегда люди, которым терять нечего, люди самой нехорошей репутации? Отчего эти многочисленные, беспрестанно меняемые оговоры то утверждаемые, то отрицаемые и объясняемые или запямятованием, или ошибкой? Эти вопросы напрашиваются сами собой при чтении дел велижского и саратовского. Если те и другие вопросы поставить одни против других, то разгадку найти нетрудно. Были выгоды в обвинении евреев в средние века, есть они и в наши дни.

Ребенка убивает и увечит тот, кто делает потом донос. При изуевчивании держатся обыкновенно тех классических внешних признаков, понятие о которых держится в рассказах народных. Доноситель, по-видимому, сам себя предает правосудию, но это только по-видимому. В сущности, себе он отводит весьма скромную долю участия; он, обыкновенно случайный свидетель преступления, под влиянием угроз и страха, согласился вынести и скрыть труп, а потом под тем же влиянием не решался некоторое время донести о преступлении, но теперь под влиянием угрызения совести решается все открыть правосудию и выяснять дело. Раз он попал в роль разъяснителя дела, — его цель достигнута и карьера сделана. Теперь он — сила, человек великого значения. От его слова теперь зависит судьба многих. Теперь его бессовестный в глаза брошенный оговор может заставить дрожать человека сильного, считавшего его до сих пор ничтожеством. Теперь этот человек будет раболепно смотреть ему в глаза, заискивать в нем, убажывать, довольствоваться. Сам доноситель в остроге. Но что для него острог? Кому — тюрьма, а ему — родной дом. Он, пожалуй, и жизнь-то увидел с тех пор, как попал в тюрьму в качестве доносителя по важному делу. И смотритель тюрьмы относится к нему с почтением: не простой ведь воришка — генерал от преступления. И следователь его ценит как человека, нужного для дела, которое воспламенило следователя своей грандиозностью. А в перспективе за собственное умеренно себе отмежеванное участие в преступлении — смягченное наказание, ввиду заслуг, оказанных по раскрытию преступления, как это и случилось по саратовскому делу. Вот, господа судьи, истинная, тяжелая разгадка недоумения, возбуждаемого трупами классически изуевченных детей. Смее вас уверить, эта разгадка взята прямо из опыта и ее справедливость поймет всякий, кому, подобно мне, была возможность долго изучать преступление, доносы и оговоры по живым лицам и воочию видеть примеры этих доносов и оговоров при порядках старого судопроизводства.

Простите, господа судьи, я, быть может, злоупотребляю вниманием вашим. Но, ввиду того высокого общественного значения, которое должен иметь настоящий процесс, первый гласный процесс по обвинению такого свойства, я желал бы исполнить долг мой не только как за-

щитника, но и как гражданина, ибо нет сомнения, что на нас, как общественных деятелях, лежит обязанность служить не только интересам защищаемых нами, но и вносить свою лепту, если к тому представляется возможность, по вопросам общественного интереса. Я, впрочем, не буду многословен и хочу сказать только несколько слов о состоятельности других доказательств обвинения против евреев в употреблении христианской крови.

Люди, хорошо знакомые с еврейской литературой, даже те из них, которые враждебно относились к иудейству, пересматривали всевозможные еврейские книги, взвешивали самые ничтожные изречения в них, с целью обличения евреев, и все-таки не нашли ни малейшего намека на то, что евреям дозволяется употребление крови для какой-нибудь религиозной или врачебной цели.

Показания свидетелей, на которые опираются, опровергаются множеством крещеных же евреев, называющих обвинение в употреблении христианской крови клеветой и наглой выдумкой. К числу последних принадлежат лица, занимавшие по принятии святого крещения высокие посты в иерархии римско-католической церкви, и люди с высоким научным образованием. Это говорю не я; это говорит профессор Хвольсон; это говорит в своей рецензии на книгу Лютостанского русский протоиерей Протопопов, который, конечно, не может быть заподозрен в уголивости еврейству. На какие же, однако, литературные и ученые авторитеты опирается в своем обвинении Лютостанский? Монах Неофит, Серафимович и его воспроизводитель Цикульский, унтер-офицер Савицкий, Федоров, крещеный еврей Грудинский, Мошка из Медзержинца, работница Настасья, солдатка Терентьева, Максимова. Вот, кажется, все его авторитеты. Относительно монаха Неофита трудно решить, говорит Хвольсон, был ли он в самом деле крещеный раввин или назвался крещеным раввином и монахом для того, чтобы придать более веса своему произведению. Серафимович находился в сумасшедшем доме, составил басню о своем чудесном исцелении и, найдя себе, благодаря этой басне, гостеприимный уголок в стенах монастырской обители, написал сочинение против евреев, ссылаясь на Талмуд, столь мало ему известный, по удостоверению Хвольсона, что он дает его трактатам вымышленные заглавия и цитирует параграфы, тогда как Талмуд вовсе не делится на параграфы. С беззастенчивой развязностью Серафимович уверяет, что одни литовские евреи употребляют ежегодно 120 штофов крови и что он сам, будучи еще раввином, заколол одно христианское дитя ударом в бок, откуда вытекла осьмушка крови, белой, как молоко. Если с этими 120 штофами ежегодной надобности крови сопоставить показание одной свидетельницы по саратовскому делу, гово-

рившей, что за бутылку крови было прислано евреям шесть миллионов из Волынской губернии, вы поймете, во сколько должно обходиться литовским евреям удовлетворение одной из их религиозных потребностей. Говорить ли о других авторитетах Лютоостанского? Вот его собственная аттестация о них. Федоров уличен был в неправильных показаниях, когда вздумал пускаться в подробные объяснения. Многие из показаний Грудинского оказались неправильными. В этих же видах, есть основание полагать, не было принято властями и предложение Савицкого, который брался обнаружить все относительно употребления евреями крови. Максимова, аттестует ее Лютоостанский, была безнравственная женщина, верная слуга за деньги и вино; Терентьева — сомнительной репутации, готовая на все, как и Максимова, за те же деньги и водку. Не много прибавляют к этим авторитетам и разные свидетельские заявления тех принявших христианство евреев, которые меняли свою религию не вследствие искреннего убеждения в правоте христианства, а ради избавления от предстоявшего наказания, тех или других выгод или просто потому, что им все едино было оставаться негодьями и бездельниками как в еврействе, так и в христианстве, в которых ровно ничего не потеряло еврейство и не приобрело христианство.

И на таких авторитетах хотят утвердить существование кровавого дела. Такие авторитеты противопоставляются людям науки и религии. Мало того, по таким авторитетам хотят устанавливать догматы. Когда рассуждавшие об умерщвлении евреями детей встретились с весьма естественным вопросом, отчего евреи, умерщвляя ребенка и оставляя на нем очевидные знаки своего изуверства, вроде обрезания, кровоточивых ран и прочее, не скрывают подобных трупов, к чему они имеют все средства, будучи солидарны между собой, а, напротив, как будто нарочно выставляют их напоказ в таких местах, где их тотчас же находят, то один из авторитетов, Мошка из Медзержинца, объяснил, что это противно их вере и что по требованию религии убитого младенца нужно выкинуть или пустить на воду, а не зарывать, а Настасья присовокупила, говорит Лютоостанский, что еврейка — хозяйка ее сказала ей, что если бы предать труп земле, то все евреи погибли бы. Если Мошку и Настасью считать хранителями догматов, хотя бы и сектантских, то можно составить такую догматику перед которой, пожалуй, сконфузятся и самые беззастенчивые обвинители еврейства. Средневековое суеверное предубеждение, порожденное и поддерживавшееся варварством и невежеством, стоившее многих жертв и страданий для еврейского племени, покончило в Западной Европе свое существование при свете истины просвещения, цивилизации и гласности. Оно живет еще, оно, надеемся, доживет свой век у нас. Оно держится в тайниках того же

породившего его невежества и добродушного легковерия, доступного всему фантастическому, странному, необычайному; оно поддерживается корыстным обманом, оно питается непроверенными слухами, не знающими и не желающими знать своих оснований; оно существует еще, благодаря архивной и канцелярной тайне судебных разбирательств прежнего времени, благодаря тому, что еще мало света внесено во все те обвинения, которые возникли в разное время против евреев в употреблении ими христианской крови; оно повторяется от времени до времени теми, кто не хочет знать критики, поверки и для кого создать обвинение — значит уже доказать его, для кого всякий спор и борьба против их гнусных замыслов и мнений есть дело нечистое, недобросовестное, позорящее репутацию честного человека, навлекающее на него подозрение в наемной продажности. Суеверие живет, благодаря только глупости и наглому обману, но оно должно перестать жить.

Тяжелое время пришлось пережить девяти несчастным подсудимым, отцам и детям, вместе перенесшим долгие месяцы тюремного заключения, тяжкого обвинения, непосильного спора за свою невинность, борьбы за право оставаться тем, чем они родились. Тяжело пережитое несчастье, но оно, не сомневаемся, будет искупительной жертвой, полных благих последствий. Несколько дней, и дело, которое прошло перед вами в живых лицах, станет достоянием всей читающей России. Много поучительного представит оно русскому общественному мнению. Встанут в своих арестантских халатах эти страдальцы тюрьмы, выдвинется эта тень 60-летнего старика, вместе с сыном разделяющего тяжкое несчастье, запечатлеются в памяти эти изуверные последователи легально свободной и нелегально презираемой религии.

Пройдут и люди свободы, судом не опороченные, прокурором не заподозренные, к следствию не привлеченные, — люди христианства, религии мира и любви; откроет шествие отец, принесший сюда на суд тяжкое горе о гибели своего ребенка, но отец, который из гибели этого ребенка задумал извлечь приличную выгоду и, смотря на 6-летнего дитя, как на подспорье в хозяйстве, оценил его в 1000 рублей. Увидят эту старуху-бабку, со вздохами прижимающую к груди рубище своей погибшей внучки и без вздоха, без сожаления, без сострадания к чужой судьбе говорящей наглухо ложь о виденных будто бы ею порезах на ногах трупа. Пройдут и мать, и сестра умершей, повторяющие без совести ту же ложь, лишь бы помочь своему отцу и мужу получить желаемую выгоду ценой осуждения людей, в невинности которых они сами не имеют повода сомневаться. Пройдет и серия самых достоверных лжесвидетелей, готовых помочь своему собрату обобрать несчастного при счаст-

ливой удаче и которые по несчастю оказались очень глупы, чтобы не обнаружить лживости своих показаний. Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь и презрение к религии, когда-то первенствовавшей и давшей соки самому христианству. Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоящее первое гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы. Оно зажмет бесовские рты многим, которые в прежних оправданиях видели подкупы и происки евреев. Оно объяснит, отчего лучшие представители еврейства не оставались глухи и немые по поводу тяжких обвинений. Оно напомнит русским людям о справедливости, одной справедливости, которая только и нужна, чтобы такие печальные дела не повторялись. Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим общественным деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу. Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам и воспринимать их после тщательной всесторонней поверки, для которой даны им законами все средства. Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений. Оно скажет и следователям, и прокурорам, что для правильности судебного убеждения нужен тяжелый труд изыскания реальной правды, а не полет воображения художественно правдивого драматурга. Оно, не сомневаемся, привлечет внимание и высшего представителя прокуратуры в здешнем крае в сторону тех, благодаря заведомому лжесвидетельству которых создано настоящее дело, и укажет более твердую и вполне надежную почву для выполнения тяжелого долга обвинения.

Я окончил, мне не очень нужно просить вас, господа судьи. То, что составляет конечную цель защиты, вы дадите нам не в силу нашей просьбы, а в силу вашего убеждения и справедливости. С полным спокойствием за участь защищаемых мною, непоколебимый никакими опасениями, я вручаю судьбу их вашей мудрости и правосудию. И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского процесса.

* * *

По настоящему делу судом был вынесен оправдательный приговор.

Карабчевский Николай Платонович (1851–1925)

Один из выдающихся адвокатов и судебных ораторов дореволюционной России.

В 1869 году поступил на естественный факультет Петербургского университета. Увлеченный лекциями известных дореволюционных юристов — профессоров Редькина П.Г., Таганцева Н.С., Градовского А.Д., перешел на юридический факультет, который в 1874 году успешно окончил со степенью кандидата, в этом же году поступил в адвокатуру. Пять лет был помощником присяжного поверенного, а с 1879 года состоял присяжным поверенным при Петербургской судебной палате. Быстро завоевал популярность как один из способных защитников по уголовным делам. Неоднократно выступал с защитительными речами в политических процессах.

Будучи молодым адвокатом, успешно выступал в процессе «193-х», защищая Брешковскую, Рогачеву и Андрееву. Хорошо зарекомендовал себя, выступая в большом процессе «Об интендантских злоупотреблениях во время русско-турецкой войны», рассматриваемом военным окружным судом. В этом большом, трудоемком деле Карабчевский проявил себя серьезным адвокатом, умеющим дать полный, обстоятельный разбор многочисленных доказательств. Позднее Н.П. Карабчевский выступал в защиту поручика Имшенецкого, Мироновича по делу об убийстве Сарры Беккер. И в этих процессах он проявил себя как настойчивый адвокат, умеющий дать обстоятельный анализ доказательств в сложных и запутанных делах. Участие в этих процессах принесло ему известность.

К числу наиболее известных его речей по уголовным делам относится речь в защиту Ольги Палем, обвинявшейся в умышленном убийстве студента Довнара, в защиту братьев Скитских, в защиту Мултанских вотяков, в разрешении судьбы которых принимал участие В.Г. Короленко. Большой известностью пользовалась его речь по делу о крушении парохода «Владимир». Широко известны его речи по делам политическим, в защиту Гершуни, Сазонова, Бейлиса.

В дореволюционной России Карабчевский пользовался большой популярностью. В своих речах он умел дать обстоятельный анализ улик, тщательно разобраться и дать правильную оценку свидетельским показаниям. В ряде своих выступлений он вскрывает социально-политическую подоплеку того или иного дела. Судебные выступления Ка-

рабочевского убедительные, уверенные и горячие. Карабчевский всегда детально изучал материалы предварительного следствия, был активен на судебном следствии, хорошо использовал в целях защиты добытые доказательства. Умел показать суду ошибки и промахи противника. В процессе всегда был находчив. Его речи легко воспринимаются, доходчивы, отличаются большой убедительностью.

Помимо адвокатской деятельности, Карабчевский занимался литературной работой. Его перу принадлежит ряд литературных произведений — прозаических и поэтических, опубликованных в сборнике «Поднятая завеса». Воспоминания и статьи по юридическим вопросам опубликованы в его книге «Около правосудия». Н.П. Карабчевский также известен как редактор выходившего в свое время журнала «Юрист». Умер за границей в эмиграции¹.

Отношение Карабчевского к профессии адвоката выражено в его словах: «...Современному судебному оратору, желающему стоять на высоте своей задачи, нужно обладать такими разносторонними качествами ума и дарования, которые позволили бы ему с одинаковой легкостью овладеть всеми сторонами защищаемого им дела. В нем он дает публично отчет целому обществу и судейской совести, причем, по односторонности ли своего дарования, по отсутствию ли достаточных знаний и подготовки, он не вправе отступить ни перед психологическим, ни перед бытовым, ни перед политическим или историческим его освещением»².

Дело Николая Кашина³

Краткое содержание дела: 13 сентября 1901 года в С.-Петербургском окружном суде с участием присяжных заседателей под председательством товарища председателя В.Н. Карчевского слушалось дело о купеческом сыне Николае Васильеве Кашине, обвинявшемся в убийстве своей жены Валентины Павловны. Предварительным следствием установлено, что Николай и Валентина Кашины вскоре после свадьбы их, бывшей в конце 1896 года, разошлись и жили некоторое время отдельно, но Великим постом 1901 года снова поселились вместе. По единогласному свидетельству находившихся у Кашиной в услужении Екатерины Рябиной и Валентины Рыженковой, покойная, проживая отдельно от мужа, состояла в любовной связи с крестьянином Никола-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://hatituli.ru/?p=34>

² Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908. С. 90.

³ [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/karabchewskij_n_p/text_0050.shtml

ем Ладугиным, дворником того дома, где она занимала квартиру; связи этой она не прекратила и тогда, когда возобновила совместную жизнь с мужем, но Кашин, от которого она не скрывала своих отношений к Ладугину, никаких упреков ей по этому поводу не делал. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Кашин признал себя виновным в убийстве жены своей в состоянии раздражения и объяснил, что покойная не пожелала исполнить своей супружеской обязанности и в ответ на его требование стала гнать его вон, заявляя, что пойдет к Ладугину; тогда он, Кашин, рассердившись на нее, схватил лежавший на туалете нож и нанес ей несколько ран, а затем, видя, что она не движется, оделся и ушел объявить о случившемся. На судебном следствии было допрошено двадцать человек свидетелей, более или менее близко знавших домашнюю жизнь и обстановку семейной жизни супругов Кашиных. Относительно Николая Кашина все свидетели удостоверили, что это был добрый и по натуре мягкий человек, безукоризненно честный, воспитанный в духе прежних, строгих нравов среднего купечества.

Речь Н.П. Карабчевского в защиту Николая Кашина:

Господа присяжные заседатели! Кашин убил жену и, убив ее среди ночи, кинулся к близким. Пришел прежде всего к тетке Чебровой, которую в почтении величал «бабушкой», на Белозерскую улицу. Ей он плача крикнул: «Прощай, бабушка! — и прибавил: Я, бабушка, жену зарезал; не стерпел больше!» Оттуда метнулся на Широкую улицу — к матери своей, Анне Кашиной, напугал ее своим видом до обморока, так что та тут же лишилась чувств, и успел ей только крикнуть: «Я Валечку (покойную звали Валентиной) зарезал!» и побежал дальше. Затем он отправился в участок, отозвал в сторону дежурного околоточного Куксинского и «по секрету» рассказал ему, что в эту ночь случилось. По его рассказу выходило так, что он ран двадцать или даже тридцать нанес своей жене и резал до тех пор, пока нож не сломал и все-таки жену зарезал. Околоточный уже не заметил в нем ни особого волнения, ни особой растерянности. По-видимому, сознание, что хоть и сломанным, почти негодным для целей убийства ножом, а дело сделано, его и отрезвило и успокоило. Когда его привели обратно в квартиру, где на полу в задравшейся кверху сорочке лежала убитая, он, по показанию всех свидетелей, стоял уже «бесчувственно», не проронив ни одного слова, и только руки, которые только что окровавил при убийстве, он почему-то прятал в карманы. Дело было сделано. Дело кровавое. Дело, требовавшее не только физической силы, но и огромного подъема душевного. Он сам стоял перед ним, бессильный и жалкий, точно перед сознанием чьего-то могучего духа, чуждого ему самому. По отзыву всех,

знавших его, он — натура пассивная, мягкая, дряблая, почти безвольная... Он всегда и всем уступал. Жена его была по щекам когда хотела. Как же это случилось? Он и сам не понимает, ничего сообразить даже не может. Проследим его отношения к жене — может быть, сообразим за него мы. Семнадцатилетним юношей он впервые обратил внимание на свою будущую подругу жизни, на Валентину Павловну Чеснокову. В районе Сытного рынка, на глазах его обывателей и торговцев, разыгрался весь его любовный роман, завершившийся столь печальной драмой. Отец его, старозаветный лабазник Сытного рынка, вел жизнь строгую, аккуратную. Сына своего, первенца, он очень любил и с четырнадцати лет, дав ему лишь первоначальное образование, приставил к делу. Дело было нелегкое и невеселое. С раннего утра до самого вечера толочься в лабазе, таскать мешки и не выходить из мучной пыли. Зимой мерзнуть, летом не знать ни воздуха, ни развлечения. Праздники только и есть, что первые дни Рождества и Пасхи, — даже и по воскресеньям велась торговля. И вот, на этом фоне механического однообразия, как раз в пору первого пробуждения юношеской возмужалости, мелькает вдруг что-то очень яркое, заманчивое, почти загадочное: Валентина Павловна Чеснокова! Что-то вроде очаровательного видения, предлагаемого самим демоном искусителем. Она тоже из района Сытного рынка — дом (богатый дом) Чесноковых тут же, но как это не похоже на то, что он видит всегда у себя дома. Там строгий, хотя и любящий отец, богобоязненная мать, сестры, краснеющие от одного взгляда на мужчин. Его самого берегут как красную девушку, одного куда не отпускают. Девушка же Чеснокова (и из той же, как и он, среды) — сама бравада, сама смелость, сама эмансипация! Такая уж ей счастливая доля выпала... Отца у нее нет, мать слабая и нерешительная женщина, предающаяся пьянству, старший брат — какой-то «дипломат», умывший руки и ни в чем ей не препятствующий. Девушка красивая, старше самого Кашина, смелая и энергичная, она кружит ему голову. По словам матери Кашина, она «завлекла ее сына». Она устраивала для него пирушки, приезжала за ним, увозила его кататься и т. д. Дворник Мазиллов, двоюродный брат Валентины Чесноковой, давал им в своей дворничкой приют для интимных свиданий. Место не слишком поэтичное... Но пусть каждый вспомнит свою молодость — и не будет взыскателем к приюту первой любви. А для Николая Кашина это была действительно первая любовь. Что это была для него любовь, он доказал всем последующим. Не то было для девушки Чесноковой. Кашин не был ее первым «предметом». Она знала мужчин и ранее. Разврат подкрался к ней как-то мрачно, едва ли даже не преступно. Здесь мелькнуло на это таинственное указание. Сама она пала жертвой соблазна, но разврат лег-

ко овладел ее чувственной и грубой натурой. Еще девушкой она любила уже выпить. Девушкой же, до знакомства с Кашиным, она сменила несколько любовников. Здесь называли имена... Связь с Кашиным затянулась. Он прильнул к ней. Спустя три месяца после начала этой связи она забеременела. Он не только не отшатнулся, не попытался уйти, как сделали бы многие на его месте, но еще более привязался к ней. Разрешаться от бремени она отправилась на Сиверскую, он навещал ее постоянно, как только урывал минуту. Родился ребенок, он радовался этому и тут же порешил, что непременно женится на ней и узаконит ребенка. Родители его, словно чуя беду, были против этого брака, но он настаивал, и старики из любви к детищу скрепя сердце благословили его. В браке у них родился и второй ребенок. Рождение этих двух ребят, которых он страстно полюбил и любит и теперь, — важнейший момент в его семейной жизни. Он мог быть важным для обоих супругов. Если и были какие грехи у девицы Чесноковой, если и была ей свойственна привитая дурным воспитанием распущенность, все же, если бы натура была сама по себе хорошая, один факт счастливого материнства смахнул бы с нее всю эту грязь, все наносное прошлое. Случилось иначе: дело пошло еще хуже; пьянство и грубость усилились, и чувственность перешла в какую-то разнузданную похоть. Уже на втором году супружества Кашин стал подозревать неверность жены. Бывшая его кухарка Ольга Козлова предлагала и уличить Валентину Павловну. Она называла ее любовником дворника ее же дома — Василия Ладугина и предлагала Кашину притворно уехать и затем вернуться и накрыть любовников. Кашин предпочел, рассорившись с женой, во все уехать из дому и переселиться к отцу в Любань, но вероломной засады не устроил. Если бы он мог выдержать до конца эту разлуку, может быть, это и было бы наилучшее в его положении. Но положение было не так просто, чтобы из него найти легкий выход. Раньше всего и наперекор всему он все еще продолжал страстно любить эту женщину, а рядом с этим оставались еще дети. Дети, любимые им нежно... Дети эти оставались на попечении развратной и пьяной матери и любовника-дворника, который в его отсутствие разыгрывал хозяина и ночевал в ее квартире. По отзыву прислуги, пока Николай Кашиц находился в Любани, с Валентиной Катериной Василий Ладугин жил «как муж с женой». Если бы уже тут, как-нибудь вернувшись невзначай, застал их вместе Кашин и убил одну или обоих, вы бы уже давно его оправдали. И та «ревность», которую «понимает» господин товарищ прокурора, была бы проявлена. Но тогда Бог еще берег его. Он не заставил их вместе и душил в себе ревность как умел. И, в конце концов, взвешивая слова строго, не одна животная наивность, не ревность

оскорбленного самца привела его к печальной развязке. Он проявил достаточно терпимости и человечности в своих отношениях к жене. Еще девице Чесноковой он простил многое, чего обыкновенно не прощают. Предложением Козловой убедиться в неверности жены, накрыв любовников, настоящий ревнивец воспользовался бы сполна. Но он только уходил, надеясь навсегда порвать отношения с женой и в этом устоять. В марте текущего года он переезжает из Любани в Петербург. Навещает жену, детей. Жена его принимает радушно, ласково, просит забыть о прошлом, обещает исправиться, зажить порядочной и трезвой жизнью. Она к нему льнет; не отказывает в супружеских ласках. Он снова размякает, сдается и переезжает к ней... С дворником Ладугиным он имеет «объяснение». Тот отнекивается от связи с его женой и, во всяком случае, обещает даже «гнать ее из дворницкой», если бы та вздумала к нему прийти. Начинается вновь совместная жизнь. Но проходит день, другой, и снова возвращается старое, прежняя острая боль хватается несчастного за «сердце». По удостоверению свидетелей, покойная Кашина уже так втянулась в свою пьяную и развратную жизнь, что не в силах была изменить ее. С утра она напивается, дети остаются весь день на руках случайной няньки, она же шатается по квартире без дела, шумит, ругается, иногда убегает куда-то. Прислуга подозревает, что в дворницкую. Подчас она еще дразнит мужа: «А я к Ваське пойду!» Он отвечает ей: «Вот дура», за что с ее же стороны следуют пощечины и ругательства. Она увлекает его пьянствовать вместе, и он начинает попивать. Вот почва, на которой из-за пустого уже предлога разыгралось убийство — убийство дрянным ножом, едва ли даже пригодным для смертоносных целей... Но когда назревает нравственная необходимость кровавой расправы, все готово послужить для этой цели! Отчего же он убил, и отчего душа его, вынырнув из кровавой катастрофы, чуть ли не ликовала, чуть не ощущала себя обновленной?.. Он убил жену, т. е. женщину, связанную с ним навеки браком. Я не стану говорить вам ни о религиозном, ни о бытовом, ни о нравственном значении брачного союза. Со всех точек зрения возможен спор, возможно сомнение. Только для очень верующих и очень чистых сердцем брак может представляться до конца таинством. С точки зрения общественной мыслимо теоретическое отрицание брака и семьи, как ячеек чистейшего эгоизма и антисоциального обособления всяческих интимных интересов, противных всеобщему альтруизму. Можно, как это сделал великий писатель, усомниться в преобладании нравственного элемента в самой основе брачного сожития и его физиологических осложнений. Но невозможно отрицать могущество одной стороны брачного сопряжения — стороны психологической. Под старость, говорят, супруги усваивают одинако-

вый почерк (хотя бы и учились у разных каллиграфов), становятся даже наружно похожими друг на друга. Каковы же должны быть размеры внутренней духовной ассимиляции личностей, связанных подобным неразрывным союзом? Сглаживаются все резкие контрасты характеров, точно спаиваются два живых существа. Разрубите по прошествии некоторого времени такой союз — получатся уже не две прежние особи, а две половины чего-то целого. Такова психологическая основа брака, и процесс этот совершается роковым образом. Бессознательно, мучительно и больно по большей части протекает он, но от него не избавлено ни одно брачное сопряжение. Уступки, вольные или невольные, идут прогрессируя, уступки без конца на почве привязанности и самоотречения. И это терпимо, раз нет посягательства на самую основу духовной личности человека. Все можно стерпеть и все можно вынести во имя любви, во имя семейного мира и благополучия: и несносный характер, и воинственные наклонности, и всякие немощи и недостатки. Но инстинктивно не может добровольно вынести человек одного: нравственного принижения своей духовной личности и бесповоротного ее падения. Ведь, к этому свелась супружеская жизнь Кашиных. Мягкость, уступчивость мужа не помогали. Наоборот, они все ближе и ближе придвигали его к нравственной пропасти. Он уже стал попивать вместе с женой, дети были заброшены. Еще немного — и он, пожалуй, делился бы охотно женой с первым встречным, не только с Василием Ладугиным... Он бы стал все выносить. мрачная, непроглядная клоака, получившаяся из семейной жизни благодаря порокам жены, уже готова была окончательно засосать и поглотить его. Но тут случилось внешнее событие, давшее ему новый душевный толчок. Умер любимый отец, предостерегавший его от этого супружества. Кашин почувствовал себя еще более одиноким и жалким, еще более пришибленным и раздавленным. В вечер накануне убийства он плакал, а жена, пьяная, плясала. Ночью случилось столкновение с женой, новая пьяная ее бравада: «Я к Ваське пойду» — и он не выдержал, «не стерпел больше»: он зарезал ее дрянным столовым ножом, который тут же и сломился. Господин товарищ прокурора отрицает здесь наличие «умоисступления», подлежащего оценке психиатров-экспертов, — я готов с ним согласиться. Тут было не исступление ума, не логическое заблуждение больного мозга, тут было нечто большее. Гораздо большее! И никакие эксперты, кроме вас, нам не помогут. Тут было исступление самой основы души — человеческой души, нравственно беспощадно приниженной, растоптанной, истерзанной! Она должна была или погибнуть навсегда, или воспрянуть хотя бы ценой преступления! Она отсекала в лице убитой от самой себя все, что ее срамило, топтало в грязь,

ежеминутно и ежесекундно влекло к нравственной гибели. И совершил этот подвиг ничтожный, слабовольный, бесхарактерный Кашин, совершил бессознательно. Так начертано было на скрижалях беспощадной и за все отмщающей судьбы. Он явился только слепым ее орудием. Я повторяю снова: преступление Кашина выше, глубже, значительнее его самого. Он готов сам развести над ним руками и воскликнуть: «Неужели его сделал я!» Недоумение его будет искренно. Если вы обрушите на него наказание, его понесет вот этот робкий, раздавленный судьбой Кашин, а не тот грозный убийца с иступленной душой, которая, не спрашивая его самого, сделала свое грозное дело. Дело это не исправишь, покойную не вернешь! Перед нами печальный акт, совершенный человеком в состоянии того нравственного невменения, перед которым бесполезно и бессильно людское правосудие. И не страшитесь безнаказанности для Кашина-убийцы!.. Ему предстоит еще вернуться к детям, которым он никогда не посмеет сказать, что случилось с их матерью... Дайте ему к ним вернуться. Среди искренней радости свидания для них, осиротевших, он понесет свое наказание.

***

Присяжные вынесли Кашину оправдательный вердикт. Этот ответ присяжных вызвал бурные аплодисменты и крики одобрения публики, переполнившей зал заседания. Председательствующий распорядился задержать виновников беспорядка.

Дело о крушении парохода «Владимир»¹

Краткое содержание дела: по данному делу суду были преданы Криун — капитан русского парохода «Владимир» и Пеше — итальянский подданный, капитан итальянского парохода «Колумбия», обвинявшиеся в совершении неправильных маневров по управлению вверенных им пароходов, допущении ряда нарушений правил о безопасности движения на море, вызвавших столкновение пароходов, гибель парохода «Владимир», 70 его пассажиров, 2 матросов и 4 человек из обслуживающего персонала.

Столкновение пароходов произошло в ночь на 27 июня 1894 года. Капитан парохода «Владимир» — Криун, заметив приближение встречного парохода «Колумбия», изменил свой курс влево. В результате такого маневра курсы обоих пароходов пересекались и надвигалась опасность катастрофы. Во избежание столкновения пароходов Криун,

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/karabchevskiy_np/delo_o_krushenii_parohoda_vladimir.6789

надеясь, что «Колумбия» будет сворачивать в противоположную сторону, вновь свернул влево. Однако, «Колумбия» продолжала следовать своим ходом и лишь за несколько секунд до столкновения свернула вместо влево — вправо. Вскоре она носовой частью врезалась в правый бок передней части «Владимира». От полученных повреждений «Владимир» затонул. Обвинительным заключением действия Криуна были признаны явно неосторожными. Он был признан виновным в том, что, заметив приближение парохода «Колумбия», не принял надлежащих мер к предотвращению столкновения: не замедлил хода, не застопорил машин и не дал задний ход, когда катастрофа была уже очевидной. Кроме этого, Криун обвинялся в бездействии после столкновения. Ему вменялось в вину то, что, после того как «Владимир» получил от столкновения повреждения и пробоины, он не принял никаких мер к устранению повреждений и обеспечению на корабле необходимого порядка. На корабле, как указывалось в обвинительном заключении, даже среди команды царил паника, хаос, смятение.

Защитник (Н.П. Карабчевский защищал Криуна) подробно разбирает все пункты обвинения Криуна. В защитительной речи также подробно анализируются выводы экспертиз, которых было проведено несколько. Дело слушалось в Одесском окружном суде в ноябре 1894 года.

Речь адвоката Н.П. Карабчевского:

Господа судьи! Общественное значение и интерес процесса о гибели «Владимира» выходит далеко за тесные пределы этой судебной залы. Картина исследуемого нами события так глубока по своему содержанию и так печальна по последствиям, что да позволено будет мне хотя на минуту забыть о тех практических целях, которые преследует каждая из сторон в настоящем процессе. Вам, предстоит не легкая и притом не механическая, а чисто творческая работа — воссоздать эту картину в том виде, в каком она отвечает действительным, а не воображаемым обстоятельствам дела. Здесь немало было употреблено усилий на то, чтобы грубыми мазками, вместо красок при помощи искусственного освещения, представить вам иллюзию истины, но не самую истину. Это была какая-то торопливая и грубая работа импрессионистов, не желавших считаться ни с натурой, ни с сочетанием красок, ни с исторической и бытовой правдой, которую открыло нам судебное следствие. Заботились только о грубых эффектах и терзающих нервы впечатлениях, рассчитанных на вашу восприимчивость. Не в такой: судебной работе хотелось бы нам явиться в настоящую минуту вашим посильным сотрудником. Рассвет, опоздавший осветить место печальной катастрофы 27 июня, конечно, навсегда останется кровавым в нашем воображе-

нии; бездна, жадно поглотившая в короткий миг, между утром и ночью, столько человеческих жертв, останется навсегда неизменно холодной и мрачной. Но ведь не этой потрясающей, но, к сожалению, безмолвной картины ждет от вас в настоящую минуту вся Россия, не к ней направлены теперь усилия вашего судейского разума и вашей судейской совести. Нам нужна картина, не стесненная никакими условными рамками, полная бытового, правдивого содержания и правосудного освещения.

Прежде всего обратимся к материалу, которым располагаем. Это данные того продолжительного, если можно так выразиться, тягучего судебного следствия, которое длилось больше месяца. Материал этот, как ни тщательно мы его изучали, нередко не давал и не мог нам дать ответа на многие интересовавшие нас вопросы. Уже одно обстоятельство, что затонувший «Владимир» не мог быть поднят, породило в деле огромный пробел. Вопрос о размерах и местонахождении пробоины до конца процесса остался спорным. Между экспертами на этот счет соглашения не последовало. А между тем, рассуждая о том, можно ли было простым брезентом залепить пробоину, прежде всего нужно было бы знать, какова эта пробоина и как глубоко было ее местонахождение. Другой спорный вопрос — были ли закрыты иллюминаторы до конца — остался вопросом, хотя при извлечении «Владимира» мог бы быть бесповоротно разрешен. Но это дефекты следствия невольные, есть и другого свойства. С неслыханной в нашей судебной летописи быстротой было произведено предварительное следствие. Начатое 28 июня, оно в какой-нибудь неполный месяц было уже закончено. В числе принципиальных основ нашего судопроизводства быстрота есть, несомненно, хорошее качество. Но она — не самое главное и не самое важное, особенно в деле, где было столько впечатлений, столько неuleгшихся приподнятых настроений, с которыми и до сих пор, чтобы ни говорили, приходится считаться. Время покровительствует истине. Суд Линча, конечно, самый скорый, расправа на месте преступления имеет своих сторонников. Признаюсь откровенно, я не поклонник таких порядков. Истина — должна быть истиной, и ее нужно добыть, сколько бы на это ни пришлось потратить времени. И в нашем деле принципу «скорости» принесено в жертву слишком многое. Укажу на примеры. Старший механик Зданкевич, непосредственный начальник машинной команды, о поведении которой здесь было столько разговоров, не допрошен вовсе. Что делалось в машине, как прибывала вода, не проверено его показаниями, а между тем он, несомненно, должен был иметь об этом самые точные сведения. Возьму затем на выдержку несколько кричащих эпизодов, произведших в свое время впечатление. Явившись сюда на суд, свидетельница Кац нам заявила, как это объяснил в своей речи проку-

рор, что в ту минуту, когда она искала спасения в лодке, кто-то из матросов «Владимира» «с мясом» (это «с мясом» жирно подчеркнул прокурор) вырвал у нее клочок волос, а сыну ее расцарапал лицо. Ужасные нравы, достойные дикарей центральной Африки или кисти жестокого Майн Рида. Что же оказывается на деле. Г-жа Кац, допрошенная у судебного следователя, вся еще находившаяся под впечатлением события, ни единым словом даже не заикнулась о совершенном над нею насилии. Следователь не удостоверяет, чтобы она была с повязкою на голове, а, несомненно; если бы у нее действительно были вырваны «с мясом» волосы, это могло бы быть удостоверено и медицинским свидетельством, и осмотром судебного следователя. Г-жа Эрнест, бывшая также у шлюпки, в которую попала г-жа Кац с сыном, прямо-таки опровергла это обстоятельство. Но обвинительная власть, не смущаясь такими простыми до очевидности соображениями, настаивала в своей речи: «с мясом вырвали волосы!» Все показание г-жи Кац оказывается, таким образом, рассчитанным на грубый эффект, которого бы не было, если бы не являлась возможность ссылки на спешность производства предварительного следствия. Возьмем другой эпизод: господина Дырдовский и Слежинский, обвиняющие Фельдмана в беспричинной грубости после того, как они им же были извлечены из воды и таким образом спасены от смерти. И рядом с этим прочтенные здесь показания Шевалье и товарища прокурора тифлисского суда Шмидта, которые еще раньше попали в ту же шлюпку и которые со своей стороны достаточно не нахвалятся энергией того же Фельдмана. Факт настолько характерный, что следствию не мешало бы всех до одного, бывших в шлюпке Фельдмана, допросить, чтобы бесспорно решить: чего же достоин, наконец, Фельдман, порицания или похвал! Еще сенсационный эпизод, удостоверенный Дюраном со слов княгини Бебутовой, о Дейчмане, том 17-летнем мальчишке, который так устрасил большого мужчину, г-на Дырдовского, лязгом своего топора. По словам г-на Дюрана, этого Дейчмана в качестве какого-то сказочного изверга княгиня Бебутова самолично признала на «Колумбии». Показание дано, впечатление вами получено. На деле же оказывается, что этот изверг, вместе с другими остававшимися на «Владимире» несчастными, попал в воду, полуживым доставлен на «Синеус», и никогда его злодейская нога не ступала даже на «Колумбию». Да мало ли и других истерического свойства эпизодов всплывало в этом злополучном деле. вспомните г-жу Зданкевич, которая, галлюцинируя, уверяла, что ее избил на «Колумбии». Все эти примеры должны убедить вас, как бесцеремонно спекулировали здесь случайным криком красок, расчетом на мимолетное впечатление и на обман зрения. Особенно яркий пример пагубной поспешности следствия представляет собой тот отдел

обвинения, который касается вопроса о необеспечении Криуном помощи к спасению пассажиров, о его нераспорядительности, растерянности и т. п. Смело утверждаю, что этот едва ли не самый существенный отдел обвинения вовсе не обследован на предварительном следствии. Не упоминая о вполне согласном показании немногих лиц команды «Владимира», уцелевших до конца на пароходе, единогласно свидетельствующих о том, что команда капитана раздавалась непрерывно и что все, что только было сделано доброго и полезного в эту критическую минуту, исходило от него, такие свидетели, как Дырдовский, Бебутова, Дюран и Далевский, отрицают всякую его деятельность, уверяют, что никаких его распоряжений не слышали и они даже не знают, где он находился. А находился он все время на виду у всех, безотлучно на исковерканном «Колумбией» капитанском мостике. Чем же объяснить такое противоречие. В этом случае опять придется сделать укор предварительному следствию. Раз предъявляется столь «тяжкое в нравственном отношении обвинение, не беда продлить следствие и допросить всех до одного спасшихся пассажиров из бывших на «Владимире»; теперь же мы и не знаем, где их искать. Тогда и вопрос уяснился бы сам собой. Капитана не видели только те, кто не хотел его видеть, — горсть пассажиров 1-го класса, все время державшихся в стороне около курительной рубки 1-го класса. Это были своего рода аристократы в несчастье. Все остальное население парохода настоящим муравьиным царством кишело вокруг площадки капитана, надвигаясь все ближе и ближе к носу. Здесь оно не оставалось праздным — по приказанию капитана рубили и носили деревянные части парохода, таскали доски из нар 3-го класса, жгли ракеты и фальшфейра, звонили в колокол, в голос одним ревущим общим стоном звали «Колумбию»: «подойди, пароход!». И вот из этих лиц, из пассажиров 3-го класса, на глазах которых был неотступно капитан, не допросили ни одного. Мы получили на это указания лишь из случайных источников, каковы свидетели Челеби, Тарапанов и немногие другие, вызванные даже не нами.

Чтобы покончить с этим, скажу еще: Криун был привлечен впервые в качестве обвиняемого едва ли не в самый день заключения предварительного следствия. Даже экспертиза была произведена в его отсутствие. Ни одно следственное действие не указывает нам на то, чтобы ему было предоставлено время дополнить следствие. Спешили очень.

Ввиду такой отрывочной эскизности следствия нельзя удивляться и тому, что все настоящее дело в качестве «судебного дела» предстало перед нами, господа судьи, в узкой раме, далеко ему не свойственной. Привлечены Криун и Пеше в качестве каких-то ответственных редакторов катастрофы с забвением основного юридического положения, что

в делах уголовных каждый отвечает только за самого себя, за свои личные действия и упущения. Несообразность такого положения тем более ясна, что обвинения предъявлены по ст.ст. 1466 и 1468 Уложения о наказаниях. Статьи эти угрожают не только уголовным наказанием, но и чисто духовным, религиозным возмездием — церковным покаянием. Если наказание за чужие деяния может почитаться лишь весьма нежелательной юридической натяжкой, так или иначе, однако же, допустимой, то приглашение замаливать чужие грехи представлялось бы уже кощунственным абсурдом. Так, относительно Пеше — по столкновению — возможно ли обвинение, когда он мирно спал, ровно ничего не видел, управлял пароходом Риццо, и именно это управление было началом и концом всей гибельной катастрофы. Или по отношению Криуна — возможно ли обвинение в неприятии всех мер предосторожности по спасанию пассажиров, когда команда парохода изменила ему, при первой опасности бежала, и он лишен был всех средств, которыми располагает капитан. Прокурор, делая здесь ссылки на статьи торгового устава, торжественно вопрошал экспертов-моряков, известно ли им, что капитан торгового судна вправе наказывать своих матросов ударами хлыста от 5 и даже до 12. Этим можно создать команду и организовать в ней дисциплину. Военные моряки очень удивились такому преимуществу коммерческих капитанов; даже на военной службе телесные наказания практикуются только над оштрафованными по суду матросами. Г-н прокурор, предлагающий столь энергичные для нашего времени меры, впал, однако же, в серьезное юридическое недоразумение. В торговом уставе, законодательном памятнике 1832 года, есть действительно статьи, упоминающие и о «наказании на теле» матросов. Нельзя забывать, однако, что после 1832 года мы, слава богу, имели отмену крепостного права, отмену телесных наказаний и что применение капитаном рекомендуемых наказаний при наличии законодательного акта более поздней формации (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) явилось бы лишь грубым самоуправством. Но такие деяния, как бегство судовой команды, неисполнение ею своих прямых обязанностей во время аварий и морских бедствий, весьма подробно предусмотрены тем же уложением о наказаниях, по которому судится Криун. Не от него, а от самого прокурора зависело постановить надлежащее обвинение против всех действительно виновных лиц, а таковых, начиная со знаменитого Суркова, было множество. В первый раз я слышу, чтобы за дезертиров и перебежчиков к виселице приговаривали их начальников, честно оставшихся в бою и до конца исполнявших свой долг. Я не знаю более соблазнительной в нравственном отношении картины. Все беглецы и дезертиры, начиная с Суркова, боцмана и матросов

«Владимира», присутствовали здесь в качестве мирных и любопытных свидетелей, убеждавшихся в том, что и впредь в подобном экстренном случае они бежать вправе, сколько им угодно, а перед прокурором ответит за них капитан. Не думаю, чтобы такое положение способствовало поднятию уровня нравственности судовой команды и укреплению в ней сознания долга и личной ответственности. Рекомендую взамен того капитанам пароходов наказывать матросов ударами розог, прокурор, к сожалению, не поясняет нам, где и когда должны были производить эту операцию командиры пассажирских пароходов и должны ли были они при этом щадить, по крайней мере, чувствительность нервных дам. Конечно, не этими мерами, если бы они были даже возможны, можно парализовать и создать сколько-нибудь сносную судовую команду. Создание такой команды, без сомнения, лежало на прямой и непосредственной обязанности хозяина предприятия — русского общества пароходства и торговли. И это было возможно. Что бы сказали мы о железной дороге, которая вместо того, чтобы иметь постоянную дисциплинированную бригаду кондукторов, нанимала бы уличный сброд для каждого предстоящего поезда. А ведь именно нечто подобное практиковалось на судах русского общества. По линии крымско-кавказской, где заходят в 18 портов, это сопровождалось еще уходом части команды в каждом из портов. О какой же подготовке команды капитаном, об обучении ее дисциплине могла быть речь. Но я не верю, чтобы при желании нельзя было создать иного положения вещей. У русского общества целый флот, больше 70 пароходов; ему совершенно необходим постоянный контингент обученной команды. Оно могло организовать это дело привлечением людей и лучшим распределением вознаграждения, учреждением пенсий. Моряк, знающий, что он на всю жизнь будет обеспечен и в случае болезни, и в случае несчастья, будет дорожить местом, ценить своего хозяина, у него с ним установится невольное и нравственная связь. А как же на капитана, на одно лицо, взваливать всю ответственность за дезорганизацию, корящуюся в самом порядке вещей, в самом направлении дела. Этот капитан такой же необеспеченный труженик, как и его команда. Не в его силах, не в его возможности создать то, что может быть дано только общей реорганизацией положения служащих в русском обществе пароходства и торговли. Думаю, что винить Криуна за качества команды, которые притом всеобщие, не представляется ни малейшего основания. То же нужно сказать и о снабжении пароходов. Ссылаются на утвержденный якобы Высочайше устав русского общества пароходства и торговли, статьями которого нормируются отношения капитанов к управлению и главной конторе общества. Это — очевидное недоразумение. В деле имеются два устава: один, действительно

Высочайше утвержденный и для всех обязательный наравне с законом, но в нем ни единым словом не упоминается ни о капитанах, ни о востроупенных служащих вообще. В нем говорится об акционерах, об управлении, о хозяевах предприятия. Мы знаем, что существует такое центральное учреждение, как главная контора, есть разные инспектора и, между прочим, инспектор по морской части. Другой устав о служащих на пароходах, на статьи которого было угодно делать ссылки г-ну прокурору, есть не более, как инструкция, отпечатанная правлением общества, на ней имеется пометка цензуры: «Одесса, 6 июня 1888 г.». Высочайше же утвержденные уставы и законоположения цензуре не подлежат. Нам не известно даже, приведена ли эта инструкция в действие или это только проект. Во всяком случае, переносить свои обязанности по снабжению пароходов путем договорным на капитанов русского общества пароходства и торговли не вправе. Да и чем мог бы доказать капитан, что то или другое требование им было своевременно заявлено и отклонено конторой. О таком приспособлении значительной ценности, как пластырь, например, и говорить нечего. Инициатива введения на судах общества подобного спасательного приспособления не могла исходить ни от Криуна, ни от какого-либо другого капитана. Попроси такой пластырь Криун для своего «Владимира», ему бы ответили кратко: «Зачем ему быть на «Владимире», когда его не имеется на «Олеге», «Игоре», «Пушкине». Свои пассажирские пароходы русское общество пароходства и торговли считает десятками, раз было бы решено запастись пластырем, такой пластырь должен был бы появиться на всех пассажирских пароходах одновременно. Нет, господа судьи, взваливать на плечи Криуна ответственность за недостаток снабжения пароходов — значило бы произвольно делать замену одного лица другим. Закон не знает такого переноса чисто гражданских обязанностей, усвоенных Высочайше утвержденным уставом центральному управлению русского общества пароходства и торговли.

Говоря о побочных помехах, загромаждающих наш процесс, я не могу обойти молчанием еще одной процессуальной его особенности. Обилие «сторон» в процессе необычайно. Это сделало то, что нет почти свидетеля, который не был бы материально заинтересован в исходе дела. Это положение — довольно опасное для чистой идеи правосудия. Вопреки обычному течению уголовных дел, в качестве гражданских истцов свидетели оставались в зале заседания, поддавались впечатлениям, их не представлялось возможности изолировать. Масса жертв вызвала эту особенность, с которой, естественно, приходится мириться. Игнорировать же вовсе это обстоятельство в интересах осторожности невозможно. Значение гражданского истца в процессе, как потерпевшего от преступления лица, понятно само по себе. Чтобы мы ни говорили

об уголовном правосудии, как акте общественного возмездия или как о Фемиде с завязанными глазами, преследующей лишь отвлеченную идею права, потерпевший от преступления со своими живыми, насущными интересами — все же всегда первое лицо в процессе. Оно невольно чувствуется за представителем общественной власти. Но процессуальная его роль не всегда одинакова. Есть потерпевшие от преступления, интересы которых я назвал бы святыми. Такой потерпевшей в настоящем процессе является г-жа Зигомала. Это та нервная, истерически рыдавшая здесь мать, которая во время катастрофы потеряла своего единственного сына. Она не обвиняет ни кого в отдельности и вместе с тем обвиняет всех. Она твердила и будет вечно твердить одно: «Отдайте мне моего несчастного сына!» Другого она ничего не ищет и не может искать. Эта «плакучая ива» нашего процесса, в мутные волны которого она будет вечно глядеть своими воспаленными глазами... Ее показания страшны для обвиняемых, но вместе с тем не опасны. Она всех винит равно: Криуна, Пеше и команду «Синеуса». Ей нужен сын, но вернуть его мы ей не в состоянии. Показание этой свидетельницы никогда не забудется нами: но в основу судебного приговора оно не ляжет. Эта свидетельница знает и помнит, может знать и помнить только одно: сын ее погиб! Пройдем же мимо этого показания с той глубокой, но молчаливой скорбью, которой оно заслуживает.

Другой нормальный тип гражданского истца — тип прямодушный. Такова гражданская истица Усенкова и некоторые другие. Она отстаивает свои интересы, но желает получить только с того, кто окажется действительно виновным. Прежде всего она ищет виноватого, а не... богатого.

Наконец, в нашем процессе есть еще третий тип потерпевшего, и этот в большинстве, он имеет здесь довольно много выразителей и представителей. Я затруднился бы характеристикой его и подысканием соответствующего наименования. Но название подыскано в лагере тех же представителей его. Они сами себя называют «добрыми санитарями». Пусть будет так, хотя санитарные носилки иных из них напоминали нам скорее какую-то походную мелочную лавочку, в которой все есть, вплоть до солонины и самого лучшего сорта табаку. Но и это не важно (Это место речи Н.П. Карабчевского нельзя признать удачным. Не ясен и смысл самой иронии оратора. Об этом, в частности, указывалось и при разборе речей Карабчевского его современниками. См., например, Л.Д. Ляховецкий. Характеристика известных русских судебных ораторов, СПб., 1897. стр. 132. (сост., Ред.). Важно другое.

Нормальный тип уголовного состязательного процесса — открытое состязание двух борющихся сторон, причем у обеих подняты забрала.

Прокурор и потерпевший — одна сторона, подсудимый и защитник — другая. Один нападает и наносит удары, другой их отражает. Настоящий процесс представляет явление несколько иное. Борьба напоминает несколько толчею, как бы общую свалку разносторонних интересов, стремящуюся уклониться от общепринятых условий и правил откровенной борьбы. Здесь судьям, решающим исход борьбы, приходится смотреть в оба. Сразу даже не поймешь, кто на кого, со всем этим разобратся нужно. За спиной Криуна миллионы русского общества пароходства и торговли. К ним настойчиво и жадно пробираются настоящей гурьбой. Напрасно вы станете скромно сторониться; хотят пройти к ним именно по вашей спине. Вы, без сомнения, поверите, господа судьи, искренности нашего заявления, что до миллионов русского общества пароходства и торговли нам ровно никакого дела нет. Отдайте их все гражданским истцам, если они докажут на то свое право, — нас это ни мало не тревожит. Ни явно, ни тайно мы не призваны выступать в настоящем процессе защитниками чьих-либо материальных интересов. Мы защищаем Криуна и никого более. Думается нам, что откровенная определенность деятельности каждой стороны в процессе обязательна. Нельзя же, в самом деле, во имя интересов иска явно обвинять Криуна, только Криуна и... во всем оправдывать Пеше и даже защищать его. Таким путем несоразмерно распределяются и искусственно тасуются силы обвинения и защиты. Два дня мы слушали здесь исключительно грозные нападки по адресу Криуна... Другой обвиняемый — Пеше — оказался у истцов на положении особом, привилегированном. Едва ли это сообразно со справедливостью. Во всяком случае, положение получается искусственное, ненормальное. Мы бы не желали сами очутиться в подобном положении. Здесь в одной из речей по поводу иного, впрочем, совершенно положения вспоминалась и приводилась историческая справка о «левшах» и о «дубинке» Петра Великого. Техника идет вперед и от времени Петра ушла, конечно, далеко, но нравственные начала от века неизменны. Признаемся, выступая в этом сложном, трудном и спорном процессе, мы бы страшились только одного: оказаться нравственным «левшой». Надеюсь, что, выступая защитником Криуна, нам удастся избежать этого.

После этих предварительных соображений, казавшихся нам необходимыми, приступим к разбору обвинения, предъявленного к Криуну. Чтобы признать по этому пункту виновным Криуна, суду предстоит указать в своем приговоре, какие именно постановления закона или обязательные технические правила мореплавания им нарушены. Обвинение утверждает, что эти нарушения заключаются в несоблюдении им правил и предосторожностей, предусмотренных ст.ст. 15 и 18 Между-

народного положения об управлении паровыми судами. Да не покажется вам это парадоксом: это первое обвинение для настоящего моряка, пожалуй, тяжелее второго. Там пойдет речь об административных и общечеловеческих его талантах и способностях, здесь — задета специально морская его честь. Все специалисты немного односторонни, но в этой односторонности их сила. Чтобы быть уверенным, что в лице обвиняемого вы имеете дело с настоящим моряком, а не моряком только по названию, представлю вам краткую его биографию. Штурман по специальному образованию, служа в Черноморском флоте, он сделал много кампаний. Плавал за границей, доходил до Японии и Китая и избороздил Черное море вдоль и поперек. Скромный труженик, без покровителей и протекций, он обязан лично своему усердию и исполнительности переводом из штурманов лейтенантом во флот. Это всегда считалось почетным отличием. В общей сложности в военном флоте он прослужил более 25 лет. Уже капитан-лейтенантом он перешел на службу в русское общество пароходства и торговли. И здесь не сразу он занял видное место капитана пассажирского парохода. Никакая бабушка ему не ворожила. Некоторое время он плавал помощником, наконец, его сделали капитаном. В течение восьми лет в командовании его перебывало до 16 пароходов буксирных, товарных, пассажирских, и, слава богу, не приключалось никаких аварий. Поэтому, говоря о нем, как о капитане, я вправе утверждать, что это был дельный, образованный и опытный моряк. В чем же он погрешил как моряк в данном случае и погрешил ли действительно? Суд привлекал к себе на помощь моряков-экспертов. Верное само по себе соображение прокурора о том, что для суда необязательно заключение экспертов и что с тем или иным их заключением суд вправе не согласиться, нуждается, однако, и в пояснении: Для суда, решающего дело не по теории формальных доказательств, не существует, разумеется, предустановленных доказательств. Тем не менее, он должен считаться со всей совокупностью доказательств, имеющихся по делу. Суд вправе не доверять тому или иному свидетелю, не соглашаться с тем или другим экспертом, но при этом обязан высказать в своем приговоре соображения, которые приводят его к такому недоверию. Это бесспорно. Вот почему я нахожу совершенно неудобным и несоответственным процессуальным задачам тот способ пользования таким важным доказательством, как экспертиза, который здесь практиковался. Не только не задавались серьезной задачей критиковать мнение экспертов, не давали себе даже труда хотя бы пересказать заключение экспертов «своими словами». Это послужило бы, по крайней мере, порукой, что заключение правильно, понятно. Отдельвались общими фразами, летучими вылазками по адресу того или

другого эксперта или, что еще хуже, тонкими «намекami на то, чего не ведает никто», стараясь одним махом устранить всю экспертизу, сделать так, как будто ее вовсе в деле не бывало. Один из представителей гражданского иска, имея в виду, что итальянские эксперты отделились от русских и остались при отдельном мнении, назвал всю экспертизу «национальной» или «патриотической». Такое разделение по национальностям действительно имело место. Но это явление случайное. Господа итальянские эксперты, приглашенные защитой и г-ном Пеше, вопреки всем свидетельствам и данным следствия, доверяют исключительно только объяснениям господ Пеше и Риццо. Оставаясь на этой почве, они и приходят к выводу о виновности Криуна и полной невиновности Пеше. До известной степени оно понятно. С самого начала они доверились Пеше и не могут отступить от того положения, что каждое сказанное им слово — сама истина. В течение долгого процесса мы имели, однако же, многократные случаи убедиться в противном. Их экспертиза — талантливый и даже весьма ценный научный трактат, но, к сожалению, он отправляется от неверных фактических данных. По вопросу о столкновении он исходит из положения, что Риццо со своего левого борта видел красный огонь «Владимира», и лишь затем уже на весьма малое и притом неопределенное время увидел зеленый огонь. Между тем это не так; в действительности Риццо ни на одну секунду не видел красного огня «Владимира», а зеленый видел и притом со своего правого борта не менее 5–7 минут. Минуя господ итальянцев, русская экспертиза раскололась затем на две неравные части. Русские моряки огромным своим большинством с адмиралом Калогерасом во главе пришли к единогласному заключению, что действия Криуна по управлению пароходом безусловно правильны от начала до конца. Намеки на то, что это будто бы «товарищеская экспертиза», взявшаяся во что бы то ни стало обелить Криуна, едва ли заслуживают какого-либо внимания. Прежде всего эти лица отнюдь не «товарищи» Криуну; они стоят гораздо выше его и по своему положению, и по служебной иерархии. Затем из числа этих экспертов четверо вызваны судом не только не по настоянию защиты, а, напротив, по требованию прокурора. Стало быть, говорить о «дружестве» и «товариществе» — неуместно. Защищать в лице Криуна «честь» военного флота экспертам также не предстояло надобности. Криун давно в отставке, и каковы бы ни были дефекты его капитанского ценза, это ни малым образом не могло отразиться на нравственных интересах военных моряков; в качестве такового Криун никогда самостоятельным командиром военного судна не состоял. Итак, заключение этой группы экспертов стоит вне всяких подозрений. По существу своему оно, представляется в высшей степени ценным,

так как оно логически последовательно следит за каждым шагом, за каждым действием Криуна и приходит к выводу, что, находясь в положении командира «Владимира» в злополучную ночь столкновения, никто из моряков не поступил бы иначе. Особняком стоит эксперт Ирецкий. Сущность его заключения сводится к следующему, грубо неправ Риццо, положивший право на борт, это движение вызвало всю катастрофу; но попутно он не одобряет и Криуна, изыскивая моменты, в которые, по его мнению, тот должен был и застопорить машину, и даже дать задний ход. Для нас важно пока то, что и этот эксперт, которого уж совсем невозможно заподозрить в мироволении Криуну, приходит, в сущности, к тому же самому выводу. Он также находит, что основным, так сказать, решающим моментом столкновения является поворот Риццо направо, когда был виден зеленый огонь «Владимира». Этот поворот вместе с другими экспертами он признает безумным и ужасным по своим последствиям. Господа итальянские эксперты, не отрицая некоторой рискованности маневра, но признавая его как бы вынужденным предыдущими неправильными маневрами «Владимира», весьма непрозрачно дают нам при этом понять и свою отправную точку зрения. «Бей в правый борт — и никогда в ответе не будешь!» — как бы грубо, согласно простонародному морскому выражению, резюмируют они сущность положения, изложенного будто бы в ст. 15 Правил. И у нас среди моряков известно выражение: «разбить судно на законном основании». Вот здесь, собственно, господа судьи, и должна наступить наша работа, работа юристов. Действительно ли это «законные основания» и правильно ли большинство грубых практиков-моряков толкуют, положение ст. 15? Думаю, что только совместная работа экспертов-моряков и нас, юристов, может привести вас к желаемому результату. Толкование и понимание закона для юриста обязательно и не всегда доступно моряку. Разнообразное, а иногда и своеобразное пользование ст. 15 Правил служит лучшим тому доказательством. Представитель интересов русского общества пароходства и торговли имел уже случай развить в своей речи те взгляды, которые существуют по этому предмету. Ссылками на труды почтенного английского моряка Томаса Грея он имел возможность прибегнуть к тому способу толкования закона, который называется «историческим», для данного вопроса представляющимся наиболее ценным и пригодным. Но и простое логическое толкование приводит к тем же результатам. Стоит только внимательно прочесть краткий текст ст. 15 и ее примечаний, чтобы невольно задать ся вопросом: да устанавливает ли на самом деле эта статья тот безусловный принцип «праводержания», к «которому так льнет морская практика и который нашими противниками, господами представля-

ми гражданского иска, сводится даже к простейшей формуле извозничьего правила: «знай свою правую руку и ты, моряк!» Так ли это? Истинный юрист должен всеми своими силами стремиться к восстановлению закона во всей его полноте и целесообразности. Читая ст. 15, не упускайте из виду ни одной ее запятой, ни единого оборота фразы, ни единого выражения, и весьма скоро вы поймете ее внутренний смысл. Только такое толкование возможно для юриста и обязательно для всех.

Что должны обозначать собой все многократные повторения и оговорки статьи, устанавливающей поворот вправо при встрече судов, что значат эти многократные повторения: «только», «единственный случай» и т. п., которыми испещрена ст. 15? Не можем же мы предположить несовершенство в редакции закона, — это закон формации новой, вполне современной нам. Петровские артикулы и более ранние законы действительно грешили редакцией, трудно бывало добраться до смысла, но правила, возымевшие силу лишь с 1880 года, вправе избежать подобного упрека и подобного подозрения. Я утверждаю это смело: закон безупречен по своей редакции. В постоянных повторениях им того положения, что поворот направо применяется лишь в точно определенных случаях, нельзя усматривать ни случайности, ни бесцельных повторений. Законодатель сознательно борется с вредной и опасной рутиной, ведущей к беспрестанным столкновениям.

По указанию капитана Колумба, из 86 случаев столкновения судов 54 случая происходят от злоупотреблений в применении правил ст. 15, которая, по мнению самоучек и так называемых моряков-практиков, предписывает будто бы во всех случаях поворачивать вправо.

Это грубое и непростительное заблуждение, по счастью отвергнуто здесь и большинством экспертов. В этом уже большая победа защиты Криуна. Мы отстаивали возможность и законность расхождения бортов зелеными огнями, а стало быть, и правыми бортами.

Теперь, господа судьи, установим факты. На «Колумбии» были ли бортовые огни? Их не было. Невозможно даже допустить, чтобы Криун и его команда условились показывать иначе, чем было в действительности. На «Владимире» было много пассажиров, и каждый мог явиться случайным свидетелем, видевшим огни. Иное дело на «Колумбии», там все были своя семья. Капитан мирно почивал, вахта велась небрежно, и отсутствие фонарей на 5–10 минут в то время как их спросонок оправлял старый фонарщик Руссо, — явление возможное. Их именно и кинулись оправлять, когда заслышали свистки с «Владимира», и это было за несколько минут до столкновения. Но в интересах Криуна не важно даже, чтобы этих цветных огней не было; вовсе, напротив, было

бы лучше, если бы с точностью могло быть доказано, что они были. Тогда сама собой упразднились бы некоторые старые вопросы: мог ли двигаться Криун, ориентируясь по одному белому огню, который наблюдал в течение 20 минут и т. п., и, стало быть, бесспорность соблюдения им всех предписанных законом правил была бы очевидна.

Если проверить курсы, по которым, бесспорно, двигались оба судна, будет ясно одно: «Владимир» все время видел «Колумбию» справа, и в свою очередь «Колумбия» ни на секунду не могла видеть красного огня «Владимира». А если это так, — все повороты влево Криуна правильны безусловно и к столкновению не вели. Стоило Риццо только продолжать свой курс, и пароходы разошлись бы правыми бортами в, расстоянии 150–200 саженей. Разверните другие циркуляции обоих пароходов, комбинируя их по расчету времени, когда Риццо говорил «право на борт», — как остроумно предложил нам это эксперт Ирецкий, — и вы убедитесь, что до этого злосчастного поворота ни малейшей опасности столкновения судам еще не угрожало. За какие-нибудь минуты две до столкновения Криун еще видел мачты в растворе труб и вправо от нее свет топового огня. Суда разошлись бы правыми бортами, как этого вполне законно ожидал Криун. Теперь взглянем, чем же оправдывается злополучный поворот «право на борт» «Колумбии». Ни Риццо, ни Пеше не отрицают, что в общей сложности ими обоими был видим один зеленый огонь «Владимира» в течение не менее 5–7 минут. Это бесспорно установлено. Чего же Риццо ждал все это время? По его словам, он ждал исправления встречным судном, как он здесь выражался, своего «фальшивого маневра». Сообразим, однако. При встречной скорости обоих пароходов, в час — 20 миль, и законного предела видимости отличительных огней в 2 мили, на эти 2 мили проходит 6 минут. Как же он вправе был ждать 7 минут, когда сам здравый смысл не дает более 6 минут, до истечения которых всякий маневр, имеющий в виду «встречу», должен быть полностью исполнен? На это ловится сам Риццо. Его «право на борт» было, очевидно, не сознательным и своевременным, как он утверждает, маневром, а лишь отчаянным решением застигнутого врасплох, быть может, только что выскочившего на площадку вахтенного. Недаром Пеше, разбуженный свистком, схватился за штурвал, как бы желая остановить маневр безумца. Но было уже поздно. Оставалось только дать задний ход. Я думаю, господа судьи, с этим «право на борт» можно покончить. Все нам доказывает бесповоротно, что в нем узел и развязка столкновения. Но если это так, то в чем же, собственно, можно винить Криуна? Говорят, он не исполнил требования ст. 18 правил, не застопорил машины, не дал заднего хода. Но когда? Когда «Колумбия» своим правым бортом была справа

от «Владимира» и притом в расстоянии 200–300 саженей, еще никакой опасности не было. Пароходы расходились. Опасность явилась только тогда, когда после знаменитого «право на борт» появился впервые красный огонь на «Колумбии» и его увидели на «Владимире». Но тогда уже было поздно. Это было за 30–40 секунд до столкновения. Большинство экспертов одобряют Криуна за то, что в эту последнюю минуту, не уменьшая хода, он скомандовал «лево на борт». Уменьши он ход, не сворачивая влево, «Колумбия» могла бы пополам перерезать «Владимира», и последствия столкновения были бы еще ужаснее.

Теперь, чтобы покончить с этим обвинением, позвольте только в двух словах сделать характеристику Риццо как моряка. Об особой морской его опытности говорить не приходится, ему всего 26 лет. Что же касается его теоретических идей по части мореплавания, то он успел их выложить пред нами. Их немного: 1-я, «всегда направо», — все прочее не есть морской маневр, и еще 2-я «стоп машина», только тогда, когда увидишь камень или мель! Если принять при этом во внимание, что первое время огонь «Владимира» он принимал за береговой, то вы согласитесь, что багаж его познаний не велик. Пеше нам обещал представить аттестат Риццо на шкипера дальнего плавания, но так и не представил. Мы вынуждены выдать ему взамен наш собственный аттестат.

Если эту характеристику сопоставить с его действиями, будет ясно, кто «резал нос», будет также ясно, кто и кого разбил по всем морским правилам злополучного «праводержания».

Перехожу к оценке фактов, приводимых моими противниками в доказательство преступной бездеятельности Криуна. Здесь было провозглашено: «Капитан не должен теряться, кто растерялся, тот не капитан!» Положение, по-видимому, бесспорное, а между тем оно звучало фразой. Поясню мою мысль примерно из области, нам близкой. Устав уголовного судопроизводства знает такое положение: прокурор не должен увлекаться, он не должен ни преувеличивать значения обвинения, ни стучать краски в оценке фактов и улик. Но в какой мере. Разумеется, не в пределах того живого и страстного проявления человеческой природы, которое более или менее свойственно всем, без которого невозможно себе даже представить человека. Некоторые из господ экспертов на вопросы, обращенные к ним по этому поводу, заявили, капитан — не машина, и, в пределах того тягостного и исключительного положения, в котором находился капитан Криун, он со своей стороны сделал все возможное. Думаю, что это и есть та точка зрения, с которой только и возможна оценка его деятельности после катастрофы.

Здесь выражались сомнения, царил ли паника на пароходе «Владимир» после столкновения, велики ли были ее размеры и как долго она

продолжалась. Всякие теоретические соображения по этому предмету были бы бесцельны. Надо испытать самому весь этот ужас, надо видеть своими глазами что-нибудь похожее, чтобы судить об этом. Разве мы можем дать себе хотя приблизительный отчет в том, что бы произошло, если бы сейчас в этой тесной, переполненной зале мы услышали крик отчаяния: «Горим, пожар!» Кто бы и во всяком случае многие ли из нас взяли бы на себя капитанскую роль: ни на секунду не потерять. По счастью, не выходя из рамок этого же дела, мы можем провести параллель. Ранее, нежели судить о том, что должно было твориться на «Владимире», взглянем на то, что произошло на «Колумбии» тотчас после столкновения. Вспомните при этом, что этот грузовой пароход был с избытком, по численности команды, снабжен всеми необходимыми спасательными средствами. Там, кроме четырех больших и хорошо снабженных шлюпок, был еще спасательный плот, могущий держать на воде одновременно всю команду. Что же происходит на «Колумбии»? Удар, по отзыву итальянской команды, был почувствован даже не особенно сильно; спящих разбудил не столько треск удара, сколько голос капитана. Голос этот в первую же секунду уже отчаянно кричал: «Мы гибнем, дети! Ищите спасения в шлюпках!» По отзыву некоторых пассажиров «Владимира», в первую же минуту перескочивших на «Колумбию», на палубе ее царил мрак и невообразимый хаос. Матросы оторопелые, испуганные, бесцельно бегали по палубе, не отвечая на вопросы; каждый из них взывал к своей мадонне и громко молился богу. Двое итальянцев, обезумев от страха, перескочили на «Владимир». Сам Пеше, этот старый «морской волк», не одетый, в туфлях, с непокрытой головой, метался из стороны в сторону и торопил своих бравых «деток»: спасайтесь, спасайтесь! Ни о чем ином, в такую минуту он и не думал, хотя, конечно, будь он хладнокровен, его опытность подсказала бы ему, что носовой удар сам по себе редко гибелен для судна, во всяком случае, всегда и, безусловно, менее гибелен, нежели боковой удар, нанесенный «Владимиру». Лишь спустя минут 10–15, когда были осмотрены все трюмы и безопасность «Колумбии» стала очевидной, на ней мало-помалу успокоились.

Теперь перешагнем опять на «Владимир». По единогласному свидетельству большинства пассажиров удар раздался сильный, некоторых выбросило из коек, потом еще раздался треск, как будто ломало крепкий лед. Все вскочили в ужасе. Не считая команды, все 200 пассажиров, теснясь по лестницам и трапам, разом ринулись на палубу. В машинном отделении уже хлестала сбившая с ног машинную команду вода, и электричество погасло. Предоставляю вам судить, господа судьи, об этой минуте ужаса, заставившего всех затаить на секунду дыхание. О ней едва ли могут дать нам хотя бы приблизительное понятие все де-

коративные успехи сценического воспроизведения сказочного момента из оперы «Руслан и Людмила»;

Что же делал и где находился в эту минуту Криун? Катастрофа застала его на капитанском мостике, том самом мостике, в который врезался и снес его до половины бушприт парохода «Колумбия». Он нашелся еще крикнуть помощнику Матвееву: «берегитесь!» — раздался удар, мостик дрогнул, в щепки разбило его правую сторону, но капитан остался на левой, и не далее как через секунду мы слышим уже его первую команду: «стоп машина!» Распоряжение это, устранившее возможность взрыва котлов, было отдано каким-то благодетельным инстинктом, и это доказывает, что на разрушенной наполовину площадке бодрствовало еще чье-то присутствие духа, чего в эту первую минуту могло и не быть. Где же растерянность в этот первый, самый страшный и роковой момент? В это время, сцепившись, как два врага, «Колумбия» и «Владимир» еще не выпускали друг друга и продолжали катиться по инерции в какой-то общей бесформенной свалке. Раньше чем отделиться «Колумбии» от «Владимира», прошло значительное время, минут 5–6 не менее. Некоторым пассажирам, даже с детьми и багажом, удалось перебраться на борт соседнего парохода. Что мог предпринять Криун в эти первые секунды, пока еще «Колумбия» терлась о его пароход и, отступая, на своем пути сносила все, что оставалось на правом борту: шлюпки, трап, даже шлюпбалки, вырывая их с корнем. Разумеется, ни об осмотре, ни о заделке пробоины тогда не могло быть еще и речи, так как повреждения не были кончены; удары, хотя и более слабые, продолжали еще наноситься. «Задержите пароход», — крикнул он в эту минуту, оставаясь все еще на своей вышке, откуда было видно ясно, что «Колумбия» пятится и сейчас отойдет прочь. По этой команде на «Колумбию» перескочил Матвеев и кое-кто из матросов, в числе других Собченко и Жиганюк. Было ли законно и было ли целесообразно подобное распоряжение, носило ли оно на себе характер полицейской меры или это был естественный призыв на помощь со стороны погибающего? Судите, как хотите, для дела это безразлично. Видя ясно, куда пришелся удар, Криун не мог не сообщить, что повреждения «Колумбии» по сравнению с повреждениями «Владимира» будут ничтожны и во всяком случае не опасны. Распоряжение, стало быть, было целесообразно. Результаты, как увидим ниже, не по его уже вине оказались сравнительно ничтожными. Однако все же спаслось несколько десятков людей благодаря тому, что на итальянский пароход перескочили Матвеев и в особенности Собченко и Жиганюк, без энергичного вмешательства которых, быть может, ни одна итальянская шлюпка к «Владимиру» не подошла бы. Начавшееся на «Колумбии» ради собственного спасения от воображаемой опасности спуска-

ние шлюпок, как доказало это судебное следствие, тотчас же замерло, как только команда «Колумбии» уверилась в своей безопасности. Подробный анализ эпизода спуска шлюпки Матвеевым при помощи Собченко и главным образом Жиганюка, шлюпки, которая, несомненно, появилась у «Владимира» первой, первая же затем была у места крушения, подобрала Фельдмана и спасла еще до 20 человек пассажиров, обратил на себя ваше особое судейское внимание. Мы столкнулись в этом случае с лживостью г. Пеше, лживостью, которая могла повести правосудие к весьма серьезным недоразумениям. Утверждалось, что русские матросы и г-н Матвеев лжецы, что они не только не спускали шлюпки, но и не могли ее спустить без помощи итальянцев, ибо ввиду больших размеров шлюпки вывалить ее за борт нельзя иначе, как при дружном усилии 10–12 человек, а грести только двум, как на этом стояли Жиганюк и Собченко, и вовсе невозможно. Мы не знали, кому верить. Только случайное обстоятельство разоблачило всю неправду, которую так настойчиво поддерживали и проводили Пеше и Риццо. Во время осмотра парохода «Колумбия», когда предложено было Жиганюку и Собченко и еще троим из команды «Владимира», работавшим тогда вместе с ними, спустить большую шлюпку, Пеше насмешливо покрикивал presto! presto! (живей! живей!). Он продолжал выражать уверенность, что эта большая шлюпка не могла быть ими спущена. Торжество его оказалось, однако, непродолжительным. В 5–6 минут, ко всеобщему удивлению, работа была исполнена: шлюпка оказалась на воде. Никто не подозревал об истинно богатырской силе, которую мог пустить в ход Жиганюк. Бывшие при этом свидетели, итальянские матросы, не выдержали и крикнули: «Браво, матросы!», а г-н Пеше перестал кричать: presto! Ну о том, как вдвоем те же Жиганюк и Собченко ловко взялись за весла и разогнали тяжелую шлюпку — не стану вам и напоминать.

Если, таким образом, вспомнить систему защиты, принятую г-ном Пеше, и ту дисциплину, которая здесь так единодушно и наглядно проявилась в свидетельских показаниях итальянской команды и благодаря которым вся фактическая сторона дела предстала в ложном освещении, не трудно понять, что не перескочи на «Колумбию» горсть русских пассажиров, не раздайся вовремя голос капитана: «Задержите пароход!», пароход удалился бы тихим задним ходом и незаметно скрылся бы в ночной темноте. Ведь слышали же мы (вопреки следам поранений обоих пароходов) единогласное утверждение итальянцев (чтобы оправдать только своевременность распоряжения о даче заднего хода), что удар был совсем легонький, едва услышанный, почти незамеченный и что всю команду поднял на ноги исключительно только голос капитана. Раз так, «Колумбии» было бы естественно удалиться, ибо

она только «слегка» толкнула какой-то пароход, не причинив ему никакого особенного вреда. Итак, распоряжение Криуна задержать «Колумбию» было и находчиво и целесообразно. Не будь его, мы не знаем, где и в настоящую минуту была бы «Колумбия» со своим капитаном Пеше. Морская практика, к сожалению, знакома с подобными явлениями, хотя морской закон и обычай строго предписывают уцелевшему пароходу оказывать помощь погибающему. И Криун мог не только по нравственным основаниям рассчитывать на содействие и помощь «Колумбии», по силе закона он вправе был требовать этого. Третьим распоряжением капитана было: следить за пребыванием воды в Машине и грот-трюме, куда она, очевидно, попадала из самостоятельной пробоины или вследствие повреждения от удара непроницаемой переборки. Тогда же было приказано Фельдману осмотреть пробоину. Фельдман удостоверил, что она была около 1½ аршина шириной и уходила в подводную часть. Здесь были высказаны предположения, что осмотр пробоины был сделан Фельдманом неудовлетворительно, и пребывание воды в машине измерялось хотя бы простой деревянной рейкой.

Подобное измерение представлялось совершенно излишним, так как размеры машинных частей и постановки их были хорошо известны и машинисту Ларину, и самому капитану. Такие донесения, как: вода доходит до нижних плит, до цилиндров, до верхних плит и т. п., были вполне равносильны донесениям о совершенно точном измерении, ибо вполне точно известно, на сколько футов от дна парохода размещены плиты, цилиндры и тому подобные части машины. В грот-трюме же, по донесению Ларина, вода все время шла в уровень с водой в машинном отделении, что не предзнаменовало уже ничего доброго, так как свидетельствовало ясно о повреждении непроницаемой перегородки. Об угрожающем состоянии прибыли воды в этот момент мы можем судить еще по одному признаку. Этот показатель, пожалуй, точнее всякого механического прибора. Это г-н Сурков. Вы помните, что, приняв от капитана команду о спуске шлюпок, он заглянул попутно в машину и грот-трюм, забыл ментально о шлюпках и всецело устремился в тузик, на котором тотчас же благополучно отбыл на «Колумбию». По этому признаку мы можем судить уже безошибочно, какая угрожала «Владимиру» опасность.

Здесь уместно будет сказать о том, что даже некоторая неисправность тузика (не нашли в суматохе чопа, не сразу вставили уключины, не освободили из-под баков все весла и т. п.), на котором спасал свою драгоценную жизнь старший, то есть именно ответственный за состояние шлюпок, помощник, ставится в вину все тому же злополучному капитану Криуну. Признаемся, такой обвинительный довод мы признаем лишенным уже всякой логической последовательности. Это то же, что

обвинять военачальника за то, что лошадь, на которой скрылся дезертир-беглец, не была заседлана по всем правилам кавалерийской службы.

Весьма важно зато обвинение в незаделке пробоин. Но если об этом мог быть поднят вопрос, то, разумеется, лишь тогда, когда «Колумбия» отделилась от «Владимира»; ранее это было бы физически невозможно. Таким образом, вы должны уступить нам, так сказать, подарить Криуну, господа судьи, хотя бы первые 10 минут, когда о заделке пробоины еще не могло быть серьезной речи. Если бы имелся налицо необходимый пластырь, заранее готовый, как необходимое спасательное приспособление он, разумеется, был бы пущен в ход. Для этого не требовалось бы особой сообразительности и догадливости. Но его не было и не имеется ни на одном из пароходов русского общества пароходства и торговли. Эксперт Ирецкий, оговорившись, впрочем, что его заключение есть плод чисто теоретических соображений и комбинаций, полагал, что при помощи самодельного брезента можно было заделать пробоину. Взяв в руки клочок бумаги, он даже весьма наглядно показал нам, как брезент следовало бы сперва сложить вдвое или вчетверо, навязать шкерты, пропустить для балласта дымогарную трубу и затем подвести в виде пластыря, чтобы затем начать выкачивать воду. На все это, по его мнению, потребовалось бы минут 10–15. Даже господа итальянские эксперты, слышавшие его заключение, запротестовали. Они определили на это от 25 до 30 минут, оговорившись при этом, что брезент мог не сразу всосаться в пробоину и что, таким образом, в этом скорее бы заключилось лишь исследование ее, нежели сколько-нибудь основательная заделка самой пробоины. Остальные русские эксперты определяли, время от 30 минут до 1 часа и более, причем некоторые находили, что эта идиллическая картина пользования случайным брезентом взамен пластыря, которую нарисовал нам эксперт Ирецкий, с точки зрения практической, — абсурд. Далее в разногласии идти, кажется, трудно. Сидя здесь в мягком кресле, нетрудно, конечно, осуществлять самые смелые теоретические комбинации на самодельной бумажной модели. Не то на практике, да еще в минуту общей паники и упадка духа. Впрочем, надо отдать справедливость эксперту Ирецкому. Ему невозможно отказать в искренности. Он не отказал пояснить здесь, что на практике с ним, слава богу, никаких аварий и приключений не случалось. Ни пластыря, ни брезента подводить ему не приходилось. Все это он знает только по теории. Случались неприятности с рыбацкими сетями, которые однажды запутались в винт его миноноски, но он нашелся, приказав «бравому матросику» нырнуть, чтобы распутать их. Но согласитесь, господа судьи, что эта авария (то есть, собственно, авария для мирных и ни в чем не повинных рыбацких сетей) в па-

раллель с крушением «Владимира» идти не может. Притом у него под рукой был «бравый матросик», который под опасением ослушания начальства, с риском размокнуть себе голову, нырнул под винт; ни на что подобное нельзя рассчитывать на коммерческом пароходе; там матрос вправе ответить: «А ну-ка, сам нырни!»

Что касается до откачивания воды, то надо припомнить, что через 5–6 минут топки уже были залиты и, стало быть, действовать паровыми помпами было невозможно.

Лишенное практического значения заключение Ирецкого о заделке пробоины нашло себе даже в речах умеренное применение. Один только оратор воспользовался им, чтобы применить теорию к практике. Он рассказал нам не быль и не сказку о том, как какой-то капитан, удостоенный за то орденом, заделал по рецепту эксперта Ирецкого пробоину и благополучно прибыл в порт. Но ведь это был рассказ во вкусе Жюль Верна. Как известно, на основании точного приложения теоретических данных этот автор путешествовал и на луну.

Гораздо более цены имеют некоторые указания эксперта Баркарева по тому же предмету. В Константинопольском проливе среди бела дня, на его глазах, пошел ко дну французский пароход, получивший пробоину, которую невозможно было заделать в течение 25 минут. В другом случае другое судно, очутившись в таком же положении, предпочло скорее разбиться и выброситься на берег, нежели затевать заделку пробоины. Все бывшие на рейде признали такое решение командира благоразумным. Где же было затевать эту сложную и гадательную операцию Криуну, когда у него была другая верная надежда — «Колумбия». На вопрос прокурора, обращенный к одному из экспертов: чего же ждал Криун для спасения пассажиров, эксперт Падалка, не обинуясь, отвечал: «ждал «Колумбии». Он был вправе, он должен был ее ждать. В ожидании этой помощи он мог воспользоваться только шлюпками. И вот команда: «шлюпки на воду!» раздаётся опять-таки с капитанского мостика. Криун, видевший Суркова, своего старшего помощника, знал что им «принята» эта команда, так как тот ответил «есть!», что по морской терминологии значит «будет исполнено!» Второму своему помощнику, Фельдману, он приказал готовить трап и подвести к нему пассажиров, причем приказал: «женщин и детей вперед!», и от Фельдмана на оба капитанских оклика раздалось: «есть? есть!» Затем мы знаем, что случилось. После того, как Сурков бежал, никому не сказавшись, с лучшими матросами на «Колумбию», не сдав никому надзор за двумя другими шлюпками, поднялся невообразимый хаос, который унять было уже невозможно. Часть команды и пассажиров, каковы Черномордик, поручик Вурдигов, чиновник Поповский, Загордан и многие другие, ринулись

в шлюпки, оттесняя женщин и детей. Пошла настоящая свалка: мешали друг другу, лезли через головы и плечи других, так что, например, свидетель Далеvский, стоявший поодаль, не решался даже приблизиться, основательно рассуждая, что лучше погибнуть вовсе, нежели спастись искалеченным или искалечив других. Не все, к сожалению, рассуждали так, и большинство представляло собой озверелую толпу, жившую одной только мыслью, одним инстинктом самосохранения. Шлюпки отвалили, не попадая вовсе к трапу. Две лучшие и самые большие шлюпки были разбиты «Колумбией». Затем ни одна шлюпка более к «Владимиру» не вернулась. Напрасно и толпа, и капитан до хрипоты кричали им вслед: «шлюпки назад!» Чтобы покончить с вопросом о шлюпках, отвечу на те упреки, которые посылались по адресу Криуна.

Уверяли, что шлюпки спускались долго, между прочим, оттого, что были прикрашены к стойкам, тали будто бы тоже были закрашены и т. п. Если сообразить вес шлюпок и прохождение тали внутри блоков, все эти соображения покажутся просто наивными. Можно закрасить шкерты, наружные части блоков и стоек, но закрасить смоляные тали или внутреннюю часть блока даже на заказ нельзя. Для сколько-нибудь сведущего лица ясно, что эти измышления о закрашивании шлюпок, препятствовавшем якобы спуску, — плод фантазии таких достоверных, но наивных свидетелей, как Черномордик и Дырдовский. Первый, обезумевший от страха, желая попасть в первую же шлюпку, свалился в воду, откуда его подняли на шлюпку. Едва ли он отдавал себе вообще какое-либо представление об окружающем. Он помнит только, что кто-то три раза ударил его по шее. О краске он заявлял нам так: я домохозяин, и, стало быть, понимаю, что такое краска... Краска была! Где была? В этом он даже отчета себе не дает. Другой свидетель, потрогавший тали, передает нам: «были закрашены, я ощущал прилипание к рукам». Об этом характерном ощущении прилипания к рукам свидетельствовал нам только один интендантский чиновник г-н Дырдовский. Мы видели шлюпки на «Колумбии», видели, что такое тали (толстый смоляной канат), судите сами, господа судьи, можно ли их закрасить. Думаю, об этом довольно. С этой легендой можно так же легко покончить, как уже давно покончено со штормовыми свечами, мешками с ворсом и пр. Все это, — блуждающие болотные огоньки, которым суждено умереть своей смертью, погаснув без чада.

Шлюпки действительно спускались довольно долго благодаря общей панике, общей свалке, но вовсе не благодаря их закрашиванию или царившей якобы тьме на пароходе. Иллюминации, когда погасло электричество, конечно, не было, но фонарей 10–15 достаточно освещали пароход. Притом непрерывно горели фальшфейера, жгли парусину, об-

литую керосином, и т. п. На крошечную тьму ни в каютах, ни на палубе во всяком случае никто не жаловался. Наружные же огни, как призывы к помощи, давали непрерывно знать о себе. Вспомните единогласное показание всех свидетелей, наблюдавших погружение «Владимира». Только по огням и знали, что он все еще борется со смертью. Все время на нем вспыхивали огни; это было прерывистое дыхание больного в агонии, оно угасло только вместе с ним. Звонил также все время колокол, призывавший «Колумбию», но и из этого ровно ничего не вышло. Звон оказался звоном погребальным. Когда подумаешь при этом, что на подход «Колумбии» вплотную нужны были всего каких-нибудь 5–7 минут и что их не нашлось у Пеше, невольно содрогаешься. Живо встает в моем воображении образ этой словно окаменевшей молодой девушки, вперившей свой задумчивый взгляд на освещенную «Колумбию» и не проронившей ни одного слова. Я говорю о Шестаковой, и невольно начинает щемить сердце. С нею рядом был ее отец и несколько других спокойных и хладнокровных пассажиров. Я бы назвал их аристократами несчастья, аристократами в лучшем значении слова. Они оставались на корме, все более и более погружавшейся в воду, чувствовали приближение рокового момента, но оставались спокойными. Кувшинов закурил папиросу, он находил, что умереть когда-нибудь надо и что лучше — «это умереть спокойно». Была ли это эстетическая бравада человека, желавшего «красиво умереть», или действительное спокойствие философа, видевшего близость спасения, для нас безразлично; спокойствие было. Отец успокаивал дочь, а вместе и всех окружающих: «Полно, мы не погибнем, мы не можем погибнуть... так близко «Колумбия», она подойдет!» Увы, она не подошла!..

Здесь возникал вопрос, для чего, с какой целью, собственно, капитан Криун все время оставался на площадке. В этом хотели видеть признак его бездеятельности, не говоря о подозрениях более низменного свойства. Прежде всего надо заметить, что сама катастрофа застигла его на этой площадке. Первую секунду он на ней, так сказать, замер невольно, а затем уже оставался сознательно, так как площадка приходилась ближе всего к баку, где всего более было народа. Именно вокруг этой площадки кишел тот третьеклассный простолоудин, который, заменяя собою охотно матроса, беспрекословно исполнял все работы. Со стороны обвинения, по-видимому, намеренно было обойдено молчанием одно весьма важное обстоятельство. После ухода шлюпок все распоряжения Криуна сосредоточились на том, чтобы собрать возможно большее количество пловучих предметов. Рубились двери, люки, нары, из отделения третьего класса сносились койки. Это была работа нелегкая, требовавшая и указаний и усилий. Все это делалось, как удостоверили нам

третьеклассные пассажиры Тиль, Эрнест, Грото де Буко, Соханский и другие, по указаниям Криуна. Говорили, зачем он не сбежал с площадки, не стоял у шлюпок, трапа и т. п. Но такие требовательные, такие непримиримые господа, как Дырдовский и Далевский, в придачу с княгиней Бебутовой, пожалуй, обвиняли бы его тогда, в другом более тяжком преступлении, распустив сгоряча молву, что капитан хотел сесть в шлюпку первым. Под влиянием того экстаза, в состоянии которого эти свидетели давали свои показания, всего можно ждать. Ведь утверждал же Дырдовский в своем показании, данном на предварительном следствии, будто «Владимир» так и пошел ко дну со шлюпкой на борту, которую будто бы не было никакой физической возможности спустить на воду. От этой басни он должен был здесь отказаться, так как выяснилось, что то был лишь борт разбитой шлюпки. Уверял тот же Дырдовский, что он вместе с другими пассажирами усаживал в шлюпку «детей и женщин»; мы, однако, знаем, сколько их попало в шлюпку. Воистину трагично положение Криуна перед судом таких господ. Фельдман бежал и суетился, — это худо. Криун стоял — худо тоже! Когда Криун узнал, что вся команда разбежалась, когда увидел, что помощь не приходит, роль его как капитана оказалась трагически неблагоприятной. Но у него оставалась еще одна задача, одна обязанность. Для функции командира все суживался круг, волны уже набегали и захлестывали корму, для всех надвигалась смерть, он как солдат решил, по крайней мере, не покидать своего поста. И в этом личной мужестве никто отказать ему не вправе. В последнюю, минуту он думал только о других. На месте крушения, это удостоверяет нам единогласно и команда «Синеуса», и команда «Колумбии», образовался целый плавучий остров. Его создал Криун. Вы можете сделать простой арифметический подсчет спасенных и убедитесь, что 50–60 человек спаслись исключительно только благодаря этой разумной мере. Не говоря уже о таких искусных пловцах, как Тиль, который устроился с некоторым комфортом и даже захватил с собой вещи, плавая сперва на люке, потом на двери, масса вовсе не умеющих плавать спаслась. Спаслись женщины: г-жи Эрнест, Залевская, Шевалье, Зигомала и много других. Ряд свидетелей, запальчиво изобличивших здесь Криуна в нераспорядительности, забывают, что даже та доска, на которой они спасли свою собственную жизнь; дана им в руки Криуном. Им это не приходит в голову.

Да, господа судьи, если Криуну придется замалчивать грех смерти, приписываемый ему обвинением, то он, во всяком случае, может утешить себя мыслью, что 50 человек, несомненно, уцелело только благодаря его распорядительности. Вспомните показание немногих, бывших около него в эту последнюю минуту. Момент общей гибели надвигал-

ся, он мог бы считать, что роль его как капитана кончена. Но ранее чем раздался его последний возглас: «спасайся, кто может!», который освобождал бы его уже от всяких дальнейших обязательств, он еще раз дает команду: «все на бак, берите вещи и бросайтесь!» И кто его послушал — спасся. Оставшиеся на корме, хотя и бывшие в поясах, Кувшинов, Шестаковы и другие погибли. Я дорожу этим моментом, он несомненен. Последними видят его и не издали, как Дырдовский, а вблизи, Хамарито, Фельдман и Сопощко. Они уже кидались в воду, а он все еще чернелся зловещим силуэтом на своей изломанной и исковерканной вышке, куда кинулся было свидетель Хамарито, но, увидев как там неудобно и опасно находиться, бросился назад. И его еще корят этой площадкой! Он до конца пережил весь неслыханный ужас картины, видел все ее детали, слышал все стоны, все вопли! Чего же еще требовать от капитана. Ведь не он покинул «Владимира» — «Владимир» сам ушел из-под его ног. Как полководец, он был разбит и потерпел поражение, мы можем судить его и вкось и вкривь, благо задним числом так легко ставить себя на чужое место, но как солдат, как воин, он мужественно исполнил свой долг, и этого не отнимет никто у него никаким приговором.

Два слова еще. Невольно напрашивается сравнение. Как строго судили Криуна иные и как легко прощали Пеше. А между тем вдумайтесь только. В то время как Криуну в вину ставят то, что он не проявил какой-то особенной, гениальной находчивости и распорядительности в минуту ежесекундно грозившей ему гибели, Пеше был в полной безопасности на своей «Колумбии». Ему даже соображать не нужно было. Ему стоило только повернуть рычаг телеграфного аппарата, а если он сам не хотел этого сделать, стоило только не мешать это сделать Суркову, и «Колумбия» вплотную подошла бы к «Владимиру».

Вы видите, нужно не только закрывать глаза, нужно зажмурить совесть, чтобы не видеть разницы в образе действий обоих капитанов.

Я кончаю. Криун отсутствует. Вы должны простить ему это. С того момента, когда его вытащили бесчувственного из воды, с искалеченными ногами и до сегодняшнего дня, протекло четыре месяца. Для него это была одна сплошная нравственная пытка. Его отсутствие во время прений избавило его, по крайней мере, от тех ударов, которые носили на себе все характерные черты ударов, которые наносятся лежащему. Я не прошу у вас ни милости, ни снисхождения для него. Я твердо верю, что русское общество своим чутким сердцем давно уже поняло, что в лице Криуна оно имеет дело с гораздо более несчастным, нежели виновным человеком.

* * *

Криун был приговорен к четырем месяцам тюремного заключения и церковному покаянию, а впоследствии от наказания освобожден.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927)

Доктор права (1890), почетный член Московского университета (1892), почетный академик Петербургской АН (1900), член Государственного совета (1907), член законодательной комиссии по подготовке многочисленных законов и положений, член и председатель Петербургского юридического общества (1916).

Окончил юридический факультет Московского университета (1865). С 1866 года служил в судебных органах (помощником секретаря судебной палаты в Петербурге, секретарь прокурора Московской судебной палаты, товарищ прокурора Сумского и Харьковского окружных судов, прокурор Казанского окружного суда, товарищ прокурора, а затем прокурор Петербургского окружного суда, обер-прокурор кассационного департамента Сената, сенатор уголовного кассационного департамента Сената).

Сторонник демократических принципов судопроизводства, введенных судебной реформой 1864 года (суд присяжных, гласность судебного процесса и т. д.). В области государственного и общественного строя придерживался умеренно-либеральных взглядов.

Приобрел широкую известность в связи с делом В.И. Засулич, обвинявшейся в покушении на убийство петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова. Деятельность Кони носила прогрессивный, гуманный характер. После Великой Октябрьской социалистической революции Кони продолжал литературную работу, был профессором уголовного судопроизводства в Петроградском университете (1918–1922), выступал с лекциями в научных, общественных, творческих организациях и культурно-просветительных учреждениях.

В литературных произведениях Кони создал яркие портреты крупных государственных и общественных деятелей своего времени.

Особую известность приобрели его записки судебного деятеля и воспоминания о житейских встречах (составили 5 томов сборников под общим названием «На жизненном пути», 1912–1929), юбилейный (1864–1914) сборник очерков и статей «Отцы и дети судебной реформы», работа «Советы лекторам» (из неопубликованных заметок).

Приемы и задачи обвинения¹ (1911 г.)

<...> Не могу не припомнить беседы с воспитанниками выпускного класса училища правоведения после одной из моих лекций по уголовному процессу в конце семидесятых годов.

Они спрашивали меня, что им, готовящимся к судебной деятельности, нужно делать, чтобы стать красноречивыми. Я отвечал им, что если под красноречием разумеешь дар слова, волнующий и увлекающий слушателя красотой формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатом воспитательных влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний. Дар красноречия, по мнению Бисмарка, который хотя и не был красноречив сам, но умел ценить и испытывать на себе красноречие других, имеет в себе увлекающую силу, подобно музыке и импровизации. «В каждом ораторе, — говорил он, — который действует красноречием на своих слушателей, заключается поэт, и только тогда, когда он награжден этим даром и когда, подобно импровизатору, он властно повелевает своему языку и своим мыслям, он овладевает теми, кто его слушает». Поэтому невозможно преподавать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым. Иное дело уметь говорить публично, т. е. быть оратором. Это уменье достигается выполнением ряда требований, лишь при наличии которых можно его достигнуть. Этих требований или условий, по моим наблюдениям и личному опыту, — три: нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами, причем, конечно, к этому знанию относится и знакомство с сокровищами Судебная риторика. По поводу требования знания языка я ныне должен заметить, что приходилось

---

¹ Эта статья первоначально была опубликована в 1911 году в журнале «Русская старина» (№ 11 — ноябрь) под названием «Из заметок и воспоминаний судебного деятеля». В первом томе собрания работ «На жизненном пути» А.Ф. Кони разделил статью на два самостоятельных очерка — «Приемы и задачи обвинения» и «Из прошлого петербургской прокуратуры». В этом виде оба очерка печатались до 1924 года, когда вышли вновь объединение отдельным изданием под заглавием «Приемы и задачи обвинения (из воспоминаний судебного деятеля)» (Пг., 1924). Под таким же названием работа опубликована в т. 4 (М., 1967) восьмитомного собрания сочинений А.Ф. Кони [Электронный ресурс]. URL: <http://zadocs.ru/filosofiya/7929/index.html?page=44>

слышать мнение, разделяемое многими, что это дело таланта: можно знать язык и не уметь владеть им. Но это неверно. Под знанием языка надо разуть не богатство Гарпагона или Скупого рыцаря, обьятое «сном силы и покоя» на дне запертых сундуков, а свободно и широко тратимые, обильные и даже неисчерпаемые средства. «Когда мы прониклись идеею, когда ум хорошо овладел своею мыслью, — говорит Вольтер, — она выходит из головы вполне вооруженною подходящими выражениями, облеченными в подходящие слова, как Минерва, вышедшая вся вооруженная из головы Юпитера». В записках братьев Гонкур приводятся знаменательные слова Теофиля Готье: «Я бросаю мои фразы на воздух, как кошек, и уверен, что они упадут на ноги... Это очень просто, если знать законы своего языка». У нас в последнее время происходит какая-то ожесточенная порча языка, и трогательный завет Тургенева о бережливом отношении к родному языку забывается до очевидности: в язык вносятся новые слова, противоречащие его духу, оскорбляющие слух и вкус и притом по большей части вовсе ненужные, ибо в сокровищнице нашего языка уже есть слова для выражения того, чему дерзостно думают служить эти новшества. Рядом с этим протискиваются в наш язык иностранные слова взамен русских, и наконец, употребляются такие соединения слов, которые, по образному выражению Гонкура, «hurlent desetrouver ensemble»¹. Неточностью слога страдают речи большинства судебных ораторов. У нас постоянно говорят, например, внешняя форма и даже — *horribile dictu*² — для проформы. При привычной небрежности речи нечего и ждать правильного расположения слов, а между тем это было бы невозможно, если бы оценивался вес каждого слова во взаимоотношении с другими. Недавно в газетах было напечатано объявление: «актеры-собаки» вместо «собаки-актеры». Стоит переставить слова в народном выражении кровь с молоком и сказать молоко с кровью, чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного на свое место. Наконец, сказал я, нужно не л г а т ь. Человек лжет в жизни вообще часто, а в нашей русской жизни и очень часто, тройким образом: он говорит не то, что думает, — это ложь по отношению к другим; он думает не то, что чувствует, — это ложь самому себе, и, наконец, он впадает в ложь, так сказать, в квадрате: говорит не то, что думает, а думает не то, что чувствует. Присутствие каждого из этих видов лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимает у публичной речи ее силу и убедительность. Поэтому искренность по отношению к чувству и к делаемому выводу или утверждаемому положению должна со-

---

¹ Рычат, оказавшись вместе.

² Страшно сказать.

ставлять необходимую принадлежность хорошей, т.е. претендующей на влияние, речи. Изустное слово всегда плодотворнее письменного: оно живет слушающего и говорящего. Но этой животворной силы оно лишается, когда оратор сам не верит тому, что говорит, и, утверждая, втайне сомневается или старается призвать себе на помощь вместо зрелой мысли громкие слова, лишённые в данном случае внутреннего содержания. Слушатель почти всегда в этих случаях невольно чувствует то, что говорит Фауст: «Wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein»¹. Вот почему лучше ничего не сказать, чем сказать ничего. «Поэтому, господа, — заключил я нашу беседу, — не гонитесь за красноречием. Тот, кому дан дар слова, ощутит его, быть может, внезапно, неожиданно для себя и без всяких приготовлений. Его нельзя приобрести, как нельзя испытать вдохновение, когда душа на него не способна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа — его язык. Пусть не мысль ваша ищет слова и в этих поисках теряет и утомляет слушателей, пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстанут перед вашею мыслью в полном ее распоряжении. Выступайте во всеоружии знания того, что относится к вашей специальности и на служение чему вы призваны, а затем — не лгите, т.е. будьте искренни, и вы будете хорошо говорить, или, как гласит французская судебная поговорка: «Vous aures l'oreille du tribunal»².

Теперь, после долгого житейского опыта, я прибавил бы к этим словам еще и указание на то, что ораторские приемы совсем неодинаковы для всех вообще публичных речей и что, например, судебному оратору и оратору политическому приходится действовать совершенно различно. Речи политического характера не могут служить образцами для судебного оратора, ибо политическое красноречие совсем не то, что красноречие судебное. Уместные и умные цитаты, хорошо продуманные примеры, тонкие и остроумные сравнения, стрелы иронии и даже подъем на высоту общечеловеческих начал далеко не всегда достигают своей цели на суде. В сновании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, т.е., иными словами, необходимость склонять слушателей присоединиться к своему мнению. Но политический оратор немного достигнет, убеждая и доказывая. У него та же задача, как у служителя искусства, хотя и в других формах. Он должен, по выражению Жорж Санд, «montrer et emouvoir»³, т.е. осветить известное явление всею силою своего слова и, умея уловить создающееся

---

¹ Где присутствуют понятия, там заменяют их вовремя подвернувшиеся слова.

² Вы будете пользоваться доверием суда (франц.).

³ Показывать и волновать.

у большинства отношение к этому явлению, придать этому отношению действующее на чувство выражение. Число, количество, пространство и время, играющие такую роль в критической оценке улик и доказательств при разборе уголовного дела, — только бесплодно отягощают речь политического оратора. Речь последнего должна представлять не мозаику, не тщательно и во всех подробностях выписанную картинку, а резкие общие контуры и рембрандтовскую светотень. Ей надлежит связывать воедино чувства, возбуждаемые ярким образом, и давать им воплощение в легком по усвоению, полновесном по содержанию слове. <...>

Первым по времени трудом на русском языке, предназначенным для судебных ораторов, явилось «Руководство к судебной защите» знаменитого Миттермайера (...) Исходя из мысли об учреждении в университетах особых кафедр «для преподавания руководства к словесным прениям», Миттермайер предлагает вниманию лиц, посвящающих себя уголовной защите, свой труд, чрезвычайно кропотливый, в значительной мере чисто теоретический и весьма несвободный от приемов канцелярского производства, несмотря на то, что у автора везде предполагается защита перед судом присяжных заседателей. Масса параграфов (сто тридцать шесть), разделяющихся на пункты *A, B, C*, распадающиеся в свою очередь на отделы, обозначенные греческими буквами, производит при первом взгляде впечатление широкого захвата и глубокой мысли, а в действительности содержит в себе элементарные правила обмена мыслей, изложенные притом в самых общих выражениях. Среди этих правил попадаются, впрочем, и практические советы, поражающие своею наивностью. Такова, например, рекомендация защитнику не утаивать от подсудимого (*sic!*) грозящего ему наказания, как будто обвиняемый и защитник находятся в отношениях больного к врачу, причем последний во избежание осложнения недуга своего пациента иногда скрывает от него его опасное состояние. Условиями судебного красноречия Миттермайер ставит наличность основательных доказательств, ясный способ изложения и очевидную добросовестность «в соединении с тем достоинством выражений, которое наиболее прилично случаю». Поэтому он советует говорить защитительную речь по заранее заготовленной записке, избегая: А) выражений плоских, Б) напыщенных, В) устарелых, Г) иностранных и Д) вообще всяких излишних нововведений, обращая при этом внимание на: а) ударение, б) расстановки, в) различные тоны речи и г) телодвижения. Едва ли нужно говорить, что в таком определении красноречия оно, употребляя выражение Тургенева, «и не ночевало». Доказательства могут оказаться весьма основательными (например, *alibi*, поличное, собственное признание),

ясная мысль может быть облечена в «приличные случаю» выражения и не покушаться извращать истину — и тем не менее от речи будет веять скукой. Нужна яркая форма, в которой сверкает пламень мысли и искренность чувства. Наиболее живой отдел труда Миттермайера — это говорящий об отношении защитника к доказательствам, но и он гораздо ниже по содержанию, чем прекрасные, но, к сожалению, составляющие библиографическую редкость книга нашего почтенного криминалиста Жириева «Теория улики» или богатое опытом и до сих пор не устаревшее сочинение Уильза «Теория косвенных улики».

С тех пор в оценках речей русских судебных ораторов, в заметках самих ораторов и в наставлениях начинающим адвокатам в различных специальных брошюрах появлялись указания на приемы и методы того или другого оратора или на его собственные взгляды на свою профессию. Но несмотря на ценность отдельных этюдов, все это или отрывочно или главным образом сведено к оценке и выяснению свойств таланта и личных приемов определенной личности. Лишь в последнее время появилось прекрасное систематическое по судебному красноречию сочинение П.С. Пороховщикова «Искусство речи на суде» (1910 г.).

На первом плане я, конечно, считал нужным ставить изучение дела во всех его частях, вдумываясь в видоизменение показаний одних и тех же лиц при дознании и следствии и знакомясь особенно тщательно с вещественными доказательствами. Последняя — скучная и кропотливая работа, казавшаяся порою бесплодной, приносила, однако, во многих случаях чрезвычайно полезные результаты, имевшие решительное влияние на исход дела. Вещественные доказательства не только представляют собою орудия и средства, следы и плоды преступления, но вдумчивое сопоставление их между собою дает иногда возможность проследить постепенную подготовку преступления и даже самое зарождение мысли о нем. В целях правосудия это весьма важно, ибо не только дает опору обвинению, но создает законную возможность отказа от него. В деле Янсен и Акар, обвинявшихся во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, мне удалось выработать крайне вескую улику, сопоставляя между собой номера кредитных билетов, расположенных в двух партиях, направленных в отдаленные один от другого города; в дело о диффамации в печати семиречинского губернатора Аристова, по коему состоялся обвинительный приговор в судебной палате, — разбором официальной переписки о маленьком народце «таранчах», приобщенной, между прочим, к делу, удалось установить, что г-н семиречинский губернатор вполне заслужил то, что он называл диффамацией, и имеет удовольствие отказаться в сенате от обвинения.

Я уже не говорю о том, до какой степени разбор приобщенных к делам переписок, заметок, дневников и других рукописей обвиняемых или потерпевших дает возможность ознакомить суд с их личностью иногда их же собственными словами. Могут сослаться в этом отношении на характеристики скопца Солодовникова и ростовщика Седкова в моей книге «Судебные речи». Как председатель суда, я бывал не раз свидетелем прискорбных сюрпризов, которые создавались для сторон во время судебного заседания, вследствие незнакомства их с тем, что содержится в не просмотренных ими пакетах и свертках, лежащих на столе вещественных доказательств.

Отсутствие тщательного изучения дела не только грозит такими сюрпризами, но побуждает обвинителя прибегать иногда к приемам, о нравственном значении которых не может быть двух мнений.

Я помню одного известного адвоката, талантливо и знающего, — в частной жизни, как говорят, доброго и готового на дружеские услуги, — но неразборчивого ни в свойстве дел, ни в свойстве приемов, вносимых им в судебное состязание. По громкому, волновавшему общество делу о подлоге огромной важности он принял на себя обязанности гражданского истца и, придя ко мне вечером накануне заседания, просил дать ему прочесть дело, находившееся у меня, как у будущего обвинителя. «Какой том?» — спросил я его. «А разве их много?» — в свою очередь спросил он. «Четырнадцать, да семь томов приложений и восемь связок вещественных доказательств». — «Ах, черт их возьми!.. где же мне все это разбирать... Но я изучил обвинительный акт: мастерски написан!». — «Так как мы имеем во многом общую задачу в деле, то скажите, как вы смотрите на эпизод с *MN*?» — «А в чем он состоит?» — «Да ведь ему исключительно посвящена целая глава обвинительного акта, который вы изучили...». — «По правде говоря, я его только перелистал, но у меня будут свои доказательства». В судебном заседании, длившемся целую неделю, он молчал все время судебного следствия и лишь при заключении его потребовал, чтобы было прочтено письмо одного из умерших свидетелей, находящееся в таком-то томе, на такой-то странице, в котором пишущий почти что сознается в содействии к отправлению на тот свет других свидетелей, опасных для богатого и влиятельного подсудимого. Это заявление произвело большое впечатление на присяжных и на публику, так как среди последней был пущен ни на чем не основанный слух, что неудобные для подсудимых свидетели «устранены из дела навсегда», а присяжные находились под впечатлением происшедшей у них на глазах смерти одного — очень волновавшегося — свидетеля, последовавшей от разрыва сердца. В месте, указанном поверенным гражданского истца, оказалась чистая страница. Он указал

другой том производства, которого, как мне, из его же слов, было известно, даже не видал, — и там оказалась какая-то незначительная бумага, а на гневный вопрос председателя, после того, как я и защитники заявили, что такого письма ни в деле, ни в вещественных доказательствах нет, объяснил, что том и страница были у него записаны на бумажке, но ее у него «кто-то стащил», причем снова повторил содержание вымышленного письма. Таковы были его «свои доказательства»!

Изучение и знание дела во всех его подробностях было, по крайней мере в начале семидесятых годов, необходимо и для проведения в жизнь возможно широким образом и в неприкосновенности основных начал деятельности реформированного суда — устности, гласности и непосредственности. Я помню заседание по одному очень сложному и серьезному делу, длившееся шесть дней в 1872 году. В деле была масса протоколов осмотров и обысков, показаний неявившихся свидетелей и множество документов, весьма нужных для судебного состязания. По закону каждая из сторон могла требовать их прочтения, томительного и подчас трудно уловимого. Мы с К.К. Арсеньевым, стоявшим во главе защиты по делу, молчаливым соглашением решили почти ничего не читать на суде и провести весь процесс на строгом начале устности. Поэтому во всех нужных случаях каждый из нас с согласия противника просил разрешения ссылаться на письменный материал, говоря присяжным: «Господа, в таком-то документе, протоколе или показании есть такое-то место, выражение, отметка, цифра; прошу удержать их в памяти; если я ошибся, мой противник меня поправит». Таким образом мы провели все заседание, не прочитав присяжным ничего, но рассказали очень многое. Конечно, это требовало, кроме знания подробностей дела, большого напряжения памяти и взаимного уважения сторон. Но первая в то время у К.К. Арсеньева и у меня была очень сильна, а взаимное уважение само собою вытекало из одинакового понимания нами задач правосудия.

Ознакомясь с делом, я приступил прежде всего к мысленной постройке защиты, выдвигая перед собою резко и определительно все возникающие и могущие возникнуть по делу сомнения и решал поддерживать обвинение лишь в тех случаях, когда эти сомнения бывали путем напряженного раздумья разрушены и на развалинах их возникало твердое убеждение в виновности. Когда эта работа была окончена, я посвящал вечер накануне заседания исключительно мысли о предстоящем деле, стараясь представить себе, как именно было совершено преступление и в какой обстановке. После того, как я пришел к убеждению в виновности путем логических, житейских и психологических соображений, я начинал мыслить образами. Они иногда возникали передо мною с такой

силой, что я как бы присутствовал невидимым свидетелем при самом совершении преступления, и это без моего желания, как мне кажется, отражалось на убедительности моей речи, обращенной к присяжным. Мне особенно вспоминается в этом отношении дело банщика Емельянова, утопившего в речке Ждановке для того, чтобы сойтись с прежней любовницей, свою тихую, молчаливую и наскучившую жену. Придя к твердому убеждению в его виновности (в чем он и сам после суда сознался), несмотря на то, что полиция нашла, что здесь было самоубийство, я в ночь перед заседанием, обдумывая свои доводы и ходя, по тогдашней своей привычке, по трем комнатам моей квартиры, из которых лишь две крайние были освещены, с такой ясностью видел, входя в среднюю темную комнату, лежащую в воде ничком, с распущенными волосами несчастную Лукерью Емельянову, что мне, наконец, стало жутко.

Речей своих я никогда не писал. Раза два пробовал я набросать вступление, но убедился, что судебное следствие дает такие житейские краски и так перемещает иногда центр тяжести изложения, что даже несколько слов вступления, заготовленного заранее, оказываются вовсе не той увертюрой, выражаясь музыкальным языком, с которой должна бы начинаться речь. Поэтому в отношении к началу и заключению речи я держался поговорки: «Как Бог на душу положит». Самую сущность речи я никогда не писал и даже не излагал в виде конспекта, отмечая лишь для памяти отдельные мысли и соображения, приходившие мне в голову во время судебного следствия, и набрасывая схему речи перед самым ее произнесением отдельными словами или условными знаками, значения которых, должен сознаться, через два-три месяца уже сам не помнил и не понимал. Я всегда чувствовал, что заранее написанная речь должна стеснять оратора, связывать свободу распоряжения материалом и смущать мыслью, что что-то им забыто или пропущено. Профессор Тимофеев в своих статьях об ораторском искусстве ошибается, говоря, что Спасович и я всегда писали свои речи. Это верно лишь относительно Спасовича, который, действительно, подготавливал свои речи на письме, чем довольно коварно пользовались некоторые его противники, ограничиваясь кратким изложением оснований обвинения и выдвигая свою тяжелую артиллерию уже после того, как Спасович сказал свою речь, причем его возражения, конечно, относительно бывали слабы. Писал свои речи и Н.В. Муравьев — крупным, отдельным почерком, очень искусно и почти незаметно читая наиболее выдающиеся места из них. Обвиняя под моим председательством братьев Висленевых и Кутузова, он после речей защиты просил перерыва на два часа и заперся в моем служебном кабинете, чтобы писать свое возражение. Не надо забывать, что не только там, где личность подсудимого и свидетеле-

лей изучается по предварительному следствию, но даже и в тех случаях, когда обвинитель наблюдал за следствием и присутствовал при допросах у следователя, судебное заседание может готовить для него большие неожиданности. Нужно ли говорить о тех изменениях, которые претерпевает первоначально сложившееся обвинение и самая сущность дела во время судебного следствия? Старые свидетели забывают зачастую то, о чем показывали у следователя, или совершенно изменяют свои показания под влиянием принятой присяги; их показания, выходя из горнила перекрестного допроса, иногда длящегося несколько часов, совершенно другими, приобретают резкие оттенки, о которых прежде и помину не было; новые свидетели, впервые являющиеся на суд, приносят новую окраску обстоятельствам дела и выясняют данные, совершенно изменяющие картину события, его обстановки, его последствий. Кроме того, прокурор, не присутствовавший на предварительном следствии, видит подсудимого иногда впервые — и перед ним предстает совсем не тот человек, которого он рисовал себе, готовясь к обвинению или занимаясь писанием обвинительной речи. «В губернском городе судился учитель пения за покушение на убийство жены, — рассказывает из своего опыта П.С. Пороховщиков. — Это был мелкий деспот, жестоко издевавшийся над любящей, трудящейся, безупречной супругой и матерью; насколько жалким представлялся он в своем себялюбии и самомнении, настолько привлекательна была она своей простотой, искренностью. Муж стрелял в нее сзади, сделал четыре выстрела и всадил ей одну пулю в спину, другую в живот. Обвинитель заранее рассчитывал на то негодование, которое рассказ этой мученицы произведет на присяжных. Когда ее вызвали к допросу и спросили, что она может показать, она сказала: я виновата перед мужем, муж виноват передо мной, — я его простила и ничего показывать не желаю. Я виновата — и я простила! Обвинитель ожидал другого, ничего подобного он не предполагал, но надо сказать, что сколько бы он ни думал, как бы ни искал он сильных и новых эффектов, такого эффекта он никогда бы не нашел». Еще большие изменения может вносить экспертиза. Вновь вызванные сведущие люди могут иногда дать такое объяснение судебно-медицинской стороне дела, внести такое неожиданное освещение смысла тех или других явлений или признаков, что из-под заготовленной заранее речи будут вынуты все сваи, на которых держалась постройка. Каждый старый судебный деятель, конечно, многократно бывал свидетелем такой «перемены декораций». Если бы действительно существовала необходимость в предварительном письменном изложении речи, то возражения обыкновенно бывали бы бесцветны и кратки. Между тем в судебной практике встречаются возражения, которые

сильнее, ярче, действительнее первых речей. Несомненно, что судебный оратор не должен являться в суд с пустыми руками. Изучение дела во всех подробностях, размышление над некоторыми возникающими в нем вопросами, характерные выражения, попадающиеся в показаниях и письменных вещественных доказательствах, числовые данные, специальные названия и т. п. должны оставить свой след не только в памяти оратора, но и в его письменных заметках. Вполне естественно, если он по сложным делам набросает себе план речи или ее схему — своего рода *vademecum*¹ в лесу разнородных обстоятельств дела. Но от этого еще далеко до изготовления речи в окончательной форме. Приема неписания речей держался и известный московский прокурор Громницкий, говорящий в своих воспоминаниях о писанных речах, что они «гладки и стройны, но бледны, безжизненны и не производят должного впечатления; это блеск, но не свет и тепло; это красивый букет искусственных цветов, но с запахом бумаги и клея». Мой опыт подтверждает этот взгляд. Из отзывов компетентных ценителей и из отношения ко мне присяжных заседателей — отношения, не выражаемого внешним образом, но чувствуемого, я убедился, что мои возражения иногда нескольким защитникам сразу, сказанные без всякой предварительной подготовки и обыкновенно, по просьбе моей, немедленно по окончании речей моих противников, производили наибольшее впечатление.

Еще до вступления в ряды прокуратуры я интересовался судебными прениями и читал речи выдающихся западных судебных ораторов, преимущественно французских, но должен сознаться, что мало вынес из них поучительного. Их приемы не подходят к природе русского человека, которой чужда приподнятая фразеология и полемический задор (...) Этим объясняется частный неуспех тех, иногда весьма способных, ораторов, которые говорят по несколько часов, подвергая присяжных заседателей своеобразному измору, причем измор этот приводит зачастую к неожиданным результатам или к знакам нетерпения, смущающим говорящего. Речь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковывать внимание слушателей, но не утомлять их. Судебный оратор должен избегать того, что еще Аристофан в своих «Облаках» называл «словесным поносом», замечая, что «у человека с коротким умом язык обыкновенно бывает слишком долгий». Мне вспоминается адвокат при одном из больших провинциальных судов на Волге, который любил начинать свои речи *ab ovo*². По делу о тре-

---

¹ Буквально: «иди со мной»; неизменный спутник, краткий справочник. Здесь — путеводитель, конспект.

² Буквально: «от яйца»; иносказательно: «от Адама»; с самого начала.

твѣй краже перед усталыми от предшествовавших дел присяжными он, пользуясь апатичным невмешательством председателя, посвятил первый час своей речи на историю возникновения права собственности и на развитие этого понятия с древнейших времен в связи с развитием культуры. «Теперь перехожу к обстоятельствам настоящего дела», — заключил он свой обзор и дрожащею от усталости рукою стал наливать себе стакан воды. Присяжные заседатели состояли, как нарочно, из купцов и мелких торговцев. Начиная смеркаться, наступало время закрывать лавки и подсчитывать выручку, и, вероятно, у многих из них мысль невольно обращалась к тому, что делает теперь «хозяйка» и как управился оставленный вместо себя «молодец». Когда наступила минута общего молчания перед переходом оратора от Египта, Рима и средних веков к «обстоятельствам дела», старшина присяжных с седою бородою и иконописной наружностью поднял давно уже опущенную голову, обвел страдальческим взглядом суд и оратора и, тяжело вздохнув, довольно громко, с явным унынием в голосе произнес: «Эхе-хе-эхе!» — и снова опустил голову. «Я кончил!» — упавшим голосом сказал оратор исторического исследования. Увы! непонимание опасности такого измора существует, как видно, и до настоящего времени, и еще недавно в одном из судов Украины товарищ прокурора, как удостоверено протоколом судебного заседания, сказал: «Я чувствую, что суд недоволен моей речью и делает разного рода жестикуляции; я прошу отдыха и воды — я устал». Можете себе представить, как должны были устать и судьи, и сколько воды, сверх выпитой товарищем прокурора, оказалось в его речи.

По поводу «жестикуляций», так уязвивших бедного словоохотливого обвинителя, я должен заметить, что всегда считал вполне неуместным всякие жесты и говорил свои речи, опираясь обеими руками на поставленную стоймя книгу судебных уставов, купленную в 1864 году, тотчас по выходе ее в свет, и прошедшую со мною весь мой сорокалетний судебный путь. Не думаю, чтобы резкие жесты и модуляции голоса были по душе русским присяжным заседателям, которые, по моим наблюдениям, ценят спокойствие и простоту в «повадке» обвинителя. Я не мог разделить восхищения некоторых почтительных ценителей перед красноречивым судебным ритором, который в историческом процессе первейшей важности и значения, характеризуя одного из подсудимых с чисто русской фамилией, возопил: «Нет! нет! Он не русский!» — и, швырнув перед собою трагическим жестом длинный карандаш, в деланном бессилии опустился в кресло. Таким приемам место на театральных подмостках. Обвинителю, как и проповеднику, не следует забывать совета великого Петра в его Духовном регламенте: «Не на-

добно шататься вельми, будто веслом гребет; не надобно руками сплещивать, в боки упираться, смеяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сия лишняя и неблагообразна суть, и слушателей возмущает».

Во время моего прокурорства не существовало сборников судебных речей, по которым можно было бы подготовиться к технике речи. Приходилось полагаться на собственные силы. Уже впоследствии, через много лет по оставлении прокуратуры, я стал знакомиться с русским духовным красноречием и нашел в нем блестящие примеры богатства языка и глубины мысли. Несомненно, что первое место в этом отношении принадлежит митрополиту московскому Филарету, хотя его проповеди и не согревают сердца, как некоторые чудесные слова архиепископа Иннокентия, например, «Слово в Великий Пятак», и не блещут широтою взгляда митрополита Макария. Ум, гораздо более, чем сердце, слышится в словах Филарета, которые, подобно осеннему солнцу, светят, но не греют. Но в них нет зато ни полемического задора Амвросия и Никанора, ни узкой «злопыхательной» нетерпимости некоторых из современных проповедников. У Филарета поражает чистота и строгость языка и отсутствие причастий и деепричастий и частого употребления слова *который*, причем у него в высшей степени проявляется то, что французы называют «la sobriete de la parole»¹, и доведено до виртуозности устранение всего излишнего. Он сам определяет значение живого слова, говоря, что оно может быть изострено как меч — и тогда оно будет ранить и убивать, и может быть измячено как елей — и тогда оно будет врачевать. Его проповеди исполнены красивых и сжатых образов и богаты афоризмами. (...)

Дело о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова²

Выступление адвоката А.Ф. Кони:

Господа судьи, господа присяжные заседатели! В Лесном, под самым Петербургом, умер одинокий скопец, которого считали — и не без основания — человеком очень богатым. После его смерти найдено несколько векселей и расписок на 77 тыс. руб. и 28 руб. наличности. Так как ни векселям, ни распискам не наступил еще срок, то оказалось, что этот богач проживал, в буквальном смысле, последнюю копейку и рисковал остаться совершенно без необходимых для ежедневных расхо-

---

¹ Умеренность в речи, скупость на слова.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://law.wikireading.ru/55184>

дов средств, если бы... не поспешил умереть вовремя. Обвинительная власть не может, однако, примириться со столь неожиданным обнищанием. Она полагает, что это обнищание действительно совершилось, но не при жизни покойного, а после его смерти, в ущерб его наследникам — и совершилось очень быстро и очень ловко. Она простирает свое любопытствующее недоверие так далеко, что решается считать виновником этого превращения солидных средств в 28 руб. человека, который, по его собственным словам, будучи другом умершего, «никогда не сходил с пути чести и добра».

Для того, чтобы представить вам те соображения, которые приводят к такому заключению, необходимо независимо от разбора действий подсудимого взглянуть на личность покойного, на его отношение к окружающей среде. Быть может, мы найдем в той и другом точку опоры, чтобы судить о том, какую роль и в каких размерах играл при нем подсудимый, чтобы узнать, насколько эта роль делает подсудимого неуязвимым для несправедливых, по его мнению, подозрений. Обыкновенно отсутствие потерпевшего оставляет большой пробел в деле, который нечем заполнить. Но настоящее дело представляет счастливое исключение. Благодаря ряду показаний близко стоявших к покойному лиц, благодаря его громадному дневнику, веденному с необычайною подробностью изо дня в день в течение 20 лет, благодаря, наконец, следственному делу Особой комиссии 1824 года его образ восстает пред нами, как живой, и со страниц тщательно Переплетенных томов дневника говорит о себе и о своих сношениях с людьми так, как, вероятно, покойный не стал бы говорить пред нами, если бы явился сюда лично. Я позволю себе поэтому остановиться на личности покойного и постараюсь почерпнуть из дела лишь такие ее черты, о которых ввиду их очевидной и чувствуемой несомненности у нас споров с защитой быть не может. Мой уважаемый противник с полным беспристрастием добывал вместе со мною на судебном следствии сведения об умершем и, вероятно, сойдется со мною в представлении о том, Что такое был этот умерший. А затем мы пойдем каждый своею дорогою, а вы уже решите, кто пошел верным путем, а кто забрел, куда не следовало.

Судьба одиноко скончавшегося первостатейного вильманстрандского купца Николая Назаровича Солодовникова была, господа присяжные, судьба трагическая. Ее трагизм начался отроческими стонами и воплями физической боли и продолжался как последствие того, что вызвало эти стоны и вопли, всю жизнь Солодовникова. Этот трагизм неслышно вплетался в его отношения ко всему окружающему, присоединяя к телесному увечью чувство постоянной скорби, недоверия к людям и стыда... Сиротство застало молодого Солодовникова в не-

мецком училище св. Петра, куда он поступил, как видно из его учебного аттестата, с хорошою домашнею подготовкою и знанием языков. Из средних классов училища он был взят братом, взят и – оскроплен. Старый и влиятельный скопец-миллионер хотел спасти его душу, убив раз навсегда его плоть. Мы знаем из следственного дела, что оскропление Солодовникова совершилось после одного яз «радений», и когда облитый кровью и обезображенный мальчик был отведен в отдаленную комнату, где его стали потом «залечивать» домашними средствами, собравшиеся у Михаила Солодовникова запели свои «распевы», конечно, радуясь, что стая «белых голубей» увеличилась еще одним голубком, молодую жизнь которого они только что; заклевали... Когда мальчик оправился, он очутился в полной власти брата, борьба с которым была невозможна: ему было всего 14 лет. Потянулась подначальная, унылая жизнь, воспоминания о которой попадают нередко в дневниках. Но, когда он пришел в возраст, познакомился с жизнью и понял, что насильственно и бесчеловечно лишен многих ее радостей, отвращение и ненависть к брату и окружавшим его скопцам проснулись в нем, и он без средств, тайком убежал из дому и не хотел вернуться, несмотря ни на угрозы, ни на ласковые зазывания. Брат негодовал, пробовал вернуть беглеца через полицию и заставить жить у себя, хотел лишить его наследства, но внезапно скончался... Николай Солодовников сделался обладателем большого состояния. Размеры его в точности неизвестны. Свидетели определяют его в сумме от 3 до 6 млн ассигнациями; Любавин, который близко знал денежные дела покойного и в интересах которого, как друга подсудимого – не преувеличивать состояния Солодовникова, а также биржевой маклер Безценный, знавший покойного с малолетства, говорят о 5 млн. На этой сумме, полагаю, можно и остановиться. Она не вся состояла из денег. В нее, по рассказам Солодовникова своему племяннику, входили дом на Конногвардейском бульваре, проданный впоследствии князю Кочубею за 260 тыс. руб., два корабля, товары.

Николай Солодовников был оскроплен, но не был скопцом по понятиям И привычкам. Он был чужд угрюмому скопидомству своих собратий по увечью и их ограниченному взгляду на «мирскую прелесть». В нем, первоначально, были признаки так называемой широкой русской натуры, в нем развивались художественные вкусы. Вступив властителем в жилище старого скопца, он удалил из него всех приспешников своего брата, щедро наградив двух его приказчиков, – Тименькова и Фролова, которым подарил миллион. Затем пошла жизнь в довольстве и несколько шумная. Явились дорогие лошади, изящная обстановка, Солодовников пристрастился к театру, к музыке – и стал стремиться к дружеским

отношениям с артистами, собирая их у себя, помогая им в нужде. Его высокая, тучная фигура, с молодежавым, безбородым, обрюзгшим лицом — мы имеем в деле его фотографический портрет — стала обычной принадлежностью первых рядов кресел в бенефисы — и веселый хохот, песни и шутки стали, далеко за полночь, оглашать непривычные стены старого скопческого «корабля»... Он скоро прекратил активную торговую деятельность и, потеряв на сале около миллиона ассигнациями, ликвидировал свои дела. У него все-таки осталось довольно — и недаром он в пятидесятых годах показывал Куликову мозоли на пальцах от стрижки купонов, а в половине шестидесятых, уже после потери за торговым домом Подсосова сыновей до 500 тыс. руб., заявлял доктору Гессе, что *стыдится* получать выигрыши по билетам внутренних пятипроцентных займов. Быть может, в этом была известная доля преувеличения, но, во всяком случае, документально удостоверено, что после постройки церкви на Валааме, стоившей, как сообщает настоятель обители, до 50 тыс. руб., у Солодовникова было одних пятипроцентных банковых билетов на 169 тыс. руб., не считая ни наличных денег, хранившихся на текущем счету у Любавина в размере до 30 тыс., ни билетов внутреннего займа, которых должно было быть не мало, чтобы его могли смущать падавшие на них выигрыши. Поэтому, рискуя значительно уменьшить размер его состояния, мы можем, без всякой боязни преувеличить, признать, что в половине шестидесятых годов у Солодовникова не могло быть менее 200–250 тыс. руб. капитала, не считая дачи, городского дома, и вещей, между которыми была, например, икона, стоимостью до 15 тыс. руб. Едва ли он мог проживать и половину доходов, получаемых с этого капитала. Дело в том, что с начала шестидесятых годов Солодовников был уже не тот, каким знал его театральный мир Петербурга. Хлебосольный меценат, тароватый театрал и помощник в нужде, заседатель надворного суда, отдававший свое жалованье бедным чиновникам и на улучшение пищи арестантам, — к этому времени, мало-помалу, обратился в замкнутого в себе, нелюдимого и подозрительного скупца. Дневник, идущий с начала пятидесятых годов, веденный с точностью торговой книги, дает возможность проследить, как постепенно совершилась эта перемена. С первых же его страниц мы видим, что роль покровителя искусств и друга артистов перестает удовлетворять Солодовникова. Ему надоел этот вечный шум и эта дружба, из-за которой проглядывает эксплуатация. От базара житейской суеты его мечты обращаются к такой семейной жизни. В них сказывается жажда любящего сердца. «Молитва одинокого, — читаем мы в дневнике, — просьба и требование, молитва семьянина — благодарность!» «Добрый взгляд от доброй женской души, — говорится в другом месте, — это получше, чем хорошо сыграть свою роль, — да толь-

ко оно редко». Но печальное сознание своего непоправимого физического убожества стоит рядом с этими мечтами и умерщвляет их в зародыше. Хотя Сусленников и повествует здесь весьма неправдоподобно о предложении Солодовникова жениться на близкой ему женщине, хотя в дневнике и встречаются два имени с прибавлением загадочных эпитетов и ласкательных названий, но, по-видимому, Солодовников становился лишь жертвою корыстолюбивого кокетства и расплачивался за свои «бескрылые желанья» дорогими подарками и безвозвратными ссудами. С 1854 года в дневнике все чаще и чаще встречаются злобные выходки против людей, которые «только и норовят пожить, так и глядят тебе в карман — лгунишки бесстыдные». «Приходил сегодня поздравить и узнать о здоровье, — пишет он об одном из недавних приятелей, — знаю я, какое тебе здоровье нужно, хитрая рожа: нельзя ли опять взять? Помучил его, предложил чаю, а в разговоре будто ничего не понимаю...» Он, очевидно, ищет, чем бы наполнить пустоту и унылость своей жизни: пристраивается к лошадям, ездит на бега — и через год распродает всю свою конюшню; заводит дорогих и редких голубей, строит им голубятню, восторгается их шумящим полетом — и сразу, прекращает эту забаву, этот наследственный отголосок привычек молодых купеческих парней... Нужно найти берег, к которому можно бы пристать, нужно в чем-нибудь найти себе прочную, не зависящую от людей, отраду... И вот, по страницам дневника можно проследить, как загорается и постепенно разгорается у Солодовникова — религиозное чувство. Руководимый, по-видимому, Куликовым, он начинает тщательно исполнять обряды церкви; читает жития святых, восхищается святою простотою жизни старца Саровской пустыни Серафима, делает выписки из «подражаний Христу» и начинает странствовать по монастырям. Особенно его привлекает далекий Валаам. Там — величавая природа, в связи со строгим монастырским уставом обители, руководимой деятельным игуменом Дамаскиным, так успокаивают и смиряют его душу, что он решается прожить при монастыре целый год и строит на выдающемся в озеро утесе церковь. И в дневнике за это время отчет о пестрых и болезненных впечатлениях городской жизни сменяется примирительными и умиленными страницами. Но случилось, однако, одно обстоятельство, которое изменило все душевное настроение Солодовникова. Он собирался на короткий срок в Петербург и зашел помолиться в *свою* церковь, где, по словам дневника, «залобовался отделкою, от души и с умилением молился — и в церкви, и, на паперти, благодаря бога за все оказанные ему милости, так что пошел домой совершенно довольный и счастливый...» Дома его встретил отец Дамаскин и, после пожелания счастливого пути и скорейшего возвращения, дал ему прочесть бумагу, где излагались предположения, что

можно сделать и устроить в монастыре, если он, Солодовников, пожертвует еще миллион. Игумен Дамаскин, человек замечательный по своей энергии и строгой жизни, возродивший обитель и упрочивший ее славу, вероятно, принял решимость Солодовникова жить при обители за бесповоротный разрыв с миром и потому желал средства его положить в основу новых церковных и хозяйственных улучшений. Но предложение это, в связи с каким-то неловким и обидным намеком на скопчество Солодовникова, попало на больное место и вдруг, сразу, пробудило в нем всю его утихшую на время недоверчивость и подозрительность. Он «чуть не выронил бумагу из рук, но пересилил себя и был, на этот раз, иезуитом». Уехав затем из монастыря *навсегда*, он записывает в дневник на пароходе: «Хорошо было мое положение!.. Ну, денек! Долго буду его помнить, да едва можно и забыть... Так вы мною гнушаетесь, я проклятый скопец — и допускали меня не ради грешной души моей, а вот он — миллион вам мой нужен!» Все спокойствие духа покинуло его, и вместо молитвенных воззваний дневник в течение нескольких дней наполняется выражениями негодования и даже бранью. Разрыв был полный. Он подтверждается сообщением игумена Дамаскина судебному следователю уже после смерти Солодовникова. «Вскоре по освящении церкви, — пишет настоятель, — Солодовников перестал посещать монастырь, и хотя монастырь, исполненный к нему чувством признательности, несколько раз впоследствии и обращался к нему с письменными приветствиями, но Солодовников никогда не отвечал и не принимал никого из монастырских братьев». Этот несчастный эпизод глубоко повлиял на Солодовникова: по приезде в Петербург он ведет очень замкнутую жизнь, значительную часть года проводит на даче, огороженной высоким глухим забором, и, прервав почти все знакомства, доживает свой век в полном одиночестве, ворча на прислугу, сокращая расходы до невозможности и пугая детей, забиравшихся в сад с дозволения садовника, своим мрачным видом и криком... Дневник обращается в скучную запись однообразных проявлений ежедневной бесцветной жизни; скупость и даже скардность сквозят на каждой странице и совсем вытесняют прежние проблески пронизательного ума и искреннего чувства.

Охладев к прежним стремлениям, Солодовников заперся ото всех, кроме Куликова и Гессе, и нужны бывали Их настояния, чтобы этот человек, начавший дрожать над каждой копейкою и державший единственное родное лицо, племянника, вдали от себя и в черном теле, хоть немного улучшил бы свою ежедневную пищу, к которой полагалось бутылка квасу — на два дня. Сторясь ото всех, тщательно оберегая маленький железный сундучок, запертый в комод, Солодовников умер так же неожиданно, как и его брат. Горькая судьба его, постепенно раз-

бившая все, чем он думал скрасить свою изуродованную жизнь, и поселившаяся, на старости, мрак и холод в его когда-то доброй и доверчивой душе — и после смерти его не смягчилась над ним! Он долго пролежал в том же положении, в каком умер, повернувшись лицом к стене, — и лишь когда окончено было опустошение, предпринятое вокруг него, подсудимый перевернул его на спину и сложил ему застывшие руки крестом. Не было над ним ни слез, ни горького молчания родной души. Не воцарилась вокруг него торжественная тишина, таинственно внушаемая смертью... Вокруг него курили, дымя не его «мужичками», а «барскими» сигарами господина Любавина, и когда, благодаря невниманию дворников, обмывавших его труп, он ударился головой об пол, ему было с насмешкою сказано: «Что? Теперь не видишь, а летом все замечал и ругался»...

Я упомянул об опустошении, которое совершалось вокруг мертвого Солодовникова. Мне представляется несомненным, что оно произошло. Те средства, которые имел Солодовников в середине шестидесятых годов и которые причиняли его рукам мозоли, а его душе стыд по отношению к выигрышам, могли только возрасти, но никак не иссякнуть. Стоит припомнить образ его жизни в последние годы, его скупость, его скарденность, по выражению одного из свидетелей. Всякий скупец страдает, своего рода ослеплением. Он меряет одним масштабом и свет золото, и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мере того, как растет это золото, растет и количество дней, отсчитанных судьбою. То же было, как видно, и с Солодовниковым. Он сберегал, оберегал и копил деньги, отказывая себе даже в хорошей пище и свежем квасе. В его замкнутой жизни и не могло быть никаких особых затрат. Поэтому его капитал, во всяком случае, не мог уменьшиться. Это очевидно и не требует дальнейших доказательств. Между тем, этого капитала не оказалось ни налицо, ни на хранении при производстве описей судебных приставов, начатых чрез четыре дня после смерти обладателя, имущество которого было опечатано полицией лишь через десять часов после обнаружения его кончины. Отчего так поздно — вопреки закону и обычаю?, Оттого, что полиции дано было знать не тотчас, а лишь через 8 часов по смерти, так как находившийся при умершем Суслеников запретил садовнику, дворникам и слуге это делать раньше, внушив им вообще молчать о случившемся.

Кто же этот Суслеников, который, лишь съездив в город и привезя приятеля, разрешает уведомить полицию? Я друг покойного, — заявляет он сам о себе, — и друг стародавний, с 1843 года. Без меня, говорит он, Солодовников не мог ни есть, ни пить, меня одного любил он, никого не любивший, меня встречал с радостью, мне доверял вполне и без-

условно. Хотелось бы верить этому: хорошая и прочная дружба в наше время — вещь редкая! Но звание друга как-то противоречит поведению Сусленникова тотчас после того, как многолетние добрые отношения порваны смертью. Брошенное на произвол прислуги тело, суетливая беготня по дому и вся обстановка обмывания как-то не вяжутся с естественным огорчением верного и любимого друга, который, имея, по собственным словам, *мягкие руки*, ежедневно натирал разными мазями то самое тело, над которым, в присутствии этого друга и дуривших посетителей, глумились стукнувшие его головою об пол дворники... А где есть противоречие, там законное место сомнению. Под влиянием этого сомнения вспоминается нам многое, выслушанное здесь, на суде.

Где, в самом деле, указания на необходимые свойства дружбы в отношении Солодовникова к Сусленникову, где уважение, доверие, забота о друге? Солодовников, по словам подсудимого, будто бы предлагал ему за деньги жениться на своей «содержанке», считал его — в разговоре Куликовым и Гессе — человеком, готовым на все и спокойным его задушить, и, выражая нежелание оставлять его у себя ночевать, применял к нему названия, из которых «разбойник» еще было не худшим. Таково *уважение* к нему Солодовникова. Посмотрим на заботу о нем, на любовь к нему. Сам Сусленников заявляет здесь, что покойный друг его обращался с ним тиранически, радовался расстройству его дел и держал его на семи рублях в месяц жалованья, возлагая на него самые разнообразнейшие поручения. Доктору Гессе последний, ругая подсудимого, говорил, что собирается прогнать его и что отпустит его «без штанов, как крысу»... Покойный был болен долго, мог и должен был, хотя бы по временам, ожидать смерти, а между тем мы не находим ни малейшего следа завещательных распоряжений в пользу осиротелого друга... Такова *забота* о Сусленникове.

Взглянем на доверие. Хотя то, что мы знаем о степени уважения Солодовникова к подсудимому, могло бы служить и для оценки степени доверия к нему, но нельзя, однако, обойти фактов, указываемых им здесь. Итак, прежде всего — поездка в Москву для вручения таинственному старцу таинственного пакета с деньгами, зашитого собственноручно Солодовниковым в карман Сусленникова. По рассказу подсудимого, это произошло во время производства, в Моршанском уезде, дела об известном скопце Плотицыне, так что приходится заключить, что или Солодовников боялся своего привлечения к скопческому делу, Или же оказывал тамбовским скопцам, находившимся, вследствие ареста их главы и покровителя, в удрученном положении, материальную помощь. Но ни того, ни другого быть не могло. Из следственного дела видно, что показания Солодовникова о насильственном оскотлении его в отрочестве братом

вполне подтвердилось и что не только всякое производство о нем было прекращено, но что император Николай, в справедливом участии к судьбе несчастного, повелел не чинить ему никаких препятствий в пользовании теми правами, которых заведомые скопцы, по закону, лишены. И вы знаете, что в начале пятидесятых годов Солодовников служил в выборной должности заседателя надворного суда. Следовательно, ему лично нечего было бояться, когда над виновниками его увечья, над скопцами, разразилась судейская буря. По этой же самой причине, не имея с ними ничего общего, он не мог и принимать какого-либо материального участия в их судьбе — и когда же? в последние годы своей более чем расчетливой жизни... Весь этот рассказ несомненно вымышлен.

Затем нам могут указать, что доверие выразилось в поручениях окончить дело у мирового судьи и продать бриллианты из иконы св. Николая Чудотворца. Но доверие по делу с обиженной кухаркою было вынужденное: не дворника же или садовника посылать в заседание? Да и это доверие было, если верить словам самого Сусленникова, им обмануто. Он утаил, что кухарка просила всего 100 руб. «бесчестья» и что ей в иске отказано, а ограничился глухим указанием, что «покончил» дело, оставив, Солодовникова в уверенности, что на это окончание дела пошли данные ему 10 тыс. руб. серебром. Он здесь говорит, что Солодовников их молчаливо дал ему в награду, не спросив об условиях примирения. Но этому противоречит его же собственный рассказ о том, что, узнав, накануне смерти, об удержанных Сусленниковым деньгах, Солодовников радостно и на коленях благодарил бога, не допустившего его умереть должником своего друга. И если мы поверим трогательной картине, изображающей умиравшего от водяной в груди и в *ногах* стоящим на *коленях*, то тем самым мы признаем, что он считал 10 тыс. руб. ушедшими на окончание дела, а не в карман Сусленникова, т. е. что он был обманут. А если не поверим этой картине, то в интересах самого подсудимого лучше всего *это* доказательство доверия оставить без рассмотрения.

Что же касается драгоценной иконы, из которой были вынуты бриллианты, то рассказ о поручении Солодовникова вынуть их и продать, причем скупой, «тиранический» старик даже и не спросил о результате своего поручения, разлетается как дым ввиду позднейшего рассказа того же Сусленникова о том же поручении, сделанном уже наследником умершего, Василием Солодовниковым, три месяца спустя. Оба рассказа противоречат один другому и служат очень зыбким основанием к заключению о доверии. Одно из них вытекает, однако, несомненно, если только не отвергнуть оба, как лживые, — это то, что в каждом из этих случаев подсудимый не отдал вырученных денег доверителям и после смерти каждого окончательно присвоил их себе.

Итак, вот в каком виде представляется дружба Солодовникова с подсудимым. Ее размер и свойства дают возможность оценить истинное достоинство повествований Сусленникова об источнике его обогащения. Мы знаем, что до смерти Солодовникова он был в весьма незавидном материальном положении. Комната в Петербурге и 7 руб. жалованья в месяц, с обязанностью ездить на дачу — вот все, что имел он. Недаром Солодовников грозился, что он уйдет от него, как и пришел, «без штанов»... Когда началось дело о расхищении имущества, следственная власть долго медлила привлечением Сусленникова. Эта медленность, могшая иметь, по-видимому, неблагоприятные для правосудия последствия, оказалась, однако, весьма полезной. Сусленников, успокоившись за свою судьбу, никем не тревожимый, уверенный, что дело будет предано «воле божией», ободрился, вострепнулся и начал свои обороты, так что когда произвели у него, через семь месяцев по смерти Солодовникова, обыск, то он оказался богатым человеком.

Вы слышали, что у него нашли на 40 тыс. руб. векселей, счета, указывающие на обладание пятипроцентными банковыми билетами на 35 тыс. руб., а в наличности 950 руб. и на 7 тыс. тех же пятипроцентных билетов. Векселя выданы ему, и обороты с пятипроцентными билетами произведены уже после смерти Солодовникова. Он заявляет нам, что состояние *его* составилось из 10 тыс. руб., утаенных в 1868 году при окончании дела с обиженной кухаркою, и из 15 тыс. руб., данных Солодовниковым накануне смерти в благодарность за службу и дружбу. К этим деньгам, согласно его последним объяснениям, надо прибавить еще около 3800 руб., вырученных за кольцо покойного и за бриллианты с образа. Итого 28800 руб. Посмотрим на это объяснение сначала с *цифровой* стороны. Сусленников до смерти Солодовникова ничего не имел, кроме 10 тыс. Через семь месяцев после этой смерти у него около 83 тыс. Откуда же взялось свыше 54 тыс. руб.? Этого он объяснить не может. Предположим, что часть этой суммы, даже половина ее, отдана под векселя — все-таки откуда же взялись лишних 27 тыс.? При этом значительная часть векселей писана ранее, чем счета на продажу пятипроцентных билетов, а с начала следствия, с первого допроса обвиняемого еще в качестве свидетеля, прошло семь месяцев, и в это время, на всякий случай, наличность можно было поместить в верные руки безопасно и для постороннего взора — бесследно. Наконец, были же в этот промежуток и расходы» По словам подсудимого, он истратил на содержание дачи и дома 3 тыс. руб. и с осени прошлого года повел, по показанию свидетеля Мосолова, жизнь на широкую ногу, стал ездить в Москву в спальном вагоне первого класса и т. д. Таким образом, цифры плохо вяжутся с рассказом о щедрости Солодовникова: они ее да-

леко превышают... Посмотрим на *способ* происхождения этих средств согласно тому же рассказу. Вы уже знаете, господа присяжные, покойного Солодовникова и, конечно, так же как и я, сомневаетесь в такой несогласной с его характером щедрости. В самом деле, как мало похожа на покойного подобная щедрость! Считать и учитывать каждую копейку, во всем себе отказывать — и *забыть* про 10 тыс., мучаясь в то же время при мысли, что можно наградить друга лишь 15, а не 25 тыс., как бы следовало; жить для себя, думать исключительно о себе — и оставлять на расходы по смерти всего 28 руб.; всю жизнь быть аккуратным и деловитым, а вместо завещания с торжественным признанием услуг ближайшего человека — сунуть ему деньги тайком, без свидетелей этой щедрости... это все совершенно неправдоподобно! И притом, разве Солодовников мог знать, что в ту же ночь умрет внезапно, один, беспомощно, чтобы лишиться себя этой денежной наличности, которую имеет? И почему же Суслеников не поспешил рассказать о своем счастье окружающим, как предупредительно рассказывал о том впоследствии Мосолову и другим, мало знакомым лицам. Наконец, выходит, что покойный отдал Сусленикову всю свою наличность, а отдал он будто бы 15 тыс. руб. Но друг и советник подсудимого Любавин настойчиво заявлял здесь, что Солодовников получил свои 30 тыс., бывшие на текущем счету, еще в мае. С мая Солодовников никуда не выезжал, виделся лишь с доктором, которого, по словам подсудимого, не любил и которому ничего не оставил. В августе он умер. Ужели он прожил в три с половиною месяца 15 тыс. руб.? Ужели он, жизнь которого мы знаем, проживал до 50 тыс. руб. в год?

Затем последнее замечание по этому вопросу. Суслеников благодетельствован, его служба оценена, но благодетель, поблагодарив «Яшу» за то, что тот утаил 10 тыс. и тем «успокоил» его последние минуты, замолк навеки... Чего же суетится так этот облагодетельствованный, бросает покойного без призора, рыщет по городу и ведет себя сам и позволяет другим вести себя около усопшего без всякого уважения к месту и событию? Что такое таскает он под полою, сторонясь от доктора Гессе? Что такое засовывает он себе под пиджак, не замечая следящего за ним из другой комнаты Колосова? Почему он бежит из спальни умершего к себе наверх? Чего он ищет в комоды и ящиках, отпирая их разными ключами? Где, если не скорбь друга, то благодарность, только что одаренного; где, если не благодарность, то простое приличие поведения самого развитого из домочадцев покойного!? Он отрицает свои похождения в утро обнаружения смерти Солодовникова, но перед нами точные, ясные и совершенно определенные показания Колосова, дворников и садовника, которому, посланному впоследствии известить

полицию, он подарил искусственную челюсть умершего, проданную за 25 руб. Показания эти подкрепляются словами Гессе и пустою в денежных хранилищах Солодовникова. Где записные и расходные книги хозяина, который «все замечал и за все бранился», веденные подобно дневнику, из года в год, в величайшем порядке? Они исчезли бесследно, а вместо них явилась какая-то расписка Любавина на 7 тыс., против которой он «не хотел спорить», несмотря на то, что текущий счет Солодовникова был исчерпан еще в мае. Поэтому я верю показаниям этих свидетелей, верю и тому, что подсудимый жаловался Колосову, что его трясет лихорадка... Это была, вероятно, лихорадка стяжания.

Но — скажут нам — вы забываете, что Сусленников явился к доктору Гессе и заявил, что ему дали знать в город о смерти Солодовникова. Это я имею в виду, но имею в виду и то, что он знал, что Гессе дежурный по больнице и отлучиться не может, о чем сам, накануне, бывши на даче, заявил Сусленникову и больному. Поэтому приезд Гессе на дачу, где уже снова был подсудимый, привезший и Любавина, был неожиданностью; этому приезду надо, конечно, приписывать снятие запрещения уведомлять полицию и посылку туда садовника Алимшиева.

Подсудимый, думается мне, сам сознавал, что отсутствия правдоподобного объяснения происхождения его капитала и отрицания раскрытых следствием фактов — мало. Поэтому он расширяет свои оборонительные работы и делает вылазки против свидетелей. Надо доказать, что похищать было нечего, ибо средства Солодовникова ушли на какое-то таинственное назначение — и вот является повествование о загадочном московском старце. Но мы уже видели, что этот рассказ есть плохо обдуманый вымысел. Надо доказать, что свидетелям верить нельзя — и является рассказ о краже кольца покойного Колосовым, о пропавшей у него жилетке, в кармане которой было «достаточно», делаются намеки на небескорыстное отношение Куликова и Гессе к своему куму. Но если перстень был действительно украден Колосовым, то зачем же Сусленников дал за него 50 руб. и сам его перепродал за 1600 руб., а не отобрал просто, да еще пригрозив, не отдал наследнику? Простое объяснение Колосова разбивает и историю о зашитых в жилетке капиталах. В ней было 70 руб., накопленных от жалованья. О потере их он и плакался прачке. Если он такой нечистый на руку человек, то зачем же Любавин, по просьбе Сусленникова, предлагал ему у себя во всякое время место? Правда, Любавин потом не дал места, но это произошло после показания Колосова у следователя, причем он обнаружил не всегда удобную привычку любопытствовать и болтать о результатах своего любопытства. Признавая вполне понятным ожидание, что богатый и одинокий старик оставил что-нибудь своим крестникам,

и, не видя в этом ожидании никакого подрыва правдивости показаний Куликова и Гессе, обращаюсь, наконец, к иконе св. Николая Чудотворца. Проданные Иванову бриллианты подарил капельмейстер Лядов, говорил сначала Сусленников, 15 апреля. За что? Надо спросить Лядова... Но Лядов умер 1 апреля. Ссылка на мертвого редко бывает успешна и никогда не возбуждает полного доверия. А тут еще оказывается, что ювелиру Иванову продано около 42 $\frac{1}{2}$ каратов, а по экспертизе Гау — из иконы вынуты именно от 40 до 45 каратов. Тогда дается другое объяснение. Бриллианты вынуты по приказанию Солодовникова, пред его смертью, но не отданы, в ожидании переезда в город. Но оказывается, что бриллианты заменены стразами почему-то не все и что это сделано в ноябре. А Солодовников умер в августе. И вот является третье объяснение: бриллианты просил вынуть наследник, Василий Солодовников, нуждавшийся в деньгах до ввода во владение наследством и полагавший, что монахам в Валааме, куда предназначался образ, все равно, будут ли в нем бриллианты или стразы. Подсудимый не мог дать денег — и продал бриллианты, но денег не отдал. Почему не мор дать наследнику денег? Ведь он только что получил от покойника 15 тыс. и долг был бы обеспечен охраненным имуществом, домом, дачею... Почему, наконец, не отдал вырученных денег? И это объяснение, шитое белыми нитками, является здесь лишь впервые — и, главное, опирается на мертвого, ибо Василий Солодовников тоже умер... Вообще, что за странное отношение у подсудимого ко вверяемым ему деньгам! Он все ждет удобного случая, чтобы отдать их, — и все никак не соберется, пока смерть, наступающая или наступившая, не избавит его от этой горестной обязанности. И 10 тыс., предназначавшиеся будто бы кухарке, и вырученное из хищнических рук кольцо, и деньги за бриллианты — все это не отдано своевременно тому, кому следовало по праву...

Однако довольно. Дело это, по моему мнению, должно быть ясно вам, господа присяжные, и его незачем далее разъяснять. Я обвиняю Сусленникова в том, что, воспользовавшись смертью Солодовникова, он похитил, насколько мог, его имущество, — на большую сумму, во всяком случае, во много раз превышающую 300 руб., о которых говорит карательный закон.

Подсудимый говорит, что одним из оснований любви. К нему Солодовникова было то, что у него мягкие руки, удобные и приятные для растирания. Быть может, ваш приговор докажет, что у него руки не только мягкие, но и длинные...

* * *

По данному делу Сусленникову был вынесен обвинительный приговор.

Плевако Федор Никифорович (1842–1908)

Окончил Московский университет. Состоял присяжным поверенным при Московской судебной палате. Более 40 лет работал адвокатом. Одаренный судебный оратор. Постепенно, от процесса к процессу, он своими речами завоевал широкое признание. Тщательно готовился к делу, глубоко знал все его обстоятельства, умел анализировать доказательства и показать суду внутренний смысл тех или иных явлений. Речи его отличались большой психологической глубиной, житейской мудростью, простотой и доходчивостью. Сложные человеческие отношения, неразрешимые подчас житейские комбинации освещал он проникновенно, в доступной для слушателей форме.

Выступая во многих крупных процессах, он проявил себя как острый и находчивый полемист. По делу Дмитриевой и Кострубо-Корецкого в одном процессе защищали: Дмитриеву известный талантливый адвокат Урусов, Кострубо-Корецкого — Плевако. Отрицая свою вину, Дмитриева перелагала ее на Кострубо-Корецкого, занимавшего в Рязани высокий пост. Защиту Дмитриевой Урусов построил на обвинении Кострубо-Корецкого. Дав анализ доказательствам, он, рассчитывая на впечатлительность присяжных, сказал: «Щадите слабых, склоняющихся перед вами свою усталую голову, но когда перед вами становится человек, который пользуется своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд действительная сила, — сила разума и совести, — и согните ему голову под железное ярмо закона».

Тщательно проанализировав доказательства своих противников, Ф.Н. Плевако сумел привести убедительные доводы, опровергающие вину Кострубо-Корецкого. В конце речи, как бы нейтрализуя основной вывод Урусова, он сказал: «Осудить Корецкого потому, что он сильный человек, обвинить потому, что он не склоняет голову, внушили вам. Вы сделаете честное дело, говорили вам, вы покажете, что русский суд сила, что смеяться над ним нельзя... общество не нуждается, чтобы для потехи одних и на страх другим, время от времени произносили обвинения против сильных мира, хотя бы за ними не было никакой вины. Теория, проповедующая, что изредка необходимо прозвучать цепями осужденных, изредка необходимо наполнять тюрьмы жертвами, недостойна нашего времени. Вы не поддадитесь ей».

Речи обоих адвокатов по этому делу представляют несомненный интерес. Произнесены они двумя талантливыми адвокатами. Они поучительны в том смысле, что показывают методы защиты двух крупных юристов по делу с острой коллизией между подсудимыми, показывают кропотливую работу по сбору и представлению по делу всех возможных доказательств, оправдывающих их подсудимых.

Речь в защиту Бартенева (по делу об убийстве артистки Весновской) — блестящий образец русского судебного красноречия, отличается исключительной психологической глубиной, тонким анализом душевного состояния убитой и подсудимого. Указанная речь безупречна по своему стилю, отличается высокой художественностью. Анализ психологического состояния молодой преуспевающей артистки и подсудимого дан исключительно глубоко и талантливо. Эта речь приобрела известность далеко за пределами России.

Большой интерес представляет речь в защиту люторических крестьян. Речь не лишена определенной политической окраски.

В.В. Вересаев так вспоминает о выступлениях Плевако: «Главная его сила заключалась в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы.

Судили священника, совершившего тяжкое преступление, в котором он полностью изобличался, не отрицал вины и подсудимый. После громовой речи прокурора выступил Плевако. Он медленно поднялся, бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз... «Господа, присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав — все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который ТРИДЦАТЬ ЛЕТ отпущал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?». И сел.

Рассказывая о другом случае, Вересаев пишет: «Прокуроры знали силу Плевако. Старушка украла жестяной чайник, стоимостью дешевле 50 копеек. Она была потомственная почетная гражданка и, как лицо привилегированного сословия, подлежала суду присяжных. По наряду ли или так, по прихоти, защитником старушки выступил Плевако. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитительной речи Плевако и сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна. Все наше гражданское благоустройство держится на собственности, если мы позволим людям потрясать ее, то страна погибнет. Поднялся Плевако. — Много бед, много испытаний пришлось перенести

России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары и поляки. Двухнадесять языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украли старый чайник, стоимостью в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно» (В.В. Вересаев. Соч., т. IV. М., 1948. С. 446–447).

Дело Бартенева¹

Краткое содержание дела: по обвинению в умышленном убийстве артистки Марии Висновской суду был предан А.М. Бартенева.

По обвинительному акту дело состоялось в следующем.

В шестом часу утра 19 июня 1890 г. в квартиру Лихачева явился его товарищ Бартенева и, сбросив с себя шинель, сказал «Вот мои погоны». Не успел Лихачев выразить свое удивление по поводу этого раннего визита и загадочных слов, как Бартенева сказал: «Я застрелил Маню», — и затем пояснил, что убил известную артистку Марию Висновскую. Лихачев, желая проверить это заявление, разбудил своих товарищей Капниста и Ельца. Последние, узнав на квартире Висновской, что она с вечера ушла из дому и не возвращалась, отправились с данным им Бартеневым ключом на Новгородскую улицу, в дом № 14. Квартира № 1, куда они вошли в сопровождении дворника и околоточного надзирателя, состояла из узкого, совершенно темного коридора и маленькой, сверху донизу задрапированной комнаты. В комнате у правой стены от входа, между дверьми и задрапированным окном, стоял большой, низкий турецкий диван, и на нем лежала в одном белье, с полуоткрытыми глазами и вытянутыми конечностями Мария Висновская. Поза ее была спокойная, голова немного поникла вниз, ноги были вытянуты и несколько раздвинуты. На трупе (в области половых органов) лежали одна на другой две визитных карточки Александра Бартенева, а на них и рядом с ними в складках белья — три вишни. На карточках рукой Висновской написано следующее: 1) «Палицину. Приятель мой — благодарю за благородную дружбу нескольких лет... посылаю последний привет и прошу выдать все деньги, которые мне еще следует из театра за «Статую» 200 рублей в кассу и пенсию, прошу, умоляю». 2) «Человек этот поступил справедливо, убивая меня... последнее прощание любимой, святой матери и Александру... Жаль мне жизни и театра...

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litportal.ru/genre211/author15546/read/page/1/book114994.html>

Мать бедная, несчастная, не прошу прощения, так как умираю не по собственной воле. Мать — мы еще увидимся там, вверху. Чувствую это в последний момент. Не играть любовью!». Возле трупа найден шелковый платок с меткой «А.Б.», портерная бутылка с небольшим количеством черной жидкости; у ног покойницы лежала гусарская сабля.

Бывшая на трупе рубашка и надетый поверх ее батистовый белый пеньюар оказались целыми, на теле же покойницы, в области сердца, замечено было темное пятно, а посередине его круглая, с обожженными краями рана, из которой сочилась темная жидкая кровь. Принадлежности женского туалета лежали тут же поблизости, между диваном и окном, а также на полу. Кроме того, в комнате и на выступе печи лежали в беспорядке: перчатки, булавки, пробки, огарки свечей, недопитые бутылки с шампанским и портером, стеклянная банка с надписью «яд».

Другая стеклянная, но пустая банка была найдена под трупом на диване. На полу и за диваном нашли множество мелко исписанных карандашом клочков твердой бумаги.

Бартечев на допросе признал себя виновным в умышленном лишении жизни Марии Висновской выстрелом из револьвера и дал более подробное объяснение этого факта, заключающееся в следующем. В феврале 1890 года кто-то из знакомых Бартечева представил его Висновской в кассе Варшавского драматического театра. Миловидная наружность известной на всех сценах артистки произвела на Бартечева сильное впечатление. Через некоторое время он сделал Висновской визит, но, чувствуя некоторую робость в ее присутствии, бывал у своей новой знакомой редко и ограничивался лишь посылкой букетов и изредка утренними посещениями. Позднее Бартечев стал бывать у Висновской чаще и, наконец, сделал ей формальное предложение вступить с ним в брак. Это предложение зависело от согласия на этот брак родителей Бартечева, с которыми он во время отпуска должен был переговорить.

Съездив в деревню, Бартечев с родителями, однако, не говорил об этом, ибо наперед знал, что получит отказ. Висновской же он сказал, что с родителями говорил, но так как их согласия не добился, то ему остается только покончить с собой.

Висновская тем временем не изменяла ни образа жизни, то есть по-прежнему была окружена многочисленными поклонниками, ни своих отношений к Бартечеву. Надежда на взаимность то увеличивалась, то уменьшалась. Бартечев все чаще стал посещать Висновскую, ежедневно посылал ей на дом и на сцену мелкие подарки и букеты и таким образом поддерживались между ним и Висновской хорошие отношения. Эти отношения простого знакомства круто переменялись 26 марта 1890 года. Вечером этого дня, после ужина в квартире Виснов-

ской последняя отдалась впервые Бартеневу. Счастье Бартенева, однако, не было полным. Большой сценический успех, красивая наружность и сильно развитое кокетство Висновской привлекали к ней мужчин, и их посещения вызывали в Бартенева чувство ревности. Под влиянием этого чувства и горя, что он не может жениться на Висновской, Бартенева часто говорил ей о своем намерении лишить себя жизни. Висновская же, охотно говорившая о кончине и окружавшая себя эмблемами смерти, поддерживала этот разговор и показывала банку, в которой, по ее словам, был яд, и маленький, с белой ручкой револьвер. Во время одного из таких разговоров Висновская спросила Бартенева: хватило ли бы у него мужества убить ее и затем лишить себя жизни? В другой раз она взяла с него обещание, что он известит ее об окончательном решении покончить с собой и даст ей возможность увидеть его и проститься с ним.

Мрачные мысли, однако, быстро сменялись шумными пирушками в загородных ресторанах и любовными свиданиями. Рядом с ними шли, однако, взаимные неудовольствия и легкие размолвки. Как-то в мае Висновская заявила Бартенева, что его ночные посещения компрометируют ее, и просила его, если он желает встречаться с ней наедине, приискать квартиру в глухой части города. 16 июня 1890 г. комната, нанятая Бартенева в доме под № 14 по Новгородской улице, была отделана и в тот же день Бартенева предложил Висновской взять ключ от этой квартиры. «Теперь поздно», — ответила Висновская и, не объясняя значения слова «поздно», утром следующего дня, то есть 17 июня, уехала на целый день на дачу к матери. Мучимый ревностью и объясняя отъезд Висновской и слово «поздно» желанием прервать с ним отношения, Бартенева написал Висновской полное упреков письмо, которое оканчивалось заявлением, что он лишит себя жизни. Одновременно с письмом он отослал ей все полученные от нее письма, перчатки, шляпку и другие мелкие вещи, взятые им на память. Отослав письма и вещи, Бартенева поехал к своим знакомым Михаловским и вернулся около полуночи домой. Полчаса спустя горничная Висновской передала ему записку своей барыни, прибавив, что Висновская ждет его в карете. Несколько минут спустя Бартенева и Висновская уехали. На пути и в квартире на Новгородской улице происходили объяснения, кончившиеся тем, что Висновская назначила Бартенева свидание в той же квартире на другой день в шесть часов. Это свидание, как говорила Висновская, должно было быть последним, потому что уже окончательно был решен ее отъезд через несколько дней за границу, сначала в Галицию, а затем в Англию и Америку.

На другой день в седьмом часу ожидавший Висновскую Бартенева открыл ей двери помещения на Новгородской улице. Войдя в комнату,

Висновская положила на диван два свертка и, раздевшись, вынула из одного из них пеньюар, а из другого — большой заряженный, принадлежавший Бартеневу и хранившийся у Висновской, револьвер. На вопрос Бартенева, зачем она принесла револьвер, Висновская ответила, что он ей больше не нужен и что она возвращает его владельцу. В начале свидания оба находились под впечатлением размолвок последних дней; потом разговор стал нежнее, Бартенева говорил о любви, о том, что он не переживет ее отъезда, и вскоре прежние отношения возобновились. Приблизительно в десять часов вечера Висновской захотелось есть. Поужинав, Висновская легла на диван. Часа два спустя, Висновская спросила Бартенева, который час. Оказалось, что полночь миновала. «Пора мне домой», — сказала Висновская и собиралась одеваться, но, по просьбе Бартенева, легла опять и задумалась. «Какая тишина, — сказала она через некоторое время, — мы точно в могиле».

Потом, помолчав, прибавила: «Пора мне ехать, но как-то не хочется уходить, я чувствую, что не выйду отсюда». Бартенева на это ничего не ответил и разговор прекратился. «Разве ты меня любишь? — возобновила Висновская разговор, — если бы ты меня любил, то не грозил бы мне своей смертью, а убил бы меня». Бартенева возражал, что он себя может лишить жизни, но убить ее у него не хватит сил. Вслед за этим он прикладывал револьвер с взведенным курком к себе. «Нет, это будет жестоко, убить себя на моих глазах, что же я тогда буду делать», — сказала Висновская и, вынув из кармана своего платья две банки — одну с опиумом, а другую с добытым Бартеневиным: по ее просьбе, хлороформом, предложила принять вместе яду, и затем, когда она будет в забытьи, убить ее из револьвера и покончить затем с собой. Бартенева согласился. После этого они оба начали писать записки. Висновская писала долго, рвала записки и опять начинала писать. Окончив свои записки раньше Висновской, Бартенева начал ее торопить. После этого Висновская приняла опиум вместе с портером. Бартенева тоже выпил немножко отравленного портера. Затем Висновская легла на диван и, помочив два носовых платка хлороформом, положила их себе на лицо. Через некоторое время Бартенева присел на край дивана, обнял левой рукой находившуюся в забытьи Висновскую и, приложив бывший у него в правой руке револьвер к обнаженной груди ее, спустил курок. Когда это случилось, Бартенева с точностью определить не мог; он допускает, однако, что выстрел последовал в три или после трех часов утра. Совершив убийство, Бартенева около пяти часов утра запер квартиру и, забрав с собой револьвер, уехал домой.

Объяснение обвиняемого о лишении им жизни Висновской, по ее просьбе и согласно желанию убитой, говорит обвинительный акт, опро-

вергается вполне как показаниями родственников и друзей потерпевшей, так и содержанием восстановленных из найденных на месте преступления разорванных на мелкие куски записок покойной. Текст записок гласит следующее: 1) «Человек этот угрожал мне своей смертью — я пришла. Живой не даст мне уйти». 2) «Итак, последний мой час настал: человек этот не выпустит меня живой. Боже, не оставь меня! Последняя моя мысль — мать и искусство. Смерть эта не по моей воле». 3) «Ловушка? Мне предстоит умереть. Человек этот является правосудием!!! Боюсь... Дрожу! Последняя мысль моя матери и искусству. Боже, спаси меня, помоги... Вовлекли меня... это была ловушка. Висновская». По поводу содержания последних трех записок Баргенов ничего не смог ответить.

Он подробно описал все обстоятельства их пребывания в одной комнате перед убийством. «Я так был убежден, что отец никогда бы мне не разрешил жениться на Висновской, а поэтому и написал в записке фразу: «Вы не хотели моего счастья». Висновская долго писала записки, писала с расстановками, не спеша обдумывая. Напишет что-то и остановится, думает, глядя на дверь; опять напишет два-три слова и снова размышляет. Написав записки, она рвала их, бросала, куда попало, и снова принималась писать; опять рвала и снова продолжала писать. Я кончил писать гораздо раньше. Комната освещалась одной свечкой, когда мы начали писать, я хотел зажечь другую свечу, но она сказала: «Не нужно!». Сколько было написано ею записок, не знаю; помню только, что осталось их две; я спросил ее, что она написала; она ответила: одну матери, а другую в дирекцию театров; о разорванных записках я ее не спрашивал. Она захотела прочесть мои записки и разорвала ту, которую я написал в резкой форме Палицыну, сказав, что если ее оставить, то Палицын ничего не сделает для матери, как она его о том просит в своей записке. Затем опять начался разговор о нашей любви, о безысходности положения, о том, что нам остается умереть, и тут я прибавил, что «уж если так, то надо это сделать поскорее!». Она решила сначала принять опий, чтобы привести себя в бессознательное состояние, а я должен был сначала ее застрелить, а потом уж себя. Она насыпала в стакан с портером опия, и стала пить глотками эту смесь. Остаток, долив портером, выпил я. Она легла на диван и просила положить ей на колени две записки, ею написанные. Я это исполнил. Затем она намочила свой и мой платки хлороформом и наложила их себе на лицо. Помню, что она попросила дать ей еще опия; я подал, но она не приняла, так как у нее появилась рвота. Она просила убить ее, во имя нашей любви, настойчиво повторяя: «Если ты меня любишь, убей». Я сидел возле нее с револьвером в правой руке и взведенным еще раньше курком. Я, кажется, обнял ее за шею левой рукой, а она все время

лепетала, чтобы я ее убил, если люблю. Помнится, что я прильнул к ее губам; она по-французски сказала: «Прощай, я тебя люблю»; я прижался к ней и держал револьвер так, что палец у меня находился на спуске; я чувствовал подергиванья во всем теле; палец как-то сам собой нажал спуск и последовал выстрел. Я не желаю этим сказать, что выстрелил случайно, неумышленно; напротив того, я все это делал именно для того, чтобы выстрелить, но только я хочу объяснить, что то мгновение, когда произошел выстрел, опередило несколько мое желание спустить курок. Голова у меня была, как в тумане. После выстрела мной овладел ужас, и в первый момент у меня не только не появилось мысли застрелить тут же себя, но у меня никаких мыслей не было или, вернее, они все перепутались в моей голове, и я не знал, что делать.

Мне помнится слабо, что я схватил сифон с сельтерской водой и стал ее лить на голову Висновской; для чего я это делал, не знаю; я не давал себе отчета в бесполезности этой меры. Который был час в это время, не знаю: может быть три часа, может быть, больше. Долго ли я оставался после выстрела и что я делал, не могу дать себе отчета. На меня нашло какое-то отупение, я машинально надел шинель и фуражку и поехал в полк. Не помню, запер ли я дверь или нет. Содержание трех разорванных записок меня удивляет; я не думал принуждать ее к смерти, я только говорил, что не могу жить без нее. Если бы она хотела, она легко могла бы меня успокоить, так как вообще она могла делать со мной все, что ей было угодно. Стоило ей только сказать мне слово, что ничего этого не нужно, что она хочет еще жить, я был бы далек от мысли об убийстве, я бы и сам, пожалуй, воздержался от мысли о самоубийстве. Но Висновская даже не намекнула на желание пользоваться жизнью, и, напротив того, своими разговорами поддерживала наше общее желание расстаться с жизнью во имя нашей любви». На вопрос о том, почему же Бартнев не убил себя, он ответил, что его душевное состояние было таково, что он об этом совсем не думал. По делу допрошено 67 свидетелей. Показания одних из них подтверждали намерение Бартнева лишить Висновскую жизни. Другие же указывали на такой характер их отношений, какой явствовал из показаний Бартнева. Бартнев был предан суду по обвинению в умышленном убийстве. Защищал его Ф.Н. Плевако.

Речь адвоката Ф.Н. Плевако:

Господа судьи!

Между обвинением и подсудимым в настоящем деле нет места для захватывающей дух борьбы, для непримиримого спора. Подсудимый, сознавшийся на предварительном следствии, подтвердил без всяких уклонений слово свое и здесь, на суде. Это упрощает задачу защиты, сужива-

ет объем ее, ограничивая ее доводы теми, которые по данным дела могут влиять лишь на меру и степень заслуженной подсудимым кары.

Формулируя с достаточной точностью признаки, по которым судья распознает между безнравственными поступками такие, которые влекут за собой уголовную кару, указывая на роды и виды наказаний, сопровождающих то или другое преступление, закон не исчерпал всех случаев, которые влияют на понижение назначенного наказания, но предоставил судьям значительную долю усмотрения при смягчении его. Все, что в жизни подсудимого, в его характере, в его прирожденных достоинствах и недостатках, наконец, в обстановке совершенного им преступления возбуждает сожаление, снисходительное сострадание в честном человеческом сердце, все это имеет право принять во внимание и судья, отправляющий правосудие. Отсюда следует, что изучение условий, которые влияют на меру наказания, ожидаемого подсудимым, должно совпасть с воспроизведением тех фактических подробностей дела, в которых заключаются яркие признаки наличности данных, уполномочивающих меня говорить о пощаде и снисхождении к моему клиенту. Остановившаяся на них, я воспользуюсь планом обвинителя: сначала изучу прошлое подсудимого и его жертвы до их первой встречи и затем уже, проследив печальную драму, начавшуюся их знакомством, подойду к ужасной минуте преступления. Вся разница будет заключаться в том, что я введу в дело факты, пройденные молчанием со стороны обвинителя, а эти факты дадут место иным выводам, более мягким, чем те, к которым пришел он; но метод, обнаруживающий в своем применении присутствие человечности и сострадания, надеюсь, имеет право конкурировать с тем, которому он противопоставляется. Итак, к делу. Обвинитель познакомил вас с личностью Марии Висновской. Он не отрицает, даже подчеркивает темные пятна в ее жизни и поступках, ставя, впрочем, их рядом с высотой ее умственных сил, выразившейся в думах и мыслях, занесенных ею в свой дневник. Со своей стороны, присматриваясь к личности покойной, я не вижу необходимости ни идеализировать ее внутренних сил, ни унижать ее житейские поступки. Судя по тому, чего она достигла на сцене, мы знаем, что она не была обижена судьбой: завидной красоте гармонировал талант, эта искра божия в душе, не затушенная, а развитая трудолюбием и любовью к образованию в молодой девушке.

Но было бы ошибкой о высоте умозрений заключать по выпискам из ее дневника. Те мысли, которые приписал ей обвинитель, были цитатами, занесенными ею для памяти из умных книг, попадавших ей под руку. Трудно себе представить, чтобы полные отчаяния пессимистические изречения скептика античного мира о блаженстве неродившихся и о сча-

сти рано умерших были «законченными принципами» ее в то время почти еще детской головки, а не просто поразившими ее слух «страшными, но красиво сказанными словами» умного человека. Все в свое время... Для отвращения от жизни еще не настало срока, а жизнь с ее обстановкой пока работала над формировкой иных характерных черт в личности покойной. Время, когда Висновская записывала указанные цитаты, застает ее уже на сцене одного из театров. Молодой талант уже замечен, выделен из толпы лицедеев из-за куска хлеба. Талант, воплощенный в обольстительные формы молодой красоты, замечен трижды — артистка делается любимцей. Тут-то бы, кажется, быть довольной, как никогда, своим положением, тут-то бы, кажется, не вспомнить ни одного из тех пессимистических изречений, которые ей пришли на ум, а она в них находит, точно несчастный в грустных музыкальных мелодиях, отголосок своему душевному настроению. Разгадка этого — в фактах, занесенных ею в свои книжки. Очаровавшая ее своей эстетической карьерой, сцена разочаровывает ее реализмом будничной жизни артиста. В окружающей ее театральной публике она встретила то, что приходится наблюдать везде и всюду: большинство поклонников, не умеющих уважать женщин в артистке и отделять интересы ее, как художника, от интересов женского и общечеловеческого достоинства. Любуясь ею, как артисткой, хотели быть близкими к ней, как к женщине. Служа эстетическому запросу публики на сцене, она не обрела покоя и после того, как опускался занавес театра. Любитель, располагавший, благодаря средствам, возможностью всегда занимать лучшее место в театре, требовал той же доступности от артистки и вне театра, когда артистка оставалась только женщиной. И не всегда хватало у ней средств на борьбу с этими условиями артистической жизни. Вы помните те страницы ее дневника, где она жалуется на неотвязчивые искательства одних, на дерзкую самоуверенность других, на оскорблявшее девическое достоинство преследование третьих... Молодое сердце хочет любить, верить в то, что и ей на долю будет дана отрадная встреча, под впечатлением этого она подчас с доверием выслушивает ласковое слово, полуробкое признание, а через несколько дней уже клянет человека, оказавшегося, как и все, искателем либо сильных ощущений, либо быстрых и решительных побед в мире будауров и таинственных парков...

Так живет она, то удовлетворенная артистическим успехом, то оскорбляемая грубостью поклонников, то обольщенная любовью, то разочарованная пошлостью, прикрытой любовными речами. Все это отзывается в ее записках, все это мало-помалу, не формируя из нее глубоко убежденной пессимистки, однако, обращает ее воззрение к смерти и небытию. Она любит говорить о них, любит этого рода образы, и раз, —

это было по какой-то странной мистической случайности, — записала в свою книгу и картину своей будущей смерти. Она хотела бы, записала она десять лет тому назад, умереть в комнате, обтянутой розовой материей, таинственно освещенной лампой, среди цветов и музыки... Позднее жизнь исполнила ее мечтательное желание, хотя суровые условия немного пародировали обстановку, где Висновская покончила счеты с жизнью, пародировали ее, начиная с более темных колеров материи... но об этом после. Книга книгой, а жизнь жизнью. Висновская продолжает играть на сцене, продолжает завоевывать положение, отвлекающее ее помыслы от смерти. Прочно завоеванная репутация талантливой артистки в ее руках. Ею занята пресса, она желанная работница на лучшей сцене. Однако социальное положение не удовлетворяет всех целей жизни. У нее остается внутренний мир женского сердца, а ему нанесены в прошлом тяжелые раны, которых не исцелило время и не утолили успехи. Висновская никогда не уходила в сцену всем существом своим. Женские семейные инстинкты не умирали в ней. Мечты ранней девичьей поры об избраннике не оставляли ее в более зрелую пору. На это нам намекают ее разговоры о женихах, ищущих ее руки. А если это верно и верно с тем вместе мое мнение о ней, то мы можем смело заглянуть в ее внутренний мир, в эту следующую пору ее жизни, и отгадать мечты и чувства, какие она тогда переживала.

Прошлое, ее чем-то жестоко оскорбившее, носилось перед ней, как темное пятно, которое помешает счастью, если бы оно выпало на ее долю. Она умеет любить и может полюбить, она сумела бы наградить своего избранника не только нежностями любящего сердца, но и прелестью талантливого женского ума. Но человек, который ей отдаст себя, который соединит свой путь с ее путем, должен будет принести страшную жертву — он должен будет примириться с тем, что ее прошлое омрачено, что сзади его, там где-то ведомый или неведомый ему, живет человек, надругавшийся над его женой, смертельно оскорбивший ее, замаравший ее когда-то непорочное имя. Сумеет ли избранный простить? Как перенесет он часы признания, которыми ей придется отравить первые же дни их счастья? И если он все простит ей, — действительно ли он примирится с пережитым, и оно, вопреки его словам, и, может быть, даже клятвам, не будет носиться перед ним, отравляя дни их семейного мира?

Может быть, не раз, не два, слушая ее полные любви и ласки речи, он будет сравнивать их с теми, что расточала она другому, отдаваясь ему, как жертва, и сложное чувство ревности и оскорбленного самолюбия исказит его черты... Такие думы заставляли ее считать неисполнимым ее право на светлый семейный очаг, унижали ее в ее собственных

глазах. Под влиянием этого внутреннего протеста она, что казалось другим кокетством и только кокетством, так охотно окружала себя поклонниками, так часто выслушивала их действительные и мнимые предложения руки и сердца.

Самоуважение заставляло ее верить в то, что она может быть честно любима, жажда семейного очага побуждала отвечать на внимание вниманием, а ошибки прошлого обуславливали неуверенность во взаимности, заискивание перед всеми, кто был, видимо, равнодушен к ней. Приходилось, кажется, идти далее. Эти, обещавшие в будущем титул мужа, но встречавшие, точно сговорившись, на пути своем разные препятствия, были мужчинами, были нетерпеливы в своей страсти. Чтобы не потерять избранника, не потерять надежды на счастливый исход, она, по ошибкам прошлого изучившая обычную натуру мужчины, сама идет навстречу их желаниям, идет и, как показал опыт, ошибается, запутывается и все ниже и ниже падает в своих собственных глазах.

Это не могло не отозваться на нервах, на характере Висновской. А к этому прибавьте те изводящие душу условия, среди которых проходит жизнь артистки театрального искусства. Знаю, что меня назовут за это ретроградом, не умеющим прозреть чистого идеала сквозь туманы действительности, но действительность только и может объяснить многое туманное и неразгаданное в личности покойной и в роковой развязке ее встречи с подсудимым.

Как артистка, она не могла относиться с суровой недоступностью к массе поклонников и ухаживателей и незаметно развила в себе качество, так неизбежное при подобном антураже, она переродилась в кокетку, в ту опасную кокетку, обращение которой с ухаживателями могло одновременно кружить головы многим, лишая их самообладания и умения отличать в ее отношениях любезность от взаимности. Темным пятном лежит на ее личности этот бьющий в глаза всем ее наблюдательным и серьезным знакомым дефект, но он отчасти вызван отрицательными сторонами сценической профессии. В противоположность поэту, художнику звука, кисти и резца, артист не может ограничиться узким кругом ценителей стоящих на высоте культуры, не может успокоиться, на мнении немногих при полном молчании безучастной и чуждой художнику толпы; артист работает перед зрителем всех ступеней развития, в театр открыт доступ всем и каждому, и самый характер искусства делает его заманчивым для зрителей любого умственного и нравственного развития.

Тогда как поэт и художник работают в тиши, замкнутые в своем рабочем уединении, и отдают себя на суд уже тогда, когда настроение ценителей может повлиять на будущую, а не на совершившуюся уже ра-

боту, артист сцены творит свое дело на глазах всех, под шум одобрения или неодобрения и, что всего тяжелее, под шум одобрения, где голоса толпы могучее и звучнее, чем голоса ценителей, где от этого шума толпы зависит материальный успех дела и положение артиста. Поневоле артист иначе относится к зрителю, чем его родичи по духу, поневоле артистка снисходительнее к смелым посетителям театра, видя в них зачинщиков оценки ее таланта, могущих или одобрить или нагнуть уныние на нее в момент художественной работы.

Но и это еще не все. Художники — не актеры, они могут работать в часы свободного подъема духа. Они могут отойти от стола, полотна и инструмента, если душа их смущена или утомлена житейскими скорбями, не гармонирующими с задуманным делом. Они могут передохнуть и приступить снова к труду в любую минуту дня и ночи. Актер — не то: ни в выборе пьесы, ни в часах отдыха и труда он не властен; когда взвился занавес театральный, он должен быть тем, чем велит быть ему роль, как бы ни были противоположно настроены струны его души... Нет ни отсрочки, ни выбора. Любая природная мощь, любая нервно счастливая организация расшатываются. Молодая женщина, как Висновская, игравшая чуть не ежедневно, утомленная и трудом, и своим внутренним разладом, не могла выдержать долго; она должна была в годы, когда с ней встретился Бартенев, быть уже разбитой натурой. Такой она и была. То не знающая отдыха работница, то ловкая кокетка, очаровывающая одновременно нескольких, то мечтательница о семейном очаге, то рабыня чужих страстей, то вдохновенная артистка, то стремящаяся сделать из своего искусства блестящую авантюру с целью добиться прочного материального положения... В это время с ней в фойе театра знакомится Бартенев. Знакомство это не могло произвести на нее глубокого впечатления. Бартенев, как вы сами видите, не из тех, которым суждены победы над представительницами прекрасного пола. Маленький с обыкновенной, некрасивой внешностью, с несмелыми манерами — что он ей? Другое дело она: красивая, блестящая артистка. Его к ней повлечет, ее к нему едва ли.

Он делает ей визит, он повторяет его... То же делают многие. Висновская, как опытный вождь, вербующий армию, записывает его в ряды своей партии и только поэтому открывает ему двери своего дома, не чувствуя ни повода, ни побуждений отличать его визиты от других или ждать их с нетерпением молодости и любви.

А он бывает все чаще и чаще... засиживается, робко теряется при ее взгляде, теряет и тот ум, что ему дан. Куртизанка, падшая женщина стала бы смеяться над этой любовной сентиментальностью и пошла бы либо навстречу ей, если бы это входило в ее планы, либо прогнала

бы вздыхателя, мешающего ей жить, как ей хочется. Но Висновская не куртизанка, не падшая женщина. Она понимает чувство Бартенева, уважает его в нем. Она не может отвечать на него; служительница прекрасного искусства, она не может и в области привязанностей остановиться на чем-либо внешне не эстетическом; но глубина его привязанности и не оскорблявшее ее даже намеком на что-либо грязное чувство молодого человека льстит ей. Она его терпит и на его робкие речи отвечает бессодержательными и привычными фразами кокетства, благо они вошли уже в характер, и довольна тем, что эти фразы утешают гусара, сводят его с ума, греют его, может быть, не привыкшего к таким речам. Она не ошиблась, Бартенов ездил к ней не с целью мимолетного успеха, он предложил ей руку... Этим предложением она была польщена: гордость и самолюбие ее нашли в нем — рядом со скорбными чувствами, что она не дождалась лучшей, завиднейшей доли — и удовлетворение: ее ценят, ее уважают, считают за счастье соединить ее руку со своей... И потому-то это предложение так облегчило ее тяжелое состояние духа. В это время уже стало замечаться ухудшение ее отношений к печати и к обществу. Ей уже начали приходить в голову мысли о том, что рано или поздно молодость должна неминуемо пройти, а талант, как бы он велик ни был, вместе с молодостью может иссякнуть. В такое время, в такие тяжелые минуты горьких испытаний, раздражения и сильного физического и нравственного утомления всякое хорошее известие принимается охотнее. Это и понятно. Ведь человек, который видит перед собой смерть, хватается за указанный ему луч надежды, как за прочный якорь спасения. Точно так же Висновская, не чувствуя любви к Бартенову, приняла его предложение с благодарностью, в этом предложении она видела надежду на спасение. А Бартенов был серьезно намерен жениться. Правда, он не говорил отцу о своем намерении, хотя и обещал Висновской сделать это, но это еще несколько не говорит против него. Отец его строг, и он боялся его. Очень естественно, что, находясь в Варшаве, он находился под влиянием Висновской, но как только он вышел из-под этого влияния, как только выехал в отпуск к отцу, так тотчас же, по мере удаления от Варшавы, его начал все более и более охватывать страх перед грозным отцом. Ничего нет невероятного в том, что отец Бартенева никогда не дал бы согласия сыну жениться на актрисе. Наверное, и среди нас многие пришли бы в смущение, если бы сын кого-либо из нас сказал, что он намерен вступить в брак с актрисой. Известно, что браков с актрисами избегают даже многие страстные любители искусства. Бартенов знал это и понимал прекрасно.

Он не забывал при этом, что между ним и Висновской существует племенная и религиозная рознь, которая должна послужить одним

из главных препятствий для того, чтобы получить от отца разрешение на брак. Вот почему по приезду к отцу он ничего не говорил ему о своем намерении. Вместе с тем он ей писал, что отец не дает своего согласия на брак. На первый взгляд такой поступок может показаться странным, но в сущности странного в нем нет ничего. Он просто не решился сказать ей правду, потому что был влюблен в нее до безумия. У него не хватило духу признаться ей в своей уверенности, что отец не дал бы ни за что своего согласия и что просить этого разрешения он не решался: все равно это был бы напрасный труд. Ему казалось, что если он будет откровенен, если скажет всю правду, то она подумает, что он считает ее не заслуживающей быть его женой и что самое предложение он сделал ей с задней мыслью, — словом, что и он такой же, как и все остальные. Прежде всего, он боялся этой правдой оскорбить ее, боялся, чтобы она не отшатнулась от него и не удалила его от себя. Возвратившись от отца, он не прекращает своих визитов к ней; он не перестает верить в ее нравственную чистоту, считает ее святой, ставит ни во что слухи, которые втаптывают ее в грязь, и даже обижается на товарищей, если они позволяют себе намеки на ее доступность. Он считает ее совершенно неповинной в тех толках, которые распространяются о ней в обществе, и всю вину сваливает на окружающих ее. Он любит ее и убежден, что всю грязь, которой пачкают ее репутацию, он оставляет окружающим, а ее чистая, незапятнанная натура остается на долю ему. Он приготовил ее к мысли о том, что брак невозможен; но при этом он старался поставить себя так, чтобы она могла смотреть на него не как на любовника, а как на мужа, который не имел возможности дать фактическим отношениям природы освящение религии не потому, что он этого не хочет, но потому, что чужая воля мешает ему.

Если он хотел и требовал, чтобы она отдалась ему и принадлежала ему, то исключительно, как человеку, который питает к ней горячую любовь. Да простит меня подсудимый, но я не верю, чтобы он имел успех у женщин. Нам не известно до сих пор, чтобы у него в жизни был какой-либо роман, а если, может быть, и был, то, вероятно, он мог похвастать успехом только у женщин низшего разряда. Я думаю поэтому, что роман с Висновской был первый серьезный роман в его жизни, где он впервые увидел или, может быть, ему показалось, что им заинтересовалась умная и красивая женщина. Естественно, что он дорожил ее вниманием к нему, ценил его высоко и был этим вниманием горд перед другими. Ему казалось, что их взаимная любовь не только не будет компрометировать ее, но, наоборот, принесет ей даже пользу: из ее передней исчезнут люди, для которых безразлично, отвечает она им взаимностью или нет.

Он стремился к тому, чтобы устранить этих людей и освободить ее них. Все это были лица, привыкшие к одним легким победам и понимающие только быструю капитуляцию. Бартенева был среди них иной человек, он признавал только одно — сдаться. Таково было отношение Бартенева к Висновской. Охваченный отуманивавшей его страстью, он млеял, унижался перед ней; он забыл, что мужчина, встречаясь с женщиной, должен быть верен себе, быть представителем силы, ума и спокойствия, умеряя нетерпение, сдерживая воображение, помогая слабости женщины. А он лишился критики и только рабски шел за ее действительной и кажущейся волей, губя себя и ее этой порывистостью исполнения. Висновская более, чем кто-либо другой, не годна была к роли руководителя, нуждалась, наоборот, в контролирующей заботе о себе. Ее сценическими эффектами воспитанная фантазия развила в ней привычку переносить в действительную жизнь театральные формы: блеск, бьющий в глаз наряд, трагические позы — она не оставляла и дома. Оттуда же перенесла она в частную жизнь свою любовь к разговорам о смерти. Ведь на сцене это так хорошо выходит, так обаятельно действует на зрителя, так интересна бывает артистка, когда в роли Офелии или Дездемоны, в цветах или вся в белом появляется она перед зрителем, за несколько минут до своей смерти. А затем, утонувшая или убитая, она по окончании пьесы под шум залы, вновь выходит и принимает лавры и рукоплескания. Вот эту-то эффектную, театральную смерть — не страшную, красивую любила Висновская и пугала ею своего обожателя, драпируясь в знакомые фразы. А Бартенева именно этого-то и не понимал. Она была для него идеалом, и каждое слово ее он принимал на веру, принимал серьезно, не обсуждая и проникаясь глубоким уважением. Мало-помалу она приучает его, и он проникается ее идеями, он сам начинает думать и говорить о смерти и запасается ядами и револьвером. Но он делает это не для эффекта, не для рисовки, а серьезно. Он делается в ее руках полнейшим автоматом; он повинует ей слепо. Она велит достать и принести яд — он исполняет. Она требует револьвер — он приносит. Я убежден, что две помеченные свидетелями сцены с револьвером были плодом этого диссонанса в отношениях к орудиям смерти Висновской и Бартенева. Она играла — он жил. Разом приложил револьвер к своему виску и ждал команды, но Висновская, довольная эффектом, удержала его, иначе он бы покончил с собой. Довольно было одного слова: «Что будет со мной, когда у меня, в квартире одинокой женщины, найдут самоубийцу». Другой раз револьвер был приложен уже к ее виску. Случай этот знает Мишуга. Легко убедиться, что это было не нападение Бартенева на Висновскую. Если бы это было так, то крик неожиданности и испуга привлек

бы к ней сидевшего в соседней комнате Мишугу; но мы знаем, что она вышла к последнему с пистолетом в руках, и только некоторая бледность ее говорила о том, что она взволнована.

Можно себе представить эту сцену так: в разговоре о смерти, в сотый раз повторяя свою любимую тему, Висновская сказала ему: «Если любишь, убей меня и докажи любовь». Раб ее слов сейчас же поднял на нее револьвер. Эта решимость взволновала ее, но так как она была вызвана ее приказом, а не была неожиданной выходкой, то Висновская и не кричала, и не звала на помощь.

На этом кончим историю их отношений до 26 марта. Перейдем к этому дню, так как, по словам Бартенева, с этого дня их отношения существенно изменились. Так ли это? Есть серьезные данные, свидетельствующие, что мы можем верить Бартеневу и в этом: 26 марта 1890 г. между Бартеневым и Висновской происходит обмен колец. Бартенева говорит, что в этот день она принадлежала ему. Свидетели нам говорят, что с этого дня их отношения стали нежнее и лучше. Свидетельница Штенгель слышала разговор на «ты», и это «ты» имеет важное значение. Уже из одного чувства стыдливости женщина никогда не скажет мужчине «ты» при посторонних. Она начинает говорить так только наедине с ним, но это становится привычкой и если при посторонних нечаянно прорвется это неосторожное «ты», то оно имеет многозначительное значение, Правда, среди артистов принято говорить друг другу «ты», но ведь Висновская сказала это слово не товарищу по сцене, не артисту, а Бартенева. Однако есть предположение и противоположного свойства: говорят, что до самого дня убийства Бартенева был чужим Висновской. Поэтому объяснение Бартенева нуждается еще в подкрепляющих данных; оно нуждается в них и потому еще, что установка взгляда на этот момент важна для понимания момента самого преступления. Висновская, по моему мнению, могла незаметно приучить себя к Бартенева. Ведь он один относился к ней с уважением, которого не было у других; он так долго страдал; он, по словам его, ей сказанным, не по своей воле не может быть ее мужем: он не на словах, а на деле готов был расстаться с жизнью, если она не будет его подругой. Это дало место состраданию, жалости к нему, а эти чувства часто с успехом заменяют то, которое она не могла воспитать в себе. Различие этих чувств от любви — некоторая снисходительность к предмету сожаления в противоположность уважению, какое внушает тот, кто вселил любовь. А к этому нас и приводит свидетельство Залесского, умевшего со всей тонкостью художника подметить очень важные черты в отношениях Висновской и Бартенева в период с 26 марта по день преступления: раз он заметил, что сказанная ему Висновской дата отъезда ее за границу совпала с датой, со-

общенной ему Бартевым. Это навело его на мысль, что у Бартева и Висновской — общие интересы, общие планы на жизнь. Другой раз, когда, по случаю какого-то литературного праздника, Залесский предложил и Висновской участие в обеде, она, по его словам, робко и смущенно, как-то нежно и заискивающе спросила его: «А можно со мной быть и моему гусарику»..., что убедило его, Залесского, что он ей не чужой, не посторонний, а уже свой, близкий человек.

Приняв за доказанное, что отношения Висновской и Бартева с 26 марта и позднее стали близкими, я теперь перейду к изучению той наклонной плоскости, по которой несчастные Висновская и Бартев шли к своей развязке.

Для Бартева, полагавшего, что с момента близости отношений начнутся для него золотые дни спокойствия, наступили, напротив, дни новых и новых волнений. Чем-то холодным, нерадующим веяло от этой близости. Игра на сцене уносила все силы Висновской; домой она приходила утомленная, недовольная действительным и кажущимся расположением прессы, действительными и мнимыми издевательствами над ее романом со стороны закулисного мирка. В такие минуты Висновская, если даже она была близка к Бартеву, не могла успокоить его теплотой отношений. Вечно задумчивая, вечно смотрящая куда-то мимо интереса момента, она нехотя отвечала на его ласки. Подымалась буря сомнения, недоверия, буря тем ужаснее, что она имела объективное основание. Тогда, теряя равновесие, Бартев искал успокоение в вине и вечеринках с имевшими вход в квартиру Висновской, находя в этом обществе попеременно то пищу для своей ревнивой любознательности, то ласкающие его темы разговоров. А Висновской, связавшей себя не любя, запутавшейся в противоречиях слов и чувств, теперь настояло придумать средства отдалить и смягчить тяжелые минуты случившегося романа. К этому моменту, вероятно, относится ее мысль о приготовлении особой квартиры, которая успокоит Бартева, а вместе даст повод сократить его тяжелые визиты в ее дом, тяжелые — раз близости отношений, допущенных Висновской, не соответствовало с ее стороны желание их.

Я сказал вам, что Висновская была разбитой натурой. Полагаю, что это аксиома настоящего процесса. У таких натур нет цельности ни в поступках, ни тем более — в проектах и мечтах. Поставляемые цели и предпринимаемые ими средства, помимо неблагоприятных обстоятельств, разбиваются о собственное взаимное противоречие.

Случилось то же и тут. Она сошлась, видя в этом исход одним неудачам, и в то же время недовольна и наличным фактом, поэтому ищет средства против него в уединенной квартире. Но в то же время недовольная и всей суммой этих мер и тяготясь ими вообще, она мечтает

о поездке в Америку, как средстве выйти победоносно из настоящего гнета. Но и об этой поездке у ней двоятся мечты: судя по свидетельству Залесского, можно думать, что в часть этого плана был посвящен Бартенов, собиравшийся в заграничный отпуск и мечтавший о службе при посольстве; но рядом сформировался и другой план — поездкой покончить с Бартеновым и, разорвав с ним, вернуться в Варшаву уже через год, когда уляжется история и отвыкнут от нее прошлогодние поклонники вместе с Бартеновым.

По всей вероятности, Бартенов кое-что узнал про второй план в тот день, в который он прислал ей письмо и вещи, оставленные ею у него на память (портреты, зонтик), вместе с ее записками.

Разрывая с Висновской всерьез или самообольщаясь в решительности своего поступка, оскорбленный тем, что, значит, над ним смеялись, когда посылали его приискивать квартиру, отвлекая его доверчивую натуру вымышленным опасением огласки связи в постоянной квартире покойной, Бартенов писал, что он покончит с собой. Угроза и обстановка ее, выразившаяся в отсылке всего, чем дорожил он, испугала Висновскую. Мысль о том, что человек этот покончит из-за нее, что она увлекла его так далеко и вдохнула в него такую пагубную страсть, поразила ее. Она в полночь нанимает карету и едет к нему, чтобы не брать на душу чужой жизни. Он жив, он выходит к ней, и она, сажая его в свой экипаж, на этот раз словами, сказанными искренне взволнованным голосом, рассеивает его сомнение и едет с ним посмотреть квартиру, куда она, сегодня усталая, завтра непременно приедет, и они заживут, украдкой, общей жизнью.

От ревности не оставалось ничего... Завтра, если сегодняшнее обещание не скажется обманом, опять вспыхнет сомнение, но до завтра он по-своему счастлив и горд.

Завтра пришло, и наступил условный час. Висновская не обманула его, а напротив, явилась с явным намерением исполнить его желания и посещать эту квартиру. Она захватила с собой даже принадлежности спального наряда (пеньюар). На ласки Бартенева она отвечала лаской. Время проходило среди веселых разговоров и лакомого ужина. Соседи не слышали ни ссоры, ни спора, ни крика о помощи. Ничего не давало повода вспыхнуть приступу ревнивого сомнения; напротив, делалось все, что вырывает это сомнение. Если же, тем не менее, это свидание закончилось убийством, которое, как грозный и неоспоримый факт, стоит перед нами и требует своей оценки, то нужно понять его.

Ревность к Палицыну или из-за Палицына — вот первое предположение. Оно не выдерживает критики. Если бы Висновская интересовалась генералом и предпочитала его Бартенову, она не запуталась бы

в своей истории: рассчитывая на силу и положение его, она не нуждалась бы заискивать и в Бартенева.

Если бы Бартенева ревновал генерала Палицына и ненавидел его за ухаживание за Висновской, смерть могла грозить генералу, а не Висновской, особенно в минуты, когда она доказывала свое равнодушие к генералу, если он и на самом деле ею интересовался.

Ревнивец может убить отталкивающую его женщину, это правда; но в том-то и дело, что она только что полнее и, по-видимому, безогляднее отдалась ему. Вчера она, чего не делала раньше, приехала к нему в казармы, ночью, подписывая, таким образом, приговор о себе, как гласной подруге Бартенева; сегодня она у него в квартире... Все это разгоняло, а не надвигало тучи сомнений у подсудимого.

Отсутствию мотива с его стороны соответствуют и внешние данные: яд и орудия убийства везет тот, кому они нужны для задуманной цели. Но мы не имеем ни одного сносного доказательства, что их принес Бартенева. Наоборот, прислуга Висновской видала, что револьвер был завернутым в сверток при уходе Висновской из дому; она уже узнала яды, найденные в комнате убийства, как бывшие в руках Висновской. Попытка противопоставить свидетелей противоположного — не серьезна. Если портниха, к которой заезжала Висновская, ехав к месту своей смерти, не видала у нее при входе и выходе из магазина свертка с револьвером, то не надо забывать, что сверток, не нужный для разговоров с портнихой, мог быть оставлен у извозчика, с которым ехала к Бартенева покойная. Но зачем ядам и револьверу быть у Висновской и зачем ей везти их в общую квартиру? Конечно, не для убийства Бартенева и не для самоубийства; у нее была иная причина и иной возможный мотив. Вы знаете, что и Висновская, и Бартенева давно играли в смерть, прежде чем один из них нашел настоящую. Смертью они испытывали и пугали друг друга. Но Висновская еще не хотела настоящей, заправской смерти, и, когда поддавшийся ее настроению Бартенева хотел покончить с собой, она оставила его револьвер у себя, как бы уничтожая одну из вероятностей его расчета с жизнью. Накануне, когда он вновь заговорил на тему, ею же в нем развитую, она остановила его, обещая утешами жизни успокоить его.

Со своей стороны, отдавшийся ей до самозабвения Бартенева, принимавший ее меланхолическую игру в смерть за твердую решимость, тревожился за нее, особенно когда, подчиняясь ее воле, он сам же достал ей ядов. Вот, порешив посетить таинственную квартиру и тем привязать Бартенева к жизни, Висновская представила себе сцену, которая должна выбросить у Бартенева мысль о смерти и обеспечить ее от принятия на душу греха за чужую жизнь. Она несла ему его револьвер с це-

лю возвратить его и выразить уверенность, что теперь он будет жить, ибо причины, наводящие на самоубийство, устранены. «Но ведь и он будет требовать от меня доказательств, что я нашла в союзе с ним интерес к жизни и изгнала мечты о смерти. Вот я отдам ему мои яды, как доказательство, что наши невзгоды миновали».

Свидание участников драмы шло обычным путем бытовых сцен. Они весело разговаривали, и она позволяла ему ласкать себя. Небогатая внутренними силами натура Бартенева вся ушла в самоуслаждение. Ему казалось, что теперь нет никакого интереса, о котором можно бы было думать и говорить, кроме взаимного обладания. В сотый раз переговаривал он ей избитые любовные темы и не понимал, как может ей приходить на ум что-либо постороннее и чуждое интересам данной минуты. Но не то переживала Висновская. Не нося в сердце ничего к Бартенева или только снисходительное сожаление, переходившее в привычку к нему, как к своему человеку, нервно разбитая впечатлениями прошлой ночи и излишествами настоящей, увлекаемая образами своей фантазии в массу тяжелых ощущений не настоящими или грядущими, а возможными только в будущем осложнениями своей жизни, Висновская незаметно дала иное настроение их свиданию.

Если она и порешила было помириться с положением тайной подруги Бартенева и связать с ним свою судьбу, то, думалось ей, не поведет ли это к новым и новым несчастиям: сегодня он по-своему счастлив, верит ей и верит в свою решимость рано или поздно дать ей свое имя и положение, но пройдет несколько времени, привыкнет он к своему новому положению, безвольный и слабый, он не найдет сил противоречить отцу и не выйдет из того ложного положения, в которое ее сегодня ставит. А там, успокоившись, он, может быть, иными глазами посмотрит на ее прошлые ошибки, иначе отнесется к ним и, как все, упреками и угрозами отравит ее жизнь...

А между тем, что же она делает? Гласно — ведь недолго же на самом деле продержится тайна их связи — разорвав со своими друзьями по сцене и профессии, гласно предпочтя чужого своим, она приобретает массу недругов и недоброжелателей. Сцена уходит от нее.

Уехать? Куда? В Америку? Но ведь не так легко добыть славу на чужбине, не имея ни достаточных средств, ни достаточной подготовки. Уехать с ним? Но он будет только обузой для нее, да и не на что ему ехать.

Не все из того, что она переживала, она ему сказала. На словах, по вечной привычке ласкать словом своего поклонника, она выдвигала другую тему. Она говорила о том, что жизнь ее полна страданий, ибо то, что дается другим легко, ей достается путем страшных жертв. «Вот я собираюсь далеко. Не думаешь ли, что мне это так и дается? — Нет,

мою свободу мне уступают дорогой ценой. Тот, кто меня отпускает, требует, чтобы я две недели прогостила у него в деревне».

Зачем она это говорила и искренно ли жаловалась на то, о чем говорила — ее дело. Не хочу догадываться о цели этих слов, но могу себе представить след, который они оставили во впечатлительном к слову Висновской Бартенева.

И вот оба неудачника, оба изломанные жизнью или ошибками воспитания, они начинают поддаваться влиянию любимой темы своих прошлых свиданий, один другого опьяняя мечтами вслух о могильном покое, о прекращении земных страданий и бесцельности жизни, о мрачном будущем их общей судьбы.

Не забудьте, что все это говорится в чаду винных паров и в утомлении эксцессами чувственных отношений.

Игра в смерть перешла в грозную действительность. Они готовятся к смерти, они пишут записки, кончая расчетом с жизнью. Мое дело доказать, что эти записки не результат насилия одного над другим, а следствие обоюдного сознания, что с жизнью надо покончить. Но прежде всего не забудем, что в желудке покойной найден опиум и констатированы следы употребления хлороформа.

Можно насильно застрелить, удушить или утопить, но насильно отравить, не вызывая у жертвы крика протеста, попыток борьбы — нельзя. Отравы — убийство тайное: ее дают обманом жертве, если она не хочет добровольной смерти. Вы знаете, что ни призыва на помощь со стороны Висновской, ни следов борьбы за жизнь с ее стороны не констатировано.

Записки, оставленные покойной и восстановленные из лоскутов, найденных в комнате, где произошло убийство, и сравнение их с записками, писанными Бартеневым, доказывают не насилие, а сговор Бартенева и Висновской к обоюдной смерти.

Вопреки мнению экспертов, я думаю, что оставшаяся целой записка писана позднее разорванных, что, следовательно, уничтожение последних — дело рук покойной.

Единственное соображение экспертизы основано на том факте, несомненно верном, что записка целая писана хорошо очинённым карандашом, а уничтоженная — в порядке, указанном в акте осмотра — карандашом, постепенно исписывавшимся.

Но, имея с собой перочинный нож или ножи для ужина, Бартенева и Висновская могли начать писать исписанным карандашом и починить его, когда он отказался далее служить им.

Моя собственная экспертиза, думается мне, вернее: она основана на изучении текста. За исключением записки к Палицыну о деньгах. Про-

чие записки Висновской писаны к одному и тому же лицу и об одном и том же. Все они начинаются словами «человек этот» или заключают эту фразу в тексте. Во всех прощание с матерью и искусством и отсутствие какого-либо специального содержания, различающего их одну от другой и указывающего на особые цели каждой записки. Это одна и та же записка в неудачных редакциях, уничтоженная ради последней, удовлетворившей пишущую. Ясно, что чего-то добивалась покойная от себя, чем-то была озабочена, не находя долго подходящего выражения для предложенной цели.

Цель эту нам раскрыла одна подробность, здесь обнаруженная на суде. Покойную, говорят нам, не предали земле с последними обрядами церкви. Это глубоко печалит ее неутешную мать. Позволю себе догадку: покойная любила мать и даже в минуты смерти, приготовленной, по недостатку данных, неподдающимися удовлетворительному анализу припадками обоюдного разочарования жизнью, помнила о ней. Ее записки к Палицыну — сильная забота о материальных нуждах старушки, ее другие записки — попытка обставить свою смерть такими подробностями, чтобы истинная форма ее не обнаружилась и не дала повода заподозрить самоубийство или согласие на расчет с жизнью. Тогда ее похоронят, и ей по смерти и пережившей ее матери не будет тяжело.

Вот, добиваясь удовлетворительной редакции своего последнего слова, редакции, замаскировывающей ее согласие на смерть, рвала Висновская неудачные записки, пока не остановилась на последней.

Что во время писания этих записок над ней не стоял человек, желающий только ее смерти, а рядом с ней сводил счеты своей жизни, это ясно из слов его записок. Подобно ей, он писал к родным и друзьям, подобно ей, и он просил о последнем долге христианском, умоляя не видеть в нем самоубийцы и убийцы и высказывая упрек тем, кто не хотел его счастья.

Что над ней стоял не убийца, который уйдет, как только покончит с ней, а подобный ей неудачник, долженствующий тут же рядом с ней умереть, она не сомневалась. Во всех ее записках и помину нет об имени или фамилии Бартенева. Она называет его просто «этот человек», предполагая, что нет надобности указывать убийцу, ибо он будет тут же, рядом с ней покоиться, не признавая жизни без нее.

Что эти Бартеневские записки — не измышление с целью спасти себя, что разорванные записки Висновской разорваны не им с той же целью — это ясно. Желай Бартенев уничтожить вредные для него записки, то раз у него не хватило духа около трупа когда-то для него интересной женщины заниматься выбором документа, наиболее подходя-

щего к его цели самозащиты, неужели не сообразил бы он, что, вместо того, чтобы неудобные записки рвать в клочки и тут же кидать, у него в распоряжении лучшее средство: взять их с собой и бросить, разорвав в клочки, на улице. Ведь Варшава велика, и не станут же подбирать все бумажные клочки, валяющиеся на улицах города.

Говорят, что Бартеневские записки вымышлены, ибо одна из них — к отцу — упрекает последнего в том, в чем он даже и не виноват. Бартенев ведь с отцом о браке не говорил, отказа не получал, а следовательно, и упрекать отца ему не приходилось.

Правда, сын не говорил отцу о браке, потому что не мог рассчитывать на его согласие. Вероятно, во всем складе отношений отца к сыну, может быть, в его суровости или неуступчивости лежала причина боязни сына говорить с отцом на такую тему, и вот в последнем письме сын бросал отцу упрек за тот образ отношений, который делал невозможным со стороны сына даже попытку к просьбе о браке по его личной склонности, а не по одобрению отца.

Отчего же он, покончив с Висновской, сам остался жив? Да: это тяжелое обстоятельство в деле, лишаящее подсудимого того сострадания, в каком мы не отказываем памяти несчастных убийц из-за любви, когда они тут же произносят над собой смертный приговор. Обвинение в трусости напрашивается на язык. Но едва ли это так. Живя среди сверстников, подобно ему избравших своей профессией военное дело, дыша воздухом, в котором нет места боязни смерти, где готовность в необходимые минуты жертвовать своей жизнью — долг, с которым не спорят, Бартенев не мог быть трусом.

Иначе объясняю себе я то, что он остался живым. Бартенев весь ушел в Висновскую. Она была его жизнью, его волей, его законом. Вели она, он пожертвует жизнью, лишь бы она своими хорошими и ласкающими глазами смотрела на него в минуту его самопожертвования. Но она велела ему убить ее прежде, чем убить себя. Он исполнил страшный приказ. Но едва этот дорогой для него образ закрылся, едва печать смерти навсегда сомкнула ее глаза, в которые он так любил глядеть и догадываться о желаниях, их одушевляющих, чтобы поспешить исполнить их, он потерялся: хозяина его души не стало, не было больше той живой силы, которая по своему произволу могла толкать его на доброе и на злое, на отчаянный подвиг и на робкое молчание.

Что было потом, мы не знаем того. Сколько продолжался столбняк ужаса, когда он увидел, что он сделал, определить трудно. Но только не заботой о своем спасении был занят несчастный Бартенев. Не ненавистью, а какой-то нежностью звучали его слова, когда он сказал товарищу: «Я убил Маню».

Дальнейшее общеизвестно. Бартенев заявил о своем преступлении без всякой попытки избежать кары. Его показание, прочитанное здесь, дано без всяких советов или убеждения со стороны власти. Его он подтвердил и здесь, на суде. Можно относиться к тому или другому его объяснению, но нельзя уличить его даже в малейшей неправде рассказа. Он — преступник, но он не призвал лжи на помощь к себе. Преступление его велико. О невменении зла в вину он не помышляет. Но было бы жестоко думать о том, как бы тяжелее и суровее применить к нему карающее слово закона. Было бы ошибкой думать, что в суровости задачи карающего правосудия и суровостью судья приближается к намерениям законодателя. Нет, слово закона напоминает угрозы матери детям. Пока нет вины, она обещает жесткие меры непокорному сыну, но едва настанет необходимость наказания, любовь материнского сердца ищет всякого повода смягчить необходимую меру казни.

Еще не было примера, чтобы судье дозволялось, не удовлетворяясь указанными карами, просить об увеличении наказания. Но если особые обстоятельства дела возбуждают чувство сожаления к подсудимому, если обстановка преступления указывает на плетеницу зла и несчастья в ошибках, приведших подсудимого к преступлению, то возможно смягчение наказания.

В данных настоящего дела много этих смягчающих мотивов. Многие из них имеют за себя не только фактические, но даже и юридические основания. Если не точная буква закона, то либо цели его, либо мнения сведущих в праве людей, либо опыт чужих законодательств и подмеченная неполнота нашего права говорят о возможности менее сурового приговора. Мой товарищ по защите представит в кратком очерке доводы в этом направлении. Я, как вы слышали, ограничился данными бытовой стороны дела, я говорил о тех пережитых Бартеневым моментах, которые разделяют вину преступления между ним и его жертвой. О, если бы мертвые могли подавать голос по делам их касающимся, я отдал бы дело Бартенева на суд Висновской. Впрочем, оставленные ею записки отчасти свидетельствуют об ее взгляде на роковую развязку. «Человек этот, убивая меня, поступает справедливо, он правосудие», — писала она. Я не хочу видеть в этих словах голос правдивой нравственной оценки занимающего нас события: Висновская не доросла до роли учителя морали.

Но я хочу убедить вас собственными словами покойной, что она считала себя глубоко виновной перед Бартеневым, а это сознание — основание между многими другими к пощаде подсудимого, так как убийцы не исключены из категории лиц, относительно которых допустимо снисхождение.

Вот и все, что я мог сказать за Бартенева. Обвинитель согласится со мной, что я был прав, сказав, что между нами нет непримиримых противоречий. Он требует справедливого приговора, — я напоминаю и ходатайствую о сочетании в нем правды с милосердием, долга судьи с прекрасными обязанностями человеколюбия.

* * *

Бартенев был разжалован в рядовые.

Дело люторических крестьян¹

Краткое содержание дела: по настоящему делу к суду были привлечены 34 крестьянина села Люторич, Епифанского уезда, Тульской губернии (в том числе одна женщина), обвинявшиеся в оказании сопротивления должностным лицам при исполнении ими судебного решения.

Суть дела состояла в следующем. Долгие годы люторические крестьяне безропотно несли все обязанности и терпели страшный гнет и притеснения со стороны местного помещика — графа Бобринского — и его управляющего Фишера. После реформы 1861 года крестьяне были «наделены» землей. Жители села Люторич назвали эти наделы весьма образно «сиротскими» и «кошачьими», так как размер их не превышал $\frac{3}{4}$ десятины на душу. Этого клочка земли не хватало крестьянам уже при «наделении» их землей. С приростом же населения этот крошечный «надел» тем более стал уменьшаться, раздробляясь на все более мелкие части. Кругом деревни, на большом пространстве, залегали графские владения. Крестьянам, имеющим сильную нужду в земле, некуда было за ней обращаться, кроме графа. Это обстоятельство прекрасно понимали управляющий имением и сам граф и пользовались им для выжимания из крестьян последних барышей.

Земля сдавалась крестьянам по договорам под стопроцентную сумму неустойки и под различными условиями, в результате которых крестьяне оказались окончательно закабаленными. За несвоевременную уплату причитающихся ему по договору сумм Фишер взыскивал с крестьян вплоть до продажи всего принадлежавшего крестьянину имущества, обрекая его на нищенство. В отношениях с крестьянами, пользуясь их неграмотностью, Фишер допускал, помимо всего прочего, много злоупотреблений, в результате чего обманным путем выкачивал из крестьян дополнительные доходы. Так было и на сей раз. По одному из обязательств Фишер получил исполнительный лист на 8219 рублей

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://forlawyer.com.ua/index.php?newsid=861>

29 коп. Исполнительный лист был передан приставу для взыскания. Однако, когда пристав приехал для производства описи, крестьяне его не допустили к ее производству и заявили, что управляющий вновь их обманул, так как по этому листу ими деньги уже уплачены. Через несколько дней пристав вновь вернулся для производства взыскания, однако на этот раз уже в сопровождении солдат. Навстречу ему вышли женщины села Люторич, которые отказались добровольно исполнить решение о взыскании и просили не приводить его в действие до тех пор, пока не возвратятся мужчины, которые все вместе пошли в имение графа просить его о справедливости.

Пристав не пожелал ожидать возвращения мужчин и приступил к делу. Видя безуспешность просьб, толпа крестьян, не допуская пристава к деревне и доведенная до отчаяния, набросилась на волостного старшину и стала оттаскивать его в сторону, нанося ему при этом побои. Когда на помощь старшине бросились солдаты, крестьяне схватили и их и не отпускали до тех пор, пока пристав не вынужден был откатиться от производства на этот раз описи.

Через день в село прибыла уже рота солдат, под наблюдением которой все формальности по описи имущества были произведены.

В связи с тем, что дело это получило широкую огласку, возможности расправиться с крестьянами за неповиновение без суда были упущены, и крестьяне были преданы суду. За ходом процесса следила вся Россия. Под давлением передового общественного мнения суд вынужден был вынести крестьянам сравнительно мягкий приговор. Трое крестьян были присуждены к тюремному заключению, один — к штрафу, а в случае несостоятельности — к аресту, остальные — оправданы.

Дело слушалось 17 декабря 1880 г. в московской судебной палате с участием сословных представителей. Защищал всех подсудимых Ф.Н. Плевако.

Речь адвоката Ф.Н. Плевако:

Господа судьи и господа сословные представители!

Документы прочитаны, свидетели заслушаны, обвинитель сказал свое слово — мягкое, гуманное, а потому и более опасное для дела; но жгучий и решающий задачу вопрос не затронут, не поставлен смело и отчетливо.

А между тем он просится, он рвется наружу: заткните уши, зажмите глаза, зажмите мои уста, — все равно, он пробьется насквозь; он в фактах нами изученного дела; его вещают те заведенные порядки в управлении владельца деревни Люторич, те порядки, которые я назову «картиной послереформенного хозяйства в одной из барских

усадеб», где противоестественный союз именитого русского боярина с остзейским мажордомом из года в год, капля по капле, обессиливал свободу русского мужика и, обессилив, овладел ею в свою пользу.

Всякая чуткая душа, всякая пробужденная совесть слышит, требует его от меня, если я обойду его. И я призываю вас благосклонно выслушать мое слово в этом направлении.

Не думайте, что я уклонюсь в сторону от целей правильно понятой защиты; не бойтесь, что увлекусь публицистическим интересом предложенного вашему суду дела, перейду пределы судебного диспута.

Чувство меры удержит меня. Оно внушает мне, что 34 подсудимых, — да и не 34, а один человек, — могут требовать, чтобы я не делал из их спины той площадки, на которой просторно можно разгуливать и декламировать темы из области общественных вопросов, оставив на произвол судьбы то, что должно всецело овладеть моими силами, — заботу о будущем подсудимых, заботу о том, чтобы отклонить или умалить удары, направленные на головы этих несчастных грозой карающего закона.

И я глубоко убежден, — и вы мое убеждение разделите, — что в настоящем деле история возникновения событий 3 и 5 мая имеет глубокие корни в прошлом; что бытовой очерк дела осветит его в настоящем свете, выведет наружу действительные, но в глубине скрывшиеся причины, мощные, неотвратимые, наличие которых меняет точку зрения и на событие, и на доказательства, и на объяснения его.

Ведь можно счесть за твердо установленное положение, что крестьяне, заявившие 22 апреля, 3 и 5 мая, что они к описи не допустят, постоянно говорили, что они ничего не должны и никакого судебного решения о взыскании не знают.

Раз у них было такое убеждение, раз, по их словам, к ним, как снег на голову, свалился исполнительный лист, вручаемый им приставом, то для доказательства этого положения мы должны изучить отношения крестьян ко взыскателям — к немцу-управляющему и к графу Бобринскому. Только там вскроются нам факты, которые убедят нас, что крестьяне могли себя считать не в долгу; там увидим данные, убеждающие нас, что крестьяне не могли знать ни договоров, ни решений, против них постановляемых, что они могли не верить сообщенному им приставом сведению о взыскании и думать, что их протест есть протест правды против вопиющего неправоудия.

Изучим бытовые факты дела.

В Епифани почти половина земель — вотчина графа Бобринского. Особенность этого имения, не встречающая себе соперничества в губернии, это — ничтожный надел, нищенский, как его обзывают в ли-

тературе, «кошачий» — по меткому выражению голодающего остроумия.

Крестьяне не могут жить наделом: работа на стороне и на полях помещика для них неизбежна, к ней они тяготеют, не как вольно договаривающиеся, а как невольно принуждаемые, — а в этом идея и смысл системы, практикуемой управляющим графских имений.

Конечно, наделы в имениях графа согласны с буквой закона; требовать от него большего во имя идеального права нельзя. Для тех людей, которые не знают долга выше предписанного законом, которые не чувствуют, что закон — это минимум правды, над которой высится иной идеал, иной долг, внятный только нравственному чувству, — для тех людей факт данного надела — факт безупречный, полная мера обязанностей графа к крестьянам, чуждая всякого захвата и вреда.

И мы не станем осуждать *de jure* графа Бобринского. Мы уясним пока, что же вышло из этой полуголодной свободы.

Родилась необходимость вечно одолжаться у помещика землей для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги, благодаря приемам управления, росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накопленной неустойки.

В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контракты и решения доказывают, что управление не соглашалось, а предписывало условия; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу свободные гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем.

Не хочется думать, чтобы текст договоров, нами оглашенных на следствии, измышлялся в кабинете графа, а не в конторе немца Фишера. Зная графа Бобринского, как москвича, предводителя здешнего дворянства, тщетно защищал я мысль, что эти неустойки от 50 до 100 процентов на сумму долга, просроченного семь дней, эти условия на землю, отбирающие ее назад с семенами, урожаем и работой, если среди обыденного за это время безденежья не уплатит долг крестьянин-арендатор и прочее и прочее, — неведомы ему, чужды ему и без согласия его придуманы бессердечным управляющим.

Десять лет, из года в год, идут они — одинаковые, разорительные, бесчеловечные условия, и граф не знает их!..

Нет, защитить эту мысль — задача выше моих сил. Нельзя десять лет не знать, что за малейшую неисправность одного подвергнут штрафу в мою пользу целую общину, нельзя не видеть, что в книги экономии

ежегодно вносятся тысячи рублей неустоек, собранные из нищенских копеек, взысканные с крестьянства, — нельзя, нельзя...

Тут вина не кончается человеком, пишущим договоры и требующим по ним, каким является всегда Фишер. Нет, чувство, различающее добро и зло, ясно и вразумительно судит о тех, кто мог, но не хотел положить конец подобному злу.

Я не фразы говорю. Каждое слово мое документально основано. Редкая готовность епифанского съезда мировых судей, выдавшего мне сведения о деятельности мирового судьи Голикова, присуждавшего с 1866 по 1877 год Фишеру и экономии графа Бобринского долги и неустойки, — дала мне возможность представить вам опись дел — свыше 350.

Из этой описи вы видите, что количество дел в год достигало 54. Погодно и по суммам мы получаем такие итоги: в 1866 году Фишер предъявляет всего 2 дела — на 150 рублей; на следующий год — уже 7 дел, и взыскано долгу и неустойки 1542 рубля; в 1869 году — 5 дел и 103 рубля; в 1870 году разыгрывается аппетит Фишера, и он учиняет 51 дело и получает 9937 рублей; в 1871 — 54 дела и 13 032 рубля; в 1872 — 28 дел и 7858 рублей взыскания. В 1873 году настало затишье — рука бьющего устала и учинила только 5 дел и только 1309 рублей взыскано.

Но мир был недолог. Со следующим годом вспыхнуло новое гонение: 20 дел и 6588 рублей в 1874 году; 12 090 рублей и 56 дел в 1875; в 1876 году — 50 дел и 14 942 рубля; в 1877 году — 38 дел и 11 026 рублей.

Я прошу вас перелистать предъявленный документ. Иски неустоек по 30 процентов, по 50 процентов, по 100 процентов за долг мелькают перед глазами. Неустойки в 300 и 500 рублей — целыми десятками. А прочтите договор: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите дело № 143 за 1870 год — ищут долг и неустойку, крестьяне несут деньги судье. Деньги приняты, получены, а на неустойку в 50 процентов все-таки взят исполнительный лист. Прочтите дело № 158 — ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки — изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку. Присуждаются иски по удостоверениям волостного правления. Присуждено по удостоверению, данному волостным правлением!

Но довольно! Надо много терпения, чтобы читать эти ростовщические фантазии, которым давал значение и силу судья, живущий в наше время и творящий суд по уставам 20 ноября.

Стыдно за время, в которое живут и действуют подобные люди!

Пересмотрите, судьи, сами этот документ. Дайте значение этим прогрессивно увеличивающимся неустойкам, от 100 до 500 рублей. При-

мите во внимание красноречивый факт, что неустойки взыскиваются, а новые долги все образуются. Значит, тяжело жить крестьян в имениях, вверенных графом Бобринским немцу Фишеру. Значит, захлестнула их мертвая петля, если они видят, как с них тянут неустойку, которой позавидует любой закладчик, а они платят, должны и все-таки опять берут.

Представьте же себе эту печальную экономическую историю.

Не трудно увидеть, что постоянное нарастание неустоек с толку крестьян. Не трудно понять, до чего они дошли, когда, по свидетельству Писарева, приняли условия на обработку полей целой деревней за присужденную неустойку. Не трудно понять, как росли эти неустойки неведомо для деревни, как в волостном правлении в 1877 году под № 17 вынесен приговор, уполномочивающий двух мужиков и впредь подписывать всякие условия о неустойках. Думаю я, что в Люторичах жизнь после реформы была во стократ тяжелее дореформенного рабства. До 19 февраля управляющий берет мужика, как берет всякую хозяйскую вещь, внесенную в инвентарь. Эгоистический расчет имел личиною человеколюбие.

Но настал день воли, подорвались эгоистические основания беречь своего раба, и личина сброшена. Из мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесет, умрет — что за дело. На пустое место найдется новый полуголодный, — лишь бы десница Фишера не уставала жать, где не сеяла.

Сбился с толку люторический мужик в этом омуте счетов и сборов, и не мудрено, что заспорил.

Впрочем, спору его против исполнительного листа, подкрепленного заемными письмами, судебное следствие дало такие веские аргументы, что всякому сомнению в добросовестном убеждении, что долг уплачен, нет места.

Между заемными письмами есть одно в 1000 рублей, сроком по всецело с процентами: искали всю сумму. А вот на следствии мы предъявили две расписки: из них видно, что признаваемый Фишером за его кассира Карнеев принял в уплату по этому заемному письму, до подачи еще иска, свыше 500 рублей. Фишер искал вновь полную 1000 рублей. Взыскание во второй раз именуется тяжким и гнусным поступком в нашем Уложении.

С беззастенчивостью, достойной удивления, немец-управляющий объяснил здесь, что эти расписки ошибочны, а поэтому он записал уплату, полученную Карнеевым. В 1876 году. Мало ли какие комментарии к русской записке прилетят его немецкое остроумие. Кто дал ему право своевольно игнорировать расписку, данную в уплату? Я отрицаю

этот комментарий, лишенный смысла, и смело, чтобы он слышал, говорю здесь: Фишер искал вторые деньги; он совершал противозаконное деяние против лоторических крестьян.

Раз есть эти расписки, случайно уцелевшие у нас, раз Фишер, имея их, искал долг вполне, то есть скрыл уплату, публично искал не должного, — получают вес хотя частью доказанные показания обвиняемых, что они долг весь уплатили, и лишаются веры слова Фишера, что ему были должны все искомое. Он обличен в неправде, ему верить нельзя. Ложность долга доказывается и таинственностью иска. Решение заочное. Крестьян на суде не было. Отзыва не подано. Старшина не мог объяснить, оповещали ли крестьян о поданном иске, оповещалась ли им копия решения. Между тем, если крестьяне решились сопротивляться описи, убежденные в правоте, то не естественным ли предположением было бы то, что они боролись бы с иском и в форме более законной, на суде, предъявили бы там платежные расписки. Но этого не было, ибо о деле от них таили, а суд ввели в заблуждение распиской одного из крестьян, кажется, старшины...

Но не только мужик-простак, но и юрист найдет основание доказать, что долг в 5200 рублей по трем заемным письмам был погашен.

Вы знаете, что Фишер здесь сознался, что многие договоры, а в том числе и долг по заемным письмам, хотя были написаны на его имя, но были долгами самому владельцу. Он сознался, что его заемные письма на 5200 рублей и долг Бобринского в 5600 рублей, об отработке которого натурой составлен договор в 1878 году, — одно и то же.

В 1878 году составлен договор. Долг в 5200 рублей уже фигурирует в цифре 6600 рублей и раскладывается на шесть лет работ. Значит, в это время крестьяне, подписавшиеся здесь в получении денег, а на самом деле их не получившие, вступили в новый договор, взамен прежнего долга. Это сделал и Фишер. Значит, заемные письма были уплачены путем *novatio obligationis* замены одного долга другим.

Вдруг вздумалось Фишеру, — и он оплаченные заемные письма предъявил ко взысканию. По ним едут взыскивать. Не мужик, а всякий юрист завопил бы, что его грабят, совершают преступление. А если его к тому же и на суд не вызывали, он подумает, что здесь мистификация, повторение рогожской истории со староверческой кассой.

Фишер ссылается, что последующий договор уничтожен. Но благоволите прочесть, когда он уничтожен. Сомнительно, чтобы с уничтожением без оговорки восстанавливалась сила им погашенных обязательств, а еще менее доказано, чтобы крестьяне знали об уничтожении этого условия, а потому понятно, что они роптали и волновались, видя, что с них берут не должное.

Сомнительность долга и его более чем сомнительная нравственная подкладка — ясны.

Посмотрите теперь, что же действительно сделали крестьяне деревни Люторич в борьбе с неправдой.

Первый день преступления — 22 апреля.

Сходу объявлено о взыскании. Сход говорит, что долга нет и потому к описи допускать не следует. Никакого сопротивления не сделано. Пристав уехал по заявлению Фишера. Тут, очевидно, преступления нет.

Частное лицо, получившее повестку о неправильном взыскании, имеет право думать само собой о незаконности иска и соображать, нельзя ли опротестовать опись.

Деревенская община — юридическое лицо. Она думает на сходке, и, по условиям юридического лица, она иначе не может думать, как вслух и речами. Сильные голоса того и другого на сходке — это рельефные мысли думающей юридической личности; здесь пользование своим правом, здесь нет преступления.

Если же 22 апреля не было преступления, а было полное законное пользование своими правами, была сходка крестьянского мира, обсуждавшего свои дела, то те или другие мнения, высказанные здесь, те или другие громче и внятнее выраженные мысли не могли сделаться преступными оттого только, что за 22 апреля последовали майские дни.

Суду вашему подлежат только эти последние, к изучению которых мы и переходим.

3 мая, по заявлению Фишера, прибыл вновь к описи имущества судебный пристав. Но он был уже не один. Его сопровождала полиция в количестве, внушающем уважение. Исправник, становой шли рядом, человек двадцать десятских, человек десять урядников, — словом сказать, тут были представители полиции старой и новейшей формации.

Но мужики не вышли к ним навстречу. Где они? Всем миром, за исключением старых да малых, они до свету ушли в сельцо Бобрики, к графу, просить его о милости, о неразорении.

Детки наивные, простоватые, они надеялись слезами умиливать взыскателя.

Напрасное мечтание!

Им обещана одна милость: им сказано, что, благодаря своему положению и влиянию, к ним пришлют подарок... в тысячу солдат.

И сдержано было джентльменское слово: не долго, всего два дня прошло, как деревня Люторич дождалась барского пожалования!

Пока на пороге графского дома лоторовцы ждали, когда примет их барин, к судебному приставу вышли одни бабы, да старые и малые мужики, оставшиеся в деревне.

Начались просьбы — понятно, о чем: они просили подождать, пока придут сами мужья и братья, придут с милостью да с барским ласковым словом.

На просьбы их нет ответа: пристав идет без хозяев в дома начать опись.

Вдали показался скачущий всадник, — то посол от крестьян; прислали его сказать, что надо подождать с описью, пока они придут, а они сами — замешкались: барин еще спит и не выходит к ним выслушать их просьбу...

Тщетно, пристав идет делать свое дело.

В толпе начинается шум: одни плачут, другие просят. Все сливается в музыку скорби и ропота.

Но пристав, по словам его, лично к себе не видел ни одного оскорбления, ни одной брани.

Если же среди шумящего люда и раздавались бранные слова, то не судите за это строго: бранное слово — это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, задушевные речи. Я думаю, что и первые любовные ласки деревенского парня со своей возлюбленной не обойдутся без крепкого словца.

Ваше внимание должно остановиться на утверждаемом здесь факте оскорбления старшины.

Прошу вас припомнить, что старшина — сельчанин той же деревни. Он одновременно и некоторая власть, а вместе и свой человек, родня, сосед обвиняемых. Как старшина, он мог принять за всех повестку, быть представителем юридического лица — деревни. В его показаниях есть места, из которых видно, что он, и никто, кроме него, повинен в том, что повестка о вызове в суд была принята, а крестьяне не знали ни о суде, ни о решении. Он один настаивал на том, что крестьяне должны: но вместе с тем в его доме, в ожидании возврата крестьян из села Бобрик, не в меру другим, опись не производилась.

Не мудрено, что крестьяне смотрели на него, как на ренегата, продавшего и разорившего их, и боялись, что своими, в качестве представителя деревни, действиями он свяжет их и здесь, опять приняв повестку, сделает для них обязательными и непоправимыми все действия пристава.

Крестьяне мешали ему быть их представителем, когда они сами хотят вступить в спор со взыскателем. Вот смысл удерживания, хватания его за руки и т. п.

Обвинение было направлено к тому, чтобы признать старшину властью, совместно с приставом приводившей в исполнение судебное решение и в этой должности получившей оскорбление.

Я допрашивал, были ли приглашены старшина и староста приставом и исправником? Ответы даны отрицательные и уклончивые. Если же старшина или староста явились не по призыву, а случайно по своей воле и на них не было возложено никакой доли в исполнение решения, то вопрос меняется.

Представьте себе, что пристав суда взял с собой для исполнения решения десять курьеров. Оскорбление одного из них во время исполнения решения — преступное сопротивление.

Но если он взял девять, а десятый, мимо проходя, увидал товарищей, зашел самовольно, вступил в дело, начал хозяйничать и был бы оскорблен — здесь сопротивлению места нет: он не орудие исполнения, он не связан с приставом путем призыва или распоряжения в одно целое, в организм власти, приводящей решение в исполнение.

А старшина был в такой роли — случайно находившегося на месте человека, а не власти. Крестьяне, не знавшие ни пристава, ни полиции боялись одного, — что старшина продаст их, и не пускали его представлять деревню.

Замечательно, что и 5 мая, когда вошли войска, ни войско, ни пристав, ни полиция оскорблены не были, но крестьяне держали за руки кандидата на сельского старосту — одного из подсудимых, прося его не быть представителем деревни.

Мне могут возразить, что старшина и староста и без приглашения судебного пристава имели официальное значение при приведении решения в исполнение, что они были нужны для указания имущества должников и решения вопроса о том, не скрыто ли что-нибудь.

Глубокая ошибка! Исполнялось решение гражданского суда, а по Уставу Гражданского судопроизводства при таком исполнении дело взыскателя указывать имущество: за властью посылается, когда двери заперты, сундуки замкнуты, а розыски скрытого вне селения не входят в обязанность ни пристава, ни полиции.

Итак, я думаю, что оскорбление старшины здесь не имело места в смысле сопротивления власти, исполняющей решение суда.

Перейду к другому преступному деянию — к склонению крестьян села Люторич не допускать пристава до описи. Дело это приписывается нескольким подсудимым, громче всех об этом говорившим на деревенских сходах.

Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможным удостоверить существование факта, доказываемого не абсолютно

верными доказательствами, когда природа факта не допускает или обстоятельства устранили лучшие и абсолютные доказательства. Но когда они, абсолютные доказательства, существовали, но их обошли и выдвинули только вероятные, тогда вера в факт падает.

Между тем в деревне Люторич до 700 жителей: они все отказались допустить описи: они все, судя по ныне мною представленному приговору, считают себя незаконно разоренными Фишером. Вот кого или из числа которых и следовало бы спросить: кто вас подготовлял не допустить к описи?

Они могли сказать, нуждались ли они в подстрекательстве или наболела у них эта мысль сама собой. А их не спросили, и на мимолетных плохо вяжущихся между собой впечатлениях урядников и полиции построили тяжелое обвинение.

Не верьте ему, господа судьи!

Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...

Бедность безысходная, бедность — создание Фишера, одобряемое его владыкой, бесправие, беззастенчивая эксплуатация, всех и все доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!

Одновременно, потому что одинаково невыносимо всем становилось, вспыхнуло негодование люторовцев против бесцеремонного попираания божеских и человеческих законов, и начали думать они, как им отстоять себя.

И за эту драму сидят теперь они перед вами.

Вы скажете, что это невероятно... Войдите в зверинец, когда настанет час бросать пищу оголодавшим зверям: войдите в детскую, где проснувшиеся дети не видят няни. Там — одновременное рычание, здесь — одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно...

Я дал вам массу материала, я вручил вам бездну условий а решений, достаточных свести с ума и спутать в расчетах разоренную деревню.

Вы прочтете — и физиономия подстрекателя сама восстанет в вашем воображении. Сведем итоги.

22 апреля в селе Люторичах не было никакого преступления. Сход, рассуждавший об иске и описи, пользовался своим правом думать о делах. В этот день они не могли знать, что появится пристав 3 мая, а следовательно, и думать о форме сопротивления, о насилии над старшиной.

3 мая — день, подлежащий разбору с точки зрения Уложения. Оскорбление старшины не имеет связи с обвинением в сопротивлении. Его присутствие, случайное, не связанное в единстве действий с приставом, ставит оскорбление, ему нанесенное, в самостоятельный проступок, не подлежащий вашему суду в пределах нынешнего обвинения.

На скамье подсудимых нет подстрекателей: подстрекательство — в прошлом отношении Фишера и графа Бобринского к крестьянам и в массе документов, нами оглашенных.

Но защита, господа судьи, не должна самоуверенно ограничить свое слово отрицанием вины. Она должна смирить себя и предположить, что ей не удастся перелить в вашу душу ее убеждения о невинности подсудимых. Она должна, на случай признания фактов совершившимися и преступными, указать на такие данные, которые в глазах всякого судьи, у которого сердце бьется по-человечески и не зачерствела душа в пошлостях жизни, ведут к снисхождению и даже к чрезвычайному невинению при наличности вины.

Наш закон знает такие обстоятельства. Начертав в статье 134 Уложения причины смягчения кары, он не остановился на этом... Законодатель знает, что есть случаи, когда интересы высшей справедливости устраняют применение закона. Законодатель знает, что есть случаи, когда мерить мерой закона, значит — смеяться над законом и совершать публично акт беззакония.

А обстоятельства именно таковы. Люторические крестьяне попали в такой омут, где обыкновенные меры были бы ужасны и бесчеловечны.

Не тысяча солдат, осадивших деревню и грозивших ей оружием и силой, ужасали их. Не страшен им был и сам начальник губернии, разбивший бивуак в четырех верстах от деревни. Нечего было, в свою очередь, бояться и ему войти в деревню обездоленных крестьян. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторических мужиков, перепутавшее их взгляды и, кажется, сбившее их с толку.

Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанинской хитростью опутывал их сеть условий, договоров и неустоек. С торной дороги свободы 19 февраля они зашли в болото... Лешего не было, но хитрый и злой, их всасывал в тину кабалы и неволи Фишер.

В этом тумане потерялось все: вера в возможность провета жизни, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним.

Оставалось еще одно чувство — чувство надежды, что беззаконие, достигшее чудовищных пределов, может быть опротестовано, отдалено.

Мы, когда с нас взыскивают недолжное, волнуемся, теряем самообладание; волнуемся, теряя или малую долю наших достатков, или что-либо наживное, поправимое.

Но у мужика редок рубль и дорого ему достается. С отнятым кровным рублем у него уходят нередко счастье и будущность семьи начинается вечное рабство, вечная зависимость перед мироедами и богачами. Раз разбитое хозяйство умирает, — и батрак осужден на всю жизнь искать, как благоденствия, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другому выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать, и просить нового благоденствия, нового кабального труда за крохи хлеба и жалкие лохмотья.

Среди обстоятельств, подобных настоящему, мутился разум целых народов. Как не спутаться забитому уму нашего крестьянина?!

Вы лучше меня знаете это и не забудьте дать ему место при постановке приговора.

Время вам ставить его.

Верю я, глубоко верю, что сегодняшний день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, разбитое в своей надежде на господство правды в русском суде. Верю я, что вы скажете сегодня: «Молчи, закон, настало время благодати!». Верю я, что те экономические лишения, те нравственные мучения, в которых протекли долгие годы жизни люторических крестьян, сегодня достигли своего предела... Они уйдут отсюда с приобретенным убеждением, что правда есть и действует.

Вы не вынесете жестокого решения, вы не увлечетесь мнением: Не беда, что потерпит мужик. Знать, ведущее нас Провидение указало; да он и привык...

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песню.

Нет, вы не осудите их. Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона.

Вы пощадите их.

О, судьи, их тупые глаза умеют плакать и горько плакать; их загорелые груди вмещают в себе страдальческие сердца; их несвязные речи хотят, но не умеют ясно выражать своих просьб о правде, о милости.

Люди они, человеки!.. Судите же по-человечески!..

* * *

Булах была осуждена к ссылке в Сибирь. Гражданский иск был передан на рассмотрение гражданского суда в общем порядке.

Спасович Владимир Данилович (1829–1906)

В 1849 году окончил юридический факультет Петербургского университета. По окончании работал чиновником в палате уголовного суда. 22 лет защитил магистерскую диссертацию по кафедре международного права. Занимался педагогической работой. Переводил польских писателей на русский язык. Был близок с известным ученым-историком К.Д. Кавелиным, по рекомендации которого занял в Петербургском университете кафедру уголовного права. Одаренный криминалист, известный своими теоретическими работами в области уголовного процесса, Спасович был автором одного из лучших в свое время учебников по русскому уголовному праву. Спасович пользовался у студентов большой популярностью. Его лекции привлекали большое количество студентов. Спасович был враг рутинных взглядов в науке уголовного права и процесса, чем вызывал недовольство университетского начальства.

В 1861 году вместе с группой передовых ученых оставил Петербургский университет в связи со студенческими волнениями. В адвокатуре с 1866 года. Выступал в качестве защитника по ряду политических дел.

Оратор огромной эрудиции, энциклопедических знаний. Большой художник, глубокий знаток истории и литературы. Очень требовательный к себе и коллегам по работе.

Спасович всегда свои мысли предварительно тщательно отделывал. В его речах никогда не встретишь напыщенных, трескучих фраз, стиль речи прост, доходчив, логичен. Свои речи он строит всегда в строгом логическом порядке, широко и умело используя богатство русского языка. Большим достоинством речей Спасовича является удачная их планировка, тщательно продуманный анализ собранных по делу доказательств. Будучи большим психологом, он всегда находит правильный тон. Спасович одинаково силен как в делах, где подсудимый отрицал свое участие в преступлении, так и в делах, где квалификация преступлений была сомнительной или совершение преступлений оспаривалось. Одна из его лучших речей — речь по делу об убийстве Нины Андреевской. Эта речь наглядно показывает методы и приемы подготовки защитительной речи, глубокое, по-настоящему научное изучение материалов дела. Эта речь показывает огромную подготовительную работу адвоката перед выступлением в суде. Обращает на себя внимание та часть выступления В.Д. Спа-

совича, где он полемизирует с медицинскими экспертами. Оратор хорошо вооружен специальными медицинскими познаниями. Для того чтобы на высоком уровне вести ученую полемику с экспертами, он изучил большое количество работ, посвященных специальным вопросам. В этой полемике он чувствует себя достаточно подготовленным для того, чтобы разобраться в огромном количестве доказательственного материала, собранного по делу. Несмотря на то, что в отдельных местах речь страдает длиннотами, она является образцом глубокого и обстоятельного анализа судебных доказательств. Речь эта имеет большой теоретический и практический интерес. Она свидетельствует об исключительно умелом оперировании косвенными доказательствами.

Психологически сильной является речь, произнесенная им в защиту старшего фейерверкера Дементьева, преданного военному суду за неповиновение офицеру. После тщательного разбора всех обстоятельств дела Спасович, обращаясь к судьям, дает сильную психологическую концовку: «Заслуженному фейерверкеру, георгиевскому кавалеру, — говорит он, — ...приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели перед выстрелами, турок...».

Давая характеристику В.Д. Спасовичу, А.Ф. Кони писал: «В числе многих и многие годы я восхищался его оригинальным, непокорным словам, которые он вбивал, как гвозди, в точно соответствующие им понятия, любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой речи, неотразимая логика которых соперничала с глубокой их психологией и указаниями долгого, основанного на опыте, житейского раздумья».

Современники отмечают, что, начиная речь, Спасович вначале как бы разочаровывал слушателей. Первые фразы он всегда произносил с большим внутренним напряжением. Оратор вначале заикался, слова были непокорны, фразы рождались тяжело, резали слух, но проходили первые минуты, и он овладевал аудиторией, произносил речь уверенно, твердо, убедительно. Замеченные дефекты сглаживались богатством мыслей, которые щедро подаются ярким, образным языком. Отдав адвокатской деятельности 40 лет своей жизни, Спасович сочетал эту работу с литературной и научной деятельностью. Десять томов его сочинений посвящены самым разнообразным отраслям знаний. Тут и исследования, посвященные вопросам права, и литературно-критические и публицистические статьи. Литературные труды В.Д. Спасовича свидетельствуют о большом таланте и многогранности его интересов.

Дело Дементьева¹

Обстоятельства дела подробно освещены в речи адвоката.

Речь адвоката В.Д. Спасовича:

Господа судьи! Хотя судьба, а может быть, и жизнь, трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах, как на струнах. Она считает себя не вправе прибегнуть к такого рода приему, потому что настоящее дело похоже на палку, которая имеет два конца. Один только конец рассматривается теперь, другой еще впереди. В этом деле так слились два элемента: то, что сделал солдат, и то, что сделал офицер, что разделить их можно только мысленно, а в действительности оно и неразделимо: насколько смягчится участь солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другого. Подсудимый находится в очень трудном положении, вследствие особенностей военного судопроизводства, вследствие примечания к статье 769, в силу которого ввиду соображений высшего порядка поручик Дагаев не может быть вызван в суд. Его отсутствие чрезвычайно затрудняет работу разоблачения истины, разбирания, кто говорит правду, кто говорит неправду. Если бы Дагаев был на суде, если бы он мог живым словом передать подробности происшествия, то как человек молодой, образованный, может быть, он и изменил бы отчасти показания, данные им на предварительном следствии, и, может быть, участь подсудимого была бы смягчена. Но если бы даже он и не изменил своих показаний, то из слов его, из образа действий на суде сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путем весьма трудным, окольным, путем соображений, сопоставлений, сравнений, заключений. Путь этот требует большого хладнокровия, нужно приступить к делу со скальпелем в руках, с весами, как для химического анализа, и только таким образом, сказав сердцу, чтобы оно молчало, обуздав чувство, установить факт. Раз установив факт, можно будет дать чувству разыгаться против того, кто окажется виновным, дать место состраданию к тому и другому, потому что обе стороны одинаково нуждаются в нем, потому что офицер, если не оклеветал, то ввел в искушение своим образом действий солдата, и виновен в том, что ему грозит теперь тяжкое наказание. Тогда можно будет руководиться соображениями, почерпнутыми из сферы военного быта, из сознания глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установления са-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://hatituli.ru/?p=388>

мого факта нельзя руководствоваться этими соображениями; до установления факта для суда не существует офицера и нижнего чина, а существуют только Дагаев и Дементьев.

Приступая к установлению факта, защита не может держаться того порядка, которого держалась обвинительная власть, которая начала с конца. Все дело развивалось весьма логически с первого шага; с первого шага события, логически развивавшиеся, довели до последнего результата.

Следует начать с начала, с Даниловой и ее собаки. На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу простонародьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолетка испугалась, закусила губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку». Чтобы он сказал что-нибудь оскорбительное, из дела не видно; Данилова на это не жаловалась. Все неприличие заключалось в том, что он вошел без сюртука, в рубашке и с палкой; Данилова говорит, что он ударил собаку, он говорит, что собака сама на него лаяла и бросилась. На счет неприличия существуют понятия весьма различные. К человеку своего круга относиться иначе, чем к человеку низшего круга. Если человек своего круга войдет в гостиную без сюртука, на него можно обидеться. Но Дементьев, хотя и кандидат, нижний чин, он знал свое место в доме вдовы надворного советника и не пошел дальше передней. Данилова оскорбилась тем, что простой человек вошел в ее переднюю без сюртука, и это неудовольствие увеличилось от того, что из-за него ее пригласили к мировому судье. С дамами пожилыми, воспитанными в старых понятиях, чрезвычайно трудно бывает рассуждать об обстоятельствах, касающихся их лично. Дама, может быть, очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрения по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, дру-

гим может быть больно. В семействе Даниловой сложились, вероятно, такого рода представления: собака нас не кусает, на нас не лает; невероятно, чтобы она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые возводят все это на нее, кляузники. Данилова никого не зовет к мировому судье, почему же ее зовут? Это кровная обида. По всей вероятности, тут и образовалось такое представление, что не жильцы — жертвы собаки, а сама владелица ее — жертва людской злобы, она, надворная советница, страдает от какого-то нижнего чина, от солдата!

Все эти соображения, конечно, были переданы Дагаеву, когда он пришел 7 числа с тещей, служанкой и женой. Жена передавала, что они страдают от нахала, жильца мезонина. По всей вероятности, тут явились внушения такого рода: «Ведь это солдат, ведь вы офицер, покажите, что вы офицер, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно известного рода мужество, известного рода твердость характера, чтобы противостоять этим внушениям, когда внушают люди весьма близкие, весьма любимые. Должно явиться сильное желание показаться героем. Вот почему Дагаев, не рассуждая, поверив вполне тому, что ему передавали, приказал позвать к себе солдата. Это была с его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основание всему делу. Он не имел ни малейшего права звать к себе кандидата. Скорее между Дементьевым и Даниловой был спор гражданский, который должен был разрешить мировой судья. Всякий офицер может требовать от нижнего чина почтения не только для себя, но и для своего семейства, когда солдат знает, что это семейство офицера, и образом своих действий относительно этого семейства сознательно оскорбляет офицера. Но Дементьев даже не знал о существовании Даниловой до 5 апреля; что в семье были офицеры, он узнал только 7 числа, когда его стали звать к офицеру. При таких обстоятельствах заявлять превосходство своего офицерского звания над человеком, который связан по рукам и по ногам военной дисциплиной, звать его по этому частному делу в квартиру Даниловой было действием совершенно неправильным. Дементьев не пошел, и вследствие этого его обвиняют по статье 113 за неисполнение приказа начальника. Применить эту статью к человеку в положении Дементьева, на взгляд защиты, чрезвычайно трудно. Было ли здесь приказание начальника? Нет, потому что Дагаев не командовал в той команде, в которой состоял подсудимый. По статье 110 оскорбление нижним чином всякого офицера приравнивается к оскорблению начальника. Но это дело совершенно другого рода, оно основано на других соображениях. В законе есть целый ряд преступлений: неповиновение, неисполнение требований и т. п. Кто бы

ни был нижний чин и кто бы ни был офицер, если нижний чин оскорбил его, то он наказывается как оскорбивший начальника. Но статья 113 говорит только о неповиновении начальнику, о неисполнении приказа подчиненным. Давать ей более широкое толкование значило бы ставить всех солдат в такую страшную зависимость от всех офицеров, которая едва ли согласна с пользами и требованиями дисциплины. Затем самое слово приказание очень неопределенно в законе.

При сравнении этой статьи закона с подобными же статьями в других законодательствах оказывается, что в прусском, например, употреблен термин «служебное приказание», и это весьма понятно. Точно так же и у нас нельзя понимать это слово в неограниченном смысле, подразумевать под ним всякое приказание. В самом законе есть постановление, что если нижний чин совершит по требованию начальника деяние явно преступное, то он все-таки отвечает. Следовательно, из общего понятия о приказании исключаются приказания явно преступные. То же самое можно сказать и о приказаниях явно безнравственных, как если бы, например, офицер приказал солдату привести к себе его жену или дочь. Вообще, законность или незаконность приказания имеют гораздо более значения, чем предполагает представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшим, нижний чин, получивший незаконное приказание, может сделать представление начальнику, он должен исполнить приказание, но имеет право жаловаться, и, во всяком случае, эта незаконность приказания значительно ослабляет и смягчает его вину. Поэтому никак нельзя подводить действие Дементьева, то, что он не отправился в квартиру Даниловой, под неповиновение. Если же суд, вопреки доводам защиты, признает подсудимого виновным в неповиновении, то он должен будет в весьма значительной степени смягчить размер ответственности Дементьева, потому что приказание было незаконное, и если бы оно было исполнено, бог знает, в каком положении был бы теперь подсудимый. Его зовут в дом, где против него вооружены и где нет ни одной души, которая могла бы свидетельствовать за него. Если на улице его чуть не зарубили, то то же могло произойти и в квартире. На улице, по крайней мере, нашлись свидетели, которые подтверждают, что и того и этого не было. Дементьев боялся столкновения с офицером, он предвидел сцену, в которой ему, человеку почти равному, который к пасхе, может быть, получит производство в офицеры, грозит, что его могут съездить по физиономии, он боялся этого и потому не пошел.

С двух часов квартира Дементьева была почти постоянно в осаде до шестого часу, когда произошла катастрофа. В продолжение трех часов Дагаев, решившись вызвать Дементьева и распечь, употребляет все

меры, чтобы поставить на своем, причем каждая неудачная попытка увеличивает его раздражение, усиливает его гнев.

Напомнив показание самого Дагаева о посылке сначала кухарки, затем двух городских, наконец, дворника, принесшего ответ, что «если офицеру угодно выйти, то я готов с ним объясниться», ответ, вследствие которого, по словам Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему он и вышел из квартиры Даниловой.

Чтобы жаловаться начальнику, нужно знать, кто этот начальник; Дагаев этого не знал; ему известно было только, что Дементьев кандидат; для того чтобы узнать, кому жаловаться, он послал дворника за домовою книгой; но дворник еще не возвращался, когда Дагаев вышел из квартиры Даниловой. Значит, офицер пошел совсем не для того, чтобы жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другим путем. По словам самого Дагаева, прошло пять-шесть минут между тем временем, как он сошел, и тем временем, как вышел Дементьев; по показанию Даниловой, прошло четверть часа между его уходом и возвращением. Если принять, что все последующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то следует предположить, что не менее двенадцати минут прошло между тем временем, когда Дагаев вышел от Даниловой, и тем временем, когда совершилась катастрофа. Что же он делал это время? Шел к начальнику Дементьева? Начальник Дементьева живет в крепости, и за это время можно было бы дойти почти до Трицкого моста. Итак, он не шел, он поджидал Дементьева, который, как ему было известно, часто выходит из дому. Можно себе представить, насколько разгорячало это ожидание его гнев. Наконец, Дементьев вышел, катастрофа произошла. В этой катастрофе есть множество существенных вопросов, которых не выяснило следствие, как, например, вопрос о шинели, о ссадине на подбородке Дементьева, об оторвании его уса. Дементьев не помнит, когда он потерял этот ус, так быстро шли события. Но как ни быстро они шли, их можно разделить на два момента: один — до обнажения сабли офицером и другой — после обнажения. До обнажения сабли происходил только крупный разговор у подъезда на улице. Увидев офицера, Дементьев делает ему под козырек; при этом движении, так как шинель его была в накидку, Дагаев не мог не увидеть нашивок, которые находятся у него на рукаве и которые должны бы были установить некоторое отличие между Дементьевым и простым нижним чином; он не мог не увидеть георгиевского креста, который так уважается всеми военными людьми. Но Дагаев говорит, что орденов не было. Откуда же взялись ордена, лежавшие на земле, которые видели в первую минуту схватки два свидетеля: мальчик Лопатин и Круглов? Не могли же они быть подброше-

ны до события, когда не известно было, чем оно разрешится; не могли они быть подброшены и после, потому что в то время, когда катастрофа еще не была кончена, в коридор вошли люди и видели эти ордена, лежащими.

Начинается разговор; по мнению представителя обвинительной власти, вопрос относительно этого разговора может быть разрешен только безусловным принятием одного из двух показаний: показания офицера или подсудимого. Но защита полагает, что в этом деле весьма важно показание свидетеля, в котором не сомневается сам прокурор, мальчика Лопатина. Мальчик рассказал вещи весьма ценные: о шинели, о волосах и пр. Это все такие обстоятельства, которые приходилось слышать в первый раз. Из показаний мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбления солдатом. Но если даже не дать веры показанию мальчика, то из простого сопоставления двух рассказов — рассказа офицера и рассказа солдата, — для всякого непредупрежденного человека станет ясно, что правда находится не на стороне Дагаева.

Если принимать за достоверное показание офицерское только потому, что оно офицерское, независимо от всяких других причин, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показание находится в несомненном, решительном противоречии с тремя генеральскими отзывами, которые заслуживают внимание. Есть люди, о которых, не зная, как они поступили в данном случае, можно сказать, наверное: «Я знаю этого человека, он честен, он не мог украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывам одного из генералов, Осипова, он характера тихого, смиренного, если по отзыву генерала Платова он строго исполняет свои служебные обязанности, если по отзыву генерала Фриде это такой человек, в котором военная дисциплина въелась до мозга костей, то решительно невероятно, как такой человек мог совершить то, что ему приписывают. Это идет вразрез со всем его прошедшим. Дементьев, сходя, держит руку под козырек; сам офицер признает это, он говорит только, что он то поднимал руку, то дерзко опускал. Если он решился явно грубить, то ему незачем было держать руку под козырек. Прокурор ставит в вину подсудимому, что после первого столкновения он бежал в дом, а не на улицу, где легче мог укрыться. Но Дементьев не знал, что его будут рубить, он знал только, что с ним грубо обращаются, что офицер его может ударить в лицо, и потому движение его назад весьма характерно; оно может быть объяснено только стыдливостью, нежеланием, чтобы люди видели, как с ним обращается офицер. Ввиду всех этих соображений защита считает совершенно доказанным, что рассказ солдата верен и что оскорбления словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затем является обнажение сабли. Тут, в этой сцене в коридоре, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопрос о шинели; была ли она застегнута или нет, и когда она была сброшена; второй — о ссадине на подбородке и об отсутствии правого уса. От сабли раны имеют форму линейную, а эта ссадина имеет вид кругловатый, следовательно, она произошла не от сабли; точно так же не саблей мог быть отрезан ус, она слишком тупа для этого. Чтобы вырвать ус, нужно было выдернуть его рукою. Чтобы объяснить факт исчезновения этого уса, нужно обратиться к тому порядку, в котором были нанесены раны, и по ним проследить ход событий. Первая рана, которую Дементьев получил еще на лестнице, была рана на правом глазу, пересекающая верхнее веко правого глаза, идущая через висок и теряющаяся в волосах. Если допустить, что эта рана была нанесена в то время, когда офицер с солдатом стояли лицом к лицу, то значит, офицер держал свою правую руку наискосок, так что конец шпаги задел сначала веко правого глаза и, разрезав кожу, прошел через висок. Другая рана на макушке головы, следующая к левому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена наискосок от половины головы и затем скользнула по голове. Затем есть две ссадины на внутренней поверхности левого предплечья у конца локтевой кости. По этим ссадинам можно заключить, что Дементьев защищал себя локтем, а не руками, как показывали свидетели. Вот порядок ран по рассказам свидетелей и даже по рассказу самого Дагаева.

Спрашивается, к какому же моменту следует отнести срывание погон, самый важный, самый существенный вопрос в деле. По словам Дагаева, он вынул шпагу еще на улице и на улице ударил Дементьева в спину. Удар по плечу в шинели мог быть не почувствован солдатом, но, вероятно, этот удар и согнул шпагу. Затем, говорит Дагаев, когда они уже были в коридоре, «я хотел нанести, а может быть, и нанес удар солдату, когда он вцепился в мои погоны и оторвал их». Значит, по показанию самого Дагаева, срывание погон произошло после того, как он стегнул Дементьева шпагой по глазу, и эта шпага произвела тот рубец, который проходил до волос. Если принять в соображение показание мальчика, который видел, как офицер сталкивал солдата с лестницы, то легко представить, что офицер сначала сбросил шинель и левой рукой схватился за ус, а правой нанес удар, после чего, по его словам, солдат вцепился в его погоны. Можно ли допустить нечто подобное со стороны Дементьева?

Такой сильный удар по глазу, рассекающий веко, удар, от которого не могло не заболеть яблоко глаза, должен был на 30, на 40 секунд совершенно лишить человека способности относиться сознательно к тому, что происходит вокруг него; у него движения могли быть толь-

ко рефлекторные. Обыкновенно между получаемым впечатлением и движением человека становится целая область размышлений, соображений, привычек, то, что составляет характер человека. Но здесь этого быть не могло, здесь был такой беспромежуточный переход от удара к рефлексу, что если бы в ту минуту, как Дементьев получил этот удар, он раздробил офицеру голову, ударил его в лицо, он должен был быть признан сделавшим это в бессознательном состоянии. Прокурор доказывал, что суд не вправе признать бессознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для определения болезненного состояния; но, кроме болезни, есть еще целая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волнениями, вызванными внезапным событием. Всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей, но — и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается. Для такого рода явлений нет экспертов. Следовательно, есть основание допустить у Дементьева после полученного им удара такое бессознательное состояние, при котором ему не может быть вменено в вину, что бы он ни сделал.

Но если даже допустить, что он не лишился сознания, защита не понимает, почему прокурор отрицает, что было состояние необходимой обороны. При всей строгости воинского устава, ограничивающего необходимую оборону, он все-таки допускает ее в отношении начальника, если действия этого начальника угрожают подчиненному явной опасностью. А тут разве не было явной опасности? Ведь смертью могло угрожать нападение на человека безоружного, которому наносят удары в голову, а бежать некуда. Он хотел бежать к себе в квартиру, но его стащили вниз, мало того оторвали ус. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но, несмотря на такую возможность защищать подсудимого на основании состояния необходимой обороны, защита не прибегла к ней вследствие глубокого убеждения, что не Дементьев сорвал погоны с офицера. В каком бы положении человек ни был, у него не может быть двух идей в одно и то же время.

Очевидно, что в ту минуту, когда Дементьеву нанесли удар по глазу, в нем прежде всего должно было заговорить чувство самосохранения и не было места другим размышлениям. Между тем предполагают, что в ту минуту, как Дементьев получил удар, за которым грозили последовать другие, он совершил в уме следующий ряд силлогизмов: «Офицер меня обидел, надо отомстить офицеру. Как ему отомстить почувствительнее? Что у полка знамя, то у офицера эполет, погоны — символ чести. Сорвать погон самое чувствительное оскорбление; дай-ка я сорву

с него погоны, а потом подумаю, как спастись, если до того времени меня не зарубит мой противник, который может искрошить меня, как кочан капусты». Вот какие соображения должны бы были быть у него, если бы он решился сорвать погоны и привел в исполнение свое намерение. Но это психологическая невозможность. Если бы элемент местности примешивался к чувству самосохранения, то он попытался бы ударить по той руке, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести удар в лицо, сделать, одним словом, что-нибудь, чтобы защититься. Между тем ничего этого не было. Мало того, есть еще другие обстоятельства, которые наводят на мысль, что обвинять Дементьева в срывании погон с Дагаева невозможно. Одно из таких важных обстоятельств — это тот погон, с которым Дементьев пошел к начальству. Если бы Дементьев проделал в сознательном состоянии то, что ему приписывают, сорвал погоны, чтобы отомстить, то это движение должно было оставить след в его сознании и первым его делом, когда ему подсовывали этот погон, было бы отбросить его, чтобы не установить никакой связи между собой и этим погоном. Он же, напротив, берет его самым наивным образом и заявляет, что вот по этому погону можно узнать офицера, и в участке только узнает, что его обвиняют в срывании погонов.

Но спрашивается, кто же сорвал эти погоны? Кто-нибудь должен же был их сорвать. Если не Дементьев, то необходимо предположить, что Дагаев. Защита могла бы не касаться этого предположения, с нее довольно, если суд будет внутренне убежден, что Дементьев не мог совершить этого срывания; но чтобы досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти из дилеммы нельзя иначе, как предположив, что погоны сорваны офицером. Для этого нет необходимости делать обводного предположения, которое было высказано прокурором, что офицер, видя, что увлекся, понимая, что ему грозит большая ответственность, хотел подготовить средство к защите, хотя защита не может согласиться с опровержением, представленным на это предположение прокурором, а именно, что Дагаев был в состоянии сильного гнева, при котором невозможен такой холодный расчет.

Нужно отличать гнев как аффект от гнева как страсти. Гнев, который разжигался в течение трех последовательных часов, был уже не аффектом, а страстью, под влиянием которой человек может действовать с полным сознанием последствий. Но, во всяком случае, нет надобности в этом предположении, возможно и другое. Очень может быть, что Дагаев не был в таком хладнокровном состоянии, когда влетел со шпагой в руке в коридор. Он, кажется, из тифлисских дворян, он уроженец юга, где люди раздражаются скорее, чувствуют живее, чем люди северного климата, более сдержанные, более флегматичные. Очень мо-

жет быть, что такой человек, придя в ярость, теряет сознание, готов сам себя бить, способен сам себя ранить. Он мог сорвать один погон, когда сбрасывал шинель, другой после и забыть об этом. Против этого приводят то, что он сейчас же заявил о срывании погона. Но в том-то и дело, что первый человек, которого он увидел после этого события, была Данилова, и ей он ничего об этом не сказал. Он заявил о срывании у него погонов в первый раз в участке, через четверть часа или двадцать минут после того, как виделся с Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобы пораздумать, сообразить; не зная, как он потерял погоны, он мог прийти к заключению, что, вероятно, их сорвал солдат, и занес об этом обстоятельстве в протокол, видя в нем средство защиты себя. Самое показание Дагаева подтверждает мысль, что он мог сорвать погоны с себя и не заметить этого. В этом показании Дагаев отрицает такие факты, которые были совершены при многочисленной публике. Так он говорит, что не бил на улице Дементьева, когда люди видели, что он бил; говорит, что не вынимал шпаги, когда люди видели, что он вынимал ее. Поэтому можно утверждать, что он был в таком же разгоряченном состоянии, как Дементьев, хотя стал в него по доброй воле, и что он мог действительно многого не помнить.

Подводя итоги всему сказанному, я не могу прийти к другому заключению, как то, что Дементьев невиновен, и прошу его оправдать, оправдать вполне еще и потому, что это событие особого рода, это такая палка, которая действительно должна кого-нибудь поразить. Ею она поражает несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что к военной дисциплине совершенно применимо то, что говорили средневековые мыслители о справедливости: *justitia regnorum fundamentum* основа царства есть правосудие. Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный.

Дисциплина, если брать это слово в этимологическом значении, есть выправка, обучение начальников их правам, подчиненных — их обязанностям. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуют и волнуются, и совершенно в равной степени, когда начальник совершает то, что ему не подобает, когда человеку заслуженному приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели под выстрелами турок, когда георгиевскому кавалеру, который изъят по закону от телесного наказания, наносят оскорбление по лицу, отрывают ус, когда лицо его покрывается бесславными рубцами. Я вас прошу о правосудии.

* * *

Дементьев был признан невиновным в приписываемых ему деяниях.

Дело Островлевой и Худина¹

Краткое описание дела: обстоятельства настоящего дела изложены в защитительной речи. Речь защитника представляет интерес в связи с тем, что в ней очень четко доказывается невменяемость обвиняемой.

Речь адвоката В.Д. Спасовича:

Господа присяжные заседатели!

Проста и почти ясна наружная сторона этого загадочного дела, его поверхность; мало дел, в которых внутренняя сторона, психологическая, была темнее. Так как для правильного изучения предмета необходимо от совершенно известного и осязаемого идти к неизвестному и вне чувственного наблюдения находящемуся, то я и начну с бесспорного и вполне установленного, чтобы затем, обойдя этот берег, заглянуть в смежную с ним глубь неизвестного, предполагаемого. Известно, что содержатель извоза, по Обводному каналу № 21 Елисеев, отправивший 29 августа 1881 г. в час дня молодого 19-летнего парня Данилу Савина с лошастью и пролеткой на работу и дожидавшийся их ночью, дождался Савина только 30 августа в два часа пополудни, причем Савин явился избитым, окровавленным и ограбленным, так как у него похитили вследствие нападения на него лошадь, пролетку, шляпу и армяк. Савин подвергся нападению ночью между Старой Деревней и Лахтой, в темном безлюдном месте, со стороны двух седоков — мужчины и женщины. Елисеев думал объявить полиции о случившемся, направился на место сбыта всяких лошадей — Конную площадь, когда вдруг с ним приключился один из редких счастливых случаев: по улице ведет его же лошадь, серого мерина с темными яблоками, Осип Назаров, купивший ее за 50 рублей у Александрова; от Александрова Елисеев, по его словам, добрался до продавшей Александрову эту же лошадь за 35 рублей содержательницы извоза Островлевой, живущей неподалеку в Разъезжей, в той местности, где процветает извозчицкий промысел, и имеющей нанятое для извоза помещение в Свечном, близ Лиговки, почти напротив завода Сан-Галли. Островлеву вызвали под вымышленным предлогом в полицейский участок. Островлева была разговорчива и весела, но когда на дворе участка увидела лошадь и возле нее раненого Савина, то растерялась, заплакала и сказала: «Я пропаду», обещала Савину и деньги на лечение, и поддевку, просила прощения за то, что его избили, предварила, что все похищенное цело, повела потерпевших и полицию в свое помещение в Свечном, где в конюшне,

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://hatituli.ru/?p=399>

по одну сторону от входа, найдена пролетка Елисеева, а по другую — армяк, дуга и извозчичья шляпа. При обыске, произведенном поздно ночью в собственной квартире Островлевой в Разъезжей, в коридоре и в кухне отысканы уздечка, шлея и вожжи, похищенные у Савина. Все похищенное оценено в 375 рублей. У Островлевой найдены из вырученных ею от продажи лошади 35 рублей только 23 рубля. Островлева была тотчас же арестована, ее работник Антон Худин отыскан только 3 сентября за городом.

Так было начато следствие. Само преступление восстанавливается следующим образом по показаниям Савина и обвиняемых.

Был теплый августовский вечер в начале одиннадцатого часа. Улицы были освещены газом. На углу Большой Конюшенной и Невского стоял извозчик Савин, поджидавший седоков, дюжий человек, но тупой и неразвитый, что весьма наглядно уяснилось при следствии. Подошли к нему два седока, мужчина был в пиджаке и фуражке, женщина в темном платье, повязанная платком. Савина подрядили они свезти их к Троицкому мосту за 20 копеек. Еще продолжалось сообщение по конке от этого моста до Старой Деревни. Был ли переполнен вагон конки или по иной причине ездоки, переменяв намерение, подрядили Савина в Старую Деревню за 1 рубль, а, доехав до Старой Деревни, хотели нанять в Лахту чухонца. Во время езды мужчина спрашивал Савина, сколько ему лет, имеет ли он жену и детей. Заезжали ли по дороге в трактиры и напивались ли — не известно: Худин говорит да, Савин — нет, трактирщики не узнают ни одного из них, но где же трактирщикам помнить заходивший к ним в заведения разный люд назад тому две или три недели. В Старой Деревне не оказалось чухонца. Савина стали рядить на Лахту, торгуясь с ним и давая 2 рубля; наконец, условились за 2 руб. 75 коп. с обратным путем на Невский. Требовал ли извозчик уплатить тут же часть денег? Вероятно. На пути в Лахту, близ моста, на повороте, Савин получил от мужчины сильный удар по затылку, от которого шляпа слетела, а он сам с дрожек соскочил. Предшествовала ли удару ссора из-за того, что Савин отказывался ехать, а его понуждали — не известно. По словам Худина, удар нанесен кошельем с медными деньгами, бывшим у него в руке. Следствие не только не разъяснило, был ли такой кошель у Худина, но даже не позаботилось спросить о нем Худина; впрочем, удостоверено медицинским освидетельствованием, что обе раны, и на затылке, и у глаза, нанесены заостренным тяжелым орудием; обе раны зияли, имели ровные края, одинаковую длину ($\frac{1}{2}$ вершка), обе гноились и проникали, одна до мышц, другая до надкостной плевы. Вероятно обе нанесены почти с одинаковой силой и одним и тем же орудием. Обе раны легкие, но так как ими пораже-

на голова, то раны могли сделаться опасными. По словам Савина, удар был неожиданный, его ослепило; он передавал другим, что у него точно искры появились в глазах. Искренность его показания несомненна, он и не заинтересован в деле, так как все похищенное возвращено, а раны зажили бесследно, но наблюдатель он плохой по крайней своей неразвитости и мог наблюдать спокойно только то, что происходило до нанесения ему удара.

Получив удар, он был ослеплен, сильно струсил и, по словам его хозяина, все члены у него опустились, после чего он счел за благо прикинуться умершим и, вероятно, притаил дух, зажмурив глаза. Прибавим, что было совершенно темно; при таких условиях наблюдения очевидно, что показание Савина может быть принимаемо крайне осторожно и критически. И, по словам Савина, участие обоих седоков в нападении на него было неодинаковое. На него кинулся мужчина и схватился с ним, между тем как женщина сидела в экипаже, пока ее спутник не крикнул на нее: «Что же ты смотришь?». На этот зов она, однако, подбежала к Савину, схватила его за волосы и помогла повалить его на землю; Савин приписывает ей еще ужасные слова: «Бей его насмерть», причем они били его по чему попало. Не опорочивая показания Савина, я полагаю, что с глазами залитыми кровью и зажмуренными, испуганный, за свою жизнь опасющийся, он едва ли мог различить, кем произнесены слова: «Бей его насмерть». Притом, показания его о совместно наносимых обоими седоками побоях не подтверждаются. На нем всего две раны, а сверх их никаких повреждений и даже царапин. Очень может быть, что он думал о том, что настал ему час смертный и что в таком положении ему пришли в голову слова, которые вовсе не были произнесены. Если бы эти люди были намерены его убить, то они бы раздробили ему череп орудием, которое было у них в руках. С момента, когда Савин притворился убитым, мужчина возится около него один, распоясывает его, снимает армяк, оттаскивает его за ногу в сторону от дороги, к канавке. Произнося слово «издох», этот мужчина сам нарядился извозчиком и ускакал, усадив в пролетку женщину. Когда они исчезли, Савин кое-как добрал до Лахты, где переночевал, потом пошел в полицейский участок в Лесном, наконец, после осмотра его ран в полиции, его усадили на конку и отправили к его хозяйну Елисееву. Я полагаю, что ускакавшие считали его умершим; Худин объяснил, что он раздел Савина, чтобы нельзя было узнать, какого он звания человек; следовательно, Худин предполагал, что Савин не встанет и никому о том, что он извозчик, не расскажет. Было ли у ускакавших намерение бросить похищенное с лошадьё и пролеткой в Александровском парке? Это вопрос столь же темный, как и тот, зачем они

ехали на Лахту, где не доказано, чтобы Худин имел каких-либо знакомых, а Островлева их вовсе не имела. Куда вернулась Островлева: в Разъезжую или в Свечной? Вероятно, в Разъезжую, где и переночевала, но несомненно, что в седьмом часу утра она была уже в Свечном, где в отсутствие Худина она встретила возвращавшегося с ночного извоза Михаила Андреева, сказала ему, что от конюшни, где стояли в то время пролетка и похищенная лошадь, ключ затерян, и помогла ему распрячь лошадь и вымыть дрожки.

Потом пошла продавать лошадь на Конную, потом ездила покупать шампанское, груши и сласти для Марии Читау, но едва возвратилась с этой довольно странной при тогдашних ее условиях поездки, как была позвана в полицейский участок, где она созналась тотчас же не только в продаже лошади, в чем была уличаема покупщиками, но и в поездке с Худиным на Лахту.

Я постарался выжать весь сок из самого дела, исчерпать все по делу точно известное. Этого материала хватит ли на разрешение первого уголовного вопроса: совершилось ли событие преступления? Да, совершилось нападение в известный день и час на извозчика Савина двумя лицами с нанесением ему ран, сопровождаемое похищением у него вещей: действие, очевидно, преступное и притом тяжко преступное, но при всей несложности и простоте вменяемых обвиняемым действий, вы, господа присяжные, должны подумать, как вы их будете определять, с тем, чтобы потом их подвести, как того требует обвинение, под понятие разбоя. Для понятия разбоя, по нашему закону, необходимо, чтобы нападение на личность было переходной ступенью и средством для нападения на имущество. Если эта корыстная цель не направляла ударов на лицо, если нападение не было ради грабежа, тогда деяния раздваиваются и образуют отдельные два преступления: нанесение ран, оказавшихся легкими, а может быть, и покушение на убийство, если признано, что было намерение убить потерпевшего, и затем кража или грабеж. Савин ничего не знает о намерениях седоков, он только умо-заключает, что так как на него напали без всякой причины, то, должно быть, намеревались его убить с тем, чтобы затем ограбить, что, конечно, сводится к разбою. Сами обвиняемые либо сочиняли при следствии, либо сочиняют теперь. Островлева утверждала на следствии, что она была невольной зрительницей драки, кончившейся падением замертво Савина, после чего была увезена в пролетке, но участия в происшествии не принимала. Теперь она говорит, что она с Худиным даже и не ездила. Худин рассказывает про какую-то девку, с которой ехал, про трактиры, про драку, про бегство с намерением бросить похищенное, но кончившееся тем, что он сказал себе: «Все равно», и воспользовался

похищенным. На юридическом языке его объяснение сводится на нанесение легких ран в аффекте и на пришедший после известного промежутка времени умысел присвоить чужое без намерения грабить или обокрасть.

Измените малую толику в обстановке дела, например, допустите, что доказана цель, зачем Худину нужно было ехать на Лахту, тогда объяснение приобрело бы высокую степень правдоподобия и тогда вы бы не затруднились признать нанесение ран в аффекте и затем грабеж или, может быть, присвоение чужой собственности. Если, хотя в одном из седоков вы признаете намерение ранить или убить, чтобы похитить, вы дадите утвердительный ответ по первому вопросу, но этот ответ, если и решит участь главного действующего лица, Худина, то несколько не решит участи Островлевой. Вслед за первым вопросом, о событии преступления, безотносительно к виновникам должен быть поставлен второй: было ли преступление деянием каждого из них, а, следовательно, было ли оно деянием Островлевой. Вы необходимо должны будете вникнуть в то: оба ли участвовали и в одинаковой ли степени? Какова была доподлинно та связь, которая соединяла их в одном и том же преступном деле?

Проследим этот трудный вопрос в границах известного. Островлева была, несомненно, с Худиным заодно, когда водила лошадь на Конную площадь, даже когда не допускала Андреева в конюшню, где хранилось поличное: лошадь и пролетка. Раньше укрывательства и отчуждения краденого имело место похищение, но в нем, по удостоверению самого потерпевшего Савина, участвовал один только Худин. До похищения вещей имело место нападение на Савина. Если даже допустить, что женщина хватала Савина за волосы, то это не доказывает, чтобы она была главным лицом, чтобы она с ним действовала по предварительному уговору и соглашению. Когда несколько лиц действуют по соглашению, то различаются голова, которая дело задумала и подняла на него других или так называемый подстрекатель и рука, которая исполняла дело. Наказание для тех и других одно, но под условием, что они сговорились; если же они не сговорились, то каждый отвечает только за ту часть общей работы, которую он сам совершил. В настоящем деле есть обстоятельство маленькое, но веское, обнаруживающее, что женщина не была подстрекательницей Худина и даже, что сомнительно, было ли между ними соглашение; это слова, влагаемые Худину в уста Савиным: «Что же ты смотришь?». Этому зова женщина послушалась, значит, одолеть Савина помогла.

Значит, этот зов, может быть, толкнул ее внезапно на задуманное им преступление. Если вы само деяние, как разбой, отнесете на Худина, то

относительно Островлевой будете поставлены в недоумение: участвовала ли она в разбое или только в нападении на личность Савина. Правда, этот человек только работник, только слуга, а она барыня и хозяйка, которая не давала спуску рабочим, а иногда лупила их кнутом, но это такая барыня, которая и полы мыла, и кушать рабочим готовила, и по трактирам ходила, и которую работник, если верить Савину, «тыкал» («Что же ты смотришь?»). Притом, этот работник человек смывленный, здоровый и такой, который при известной сметке мог управлять сумасшедшей, зная как на нее влиять. Итак, даже этот вопрос не разрешается ясно, но второй вопрос: было ли событие деянием Островлевой, несравненно легче решается, нежели третий; может ли быть вменено ее деяние в вину, то есть, может ли быть возложена на нее полновесная за это деяние ответственность. Закон уголовный не представляет вам права судить так называемых когда-то «людей божих», иными словами, тронутых, помешанных. Статья 95 Уложения гласит: «Не вменяется в вину преступление или проступок, учиненные безумным или сумасшедшим, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятия о противозаконности, о самом свойстве своего деяния». Эта статья немного устарела; вот какими чертами изображаются причины невменяемости в теории и в новых законодательных проектах: невменяемо деяние, учиненное лицом, которое по недостатку умственных способностей или по болезненному расстройству душевной деятельности или по бессознательному состоянию не могло во время учинения деяния понимать свойство и значение совершаемого или руководить своими поступками. По отношению к Островлевой выдвигается на первый план психологический вопрос о ее душевном здоровье вообще и в особенности о ее состоянии в ночь с 29 на 30 августа. Для этого вызывались свидетели, заслушана редкая по своей вескости и по своему авторитету экспертиза. Моя задача скромная: собрать и сопоставить данные следствия и заключения экспертов; из этих данных и этой экспертизы следует, что Островлева, хотя, может быть, не безопасный, но находящийся в состоянии невменяемости человек, что ей предстоит не наказание, а лечение, не тюрьма, а больница для умственно расстроенных, как покушавшемуся на самоубийство субъекту.

Вступая в эту область, в которой только изредка приходится странствовать юристу, я считаю необходимым предположить разбору душевной организации Островлевой несколько предварительных замечаний.

Давно оставлено понятие о том, что человек состоит из двух отдельных частей — «души» и тела. Болезни «души» обусловлены недо-

статками и болезнями той части тела, которая служит органом сознания и мышления, то есть мозга, а так как мозг есть средоточие нервной системы, то хотя не всякое нервное или мозговое страдание есть душевная болезнь, но все душевные болезни суть вместе с тем болезни нервные и мозговые, так что в область психиатрии входят и падучая болезнь, и истерия, и отравление себя человеком вследствие употребления спиртными напитками или так называемый алкоголизм. Суд не может не воспользоваться при возбужденных вопросах о вменяемости содействием психиатров, которые одни способны определить болезнь мозговую и ее отражение на всех отправлениях человека психических. Вопрос с первого раза кажется как будто бы прост: здоров ли субъект душевно или он душевно болен. На деле решение его может быть весьма затруднительно, потому что деяние установила логика, аналитический разум, а все логические построения расходятся с действительной жизнью; где ум проводит черты и грани, там существуют только едва заметные переходы от света к тени, едва уловимые переливы красок без всяких точных очертаний. Вы не можете отметить час и день, когда человек, приходя в возраст, должен быть признан дееспособным. Вы не отметите, когда именно больной выздоровел, где кончается чудачество и где начинается психоз, где психопатическое состояние превращается в определенную форму сумасшествия. Мы унаследовали от родителей, мы всосали в себя с молоком кормилицы и воспитанием всю цивилизацию нашего племени и века, но вместе с тем и все зародыши, все предрасположения к болезням физическим и психическим. Эти зародыши могут в нас развиваться и заразить весь наш душевный организм, но это делается не вдруг. Надлежало бы отметить несколько состояний, несколько ступеней: полное здоровье, полное сумасшествие и промежуточное психопатическое состояние, еще не определившееся в типических формах известной болезни. Некоторые законодательства, вследствие того, и устанавливали состояние полной вменяемости, полной невменяемости и ослабленной или уменьшенной вменяемости с понижением наказания на одну, две или три степени. Новейшие кодексы идут, однако по противоположному направлению, равно как и наше Уложение. Они разрешают вопрос, по моему мнению, резко и грубо: либо лицо способно самоопределяться, либо не способно. Юристы, например, Таганцев, утверждают, что логически можно признать одно из двух: или наличность или отсутствие этой способности.

Этим сторонникам строгой логики можно бы возразить: ваши построения логичны, но в то же время неестественны; ваша теория может стеснить и экспертов и судей, поставить их в положение неудоб-

ное. Пред вами может стоять человек, на котором крупными чертами написано, что он тронутый. Еще несколько шагов и тускло мерцающий, еле дымящийся огонек сознания потухнет. Что он больной, это твердят на своем греко-латинском языке люди опытные, причем, признавая за ним психопатическое состояние, они обличают перед вами все уродливости устройства, все неправильности душевных отправления. Не их дело признавать невменяемость — это вопрос юридический, решаемый только вами, господа присяжные заседатели, и судьями. Эксперты выражаются осторожно, потому что больной не совсем еще лишен сознания, вяжет одну идею с другой, что-то чувствует и действует с некоторой целесообразностью. Эксперты говорят, что этот человек больной, а безответствен ли он, то вы решите сами; мы бы его, не колеблясь, отнесли к людям, обладающим уменьшенной вменяемостью. Так ответил, по крайней мере, эксперт Чечотт, когда я ему поставил прямо этот вопрос. Тогда трудный вопрос ложится на вас, господа, камнем; у вас вышибают из-под ног правильное третье и вас принуждают решать по одному из двух предположений: либо этот человек совершенно здоров и отвечает за свои дела, как и всякий другой здоровый; либо он помешанный, для которого не существует ни суд, ни закон. Вы станете в тупик, а в уголовном деле, как вам, вероятно, разъяснит председатель, сомнение истолковывается в смысле наиболее человеколюбивом, в пользу подсудимого. К такому решению предрасположили вас и эксперты, которые, раскрыв все уродства этой ненормальной организации, объяснили, что она бесповоротно обречена на постепенное вырождение и гибель. Я не сомневаюсь, что вы неизбежно придете к этому именно заключению.

Юлия Островлева родилась в Туле в 1855 году, в момент события ей было 25 лет. Известно, какое громадное значение имеет в психиатрии наследственность. Отец ее страдал невралгией и напивался часто. Мать и бабка по матери были нервные, вспыльчивые, истерические женщины. В две недели после рождения от приливов крови к голове у Юлии образовался ряд абсцессов. В семь лет она страдала галлюцинациями зрения, ей представлялись ходящими по комнатам и роющимися в комодах несуществующие женщины. На шестом году она сама, почти шутя и играя, выучилась читать.

В 1867 году отец умер, мать переселилась в С.-Петербург и отдала дочь в Мариинскую гимназию. Здесь развитие девочки было быстрое, многообещающее. Она обладала живым воображением, способностью воспроизводить образы, подражать и передразнивать, усваивать читаемое памятью, но сообразительность ее была слабая и к математике она была совсем неспособна. С 14 лет развитие ее начинает останавли-

ваться, а в 16 лет оно совсем остановилось, когда Юлия покинула гимназию, выйдя из второго класса, вследствие неудавшегося экзамена. Впоследствии она перестала читать даже любимые до того ею книги, вроде романов Дюма или Габорио, память ее ослабела, в умственной функции заметен регресс. Причина того обнаружена на суде и заключается в ее гидроцефализме, в дурном окостенении ее рахитического черепа, в неправильном строении этого черепа, со впадиною в темени, с горловидной выпуклостью затылка в два вершка и с соответствующей глубокой впадиной между костями верхнезатылочной и заднетеменной.

Неврологическое сложение и дурное строение черепа еще не сумасшествие, к ним присоединяется новая ненормальность: извращенное половое чувство, влечение к одним только женщинам, так называемая лесбийская любовь. Оно, в данном случае, не было следствием злоупотребления и разврата, но как нечто прирожденное и обнаруживающееся, с самых ранних лет. С восьми лет она влюблялась в знакомых матери и ее жиличек. На 15 году одно ее влечение не превратилось в любовь потому только, что объект был не эстетичен и грубоват. На 16 году жизни, том самом, в котором она покинула гимназию и стала менструировать неправильно с маточной коликой, выделяя меньшее против обыкновенного количество крови, наступило сближение Островлевой с первым лицом, по отношению к которому она, по ее словам, испытала настоящую любовь. Это была какая-то полька, которая уже перестала иметь любовников. Связь эта продолжалась много лет, несмотря на частые отъезды польки за границу. При освидетельствовании Островлевой обнаружено было, правда, одно обстоятельство, о котором не знали ее родные, которое было совершенной тайной для ее матери, что Островлева рожала. Ребенок ее, как говорили при следствии, жив и находится где-то на воспитании. По слышанном от нее рассказам, она отдалась одному мужчине, которому была чем-то обязана, отдалась без увлечения, без физического удовольствия. Едва ли по отношению к этому ребенку она питает какое-нибудь чувство, похожее на материнское.

Любовь к мужчине была в ее жизни скоропреходящим эпизодом, между тем за женщинами она ухаживала постоянно, заводя эти знакомства и храня их в величайшем секрете. Ее родные и знакомые утверждают, что Островлева имела отвращение к мужчинам. Эксперт, доктор Смольский, смягчая это выражение, склоняется к допущению полного равнодушия к мужчинам. Это равнодушие устраняет возможность предположения ее любовных отношений к ее работникам, в том числе к Худину, к мужикам, на которых Островлева, крутая барыня,

проявляла свою власть, которых иногда лупила кнутом и называла обыкновенно «хамами». Догадки, в которые пускалось обвинение, основанные на том, что у Островлевой оказалась фотографическая карточка Худина, и которые доходили до того, что Худин предполагается отцом ее ребенка, просто фантазии, ни на чем не основанные. Отец ребенка был «кавалером», по словам Марии Читау, купеческий сын, по словам Шегловой, вообще человек хорошо образованный, по словам обеих; рождение ребенка относится, по свидетельским показаниям, к 1878 году, то есть к тому же году, когда Худин нанялся служить у Островлевой. Фотографическая карточка найдена не в альбоме, а где-то в хламе, в ящике с платьями; были карточки и других лиц из прислуги. Замечу, что предположение о связи с Худиным, способное сильнее загрязнить Островлеву, нисколько не подкрепляет обвинения, а ослабляет его по отношению к Островлевой, потому что влюбленная сумасшедшая не перестанет быть сумасшедшей, но ставится на вид причина, вследствие которой она могла быть слепым орудием в руках своего любовника. Вследствие равнодушия к мужчинам и влечения к женщинам, которые Островлева, однако, скрывала, жизнь ее выходила двойственная: одна — для родных и знакомых, другая — для того света, в который она проникла для своих любовных походов. Рассмотрим эту двуличную жизнь этого странного существа, которое не симулировало ничего и не обманывало, но стыдилось, однако, рассказывать родным о том, куда ее увлекал извращенный половой инстинкт.

Наружно и перед родными Островлева была казак в юбке, лицо, по ошибке родившееся женщиной, но наделенное с избытком всеми мужскими свойствами, доведенными до крайности, до удалства, задора и ухарства. И голова у нее большая стриженная, и черты лица мужские, и голос в минуты возбуждения звучит металлически, как труба. Она своенравна, упряма, смела до дерзости, самонадеянна, дика.

Она любит от страсти наряжаться мужчиной, то в пиджак и брюки купчиком-приказчиком, то в извозничий армяк, любит мистификации, любит отвозить домой знакомых и свести их куда-нибудь, особенно когда они ее не узнают. Возрастающее преобладание мужского в характере заслоняло совершающееся огрубение и оупление умственное, пренебрежение к тонкому ловкому труду и обращение к самому грубому, физическому, требующему только силы мускулов и выносливости: к стирке, мытью полов, лошадей и т. п. Труд всегда почетен, труд притом свободен, надо предоставить, по возможности, всякому заниматься тем, чем он любит заниматься. Родные рассуждали так: оставила гимназию — нехорошо; заниматься чем-нибудь — хотя бы подрядами на

сметание снега — ладно. Подряд не пошел. Островлева взялась за извоз, за 500 рублей, занятые у Карпова; по словам родных, она вложила в извоз всю свою душу — и то похвально. Такова одна, всем видимая сторона жизнедеятельности Островлевой.

Была и другая — таинственная. Под предлогом того, что она любит «дурачиться» и «куралесить», Островлева бывает в публичных домах, избегая порядочных удовольствий, балов, театров, она заводит знакомства с женщинами полусвета, с содержанками. Помимо нее, раскрылись следы событий, хранимые в секрете, например, рождение ребенка, случившееся вне дома и скрытое от матери-акушерки. Ее отношения к множеству женщин, мелькающие тенями, были совсем загадочны, не будь клинических наблюдений над Островлевой в заведениях для душевнобольных. Она обожала избираемые ею предметы страсти, неразборчивая в словах, она становилась с ними конфузлива и стыдлива и нередко доходила по отношению к ним до сцен болезненной патологической ревности, требующих вмешательства начальства. Но прирожденное неправильное направление похоти не есть еще сумасшествие. Противоестественное удовлетворение половой похоти весьма распространено. Посему, не останавливаясь далее на этой ненормальности, иду дальше и указываю еще на одну неправильность, довольно редкую в женщинах того же состояния, как и она, а именно, на ее склонность к алкоголизму. Во многих случаях пьянство является пороком наследственным. У Островлевой этот порок мог быть унаследован от отца. Она стала употреблять крепкие напитки по выходе из гимназии, предпочитала вино и водке ликеры и коньяк. Пьяной ее не видали, но она признавалась, что напивалась, когда ее тоска брала, чтобы забыться, например, после отрезания языка у лошади.

Таким образом, в этом ненормальном существе есть два органических недостатка, невольные, прирожденные и некоторые, может быть, наследственные: склонность к пьянству, располагающему к душевному заболеванию. Машина, как видите, была плохая и испорченная, когда машина плоха, то она не может хорошо действовать. Прирожденное уродство и проистекающее от него уродливое состояние проявлялись в Островлевой на каждом шагу, и притом усиливаясь. Все акты ее жизни психической запечатлены были страданием.

Начнем с мышления. В ее развитии поражает односторонность и соответствующая ей ограниченность. Умственный застой и как будто лень наступили после юркого и многообещавшего детства. Жизнь воображения оставила свой след только в склонности к грубой шутке, сопровождаемой склонностью к смешливости, беспричин-

ному и неумолкающему хохоту. Правда, Мария Читау 2 находила, «что Островлеву слушать, все равно что Щедрина читать», и удивлялась ее «чисто русскому уму», но в этом отношении я скорее поверю ее матери, Читау 1, которая считала Островлеву веселой, но глуповатой девушкой. В уме ее полное отсутствие сообразительности, слабость рассудка, подмечены при наблюдениях клинических и нелепые идеи, насильственно навязывающиеся представления, например, когда в приюте у доктора Чижа она воображала, что может сделаться беременной вследствие того, что выкупалась в ванне, в которой купались и мужчины. И в приюте, и в больнице на нее находила мания преследования. Она считала себя униженной и напрасно оскорбленной, когда родные принесли ей раз коробочку с конфетами, повязанную не ленточкой, а веревкой. Одной из таких двух идей достаточно бы для признания субъекта маниаком, если бы эта идея устойчиво засела в голову, но у Островлевой вследствие необычайной подвижности мышления эти навязчивые или ложные идеи проходили, не образуя устойчивых составов.

В ее способности чувствования были большие различия. Наблюдениями подмечены два такие состояния: первое — обыкновенное, весьма далекое, однако, от нормального, и второе — необыкновенное, подразделяющееся на угнетенное и возбужденное. Необыкновенное состояние находилось в близкой, хотя и не безусловной, связи с неправильной и запаздывающей менструацией. Даже в обыкновенном быту она отличалась слабостью.

Большая слабость сосудодвигательного снаряда производила то, что, несмотря на свое анемическое малокровное сложение, она в один миг менялась в цвете лица, переходя от мертвенной бледности до темно-розовой окраски. Она была причудлива во вкусах, в детстве пожирала уголь и сальные свечи, боялась темноты, имела многие идиосинкразии, без повода смеялась и плакала, то привязывалась к людям и предметам, то отталкивала их без причины. С невероятной быстротой сменялись в ней душевные акты и переходы от мрачного настроения к веселому и наоборот. В возбужденном, необыкновенном состоянии она страдала частыми истерическими припадками (иногда по два раза в неделю), сопровождаемыми спазмами в горле. Бывали сильные порывы аффекта: глаза горели, она топала ногами, била кулаком по столу, вырывала у себя волосы, кричала, узнав о случившемся с лошадью: «Лучше бы меня убили». В больнице она раздражалась против больных, била их, когда они дотрагивались до ее вещей, рвала книжки, лазила по мебели, кричала громко, требуя вина. Аффект превращался иногда в неистовство и доходил до богохульства, до попыток срывать иконы, чтобы бро-

сать их за окно. Два раза в приюте неистовство кончилось моментом полного бреда, причем зрачки расширялись, кожа была горяча, сознание отсутствовало. По всей вероятности, в одном из таких припадков неистовства с бредом она покушалась в доме предварительного заключения на самоубийство; по свидетельству заведующего тюрьмой, Сенчевского, она в один день в течение не более 40 минут времени повесилась на рукомойнике, так что ее привели потом в чувство растиранием, затем пыталась удавиться тесемкой, на которой носила крестик на шею, наконец, пробовала кинуться через перила с высоты третьего этажа тюремной лестницы вниз на площадку. Самоубийство не есть неизбежный признак сумасшествия, но из показания эксперта профессора Мержеевского вы узнали, господа присяжные, что, по статистическим сведениям, третья часть самоубийств совершается в приступах душевных болезней, а две трети приходится на все остальные причины: пьянство, материальные потери, горе и обиды, страх наказания, несчастная любовь. Если принять в соображение странную и неестественную напряженность стремления к самоубийству (три покушения в один час), то сама эта напряженность наводит на предположение о бреде, о страсти все разрушать, начиная с самой себя. Конечно, в этот час Островлева была в состоянии полной невменяемости, но едва ли подлежит сомнению, что причины, вызывавшие приступы неистовства, обнаруживали свое неизбежное влияние и на образ действий Островлевой, даже в обыкновенном спокойном ее состоянии.

Что касается до проявлений силы воли, то Островлева никому не подчинялась, была своенравна и упряма, обращалась с людьми и с животными то нежно, то жестоко, но без всякой последовательности, толку и причины. Добро и зло, ласка и гнев изливались внезапно и неожиданно, не как рассудком руководимые действия, а как необъяснимые и даже бессознательные импульсы, вырастающие на почве совсем уродливого психопатического сложения. Беспричинность поступков, отсутствие мотивов, такова самая характерная особенность ее поведения. Здесь мы наталкиваемся на коренной, разделяющий юристов и физиологов вопрос о свободе человеческой воли, вопрос, которого я не могу не коснуться, и коснусь, чтобы устранить все недоразумения.

Разлад между юристами и естественниками по этому вопросу существует более на словах, нежели на деле. По старой памяти, по привычкам мышления, деяние представляется обыкновенно юристу не как результат мотивов, но как произведение свободной воли, которая будто бы определяет человека к действию, сама, будучи неопределима и выбирая мотивы, подставляет тот или другой из них. Если бы эта теория

была верна, то в действиях человека не надо бы и доискиваться мотива, так как главное было бы не мотив, а та свобода воли, которая подставляет любой мотив без всякого к тому основания и причины. Если бы эта теория была верна, то все свободные действия нормального человека должны рассматриваться как беспричинные. Такой вывод ежеминутно опровергается опытом. Во всяком уголовном деле и присяжные, и судьи доискиваются прежде всего цели преступника, то есть мотива действия, и успокаиваются вполне только тогда, когда они эту цель ощущали. Им всегда тяжело присуждать кого-нибудь по одной догадке, что у обвиняемого своя цель была, но от суда скрыта. Когда мы знаем человека добрым или злым, то мы с математической точностью можем предсказать, что в данном случае он поступит неизбежно, неизменно и роковым образом, невольно, хотя и сознательно так, а не иначе. Если разобрать все пружины, которые заставляют человека действовать, то их окажется немного, а именно только три и не более: либо страсть, либо ум или иначе расчет, либо, наконец, удовольствие, ощущаемое человеком без отношения к нему самому при созерцании нравственной красоты или добра, удовольствие, которое называют еще иначе, а именно, иногда нравственным чувством, иногда совестью.

Если человека одолеет буря страсти, если она, насилуя его ум, заставит его составить плохой расчет, тем хуже для человека; в нем звучало в момент действия нравственное чувство, подсказывавшее ему, что надо было делать. Во всяком случае, выбор мотива совершился неизбежно в пользу сильнейшего из мотивов, сильнейшего, разумеется, индивидуально, оказывающегося самым могущественным по особенностям характера действующего лица. Если в борьбе одолел преступный мотив, то, хотя решение вышло произвольное, человек вполне отвечает за дело потому, что он поступил сознательно. Он должен пострадать за недостаток нравственного чувства, которого он не выработал, впрочем, в течение всей своей жизни предыдущей. Вы его осудите, потому что вы бы не могли поступить так, как он, а по необходимости поступили бы лучше и честнее. Вы по этой мерке судите и себя и всех других нормальных людей, похожих на вас, но если вы сталкиваетесь с непохожими, ненормальными, сумасшедшими, действующими без достаточной причины, без рассудка, без сознаваемых мотивов, то ваша мерка оказывается уже непригодной для оценки поступка. Я вас попрошу проследить с этой точки зрения за Островлевой. Уродливость ее организации и та степень вырождения, до которого она дошла, заставляют сомневаться, находится ли она когда-либо, даже когда она спокойна, в состоянии вменяемости. Сверх того, если вникнуть в образ ее действий в ночь с 29 на 30 августа 1881 г., то нельзя не признать, что

он носит на себе признаки полной непоследовательности, полного непонимания ни опасности действия, ни его последствий.

Никакого интереса Островлева не могла иметь в разбое. Ее денежные дела не были запутаны, никаких взысканий на нее не поступало, если бы взыскание поступило, то она могла, во всяком случае, получить средства тотчас же без затруднения от знакомых. Самая сумма, которую бы можно выручить продажей наскоро похищенных вещей, была бы столь незначительна, что не могла бы поправить положения Островлевой, если бы оно и было дурное. Итак, цель действия представляется в виде черного пятна.

Островлева утверждает, что болезнь подруги навела на нее 29 августа неодолимую тоску, от каковой тоски спасаясь, она выпила целый графин ликера и впала в полусознательное состояние (заметим, что 29 августа было днем только что окончившейся менструации).

Встретив Худина, отпросившегося на Лахту, Островлева предложила себя в спутницы, чтобы ехать, куда глаза глядят, чтобы рассеяться. Островлева была весьма откровенна с судебным следователем и врачами и относительно поездки, и относительно продажи лошади, и относительно самых интимных подробностей ее жизни домашней, но о происходившем между Старой Деревней и Лахтой она не объясняется никак, она упорно обходит этот предмет. Очень вероятно, что и эта сцена сохраняется в ее представлениях и памяти в виде черного пятна, что она почти ничего не помнит, потому что была под двойным давлением: под давлением испытанной тоски и опьянения от выпитого ликера. Не знаю, имел ли Худин намерение грабить, когда отправлялся на Лахту, но он знал, что едет с ним женщина не в здравом уме, он мог при этом иметь свой расчет. Нормальная женщина не поехала бы ночью на Лахту, не стала бы простой зрительницей совершающегося перед ней разбоя, а тем более участницей, бежала бы от Худина, дала бы знать в полицию. С сумасшедшей и пьяной легче было справиться. Худин ее посадил в пролетку, обещаясь лошадой и пролетку бросить, свез ее на Разъезжую. На другой день, отправившись в Свечной, она с ужасом увидела, что пролетка и лошадь там, а вдобавок Худин отнес сбрую и вожжи в ее квартиру. Тогда она решила сбить поличное, она сбывала его торопливо и сознавала грозившую опасность от преследования. Но при этих заботах ни малейшей осторожности; кажется, делается все, что только можно, чтобы ее тотчас накрыли и уличили. Притом, все настроение ее в этот день, 30 августа, какое-то удивительно странное и вместо тревожного, каким ему следовало бы быть, радостно торжественное. Она весела до безумия и смешлива, устраивает пирушки необыкновенных размеров, покупает шампанского, дюшес, сластей, пишет

смехотворную записку и приезжает со всеми покупками домой, устраивает угощение в тот почти момент, когда является полиция, и требует ее в участок. После смущения при виде Савина в участке она впадает опять в равнодушие и во время обыска в ее квартире, когда к ней пристают родные с вопросами, либо отмалчивается, либо грызет семечки. Спрашивается, как вы должны поступить с этой странной и не в своем уме находящейся женщиной?

Здорового человека вы бы осудили, потому что, прежде чем он совершил злое дело, он его обдумывал; страсть, ум, совесть боролись, страсть одолела разум и наложила молчание на протестующую совесть.

Хотя решение последовало в другую сторону, роковым образом, фатально, но человек сознавал свой долг, а следовательно, и свою ответственность. Но в Островлевой мы имеем дело с разумом столь слабым, что его посещают ложные идеи. Все волнения, чувства порывисты и необузданны. Ежеминутно внезапное побуждение, рождаясь в области бессознательного и минуя всякий контроль рассудка и нравственного чувства, воплощается в дело, не оставляя в душе никакого воспоминания о процессе, закончившемся решимостью, о борьбе мотивов, об ответственности. Добираясь да корня зла в деянии, до причин недейтельности рассудка, до слабости нравственного чувства, вы неминуемо наталкиваетесь не на личную вину и даже не на воспитание, а на уродливый от природы физический организм, расстроенные нервы, превратные от самой природы половые инстинкты. От природы это существо обречено на бред, на безумные выходки, на бешенство, жертвой которого делается прежде всего оно само, посягая на свою жизнь. Иного исхода и не будет. Какая польза государству, что эта осужденная зарежется или повесится. Не она первая, не она последняя, много осуждаемо было и осуждается сумасшедших. Это явления печальные, точно упреки нашей цивилизации. Вы не решитесь это печальное явление допустить. Над этой женщиной тяготее проклятие природы, ее не должна касаться казнь государственная.

* * *

Островлева и Худин были судом оправданы. Однако после вторичного рассмотрения дела по протесту прокурора приговор в отношении Островлевой был оставлен в силе, Худин же был признан виновным в совершении данного преступления и осужден.

Урусов Александр Иванович (1843–1900)

Поступив в 1861 году на юридический факультет Московского университета, за участие в студенческих волнениях в том же году был из него отчислен. В 1862 году он вновь сдает экзамены и проходит по конкурсу в тот же университет. Сторонник либеральных идей Урусов в одинаковой мере известен как талантливый защитник и как обвинитель. Из обвинительных речей, произнесенных Урусовым, широкой известностью пользуется речь по делу Гулак-Артемовской и по обвинению Юханцева. Как адвокат он работал в Москве и Петербурге. Первое выступление в суде — в защиту Мавры Волоховой, обвиняемой в убийстве мужа, — принесло ему успех. Этому выступлению А.Ф. Кони дал следующую оценку: «Посетители Московского суда того времени (1866–1867 гг.) вспомнят быть может неслыханный восторг присутствующих после защитительной речи по делу Волоховой, обвинявшейся в убийстве мужа, — речи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора улики тяжкое и серьезное обвинение».

Урусов — талантливый судебный оратор, литературный стиль его речей безупречен. Ум его живой, острый, восприимчивый. Оратор охотно идет на острую полемику с противниками. Однако пылкость, задорность, погоня за столкновениями с противником, благодаря которым он рассчитывает с помощью красивой и звонкой фразы выйти победителем, неоднократно вредили делу. Урусов много уделял внимания внешней отделке речи, но не всегда заботился о фундаментальной ее подготовке. Он добивался блестящих успехов по делам, которые давали материал для воздействия на чувства слушателей. Там, где требовался глубокий анализ, он не всегда был на высоте.

В своих судебных выступлениях Урусов находил и использовал малейшие промахи противника, умело обращал их в пользу подзащитного. Вполне понятно, что полемичность и задорность не всегда себя оправдывают.

Большую известность приобрел Урусов своими выступлениями как гражданский истец. Одна из таких его речей — по делу Сарры Беккер — включена в Сборник.

В годы реакции — в 80-х годах во время еврейских погромов — выступал по этой категории дел в качестве гражданского истца. Несмотря на преследования в печати со стороны реакционных элементов, его выступления отличались мужеством и принципиальностью. В них он

старался пробудить негодование передовой интеллигенции против этого позорного явления. Охотно проводил процессы в защиту лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за религиозные убеждения. Тонкий психолог, он всегда был способен на меткую и острую характеристику тому или иному лицу, проходящему по делу. Литературный стиль его речей был всегда образцовым, отличался убедительностью, простотой изложения, последовательностью и ясностью.

Дело Мироновича¹

Краткое содержание дела изложено в речи адвоката.

Речь адвоката А.И. Урусова, выступавшего по делу в качестве представителя гражданского истца:

Господа судьи, господа присяжные заседатели! После той, в высшей степени содержательной речи, которую вы только что выслушали от представителя обвинительной власти, вы, конечно, не можете ожидать от меня, представителя гражданского истца, такой же полноты и повторения тех же доводов и данных. Между тем, по закону, программа прокурора и гражданского истца в сущности одна и та же; разница только в том, что представитель государственного обвинения предъявляет требование о наказании, а гражданский истец — об убытках. Деятельность же на суде у того и другого идет в одном и том же направлении, как вы могли убедиться по ходу судебного следствия. Работа наша заключается в том, чтобы сначала добывать факты, а потом предлагать их вашему суждению, но не в сыром виде, а подвергнув их предварительному анализу. Мне приходится идти вслед за обвинением, на ходу, так сказать, подбирать оброненные им или оставленные без внимания факты. Но обвинительная речь исчерпала фактический материал, и потому мне остается только представить вам его в другой группировке и в возможно сжатом виде. Я должен оговориться. Я делаю это вовсе не из боязни утомить ваше внимание, напряженное десятидневным трудом. Я уверен, что в деле, представляющем такой громадный общественный интерес, как дело Мироновича, вы отнесетесь внимательно и даже с сочувствием к каждой попытке честно разобраться в громадной массе фактов. Прокурор начал с разбора экспертизы. Я хотел бы передать вам ход моих мыслей по делу в хронологическом порядке событий. В последовательности фактов кроется их логическая связь. Начну с установления мотива преступления, совершенного Мироновичем. Почему,

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://hatituli.ru/?p=510>

ради чего он убил Сарру Беккер? Он убил ее не с обдуманым заранее намерением, а в запальчивости и раздражении, вследствие неудавшейся попытки воспользоваться невинностью, попытки, оставленной, вследствие ее сопротивления, но не сопровождавшейся, по-видимому, никакими реальными последствиями и в которой он на суде не обвиняется. Если бы он не убил ее, он обвинялся бы в покушении на изнасилование, соединенное с растлением, и она бы против него свидетельствовала на суде, и он был бы осужден. Чтобы этого не было, он ее убил. Он убил ее в порыве бешенства и страха, боясь быть застигнутым на месте преступления. Итак, хотя и изнасилования нет, хотя в судебно-медицинском смысле покушение на растление не может быть ничем доказано, но, тем не менее, обстоятельства дела приводят к непоколебимому заключению, что в основе дела лежит чувственность Мироновича, а не какой-нибудь другой мотив к убийству Сарры Беккер. Такой мотив не может прежде всего не возбудить недоумения: возможно ли, чтобы Миронович, которому за 50 лет, настолько прельстился 13-летней девочкой? Врожденный нам оптимизм отвечает: нет, такое преступление немыслимо. Оно противно человеческой природе! Посмотрим, так ли это? Конечно, если нет мотива, так о чем же и говорить; но полагаться на судебно-медицинскую экспертизу, что она раскроет мотивы, кажется мне совершенно неосновательным; исследование мотива преступления лежит в области явлений более сложных, чем те, которыми занимается медицина.

Итак, установим сначала с совершенной ясностью, документально, доказано ли по делу, что Миронович стремился к обладанию Саррой? Я докажу вам, что он стремился к этой цели путем систематического развращения ребенка. Вспомните сначала показание Р. Чесновой, свидетельницы, к которой защита относится с особым доверием. Сарра, по ее словам, девочка умная и скромная, говорит ей: «Хозяин все рассказывает о своих любовницах, он с нового года хочет отпустить отца, а меня оставить, но я тысячи рублей не возьму. Лучше мне видеть малехомовеса (дьявола), чем его разбойника». Странно, не правда, ли, откуда такая ненависть? Ведь Миронович платит ей жалованье, хвалит, угощает, дарит — казалось бы, нежная детская душа, отзывчивая к ласке, должна бы страшно привязаться? Поищем причину ненависти. Вот скорняк Лихачев, человек простой. Он передает следующее (я прочту по моим заметкам): однажды, когда Ильи Беккера не было дома, Миронович нежно гладил Сарру по голове. Лихачев спросил: господин Миронович, к чему это вы малолетнюю девочку так ласкаете? Может быть, она пригодится, отвечал Миронович. Это были его подлинные слова. Мне это показалось странным, прибавляет Лихачев, и я сказал Беккеру,

что Мионович ласкается к его дочери. Заметьте, господа присяжные заседатели, что Лихачева, вовсе не привыкшего задаваться утонченным анализом, удивляет обращение Мионовича с ребенком. Значит, в этом обращении сказывается нечто действительно нехорошее. Но вот является поразительное показание Натальи Бочковой, прочитанное здесь на суде: «За неделю до убийства Сарра была у нее, жаловалась: хозяин ей проходу не дает, пристаёт с худыми словами, не дает причесаться, одеться: сейчас подойдет, отнимает волосы, говоря «хочу баловаться». Мионович помадится перед зеркалом, шутит: хочу понравиться хозяйину. Вы сами здесь хозяин, отвечает Сарра, вы можете понравиться одному только шуту, а не мне. Отвечала она дерзко потому, что была сердита на него за худые слова. Но скупой для других Мионович делал ей подарки: золотые серьги дал, обещал за что-то браслет». Если бы можно было одну минуту сомневаться в этом показании, вы бы нашли ему полное подтверждение в показании на суде под присягой свидетельницы Михайловой. Вы помните эту бесхитростную женщину, кухарку Бочковой. В платочке, подперев щеку рукою, она простодушно подтвердила эти нечистые подробности; я дорожу текстуальностью этого показания, вот как оно у меня записано: «Соня обижалась на хозяина: не дает одеться, причесаться, за косу хватает, и, рассказывая это, Соня плакала». «Пустые» слова — по варианту предварительного следствия «похабные» — говорил, а она ему: зачем вы говорите их мне. Вам есть, кому их говорить. Говорите тем, кто ходит по панелям. Ревновал же ее к мужчинам; раз она попросила папироску для Лихачева: «Верно ты пощупать ему дала, а теперь за него просишь». Бедная девочка, передавая эти цинические подробности, горько плакала. Ослабить эти показания защита думает ответом Чесновой, что ей Сарра Беккер таких вещей не говорила, так как Сарра была девочка стыдливая и скромная. Из этого еще не следует, чтобы Сарра не говорила другим о тайных причинах своей ненависти к Мионовичу. Хранить в душе тайну, никому не поведавать ее, вовсе не в детском характере.

А может быть, Чеснова сдержаннее других потому, что Мионович на предварительном следствии возбудил против нее подозрение в убийстве Сарры и доказывал, что она — та самая женщина в платке, которую Ипатов видел сидящею на лестнице с Саррой вечером 27 августа в десятом часу; последнее, впрочем, весьма вероятно. Но идем далее. Вы слышали здесь показание свидетельницы Соболевой. И на предварительном, и на судебном следствиях Соболева показывала об отношениях Мионовича к Сарре. Следовательно она говорила, что Сарра жаловалась ей, будто хозяин «хочет сделать из нее свою любовницу», и что она отвечала: «Хозяин шутит. Ты девочка хорошенькая, ребенок ты и слов

таких говорить не должна». Здесь, на суде, Соболева показала больше: о поездке будто бы на горы на масленице, о том, как в трактире (не в трактире ли Срамотко?) Миронович после угощения Сарры стаканом чая с ромом приступил к таким ласкам, подробности которых свидетельница отказалась передать: «Не кричи, дурочка, я пошутил...». Конечно, Мироновичу против этой свидетельницы ничего не оставалось, как обвинить ее в шантаже. Это сказать легко, но только я не понимаю, что же это такое за шантаж: Соболева дала показание следователю, прежде чем ходила просить жену Мироновича, чтобы ее не вызывали в суд, а после известной сцены, когда на нее бросились Срамотко и компания с криками: в участок ее, протокол! она на суд, в прошлое заседание, не явилась. В чем же могло заключаться предполагаемое соглашение с женою Мироновича? В неявке на суд — это самое большее. Нельзя же предполагать, чтобы Соболева заявила о ложности своего показания следователю. Но не явись она на суд, ее показание было бы прочитано, а если бы нельзя было его прочесть, то заседание могло быть из-за неявки отложено, но дело-то в том, что никто и не говорит, чтобы Соболева просила у Мироновича денег. Какой разговор у нее был с глазу на глаз с женой Мироновича — не известно. Но, допуская даже худшее, что свидетельница явилась с известною целью, разве из этого следует, что показание ее неверно? Нимало. Оно утверждается свидетелями Бочковой, Михайловой и другими. Возьмите теперь нового свидетеля, Араратова; восточный акцент свидетеля мог возбудить неуместную на суде веселость, но показание его доказывает, что он, как честный человек, по собственному почину вызвался показать на суде все, что ему известно. Он весьма живо передал нам, как Срамотко рассказывал в трактире, что Миронович не убить хотел Сарру, а обладать ею. Выразил он это грубым, простолюдным выражением, зато совершенно ясно. Срамотко, конечно, отрицает это показание, но он и сам проговорился. На предварительном следствии у него сорвалось, что «Сарра была легкого поведения»; здесь он добавил: «глупенькая, не строгая». Но все прочие свидетели сказали нам: она была не по летам умна, скромная, хорошая девочка. Так не Срамотко же нам верить! Но он — друг Мироновича, ежедневный посетитель кассы во время освобождения его; и мы видим, что этот лживый отзыв его о Сарре подсказан ему самим Мироновичем. Здесь приведу вам факт, с первого взгляда не крупный, но очень серьезного значения: одна из любовниц Мироновича, Мария Филиппова, показала на суде, что говорили ей о Сарре: девочка равнодушна к мужчинам, а по другому варианту — «падка до мужчин».

Вы помните, что по показаниям дворников дома № 57, дворников Мироновича, Чесновой, Анастасии Федоровой, Громцева, Круглова

и вообще всех Сарра была совершенный ребенок, никогда не разговаривала с взрослыми мужчинами на дворе, играла только с маленькими детьми. Если же Миронович считал возможным говорить своим близким, что она равнодушна к мужчинам, то отсюда нужно заключить, что он успел ее развратить настолько, что она терпела его ласки. Отец ее, Беккер, действительно однажды увидел, как, незадолго до 27 августа Миронович, лежа на трех стульях (мягкой мебели еще не было) в кладовой, целовал Сарру в лицо. Беккеру и в голову не могло прийти, чтобы за этими ласками скрывался другой умысел. Он побранил Сарру, но только после ее смерти вспомнил о них и о словах Мироновича. Наконец, брату своему, которому Миронович запрещал ходить ночевать в кассу, Сарра жаловалась, что хозяин «балует» и не называла его иначе, как «дьявол». Но тогда никто не обращал на это внимания.

Если теперь представляется вполне доказанным, что отношения Мироновича к Сарре проникнуты были грубо чувственным характером, то рядом с этим не следует терять из виду и черты, метко подчеркнутые прокурором: мало того, Сарра постоянным своим присутствием раздражала старческую похотливость Мироновича, она и в другом отношении была для него выгодным приобретением; соединяя приятное с полезным, Миронович своих любовниц заставлял на себя работать: Федорова шила, Филиппова стирала белье. Сарре предназначалась роль приказчицы. А между тем приближался срок возвращения Беккера из Сестрорецка, и Сарра собиралась уехать туда навсегда. Терять времени было нечего. 26 августа, в пятницу, была доставлена в кассу мягкая мебель. Сначала, как показывает дворник Кириллов, мебель расставлена была по всем комнатам кассы, потом, по приказанию) Мироновича, вся снесена в маленькую полутемную комнату, где через два дня найдена была убитая Сарра. Там — заметьте это обстоятельство — Кириллов поставил три мягких стула на диван, как ставят мебель в складе. Беккера не было дома, он 26 августа уехал; между тем 28-го оказалось, что мягкие стулья были сняты с сиденья дивана и поставлены так, что образовывали вместе с диваном одно широкое ложе. Вы видели это на рисунке. Кресла же поставлены были так, что преграждали выход в дверь, ведущую к ватерклозету. Таким образом устроена была какая-то западня. Никто из дворников так мебели не расставлял. Сделать это мог только тот, кому это нужно было. Два дня, во время которых Беккер был в Сестрорецке, представлялись удобными для того, что было задумано, и в эти два дня, 26 и 27-го, на ночь дворник ночевать не приходил, и девочка оставалась одна с имуществом на сумму до 30 тысяч рублей. Установив существовавшие мотивы чувственного влечения к Сарре и приготовления к тому, чтобы овладеть ею, я могу,

не останавливаясь далее на особенностях темперамента Мироновича, ответить на фразу о невероятности его чувственных побуждений. Укажем на факты. Они говорят так громко, что не заглушить их никакой экспертизе. Но, собственно говоря, в этом факте влечения к субъектам очень молодым, незрелым сказывается не особенность одного только Мироновича и в ней нет невероятного.

Не забывайте, что Сарра Беккер была подросток, в ней, как вы видели из акта вскрытия, уже складывалась девушка. Вот почему я полагаю, что в настоящем деле, не исходя от обобщений, а путем фактов, бесспорно установлено, что Миронович имел известные виды на Сарру.

Перехожу к событию преступления и к алиби Мироновича. Все, кто видел Сарру в этот вечер, замечают ее задумчивость, ее грустное настроение. «Ах, Лизанька, — говорит она Р. Чесновой, — хотя я играю, но мне скучно». Тринадцатилетний мальчик Громцев, тот самый, который показал, что Сарра была девочка хорошая, умная, добрая, с детьми играла хорошо и никого из них не обижала, сказал нам, что часов в семь вечера, когда дети играли на дворе, она сидела на лестнице задумавшись. Другой мальчик, Круглов, видел ее до девяти часов вечера. Она молча постояла, слушая его разговор с Брандтом, «она скучная была» и в девять часов ушла в кассу. Наконец, Анастасия Федорова, с чуткостью наблюдения, которую вы, конечно, оценили, заметила, что в этот вечер, в начале девятого часа, Сарра, всегда веселая и живая, была «очень скучна» и, видимо, старалась не смотреть на Мироновича. Что же значила эта грусть — не предчувствие ли близкой мученической кончины? Не думайте, господа присяжные заседатели, что я хочу играть на ваших нервах, нет, мне нужно только спокойное рассуждение. Если Сарра была необычайно грустна, задумчива в вечер 27 августа, если взгляд ее стыдливо избегал останавливаться на Мироновиче, то весьма вероятно, что он, окончив все нужные приготовления, не считал нужным особенно стесняться и что беззащитная девочка уже подверглась нечистым ласкам, которыми он исподволь развратил ее. Но мы уже подошли к моменту преступления, которое, несомненно, совершено между десятым и одиннадцатым часом. Последний, кто видел Сарру в живых, был Ипатов. Из бани он пришел домой «в конце девятого или в начале десятого — примерно», в исходе десятого видел Сарру сидящую с женщиной в шерстяном платке на голове — не в шляпке, заметьте это; они сидели как хорошие знакомые и ясно, что в это время, в исходе десятого, касса еще не была заперта и в ней сидел Миронович, во-первых, потому, что по субботам касса запиралась вообще поздно, и, во-вторых, потому, что раз касса была заперта, Сарра из нее не выходила и в кассу никого не впускала. Эта черта осторожности, воспи-

танная не только на врожденных инстинктах, но и на приобретенных навыках, подтверждается решительно всеми свидетелями и даже Мироновичем; как же мог бы он иначе доверить такое значительное имущество ребенку! Да стоит вспомнить опять свидетельницу А. Федорову: ее, знакомую Сарры, после одиннадцати часов Сарра не пустила в кассу, несмотря на все ее просьбы. Касса заперта, сказала она через запертую дверь, приходите завтра. Несколько минут после Ипатова прошли Алексеев и Повозков, но уже никого на лестнице не видели, а в начале одиннадцатого вернулся Севастьянов, и все было тихо, как в могиле. Дело было сделано, окончено.

Где же, спрашивается, был в это время, от начала десятого до начала одиннадцатого часа, Миронович?

«Я вышел из кассы ровно в девять часов и более в нее не возвращался», — вот что твердил подсудимый, вот основания его алиби. Мейкулло видел его выходящим на Невский в девятом часу. Портной Гершович, приятель его Короткое, артельщик Тарасов видели его после девяти часов, когда заперт был магазин Дателя. Миронович прошел дома дватри по Невскому, но тотчас же вернулся и, поговорив с Гершовичем о пиджаке — подробность чрезвычайно важная, исключаяющую всякую возможность ошибки, — вошел во двор, а когда опять ушел — никто не видел. Показания этих свидетелей имеют в деле решающее значение. Они уничтожают окончательно алиби Мироновича, опровергают его объяснение, что он не возвращался в кассу, опровергают и показание Марии Федоровой, которую никто не видел ни в доме Мироновича, ни в доме № 57, ни в конке, ни в булочной. Домой к себе подсудимый вернулся в половине одиннадцатого, по показанию свидетельницы Натальи Ивановой; одиннадцатый час выходит и по показаниям Васильева и Кириллова; последний только что подал самовар барину и вышел за ворота, как уже заметил запирающиеся трактиры, что бывает после, но никогда не прежде одиннадцати часов. Итак, где же был Миронович между началом десятого часа и концом одиннадцатого? Если он вышел ровно в девять из дома № 57, как мог он употребить более полутора часов времени на пространство, которое по специальной экспертизе и по всем данным, установленным на суде, требует не более двадцати пяти минут максимум? Почему он так боится этого времени — этих полутора часов, почему скрывает, что вошел в кассу, почему упорно отрицает показание Гершовича, Короткова и Тарасова? Почему? А потому, что они знали, что именно в это время он совершил убийство, знали, что в начале одиннадцатого часа звонила в кассу Семенова, знали, что он отдал ей вещи — купил ее молчание и сбыл ей поличное. А мы знаем наверное, что в половине двенадцатого Семенова уже была в Финляндской

гостинице, откуда бежала, потому что вещи, которые она передала Безаку, были добыты ценою преступления. Миронович, господа присяжные, прослужил не даром в полиции с 1859 до 1872 года, следовательно, лет семь до введения судебной реформы, в эпоху господства формальных доказательств. Какие же лучшие классические доказательства? Алиби, поличное, собственное сознание. И вот Миронович устраивает себе алиби, сбывает поличное, создает сознание Семеновой. И действует он, как старый опытный сыщик, частью по соображению, частью по инстинкту. Конечно, он делает при этом и промахи, ну да с кем же этого не случается. Но для старого формального суда защита его во всех отношениях подстроена превосходно. Его система, несмотря на некоторые мелкие недостатки, и на новом суде является в высшей степени замечательной. Здесь, господа присяжные, я должен сделать небольшое отступление. Дело Мироновича совпало с усилением нападков на новый суд. Оно взволновало общество, оно вызвало неимоверную массу толков. Кто только не издевался над судебным следователем за утрату волос, значение которых для дела ничем не установлено. Оказалось, что, кроме следователей, все превосходно знают, как нужно было произвести следствие и как раскрыть истину. Люди, имеющие самое смутное представление о сложности следственного производства, сыпали упреками, наставлениями, указаниями.

Конечно, во всем этом есть хорошие стороны: отчего не дать волю критике, отчего не признать, что следствие, вверенное сначала малоопытному молодому человеку, сделало немало промахов, которые потом было трудно исправить. Но ведь справедливая, толковая критика должна же отметить и положительную сторону проведенного следствия, а не обрушиваться только на одни недостатки. Посмотрите, какой громадный труд представляют собой эти шесть томов производства. Сколько работы, честной, трудной работы, господа, потрачено судом, присяжными заседателями, сторонами на это дело. Не забывайте, что материальные средства, которыми располагает следственная власть, крайне ограничены. Не забывайте, что в этом ужасном и редком деле следственной власти пришлось бороться с таким противником, как Миронович, на стороне которого была, во-первых, профессиональная многолетняя опытность и – свободные деньги. Первое дало ему возможность построить искусную систему защиты, второе – заручиться друзьями среди тех же агентов сысского отделения, которым поручено было дознание по его делу. Всякий, кто хотя немного знаком с уголовным судопроизводством, знает, что судебный следователь не имеет физической возможности проследить лично все следственные действия. Собираание сведений, данных, деталей дела повсюду, во всем мире, поручается по-

лиции, тайным ее агентам. Прошу вас, господа присяжные, не видеть в моих словах никакого публицистического задора. Я знаю, что житейская необходимость заставляет прибегать к услугам сыщиков, но я знаю также, что люди эти, вращаясь постоянно между преступниками, часто подвергаются уголовному contagiю, к которому некоторые из них, может быть, и предрасположены. Есть, конечно, хорошие сыщики, есть и дурные: последние представляют очень большую опасность для общества. В других странах на предварительное следствие тратятся массы денег, у нас же, если требуется, например, фотография, то следователь стесняется производить расходы, как бы еще не пришлось из своих приплатить. Там существует специальная судебная полиция, там судебный сыщик сложен в особый тип, нередко вызывающий сочувствие. Действуя исключительно под контролем судебной власти, тайный агент является могущественным средством борьбы с преступною силою. У нас же судебный следователь и прокуратура, хотя и пользуются по необходимости услугами сысского отделения, но это другое ведомство и там свои порядки, свое начальство. Представьте же себе, что Миронович, сам бывший сыщик и весьма крупный деятель по этой части, Миронович, человек с капиталом, тотчас же сходится на дружеской ноге с агентом Боневичем. Вы видели здесь этого свидетеля и, конечно, помните его характеристическое показание. С 1878 года он знаком с Мироновичем, значит — старые знакомые. 4 сентября он отвозил Мироновича в тюрьму и дорогой, как показал Боневич на суде, у них завязывается разговор: Боневич поверяет Мироновичу свое предположение о женщине. Я же думаю, что это предположение скорее идет от Мироновича, который знает, что отдал свои вещи женщине, но не знает, кто она. Разговор идет самый интимный, настолько, что, по словам Боневича, подсудимый на увещание его сознаться обругал агента самым нецензурным словом.

Но это нисколько не нарушило их добрых отношений. Они расстались все-таки по-дружески, и Миронович сказал: «Ищите, я награжу вас по-царски». И что же? 6 сентября, два дня спустя, Миронович заявляет подозрение на женщину, указывает даже на Чеснову. Поиски Семеновой, сожительницы полицейского офицера, попавшейся в четырех кражах, по которым розыски чинили четыре агента, не могли представлять особенных трудностей. Как и кем была разыскана Семенова — осталось тайной, но что именно Боневич, а не никто другой, ездил за ее вещами в Озеры и делал там обыск, что четыре неизвестных в сопровождении жандарма ходили из дома в дом в селении Озеры, что Боневич ночи дежурил в сысском отделении при Семеновой — это факты положительные и никем не оспоренные. Также несомненно, что Боне-

вич часто посещал Мироновича во время его освобождения, сживал у него, по показанию Дмитриева, подолгу и, по собственному показанию, купил у него пальто, платье и шубку — все это факты, не нуждающиеся в комментариях, но это скандальные факты. Вот почему представляется в высшей степени вероятным, что связь Семеновой с делом, редакция ее роли, подготовка и репетиция мнимого сознания совершались при деятельном участии тайных сил, под руководством самого Мироновича. Вот о чем забыли порицатели следственной власти. На первых же порах пришлось ей столкнуться с необычайными затруднениями: кроме опытности, ума и денег, которыми располагал Миронович, следователь натолкнулся еще на тайное противодействие там, где он всего менее мог ожидать его: в среде низших агентов, производивших дознание. Спрашивается, если исчезает вещественное доказательство перед глазами следователя, если тайны следствия разглашаются, разве можно винить здесь одного следователя? Конечно, защищать следствие не мое дело, но я нахожу, что оно и не нуждается в защите: результаты налицо. Несмотря на все трудности, следствие, после громадных усилий и многих ошибок, обнаружило виновного и разоблачило мнимое признание Семеновой, как мистификацию. Указав вам, господа присяжные, на специальные трудности следствия, я прошу вас вспомнить о трех обстоятельствах: об алиби Мироновича, о ложном следе, который он пытается создать расписками Грязнова, и мимоходом о поведении Мироновича утром 28 августа: он и в это утро не принимает дворника в кассу, он мечется и, не посмотрев на труп, утверждает: «Здесь нет изнасилования; ее можно было купить за 6 рублей». А когда тело маленькой мученицы уносят в анатомический театр, у него вырывается восклицание «стерва». Однако в ряду сильнейших улик против него, по мнению многих юристов, являются расписки и векселя Грязнова. Достать десять квитанций из стола и разложить их на виду на диване, унести или истребить остальные, один вексель положить, другой унести, и притом где положить — в комнате, куда нет хода из кассы, — это, конечно, не могло прийти в голову ни Семеновой, ни вообще кому бы то ни было, кроме Мироновича. Он знал, что Грязнов — темная личность, судившаяся впоследствии по делу так называемой черной банды, он знал, что Грязнов скрылся, что его ищут, что он обвиняется в грабеже. После убийства Сарры, задумав маскировать дело картиной грабежа, Миронович, естественно, хватается за мысль — направить подозрения на Грязнова.

И заметьте, что если бы Грязнов не был в то время под замком, он мог бы иметь пренеприятные разговоры с судебным следователем. Конечно, хитрость была бы обнаружена, и Грязнов оправдался бы, но его

дурная репутация, его вещи, заложенные в кассе, забытые бумаги — все это создало бы ему немалые затруднения. Вот почему Миронович и восклицает: «Теперь ясно, что убил Грязнов», — и вызывается разыскать его. Но первая хитрость не удастся. Проходит месяц. В кандидаты на убийцу намечен Аладинский — за 5 тысяч (заметьте, ту же цифру мы найдем и у Семеновой, и на векселе Янцыса). Но и с Аладинским неудача. Наконец, отыскивается Семенова — и успех превышает всякие ожидания. Больная, увлекающаяся до безумия натура, даровитая и очень несчастная, Семенова была создана нарочно для той роли, на которую ее готовили. Заметьте одну черту, указанную наблюдавшим ее психиатром, доктором Дмитриевым: у нее хорошая память. Вам читались ее показания, письма, стихи: везде преобладает память и фантазия. Заметьте и другую черту: свидетели, знавшие ее давно, говорят об ее необыкновенной лживости. Она лгала постоянно, это было ее творчество. В действительности ей было есть нечего, а по ее рассказам, ее отцом был индийский царь. Может быть, она и сама тому верила. Я прошу вас только сравнить мнимое сознание Семеновой со всем, что вы слышали и видели на суде, и вы, конечно, согласитесь со мною, что судебный следователь вправе был отнестись недоверчиво к ее рассказу. Да, ее учили хорошо, со времени возвращения в Петербург до сознания, с 9 по 28 сентября. Ее водили в кассу: это установлено бесспорно. В газетах она могла прочесть мельчайшие подробности, а все-таки там, где ей приходится угадывать истину, она провирается, и как только сочиняет — выходит вздор. Накануне сознания она разыгрывала у Немирова сцены: «Хочу быть актрисой», она и теперь продолжает играть ту же роль. С какого конца ни возьмешь, несообразности и противоречия так и бросаются в глаза. По ее рассказу, Сарра бежит за ней на улицу, зовет ее: «Приходите на другой день в 12 часов», а мы знаем, что Сарра никогда не выходила из кассы, когда была одна, никогда не бегала за незнакомыми. Или же: Сарра смотрит в скважину двери... Куда же она смотрит, когда на лестнице темно? «Я хорошо помню, что ключ она вложила в замок». Неправда, ключ у Сарры оказался в кармане. Оставив лампу в кухне, Семенова будто бы идет впотьмах в кассу и там вынимает из витрины вещи. Но эти вещи лежат так далеко, что достать их невозможно. При этом у нее два пальца укушены, а в витрине крови нет. Достает она вещи ложкой, но вещи оказываются все в порядке; выходит какая-то игра в бирюльки. Лампу она будто бы не гасит: между тем лампа оказалась погашенной и наполовину полной керосином. Но это все мелочи в сравнении с другими несообразностями. Что вы скажете об убийце, слабой женщине, которая бог знает зачем несет на руках свою жертву через кухню в последнюю комнату и там кладет ее не

на пол, а на кресло? А кровавые подробности? По словам Семеновой, кровь была и в коридоре, и на полотенце, которым она вытерла руки, и гирию она (зачем?) кладет после убийства в маленький саквояж, и на пальто, которое она продала Минкину, была кровь, и в умывальниках в гостиницах Финляндской и Кейзера. И что же? Нигде, нигде решительно ни малейшего следа этой крови не оказывается.

Мало этого, свидетельницы Силли и Лундберг дали нам ценные указания: в обеих гостиницах помои оставлены были в лоханке и в ночной вазе. Разве это мыслимо? Разве так поступают убийцы? Возьмите, наконец, мелкие подробности, с которыми она описывает убийство; здесь она в своей сфере: воображение работает, проверка трудна. Такая изумительная детальность может быть или память на действительные факты или же память на заученные факты. Убийца, здоровый или больной, находится всегда в состоянии крайнего возбуждения. Он случайно запомнит ненужную подробность, но всего запомнить он не в состоянии. По словам же Семеновой, она растерялась так, что не воспользовалась следами преступления, и что же мы видим? Она не только перечисляет до малейших деталей все похищенные предметы, точно по описи, она все комнаты описывает, она чертит план, причем — курьезная подробность — заносит на него даже комнату около кассы, в которую не заходила, но «по соображению». Она рисует, наконец, позу убитой в кресле! И этому верят! И следователь виноват, что он не поверил! Помилосердствуйте во имя здравого смысла! Ведь это уже слишком, господа присяжные заседатели! Такие грубые мистификации могут увлекать толпу, должны увлекать ее, привыкшую верить всему чудесному, необычайному, но как же они могут действовать на людей, «прилагающих всю силу своего разума» к распознаванию истины на суде! И представьте же себе, господа присяжные заседатели, в каком бы положении очутились те, которые поверили бы на слово сегодняшнему роману сумасшедшей женщины? 1 октября она говорит: «Я убила, Миронович не виноват», 25 января: «Я не убила, Миронович виноват», 15 февраля: «Я подтверждаю свое первое показание», 18 апреля, прочитав все дело и проникшись его ужасом, она опять пишет: «Нет, я не убила, убил Миронович». 11 мая, 23 мая она повторяет свое отречение. Повторяет его и на первом суде. После всего этого она является перед вами и снова принимает на себя вину. Я понимаю чувство, которое должна возбуждать эта ужасная комедия: сегодня Семенова говорит одно, но что скажет она завтра? Нет, господа присяжные, легенда о Семеновой, будто бы совершившей убийство, продержится недолго. Теперь, господа присяжные, я прошу вас сравнить сознание Семеновой с ее отречением, с рассказом о том, как она явилась в кассу 27 августа вечером, как слышала голоса, как

вышел человек, давал ей вещи и прочее. Рассказ этот совпадает со всеми данными, доказанными на суде. Он похож на кусок разбитого камня, который приходится в пустое место. Попробуйте вложить в обстоятельства дела ее сознание — кусок слишком велик, он не входит, он не может войти! Но, как бы то ни было, Семенова является новой, сильнейшей уликой против Мироновича. Прокурор очень верно заметил, что он молчит, о ней не смеет говорить, но, подобно его алиби, вексялям Грязнова, витрине, неприсылке дворников и отношениям к Сарре, ложное сознание Семеновой уличает подсудимого.

Остается мне сказать несколько слов об экспертах. Вы знаете, что экспертиза профессора Сорокина на предыдущем разборе дела, возбуждала ожесточенную полемику. Я должен сказать, что для обвинения Мироновича я не считал и не считаю необходимым следовать за всеми гипотезами профессора Сорокина.

Картина, подробности убийства останутся тайной, но факт убийства, сопровождавшие его обстоятельства и улики против Мироновича — налицо. Вы выслушали здесь целые лекции по вопросам о направлении трещин, о сотрясении мозга, об изнасиловании, о параллелограмме сил. Спрашивается: имеются ли в деле судебно-медицинские данные, доказывающие, что такое-то повреждение мог произвести только Миронович, а такое-то Семенова? Конечно, нет. Мы движемся ощупью в области догадок и гипотез. Следовательно, вопрос о виновности лежит вне области судебно-медицинской компетенции. В прошлое заседание, говорят, увлекся профессор Сорокин, а теперь, мне кажется, увлекаются в противоположном направлении. Как происходила борьба Мироновича с Саррою, мы не знаем. Как, в каком положении он нанес ей удар по голове, мы не знаем этих подробностей, убийство не может быть обнаружено рядом других доказательств. Я с почтением отношусь к ученому авторитету профессора Эргардта; я могу только сожалеть, что на вопрос: что означают эти многочисленные ссадины на левой стороне тела, какое значение имеют эти сине-багровые, надорванные уши, эти посиневшие от сжатия сильною рукою пальцы, профессор Эргардт отвечает, что все это мелочи и значения не имеют! Как не имеют значения? Для судьбы, для юриста эти мелочи могут служить указанием на следы сильной мужской руки... А доктор Штольц? Он очень подробно и с большою эрудицией описал нам, как действует тот, кто, по его выражению, «берется насилловать», и доказал, что на кресле это будто бы невозможно; но, не вступая с ученым экспертом в споры и признавая свою некомпетентность, как же не заметить, что для уличения Мироновича есть в деле совершенно иные данные? Мы, юристы, должны с почтением выслушивать экспертов-медиков, но если они незаметно для

себя берутся за разрешение вопроса о виновности, то нам приходится остановиться и сказать им: извините, господа, мы дальше идти за вами не можем. Если бы эксперты пришли к заключению, что Семенова могла убить Сарру, то возможности вообще мы оспаривать не беремся. Но мы говорим: обстоятельства дела, безусловно, доказывают противное, а если бы признание Семеновой было бы невозможным, то Миронович, конечно, и не пользовался бы им для своей защиты.

Оканчивая свои объяснения, которые мне придется возобновить для возражения защите, я прошу вас, господа присяжные, не приписывать некоторое внешнее оживление моей речи чувству раздражения против подсудимого. Его личность, его прошлое для меня имеют значение лишь настолько, насколько они прямо относятся к делу. Я старался избегать всяких нападок на его профессию, бывшую и настоящую, вообще старался отбросить в сторону всякую публицистику и тенденциозность. Скажу более: я убедился, что, вопреки общему правилу, дурная репутация Мироновича сослужила ему отличную службу — у очень многих честных людей явилась мысль, что осудили его будто бы за то, что он взяточник и ростовщик, а не за то, что он совершил. Такое предположение, конечно, оскорбляет чувство справедливости, а потому чем темнее явилась бы личность Мироновича, тем выгоднее это было бы для него, как подсудимого. Но темные краски и облик злодея вовсе не нужны для его осуждения. Конечно, он никогда и не подумал бы совершать убийство, а неожиданное стечение обстоятельств привело его к этому преступлению.

Но раз случилось несчастье, что же ему оставалось делать? Не пропадать же даром. Он и стал защищаться, и защищается, и надеется, что в навеянном полумраке сомнения ему удастся отделаться, уйти. Игра у него сильная, козырей много: он может и выиграть. Но с другой стороны общество чувствует всю опасность безнаказанного преступления. Наше дело представить вам добытые выводы, а вы рассудите.

* * *

По данному делу был вынесен оправдательный приговор.

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ватман Давид Петрович
(1923–1994)

Известный советский адвокат-цивилист, которому не было равных в судебных спорах. Он специализировался на жилищном праве. Его юридический язык и терминология были совершенны, а речи в защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц — эмоционально заряжены, логически и юридически обоснованны, нравственно безупречны. Он обладал редкой культурой речи, умел четко и коротко формулировать сложные проблемы, блестяще владел законами логики и обладал редкой способностью не только заставлять слушать себя, но и убеждать, подчиняться ходу его мыслей, разделять его выводы.

Давид Петрович с истинным пиететом относился к институту адвокатуры, искренне заботился об утверждении в обществе престижа адвокатуры и не уставал повторять, что, защищая чужой интерес, адвокат способствует тем самым созданию в обществе убежденности в защищенности прав граждан. Именно он в 1960-е годы сформулировал и изложил нравственные начала представительства по гражданско-правовым спорам, адвокатскую этику, понятие и значение правовой позиции по гражданскому делу и вопросы ее формирования адвокатами, особенности участия адвоката в подготовке и ведении гражданского дела в судах на всех его стадиях, правила участия адвоката в судебных прениях, рекомендации по составлению адвокатами деловых бумаг. Его книги: «Право на защиту» («Адвокат в гражданском производстве»), «Адвокатская этика», «Адвокатура в СССР» (в которой он являлся автором главы IV «Деятельность адвоката по гражданским делам»), «Адвокат в гражданском процессе» (в соавторстве с В.А. Елизаровым), а также его речи на суде — не утратили своей актуальности и сегодня и, несмотря на кардинальное изменение законодательства, сохранили свою значимость¹.

---

¹ Ватман Д.П. Судебные речи. М.: «Статут», 2006. 272 с.

Дело А.И. Котова¹ (О смерти «фактического» супруга)

Краткое содержание дела: с 1939 года А.И. Котов состоял в зарегистрированном браке с М.Н. Котовой. В 1942 году семейные отношения между ними были прекращены, однако расторжение брака в органах загса оформлено не было.

А.И. Котов вступил в фактические брачные отношения с А.С. Петровой и стал проживать с нею совместно, одной семьей, но без регистрации брака.

В феврале 1976 года Петрова умерла.

После смерти осталось имущество в виде паенакопления в дачно-строительном кооперативе. Претензии на это имущество заявил Е.П. Петров — сын Петровой от первого брака.

А.И. Котов обратился в суд с иском к Е.П. Петрову о признании за ним как за пережившим супругом права на часть паенакопления по праву наследования. Одновременно А.И. Котов просил суд установить факт прекращения его брака с М.Н. Котовой в 1942 году и факт состояния его в фактических брачных отношениях с А.С. Петровой с 1942 года по день ее смерти 21 февраля 1976 г.

Решением народного суда в иске А.И. Котову было отказано. На это решение была подана кассационная жалоба в Московский городской суд.

Речь адвоката Д.П. Ватмана:

Уважаемые товарищи судьи!

Не вызывает сомнений, что пренебрежение требованиями норм процессуального права крайне отрицательно сказывается на разрешении судами гражданских дел. Нельзя постановить правильное по существу решение, если при исследовании и оценке фактического и доказательственного материала будут нарушены императивные веления закона о всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех материалов дела, а обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения правового конфликта, суд обойдет в решении молчанием, несмотря на исследование многочисленных доказательств, выдвинутых сторонами в их подтверждение.

Решение, законность и обоснованность которого вам предстоит об-судить, вынесено в условиях, когда предписания процессуального за-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=11>

кона, а также разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 сентября 1973 г. № 9 «О судебном решении», не учтены судом с должным вниманием, что не могло не сказаться на важнейшем процессуальном документе, являющем собой итог рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции. Вот почему критические доводы, выдвинутые в кассационной жалобе моего доверителя, свидетельствуют об ошибочности решения народного суда и должны повлечь его отмену и направление дела на новое рассмотрение.

Позвольте прежде всего изложить те юридические факты, установить которые просил Алексей Иванович Котов и на коих основывается его притязание на признание права на часть паенакопления в дачно-строительном кооперативе, оформленного на имя Анны Степановны Петровой, бывшей более 30 лет самым близким ему человеком, делившей с ним радости и горести семейной жизни, проживавшей с ним под одним кровом, однако без регистрации брака в органах загса.

Во-первых, Котов утверждал, что его брак с Марией Николаевной Котовой, в который супруги вступили в 1939 году, был прекращен спустя три года, в 1942 году; когда их семья распалась, супруги стали проживать отдельно, не поддерживая между собой никаких отношений, и только сейчас в связи с рассмотрением данного гражданского дела эти давно минувшие дни вновь всплыли в их памяти. В настоящее время, через 35 лет, обстоятельства, столь отдаленные во времени, подлежат оценке и учету с той точки зрения, имеет ли факт прекращения брака между супругами Котовыми в 1942 году юридическое значение, может ли он быть установлен судом, а также нашел ли он свое подтверждение в результате исследования судом доказательств, выдвинутых в пользу его признания.

Поскольку фактические брачные отношения с Петровой возникли у моего доверителя после прекращения ранее зарегистрированного брака, факт его прекращения, несомненно, является юридическим: только при установлении, что брак с Котовой был фактически расторгнут без оформления развода в органах загса, может быть признан доказанным и второй юридический факт — факт состояния Котова с Петровой в фактических брачных отношениях до дня ее смерти. Наконец, третье исковое требование моего клиента заключалось в признании за ним как за пережившим супругом Петровой права на часть паенакопления в дачно-строительном кооперативе, оформленного на ее имя.

Если обратиться к решению народного суда, то можно усмотреть, что в описательной его части воспроизведены все три притязания, за

защитой которых обратился в суд мой доверитель, в мотивировочной части говорится только о двух из них — о факте состояния его с Петровой в фактических брачных отношениях и его претензиях как наследника, а резолютивная часть содержит только краткое указание об отказе Котову в иске о признании права на наследственное имущество. Совершенно очевидно, что такое изложение решения не соответствует требованиям ст. ст. 192, 194 и 197 ГПК РСФСР.

Однако дело не только в этом, но и в ошибочном подходе к анализу исследованных доказательств и определению круга тех обстоятельств, которые суд должен был установить либо отвергнуть, убедительно мотивировав свое суждение по указанным вопросам. Я полагаю, что таким требованиям вынесенное по делу решение не отвечает, в чем можно убедиться, проанализировав его выводы в отношении всех трех требований моего доверителя.

Народный суд, указав в описательной части решения на иск Котова в части установления факта прекращения его брака с Котовой в 1942 году, почему-то не высказал своего суждения по данному вопросу: из решения нельзя усмотреть, считает ли суд этот факт подтвердившимся либо объяснения истца были опровергнуты в ходе судебного разбирательства.

Между тем суд допросил свидетелей Голова и Захарову, подтвердивших прекращение семейных отношений Котовых в 1942 году, выслушал объяснения ответчика Петрова, который этот факт не оспаривал и никаких доказательств в его опровержение не выдвигал, запросил интернат для престарелых, где находится Котова, и из письма его директора мог убедиться, что Котова о своем муже с 1942 года ничего не знает, и... никакой оценки всем перечисленным доказательствам не дал. Между тем в соответствии со ст. 20 КЗоБСО РСФСР, действовавшей в 1942 году в редакции от 10 мая 1937 г. и подлежащей применению в данном случае, суд может устанавливать факт прекращения брака в то время с указанием момента его прекращения, если развод не был зарегистрирован в органах загса. Следовательно, у суда были и фактические и правовые основания для разрешения вопроса об установлении факта прекращения брака между супругами Котовыми в 1942 году.

Однако, упомянув об указанной части исковых требований моего клиента, суд не высказал своего мнения по поводу доказанности этого обстоятельства, но записал в решении, что как у Котова, так и Петровой имелось «два расторгнутых брака». Если первый из браков — это брак супругов Котовых, который действительно не был расторгнут в органах загса но фактически был прекращен, как видно из всех указан-

ных материалов дела, то что имеет в виду суд под вторым «нерасторгнутым» браком?

Здесь необходимо перейти к анализу доводов судебного решения в отношении второй части исковых требований Котова — установления факта состояния его в фактических брачных отношениях с Петровой с 1942 года по 1976 год. В мотивировочной части решения суд указывает, что установлению данного факта препятствует, с одной стороны, наличие «двух нерасторгнутых браков» и возникновение указанных отношений только с 1945 года — с другой. Вопрос о моменте, с какого фактически сложились семейные отношения между Алексеем Ивановичем Котовым и Анной Степановной Петровой, я освещу позднее, а сейчас позвольте перейти к анализу доводов, содержащихся в решении о двух браках, в которых, по мнению суда, находились в 1942 году Котов и Петрова, что исключает возможность установления факта состояния их в фактических брачных отношениях.

О первом браке — браке супругов Котовых — я уже говорил. Теперь следует остановиться на «втором браке». Как видно из решения, суд при этом имеет в виду брак между А.С. Петровой и ее первым мужем П.А. Петровым, зарегистрированный задолго до войны, который, по мнению суда, существовал до 14 марта 1947 г., когда в органах загса была зарегистрирована смерть Петрова. Если такой вывод суда верен, то факт состояния Котова и Петровой в фактических брачных отношениях с 1942 года не может быть установлен в судебном порядке, так как это означало бы по существу признание законной силы за двумя браками А.С. Петровой: ее брака с П.А. Петровым, смерть которого была зарегистрирована только в 1947 году, и фактических брачных отношений с Котовым с 1942 года, что противоречит принципу моногамии. Обратимся, однако, к анализу тех соображений, по которым суд сделал вывод о состоянии А.С. Петровой в нерасторгнутом браке до 1947 года.

К такому заключению суд пришел на том основании, что до 1947 года в органах загса смерть П.А. Петрова не была зарегистрирована. А поскольку супруги Петровы состояли в браке, суд посчитал, что этот брак был прекращен только с установлением факта смерти П.А. Петрова в судебном порядке в 1947 году с последующей регистрацией его смерти в книгах загса, при этом в решении содержится ссылка на ст. 17 КЗоБСО РСФСР 1926 года. Представляется, однако, что такой вывод сделан судом вопреки материалам дела, а также в противоречии с законом. Народный суд, ссылаясь на установление факта смерти Петрова П.А. в 1947 году, упустил из виду весьма важные обстоятельства. Согласно справке райвоенкомата от 28 января 1942 г.

выплата по аттестату мужа Петровой А.С. была прекращена в связи с тем, что он был убит в январе того же года. Очевидно, что гибель Петрова на фронте означала прекращение его брака с Петровой, как это вытекает из ст. 17 КЗоБСО РСФСР. Такому выводу не противоречит то обстоятельство, что смерть Петрова была зарегистрирована только в 1947 году, когда его вдове потребовалось узаконить свое право на пай в дачно-строительном кооперативе и оформить свое членство в нем. Именно в этих целях. Анна Степановна Петрова обращалась в суд в 1947 году, по решению которого смерть П.А. Петрова была зарегистрирована в органах загса. Поскольку, однако, Петров погиб в январе 1942 года, именно с этого времени, а не с момента регистрации его смерти в установленном законом порядке брак между супругами Петровыми должен считаться прекращенным. Ошибочное понимание судом указанных обстоятельств привело к неправильному выводу, будто бы до регистрации смерти первого мужа его вдова не могла вступить в другой брак.

Анна Степановна, получив извещение о гибели мужа на фронте, вправе была зарегистрировать новый брак в органах загса либо вступить в фактические брачные отношения, которые законодательство того времени приравнивало к зарегистрированному браку (ст. 11 КЗоБСО РСФСР 1926 года). Следовательно, как первый брак А.И. Котова, фактически прекращенный в 1942 году, так и брак А.С. Петровой с ее первым мужем, погибшим на фронте в январе 1942 года, очевидно, не могли явиться юридическим препятствием для установления факта состояния их в фактических брачных отношениях с этого же года и вплоть до смерти Петровой в 1976 году.

Перехожу к анализу решения суда в той его части, в которой изложены выводы о времени возникновения семейных отношений между Котовым и Петровой. И вот что обращает на себя внимание в первую очередь. Поскольку с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. закон признавал юридические последствия только за браком, зарегистрированным в органах загса, фактические брачные отношения, сложившиеся после указанной даты, не имеют никакого правового значения, а потому и не могут устанавливаться судом. Как видно из решения, суд признал доказанным, что такие отношения между Котовым и Петровой сложились только с 1945 года. Не говоря уже о весьма неудачном термине («сожительство»), каким эти отношения названы в решении, следует подчеркнуть, что для мотивировки своего вывода о времени их возникновения суд счел необходимым оценить доказательства, исследованные в ходе рассмотрения дела. Но тем самым суд по существу подорвал свое собственное утверждение о том,

будто бы установлению таких отношений препятствовали два «нерасторгнутых» брака, по поводу которых я уже высказал свои соображения. Если подобное «препятствие» действительно существует, то время возникновения семейных отношений вообще не имеет какого-либо значения. А если эти отношения сложились только с 1945 года, то они не могут быть установлены судом, а потому ссылка на какие-то «препятствия», очевидно, лишена смысла.

Чем же суд обосновал свой вывод о времени возникновения фактических брачных отношений между Алексеем Ивановичем Котовым и Анной Степановной Петровой? В решении содержится ссылка на показания ряда свидетелей со стороны ответчика, которые до 1945 года Котова «не знали» и в квартире Петровой «не видели». Что же касается показаний свидетелей, вызванных моим доверителем, то суд им «не доверяет» либо оценивает их «критически». Вряд ли было бы уместным в суде кассационной инстанции приводить доводы, по которым показаниям одной группы свидетелей следует отдать предпочтение перед другой. Вы, товарищи судьи, свидетелей не видите, с данными ими показаниями знакомитесь только по протоколам, а потому оценить их не можете. Но вы имеете полную возможность проверить, правильно ли подошел к их оценке народный суд. Не говоря уже о том, что подробные показания ряда свидетелей, знавших семью Котова и Петровой с 1942–43 годов и присутствовавших на их «серебряной» свадьбе, не получили в решении суда, по существу, никакой оценки, следует отметить одно немаловажное обстоятельство. По инициативе суда было истребовано и приобщено уголовное дело по обвинению Котова, рассмотренное 30 лет назад в Литовской ССР, в материалах которого имеются данные, касающиеся спорного по делу вопроса о времени возникновения семейных отношений между Алексеем Ивановичем и Анной Степановной.

Я имею в виду прежде всего показания самой А.С. Петровой на допросах 19 января и 21 февраля 1948 г. (л.д. 64 и 197 т. 1), в которых она называет себя женой А.И. Котова с декабря 1943 года и определяет их отношения как незарегистрированный брак, а также акт описи имущества от 17 января 1948 г., составленный с участием дворника Лопатиной. В акте, предъявленном в судебном заседании свидетелю Лопатиной (ставшей уже почтенной пенсионеркой и подтвердившей свою подпись, а также содержащиеся в нем сведения), сказано, что Котов состоит с Петровой в незарегистрированном браке и проживает в ее квартире с 1943 года (л.д. 61 т. 1). Все эти материалы приобщенного уголовного дела были исследованы судом, что подтверждается записями в протоколе судебного заседания, и следовало ожидать их надле-

жащей оценки в решении, поскольку они свидетельствуют о правильности объяснений Котова о возникновении его семейных отношений с Петровой до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., а также дают объективный критерий для оценки объяснений ответчика Петрова Е.П. и его свидетелей, которые, как я уже указывал, «не видели» и «не знали» Котова до 1945 года. При этом должно было быть объяснено известное разноречие в отношении начала семейной жизни между Котовым, назвавшим в качестве такой точки отсчета 1942 год, и Петровой, которая отнесла этот момент к концу 1943 года, возможно, потому, что ее первый муж погиб на фронте в 1942 году. Как это ни удивительно, в решении суда показаниям А.С. Петровой, данным при расследовании дела Котова в 1948 году, а также другим материалам уголовного дела не дано никакой оценки, более того — о них даже не упомянуто. Совершенно очевидно, что тем самым были нарушены требования ст. 197 ГПК РСФСР, предписывающей суду дать оценку всем исследованным доказательствам и привести доводы, по которым отдельные из них отвергнуты. При таких обстоятельствах, когда суд оставляет без внимания фактические данные, свидетельствующие о начале семейных отношений между Котовым и Петровой до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., вывод суда в решении, что эти отношения сложились только в 1945 году, находится в очевидном противоречии с фактическими и доказательственными материалами дела.

Заканчивая изложение своих доводов, я прихожу к заключению, что вынесенное по делу решение не может быть признано законным и обоснованным, а потому подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение.

* * *

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда решение народного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд признал установленным факт прекращения брака между супругами Котовыми в 1942 году и факт состояния А.И. Котова с А.С. Петровой в фактических брачных отношениях с 1943 года по день смерти последней, 21 февраля 1976 г., а также признал за Котовым как наследником право на часть паенакопления в дачно-строительном кооперативе после смерти жены.

Суд кассационной инстанции оставил это решение без изменения, а кассационную жалобу Е.П. Петрова без удовлетворения.

Гельфанд Леонид Аронович
(1928–2012)

Родился в Ростове 20 марта 1928 года. Имеет два высших образования: юридическое и историческое. Работал в Ростовской областной коллегии адвокатов. Удостоен высшей награды адвокатского сообщества России: награжден золотой медалью имени Ф. Плевако.

Дело С.А. Баянова¹
(Об убийстве)

Краткое содержание дела: С.А. Баянову было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 105 УК РФ (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах). В ходе предварительного следствия его действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 105 УК РФ (умышленное убийство без отягчающих обстоятельств). Районный суд осудил С.А. Баянова по ч. 1 ст. 107 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта) к 3 годам лишения свободы.

По кассационной жалобе С.А. Баянова судебная коллегия переквалифицировала преступление на ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении необходимой обороны), снизив наказание до 2 лет лишения свободы. По протесту зам. председателя Верховного суда РФ, президиум областного суда, отменив судебные решения, принял дело к производству областного суда по 1 инстанции.

Судебной коллегией областного суда С.А. Баянов был оправдан. Верховный суд РФ оставил оправдательный приговор без изменения.

Дело рассматривалось до внесения изменений в ст. 37 УК РФ Законом от 12 марта 2002 года.

Речь адвоката Л.А. Гельфанда была произнесена на последнем заседании областного суда.

Публикуется с сокращениями. Фамилии участников процесса изменены.

Речь адвоката Л.А. Гельфанда:

Уважаемый суд!

20 апреля 200...г. около 22 часов из подъезда дома № 18/1 по ул. Комарова Ростова-на-Дону выбежал окровавленный молодой человек

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advpalataro.ru/publications/index.php?ID=5179&PHPSESSID=>

и, попросив сидящих на скамейке граждан вызвать машину «скорой помощи», упал на землю.

Приехавший через 10 минут врач «скорой помощи» зафиксировал его смерть. Умершим оказался студент техникума Александр Захаров.

Спустя несколько минут из этого же подъезда вышел студент Таганрогского института Сергей Баянов, который тут же, при задержании, признал, что удары ножом Захарову А.И. нанес он...

Есть ли основания сомневаться в том, что Захарову А.И. были нанесены ножом раны, одна из которых оказалась смертельной?

Очевидно, нет.

Признает ли Баянов С.А., что он, а не кто-либо другой причинил эти раны ножом, после чего через несколько минут последовала смерть Захарова А.И.? Да, признает.

По мнению обвинения, все чрезвычайно просто, ясно, логично. Ведь факты говорят сами за себя: «В процессе возникшей ссоры между ними, — говорил прокурор, — Баянов С.А. с целью убийства нанес Захарову А.И. два ножевых ранения, в результате чего он скончался».

Так и записано в постановлении о привлечении Баянова С.А. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении. Следствие не раскрыло понятия «ссора», не указало, из-за чего она возникла, в чем выражалась, какими были конкретные действия Захарова А.И. и Баянова С.А. в ходе этой «ссоры» в период времени с 20.00 до 22.00, что побудило Баянова С.А. ударить ножом Захарова А.И. и т. д.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении подробнейшим образом описываются действия Захарова А.И. и Баянова С.А. до 20 часов, т.е. до появления их в квартире Захарова А.И. Излагаются события, которые не имеют существенного значения, но совершенно не описан ход событий с 20 часов до 22.00, когда они были в квартире и когда было причинено смертельное ранение Захарову А.И. Прокурор в своей речи также вскользь осветил этот промежуток времени, а он главный, основной, определяющий мотивы действий Баянова С.А. и их правовую оценку.

В течение трех дней тщательно исследовались все доказательства, представленные обвинением. Участники процесса — защита и прокурор — старались в меру своих сил помочь суду.

В результате не осталось в деле ни одного темного места. Все, максимально все, что можно было сделать в процессе судебного следствия, сделано. Вскрыты все те недостатки, ошибки, упущения, которые были допущены в ходе предварительного следствия.

Доказательств виновности Баянова С.А. нет. Наоборот, добыты, по моему глубокому убеждению, четкие, ясные доказательства невиновности подсудимого в совершении тяжкого преступления, т. к. он защищал свою честь, достоинство, жизнь. Баянов С.А. находился в состоянии необходимой обороны, без превышения её пределов, что исключает уголовную ответственность.

Дело не в первый раз рассматривается судом. Выносились судебные решения, которыми Баянов С.А. признавался виновным, с различного рода оговорками в умышленном убийстве, вплоть до убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Эти решения были опротестованы зам. председателя Верховного суда России в порядке судебного надзора, отменены президиумом Ростовского областного суда, и, в конечном итоге, дело принято к производству областным судом по первой инстанции.

За три дня мы как бы прошли весь путь развития обвинения против Баянова С.А. в умышленном убийстве, обвинения незаслуженного и несправедливого.

Защита видит свою задачу в том, чтобы с максимально возможной полнотой выяснить и восстановить всю картину, все обстоятельства дела, осветить его со всех сторон и тем самым содействовать вынесению законного приговора.

20 апреля 200...г. группа студентов Таганрогского института, в которую входил и Баянов С.А., приехала в Ростов для участия в соревнованиях по спортивному ориентированию. День был жаркий, температура в тени +26. После окончания соревнований Баянов С.А. вместе со своими товарищами зашел в пивной бар. Все купили по кружке пива. К ним спустя несколько минут подошел Захаров А.И., который слышал разговор о том, что Баянов С.А. собирается уехать домой в Таганрог, а остальные намеревались пойти на стадион, где проводился футбольный матч Российского первенства.

Захаров А.И. изъявил желание познакомиться с ними. Завязался разговор, выяснилось, кто где учится, чем занимается. Захаров подробно рассказывал о себе, жаловался, что ему трудно учиться, так как он давно закончил школу.

Свидетели Тюхин С.С., Лозовский А.М., Корсухин Л.П. пояснили в суде, что, уходя на стадион, они были убеждены в том, что Баянов С.И. уехал в Таганрог, так как футболом он не увлекался, и пойти на футбольную встречу отказался.

Дальнейшее развитие событий известно только из показаний Баянова С.А., другого источника информации нет. Во многом его рассказ подтверждается вещественными доказательствами и ничем не опровергается.

«Когда мои товарищи ушли на футбол, — пояснил Баянов С.А., — Захаров А.И. стал меня уговаривать не спешить домой в Таганрог и, обещая познакомить с ребятами, пригласил к себе в гости домой».

Захаров произвел на Баянова и его товарищей благоприятное впечатление, и он принял приглашение, рассчитывая в дальнейшем, приезжая в Ростов из Таганрога, останавливаться у нового знакомого.

По дороге Захаров купил бутылку вина. Проживал он в трехкомнатной квартире на седьмом этаже. Зайдя в помещение, они расположились на кухне и стали готовить для себя ужин. Так как было очень жарко, Захаров предложил Баянову снять рубашку, а затем и брюки.

Поскольку в квартире они были одни, Баянов, не подозревая об истинных намерениях хозяина, согласился. Возник разговор о современной музыке, затем по предложению Захарова они перешли в другую комнату, где он вдруг неожиданно спросил у Баянова, как тот относится к мужеложству. Несмотря на возмущение Баянова и резко отрицательный ответ, Захаров принес из другой комнаты черный бюстгалтер, женские туфли и платье темно-бордового цвета, приказав Баянову надеть эти вещи на себя.

Мать погибшего — Захарова В.С. — рассказала, что жена сына, покинув его 12 апреля 200...г., не забрала свои вещи, т. к. считала ссору несерьезной и рассматривала свой уход как временный.

Из показаний жены — Захаровой С.П. — видно, что она оставила в квартире в шифоньере свое платье темно-бордового цвета. Это платье было обнаружено на кухне после гибели ее мужа. Важно отметить, что свидетель рассказал об этом после допроса Баянова С.А., подтвердив тем самым рассказ подсудимого о действиях Захарова А.И., т. к. Баянов С.А. не мог знать, что в шифоньере находится платье такого цвета, если бы Захаров не принес его на кухню.

Баянов намеревался незамедлительно уйти, покинуть квартиру, но Захаров успокоил его, заявив, что он просто пошутил, и попросил пройти в комнату, где стоял магнитофон. Поскольку Захарова не было несколько минут, Баянов вышел в прихожую, окончательно решив уйти и уехать в Таганрог.

Захаров, по утверждению подсудимого, стоял в прихожей с ножом в руке. Входная дверь была Захаровым закрыта на ключ, который затем нашли у него в кармане.

Он, потребовав, чтобы Баянов согласился совершить с ним гомосексуальный акт, ударил его по лицу два раза, приставив нож к горлу так, что подсудимый ощутил прикосновение металла.

Баянов схватил лезвие ножа правой рукой, но Захаров, выдернув нож, разрезав ему ладонь, заявил при этом, что подсудимый «никуда от него не денется».

Из показаний Баянова С.А. в суде усматривается, что он говорил о телесном повреждении на своей руке следователю, но на это не обратили внимания. Следствие полагало, что такое повреждение Баянов С.А. мог получить и при падении во время задержания. Как видно из акта судебно-медицинской экспертизы, проведенной в судебном заседании по ходатайству защиты, на ладони правой руки подсудимого имеется шрам — след от режущего предмета. Точно давность повреждения установить трудно, но эксперт не исключил возможность причинения повреждения при обстоятельствах и в срок, указанный Баяновым.

Из показаний следователя Ткачика В.Г., расследовавшего дело, видно, что он в деталях не помнит существования разговора с Баяновым С.А. на допросах, т.к. прошло уже много времени, но помнит, что подсудимый ему показывал ладонь правой руки, на которой было телесное повреждение в виде неглубокой раны, образовавшейся в результате пореза. Заключение эксперта и показания следователя подтверждают доводы Баянова С.А.

Захаров, угрожая расправой, потащил Баянова к раскладушке, потребовав, чтобы он сел на кровать, а сам лег, заявив, что должен совершить при любых условиях «половой» акт. Подсудимый сопротивлялся, но Захаров тянул его к себе, удерживая другой рукой. До этого он положил кухонный нож на тумбочку, которая стояла рядом с раскладушкой.

Свидетель Захарова С.П. признала, что это её нож, и он всегда находился на кухне.

Баянов С.А., оказывая сопротивление, крикнул Захарову А.И., что тот от него живого никогда не добьется согласия, и, когда Захаров, заявив, что его ничего не остановит, потянулся за ножом, подсудимый, на какую-то секунду опередив его, схватил нож и ударил им Захарова. Они тотчас же вскочили с кровати, и Захаров, повернувшись к Баянову, пошел к нему. Не зная, куда пришелся удар, и полагая, что Захаров расправится с ним, Баянов нанес ему второй удар. Между первым и вторым ударами прошло 5–6 секунд.

В суде было установлено, что Захаров А.И. обладал большой физической силой и был значительно сильнее Баянова С.А. По словам свидетеля Захаровой В.С., он длительное время занимался в секции каратистов, участвовал в соревнованиях, имел спортивный разряд.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, расположение и направление раневых каналов двух телесных повреждений,

причиненных ударами ножом Захарову, соответствует тому положению, в котором находились подсудимый и Захаров, по рассказу подсудимого в момент нанесения ударов, что также подтверждает показания Баянова.

После причиненного Захарову смертельного ранения в область сердца он сорвал входную дверь в квартиру, сам спустился с седьмого этажа вниз, о чем свидетельствуют капли крови на всех этажах, что служит еще одним доказательством его значительной физической силы.

Из показаний свидетелей Корякина, Близнюк, Легковой и Легковской видно, что сразу же после задержания на их вопрос, почему Баянов ударил парня ножом, Баянов ответил, что Захаров хотел его изнасиловать и первым бросился на него с ножом.

Какие же доводы в обоснование обвинения представлены прокурором?

Прокурор утверждает, что Захаров не был гомосексуалистом, т.к. свидетели Максимов и Кашлов показали, что по своему психическому состоянию он был нормальным и здоровым человеком. Кроме того, его жена пояснила, что странностей в поведении мужа в обычной обстановке и в интимных отношениях не было.

Позволительно спросить, а какие странности в поведении Захарова могли быть? Прокурор их так и не назвал.

Гомосексуалисты в огромном большинстве — совершенно нормальные в психическом отношении люди, они ничем не отличаются от остальных. Среди них были известные исторические личности: Юлий Цезарь, Сократ, Микеланджело, Шекспир, Мольер, Чайковский и многие другие. Гомосексуалисты проявляют очень большую склонность к музыке. Вполне естественно, что Захаров не обнаруживал каких-либо отклонений психического характера.

То, что его жена, если она сказала правду, «не замечала странностей в поведении мужа... в интимной жизни», легко объяснимо: большинство молодых активных гомосексуалистов являются бисексуалами, т.е. совершают половые акты с мужчинами, наряду с обычной половой жизнью. Таковым был и Захаров, судя по его действиям и образу жизни.

Кроме того, нельзя, как это делает прокурор, оценивать доказательство от противного: не видели, не замечали, — значит, не было. Такая оценка — ничем не прикрытая презумпция виновности, чуждая нашему праву.

«Поскольку в протоколе осмотра места происшествия не указано, что в квартире были женские вещи: бюстгальтер, туфли и платье, которые приносил, по утверждению подсудимого, Захаров, — следовательно, этих вещей не было вообще», — утверждает прокурор. С этим доводом невозможно согласиться, т.к. он противоречит материалам дела.

Осмотр места происшествия проводился довольно поверхностно.

Квартира состоит из трех комнат, а осматривалась практически одна. Телесные повреждения были причинены Захарову не в той комнате, куда он приносил эти вещи. Кстати, даже на снимках комнат квартиры видны стоящие в прихожей женские туфли, а о том, что было платье бордового цвета, показала свидетель Захарова В.С. Размер женской обуви 39–40, что совпадает с размером ноги подсудимого.

«Баянов неоднократно менял свои показания, препятствовал установлению истины, — утверждал прокурор, — верить ему нельзя». Так ли это? Имеются ли противоречия в показаниях подсудимого на предварительном следствии? Да, имеются. В чем их сущность?

Баянов на первом допросе 21 апреля 200...г. в 3 часа утра, через несколько часов после задержания, будучи потрясенным случившимся, отказался от того, что им был нанесен первый удар ножом, но в дальнейшем, в этот же день, признал, что он нанес оба удара, т. е. фактически ухудшил этим свое положение, т. к. не мог знать тогда, какая правовая оценка будет дана его действиям. Обстоятельства, при которых произошли события, он излагал одинаково на всех допросах. Это было единственное расхождение в его показаниях. Баянов «не препятствовал установлению истины», как утверждает обвинение, а помог её установить. Его доводы подтверждаются многочисленными другими доказательствами, на которые я сослался, и, главное, они ничем не опровергаются, ничем не опорочены. Если Баянов руководствовался другими мотивами, то прокурор должен был указать, какими. Мотивы преступления также нужно обвинению доказать, а не замалчивать их и не обходить с помощью туманных рассуждений.

Недоказанная виновность — есть доказанная невиновность.

Словам прокурора я постарался противопоставить факты, доказательства и закон, ибо они куда важнее слов.

Однако недостаточно убедиться в том, что подсудимый рассказал правдиво об обстоятельствах, при которых он нанес удары ножом Захарову. Необходимо доказать еще, что он находился в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов.

Согласно ст. 37 УК РФ, не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства, путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны, выражающегося в явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства.

Наука уголовного права выработала условия правомерности обороны, подразделив их на условия, относящиеся к посягательству, и условия, относящиеся к защите от него.

Посягательство должно быть общественно опасным.

Захаров, угрожая убийством, пытался совершить насильственный гомосексуальный акт. За эти действия он подлежал бы уголовной ответственности. Гомосексуализм испокон веков считался в народе преступлением, хотя отношение официальное к нему было в разные времена различным. Еще Бог в 3 книге Библии говорил Моисею: «Ты не должен спать с мальчиками — это гнусность». В эпоху расцвета Римской империи к этому относились терпимо. Историк Светоний утверждал: «Цезарь — муж всех знатных римлянок и жена всех знатных римлян». В настоящее время свобода гомосексуализма приравнивается к нормам социальной свободы.

Мужеложство же, совершенное с применением физического насилия, под угрозой убийства, во все времена относилось к категории наиболее мерзких и особо опасных преступлений.

Необходимым условием правомерности обороны является наличие посягательства и его действительность.

Все действия Захарова, о которых шла ранее речь, свидетельствовали о его реальном намерении совершить насильственный акт (принес женские вещи, разговаривал о гомосексуализме, угрожал и пытался ударить ножом, избивал, подавляя сопротивление физически и морально, и т. д.). Важно отметить, что право на оборону Баянов осуществил в момент наиболее активных преступных действий Захарова, которые были в реальной действительности, в конкретном месте — квартире, куда обманным путем он был «приглашен», и совершались конкретным лицом.

Возможно, подсудимый превысил пределы необходимой обороны? Глубоко убежден, что нет.

Необходимо учесть реальную обстановку, в которой оказался Баянов: замкнутое пространство — квартира, помощи ждать не от кого, значительно более сильный в физическом отношении Захаров, гнусные, активные домогательства с его стороны, сопряженные с избиением, с нанесением телесных повреждений и с применением ножа, угрозой убийства, чтобы психологически воздействовать на подсудимого. Эти угрозы Баянов воспринял как реальные и считал, что Захаров его убьет, если он будет сопротивляться, кричать о помощи.

В свою очередь, Захаров был настолько уверен в своем физическом превосходстве, что не ожидал возможного активного сопротивления со стороны Баянова, положив рядом с кроватью на тумбочку ку-

хонный нож. Все решила секунда, когда Баянов сумел раньше схватить нож и нанести удар. Все пережитое подсудимым в этот вечер в квартире, вся боль за растоптанное человеческое достоинство, за издевательства нравственного и физического характера, реальная боязнь за свою жизнь, безвыходность положения, — все вылилось в одном ударе ножом, который закончил жизнь Захарова. Я утверждаю, что в действиях Баянова нет не только явного несоответствия, но и просто несоответствия между причиненным и вредом, который реально угрожал ему самому. В настоящее время достаточно только угрозы убийством, чтобы при указанных обстоятельствах прибегнуть к необходимой обороне с теми последствиями, которые наступили. При посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой такового насилия не может быть превышения пределов необходимой обороны по определению. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни и угрозой такого насилия, является правомерной, если не было допущено превышение пределов необходимой обороны (ст. 37 УК РФ в редакции Закона от 12.03.2002 г.). Федеральным законом от 21 ноября 2003 года еще более расширены права граждан на необходимую самооборону.

Необходимо еще отметить, что Баянов, осуществляя свое право на необходимую оборону, находился в состоянии сильного душевного волнения. Он не мог хладнокровно рассчитать направление и силу удара. Безусловно, что у него не было умысла лишить жизни Захарова. То, что удар ножом пришелся в сердце, — определенная случайность, ибо цель Баянова заключалась в том, чтобы пресечь преступление. Можно утверждать, что для него безразлично было, куда придется удар.

Альберт Моль в своей монографии «Половые извращения» пишет, что активным гомосексуалистам больше всего нравятся «молодые, свежие, белые лица с розовыми щеками, голубыми блестящими глазами, в их чертах должно сквозить нечто чувственное, они должны быть стройны, ловки».

Баянов обладает всеми этими внешними признаками и еще к тому же блондин с голубыми глазами.

Не удивительно, что Захаров именно его наметил себе в жертву из группы. Тот же автор пишет, что большинство гомосексуалистов очень склонны ко лжи, обнаруживают пристрастие к женским туалетам, заставляя потерпевших их надевать, и зачастую для достижения своей цели не останавливаются даже перед совершением преступлений, вплоть до убийства.

В значительной мере действия Захарова укладываются в эту схему, что еще раз подтверждает рассказ подсудимого. Заканчивая изложение

своих соображений по обвинению, коснусь в нескольких словах гражданского иска. Мать покойного просит взыскать значительную сумму. Иск основывается на ответственности причинения вреда. Но это может быть только при наличии вины в его действиях.

Более того, вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, вообще не подлежит возмещению.

Нормы закона о необходимой обороне четки и ясны, однако не всегда правильно применяются. Примером является и настоящее обвинение Баянова в умышленном убийстве. Дело, которое могло стать хрестоматийным примером состояния необходимой обороны для учебника уголовного права, вот уже который раз рассматривается судом. Я не собираюсь обвинять судей в равнодушии и предвзятости, понимая, какой тяжкий груз на них давил — гибель молодого, полного сил человека.

Можно понять горе потерпевшей Захаровой В.С., которая потеряла сына при таких трагических обстоятельствах. Она испытала тяжкие страдания. Для нее он был, естественно, лучшим и самым близким человеком.

Нельзя без боли слушать ее рассказ, с каким трудом и самопожертвованием она смогла его воспитать, вырастить, поставить на ноги. Но во всех ее объяснениях одни эмоции: боль невосполнимой для матери потери, чувство негодования и скорби. Смерть даже виновного сына ей трудно и невозможно кому-то простить. Это не должно повлиять на суд, который обязан руководствоваться законом и только законом.

В силу своей социально-правовой природы, характера, направленности, действия, совершаемые в состоянии необходимой обороны, являются общественно полезными, одобряются общечеловеческой моралью и входят в арсенал средств борьбы с преступностью.

Я убежден, что приговором суд подтвердит право граждан и конкретно право Баянова на активную гражданскую позицию.

Оправдательный приговор будет иметь важное воспитательное значение, к сожалению, часто недооцениваемое, он укрепит веру в справедливость, веру гражданина, в то, что его честь, достоинство, здоровье, жизнь находятся под надежной защитой государства.

Подлинное правосудие немислимо без оправдательных приговоров, ибо суд принимает решение, исходя из материалов судебного следствия, которое не обязательно должно совпадать с убеждением прокурора.

Защита просит оправдать Баянова С.А. за отсутствием в его действиях состава преступления.

***

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда Баянов С.А. был оправдан по предъявленному обвинению и освобожден из-под стражи.

Гершанова Г.Е.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело И.М. Лихова¹
(О восстановлении на работе)

Краткое содержание дела: И.М. Лихов работал в должности руководителя лаборатории ВНИИ, являющегося головной организацией Всесоюзного научно-производственного объединения. Он был уволен по ч. 1 ст. 33 КЗоТ РСФСР.

Лихов предъявил иск к объединению о восстановлении на работе. Дело неоднократно рассматривалось в различных судебных инстанциях. Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда, принявшая дело к своему производству, прекратила производство по делу за неподведомственностью спора суду.

По частной жалобе И.М. Лихова дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР.

Речь адвоката Г.Е. Гершановой:

Уважаемые товарищи члены Судебной коллегии!

Поддерживая частную жалобу И.М. Лихова, я не буду касаться существа данного трудового спора, так как по делу не вынесено судебное решение.

Речь идет о подведомственности этого трудового спора. Представляется, что то определение, которое вынесет сегодня Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по настоящему делу, будет иметь важное принципиальное значение и от него в значительной степени будет зависеть, как в дальнейшем сложится судебная практика при разрешении споров о подведомственности трудовых конфликтов данной категории.

Почему я считаю, что правильное разрешение спора И.М. Лихова имеет важное, принципиальное значение для судебной практики? Дело в том, что научно-производственные объединения были образованы после принятия Положения о порядке рассмотрения трудовых споров и поэтому, естественно, возник вопрос, подпадают ли соответствующие работники структурных единиц объединений под действие п. 3 Перечня № 1 Приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=2>

СССР от 20 мая 1974 года. Ни в теории, ни на практике этот вопрос не нашел четкого разрешения.

Прекращая производство по делу, Судебная коллегия областного суда сослалась на то, что И.М. Лихов является руководителем структурного подразделения института, в его подчинении находятся другие работники, а поэтому в соответствии с п. 3 Перечня № 1 Приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров его заявление о восстановлении на работе должно рассматриваться не судом, а вышестоящим в порядке подчиненности органом.

Из материалов дела видно, что И.М. Лихов являлся руководителем лаборатории научно-исследовательского института, входящего в состав научно-производственного объединения.

В соответствии с п. 1 Положения о научно-производственном объединении, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1975 г., научно-производственное объединение является единым научно-производственным и хозяйственным комплексом, в состав которого входят научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские и технологические организации, заводы (фабрики), пусконаладочные, шефмонтажные и другие структурные единицы в зависимости от задач, поставленных перед объединением. Структурные единицы, входящие в состав научно-производственного объединения, не являются юридическими лицами, и на них не распространяется действие Общего положения о научно-исследовательских, конструкторских и технологических организациях и Положения о социалистическом государственном производственном предприятии.

Пунктом же 3 Перечня № 1 Приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров предусмотрено рассмотрение трудовых споров по вопросам увольнения вышестоящими в порядке подчиненности органами следующих должностных лиц: начальников (заведующих, управляющих) отделов, служб, участков, производств и т. д., имеющих в своем подчинении работников, начальников других структурных подразделений предприятий, а также организаций, пользующихся правами социалистического государственного производственного предприятия.

Поскольку ВНИИ, руководителем лаборатории которого являлся Лихов, не пользуется правами социалистического государственного производственного предприятия как структурная единица научно-производственного объединения, то не имеется оснований для того, чтобы распространять на данный спор действие п. 3 Перечня № 1. Следовательно, И.М. Лихов не может быть лишен права на обращение в суд.

То обстоятельство, что ВНИИ, где работал Лихов, является головной организацией объединения, не имеет правового значения, поскольку Перечень не подлежит расширительному толкованию. Поэтому дело по иску И.М. Лихова о восстановлении на работе подведомственно суду, а определение о прекращении производства по делу должно быть признано неправильным.

Все изложенное дает мне основание просить Судебную коллегию отменить определение Московского областного суда и дело передать в суд для рассмотрения по существу.

* * *

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР определение Московского областного суда было отменено и дело передано для рассмотрения по существу в тот же суд.

Декснис В.П.

Адвокат Коллегии адвокатов Литовской ССР

Дело И. Штараса и А. Исоцкене¹ (О прекращении общей собственности)

Краткое содержание дела: Литовский республиканский совет по управлению курортами профсоюзов обратился в народный суд Вильнюса Литовской ССР с иском заявлением, в котором указал, что при реконструкции своих производственных помещений он одновременно построил для И. Штараса и А.Исоцкене на их средства гаражи. Поскольку гаражи ответчиков расположены под одной крышей с производственными помещениями и гаражами истца, в данном случае имеет место общая долевая собственность.

Истец просил о ее прекращении путем выкупа принадлежащих ответчиком гаражей.

Речь адвоката В.П. Дексниса:

Уважаемые товарищи судьи!

Литовский республиканский совет по управлению курортами профсоюзов в исковом заявлении утверждает, что гаражи ответчиков

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=5>

Штараса и Исоцкене, интересы которых я представляю, а также производственные помещения и гаражи истца возникли как общая долевая собственность, которая на основании ст. 129 ГК Литовской ССР подлежит прекращению путем выкупа у ответчиков принадлежащих им гаражей.

Утверждение истца о возникновении общей долевой собственности является необоснованным. Общая долевая собственность государства и граждан или кооперативных либо общественных организаций и граждан возникает при наследовании государством, либо кооперативной, или общественной организацией части имущества, принадлежащего гражданину на праве личной собственности, при конфискации части такого имущества, а равно при передаче гражданином своей доли в дар государству или какой-нибудь социалистической организации.

В перечисленных случаях возникшее право общей долевой собственности государства и граждан или кооперативных либо общественных организаций и граждан подлежит прекращению в течение одного года со дня его возникновения, поскольку для социалистической и личной собственности установлен различный правовой режим.

Право собственности истца на его гаражи и производственные помещения и право собственности ответчиков на их гаражи возникло по совершенно иным основаниям.

Райисполком Октябрьского района Вильнюса своим решением от 30 июня 1965 г. разрешил И. Штарасу, В. Штарасу и С. Рамялене построить гаражи во дворе дома по пр. Ленина, 54б. 14 октября 1965 г. указанное решение было дополнено райисполкомом: ответчице А. Исоцкене также разрешено построить гараж.

В то время в указанных решениях о строительстве личных гаражей граждан не оговаривался отвод для этой цели земельного участка площадью 20 кв. метров. Исполкомы начали выделять гражданам земельные участки под строительство гаражей только после выхода в свет постановления Совета Министров Литовской ССР от 2 июня 1972 г. № 195 «Об упорядочении строительства гаражей и платных стоянок для автомобилей индивидуальных владельцев».

Едва ответчики приступили к строительству гаражей, как Вильнюсский горисполком 3 июня 1966 г. принимает решение № 351 об отводе истцу-Литовскому республиканскому совету по управлению курортами профсоюзов – прилегающего к его административному зданию земельного участка для строительства производственных помещений и гаражей. В приложении к решению указывается, что истцу, выделяется участок, обозначенный на проекте литерами АБЦД, а также подъезд

к помещениям и гаражам с ул. Пятраса Цвирки, д. 43. Но этим решением прежние решения райисполкома Вильнюса — от 30 июня и 14 октября 1965 г. не были отменены.

Подъезд к гаражам ответчиков остается с пр. Ленина, 546, т.е. за пределами территории, отведенной истцу. Таким образом, указанные решения разграничили земельные участки, находившиеся в пользовании истца, с одной стороны, и ответчиков — с другой.

Стремясь возможно быстрее осуществить строительство своих производственных помещений и четырех гаражей. Истец в октябре 1966 года обратился к ответчикам с письменным предложением о строительстве гаражей и для них, но при условии, что ответчики оплатят ему сметную стоимость строительства. Сметная стоимость одного бокса — 528,75 руб. Ответчики приняли предложение истца, и каждый из них внес в кассу истца по 528,75 руб.

Возникает вопрос: чем было вызвано предложение истца о строительстве гаражей для ответчиков? Из имеющегося в деле снимка производственных помещений и гаражей видно, что часть производственных помещений истца расположена в трехэтажном здании над четырьмя его гаражами и четырьмя гаражами ответчиков. Эти гаражи соединяются торцовыми стенами, а подъезд к ним оборудован с разных сторон: к гаражам ответчиков — с пр. Ленина, а к гаражам истца — с ул. Пятраса Цвирки.

Истец мог строить свои производственные помещения над своими гаражами, но располагать их над гаражами ответчиков без их согласия он не имел права. Вот почему Литовский республиканский совет по управлению курортами профсоюзов проявил инициативу и добился согласия ответчиков на расширение своих производственных помещений. В результате эти помещения оказались над их гаражами. Только после получения согласия ответчиков проект строительства производственных помещений и гаражей был утвержден Вильнюсским горисполкомом (см. письмо управления строительства архитектуры Вильнюсского горисполкома от 3 марта 1975 г. № 1076).

Имущество истца — производственные помещения и четыре гаража и имущество ответчиков — четыре гаража хотя они в настоящее время и располагаются под одной крышей, но возникли не на основании ст. 129 ГК Литовской ССР. Поэтому право общей долевой собственности в данном случае отсутствует и, следовательно, не может быть по этим основаниям прекращено.

Тот факт, что И. Штарас, Д. Исоцкене и другие ответчики владеют гаражами на праве личной собственности, подтверждается рядом об-

стоятельств. Так, В. Штарас и С. Рамялене, выехавшие на постоянное жительство за пределы Литовской ССР, продали свои гаражи С. Крячюнасу и С. Сауленасу. Истец обжаловал эти договоры в Вильнюсский горисполком. В деле имеется письмо горисполкома от 17 мая 1973 г. № 1132, в котором, в частности, сказано, что горисполком не возражает против договора купли-продажи гаража, заключенного 3 января 1972 г. между В. Штарасом и С. Крячюнасом, поскольку В. Штарас владеет гаражом на праве личной собственности в соответствии с решением исполкома от 3 июня 1966 г. № 35г.

Литовский республиканский совет по управлению курортами профсоюзов почти десять лет не считал себя совладельцем гаражей. В письмах, адресованных ответчикам и датированных 12 апреля, 20 и 26 сентября 1973 г. и 17 декабря 1974 г., он заявлял о своем желании выкупить принадлежащие им гаражи, если они когда-нибудь будут продавать их. Это подтверждает, что истец никогда не считал себя совладельцем, так как во взаимоотношениях с ответчиками не руководствовался требованиями ст. 125 ГК Литовской ССР. Как известно, указанная статья предоставляет субъектам общей долевой собственности право преимущественной покупки продаваемой доли; если договор купли-продажи заключен в нарушение указанного требования, совладелец вправе оспаривать такую сделку в судебном порядке.

Поскольку имущество (гаражи) ответчиков И. Штараса и А. Исоцкене, интересы которых я представляю, возникло на основании решений райисполкома Вильнюса, в соответствии с которыми эти гаражи были построены, то и право их личной собственности не может быть прекращено на основаниях ст. 129 ГК Литовской ССР.

Истец построил над гаражами ответчиков свои производственные помещения по собственной инициативе, но с согласия ответчиков, которое не может расцениваться как согласие на создание общей собственности, так как договоры о совместной деятельности между гражданами и социалистическими организациями не допускаются (ст. 472 ГК Литовской ССР).

И, наконец, истец в соответствии с полученным согласием ответчиков улучшил свои производственные помещения. Их согласие не должно быть истолковано так, чтобы стало возможно обратиться во вред им самим. Такое толкование противоречило бы принципам нашего социалистического общества.

К гаражам ответчиков имеется отдельный подъезд, огороженный забором. Поэтому не создается никаких помех ни для производственной, ни для служебной деятельности истца. Гаражи ответчиков изолированы от других помещений, находящихся в ведении истца. Поэтому

я считаю, что если бы даже здесь и могло быть признано наличие права общей долевой собственности, то оно могло бы быть прекращено путем раздела имущества в натуре.

Верховный Суд Литовской ССР еще в 1965 году указал, что право общей долевой собственности государственных и общественных организаций и граждан может быть прекращено путем такого раздела помещений в натуре, в результате которого у каждого из бывших совладельцев остается отдельное изолированное помещение (см. Бюллетень Верховного Суда Литовской ССР № 4).

Уважаемые товарищи судьи! По изложенным соображениям я прихожу к выводу, что гаражи моих доверителей И. Штараса и А. Исоцкене не составляют общей долевой собственности с помещениями истца. Поэтому прошу предъявленный к ним иск отклонить как не основанный на законе.

* * *

Решением народного суда иск был удовлетворен. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Литовской ССР, рассмотрев дело по кассационным жалобам ответчиков, решение суда отменила и дело направила на новое рассмотрение.

При повторном рассмотрении дела в иске было отказано. Это решение Верховный Суд Литовской ССР оставил без изменения.

Дервиз Олег Валерианович¹

Один из старейших адвокатов Санкт-Петербурга. Начало его профессиональной деятельности в Ленинградской областной коллегии адвокатов относится к 1959 году. Он избирался в Президиум этой Коллегии, возглавлял сектор контроля за качеством работы. В 1997 году О.В. Дервиз был в числе первых российских адвокатов награжден медалью имени Ф.Н. Плевако, отмечен нагрудным знаком «За верность адвокатскому долгу». В настоящее время О.В. Дервиз продолжает адвокатскую деятельность в Балтийской коллегии адвокатов им. Анатолия Собчака, руководит Агентством по защите прав потерпевших. Речи О.В. Дервиза неоднократно публиковались в сборниках лучших речей советских адвокатов.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000762434-moe-delo-zaschischat-zapiski-advokata-oleg-derviz>

В своей книге «Мое дело — защищать. Записки адвоката», изданной в 2013 году и рассчитанной на широкий круг читателей, О.В. Дервиз рассказывает о своей жизни, пути в адвокатуру, делится с читателем мыслями о работе адвоката и, шире, о насущных проблемах правосудия. Книга рассчитана на широкий круг читателей¹.

Дело Васильевой²

(О причинении тяжких телесных повреждений,
повлекших смерть)

Речь адвоката О.В. Дервиза:

Товарищи судьи!

Моей подзащитной Васильевой предъявлено обвинение в совершении весьма тяжкого преступления — причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Закон предусматривает наказание за совершение таких действий в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Если добавить к этому, что покойный Волков — отец подсудимой, то обвинение Васильевой становится еще более страшным.

Именно поэтому задача защиты по данному делу трудна и ответственна, ибо ни в законе, ни в нашем нравственном чувстве нет и не может быть оправдания для отцеубийцы.

Однако я исполняю сегодня свой профессиональный долг с глубоким убеждением в правильности моей правовой и моральной оценки действий Васильевой. Защита не согласна с предложенной обвинением юридической квалификацией совершенного ею преступления.

Чтобы вы, товарищи судьи, могли правильно оценить действия моей подзащитной и назначить справедливое наказание, необходимо тщательно и непредвзято проанализировать все обстоятельства дела, проследить развитие событий в семье Васильевой, приведших 11 февраля к трагической развязке. Материалы дела дают нам возможность сделать это с достаточной полнотой.

Мы с вами выслушали показания подсудимой, рассмотрели заключения экспертиз, характеристики и другие документы. Сухое и лаконичное изложение событий в обвинительном заключении дополнилось живыми и непосредственными впечатлениями очевидцев, людей, повседневно соприкасавшихся с семьей Волкова. Перед нами возникла чрезвычайно яркая картина происшедшего.

---

¹ Подробнее см. на [livelib.ru](https://www.livelib.ru/book/1000762434-moe-delo-zaschischat-zapiski-advokata-oleg-derviz): URL: <https://www.livelib.ru/book/1000762434-moe-delo-zaschischat-zapiski-advokata-oleg-derviz>

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3580182/page:31/>

Зоя Васильева — молодая тридцатилетняя женщина — была брошена мужем и год тому назад приехала с трехлетним сыном в дом к отцу. Она поступила на работу санитаркой в больницу, помогала мачехе вести хозяйство, воспитывала сына. Свой заработок Зоя вкладывала в общий семейный бюджет.

Мачеха хорошо относилась к ней, жалела ее. Все было бы нормально в их жизни, если бы не отношение отца. Он был недоволен пребыванием дочери в его доме, считал ее нахлебницей. Часто он упрекал Зою в том, что она не сумела «удержать» мужа. Не радовался Волков и внуку, никогда не ласкал его, был с ним хмур и неприветлив.

Волков злоупотреблял спиртным, часто являлся домой пьяный и затевал скандалы с женой и дочерью. Он придирался к любому пустяку, требовал полного подчинения себе как «хозяину».

Вы хорошо знаете, товарищи судьи, какое огромное социальное зло алкоголизм. Большинство уголовных дел, которые вы здесь рассматриваете, так или иначе возникли на почве пьянства. Многие разводы, выселения из-за невозможного поведения в квартирах, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины на работе, мелкое хулиганство — вот что порождает алкоголь.

Из скольких семей ушло счастье, сколько детей лишились отцов, сколько людей потеряли человеческий облик из-за неумеренного употребления спиртного.

Я берусь утверждать, что и сегодняшнее дело возникло на той же ядовитой почве, только подсудимая и потерпевший поменялись местами. Именно поведение покойного Волкова создало ненормальную обстановку в семье, породило то психологическое напряжение, в состоянии которого ежедневно находились Васильева и ее мачеха. Они жили в постоянном страхе, ожидании того, что должно случиться что-то непоправимое. Часто бывало, что, желая оградить себя от пьяных выходов Волкова, женщины с ребенком уходили из дома, ночевали у соседей. Им было хорошо известно, что лучше не попадаться Волкову под горячую руку. Не раз и не два им приходилось стыдливо скрывать от сослуживцев и соседей полученные синяки. А ведь иногда дело доходило и до более серьезных вещей — Волков брался за топор и лопату... Женщины терпели — все-таки Волков — муж, все-таки отец. Но в них росло чувство отчаяния, а это чувство опасное — оно не всегда бессильно, иногда оно заставляет братья за оружие!

Трагедия, происшедшая 11 февраля, была подготовлена поведением Волкова в течение длительного времени. Если бы он вел себя по-другому, вероятно, реакция Васильевой была бы не такой острой. Она боя-

лась отца, знала, что от него можно ждать чего угодно, была психологически подготовлена к насилию. Насилие породило насилие!

Вечером в этот день Волков пришел домой в состоянии сильного опьянения. Он затеял скандал с женой и дочерью, занимавшимися на кухне хозяйственными делами. Он высказал недовольство тем, что жена готовила корм для скотины, а на него не обращала внимания. Криком и руганью он сам взвинчивал себя, стал бросать на пол разные предметы. Жена сказала Волкову, что он пьян, мешает им заниматься делом, пусть идет в комнату и ложится. Ах, он, хозяин, мешает, ну, тогда держись... Волков схватил с плиты ведерный бидон с кипятком. К счастью, жене удалось отскочить, и на ее лицо и руки попали только брызги кипятка. От боли она закричала. Бидон остался в руках у Волкова.

Васильева не знала, осталась ли еще вода в бидоне, не знала, войдет ли на кухню привлеченный шумом и криком ее маленький сын. Она видела бидон в руках отца, она слышала крик ошпаренной мачехи, она знала, что отец может продолжать буйствовать. Ее охватил страх за своих близких, за себя. Она должна была защищаться, защищать других. Она, по ее собственным словам, не помнила себя.

Вот в каком состоянии находилась Васильева, когда схватила стоявшую у плиты кочергу и нанесла ей отцу два удара по голове.

По существу, товарищи судьи, все рассказанное мною сейчас о событиях, приведших Васильеву к совершению преступления, не отрицает и представитель государственного обвинения. Вы помните, что, обосновывая свою просьбу об определении подсудимой минимального наказания по части второй ст. 108-й УК РСФСР — пять лет лишения свободы, говоря о смягчающих ответственность обстоятельствах, прокурор ссылается на эти же факты.

Обвинение считает, говорил вам прокурор, что своим поведением покойный Волков убил в дочери естественное чувство любви и лишился ее уважения. Но эти чувства, полагает обвинитель, вытеснила ненависть, которая только ждала удобного момента, чтобы открыто проявиться, которая, по его образному выражению, «шла рука об руку с мезтью».

Из этого делается вывод, что Васильева подняла руку на отца с радостью, что представился случай. Не было якобы реальной угрозы жизни и здоровью подсудимой, ее близким, поскольку Волков сразу выплеснул весь кипяток и стал после этого вполне безопасен. Его не бить надо было, а успокаивать, уговаривать.

Во всяком случае, утверждает обвинитель, если еще можно как-то объяснить нанесение первого удара кочергой, то уж во втором не было

никакой необходимости. Именно этот второй удар свидетельствует об умысле Васильевой.

Я уверен, товарищи судьи, что говорить так — значит не понимать психологического состояния подсудимой в момент нанесения ударов, более того, значит не понимать психологического механизма внезапно-го возникновения сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Да, вопрос о возникновении такого состояния, именуемого медицинской наукой физиологическим аффектом, один из сложнейших в теории и практике уголовного права, здесь возможны ошибки. И я полагаю, что прокурор призывает вас совершить ошибку, закрыть глаза на явные признаки аффективного состояния Васильевой.

Обвинение утверждает, что Волков сразу выплеснул весь кипяток и не представлял поэтому больше опасности для находившихся на кухне женщин. Этим обосновывается вывод, что Васильева действовала из мести, что необходимости в защите не было. С этим невозможно согласиться. Я допускаю, что, испугавшись содеянного им, испугавшись крика жены, покойный прекратил бы буйство. Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Но могло быть и по-другому, он вполне мог продолжать свои действия, как неоднократно это делал во время пьяных дебошей. Для этого были все возможности — на кухне находилось много предметов, подходящих вполне для учинения расправы над женщинами. В руках у него был горячий бидон — тоже достаточно грозное оружие, а то, что он уже успел сделать, давало основания считать, что пьяному буйству нет предела. Именно так думала Васильева, и ее нельзя не понять. Не могла она в то время знать, что в бидоне не осталось больше кипятка.

Перед вами, товарищи судьи, столкнулись две точки зрения на события 11 февраля, две оценки их. От того, какую из этих оценок вы признаете правильной, зависит юридическая квалификация совершенного Васильевой преступления. Если вы согласитесь с обвинением, что Васильева действовала умышленно, значит, предложенная органами предварительного следствия квалификация содеянного по части второй ст. 108-й УК РСФСР правильна.

Я же убежден в истинности своей точки зрения и прошу вас согласиться с ней. Я считаю, что поведение Волкова на протяжении всех последних месяцев, его издевательства и насилия над домочадцами подготовили психику Зои Васильевой к происшедшему вечером 11-го февраля взрыву. Испытанные ею в тот день страх, гнев и возмущение действиями отца вызвали сильнейший психологический «разряд» — аффект.

Нельзя, как это делает обвинение, искусственно разрывать действия, следовавшие одно за другим практически мгновенно; нель-

зя объяснять нанесение первого удара страхом и волнением, а второй объявлять умышленным. Находясь в состоянии сильного душевного волнения, человек не может точно соразмерить свои поступки с объективной необходимостью. Именно поэтому наш закон выделяет преступления, совершенные в состоянии аффекта, и предусматривает за них значительно более мягкие наказания, чем за совершенные умышленно. Содеянное Васильевой подлежит квалификации по ст. 110-й УК РСФСР, устанавливающей ответственность за нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего и вызванного насилием или оскорблением со стороны потерпевшего.

Наш уголовный закон, товарищи судьи, будучи выражением социалистического гуманизма, требует от вас учета всех смягчающих обстоятельств. В этом деле я вижу целый ряд таких обстоятельств.

Статья 38-я УК РСФСР предусматривает в качестве одного из наиболее существенных смягчающих ответственность виновного обстоятельств совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны. Нет сомнения, что в данном случае налицо это смягчающее обстоятельство. Действия Волкова были общественно опасны, защищаться было необходимо.

Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжет, пытается уйти от наказания — одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает — совсем другое. Это всегда учитывается судом.

Я хочу обратить внимание на предельную искренность моей подзащитной, ее чистосердечное раскаяние и готовность понести наказание за совершенное преступление. Вы, конечно, помните, что мачеха Васильевой, желая спасти ее от ответственности, показала на первом допросе неправду. Она рассказала, что муж ее в пьяном виде упал на плитку и разбил голову об ее угол. Васильева не пыталась воспользоваться этой ложью — она с самого начала говорила только правду, не пыталась ничего скрыть. Подсудимая тяжело переживает случившееся, глубоко подавлена совершенным ею преступлением. Ей очень жалко отца, но на вопрос, могла бы она вновь поступить так же, если бы все повторилось, она откровенно отвечает, что, вероятно, могла бы. Такая правдивость подкупает. Остается только пожелать, чтобы жизнь не ставила больше мою подзащитную в такое тяжелое положение.

Вы тщательно исследовали сегодня, товарищи судьи, жизненный путь Васильевой. Мало было в нем радостных событий, жизнь не бало-

вала ее. Она выросла в трудных условиях военных и первых послевоенных лет, не получила достаточного образования, обманулась в муже, не видела сочувствия со стороны единственного близкого человека — отца. Но она не озлобилась, осталась простой и скромной женщиной, о которой никто не мог сказать ни одного худого слова. Васильева никогда в жизни не преступала закон. В характеристик из больницы отмечается, что работала Васильева исключительно добросовестно, ровно и ласково относилась к больным. Соседи говорят о ней как о труженице, приветливой и спокойной женщине, хорошей матери. Какое потрясение должна была испытать она, как должна была бояться отца, чтобы осмелиться поднять на него руку!

Есть в событиях этого дела еще одно обстоятельство, о котором я не имею права умолчать. Тягостное, неправдоподобное, но, увы, имевшее место. Я имею в виду отношение медицинских работников станции «скорой помощи» к выполнению своего профессионального долга.

Вечером 11 февраля к Волкову вызвали «скорую помощь». Приехала машина, врач осмотрел раненого. Да, он был пьян, да, он ругал медиков и мешал им исследовать повреждения, утверждая, что ничего с ним особенного не случилось. Все это так..., но проглядеть проникающую рану костей черепа врач не имел права. Не имел права оставлять без помощи тяжело раненого человека, не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр. Врач ввел в заблуждение родственников Волкова, создав у них впечатление, что потерпевший действительно никаких опасных повреждений не получил.

Судебно-медицинская экспертиза, отвечая на вопрос о шансах на жизнь Волкова при условии оказания ему своевременной помощи, ответила, что, хотя благополучный исход при травмах такого типа гарантировать нельзя, были все основания надеяться на выздоровление потерпевшего.

Таким образом, ответственность за трагический исход ложится в определенной степени и на представителя самой гуманной в мире профессии! Я считаю, что необходимо вынести частное определение по этому вопросу, мимо этого пройти нельзя.

Заканчивая свою речь, я хочу выразить уверенность в справедливости того приговора, который вы вынесете моей подзащитной. Она должна быть на свободе, она должна заботиться о своем малолетнем сыне, воспитывать его. Мера ее вины не столь значительна, чтобы была необходимость направлять ее в исправительную колонию. Я прошу вас, товарищи судьи, определить Васильевой по ст. 110-й УК РСФСР наказание, не связанное с лишением свободы.

Дело о подмене скрипки

(из записок адвоката О.В. Дервиза)¹

За почти полвека работы адвокатом у меня было очень много интересных дел, интересных как по фабуле, так и с точки зрения человеческой психологии. Некоторые из них, я надеюсь, будут интересны современному читателю. Я хочу рассказать здесь о деле, любопытном не только своими фактическими обстоятельствами, но и очень ярко проявившимися в ходе его рассмотрения пороками существовавшей при советской власти судебной системы, многие из которых (увы!) присущи ей и сейчас. Фамилии действующих лиц мною изменены. Процесс по этому делу превратился в фарс и закончился драматически отчасти по той причине, что происходившие в зале суда события невозможно было объективно зафиксировать — нельзя же считать фиксацией протокол судебного заседания, содержание которого фактически полностью зависит от воли судьи. Время, когда развернулись эти события — конец эпохи Брежнева и андроповские пятнадцать месяцев. Скрипач симфонического оркестра Филармонии Лизенглас и его престарелая мать обвинялись в мошенничестве, в том, что они подменили весьма ценную скрипку, принадлежавшую некоей Коваль, на другую, никакой ценности не представляющую.

Коваль написала в милицию заявление о том, что Лизенглас с матерью-пианисткой однажды давали в ее квартире небольшой домашний концерт. Они случайно увидели висящую на стене семейную реликвию — старинную скрипку. По словам Коваль, Лизенглас опробовал ее, пришел в восторг от звучания и уговорил хозяйку дать ему скрипку, чтобы показать ее специалистам для атрибуции и оценки. Через месяц он вернул скрипку и сказал, что, к сожалению, это — рядовой инструмент, большой ценности не представляющий. Взяв ее в руки, Коваль якобы сразу поняла, что это не та скрипка — она отличалась по размеру и цвету, но сказать об этом Лизенглассу постеснялась, а потом все же решила обратиться в милицию. Дознаватель, естественно, предложил Коваль дать описание той скрипки, которую, по ее мнению, подменили. Она это сделала, более того, она представила вырезанный из картона макет своей скрипки. В отличие от первого заявления, Коваль описывала фантастический инструмент, какого никто никогда не видел. Впоследствии один из причастных к делу специалистов назвал ее «скрипкой-уродцем». У этой скрипки, утверждала Коваль, кроме всем нам знакомых двух фигурных прорезей-эффов, были еще две в необыч-

---

¹ Вестник Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. 2008. № 2. С. 85–99.

ных местах, а головка грифа была прямоугольной формы. Коваль также утверждала, что на возвращенной ей Лизенгласом скрипке играть нельзя — она в нерабочем состоянии. Дознатель пригласил к себе Лизенгласа и стал разбираться. Лизенглас не отрицал того, что брал скрипку, но подчеркивал, что об этом его, как профессионала, настойчиво просила Коваль. Он показывал ее коллегам и скрипичному мастеру из Консерватории, все они признали скрипку вполне заурядной, немецкой работы XIX века, для профессионала непригодной. После этого он вернул взятую скрипку Коваль во вполне исправном состоянии. Выслушав Лизенгласа, дознаватель вручил ему скрипку и сказал: «Играйте». Скрипка оказалась исправной. Кроме того, участник домашнего концерта и очевидец передачи скрипки, знакомый Коваль и матери Лизенгласа, Степанов подтвердил, что тогда была та же самая скрипка. В возбуждении уголовного дела было отказано ввиду отсутствия события преступления. Коваль обжаловала это решение, и следствие было возобновлено, но вскоре снова дело прекратили из-за отсутствия доказательств подмены злополучной скрипки. Тогда Коваль обратилась в КГБ. Она писала, что ее скрипка — национального масштаба культурная ценность работы чуть ли не самого Страдивари — подменена и вывезена нелегально за границу, государству нанесен невозполнимый ущерб. Как раз в это время в музыкальных кругах циркулировали слухи (видимо, не совсем беспочвенные) о том, что собирающиеся эмигрировать музыканты с помощью различных ухищрений незаконно вывозят из страны ценные инструменты. (Здесь не место обсуждать вопрос, почему, уезжая из страны, человек не имел права взять с собой свою собственность.) Естественно, этими слухами заинтересовались в КГБ, и донос Коваль пришелся очень ко времени. К тому же, как выяснилось позже, родной брат Коваль по работе был связан с КГБ и, видимо, попросил их помочь. Дело вновь было возбуждено, и машина следствия завертелась. На этот раз его направляла очень могущественная рука... Все люди, которые видели скрипку у Лизенгласа, в один голос утверждали, что это был тот же самый инструмент, который демонстрирует им следователь. Обвинение строилось на том, что Лизенглас где-то приобрел эту скрипку, показывал ее свидетелям и отдал Коваль, а ту, принадлежащую ей, продал или надежно спрятал. Абсолютно никаких доказательств этой версии не было, но следствие это не смущало. Важнейшим свидетелем по делу был Степанов, по профессии настройщик роялей, то есть человек совсем не посторонний в мире музыки. Он видел скрипку у Коваль и описал ее в своих показаниях. Следователь, видя убийственность ЭТИХ показаний для обвинения, так записала их в протокол, что трудно было понять смысл сказанного Степановым.

Именно в то время, когда следствие по делу Лизенгласса и его матери шло к печальному для них финалу, ко мне обратился старый друг нашей семьи Евгений Александрович Мравинский с просьбой взять на себя защиту его оркестранта. Причин отказываться у меня не было, и я активно включился в процесс. Ознакомившись с материалами дела, я сразу увидел, что оно шито белыми нитками. Было подано ходатайство о проведении целого ряда следственных действий, которые неизбежно должны были разрушить обвинение. С этим ходатайством я дошел до самого прокурора Ленинграда, который вроде бы согласился с некоторыми из моих доводов и дал указание провести повторную экспертизу. Выполнить-то это указание следователь выполнил, но эксперт подобрал «ручного», добросовестно отработавшего «заказ» следствия. После этого никакие мои усилия не могли помешать передаче дела в суд. Судебные заседания по делу проходили в одном из районных судов Ленинграда, в довольно большом зале, до отказа набитом публикой — в основном, нашими «болельщиками» из числа музыкантов. Судьи: крупный и вальяжный мужчина — председательствующий, народные заседатели — две тетеньки бальзаковского возраста из совслужащих. Безликая и почти безгласная женщина-прокурор и мы с коллегой, одним из самых известных в городе адвокатов, защищавшим мать Лизенгласса. На скамье подсудимых «мошенники»: маленький, щуплый Лизенгласс и его мать, старушка за 70. Несколько в стороне, но тоже на первой скамейке расположилась «потерпевшая» Коваль, импозантная дама не первой молодости в кримпленовом костюме. На судейском столе тома дела и пресловутая скрипка в футляре — вещественное доказательство. С самого начала процесса стало ясно, что суд не будет правым и справедливым. Судья взял на себя функции прокурора и все две недели, в течение которых шли заседания, исправно их исполнял. Все, что мог делать судья для торжества обвинения, делалось: снимались вопросы адвокатов, отклонялись ходатайства защиты, показания свидетелей диктовались секретарю для записи в самой неблагоприятной для подсудимых форме. Судья, в частности, не дал мне возможности спросить Коваль, почему в своем первом заявлении в милицию она не упоминала о наиболее бросающихся в глаза особенностях своей скрипки. О наиболее ярких проявлениях судейской предвзятости я еще расскажу. Свидетель Степанов в суде описал все события в тот вечер, когда Лизенгласс играл в доме Коваль, и уверенно заявил, что виденная им тогда скрипка ничем не отличается от той, которую ему показывают сейчас. Стало ясно — Коваль лжет. Судью это не устраивало, и он всячески старался запутать свидетеля. Степанов — старый человек — очень волновался и один раз перепутал в показаниях право

и лево в словесном описании скрипки. Это обстоятельство, само по себе для существа дела никакого значения не имевшее, позволило суду вообще отмахнуться от показаний Степанова. Я уж не говорю о том, что его показания были искажены в протоколе судебного заседания, замечу лишь, что замечания защиты на протокол по этому вопросу были отклонены судьей, как «недостоверные». Одно из наших ходатайств суд все же удовлетворил: была назначена дополнительная экспертиза скрипки в составе пяти человек, но состав комиссии был впечатляющим — помимо участвовавшего в следствии товароведа, в нее были включены люди, либо имеющие отдаленное отношение к исследуемым проблемам, например баянист, либо легко управляемые. Нам удалось отстоять только одну из предложенных защитой авторитетных кандидатур. Забегая вперед, скажу, что этот единственный специалист отказался подписать неблагоприятный для подсудимых акт экспертизы и дал свое отдельное заключение, в котором утверждал, что описанная Коваль скрипка — фантазия, что на таком инструменте, даже если бы его кто-то сделал в качестве курьеза, нормально играть было бы невозможно. Естественно, от этого мнения суд просто отмахнулся. Но это еще, как говорится, цветочки, интереснее было со свидетелями обвинения. Коваль привела в суд нескольких родственников и знакомых, которые в один голос подтверждали, что видели у нее в прошлом скрипку с необычными эфами и даже другого цвета, совершенно не похожую на ту, которую ей вернул Лизенглас. Показания их совпадали почти слово в слово, что наглядно демонстрировало любому непредвзятому наблюдателю их заученность. Суд благосклонно внимал этим свидетелям, как вдруг... Близкая приятельница Коваль заявила суду, что ее замучила совесть, на следствии она по просьбе подруги показала неправду про якобы известные ей особенности скрипки. На самом деле она никогда скрипку не рассматривала и ничего об ее особенностях не знает. Она продемонстрировала суду написанную для нее Коваль шпаргалку с записью того, что надо говорить в суде. Свидетельница объяснила дачу ложных показаний на следствии тем, что Коваль убедила ее помочь разоблачить подменившего скрипку жулика, а сделать это без рассказа о необычных признаках инструмента невозможно. Свидетельница поведала суду, что уже после визита к следователю она вспомнила о случае, когда Коваль обвинила ее саму (подругу!) в краже браслета, который вскоре нашелся. По ее мнению, Коваль вообще по характеру очень подозрительный человек.

Эти показания вызвали эффект разорвавшейся бомбы. Судья очень болезненно отреагировал на них и предпринял много усилий, чтобы заставить свидетельницу признать, что она на следствии говорила

правду, а здесь, в суде, лжет, что кто-то подговорил ее дать показания в пользу Лизенгласса. Тщетно! Более того, ее сын, также вызванный в качестве свидетеля, косвенно подтвердил показания матери. Но все это никак не повлияло на суд, нашедший прекрасный выход из положения: вместе с приговором было вынесено определение о привлечении этой свидетельницы к уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Каких показаний — думаю, читатель легко догадается: конечно же, тех, которые она дала в суде. Для того чтобы это решение не выглядело бы уж совсем одиозным, ее показания в протоколе судебного заседания были записаны без многих важных деталей. Не могу не сказать, что для этой свидетельницы все кончилось хорошо: видимо, чтобы не ворошить скользкое дело Лизенгласса, следствие о даче ею ложных показаний сразу же было прекращено, ее даже ни разу никуда не вызывали. Другой характерный эпизод: Коваль четко называла дату домашнего концерта, после которого она дала скрипку Лизенглассу. Сама по себе эта дата никакого значения не имела, так как подсудимый не отрицал факта получения скрипки. Однако эта дата приобрела колоссальное значение для проверки правдивости свидетелей обвинения. Мы знали, что Коваль ошибается в этой дате, поскольку в названный ею вечер Лизенгласс был занят на концерте в Филармонии и быть у нее не мог. Как я уже говорил, приглашенные Коваль свидетели «все пели с ее голоса» и называли ту же дату, что и она. Если бы мы сразу показали суду, что в указанный ими день этого не могло быть, они могли перестроиться, объяснить ошибку плохой памятью и тем свести на нет нашу попытку разоблачить обман. Поэтому я избрал способ допроса свидетелей, который называю «методом завлечения». Выясняются детали интересующего меня события, вплоть до мельчайших, свидетелю предлагается назвать причину, по которой он так хорошо запомнил эти детали в частности, дату. Свидетель, гордый своей сообразительностью, объясняет, что он точно запомнил день недели (в нашем случае воскресенье), потому что именно в этот день он ездил за город кататься на лыжах, и победоносно смотрит на адвоката, мол, съел! Тогда задается еще вопрос: «Не перепутали ли Вы дату, ведь кататься на лыжах можно было и в другое воскресенье?» Окончательно уверовав в тупость адвоката, задающего такие самоубийственные вопросы, свидетель добывает его окончательно: «В ту зиму это был мой единственный выезд на лыжах, и я прекрасно помню, что домашний концерт у Коваль состоялся именно в тот день». Смущенный адвокат понимает, что проиграл, и прекращает допрос. Такая же картина и с другими свидетелями, только событие происходило не в день лыжной прогулки, а придумывают что-то другое, например именины любимой тетушки, дату которых перепу-

тать невозможно. Видно, что эти свидетели серьезно готовились к допросу защитой и загодя придумали объяснение своей феноменальной памяти на даты. Закрепив таким образом категорическое утверждение свидетелями неверной даты события, адвокат встает и скромно просит суд приобщить к делу справку Филармонии о том, что в этот день Лизенглас был занят в вечернем концерте. Что тут началось! Судья объявляет перерыв до следующего дня, посылает в Филармонию саму Коваль (!!!) и народных заседателей, чтобы проверить список участников концерта в интересующий нас день. Проверка подтверждает: Лизенглас не мог быть у Коваль в то воскресенье. Казалось бы, лжесвидетельство очевидно, факт сговора Коваль с ее свидетелями налицо... но судья оправляется от шока, и процесс с явно обвинительным уклоном продолжает катиться дальше. Впоследствии, в приговоре, нет ни слова об уличенных в обмане свидетелях, только дата события — получения Лизенгласом у Коваль скрипки — называется не определенно, а с добавлением слова «приблизительно». Одним из краеугольных камней обвинения был основанный на заключении экспертизы тезис о том, что возвращенная Лизенгласом скрипка для игры непригодна (читатель помнит, что при первом дознании Лизенглас играл на ней, но об этом постарались забыть). Скрипка — вещественное доказательство, — как и положено, все время процесса хранилась в суде. Лизенглас много раз обращался к суду с просьбой дать ему ее в руки, чтобы продемонстрировать возможность играть на ней, но судья неизменно отказывал, ссылаясь на то, что если эксперты так говорят, значит, ясно, что играть на ней невозможно. Разрешили ее поддержать только одному из экспертов, который с важным видом стал объяснять всем собравшимся, что скрипка в нерабочем состоянии.

Именно в этот момент неожиданно из первого ряда публики поднялась женщина (она, как и эксперт, была скрипачкой оркестра Мариинского театра) и со словами: «дай-ка ее сюда!» властным движением забрала у растерявшегося эксперта скрипку. Судья не успел опомниться, как она, лишь бросив взгляд на гриф скрипки, торжествующе сказала: «Ничего удивительного, тут переставлены струны, кто это постарался? Надо поставить их на место, и все будет в порядке». В зале поднялся шум, судья с перекошенным лицом начал стучать кулаком по столу и угрожать смелой женщине тюрьмой «за хулиганство в зале суда». Она же повернулась к эксперту и вернула ему скрипку, сказав при этом: «Как тебе не стыдно!». Много подобных эпизодов можно было бы вспомнить, но, наверное, достаточно и описанных. Надо сказать, что нас всех интересовал вопрос: откуда Коваль взяла свое описание скрипки? Неужели у нее такая богатая фантазия? Долго нико-

му ничего не приходило в голову, но однажды — процесс уже подходил к концу — жена сказала мне: «Знаешь, по-моему, в романе Виноградова «Осуждение Паганини» что-то было о скрипках необычной формы». Достаяю с полки эту читанную в незапамятные времена книгу, листаю и... нахожу описание экспериментов Паганини с разного рода необычными скрипками, в том числе и с дополнительными эфами. В своей защитительной речи я это использовал, дал суду и книгу для ознакомления, но все было бесполезно. ...

Суд признал Лизенгласса виновным и приговорил к четырем годам лишения свободы, он был арестован в зале суда. Его мать тоже осудили, правда, условно. Почти три года он провел в тюрьме, колонии и на «стройках народного хозяйства» до условно-досрочного освобождения. Скрипач, которому для поддержания формы необходимо ежедневно по несколько часов играть, был отлучен от инструмента на долгие три года...

Хочется рассказать еще об одном, связанном с делом Лизенгласса, эпизоде, ярко иллюстрирующем способность наших органов прятать концы в воду. По приговору суда с осужденных в пользу Коваль была взыскана денежная компенсация — определенная экспертами стоимость ее «подмененной» скрипки, кстати, весьма незначительная, что вызвало ее неудовольствие. Она-то ведь рассчитывала получить крупную сумму. Та же скрипка, которая фигурировала в суде, была конфискована в пользу государства, и в соответствии с существующим порядком ее после вступления приговора в законную силу должны были передать на реализацию в комиссионный магазин. Я хотел выкупить эту скрипку, чтобы впоследствии при обжаловании приговора в порядке надзора иметь в руках важное вещественное доказательство невиновности Лизенгласса. Заведующая канцелярией и многие другие технические работники суда с большим сочувствием относились к подсудимым и искренне возмущались творимым по отношению к ним произволом. Поэтому мне не стоило большого труда договориться, чтобы мне сообщили, когда и куда будет сдана эта скрипка. Однажды мне позвонили из суда и сказали, что судебный исполнитель повез скрипку в Апраксин двор — там находится известный в городе комиссионный магазин музыкальных инструментов. Я через полчаса приехал туда и узнал, что скрипка сразу после оформления была продана какому-то мужчине, который как будто ждал ее. Думаю, комментарии здесь не требуются...

Мне осталось только сказать, что я с жалобами на приговор по делу Лизенгласса прошел все существовавшие судебные и прокурорские инстанции, и все тщетно. Работой своей по этому делу я мог быть доволен, а результатом — нет. К сожалению, так бывает в нашей профессии, только далеко не все это понимают.

Елизарова Н.В.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело ЖСК «СТАРТ»¹
(Выселение из дома ЖСК)

Краткое содержание дела: в 1969 году был расторгнут брак между супругами Соковыми.

В 1970 году Е.И. Соков вступил в ЖСК «Старт» и занял однокомнатную квартиру, а З.И. Сокова с семьей своей дочери — двухкомнатную квартиру в ЖСК «Стальпроект».

В 1973 году они переехали в четырехкомнатную квартиру в том же ЖСК.

В апреле 1976 года умирает член ЖСК «Старт» Е.И. Соков. После его смерти З.И. Сокова вселяется в квартиру и подает заявление о приеме ее в члены ЖСК «Старт». Решением общего собрания ей в этом было отказано.

В августе 1976 года ЖСК «Старт» обратился в суд с иском о выселении З.И. Соковой.

Сокова предъявила встречное требование о признании за ней права на жилую площадь, ссылаясь на то, что она проживала на спорной площади как член семьи умершего, находилась на его иждивении и является наследницей.

Решением народного суда от 24 сентября 1976 г. ЖСК «Старт» в иске было отказано и удовлетворен встречный иск З.И. Соковой о признании права на жилую площадь.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 октября 1976 г. решение народного суда было отменено и дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Публикуемая речь произнесена в суде первой инстанции.

Речь адвоката Н.В. Елизаровой:

Уважаемые товарищи судьи!

В течение двух дней мы слушали дело по иску ЖСК «Старт» к Соковой о ее выселении из однокомнатной квартиры и по ее встречному

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=7>

иску о признании права на жилую площадь. Оно уже рассматривалось в народном и городском судах. Дело приобрело известную сложность вследствие множества фактов и обстоятельств, обосновывающих предъявленные иски, а также противоречивости подлежащих оценке доказательств.

В течение двух дней состав суда исследовал материалы дела: допрашивал стороны и свидетелей, изучал документы, представленные в подтверждение исковых требований и возражений. Судебное разбирательство закончено, и я как представитель истца могу утверждать правильность, законность и обоснованность принципиальной позиции ЖСК «Старт».

В апреле 1976 года умер член кооператива Соков. На его однокомнатную квартиру стала претендовать бывшая жена Сокова, которая просила принять ее в члены ЖСК по тем мотивам, что проживала вместе с Соковым, была членом его семьи и является наследницей умершего и поэтому приобрела право на жилую площадь. В июле 1976 года общим собранием членов кооператива ей было отказано в этом. Так возник настоящий судебный спор.

Действительно, п. 24 Примерного устава ЖСК, утвержденного Советом Министров РСФСР 2 октября 1965 г., определяется преимущественное право на вступление в ЖСК и право на пользование кооперативной жилой площадью членом семьи умершего пайщика и наследников по закону или по завещанию, пользовавшихся помещением при его жизни. Но именно эти обстоятельства не были доказаны Соковой на общем собрании членов кооператива и не подтвердились в судебном заседании.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, отменяя первоначальное решение, вынесенное в пользу Соковой, в определении от 26 октября 1976 г. обратила внимание народного суда на неправильное применение закона, в частности ст. 306 ГК РСФСР: суд первой инстанции применил закон, не подлежащий применению.

Очень важным является и другое обстоятельство, вытекающее из определения Судебной коллегии: материалы дела противоречат выводу суда о том, что Сокова являлась членом семьи умершего. Однако никаких новых фактов или новых доказательств, подтверждающих обоснованность требований по встречному иску, при новом рассмотрении дела представлено не было.

Обратимся к закону, определяющему понятие, члена семьи нанимателя. В статье 301 ГК РСФСР, подлежащей применению к жилищно-кооперативным отношениям по аналогии, указано: «К членам семьи

нанимателя относятся супруг нанимателя, дети и родители. Другие родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство».

Очевидно, что этот перечень лиц, указанных в законе, является исчерпывающим и другого юридического понятия членов семьи, кроме указанного в ст. 301 ГК РСФСР, наше право не знает. Поэтому трудно согласиться с доводами ответчицы, разрушившей семью при жизни Сокова, по собственной инициативе расторгнувшей брак, прекратившей всякие отношения с бывшим мужем.

К настоящему делу приобщено дело о расторжении брака Соковых. Оно содержит важные для понимания истинных целей настоящего судебного спора Соковой материалы, раскрывающие ее действительные взаимоотношения с умершим членом кооператива, объясняющие непоследовательную оценку очевидных фактов в зависимости от меняющихся обстоятельств жизни.

В исковом заявлении о расторжении брака, подписанном Соковой, ею указаны мотивы прекращения семейных отношений: систематические скандалы, драки, пьянство, оскорбления человеческого достоинства. В заявлении говорится и о том, что супруги совместной жизнью не живут и находятся в разных комнатах. Аналогичные показания Соковой отражены в протоколе судебного заседания. По-видимому, ответчик не оспаривал мотивы расторжения брака, и суд пришел к выводу, что семью восстановить невозможно. Решением народного суда от 8 апреля 1969 г. брак был расторгнут. В 1970 году расторжение брака зарегистрировано в органах записи актов гражданского состояния. С этого времени Сокова не являлась супругой члена кооператива, умершего в 1976 году.

Граждане судьи! Обращаю ваше внимание на следующее; изложенные факты установлены вступившим в законную силу судебным решением и сегодня суд должен исходить из того, что эти факты имели место в действительности. Они не могут быть опровергнуты в данном судебном заседании с помощью показаний свидетелей или каких-либо других доказательств, как не могут быть приняты во внимание объяснения Соковой, что ее иск о расторжении брака — это «порыв души», или «желание погугать супруга», или стремление вообще использовать «воспитательные» меры воздействия. Именно Сокова расторгла брак.

С таких позиций было бы излишним анализировать в этой части показания свидетелей по делу, поскольку опровержение фактов, установленных вступившим в законную силу решением суда, не допускает-

ся (ст. 208 ГК РСФСР). Позвольте, однако, отметить, что в судебном заседании со стороны Соковой и ее свидетелей явно обнаруживалась подмена юридического понятия «супруга» фактом состояния в фактических брачных отношениях. Это никого не должно ввести в заблуждение, поскольку в ст. 6 КоБС РСФСР указывается, что законом «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния». Фактические супружеские отношения лиц не порождают никаких юридических последствий. Следовательно, Сокова не может быть признана членом семьи нанимателя как супруга, поскольку не состояла с умершим в зарегистрированном браке.

Однако ст. 301 ГК РСФСР к лицам, которые могут быть признаны членами семьи, относит также нетрудоспособных иждивенцев, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство.

Иждивенцем может быть признано нетрудоспособное лицо, для которого заработок умершего являлся единственным или основным источником существования.

По запросу суда получена и приобщена к делу справка органов социального обеспечения, указывающая, что Сокова получает пенсию по старости в размере 91 руб. в месяц. Кроме того, Сокова не отрицает, что все эти годы она работала и ее заработок составлял 100 руб. Общий доход Соковой был не меньше дохода бывшего мужа.

При изложенных обстоятельствах сомнительным представляется факт иждивения Соковой и тем более факт ведения общего хозяйства с умершим членом кооператива.

Сокова не может быть признана иждивенцем умершего, поскольку получала пенсию и работала.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. указано, что преимущественное право на вступление в ЖК и сохранение права на пользование жилым помещением имеют наследники, пользовавшиеся помещением при жизни наследодателя.

По запросу суда получено и приобщено к делу завещание, составленное Е.И. Соковым в 1971 году в пользу дочери Сокова на паенакопления в ЖК «Старт».

Ответчица в подтверждение своих требований представила заявление дочери, адресованное в суд, об отказе от наследства.

Это заявление не может быть принято во внимание по ряду причин. Прежде всего такие заявления адресуются не в суд, а в нотариальную контору. Кроме того, существуют определенные сроки и круг лиц, в отношении которых может быть совершен отказ от наследства (ст. 550 ГК РСФСР).

Заявление датировано 11 декабря 1976 г., т.е. пропущен срок, установленный законом. Кроме того, З.И. Сокова не является наследницей ни по закону, ни по завещанию и в пользу ее не может быть совершен отказ от наследства.

З.И. Сокова не является наследницей умершего и не имеет преимущественного права на вступление в ЖСК.

В Примерном уставе ЖСК указано, что в члены кооператива принимаются лица, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. З.И. Сокова не нуждается в улучшении жилищных условий, она обеспечена жилой площадью.

По-видимому, чтобы усилить свою позицию, после пересмотра дела в кассационной инстанции Сокова расширяет круг свидетелей. К участию в деле привлечены родные и друзья ответчицы, посторонние и заинтересованные лица, проживающие в ЖСК «Старт» и переехавшие с другого конца города, что-то знающие об обстоятельствах дела, и даже те, для которых источником информации была сама Сокова. Показания этих свидетелей противоречивы, в этом мы убедились в течение двух дней судебного разбирательства. С определенной долей уверенности можно сказать, что всех их объединяло стремление помочь Соковой получить квартиру в ЖСК «Старт», но свидетель обязан говорить суду только правду и только то, что ему известно по делу.

Показания свидетелей касаются последних лет жизни Сокова, а именно 1975–1976 гг. Можно допустить, что ответчица о этот период часто приезжала к Сокову, привозила к нему внучку, тем более что в 1976 году стало ясно, что Соков неизлечимо болен. Но эти факты не подтверждают обоснованности встречного иска.

Мы располагаем письменными доказательствами, бесспорными и объективными, чтобы сделать заключение об отсутствии у З.И. Соковой преимущественного права на вступление в члены ЖСК.

Я прошу удовлетворить требования ЖСК «Старт» о выселении З.И. Соковой и отказать ей во встречном иске о признании права на жилую площадь.

* * *

Решением народного суда иск ЖСК «Старт» о выселении был удовлетворен, во встречном иске отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда оставила решение без изменения.

Забела В.А.

Адвокат Коллегии адвокатов Литовской ССР

Дело В. Пятраускене¹

(О недействительности договора дарения)

Краткое содержание дела: Вероника Пятраускене подарила принадлежавший ей на праве личной собственности жилой дом гр-ке Даунене.

Через три года Вероника Пятраускене умерла. После ее смерти осталась удочеренная ею 14-летняя Виолетта Пятраускайте, воспитывавшаяся в школе-интернате. Муж покойной Вероники — А. Пятраускас несколько лет с семьей не жил и практически ни о Виолетте, ни о ее приемной матери не заботился.

Руководство школы-интерната, считая, что приемная мать их воспитанницы подарила жилой дом, находясь в болезненном состоянии, обратилось в народный суд с ходатайством о признании заключенного Вероникой Пятраускене договора дарения недействительным. А. Пятраускас был привлечен к участию в деле в качестве истца.

Народный суд в иске отказал. Это решение истец — А. Пятраускас и школа-интернат обжаловали в Верховный Суд Литовской ССР.

Речь адвоката В.А. Забела:

Товарищи члены Судебной коллегии!

Я считаю, что народный суд принял по рассматриваемому вами делу незаконное и необоснованное решение, и поэтому прошу его отменить и дело направить на новое рассмотрение.

Решение является незаконным потому, что при рассмотрении дела в народном суде были допущены нарушения процессуальных прав истца, которые должны повлечь за собой отмену решения.

Решение народного суда является необоснованным потому, что оно было принято без полного и всестороннего выяснения действительных обстоятельств дела.

Прежде всего я хотел бы обратить внимание Судебной коллегии на те мотивы, по которым считаю решение народного суда незаконным, а именно на нарушение процессуальных прав истца.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=4>

С иском заявлением в народный суд обратилась школа-интернат, в которой учится Виолетта Пятраускайте. Поскольку школа-интернат в данном случае не может выступать в суде как законный представитель Виолетты Пятраускайте, народный суд привлек к участию в процессе в качестве истца по данному делу приемного отца Виолетты — А. Пятраускаса.

Последний, а также адвокат, представлявший его интересы, приняли участие в процессе, однако рассмотрение дела тогда было отложено. При вторичном рассмотрении дела истец и его представитель участия в процессе не принимали.

Из имеющихся в деле данных видно, что судебная повестка истцу лично не была вручена. Следовательно, суду не было известно, информированы ли истец и его представитель о дате рассмотрения дела, а также о причинах их неявки в судебное заседание. При таких обстоятельствах народный суд, руководствуясь ст. 181 ГПК Литовской ССР, должен был отложить рассмотрение дела. Народный суд не сделал этого и тем самым нарушил ст. 33 ГПК Литовской ССР о том, что представителями несовершеннолетних в возрасте до 15 лет в суде могут быть их родители, усыновители и опекуны.

В исковом заявлении содержалась также просьба вызвать в судебное заседание в качестве свидетелей трех человек, общавшихся с Вероникой Пятраускене. Эти люди могли осветить поао подлинные обстоятельства дела, рассказать о личности покойной, об образе ее жизни, помочь разобраться в том, почему она подарила жилой дом малознакомой ответчице. Однако свидетели, о вызове которых ходатайствовал истец, в суд не были вызваны. Таким образом, суд нарушил предусмотренное ст. 31 ГПК право истца доказывать обоснованность своих исковых требований.

Общезвестно, что правильное по существу решение суда не может быть отменено по одним лишь формальным соображениям. В то же время нарушение норм процессуального права является основанием к отмене решения суда, если это нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела. В данном случае налицо именно это обстоятельство.

В деле не участвовал законный представитель Виолетты Пятраускайте, не были опрошены свидетели и, по существу, суд не предоставил возможность, доказывать обоснованность предъявленного иска, а потому и не располагал достаточными данными для правильного разрешения дела.

Товарищи члены Судебной коллегии! Только указанные процессуальные нарушения, допущенные народным судом при рассмотрении

данного дела, дают вам право на основании п. 4 ст. 336 ГПК Литовской ССР отменить обжалованное решение.

Однако не только процессуальные нарушения дают основания говорить о необоснованности принятого народным судом решения.

Народный суд оставил иск без удовлетворения по следующим мотивам: 1) жалобы по вопросу признания договора дарения недействительным дважды рассматривались органами прокуратуры, которые не нашли оснований к возбуждению гражданского дела; 2) из приобщенных материалов расследования якобы видно, что дарительница Вероника Пятраускене в момент заключения договора дарения была дееспособна и договор не был заключен под влиянием заблуждения или обмана.

Таким образом, одним из мотивов отказа в удовлетворении иска судом явился отказ прокуратуры возбудить гражданское дело о признании договора дарения недействительным. Народный суд расценил отказ прокуратуры возбудить гражданское дело как неоспоримое доказательство, как факт, имеющий преюдициальное значение. Суд не исследовал даже данные, на основании которых прокуратура отказала в возбуждении гражданского дела. Он исходит из предположения, что прокурор установил отсутствие оснований к возбуждению гражданского дела, и из этого делает вывод и об отсутствии оснований к удовлетворению иска.

С таким обоснованием решения народного суда согласиться нельзя. В законе не установлено, что отказ прокурора в возбуждении гражданского дела является доказательством в смысле ст. 57 ГПК Литовской ССР, тем более имеющим преюдициальное значение.

В этом деле чрезвычайно важно выяснить, была ли покойная Пятраускене в момент заключения ею договора дарения дееспособна?

Народный суд указал, что Вероника Пятраускене в тот момент была дееспособна. Его вывод основывается на письме психоневрологической больницы, из которого явствует, что психоневрологическая больница не может ответить, с какого времени В. Пятраускене была больна и являлась ли она дееспособной в исследуемый нами момент, поскольку не располагает точными анамнестическими данными о болезни В. Пятраускене.

У народного суда не было никаких оснований сделать из этого документа вывод о дееспособности покойной при заключении договора дарения.

Следовательно, для определения степени расстройства психики Вероники Пятраускене, ее психического состояния в момент заключения договора дарения требуются дополнительные данные.

Народный суд обязан был потребовать от истца дополнительные данные, необходимые для решения возникшего спора, или собрать их по собственной инициативе.

Возникают вопросы, имеются ли в деле помимо цитированного документа еще какие-либо материалы, дающие основания для сомнения в психической полноценности Вероники Пятраускене, была ли возможность собрать дополнительные данные, которые позволили бы психиатрам прийти к заключению о ее психическом состоянии в момент заключения договора дарения.

Во-первых, в деле имеется выписка из истории болезни, из которой видно, что Вероника Пятраускене находилась на излечении в психоневрологической больнице. Тогда у нее было установлено атеросклеротическое слабоумие. При таком заболевании она была неспособна сосредоточить внимание, не знала возраста дочери. Этой болезнью она страдала уже около двух лет, т.е. в период заключения оспариваемого договора. Уже эти факты позволяют предполагать, что В. Пятраускене была больна тяжелой болезнью и в момент заключения договора дарения. Народный суд не дал оценки этим данным.

Во-вторых, имеется выписка из амбулаторной карточки Вероники Пятраускене, из которой явствует, что за несколько месяцев до заключения договора она была направлена на консультацию к невропатологу по поводу ослабления памяти. Такое заслуживающее внимания обстоятельство также, несомненно, может быть учтено психиатрами.

В-третьих, из объяснений граждан, близко знавших покойную, видно, что сомнения в ее психической полноценности возникали уже давно: она была неспособна себя обслуживать, не находила дороги из магазина домой, не узнавала соседей.

Полагаю, что эти анамнестические данные о состоянии здоровья дарительницы, приведенные в объяснениях граждан, а также содержащиеся в выписках из истории болезни и амбулаторной карточке, явятся для экспертов-психиатров достаточным основанием для вывода о ее психическом состоянии в момент заключения договора дарения.

При наличии в деле таких данных вывод народного суда о дееспособности Вероники Пятраускене вызывает серьезные сомнения. Для выяснения подлинных обстоятельств дела в данном случае требовались специальные медицинские познания. Суд на основании ст. 87 ГПК Литовской ССР должен был назначить по делу судебно-психиатрическую экспертизу для установления психического состояния Вероники Пятраускене в период подписания ею договора дарения.

Народный суд не сделал этого и, следовательно, не выполнил требований ст. 15 ГПК о полном и всестороннем выяснении действительных обстоятельств дела, вследствие чего принял необоснованное решение.

Изложив мотивы, по которым я считаю решение народного суда и незаконным, и необоснованным, я мог бы на этом закончить свои объяснения, однако считаю необходимым коснуться и возражения ответчицы на иск. Она утверждает, что жилой дом был подарен ей с условием пожизненного содержания В. Пятраускене. Поскольку последняя уже умерла, обязательства ответчицы на этом закончились, и договор дарения не может быть аннулирован.

Если бы было доказано, что в действительности был заключен договор об отчуждении имущества с условием пожизненного содержания, а в суде выяснилось бы, что он совершен с недееспособным гражданином, то и в этом случае договор должен был бы быть признан судом действительным.

В статье 50 ГК Литовской ССР указывается, что сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия, недействительна.

Следовательно, возражение ответчицы о том, что договор уже выполнен и сейчас не может быть признан недействительным, необоснованно.

Резюмируя сказанное, прошу кассационную жалобу удовлетворить, обжалованное решение на основании пп. 1 и 4 ст. 336 ГПК Литовской ССР отменить и дело направить в народный суд на новое рассмотрение.

* * *

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Литовской ССР решение народного суда было отменено, и дело направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд признал недействительным договор дарения дома, заключенный между В. Пятраускене и П. Даунене. Право собственности на спорный дом было признано за Виолеттой Пятраускайте как наследницей В. Пятраускене.

Это решение вступило в законную силу.

Игнатова С.В.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело М.С. Колина¹
(О восстановлении на работе)

Краткое содержание дела: М.С. Колин, водитель одного из автокомбинатов Мосстройтранса, был уволен с работы по п. 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР. Колин обратился в суд с иском о восстановлении на работе. Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката. Дважды народный суд выносил решение об отказе в иске. После отмены второго решения дело было принято к производству Московского городского суда.

Речь адвоката С.В. Игнатовой:

Уважаемые товарищи судьи!

Дело по иску М.С. Колина к автокомбинату Мосстройтранса о восстановлении на работе рассматривается в судебных инстанциях в пятый раз. Суды первой и второй инстанций подвергали сомнению выводы врачебно-трудовой экспертной комиссии о возможности использования истца в должности водителя. Это свидетельствует, с одной стороны, о внимании органов советского правосудия к судьбе рабочего, с другой — о сложности дела.

Приказом от 23 июня 1976 г. М.С. Колин уволен с работы по п. 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР за систематический отказ от выполнения служебных обязанностей и приказов начальника автокомбината без уважительных причин.

Как известно, увольнение по п. 3 ст. 33 КЗоТ допустимо при систематическом неисполнении работником без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или Правилами внутреннего трудового распорядка, если к рабочему или служащему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания.

В соответствии со ст. 213 КЗоТ РСФСР при рассмотрении спорного трудового правоотношения необходимо прежде всего выяснить законность основания увольнения истца и не был ли нарушен при этом установленный порядок увольнения.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=2>

Представляя интересы М.С. Колина, я не оспариваю утверждений ответчика о том, что истец неоднократно (16, 20 и 21 июня 1976 г.) отказывался работать водителем самосвала. Однако, налагая на него дисциплинарные взыскания и применяя к нему крайнюю меру — увольнение, администрация не проверила уважительность причин, по которым истец отказывался от работы.

Представитель ответчика в судебном заседании утверждал, что до увольнения истец не заявлял о своей болезни. Но это опровергается материалами дела. В нем есть протокол заседания администрации автокомбината и местного комитета профсоюза от 22 июня 1976 г., в котором записано выступление истца: «На самосвале работать не могу по состоянию здоровья, поскольку физический труд мне запрещен врачами. Прошу меня не увольнять».

В судебном заседании истец показал, что кроме вождения автомобиля он был вынужден выполнять работу, не обусловленную трудовым договором (работать как грузчик, очищать кузов самосвала от остатков грунта и бетона). Из выписки из истории болезни М.С. Колина видно, что ему произведена операция — резекция желудка, он неоднократно лечился в больницах, в последний раз за месяц до увольнения.

При таких обстоятельствах отказ истца от работы следует признать уважительным. Пункт 224 Правил техники безопасности для предприятий автомобильного транспорта, утвержденных Президиумом ЦК профсоюза рабочих автомобильного транспорта и шоссейных дорог 14 марта 1972 г., гласит, что если водитель при тех или иных работах ставится в условия, опасные для жизни и здоровья, он обязан немедленно приостановить работу и сообщить об этом администрации, что и сделал М.С. Колин.

В нарушение п. 182 подп. «д» и «е» Правил дорожного движения, утвержденных приказом Министерства внутренних дел СССР от 25 августа 1972 г., администрация комбината не направила Колина на повторное медицинское освидетельствование для определения возможности использования его в качестве водителя самосвала. Лишь по инициативе Московского городского суда он был вновь направлен на водительскую врачебно-трудовую экспертизу, по заключению которой ему противопоказана работа, связанная с физическим напряжением и подъемом тяжестей.

Ответчик утверждает, что работа истца не была таковой, поскольку согласно п. 67 Устава автомобильного транспорта «после выгрузки автомобиля и контейнеры должны быть очищены грузополучателем от остатков груза».

Необходимо выяснить, действительно ли работа истца перед увольнением была сопряжена с физическим напряжением и подъемом тяжестей, с очисткой кузова самосвала. Только после этого с учетом состояния здоровья истца можно решить, уважительны ли были причины его отказа от работы.

Прежде чем перейти к анализу свидетельских показаний, хочу обратить внимание суда на следующее обстоятельство.

Согласно п. 247 Правил техники безопасности для предприятий автомобильного транспорта администрация грузоотправляющей (грузополучающей) организации обязана при погрузке и выгрузке обеспечить соблюдение правил, норм и требований охраны труда и техники безопасности, в том числе и выполнение п. 67 Устава автомобильного транспорта. Для правильного разрешения дела важно установить, делалось ли это.

Трудовой договор, как сказано в ст. 15 КЗоТ РСФСР, есть соглашение между трудящимся и предприятием, по которому трудящийся обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности, а предприятие — обеспечить условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон.

Из показаний свидетелей видно, что в автокомбинате для работы водителей самосвалов не были созданы надлежащие условия, они вынужденно выполняли не обусловленные трудовым договором работы, в частности очищали кузов от остатков груза. Грузополучатели же не выполняли обязанностей в этой части. Так в работе водителей самосвалов создавались дополнительные трудности, являвшиеся одной из причин текучести кадров.

Свидетели показали:

Василенко: Грузополучатели не давали людей для очистки кузовов машин, мы сами выполняли работу грузчиков.

Жгиров: Зимой смерзшийся песок приходится отбивать кувалдой; летом на 8-тонной машине остается по 1,5 т песка, очищаем кузов сами.

Логинов: Очень тяжело очищать кузов от остатков грунта.

Представитель ответчика не отрицал также, что бетон при транспортировке застывает в кузове и шофер вынужден брать отбойный молоток и сбивать его.

Таким образом, показания свидетелей опровергают утверждения ответчика о выполнении п. 67 Устава автомобильного транспорта и условий трудового договора. Следовательно, М.С. Колину приходилось выполнять работы, связанные с физическим напряжением и подъемом

тяжестей, хотя ему, по заключению медицинской комиссии, это противопоказано.

Неисполнение работником трудовых обязанностей по причинам, от него не зависящим, например по состоянию здоровья или ввиду неисполнения администрацией условий трудового договора, не может быть основанием для увольнения, так как отсутствует вина работника. Причины отказа М.С. Колина от работы бесспорно уважительные.

По утверждению ответчика, истцу предлагали якобы перейти работать на автомобиле других марок, но в обоснование этого не приведено никаких доказательств.

Возражая против исковых требований, ответчик просит признать правильным увольнение М.С. Колина, так как на день увольнения администрация располагала заключением водительской комиссии о пригодности истца к работе без ограничений.

Однако, как известно, п. 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР имеет в виду уважительность причин неисполнения работником своих трудовых обязанностей.

Ответчик утверждает, что не был нарушен и установленный порядок увольнения М.С. Колина. Однако при его увольнении не соблюдены требования ст. 35 КЗоТ РСФСР: согласно записи в протоколе № 14 (л. д. 33) санкция на увольнение дана на совместном заседании администрации и местного комитета, т. е. в условиях, не исключающих возможности принятия необъективного решения.

Все эти обстоятельства подтверждают, что М.С. Колин уволен необоснованно и в нарушение установленного законом порядка.

В соответствии со ст. ст. 213 и 214 КЗоТ РСФСР прошу Московский городской суд восстановить М.С. Колина в должности водителя автокомбината и взыскать в его пользу средний заработок за время вынужденного прогула.

* * *

Решением Московского городского суда истец был восстановлен на прежней работе и в его пользу взыскан средний заработок за три месяца вынужденного прогула.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР оставила это решение без изменения, а кассационную жалобу автокомбината без удовлетворения.

Израхович М.Л.

Адвокат Московской областной коллегии адвокатов

Дело И.Г. Картузова¹ (Об установлении отцовства)

Краткое содержание дела: В.П. Караева предъявила иск к И.Г. Картузову о признании его отцом ее дочери Наталии, родившейся 6 марта 1974 г., и взыскании с него алиментов на содержание ребенка.

Решением народного суда иск был удовлетворен.

Московский городской суд оставил решение без изменения.

По протесту заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР Президиум Московского городского суда отменил решение и определение по делу, а дело передал на новое рассмотрение.

Речь адвоката М.Л. Израховича:

Уважаемые товарищи судьи!

Стороны никогда не состояли в зарегистрированном браке, и свой иск Караева основывает на ст. 48 КоБС РСФСР. При этом она ссылается лишь на совместное проживание с Картузовым до рождения ребенка и ведение с ним общего хозяйства.

Статья 48 КоБС РСФСР допускает возможность установления отцовства, а следовательно, и взыскания алиментов только в случаях, прямо указанных в законе, в частности при доказанности семейных отношений между матерью ребенка и ответчиком.

Это вытекает из п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», где сказано: «Совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка могут подтверждаться наличием обстоятельств, характерных для семейных отношений: проживание в одном жилом помещении, совместное питание, взаимная забота друг о друге, приобретение имущества для совместного пользования и т. п.».

Поэтому основным вопросом по данному делу является установление совместного проживания и ведение общего хозяйства Караевой и Картузовым в период зачатия и рождения ребенка, т.е. между

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=3>

30 мая — 5 июня 1973 г. и 6 марта 1974 года. Только при установлении этого обстоятельства Вы можете удовлетворить иск.

Истица указывает, что с мая 1969 года и до ухода ответчика в Советскую Армию в ноябре 1970 года она регулярно встречалась с ним, а с января 1970 года они проживали единой семьей.

Картузов, не отрицая близких отношений с Караевой в тот период, говорит, что приезжал к Караевой в гости 2–3 раза в неделю и иногда ночевал у нее, но зарплату Караевой не отдавал, привозил с собой «бутылку» и иногда покупал конфеты или фрукты. Жил он и в то время в заводском общежитии и Калининграде, где был прописан.

Соседи Караевой по квартире, свидетели Миронова и Михайлова, в основном подтвердили объяснения Караевой. Они показали, что Картузов ночевал у Караевой ежедневно или почти ежедневно, Караева готовила и стирала белье обоим, оплачивала коммунальные услуги и убирала места общего пользования за двоих, они вместе привезли кровать. Свидетели показали также, что Караева при переезде назвала Картузова своим мужем.

С точки зрения правовой этот период, май 1969 года — ноябрь 1970 года, не имеет значения для разрешения спора, поскольку ребенок Караевой был зачат в 1973 году и родился в 1974 году.

Караева утверждает, что после увольнения в запас Картузов приехал к ней и они продолжали совместную жизнь до 29 декабря 1973 г. 30 декабря утром он ушел на работу и не вернулся к ней. 6 марта 1974 г. она родила ребенка. Картузов не признавал ребенка своим, никакой помощи на его содержание не оказывал и ребенка не видел. Это указано в исковом заявлении.

В судебном заседании Караева изменила лишь дату окончания их совместной жизни, назвав август 1973 года. Она показала, что, узнав о ее беременности в августе или сентябре 1973 года. Картузов обрадовался этому и просил ее оставить ребенка.

Картузов полностью отрицает их отношения в тот период. Он утверждает, что после увольнения в запас поехал к матери в пос. Черкизово Пушкинского района Московской области, где прописался и жил, поступил на работу слесарем в Калининграде. В декабре 1972 года познакомился со своей настоящей женой и они стали встречаться, 12 декабря 1973 г. подали заявление в загс и 7 марта 1974 г. зарегистрировали брак. За весь этот период он приезжал к Караевой один раз — в декабре 1972 года, чтобы забрать свои письма и фотографии, но она не отдала их. Больше он Караеву до суда не видел.

В подтверждение своих утверждений Караева ссылается на показания своих соседей по квартире Мироновой и Михайловой.

Эти свидетели в общем-то подтвердили показания Караевой, но в оценке ими обстоятельств проживания Картузова в 1970 году и в 1973 году имеется противоречие.

Миронова и Михайлова показали, что в 1973 году Картузов был, как они его образно звали, «приходящим мужем», но в 1973 году Караева за Картузова места общего пользования не убирала и за коммунальные услуги за него не платила.

Никакого имущества, «совместно приобретенного», в этот период не было, и ни Караева, ни указанные свидетели его не называют.

Никаких личных вещей Картузова в комнате Караевой нет.

Оценивая объяснения Караевой, нельзя забывать о ее заинтересованности в исходе дела.

Миронова и Михайлова четыре года живут с Караевой в одной квартире, видят те трудности, с которыми сталкивается Караева, помогают ей, т. е. между ними и Караевой сложились тесные, дружеские отношения. Поэтому естественно, что, давая показания в суде, они стремятся помочь своей нуждающейся соседке. Этого нельзя не учитывать при оценке их показаний.

Однако по делу установлен ряд обстоятельств, которые опровергают объяснения Караевой и соответственно показания свидетелей Мироновой и Михайловой.

Б исковом заявлении Караева утверждает, что Картузов жил у нее постоянно до 29 декабря 1973 г., утром 30 декабря ушел на работу и не вернулся к ней.

В суде она заявила, что Картузов ушел от нее при тех же обстоятельствах, но в августе 1973 года.

Причину изменения этих показаний истица объяснить не смогла.

Не могут быть признаны достоверными показания Мироновой о проживании Картузова у Караевой летом 1973 года. Миронова показала, что летом она с внуком и больным мужем постоянно проживала на даче. Значит, июнь, июль и август Миронова в квартире не проживала, а следовательно, и не могла знать, жил ли там Картузов.

Караева, Миронова и Михайлова утверждают, что Картузов утром 30 декабря 1973 г. или в августе, ушел на работу и не вернулся к Караевой.

Возникает вопрос, где же личные вещи Картузова, человек, который живет в каком-либо месте, имеет там хотя бы смену белья, носки, бритву, зубную щетку.

Караева, Миронова и Михайлова удостоверили, что никаких вещей Картузова в комнате Караевой нет.

Позволю себе напомнить суду объяснения Караевой о том, что после его ухода в Советскую Армию в 1970 году его мать забрала у нее все

его личные вещи, а после увольнения в запас он вещи к Караевой не привозил. Эти объяснения Караевой подтвердили Миронова и Михайлова. Поэтому следует признать, что отсутствие вещей Картузова у Караевой опровергает утверждение истицы и ее свидетелей о его постоянном проживании у нее в тот период.

Объяснения Караевой, данные в судебном заседании, существенно отличаются от ее объяснений, данных врачу-гинекологу при проведении экспертизы 20 июня 1974 г., правильность которых она подтвердила в судебном заседании.

В заключении эксперта имеется ссылка на объяснения истицы и документы о том, что в июле и августе 1973 года Караева находилась на излечении в глазной больнице, а в сентябре 1973 года уезжала в отпуск на Кавказ по туристской путевке (л. д. 38). Значит, ни июль, ни август, ни сентябрь 1973 года Караева не могла совместно проживать с Картузовым и вести с ним общее хозяйство.

И, наконец, Караева не может назвать ни одного человека, кроме Мироновой и Михайловой, который видел бы Караеву с Картузовым вместе. Свидетели — Авдеева, ее подруга по работе, и родственница Мария Караева — показали, что они были дома у истицы, но Картузова там не видели.

Это также является одним из доказательств, опровергающих утверждения Караевой о наличии у нее с Картузовым семейные отношений в тот наиболее важный для дела период 1973 года.

Поэтому я считаю, что противоречивые объяснения истицы, равно как и показания ее соседок, не могут служить достаточным основанием для установления отцовства Картузова и взыскания с него алиментов.

Вместе с тем по делу установлен ряд обстоятельств жизни Картузова после увольнения в запас, которые объективно опровергают утверждения Караевой, Мироновой и Михайловой о его совместном проживании с Караевой.

После увольнения в запас Картузов прописался и поселился на площади своей матери в пос. Черкизово и поступил на работу в Калининграде.

Свидетели Сорокин и Живоглазов показали, что они ежедневно вместе ходили утром на работу и обычно вместе возвращались с работы. Кроме того, они часто видели Картузова во дворе их дома и поэтому категорически удостоверяют, что Картузов в 1973 году постоянно проживал в одном с ними доме в пос. Черкизово.

Свидетель Буханова жила с семьей Картузовых в одной квартире. Она подтвердила, что из их квартиры ответчик каждое утро уходил на работу, каждый вечер возвращался с работы в их квартиру и ночевал дома.

Представленными документами установлено также, что с 3 по 27 июня 1973 г. мать Картузова находилась в отпуске в Закарпатье в доме отдыха «Водопад». Иван Картузов в это время проживал вдвоем со своим 10-летним братом Владимиром.

На время отсутствия матери Владимира устроили в городской пионерский лагерь. И, как показали свидетели Буханова и Быстрякова, Иван Картузов ежедневно утром отводил мальчика: в лагерь, а вечером приводил домой. Свидетель Быстрякова показала также, что во время отпуска матери Картузова, по договоренности с ней, она готовила братьям Картузовым, а покупал продукты, убирал квартиру и стирал сам Иван. Это же подтвердила свидетельница Буханова.

Значит, в июне 1973 года Иван Картузов не мог проживать совместно с Караевой на ее площади на Новослободской ул. в Москве. А если вспомнить объяснения Караевой, данные эксперту-гинекологу и подтвержденные документами, что в июле-августе 1973 года она находилась на стационарном излечении в глазной больнице, а после этого уехала в отпуск на Кавказ, то станет совершенно очевидным, что весь период после зачатия ребенка — с 30 мая или 5 июня 1973 года. Картузов не жил и не мог жить совместно с Караевой на ее площади и вести с ней общее хозяйство.

Существенное значение для правильного разрешения спора имеет и следующее обстоятельство.

Вскоре после увольнения в запас, в декабре 1972 года, Картузов познакомился с Валентиной, своей настоящей женой, а через год, 12 декабря 1973 г., они подали заявление в загс и 7 марта 1974 г. их брак был зарегистрирован, а в январе 1975 года у них родилась дочь Алла.

Валентина Картузова в тот период проживала в Калининграде, работала там же на заводе и училась в вечернем техникуме, находящемся в том же городе.

Как она показала на суде, с момента знакомства — с декабря 1972 года она очень часто, почти ежедневно, встречалась с Картузовым. При этом он обычно встречал ее у техникума после окончания занятий в 21 час, и они шли гулять, в кино или к ней домой. Расставалась она с Картузовым не ранее 11–12 часов ночи. Субботы и воскресенья они обычно проводили вместе, а с мая 1973 года ездили на дачу родителей Валентины, где помогали им обрабатывать участок и выполняли другие хозяйственные работы. На дачу с ним часто ездил брат Ивана — 10-летний Владимир.

Показания Валентины Картузовой подтверждаются показаниями других свидетелей.

Так, свидетель Афиногенова подтвердила почти ежедневные встречи ответчика с его невестой после окончания занятий в техникуме.

Свидетели Коломина и Жанилова, соседи по даче, подтвердили, что Валя и Картузов с братом приезжали на дачу ее родителей и работали на участке каждую субботу и воскресенье с мая 1973 года.

Коломина, соседка родителей Вали по дому, показала также, что она часто заходила к ней домой и видела у нее вечерами Ивана.

К этому можно добавить, что соседи Картузовых по пос. Черкизово — Буханова, Быстрякова, Живоглазов, Сорокин — видели с лета 1973 года приезжавшую в гости Валентину Картузову, но никогда не видели в их квартире или около дома Караеву.

Все эти бесспорно установленные по делу обстоятельства жизни Картузова после его увольнения в запас, которые Карцева не оспаривает, на мой взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в тот период Картузов не жил и не мог жить с Караевой единой семьей на ее площади.

При таких обстоятельствах следует прийти к выводу о недоказанности исковых требований.

Поэтому в иске В.П. Караевой прошу отказать.

***

Решением народного суда в иске В.П. Караевой было отказано.

Московский городской суд оставил это решение без изменения, а кассационную жалобу В. П. Караевой без удовлетворения.

Карманов Федор Александрович

Заместитель заведующего юридической консультацией № 94
(Москва) Межреспубликанской коллегии адвокатов

Родился в 1946 году в г. Магадане. В 1974 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт. До адвокатуры, куда был принят в 1991 году, 15 лет проработал в юридической печати — редакция журнала «Российская юстиция», издательство «Юридическая литература». Имеет десятки публикаций в центральной печати. Составитель неоднократно переиздававшейся книги «Реабилитирован по-смертно».

Основная специализация — дела по защите чести, достоинства и деловой репутации в отношении средств массовой информации.

Судья третейского суда Ассоциации российских банков. Член Большого жюри Союза журналистов России.

В 2002 году удостоен звания «Почетный адвокат России».

Дело З. Даева¹

(Обвинение сразу по четырем статьям УК РФ — 105 (убийство), 26 (похищение человека), 162 (разбой) и 163 (вымогательство))

Речь адвоката Ф.А. Карманова (в сокращении):

Ваша честь! Уважаемый суд!

Вынужден повторить то, о чем защита не раз заявляла на стадии предварительного расследования: органы следствия не выполнили своего предназначения по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств настоящего дела. Хуже того, оперативные работники и следователи бесцеремонно нарушали нормы как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, опускались до фальсификации доказательств и применения незаконных методов расследования, вплоть до избиения подследственного и угроз в адрес свидетелей. В результате моему подзащитному предъявлены весьма тяжкие обвинения, однако ни одно из них нельзя признать обоснованным.

Вольное обращение с законом обнаруживается уже при вынесении следователем постановления о возбуждении дела (первоначально по признакам вымогательства). В постановлении говорится о каких-то неизвестных, которые требовали у сторожей автостоянки Палихова и Раевского 60 тысяч долларов США. Но позвольте! Двумя неделями раньше те же сторожа подали в райотдел по борьбе с организованной преступностью заявление, в котором называли фамилию и имя вымогателя — Заура Даева. Вызвать его для объяснений не представляло труда. И тогда сразу стало бы ясно, что никакого вымогательства не было, что человек просто требовал у нерадивых сторожей компенсацию за пропавшую с автостоянки машину. Но столь простое разрешение конфликта явно не входило в планы борцов с оргпреступностью. Ведь действия Даева едва тянули на самоуправство, тогда как робоповцы мечтали о раскрытии куда более серьезного преступления. Вот и начался поиск «неизвестных преступников», причем опять-таки с грубейшими нарушениями закона.

Вместо того чтобы самим включиться в работу (а для раскрытия опасного преступления была создана следственная группа из пяти человек), оперуполномоченные вопреки требованиям Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» поручили проведение оперативных мероприятий все тем же сторожам, состоявшим, как мы знаем, в конфликте с подозреваемым. Им предложили записать на аудиопленку

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5457&start=0>

разговоры с Даевым по поводу его претензий, причем каждый раз провоцируя его на разные заявления и необдуманные действия. И в какой-то мере эта уловка сработала. Ведь нетрудно представить состояние человека, у которого украли машину и теперь над которым нагло измываются. Вот и появились на пленке записи, которые были истолкованы следствием как доказательства его преступных деяний. И уже не только пресловутого вымогательства, но и... похищения людей — опять-таки сторожей Палихова и Раевского, которых Даев всего-то брал с собой на розыск украденной машины.

Иначе как грубой провокацией все это назвать нельзя, и совершенно невозможно принять добытые таким образом свидетельства в качестве доказательств преступлений, якобы совершенных моим подзащитным.

Общеизвестно: собрание доказательств должно происходить в рамках уголовного процесса, а не за его пределами. Именно с установленным в законе порядком собирания доказательств законодатель связывает целую систему гарантий их доброкачественности, а стало быть, и установления истины по делу. Одновременно решается задача соблюдения в ходе расследования прав и законных интересов участников процесса. Отказавшись от выполнения требований закона, органы следствия не смогли добыть истину, представили суду сведения, которые не могут быть признаны доказательствами, и вместе с тем грубо нарушили права как моего подзащитного, так и других участников процесса. О том, что действительно делал, как поступал Даев, что послужило причиной его конфликта со сторожами автостоянки, я уже говорил. Попытка следствия придать этим событиям видимость вымогательства и похищения людей обречена на провал. В первую очередь потому, что закон не признает такого способа осуществления оперативно-розыскных мероприятий, как провокация преступления. Провокация, как свидетельствуют словари, — это «предательское поведение, подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь тяжкие для него последствия». Нет сомнения в том, что наши правоохранительные органы вовсе не предназначены для провоцирования преступлений, а напротив, обязаны устранять причины и условия, в которых они становятся возможными.

Но даже если бы указанные сведения были добыты приемлемым путем, они, на взгляд защиты, вовсе не свидетельствуют о виновности моего подзащитного ни в вымогательстве, ни в похищении людей.

Вымогательство возможно лишь в отношении чужого имущества, на которое посягающий не имеет ни действительного, ни предполагаемого права. Но Даев требовал вернуть собственный автомобиль,

странным образом исчезнувший с платной автостоянки. Правда, действовал при этом чересчур резко и напористо, чему, повторю, способствовали и провокационные разговоры с ним сторожей. Но ведь факт угона машины налицо: по этому поводу возбуждено уголовное дело. Другой вопрос, что разграничение в таких обстоятельствах самоуправства от вымогательства достаточно сложно не только для практиков, но и теоретиков права. Не случайно в квалификации действий Дааева разошлись даже два заместителя Генерального прокурора РФ: один прекратил дело о вымогательстве и похищении людей, полагая и то и другое самоуправством, а второй отменил это постановление, безосновательно утверждая, что Дааев вообще не имел права требовать возврата своей автомашины. Но сегодня, думаю, у суда есть все основания разобраться в этой запутанной ситуации и дать ей верную правовую оценку.

Теперь о так называемом похищении сторожей. Ни в своем заявлении в РОБОП, ни в первичных объяснениях и показаниях Палихов и Раевский даже не упоминают о поездке с Дааевым на берег Москвы-реки. Почему? Да потому, что ни тогда, ни позже у них и мысли не было о том, что, оказывается, их похищали. Эта мысль родилась исключительно в воспаленном воображении следователя. И не в силу каких-то фактов (таковых нет), а тогда, когда стало ясно, что по делу о вымогательстве Дааеву изменят меру пресечения на подписку о невыезде. Суд ее действительно изменил, но Дааев пробыл на свободе лишь две минуты, после чего ему и было предъявлено искусственно созданное обвинение в похищении людей.

Его абсурдность подтверждается не только тем, как отнеслись к поездке сами «похищенные». В деле нет никаких указаний на стремление Дааева и его спутников захватить сторожей и принудить их к возмещению ущерба. А без умысла такие преступления не совершаются. С другой стороны, сторожа добровольно сели в машину и через час–полтора в ней же вернулись на автостоянку. Значит, нет и объективной стороны предполагаемого преступления. Если же и это кого-то не убеждает, напомним примечание к статье 126 УК РФ. Согласно ему от уголовной ответственности освобождаются лица: а) при добровольном освобождении похищенного; б) при отсутствии в их действиях иного состава преступления. Оба этих условия налицо, и, следовательно, нельзя говорить не только о составе преступления в действиях моего подзащитного, но и о самом событии преступления в понимании статьи 126 УК РФ.

Как я уже говорил, именно по этим бесспорным, на наш взгляд, основаниям один из заместителей Генерального прокурора РФ уже пре-

крашал это надуманное дело. Смею думать, что и возобновление его (через год!) другим заместителем Генерального не связано с сомнениями на сей счет. Здесь сработали совсем иные мотивы. К этому времени все того же Даева заподозрили в новых злодеяниях: разбойном нападении и убийстве Юлии Прониной. Но опять-таки доказательств его вины не было, а из-под стражи отпускать никак не хотелось — вдруг удастся «дожать», выбить признание? Вот и реанимировали дело о вымогательстве и похищении. Однако ни в том, ни в другом случае ничего нового добыть не удалось.

О законном требовании Даевым возмещения за украденную машину и характере выезда участников конфликта на берег Москвы-реки здесь уже говорилось. Что же касается дела об убийстве, то следствие предъявило моему подзащитному два доказательства его вины: опознание свидетелем Томиным и результаты биологической экспертизы. Оба эти доказательства, по мнению защиты, не могут быть признаны допустимыми и, следовательно, никак не могут быть положены в основу обвинения.

Присутствующие, полагаю, хорошо знают, что такое опознание и как оно должно проводиться. В частности, лицо, которое в последующем будет опознающим (в данном случае Томин), должно до предъявления опознаваемого быть допрошено об обстоятельствах, при которых наблюдало его, а также о признаках, приметах опознаваемого. Последний же предъявляется для опознания в группе похожих на него лиц, которые не отличаются от него ни одеждой, ни стрижкой, ни иными признаками, указывающими, что опознаваемый находится под стражей.

Но что имело место при опознании Томиным моего подзащитного? Допрошенный в суде свидетель Петраченков заявил, что опознаваемый Даев резко отличался от двух статистов: вся левая часть его лица была разбита, «будто он столкнулся с тепловозом». Синяки, нарисованные статистам, и лицо этого человека, по мнению свидетеля, отличались как небо и земля. К тому же, сообщил свидетель, при опознании присутствовали два оперативника, хотя это не зафиксировано в протоколе опознания, и нам остается только гадать об их роли при проведении этого следственного действия. Наконец, сам свидетель Томин прислал в адрес суда телеграмму, в которой заявил, что отказывается от данных прежде показаний (в том числе и от опознания), поскольку они были даны под принуждением со стороны следствия. При таких обстоятельствах, считаю, суд не вправе использовать показания Томина и результаты опознания в качестве доказательств вины моего подзащитного.

Недопустимыми должны быть признаны и результаты биологической экспертизы № 1691 от 21 февраля 2000 года.

Во-первых, выводы эксперта даны в качестве вероятных, что уже не может служить основанием для судебного решения (см. п. 14 Постановления № 1 Пленума Верховного суда СССР от 16 марта 1971 г.). А во-вторых, эти вероятные выводы опровергаются тремя последующими экспертизами, в том числе комиссионной, которыми утверждается, что следов крови Прониной нет ни на куртке, ни на джинсах Дааева. С другой стороны, следствие так и не проверило утверждение Дааева о том, что в день убийства Прониной он находился в спортклубе гостиницы «Рэдиссон-Славянская». Известно, что все посетители гостиницы фиксируются видеокамерами при входе. Однако в деле этой видеозаписи нет, хотя ее вроде бы изымали оперативные работники. Не проверены и показания отца Дааева о том, что Заур фотографировался в тот вечер со своими товарищами по спорту в спортзале гостиницы.

Напомню, в конце концов и кунцевский межрайонный прокурор убедился в непричастности Дааева к убийству Прониной и освободил его из-под стражи. Два месяца мой подзащитный оставался на свободе и при желании мог бы уехать и из Москвы, и из России. Но он этого не сделал, так как не чувствует за собой никакой вины. И вот по вызову является в отделение милиции, где его вновь берут под стражу, реанимировав старое дело о вымогательстве, «усиленное» абсурдным похищением.

Да, на этот раз наши правоохранители все свалили до кучи, и получили прокурорский пирог, который мы сейчас кушаем — похищение, вымогательство, убийство и разбой. А пирог-то ни с чем, господа обвинители! Судебное следствие это бесспорно доказало. Основные доказательства либо беспочвенны, либо добыты незаконно, либо сфальсифицированы. Новых же улик как не было, так и нет. И вот почему я утверждаю, что в действиях Заура Дааева нет составов вменяемых ему преступлений, и прошу суд оправдать его по всем статьям предъявленного ему обвинения.

* * *

Мосгорсуд согласился с доводами защитника и переквалифицировал вменяемые Дааеву преступления на единственное — самоуправство, за что приговорил его к трем годам лишения свободы. В связи с применением акта амнистии Дааев был освобожден из-под стражи в зале суда. В адрес прокурора и начальника ГУВД Москвы вынесено частное определение в связи с грубейшими нарушениями законодательства.

Клокова В.А.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело А.А. Ивакина¹
(О признании права на квартиру)

Краткое содержание дела: гр-н А.А. Ивакин предъявил в районном народном суде иск к ЖСК № 3 о предоставлении в пользование трехкомнатной квартиры, выделенной ему по решению общего собрания членов кооператива. В качестве третьего лица был привлечен исполком местного районного Совета народных депутатов, отказавший в выдаче ордера на указанную квартиру члену кооператива гр-ну А.А. Ивакину.

Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката.

Речь адвоката В.А. Клоковой:

Уважаемые товарищи судьи!

Мой доверитель вступил в члены ЖСК № 3 по объявлению, напечатанному в рекламном приложении газеты «Вечерняя Москва» весной 1973 года.

Из материалов дела видно, что Ивакин подал соответствующее заявление о приеме его в члены кооператива, приложив к нему необходимые документы: о составе семьи, размере площади, на которой проживал, количестве лиц, остающихся на площади, и справки с места работы с указанием заработка. Эти документы рассматривались в исполкоме районного Совета, причем никаких возражений при этом не было высказано. На общем собрании пайщиков Ивакина приняли в члены ЖСК, и он получил представленное вам для обозрения извещение о внесении пая в сумме 3150 руб. с указанием номера счета. Мой доверитель перечислил эту сумму и вступительный взнос, что подтверждается документами бухгалтерии ЖСК.

Строительство дома ЖСК закончилось в конце 1973 года, и в декабре дом приняла комиссия. Жеребьевка по распределению квартир между пайщиками состоялась 16 ноября 1973 г., и моему Доверителю досталась квартира № 168 жилой площадью 44,1 кв. м. Талон жеребьевки вы также видели.

Еще до принятия дома комиссией был назначен день (в начале декабря 1973 г.) для осмотра пайщиками квартир, предназначенных им

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=7>

по жеребьевке, в целях выявления недоделок в квартирах и представления замечаний комиссии по принятию дома.

Мой доверитель сдал свои замечания по квартире председателю правления ЖСК, что подтвердил в судебном заседании представитель кооператива.

Таким образом, до заселения дома он являлся полноправным членом ЖСК и готовился к переезду. Заселение началось в январе 1974 года, по новоселье у Ивакина не состоялось, так как председатель правления ЖСК объявил ему, что исполком не выдает ордер. Когда Ивакин обратился в исполком, ему сказали, что ордер не может быть выдан потому, что жилплощадь, на которой он ранее проживал, велика для остающихся двух человек.

Товарищи судьи! Обозрев представленные документы, вы убедились, что о размере прежней площади, где проживал с семьей мой доверитель, и количестве лиц, остающихся там, исполкому было известно при утверждении его в списке пайщиков ЖСК, никаких изменений не произошло и при повторном представлении документов перед заселением дома.

Мой доверитель с женой и двумя детьми проживал и был прописан в квартире родителей его жены в доме, принадлежащем местному Совету народных депутатов. Квартира состоит из двух изолированных комнат размером 20 и 16 кв. м. В нее Ивакин вселился десять лет назад, тогда в квартире проживали трое: жена моего доверителя — в комнате размером 16 кв. м и ее родители в комнате размером 20 кв. м, а их сын в 1963 году в домовую книгу был отмечен как выбывший в Советскую Армию.

С согласия родителей жены мой доверитель был прописан на их площадь и стал проживать с женой в ее комнате. Потом родились дети. Таким образом, мой доверитель фактически имел на семью из четырех человек 16 кв. м жилой площади, т. е. менее 5 кв. м на человека, и имел право на вступление в ЖСК как нуждающийся в улучшении жилищных условий согласно п. 6 Примерного устава ЖСК. Это не оспаривает и ответчик.

Принятие в члены ЖСК в установленном порядке порождает гражданско-правовые последствия и прежде всего право на выделенную по решению общего собрания пайщиков квартиру.

По делу доказано, что Ивакин имел право на вступление в члены ЖСК как действительно нуждающийся в улучшении своих жилищных условий согласно п. 6 Примерного устава ЖСК; был принят в члены ЖСК с соблюдением п. 3 того же Устава; внес пай, как предусмотрено п. 17 Устава, а также вступительный взнос, следовательно, нет законных препятствий к выдаче ему ордера на предназначенную по жеребьевке квартиру.

Считаю необходимым остановиться на возражениях представителя исполкома, который ссылаясь на то, что остающаяся у родителей жены Ивакина квартира велика для двух человек.

Это возражение неосновательно. Как видно из ч. 2 п. 6 Примерного устава, за остающимися лицами сохраняется право пользования этой площадью в размерах, установленных санитарными нормами. В данном случае родители жены моего доверителя остались проживать в комнате размером 20 кв. м, что больше установленной нормы, а, следовательно, комната 16 кв. м является излишней. Наличие же излишней площади в виде отдельной изолированной комнаты может повлечь изменение договора жилищного найма в порядке, предусмотренном ст. 316 ГК РСФСР. Если родители жены Ивакина вместо заселения излишней комнаты в порядке самоуплотнения изъявляют желание получить однокомнатную квартиру, то райисполком получит в свое распоряжение эту двухкомнатную квартиру.

Таким образом, мотив, послуживший к отказу моему доверителю в выдаче ордера на квартиру в ЖСК, без чего правление ЖСК не может предоставить ему спорную квартиру в пользование, не основан на законе или Примерном уставе ЖСК.

При таких обстоятельствах возражения исполкома районного Совета народных депутатов против выдачи Ивакину ордера на квартиру № 168 в доме ЖСК № 3 следует признать необоснованными,

Ответчик по делу — ЖСК № 3 — не возражает против удовлетворения иска, но ссылается на отказ исполкома выдать ордер Ивакину на эту квартиру.

После того как все обстоятельства выяснены с исчерпывающей полнотой, необходимо дать им надлежащую правовую оценку. Как член ЖСК № 3, выполнивший все обязанности, налагаемые на него Уставом кооператива, «Ивакин имеет право на предоставление в пользование кв. № 168, выделенной ему по решению общего собрания пайщиков. Поэтому я прошу суд в соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами» вынести решение о признании за моим доверителем права на кв. 168 в доме ЖСК № 3.

* * *

Решением народного суда иск был удовлетворен.

По вступлении решения в законную силу АА. Ивакину был выдан ордер на квартиру.

Коморский В.Е.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов,
заслуженный юрист РСФСР

Дело Н.Е. Бачерикова¹

(Об изъятии домовладения в фонд местного Совета
народных депутатов)

Краткое содержание дела: прокурор г. Пушкино Московской области обратился с иском к гр-ну Н.Е. Бачерикову о расторжении договора об отводе земельного участка и к нему же и к Г.Е. Бобину об изъятии домовладения и начислении его в фонд местного Совета народных депутатов.

Иск был мотивирован тем, что Н.Е. Бачериков заключил противозаконное соглашение с Г.Е. Бобиным о переуступке части земельного участка.

Обстоятельства дела излагаются в речи адвоката.

После неоднократного рассмотрения дела оно было принято к производству Московского областного суда.

Речь адвоката В.Е. Коморского:

Уважаемые товарищи судьи!

В 1957 году райисполком предоставил моему доверителю Н.Е. Бачерикову земельный участок для постройки дачи, необходимый ему по состоянию здоровья.

Средства на строительство дачи у него имелись, но он нуждался в том, чтобы кто-либо помог ему в организации строительства. К нему обратился его земляк, старый знакомый, Г.Е. Бобин и предложил ему помощь по закупке за счет Бачерикова строительных материалов и наблюдению за работой.

Некоторые мелкие работы он ваялся выполнить сам за определенную плату.

Бобин за свою помощь попросил разрешения построить ему на участке времянку, которой он со своей семьей пользовался бы во время строительства. Никакого письменного договора стороны не заключали, так как доверяли друг другу. Бобин завел лишь тетрадь, в которой отражал все суммы денег, получаемые от Бачерикова, и отчитывался

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=4>

в их расходовании на закупку материалов и оплату своего труда. Эта тетрадь находится в деле (л. д. 19–29).

Дача строилась шесть летних сезонов, и все это время Бобин пользовался временкой безвозмездно.

Наконец, в 1963 году надо было сдать строение в эксплуатацию, но исполком потребовал сначала снести временку и вынес по этому вопросу решение, обязывающее Бобина снести временку, несмотря на то, что Бобин в договорных отношениях с исполкомом не состоял. Бобин не сделал этого и обратился в прокуратуру. В своих заявлениях он стал утверждать, что Бачериков якобы переуступил ему часть земельного участка для постройки второго жилого дома и за это пользовался его бесплатным трудом для постройки своего дома.

Прокурор признал такого рода соглашение незаконным и предъявил иск о расторжении договора об отводе земельного участка и об изъятии дома в доход государства.

Пушкинский городской народный суд 13 апреля 1964 г. иск прокурора удовлетворил. Московский областной суд определением от 15 мая 1964 г. оставил это решение без изменения.

По протесту заместителя Генерального прокурора СССР Президиум Московского областного суда 19 апреля 1965 г. отменил решение народного суда и определение областного суда и передал дело на рассмотрение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда по первой инстанции.

Таково содержание дела, которое вам, товарищи судьи, предстоит разрешить.

В настоящем заседании представитель прокуратуры г. Пушкино иск поддерживает. Представитель исполкома Пушкинского городского Совета народных депутатов присоединяется к требованию, предъявленному прокурором. Прокурор считает, что по делу доказана незаконная переуступка земли за тот труд, который Бобин вложил в строительство дачи Бачерикова.

Между тем по делу установлено следующее.

Бачериков и Бобин были близкими друзьями. Они знали друг друга с детства. И в том, что Бачериков разрешил Бобину построить на участке временку и жить в ней, пока строится дача, нельзя усмотреть продажу земельного участка.

Установлено, что строительство дачи осуществлялось только на средства Бачерикова. За труд по наблюдению за стройкой и за личный труд Бобин получал денежное вознаграждение от Бачерикова. В тетради он расписывался как «бригадир столяров» (л. д. 19–29). За пользование же временкой в течение шести сезонов Бобин ничего не платил.

Я уже говорил, что по решению исполкома временка подлежала сносу, без чего строение Бачерикова не могло быть принято в эксплуатацию. Бобин уклонился от сноса временки и Бачеринову самому и за свой счет пришлось исполнить решение исполкома и снести временку.

Я полагаю, что материалами дела установлено отсутствие оснований для удовлетворения иска прокурора, так как купли-продажи земли в данном случае не было.

В отчетах Бобина о расходовании авансов, полученных от Бачерикова на закупку материалов, он всегда учитывал, что остаток идет в счет заработка Бобина. Так, на л. д. 19 такой остаток указан в сумме 544 руб., на л. д. 27 остаток определен в сумме 800 руб., на л. д. 28 в итоге указано: получено на строительство всего 6350 руб., а израсходовано 4944 руб., остаток в счет зарплаты Бобину — 1406 руб.

Можно ли после это утверждать, что Бобин оказывал Бачеринову услуги безвозмездно?

Исполком вначале также не ставил вопроса о расторжении договора с Бачериковым, а только требовал снести временку, что было сделано.

Особенность настоящего дела состоит в том, что один из ответчиков, а именно Бобин, иск прокурора признал как в народном суде, так и сегодня, в заседании Судебной коллегии Московского областного суда. Однако это признание, противоречащее объективным данным по делу, не может иметь никакого значения.

Бобин, очевидно, так до конца и не понял, насколько ему не подходит роль «покупателя» земли, т. е., по сути дела, роль нарушителя закона о национализации земли. Я имею в виду и ст. 199 Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривает уголовную ответственность за куплю-продажу земельного участка.

Я думаю, что в данном случае, к счастью для обеих сторон, все утверждения о купле-продаже земельного участка основаны на каком-то недоразумении.

Мой доверитель Бачериков, много лет проработавший на руководящих должностях, а в настоящее время персональный пенсионер республиканского значения, землю Бобину не продавал, а Бобин землю у него не покупал.

Я глубоко убежден в том, что для применения ст. 14 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ст 48 или ст. 49 Гражданского кодекса РСФСР нет никаких оснований.

А потому прошу Судебную коллегию по гражданским делам Московского областного суда в иске прокурору г. Пушкино к Н.Е. Бачеринову о расторжении договора об отводе земельного участка и об изъятии домовладения в доход государства отказать.

* * *

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда в иске прокурору г. Пушкино о расторжении договора об отводе земельного участка и об изъятии домовладения в доход государства было отказано.

Прокурор кассационный протест не принес.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Г.Е. Бобина, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР решение суда оставила без изменения, а жалобу без удовлетворения.

Костанов Юрий Артемович¹

Родился 3 мая 1941 г. в г. Тбилиси. В 1963 году окончил юридический факультет Ростовского университета.

Работал в органах прокуратуры — в прокуратуре Ростовской области — следователем, прокурором отдела областной прокуратуры, с 1983 года — в центральном аппарате Прокуратуры Союза ССР: прокурором управления, заведующим кафедрой Института повышения квалификации руководящих кадров. С 1989 года по 1993 год — начальник Управления юстиции г. Москвы.

В своей работе в качестве приоритетного направления выделял обеспечение независимости судей, принимал активное участие в подготовке и проведении первого съезда судей Российской Федерации в 1991 году, участвовал в разработке проекта Закона о статусе судей в Российской Федерации, принятого Верховным Советом РФ 26 июня 1991 года.

Уйдя в 1993 году с государственной службы, в числе группы юристов организовал Московскую коллегия адвокатов «Адвокатская палата» (в настоящее время — МКА «Адвокатское партнерство»), председателем президиума которой являлся с момента образования коллегии до 2011 года. Будучи адвокатом, успешно участвовал в ряде судебных процессов (среди других — в качестве представителя С.В. Степашина в деле по иску последнего к В.В. Жириновскому о защите чести и достоинства; в уголовном деле по обвинению сотрудников ГосНИИ «ГИНАЛМАЗ-ЗОЛОТО», закончившемся оправданием подсудимых; в деле по обвине-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/members/constitution/read/40>

нию Йошкар-олинского бизнесмена Голомидова, также закончившемся оправданием; получившем широкую известность в 2003–2007 гг. «деле врачей», по которому были привлечены к уголовной ответственности за приготовление к убийству врачи-трансплантологи Московского центра органного донорства и реаниматологи Городской клинической больницы № 20 (дело после неоднократных судебных разбирательств закончилось оправданием всех подсудимых) и др.

В настоящее время член Совета Адвокатской палаты Москвы.

Государственный советник юстиции 2 класса. Кандидат юридических наук, доцент.

Дело Пилипенко⁴ (Об убийстве)

Дело рассматривалось Ростовским областным судом в 1970 году. Подсудимый обвинялся по п. «а» ст. 102 действовавшего тогда УК РСФСР (предусматривавшей в качестве наказания лишение свободы сроком от 8 до 15 лет либо смертную казнь). Дело слушалось на выезде в помещении Новочеркасского городского суда.

Вот как рассказывает о фактах этого дела сам прокурор Ю.А. Костанов: «Возникло это дело по инициативе самого Пилипенко при явном противодействии Новочеркасской милиции, сотрудники которой самого Пилипенко и предложили следователю как единственного подозреваемого.

Грузчик продмага Пилипенко, своего жилья не имел и снимал угол у преклонного возраста старушки Пиголкиной, которая завещала ему свой домик на условии пожизненного содержания. Вместе с Пилипенко у Пиголкиной снимали комнату трое студентов одного из новочеркасских техникумов.

Накануне новогоднего праздника студенты уехали к родственникам в деревню, а Пилипенко ушел к своей знакомой Ларкиной. Случилось так, что Пилипенко загрипповал и пробыл у Ларкиной дня три. Придя в себя 3-го января, он забеспокоился — как там старушка, топлено ли в хате, есть ли у нее что поесть и попить. Поскольку после высокой температуры он чувствовал себя еще плохо, подруга его праздничных дней пошла вместе с ним. Придя к Пиголкиной, Пилипенко и Ларкина обнаружили ее лежащей на кровати и не откликавшейся на вопросы. По-

---

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=170&pub_name=%D0%E5%F7%E8+%EF%F0%EE%EA%F3%F0%EE%F0%F1%EA%E8%E5.+%C4%E5%EB%EE+%CF%E8%EB%E8%EF%E5

дошли ближе, потрогали, а старушка уже и не дышит. Пошли к ближайшему телефону в «скорую» звонить. Но там полный афронт: «Сколько бабушке лет? Ах, семьдесят восемь!? Мы к таким не выезжаем». Пошли в милицию: «Бабушка, мол, умерла». В ответ опять: «А сколько лет бабушке? Ах, семьдесят восемь? Так она же, небось, своей смертью умерла. Милиция к таким не выезжает». Отправились обратно. Проходя по мосту через речку Тузловку, Пилипенко бросил в сердцах: «Сколько хлопот с ней. Бросить бы ее в Тузловку — и никакого беспокойства». Придя снова домой и, попытавшись приподнять мертвое тело, они обнаружили на подушке под головой Пиголкиной кровь — и вновь побежали в милицию. В милиции их и слушать не хотели.

Кто знает, может и «захоронили» бы старушку в Тузловке, если бы не случился в дежурке горотдела судебный медик Левшин — фанатик своего дела и владелец инвалидного «Запорожца». Услышав о крови на подушке, Левшин вызвался съездить, посмотреть и о результатах сообщить дежурному. Приехав и наскоро осмотрев труп, Левшин обнаружил на голове трупа вдавленную рану, которая никак не могла быть нанесена собственной рукой. Сообщил дежурному — и дело закрутилось. Первым (и единственным) подозреваемым стал Пилипенко. Как же, ранее судимый (правда, за мелкую кражу, но какое это имеет значение — судимый же!), частенько и не всегда умеренно выпивающий грузчик продмага, последний, кто видел старушку живой — кому ж еще, как не ему быть убийцей! Когда стало ясно, что доказательств вины Пилипенко фактически нет, тогда вдруг появился свидетель, находившийся в Новочеркасской тюрьме в одной камере с Пилипенко, которому он, якобы, признавался в совершенном убийстве».

Речь прокурора Ю.А. Костанова:

Товарищи судьи! На скамье подсудимых не лучший, по-видимому, из жителей этого славного города. За свою жизнь успевший уже познать позор и горечь уголовного наказания, но так и не научившийся никакому ремеслу, не свивший своего гнезда. Как говорится, не построивший дом, не посадивший дерева и не воспитавший сына. Нехорошо, конечно, но все же одного этого мало, чтоб человека наказывать в уголовном порядке. Пилипенко обвиняется в совершении тягчайшего из преступлений — убийстве из корысти. По мысли следователя, Пилипенко, которому Пиголкина завещала свой домик, не смог дожидаться ее смерти и, охваченный страстью к обогащению, ускорил события, нанеся Пиголкиной роковой удар молотком по голове.

Ни один из допрошенных здесь его знакомых не назвал среди душевных качеств Пилипенко нежность по отношению к детям и преста-

рельным или, допустим, доброту к животным. Скажем прямо — человек, таким образом характеризующийся, вполне может оказаться убийцей. Как, впрочем, может оказаться убийцей любой другой. Ведь корыстные убийцы — это совсем не обязательно судимые за мелкое хищение пьянствующие грузчики продажгов. Скорее, наоборот, для пьяницы не очень характерно такое убийство — из желания ускорить получение не слишком завидного наследства, которое довольно скоро и так могло бы ему достаться.

Потому для нас не столь важно, что за человек перед нами — герой труда или лентяй, романтичный однолюб или развратник, пьяница или трезвенник, праведник или грешник. Для нас важно, прежде всего, убивал ли он Пиголкину или нет? Так обратимся к доказательствам.

Доказательств, вроде бы, не так уж и мало: это

- протоколы осмотра места происшествия и изъятия вероятного орудия убийства — молотка;

- заключение судебно-медицинской экспертизы трупа Пиголкиной;

- показания племянницы убитой Рудовой и соседки убитой Кибальниковой;

- показания квартирантов убитой — Крутина, Левченко и Гайнова;

- показания сокамерника подсудимого — Будаева.

Рассмотрим, однако, эти доказательства попристальнее.

Протокол осмотра места происшествия зафиксировал обстановку в доме Пиголкиной на момент появления там работников милиции, местонахождение и позу трупа. Но никаких данных, изобличающих Пилипенко, протокол не содержит. Те следы Пилипенко, которые и могли бы быть обнаружены в доме, легко были бы объяснимы: Пилипенко там жил, Пилипенко вместе с Ларкиной был в доме, когда Пиголкина уже была мертва, подходил к кровати и касался трупа. Но нет — не зафиксировано в протоколе никаких следов его там пребывания. Нет в протоколе упоминаний и об обнаружении при осмотре орудия убийства — да еще и со следами рук Пилипенко.

Из другого протокола, протокола изъятия молотка из ящика рабочего стола следователя прокуратуры, известно, что предполагаемое орудие убийства — молоток — все же был из дома Пиголкиной изъят, отвезен в прокуратуру и хранился в ящике стола следователя без надлежащего оформления. Были ли на молотке следы рук и чьи — Пилипенко или кого-то другого, теперь неизвестно и уже узнать невозможно. По крайней мере, никто из допрошенных по делу лиц не заявлял, что видел этот молоток в руках у Пилипенко во время убийства или непосредственно после него; следов его рук там никто не обнаружил и,

следовательно, факт изъятия этого молотка из одного ящика Пилипенко ни в чем не изобличает.

В заключении судебно-медицинской экспертизы трупа Пиголкиной есть ответ на вопрос: как и отчего наступила смерть, но нет ответа на вопрос, кем она была убита?

Объясняя, как могла погибнуть Пиголкина, Пилипенко говорил в суде, что она не отпускала его из дому, когда он 30 декабря уходил праздновать Новогодье к Ларкиной; он вынужден был сильно оттолкнуть Пиголкину, старушка упала на кучу угля и, возможно, ударилась головой о кусок угля. Может, так оно и было, но экспертиза не нашла на голове трупа следов этого сильного удара — ни гематом, ни кровоподтеков не было. Смерть же наступила от того, что кто-то нанес ей удар по голове «тупым твердым предметом с ограниченной поверхностью размером 4х4 сантиметра, возможно ударной частью представленного на исследование молотка». Это был тот самый «молоток из ящика», о котором уже мною сказано достаточно. Итак, и заключение судебно-медицинской экспертизы не изобличает Пилипенко.

Показания Рудовой и Кибальниковой не в пример красноречивее. И та и другая убеждены, что Пиголкину убил Пилипенко. Почему? «А больше некому».

Кибальникова объясняет свою позицию просто: у Пиголкиной когда-то жило несколько котов. А потом этот зоосад исчез куда-то. Куда исчезли коты, убил ли их кто-нибудь или сами убежали от голодной жизни, Кибальникова не знает. Она не видела, чтобы Пилипенко их куда-нибудь нес, закапывал их бранные тела или, тем более убивал. Не подтвердили особой ненависти Пилипенко к животным и жившие в том же доме Крутин и компания. Правда, коты, если и были, то исчезли еще до того, как Крутин, Левченко и Гайнов поселились в этом доме. Может быть Кибальникова и права. Думается, что коты эти досаждали квартирантам. Но вывод о том, что Пилипенко расправился с котами, ни на чем, кроме соседских предположений не основан. Тем более не могут служить показания Кибальниковой доказательством того, что Пилипенко убил Пиголкину.

Столь же «доказательны» и показания Рудовой. Эта племянница Пиголкиной, судя по ее показаниям, считает себя наследницей убитой; она кровно обижена завещанием, по которому дом доставался Пилипенко. Ее вывод о виновности Пилипенко основан на личных наблюдениях: она считает, что Пилипенко держал старушку впроголодь, из чего, по ее мнению, следует, что Пилипенко с нетерпением ждал смерти Пиголкиной. На мой вопрос: как часто она бывала в гостях у тети? Рудова ответила честно и без затей: на праздники. Работник гориспол-

кома вряд ли под праздниками имеет в виду праздники религиозные. И верно: Рудова уточнила, что навещала тетю на Новый Год, Восьмое марта, Седьмое ноября и в день рождения. Маловато, чтобы составить себе четкое представление о меню Пиголкиной. Тем более что, зная, по ее словам, о бедственном положении своей голодающей тети, Рудова ничего не сделала, чтоб ей помочь избавиться от якобы морившего ее голодом «кормильца» или хотя бы элементарно подкормить ее, подбросить продуктов. Ее показания, на мой взгляд, не Пилипенко изобличают в убийстве, а ее самую — в остром желании добиться аннулирования завещания и завладеть домом Пиголкиной.

Ларкина подробно и довольно красочно описала нам, как Пилипенко пролежал у нее с температурой все праздники, и как потом она вместе с Пилипенко обнаружила Пиголкину мертвой, и затем как они вдвоем пытались вызвать сперва «скорую», а потом милицию. Ни слова об убийстве. Очень большой фантазией надо обладать, чтоб считать ее показания доказательством вины Пилипенко! И даже фраза Пилипенко, которую вспомнила Ларкина: «Бросить бы ее в Тузловку!» ничего не доказывает.

Во-первых, вряд ли убийца станет так сам себя изобличать; во-вторых, Пилипенко не говорил Ларкиной, что в Тузловку следует бросить живую Пиголкину, чтоб ее утопить. Он говорил о трупе, а не о живом человеке и фраза эта также его не изобличает.

Ничего не добавляют к общей картине и показания Крутина, Левченко и Гайнова. Они подтвердили слова самого Пилипенко о том, что отношения его с убитой не выходили за рамки того, что принято называть «нормальными»: никаких ссор они не упомянули, жалобы старухи на питание были, но не на скудость его, а на однообразие, что, согласитесь, довольно далеко от обвинений в попытках уморить голодом. Да и каких разносолов следовало ждать от Пилипенко? Когда они уехали на праздники, Пилипенко еще оставался дома вместе с Пиголкиной. Получается, что Пилипенко — последний, кого видели рядом с живой еще Пиголкиной. Он мог убить ее. Но от «мог убить» до «убил» — дистанция огромного размера.

Остаются еще показания Будаева, с которым Пилипенко содержался в одной камере в Новочеркасской тюрьме. По словам Будаева, Пилипенко сам рассказал ему, как убил старушку утюгом, а потом уложил труп на кровать. Почему-то Будаев особенно настаивал на утюге, как орудии убийства. Это странно, так как об этом утюге умалчивают все, даже в протоколе осмотра он не упоминается, судебно-медицинская экспертиза орудием убийства назвала, как известно, другой предмет и в судебном заседании эксперт убедительно объяснил, почему он

исключает возможность нанесения смертельного удара утюгом (как, впрочем, и куском угля при падении). Показания Будаева не совпадают не только с объяснениями Пилипенко, но и со всеми другими материалами дела, и потому не могут быть положены в основу обвинения. Я уже не говорю о странностях появления Будаева в числе свидетелей. Как ранее судимый и ожидавший этапа Будаев оказался в одной камере с подследственным Пилипенко? Почему еще не признанного виновным Пилипенко привезли сюда в автозаке под конвоем чуть не взвода автоматчиков, а уже осужденный за разбой и склонный к побегу Будаев привезен в зал суда одиноким лейтенантом спецчасти тюрьмы на «Волге»? Осужденный в тюрьме — с поясом, шнурками на ботинках и часами на руке — это тоже что-то новое. Согласитесь, что все это не способствует выводу о достоверности показаний Будаева.

Сам Пилипенко почти признал себя виновным. Я говорю «почти» потому, что заявив о своей виновности в убийстве, он нарисовал картину, явно не совпадающую с тем, что было на самом деле. Высота падения и вес Пиголкиной были недостаточны для столь сильного удара — не ушиб с последующим кровоизлиянием (что более характерно для ударов при падении) — вдавленная рана, грубо говоря, квадратное отверстие в голове размерами и конфигурацией совпадающее с размерами и конфигурацией того самого «молотка из ящика». Смертельный удар был столь силен и целенаправлен, что не мог быть нанесен случайно либо по неосторожности. Так наверняка бьют только умышленно. Наконец, судебные медики достаточно тщательно осмотрели труп перед вскрытием и утверждают, что никаких следов угля ни в ране, ни на тканях вокруг нее не обнаружено.

Таким образом, собранные следствием в течение почти полутора лет доказательства, как каждое из них в отдельности, так и взятые в их совокупности не дают оснований для обвинения Пилипенко в убийстве Пиголкиной. Он мог ее убить, но столь же достоверно будет заявление о том, что мог ее убить и любой другой житель этого города. Чтобы осудить за убийство, мало сказать «мог убить», надо, основываясь на железной цепи улик, утверждать: «убил». Но нет у нас железной цепи улик, да и, по большому счету, улик нет вообще. Все возможности собирания новых доказательств напрочь утрачены — и безжалостное время, и неопытность следователей, хранивших орудие убийства в ящике стола, тому причина. Единственное, что я могу и обязан сделать — отказаться от обвинения. Правосудие торжествует, когда карает виновного, но еще большее торжество правосудия означает оправдание невиновного. Я прошу вас Пилипенко по предъявленному обвинению оправдать и из-под стражи его освободить в зале суда.

* * *

Ю.А. Костанов: «Дело Пилипенко для меня оказалось этапным. Во-первых, по этому делу я впервые отказался от обвинения. Во-вторых, ситуация, сложившаяся вокруг этого дела, научила меня принципиальности и независимости в отношениях с собственным начальством. По окончании судебного следствия председательствующий объявил перерыв для подготовки к прениям. Было это в четверг, прения назначены на понедельник, а в пятницу я вернулся в Ростов. Зашел к начальнику своего отдела — посоветоваться. Он направил меня в следственный отдел со словами: „Они (т. е. следственники) направляли дело в суд, может быть, у них еще что-нибудь есть за душой”. Я пошел советовать туда. Начальник следственного отдела сделал удивленное лицо и сказал, что ему некогда, а поступать в процессе гособвинитель должен по закону. Вернувшись в понедельник в Новочеркасск, я и произнес в судебных прениях публикуемую здесь речь.

По тем временам оправдательных приговоров суды почти не выносили. Тем более оправдательный приговор в областном суде, да еще по делу об убийстве, да еще по требованию прокурора! В случаях, подобных моему, дело могли направить на доследование (могли и осудить, но доследование было все же вероятнее). Председательствующий от необычности ситуации объявил перерыв и стал звонить в облсуд заместителю председателя по уголовным делам, что, дескать, делать: обвинение тяжкое, а доказательств нет. Тот спросил: „А что прокурор?” — „Прокурор отказался от обвинения” — „Ну так оправдывай, они сами знают, что делают”.

Засим последовала защитительная речь адвоката с тем же требованием, а затем и оправдательный приговор. Вот тут-то и началось. Уже наутро во вторник моей скромной фигуре было посвящено оперативное совещание при прокуроре области. Именно так — не делу, а мне, вернее моей позиции по делу. На совещании „именинником” был не следователь, а я. Воздали мне, что называется, „по полной”, тем более что я и не думал раскаиваться. А на ближайшем партсобрании (по тем временам едва ли не самая „страшная” инстанция) начальник следственного отдела добавил: „Не было бы к Костанову претензий, если бы это была принципиальная, выношенная позиция. На самом же деле он сомневался — накануне прений приходил советовать. Это мальчишество, несерьезный подход к своему участию в деле”. С тех пор я взял за правило — не ходить за советами к „старшим товарищам”. Ибо понял: к начальству надо идти с уже готовым решением — готовым проектом протеста или другого документа, подписание, утверждение или согласование которого входит в компетенцию одного начальства (а если

принятие решения не выходит за рамки моих собственных полномочий — и вовсе не ходить). Для этого предлагаемое решение должно быть, разумеется, максимально обоснованным. Двоечники не украшают окружающего их мира. Нехорошо, конечно, идти неподготовленным на экзамен, но результат этого — плохая оценка — не сравним с результатом, который может последовать за неграмотным решением прокурора по делу. Здесь речь идет уже не о плохой отметке. Здесь цена ошибки — искаленная судьба. Что касается судебных служебных, то ведь несправедливое осуждение совершенно несоизмеримо со служебными неприятностями. Со мной, в частности, после дела Пилипенко прокурор области не здоровался месяца два. И все. А Пилипенко, чья вина, как, надеюсь, убедится читатель, была совершенно не доказана, ушел из зала суда свободным».

Дело Е. Климовой¹

(О жертве финансовых пирамид)

Краткое содержание дела: дело Кати Климовой рассматривалось Хорошевским районным судом Москвы в 1995 году, в разгар эпопеи развала финансовых пирамид — «Властилины», МММ, «Чары», РДС и других. «МММовская» афера была самой шумевшей видимо потому, что создатель ее, некто Мавроди, сумел свою компанию лучше всех разрекламировать. Изображение трех летящих бабочек и лозунг: «Из тени в свет перелетая» — логотип компании — красовались всюду: на троллейбусах и в вагонах метро, на огромных уличных щитах и маленьких листовках, рассылаемых по почтовым ящикам. Не многим менее шумевшей была эпопея ИЧП «Властилина». Ее жертвами стали многие артисты (и народные тоже), ученые (академики и доктора наук в том числе), художники — интеллигенция любит быть обманутой. Телевидение, радио, газеты — все было поставлено под ружье. И реклама сработала. Когда пирамида рассыпалась, потерпевших оказалось очень много — суды были в буквальном смысле завалены исками.

Молодая семья Климовых жила не слишком богато. Денег хронически не хватало на необходимое, а хотелось многого. И тут такая возможность — вкладываешь рубль, а всего через два месяца получаешь два! Но денег не было и на это. Их не было вообще. Решено было занять. Муж Кати Климовой в конце июня 1994 года занял 8 мил-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsru.ru/filolog/program/sni/pyramid-last.htm>

лионов рублей и вложил их в ИЧП «Властилина» на срок 2 месяца. Через два месяца — 2 сентября — сумма должна была удвоиться. В конце августа молодым супругам подвернулся дачный участок. В расчете на выигрыш во «Властилине» заняли еще денег и купили участок за шесть с половиной миллионов рублей. Но в начале сентября «Властилина» рухнула. Не только выигрыша, но и вложенных денег получить не удалось. Супруги продали участок, который не успели даже почувствовать своим, вернули часть долгов (те деньги, которые и были заняты для покупки участка). Но оставался главный долг — те 8 миллионов, которые вложили в дело. Подошел срок возврата, а отдавать было нечем. Начались малоприятные попытки «выкрутиться», перезанимая и переодалживая. А, как известно, занимаешь чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Пришло время возврата долгов.

Одним из кредиторов Кати была ее сослуживица — главный бухгалтер организации, в которой Катя работала. Когда Катя возвращала ей часть долга (та потребовала возврата в долларах), то увидела, что у нее в сейфе лежит большая пачка «зеленых». От безысходности появилась мысль — украсть. Дурное дело не хитрое. Через два дня после того, как она увидела деньги в сейфе главного бухгалтера, Климова, уходя с работы примерно в 18 часов, уже находясь в проходной, вспомнила о продуктах, оставленных в холодильнике, стоящем в помещении отдела, и вернулась. Направляясь к холодильнику и проходя мимо кабинета главного бухгалтера, она увидела, что дверь в комнату, в которой никого не было, приоткрыта. Климова вошла в кабинет, открыла ящик стола, где, как ей было известно, главбух прятала ключ от сейфа, достала ключ, отперла сейф, взяла сверток с деньгами (потерпевшая уверяла, что там было 7100 долларов США и 390 немецких марок), положила его в сумку и, заперев сейф, вышла из кабинета. Затем, забрав из холодильника продукты, ушла с предприятия.

На допросе у следователя (а она, естественно стала одной из основных подозреваемых, поскольку уходила из отдела последней) Климова призналась сразу и сразу же вернула деньги. Она заявляла, что 270 немецких марок из украденных ею денег продала неизвестному ей лицу у обменного пункта за 567 000 рублей. Остальные, которых на самом деле оказалось 6300 долларов США, запечатав в конверт, спрятала. В суде брат Климовой показал, что 270 марок обменял на рубли он, а не Катя.

Обвинялась Климова в краже в крупных размерах и в нарушениях правил о валютных операциях (тогда статья 1627 УК РСФСР еще не была отменена).

Речь адвоката Ю.А. Костанова:

Ваша честь! Уважаемые заседатели!

Екатерина Климова предстала перед Вами по обвинению в краже семи с лишним тысяч долларов и почти четырехсот немецких марок, в дважды совершенном нарушении правил о валютных операциях. Преступления эти закон признает весьма опасными и предусматривает за их совершение суровое наказание. Я попытаюсь доказать Вам, что содеянное ею, в действительности, не столь опасно, как утверждает автор обвинительного заключения. Я попытаюсь убедить Вас в том, что и наказание, которое Вы определите ей, не должно быть особенно суровым.

Обстоятельства этого дела просты, они подробно изложены в показаниях немногочисленных свидетелей, потерпевшей, да и самой Кати Климовой. Обстоятельства эти должны быть столь свежи в Вашей памяти, что повторять их нет никакой нужды, тем более, что у защиты с обвинением здесь почти нет расхождений. Катя Климова доказательствами изобличена и виновной себя признала полностью. Впрочем, слово «изобличена» здесь вряд ли подходит. Климова ни минуты не отпиралась. На первом же допросе у следователя, даже кажется не успевшего ей объяснить, в чем она подозревается, Катя тут же выложила всю правду, ту самую правду, которая обременяла душу и не могла не вылиться в полном признании.

Я сказал, что у защиты с обвинением здесь почти нет расхождений. Это «почти» относится, во-первых, к сумме, к размерам похищенного. В обвинительном заключении утверждается, что Климова похитила из сейфа Камышевой 7100 долларов и 390 марок. Эти цифры были названы следователю самой потерпевшей. Климова же говорит, что денег оказалось существенно меньше — 6200 долларов и 270 марок. Брат Климовой, менявший марки на рубли в обменном пункте, подтвердил, что их было 270. Больше никаких доказательств, позволяющих пролить свет на это обстоятельство, нет. В силу недвусмысленных указаний закона, следующих из принципа презумпции невиновности, возникшее противоречие должно быть разрешено в пользу Климовой. Но не только это требование закона, позволяющее не выяснять, кто говорит правду, а кто нет, диктует вывод о правдивости Кати Климовой. Климова сама денег не пересчитывала. Сколько их было в пакете с долларами, она узнала уже у следователя, когда был составлен протокол добровольной выдачи денег, в котором надо было указать сумму, и потому деньги пересчитали. Долларов там оказалось 6200. Но в суде выяснилось, что и потерпевшая величину своей пропажи уяснила не сразу: свидетель Сарухин — племянник Камышевой — показал, что только

в последующие три дня они с Камышевой подсчитали и определили, что пропало 7100 долларов и 390 марок. Там была пачка денег, из которой Камышева время от времени какую-то часть изымала, затем возвращала обратно, но итоговой суммы не подбивала — пример тому возврат денег Климовой в день пропажи: как Вы помните, Катя именно в этот день вернула Камышевой 300 долларов, из которых 100 Камышева вернула, посчитав купюру поддельной. Положив деньги на место, Камышева заперла сейф, никаких подсчетов не произведя. Так что сумма эта выведена что называется «на острие пера». Никто, однако, этих подсчетов ни разу не перепроверял. Я вовсе не утверждаю, что Камышева намеренно зависила пропавшую у нее сумму денег. Вряд ли она таким образом хотела дополнительно заработать. Но, с другой стороны, нет никаких оснований считать, что Климова часть суммы утаила, дабы таким образом поправить свое материальное положение. Возможно ли такое хладнокровное поведение после того, как она, никем не понуждаемая к этому, призналась в содеянном, и вернула деньги? На квалификацию действий Климовой по этому эпизоду указанное обстоятельство не влияет, да и для назначения наказания, по большому счету, не слишком важно — было там на сотню марок больше или меньше.

Во-вторых, я не могу согласиться с обвинением Климовой в совершении с валютными ценностями двух сделок. Климова признала, что она 14 ноября возвратила Камышевой часть долга, используя в качестве средства платежа доллары США. Признает это и Камышева — второй участник той же сделки. Что касается обмена 270 немецких марок на рубли, то, как в судебном заседании показал брат Климовой — Константин Свечков, он, увидев в руках у сестры немецкие марки, сам предложил ей обменять марки на рубли, что и сделал в тот же день в обменном пункте напротив американского посольства. Если это правда, то значит Катя Климова не продавала этих марок неизвестному человеку и этот эпизод вменен ей необоснованно. Заявление Свечкова опровергнуть невозможно, да и вряд ли он возводит поклеп на самого себя. Показания же Климовой на предварительном следствии об этом эпизоде объясняются просто: ей не хотелось втягивать в это дело брата, а на фоне обвинения в хищении крупной суммы денег обвинение в валютных сделках, даже при отягчающих обстоятельствах, казалось ей не столь страшным. Как бы то ни было, достаточных доказательств для признания ее виновной в незаконном обмене 270 марок не добыто, а версия, прозвучавшая в суде не опровергнута, да, пожалуй, и не может быть опровергнута. А это значит, что эпизод этот из обвинения подлежит исключению, и действия Климовой в этой части должны быть преквалифицированы на часть 1 статьи 162 7 Уголовного кодекса.

В этом деле есть одно обстоятельство, отличающее его от других подобных. Катя Климова после всего случившегося осталась в той же организации и фактически в том же коллективе. Они с потерпевшей продолжают оставаться сослуживицами, они сталкиваются друг с другом на работе (хотя и реже, чем раньше), их окружают одни и те же люди. Они знают в подробностях, что произошло и, тем не менее, их сочувствие на стороне не Камышевой, а Кати Климовой.

Почему коллектив просит передать ему Климову на перевоспитание, а сама потерпевшая просит не наказывать ее строго? Почему молодая, только что получившая высшее образование женщина, пошла на это? Не этому же учили ее родители и школа и не этому наставляли в институте. Что толкнуло ее за приоткрытую дверь кабинета Камышевой в тот роковой вечер?

Не найдя ответа на эти вопросы нельзя вынести справедливого приговора, ибо справедливым приговор может быть только тогда, когда Вы выясните не только то, что именно человек сделал, но и почему он это сделал, какими побуждениями руководствовался.

Бывшее государственное предприятие — 22-й территориальный центр междугородных связей и телевидения, где работают и подсудимая и потерпевшая, ныне входит в акционерное общество «Ростелеком». Акционирование по-русски — процесс своеобразный. Предприятие, которое раньше было всенародным, которое раньше принадлежало нам всем — в том числе и нам с Вами — теперь выкуплено у трудового коллектива. Каждый получил свою долю, и доли эти были различны. Если руководители предприятия получили, как Вы слышали от потерпевшей, немалые суммы, то рядовым членам коллектива достались копейки. Социальной справедливостью, разумеется, тут и не пахло. А уж о сторонних людях, вроде нас с Вами — ведь собственность-то была всенародная — авторы этого экономического чуда и вовсе забыли. Или, может быть, имелась в виду возможность появления приватизированного суда? Это была приватизация по принципу «одним бублик, другим — дырку от бублика». Понятно, что «бублик» достался руководителям предприятия, начальству. Начальство и теперь оказалось у руля, а рядовые члены коллектива — в проигрыше.

Эта несправедливость была понята всеми. Обида и неудовлетворенность, неудовлетворенность и обида — вот действительные итоги этой приватизации. Деньги, вообще-то, нужны всем, одним больше, другим меньше. Чаще, увы, оказывается так, что достаются они вовсе не тем, кто больше нуждается. Молодая семья Климовых, как и большинство молодых семей, начинала «с нуля», нуждалась, конечно, в каких-то суммах на обзаведение, на устройство своего семейного гнезда. Но, как раз у них денег не было, деньги от приватизации, деньги, которые, ка-

залось, были общие, достались тем, у кого без того уже есть свой дом и дом этот — полная чаша.

И вот на такого человека, обделенного и обиженного, обрушивается вся мощь средств массовой информации, рекламирующих разного рода финансовые и инвестиционные фирмы, сулящие баснословные барыши и очень быстро. Вы помните это время — утром, едва отойдя ото сна, Вы уже подвергались атаке: по радио и телевидению вас призывали внести деньги в банк «Чара»; выйдя на улицу, Вы не могли не увидеть на громадном плакате трех летящих бабочек — эмблему «МММ», Вы входили в троллейбус — и там встречали те же призывы: отдайте деньги «МММ», «Чаре», «Властилине», «Селенге». В метро, в автобусе, в трамвае, в магазине, столовой — всюду одни и те же призывы. Вы возвращались вечером домой, но и дома невозможно было укрыться: Вам на всех телевизионных каналах и программах объясняли, как выгодно вложить деньги во «Властилину», которая сулила уже через две недели вернуть вдвое больше вложенного. Соблазн был велик, а деньги были так нужны... А слову печатному, слову, звучащему с телеэкрана, мы так привыкли верить. А вокруг кое-кто уже успел и обогатиться. И, главное, деньги были так нужны и — никаких надежд заработать их быстро и много... И более искушенные в жизни люди попались на эту удочку, да что там удочку — в эти сети. Попались и Катя Климова с мужем. Они одолжили у друзей восемь миллионов рублей и внесли их во «Властилину» под обещания получить через два месяца ровно вдвое больше. Но бесплатный сыр бывает известно где. И ловушка захлопнулась — им не хватило всего нескольких дней; увы, «Чара» лопнула раньше, чем Климовы успели получить свою сверхприбыль. Положение стало теперь совершенно безысходным. К прежнему безденежью прибавились немалые долги без всяких надежд на возможность их возврата в обозримом будущем. Возникло ощущение надвигающейся катастрофы — срок уплаты надвигался, а денег не было, и взять их было негде.

В жизни почти каждого человека бывают минуты, когда нужда подпирает и, кажется, уж нет никакого выхода. Когда от рокового поступка могут защитить только нравственные устои, но представления о долге перед окружающими, составляющие самую суть нравственности, покрываются туманом обиды на общество, загнавшее тебя в угол, обобравшее тебя до нитки и щедро вознаградившее других, не более заслуживающих этого, да еще может быть и за твой же счет...

Тут все сошлось — и безысходность ситуации, и обман со стороны того самого общества, которое ханжески призывало к добродетели, — обман если не совсем отключивший нравственный тормоз, то, по крайней мере, резко его ослабивший, — и соблазн: в виде открытой двери

в пустую комнату, беззащитного сейфа с деньгами и ключа в ящике. На что она рассчитывала? На то, что в обезлюдевших после рабочего дня комнатах никого нет, помещения бухгалтерии пусты, и никто не увидит, как она взяла деньги? Но именно эта пустота, это отсутствие во всем здании людей, кроме нее и охранника, предельно сужает круг поиска: если в здании никого, кроме Климовой нет, то и деньги взять больше никому. На нее первую падет (и пало) подозрение. Совсем немного усилий ума нужно было, чтоб понять. Но в том-то и дело, что не рассуждала она в тот момент. Рассудочность как бы отключилась вовсе. Она была в состоянии полного умопомрачения.

Это состояние скоро сменилось другим — не менее, если не более мучительным. Я думаю, что не боязнь разоблачения была причиной ее терзаний. Хладнокровный преступник, взвесив все «за» и «против», быстро бы понял, что от первого подозрения до обвинительного приговора — дистанция огромного размера. Да и чем могло располагать следствие? Показаниями вахтера о том, что Климова по окончании рабочего дня возвращалась в бухгалтерию, когда там никого уже не было? Но ведь если в здании было только два человека, и один из них взял деньги, то совсем необязательно этот один и есть Климова. Деньги надежно спрятаны. Никакого осмотра места происшествия с изъятием отпечатков (если они там и были) не производилось, и Климова это знала. В общем, если бы она не хотела признаваться, то вынудить ее это сделать под давлением улик следствие никак не могло. Нет, признание Климовой не было вынужденным. Это было признание человека, отягощенного содеянным, жаждавшего покаяться, жаждавшего очиститься своим признанием. Очиститься во что бы то ни стало, несмотря на угрозу неминуемого наказания. За эти несколько дней Климова чуть не наизусть выучила соответствующие ее деянию статьи Уголовного кодекса, идя к следователю она прекрасно понимала, что ценой ее признания будет позор наказания, а может быть и лишение свободы, долгая разлука с близкими. Но ничто уже не могло остановить ее. Она не могла жить дальше, неся в себе свой грех. Она уже судила себя судом своей собственной совести, и судила жестоко. И сегодня, когда ущерб возмещен, а виновница рассказала, нужно ли ее наказывать реально?

Я прошу Вас об одном: какое бы наказание Вы ни сочли нужным назначить Климовой, назначьте его условно. Она Вас не подведет.

* * *

Признав Климову виновной в краже 6300 долларов и 270 марок, а также в нарушении правил о валютных операциях по эпизоду использования иностранной валюты в качестве средства платежа при возврате долга, суд приговорил ее к лишению свободы условно.

Куприянов Алексей Анатольевич

Адвокат, руководитель юридической фирмы

«Адвокатская контора Алексея Куприянова» АПМО с 1994 года.

Адвокат в 3-м поколении.

Родился 17 апреля 1954 года в Москве. Имеет два высших образования: инженерно-экономическое (МИСИ) и юридическое (МГЮА). До адвокатуры работал в строительном бизнесе.

С 1994 года ни один подзащитный адвоката Алексея Куприянова не был осужден к реальному лишению свободы. Почетный адвокат России, почетный юрист города Москвы, лауреат Высшей юридической премии «Фемида» и проч. Награжден медалью «Защитнику свободной России» и другими госнаградами.

В соавторстве с сыном — адвокатом Ф. Куприяновым в 2014 году издал книгу «Эффект защитника. Как выбрать адвоката и как с ним победить» (М.: IRISBOOK). Член редакционного совета и колумнист журнала «Уголовный процесс» с 2011 года.

Постоянный автор «Российской газеты» и популярных юридических изданий «Российская юстиция», «Арбитражная практика», «Новая адвокатская газета». В книге «Адвокатура в России: учебник для вузов» (под ред. д.ю.н., проф. В.И. Сергеева. М: Юстицинформ, 2011) деятельность адвоката А. Куприянова квалифицирована как выдающаяся (гл. 3 пар. 5).

Эксперт государственной думы РФ. В соавторстве с сыном адвокатом Ф. Куприяновым создал авторский курс в ГАСИС Высшей школы экономики.

А. Куприянов — личный адвокат ряда известных политиков, государственных служащих и предпринимателей.

Дело о групповом разбое¹

Краткое содержание дела (фамилии изменены): молодой человек — Сидоров, подзащитный адвоката А. Куприянова, имел невесту. Дело шло к свадьбе. Однако невеста познакомилась с новым молодым человеком — Веткиным и назначила ему свидание перед своим домом. Под предлогом неотложных домашних дел она в тот день ушла от жениха с собственного (невесты) дня рождения, отмечаемого на ее работе.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kupriyanov.info/speeches/razboi>

Ушла сразу, как только подзащитный туда приехал, оставив его в компании своих (не его!) подвыпивших приятелей — Кулакова и Щербанова.

Те немедленно «доложили» жениху о ситуации и предложили разобратся и наказать «новенького». Жених не поверил, но его уговорили поехать проверить.

Действительно, новый ухажер прибыл к дому невесты. Между ним и женихом произошла легкая потасовка, после которой подзащитный стал выяснять отношения с выбежавшей на шум невестой. А «новенький» получил побои и от приятелей невесты. Избиение прекратил водитель проезжавшего автомобиля, дело было в конце рабочего дня на людной улице Москвы. Потерпевший уехал с ним и обратился к ближайшему милиционеру — инспектору ГИБДД.

Пока подзащитный разговаривал с невестой, пьяные товарищи невесты сели в «Вольво» потерпевшего, прихватив его разбросанные по земле вещи, и уехали. Сразу протрезвев, они поставили машину на ближайшую стоянку, а вещи вместе с документами и ключами от авто подбросили на работу «невесте».

Следствие объединило всех троих в группу «разбойников». Причем потерпевший требовал привлечения к делу и «невесты» в качестве наводчицы.

Речь адвоката А.А. Куприянова (22 февраля 2000 г.):

Ваша честь! Сегодня, как и всегда; как каждый раз, когда перед Вами в этой клетке сидят хмурые, измученные многомесячным следствием люди, Вам предстоит определить их дальнейшую участь; их удел по крайней мере на ближайшие годы.

Причем, если подсудимый — молодой человек, то очевидно, что вы определяете его жребий не только на ближайшие несколько лет: в ваших руках вся его еще толком не начавшаяся жизнь. И именно Вы через несколько минут определите ее дальнейший ход.

Сегодня случай особый! А, впрочем, может быть, как раз обычный. Девушка — «вертихвостка» столкнула двух ухажеров. И возможно сегодня один из них, а именно мой подзащитный, в этой схватке погибнет. Сегодня погибнет один, а в будущем, скорее всего, не уцелеет и другой.

Ведь именно эти двое молодых людей точно знают, что один из них — потерпевший оговорил моего подзащитного. И вот, представьте на минуту, сидит мой подзащитный «по оговору» в колонии. И не где-нибудь, а в колонии строгого режима, где в основном, пребывают закоренелые уголовники «со стажем».

Сидит Сидоров, обидно ему до слез, что сидит «не за что». И каждому сокамернику Сидоров рассказывает, как одна сволочь его оговорила на 10 тысяч долларов, вспомнив о них через неделю после драки (л. д. 26).

Тут для «братвы» все становится ясно, как день. И они говорят Сидорову: «Ты, брат, этого так не оставляй. Если не «замочишь» гада, ты не мужик».

Конечно, Сидоров, не разбойник и не бандит. Это, думаю, тут всем ясно. Поэтому он с ужасом, отказывается. А его и не торопят. Год ему напоминают — он отказывается, другой ...

А потом «паханы» предлагают: «Тебе еще сидеть долго, а вот Витек освобождается. Он твоего фраера мигом „замочит“ или покалечит, чтоб знал, падла, как оговаривать. А потом ты нам „отработашь“, когда выйдешь. Ну, если не согласишься, как знаешь ...». А с несогласными у братвы разговор короткий. Можно и до освобождения не дожить.

И вот одним нехитрым ударом организованная преступность получает двух новых бойцов: Витька и Бориса. А организованная милиция еще один нераскрытый труп в сводке.

Именно от вас уважаемый суд, зависит, будет ли приведена в действие эта машина уничтожения или меч слепой Фемиды лишь чиркнет по судьбе моего подзащитного.

Правда, я слышал, что наш потерпевший в ближайшее время отъезжает на постоянное место жительства на Запад. Банки ведь есть везде, а после работы в Сбербанке адъютантом второго лица, наверняка, есть и на что отъехать. Тогда понятно, почему он не боится расписанной мной нехитрой комбинации. Там его, конечно, ни наш УБЭП, ни бандиты разыскивать не станут.

Ну, от беллетристики пора переходить к собственно юридическому анализу дела.

Начнем, как положено, с критики вещественных доказательств.

Обращаю внимание суда, как скрупулезно, описываются вещественные доказательства потерпевшим. Ничего не забыто. Ни туалетная вода, ни ракетки, ни махровый халат. Тридцать позиций! Человек ведь в бассейне собирался. А после бассейна сауна. Об этом по телевизору мы уже насмотрелись.

Обращает на себя внимание рубашка, залитая кровью. Правда, появилась она в деле через неделю после происшествия. Как попала кровь на грудь, вообще не понятно, ведь фамилия у потерпевшего не Филинов, не Гусев, а Веткин. Насколько я понимаю, лишь Вицин мог поворачиваться затылком вперед, а ведь кровотечение из теменной области

было весьма умеренным (л. д. 156). Потерпевший ходил с этой ссадиной на затылке почти два часа до обращения в травмпункт.

Я утверждаю, что рубашка обработана кровью животного, предположительно свиньи (печень), с целью оказания на суд психологического воздействия. И это всего лишь первое и далеко не главное звено хорошо спланированного оговора. Да, будь это действительно кровь потерпевшего, они бы с самого начала заявили бы ходатайство о проведении простейшей судебно-биологической экспертизы. А они — практикующие юристы — об этом даже не заикались. Уверен, что опытнейший суд не поддастся на столь дешевую провокацию, но возьмет очевидный для всех факт попытки обмана суда на заметку.

Теперь об оценке вещей, сделанной потерпевшим: она завышена в среднем в три раза. Судите сами. Телефон «Nokia» — записана стоимость \$2000, а по справке телефонной компании — \$639. Соответствующая экспертиза опять не проводилась. Это второе, вполне доказанное, звено оговора.

Отметим среди вещей, имевшихся при Веткине — 2 абонемента в бассейн «Олимпийский» (л. обв. закл. 18). Наличие двух абонементов говорит о том, что потерпевший регулярно парился с очередной «сменной девочкой». Это важно в дальнейшем учесть при оценке морального облика потерпевшего.

Посмотрим теперь на автомобиль «Вольво». Да, Сидоров в него не садился, на нем не ездил и вообще его не касался. Но автомобиль важен для защиты Сидорова, как третье звено в цепи оговора, возводимого потерпевшим.

Цитирую Акт осмотра (л. д. 185): «Наружных повреждений нет. Под грязью определить наличие царапин не представляется возможным».

А под грязью и не надо их искать. Подсудимые проехали на автомобиле не более 2-х километров. Если бы молдинг бампера действительно был поврежден ими, грязь бы на месте повреждения не успела появиться, а она была равномерно везде. Но следователь не утруждал себя такими очевидными выводами, а услужливо поддакивал любым выдумкам Веткина.

В деле нет никаких объективных свидетельств того, что машина потерпевшего получила в результате происшествия вообще какие-либо повреждения. Зато есть доказательства обратного — акт осмотра.

В деле нет никаких доказательств того, что «Вольво» был в серьезном ремонте. Но даже если бы и был, все равно — в деле нет никаких доказательств причинной связи между таким ремонтом и деянием, со-

вершенным Кулаковым и Щербановым. После последнего осмотра «Вольво» в автосервисе, произведенном до происшествия, автомобиль прошел более тысячи километров, но все — и имевшие место мелкие, и выдуманные крупные повреждения немотивированно записаны следствием на счет подсудимых, проехавших за несколько минут в 600 раз меньшее расстояние.

Ввиду вышеизложенного вся сумма заявленного ущерба автомобилю — это фальсификация, оговор. Но следствие не назначило никакой экспертизы, а юристы-потерпевшие на этом не очень настаивали. Думаю, что мои коллеги — адвокаты Кулакова и Щербанова, более подробно проанализируют документы, вытребованные потерпевшими в автосервисе, и легко покажут, что это «филькины грамоты», впрочем, это наверняка и так уже ясно суду. Напомню, что следствием не доказан сам факт повреждения автомобиля.

В деле имеется интересный документ, вернее, вовсе не документ, а ксерокопия документа. Это Листок нетрудоспособности, якобы выданный потерпевшему в травмпункте. Причем, заметьте: не в том травмпункте, куда потерпевший обратился в первый день (там ему в выдаче «бюллетеня» отказали), а в совершенно другом, расположенном на другом конце Москвы.

Именно из-за этого документа подсудимые Щербанов и Кулаков из грабителей в один миг превратились в разбойников, а Сидоров стал таковым вообще из свидетелей перед самым окончанием следствия.

Именно из-за этого якобы документа судебно-медицинская экспертиза установила вместо «повреждений, не подлежащих квалификации» — легкий вред здоровью. Но посмотрите, Ваша честь, этот документ, оригинала которого даже нет в деле, но который при этом является основой обвинения, он же недействителен. В нем нет диагноза, так как он «не закрыт». Кроме того, он выдан сразу на 5 дней и в нем нет никаких указаний на связь нетрудоспособности с повреждением, полученным в драке.

Суд не может основывать приговор на недействительных документах.

Суд не может основывать приговор на заключении судебно-медицинской экспертизы, в основу выводов которой положены недействительные документы.

Суд не может основывать приговор на ксерокопиях основополагающих документов. А вдруг это такая же фальсификация, как и зафиксированная той же экспертизой и заключением Главного нейрохирурга госпиталя МВД симуляция потерпевшим сотрясения мозга?

Нет никаких указаний, кроме голословных утверждений потерпевшего, что ему накладывались швы. Швы обычно на такие малюсенькие ссадины не накладываются.

Кстати, заключение экспертизы оформлено неправильно. На первой странице нет указания на организацию, проводившую экспертизу. Только на последнем листе есть слепая печать этой организации с надписью «Бюро главной судебно-медицинской экспертизы», остальное малоразборчиво. Ни лицензии, ни регистрации, никаких указаний на достоверность того, что эта организация имеет специалистов, способных провести экспертизу.

Хорошо, что принявший Веткина в больнице нейрохирург оказался честным человеком и выгнал симулянта. Ведь надо иметь большую смелость, чтобы выписать симулянта, претендующего на серьезный диагноз тяжелого недуга, через час (!) после госпитализации. Надо быть уверенным на 100 процентов, что перед тобой симулянт, иначе рискуешь головой. А не найдись такой врач, мы сегодня имели бы более мотивированное обвинение в причинении тяжелого вреда здоровью.

Но на самом деле не было и легкого вреда здоровью, не было нетрудоспособности, не было кратковременно расстройств здоровья!

Я не говорю даже о недействительном Листке нетрудоспособности. Посмотрим, чем занимался Веткин, находясь «на бюллетене»? А занимался он своим автомобилем. Получал от милиции, гонял на сервис, диагностировал, мыл, заряжал аккумулятор и проч. (см. л. д. 103, 104, 105, 106). А его отец впоследствии заявлял, что сын находится на лечении, и эта, как показано выше, наглая ложь принята за основу даже прокурором: см. пост. от 13 января 1999 г. (л. д. 41, абз. 2).

Об этом же говорят и выводы д. м. н. Полнухина А.В. и заслуженного врача России Французова В.Н — двух выдающихся хирургов, судебно-медицинских экспертов высшей категории, давших заключение по данному вопросу (см. приобщенное к делу: комиссионное Консультационное заключение № 89/99.).

В указанном заключении, сделанном по медицинским материалам, имеющимся в деле, в том числе по материалам проведенной СМЭ, констатируется: при проведении СМЭ потерпевшему Веткину нарушен ряд пунктов руководящих «Правил судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью» (Прил. 2 к Приказу Минздрава РФ от 10.02.96 г. № 407), в т. ч.: разд. 1 п. 6 и разд. 2 п. 50. Эксперты делают следующий окончательный вывод: «Такие повреждения не расцениваются как вред здоровью и, следовательно, тяжесть их не определяется».

Почему же потерпевший вел себя в первые дни так неосторожно? Потому, что в то время он и отец оговаривать еще никого не собирались. Свидетель А.И. Сидоров, дядя подзащитного, показывал, что в день происшествия отец потерпевшего говорил милиционерам и всем присутствующим, что если машину найдут, то он первым будет просить, чтобы дело не возбуждали, а если не найдут, то он напишет жалобу, что они тут все продажные менты.

Машину и все вещи, вплоть до расчески пластиковой, нашли, но через пять дней в потерпевшем проснутся банкир, а в его отце профессиональный нотариус в третьем поколении. Где возмещение морального ущерба? Где прибыль? В чем-то они правы. Без оговора они бы ничего не получили.

Вот тут-то и появилась в протоколах «неучтенка». И не какая-нибудь тысчонка-другая рублей. Врать так врать!

Через 6 дней «заботливый папочка» вспомнил (л. д. 94), что у сына пропали, кроме ранее подробно указанных и потерпевшим, и его отцом 3500 руб. и 100 долларов, еще такая мелочь, как 9500 (девять тысяч пятьсот) долларов США. Ну, в самом деле, кто из москвичей ездит в бассейн без 9500 «баксов»? Где тут сразу упомнишь такую сумму, когда голова занята утратой «расчески пластиковой» (л. д. 7 об.). Ну, забыли. Главное, потом через неделю вспомнили.

И ведь как все совпало. Почти в один день и рубашку в свиной крови принесли, и про деньги, которых никогда не было, написали, и в больницу симулировать подались.

Да, что они суд и всех нас вообще за идиотов считают? За идиотов — не за идиотов, а на следствии и в прокуратуре прошло, почему-то отлично «прокатило»!

Спросите, а сам-то адвокат куда глядел? Где ходатайства адвоката Куприянова о назначении экспертиз вещественных доказательств, той же рубашки, той же машины (придуманные доллары на экспертизу отдать не представляется возможным)? Почему до суда дотянул, а потом вдруг «прозрел»? А потому, что адвокат Куприянов на следствии участвовал в совокупности два дня по два часа.

Сидоров 4 месяца был свидетелем, ведь он в руки ничего не брал, на машине не уезжал, на него, кроме побоев (к ссадине на затылке он отношения также не имел), в которых он принес повинную, объективно и «повесить», казалось бы, было нечего. Я мог бы, конечно, раскрыть все сегодняшние карты прокурору при ознакомлении с материалами дела. Ну, получил бы отписку.

Думаю, что столь позднее предъявление обвинения Сидорову было спланировано заранее, чтобы фактически исключить реализацию им

своего конституционного права на защиту. В деле есть интересный документ: протокол ознакомления обвиняемого Сидорова с заключением судмедэкспертизы (л. д. 169). Но Сидоров этого документа не подписывал и записей в нем не делал. Это очередная фальсификация. Ни я, ни какой другой адвокат в этом следственном действии также не участвовали. Я вообще тогда еще не был приглашен.

Но это же вопиющее нарушение ст.ст. 185, 193 УК РФ — обвиняемый был сознательно лишен права на защиту. Он, например, был лишен возможности поставить дополнительные вопросы эксперту. Почему мы должны сегодня ломать голову над вопросами, которые за истечением времени невозможно разрешить? Это сделано сознательно!

П. 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» обращает «внимание судов на необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР, в силу которой доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу обвинения». В том же Постановлении Верховный суд разъясняет, «что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина (в данном случае право на защиту — *Прим. адвоката*) или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления (в данном случае ст.ст. 185, 193 УПК РСФСР — *Прим. адвоката*)».

По этим основаниям суд не должен при квалификации деяния Сидорову (только Сидорова!) принимать во внимание заключение экспертизы. Тем более что следствием доказано, что Сидоров к травме потерпевшего отношения не имеет. Об умысле будет сказано ниже, но даже, если суд придет к выводу о признании легкого вреда здоровью, а также, вопреки всему, усмотрит наличие сговора, то очевидно, что легкий вред нанесен лишь ввиду эксцесса исполнителя — Кулажко, так как ко времени нанесения травмы Щербаков и Сидоров добровольно прекратили избиение.

Кроме того, утеряны первичные медицинские документы, на которых основывалась экспертиза. Утеряны, возможно, умышленно, главные первичные доказательства.

Кроме того, утеряны первичные медицинские документы, на которых основывалась экспертиза. Утеряны, возможно, умышленно, первичные доказательства.

Думаю, что если по групповому разбойному нападению все «разбойники» уже до суда вновь оказались на свободе, то не следует думать, что это адвокат такой молодец. Просто освобождение есть лучшая иллюстрация того, что ни следователь, ни прокурор не верят в то, что сами же написали и подписали. Они точно знают, что субъекты, находящиеся на скамье подсудимых, не опасны для общества, что ни настоящим разбоем, ни предварительным сговором тут даже не пахнет. А потому, как все нормальные люди, не захотели брать на душу тяжкий грех. Есть же и у прокурора совесть!

В ходе расследования произошло еще одно вопиющее нарушение процессуального законодательства. В процессе появилось и активно действовало лицо, не предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом, — законный представитель совершеннолетнего дееспособного лица. В ст. 34 УПК РСФСР и ст. 64 Семейного кодекса РФ дается исчерпывающий перечень оснований признания лица законным представителем, не подлежащий расширению.

Закон запрещает следователю и прокурору по своему усмотрению назначать «законного представителя» не только потерпевшим, получившим садину на затылке, но и любым другим совершеннолетним дееспособным участникам процесса. Представитель потому и законный, что появляется в деле в обязательном порядке в случаях, предусмотренных законом, а не по усмотрению следователя. Появление родителей в процессе предусмотрено только ст. 399 УПК и никакой иной процессуальной нормой не регулируется.

Кроме того, согласно доктринальному толкованию процессуального положения законных представителей данному проф. Академии МВД РФ, засл. деят. науки, д. ю. н. Мильковским Г.М. (Комментарий УПК РСФСР. М.: Юр. лит., 1995. С. 514), «Функции потерпевшего и законного представителя несовместимы». А в данном процессе одновременно действует и законный представитель, и сам потерпевший: 02.12.98 г. (л. д. 96) потерпевший расписывается в получении телефона и других вещественных доказательств. Как же лицо, не способное защищать свои права, то есть, по мнению следователя, чуть ли не недееспособное, могло получить на хранение ценности?

Значит, сам следователь понимал, что Веткин вполне адекватен — практически здоров. Следователем был назначен и допущен в процесс законный представитель потерпевшего — его отец-нотариус (л. д. 37), который практически занял место потерпевшего в процессе, исполняя

все его функции, даже тогда, когда сам потерпевший присутствовал при следственных действиях. Защита настаивает на том, чтобы судом не рассматривались и не учитывались в качестве доказательств документы, подписанные «законным представителем» и незаконно приобщенные к делу, а все доказательства, полученные при участии незаконного «законного представителя», а он участвовал во всех следственных действиях, производимых с его сыном.

Все эти доказательства не имеют юридической силы!

Незаконное постановление следователя было отменено прокурором по собственной инициативе при проверке лишь через полтора месяца. При этом были даны обязательные для следователя указания, в том числе о проведении нового осмотра автомобиля (л. д. 86).

Оно следователем было проигнорировано, но, несмотря на это, прокуратура направляет дело в суд, не замечая этого важного процессуального нарушения и тем самым закрепляя бездоказательные утверждения следователя о воображаемых повреждениях «Вольво» потерпевшего и его ремонте.

Я начал критику дела с оценки вещественных доказательств. Так как их труднее всего фальсифицировать и легче всего натяжки следователя и выдумки потерпевшего и его «законного представителя» вывести на чистую воду. С другими доказательствами признаков объективной стороны защите всегда работать сложнее.

Например, следователь вменяет Сидорову угрозу убийством. Угроза выражалась единственно одним словом «урою», которое следователь почему-то посчитал синонимом слова «убью». Заметим, что в первых показаниях, данных потерпевшим сразу после происшествия и потому наиболее достоверных, фраза Сидорова звучала: «Я вас обоих урою» (имелась в виду девушка — виновница конфликта на почве ревности), через месяц Веткин переиначивает свои показания, чтобы оговорить Сидорова и притянуть его к обвинению в разбое: Сидоров сказал: «Я тебя урою. Давай ключи от машины».

К счастью, заключение НИИ Русского языка им. Виноградова, представленное защитой, начисто отменяет идею идентичности слов «урою» и «убью», а вместе с тем лишается основания и вся «угроза убийством» как важный элемент объективной стороны вменяемого Сидорову состава преступления. Тем более что у Сидорова не было ни оружия, ни каких-либо иных предметов, способных испугать потерпевшего. В этой надуманной следователем, под влиянием «законного представителя», «угрозе убийством» для суда должно быть важно другое.

Мы опять видим намеренные изменения показаний потерпевшего во времени, очевидно, направленные на создание стройной картины

разбоя, там где она никак не должна была бы сложиться. Конечно, суд, зная, что первые после происшествия показания всегда самые правдивые, не пойдет на поводу у следователя и даст объективную критическую оценку изменениям в показаниях Веткина.

Исследуя происшедшее избиение Веткина, то есть преступление, участие в котором Сидоров не только не отрицает, но в котором он принес повинную (явка с повинной оформлена своевременно — л. д. 21), следователь неверно определяет последовательность действий подсудимых.

Описанная на л. обв. закл. 18 модель избиения не согласуется с показаниями подсудимых, а основывается опять же лишь на показаниях обвиняемого. Но главное модель следователя не подтверждается главным независимым свидетелем — водителем «Запорожца», сомнений в достоверности которых нет никаких.

Свидетель Парфенов и на допросах и на опознании последовательно показывает: когда он подъехал к дерущимся, Веткина били двое: Кулаков и Сидоров. После его окрика Сидоров добровольно отошел в сторону, и избиение продолжил один Кулаков, единоличными действиями которого и был травмирован потерпевший, получивший ссадину о желобок крыши автомашины «Запорожец».

По показаниям свидетельницы Петровой, в это время Сидоров, увидев невесту в окне, уже шел от дороги к ней, а затем стал выяснять с невестой личные отношения. Ни на какие другие действия у Сидорова времени не было. Таким образом, доказано, что ко времени появления «Запорожца» Сидоров уже добровольно отказался от продолжения избиения и к травме потерпевшего, нанесенной Кулаковым и характеризующейся следствием как насилие, опасное для жизни и здоровья, никакого отношения не имеет.

Заканчивая характеристику объективной стороны состава вменяемого преступления, следует констатировать, что следствие не вменяет Сидорову никаких личных действий по завладению каким-либо имуществом потерпевшего. И действительно он сам ничего не похищал, в машине не уезжал, ничего чужого и в руки-то не брал. Придуманное, причем только через значительное время под воздействием «законного представителя», показаниям потерпевшего, которые противоречат его же первоначальным заявлениям и резко выпадают из общей картины, складывающейся по всем иным доказательствам, суд, конечно, даст справедливую оценку. Это ложь.

Любопытная описка имеется в самом низу Обв. закл. л. 19 (далее имеется ввиду Сидоров): «... после чего с похищенным, совместно с соучастником, с места совершения преступления скрылся...».

Эта формула — точное повторение того, что написано в аналогичном месте у Кулакова и Щербанова. Они действительно скрылись вдвоем и действительно с вещами потерпевшего. Но Сидорова с ними не было. Он в это время ругался с невестой, а убежал не одновременно с Кулаковым и Щербановым, а лишь значительно позже, когда подъехала милиция. Эта очень характерная описка. Сидорова искусственно «шьют» в подельщики к двум другим подсудимым, но сам-то следователь знает, что Сидоров ни при чем. Вот в спешке он сам невольно это и признает.

Заканчивая характеристику объективной стороны состава, думаю, можно сделать следующие выводы.

В отношении Сидорова не доказан ни один из вмененных ему признаков разбоя: угрозы убийством не было, завладения имуществом потерпевшего не было, нанесения повреждений, опасных для жизни и здоровья потерпевшего, не было.

Вместе с тем имеются явные признаки фальсификации вещественных доказательств и доказанная симуляция, что заставляет критически отнестись ко всем показаниям потерпевшего. Кроме того, доказательства, полученные в период действия в процессе «законного представителя» потерпевшего, не отвечают требованиям законности, и приговор не может на них основываться. А есть ли в деянии, совершенном Окуньком, признаки нападения с целью похищения чужого имущества?

Для этого совершенно необходимо изучить личность подсудимого. Обычно адвокат должен обеспечить создание у суда положительного образа подзащитного, если имеются необходимые основания, еще на стадии следствия. Как сказано выше, такой возможности я был лишен в связи с вышеизложенными нарушениями права Сидорова на защиту. Восполняя образовавшийся пробел, обращаю внимание суда на исключительно положительную характеристику, данную подзащитному общественной организацией инвалидов, в которой он сотрудничает (л. д. 214). Там многое уже сказано. Добавлю, что Борис, не отлынивая, отслужил в армии, куда ушел «практически здоровым» и где это здоровье, как теперь нередко случается, потерял — надорвал сердце и получил еще ряд малоприятных хронических диагнозов (см. эпикриз стационара — военного госпиталя, приобщенный к делу в начале судебного заседания). В армии он также работал на строительстве, так как ранее имел строительную рабочую специальность. См. приобщенную характеристику командования — также исключительно положительную. Его должность была связана с материальной ответственностью — Борису доверяли всегда и везде.

После армии Борис устроился работать по полученной до армии строительной специальности и быстро вырос до прораба в известной строительной организации, числящейся среди правофланговых в Северо-Западном округе Москвы. Одновременно он поступил учиться в вечерний институт. Борис — строитель в третьем поколении. У них вся семья — московские строители. Кроме того, Борис после того, как его участок делал ремонт в здании общероссийской общественно организации инвалидов «Аппарель», продолжает — уже по собственной инициативе — активно помогать инвалидам. Без помощи таких молодых людей инвалидам было бы совсем плохо. Их немного, но есть еще отзывчивые к чужому горю люди. Борис — один из них.

Правда, и Ассоциация молодых инвалидов России помогает Борису. Борис один живет со своей прабабушкой, которая скоро перешагнет столетний рубеж. До недавнего времени общее хозяйство вела ее дочка. Но из-за болезни дочки все заботы по уходу за старушкой легли на плечи Бориса. Сиделки помогают Борису ухаживать за ней, а ему остается больше времени для помощи инвалидам. Зарабатывает Борис хорошо — строители в Москве вообще зарабатывают больше других производственников. Но, конечно, не столько, сколько присутствующие здесь банкиры. Поэтому и машина у него была не своя, а купленная фирмой — старая «разгонная» машина, хотя и известной марки. Прораб с массой мелких объектов и постоянной необходимостью доставки малых количеств стройматериалов — тут не хватило ведра краски, там куска линолеума — не может ездить на троллейбусе. Сидоров управлял ею по доверенности. А доверяли ему материальные ценности на миллионы рублей, и никогда ни одной копейки у него не пропадало.

Ни наркоманом, ни пьяницей студент Сидоров не был. В день и в момент происшествия был трезв. На свою беду приехал он в тот день к своей невесте Петровой, которая отмечала на работе день рождения. Приехал после окончания своего рабочего дня, когда веселье уже подходило к концу. Предполагал окончательно погасить размолвку, так как незадолго до этого в их отношениях произошел разлад. Сидоров был «официальным» женихом Светланы — именно так характеризует его и Кулаков в своих самых первых объяснениях (л. д. 17).

Мог ли у трезвого, обеспеченного работой, квартирой и заработком молодого человека возникнуть замысел совершить корыстное преступление, у которого не было ни одного шанса на успех?

* * *

Хорошевский райсуд Москвы: оправдание по обвинению с переквалификацией и полной амнистией.

Дело о ДТП на Ленинградском¹

Речь адвоката А. Куприянова опубликована в журнале «Российская юстиция» (№ 1, январь 2004 г.) как образцовая речь защитника в уголовном процессе о дорожно-транспортном происшествии со следующей преамбулой:

Для дел о ДТП выбирайте деловой стиль

Адвокат Алексей Куприянов принял защиту Владимира Титова, обвинявшегося в «нарушении Правил дорожного движения, повлекшем причинение смерти человеку» (ч. 2 ст. 264 УК РФ), когда дело уже поступило в суд. Согласитесь, не каждый адвокат решится взять подобное дело в суде. Они не выигрышны для защиты: когда исход дела, казалось бы, едва ли не на 100 % предопределен заключением экспертизы.

Ниже мы приводим наиболее важные выдержки из его защитительной речи. Но сначала — традиционный «разбор полетов» экспертами рубрики «Судебные речи», адвокатами, кандидатами юридических наук, доцентами Анны Паничевой и Юрия Костанова.

Бытует мнение, что дела о нарушениях Правил дорожного движения, как правило, не слишком сложны. Здесь нет криминалистических загадок и психологических хитросплетений.

Тем ценнее успешный опыт защиты по таким делам. Ведь, несмотря на оптимистичные заявления лоцманов судебной реформы, оправдательные приговоры и сегодня так же редки, как и прежде, когда словосочетание «правовое государство» воспринималось как происки «проклятого империализма». Речь, предлагаемая вниманию читателей, была произнесена по делу, которое, бесспорно, закончилось бы иначе, если бы не умелая защита мэтра Куприянова.

Главным доказательством обвинения в рассматриваемом деле было заключение экспертизы о технической возможности для водителя предотвратить наезд. Именно поэтому главное место в речи отведено анализу заключения эксперта. Защитник, кажется, и не спорит с экспертами.

Он говорит, что «арифметика у экспертов правильная». Оказывается, однако, говорит защитник, что жизненные ситуации не исчерпываются четырьмя правилами арифметики: «арифметика» правильная, а результат не верен, потому что не верны исходные данные. И здесь адвокат проявляет недюжинное знание Правил дорожного движения и практики автовождения (говорят, что А. Куприянов — сам опытный водитель — бывший раллист), т. е. того, что обязан знать следователь, назначая экспертизу, и обязан знать и понимать эксперт, который по

---

¹ Российская юстиция. 2004. № 1.

закону вправе (и, конечно же, обязан) запросить у следователя дополнительные данные. При этом защитник делает, казалось бы, недопустимую вещь — не соглашается с утверждениями подзащитного, фактически избобличая его в даче «ложных» показаний. Но таков в этом случае его долг — ибо этими показаниями подсудимый себя избобличал в том, в чем, по мнению защитника, виноват не был. А в этом случае защитник не связан позицией подзащитного.

Речь не украшена тем, что П. Сергеич называл «цветами красноречия», а все мы из речей по другим делам знаем, что Алексей Анатольевич это отлично умеет. Но, пожалуй, в данном случае это скорее достоинство, чем недостаток. Специфика дела, необходимость противостоять заключению экспертизы требуют именно такого делового стиля. Изощренное красноречие мешало бы слушателю — судье правильно воспринимать тезисы защиты, могло бы создать вредный психологический настрой: знаю, мол, вас, адвокатов, за красивыми словами прячется отсутствие мысли.

Конечно, «цветы красноречия» нужны для обеспечения определенно-го эмоционального состояния слушателя, но они как ораторский прием эффективны в более-менее массовой аудитории. В судебном зале, может быть, и была публика, но не она адресат судебной речи. Защита ориентирована на суд — судью, единолично рассматривающего дело.

Защитнику необходимо было преодолеть негативно окрашенное по отношению к подсудимому эмоциональное состояние профессионального юриста — судьи, вызванное тяжестью последствий: человек погиб, причем, возможно, из-за «лихачества» подсудимого — известного в прошлом автоспортсмена. Ведь именно это следовало из заключения специалистов! Здесь надо было противопоставить эмоциям логику, скрупулезный разбор профессиональных выводов и оценок. И надо сказать, что защитнику это вполне удалось.

Есть в речи, как нам кажется, и определенные недочеты. Нам представляются не очень уместными следующие рассуждения защиты о субъективной возможности вовремя обнаружить опасность для движения: «Тут нельзя стричь всех «под одну гребенку». Один водитель в состоянии обнаружить, а другой — не в состоянии». Вряд ли это суждение верно, ибо любой водитель должен отвечать по своим психофизическим данным установленным стандартным требованиям. Именно поэтому и водительские права дают только тем, кто успешно прошел медкомиссию, и запрещается управление автомобилем в нетрезвом состоянии.

Но речь, безусловно, хороша, и оправдательный приговор тому подтверждение.

А. Паничева, Ю. Костанов,
эксперты рубрики «Судебные речи», адвокаты

Речь адвоката А.А. Куприянова:

Ваша честь!

Главной предпосылкой и единственной непосредственной причиной ДТП стало противоправное поведение пешехода Коростылева. Именно Коростылев нарушил сразу несколько пунктов ПДД — 1.5, 4.3, 4.5. Это важнейшее обстоятельство подтвердили эксперты по безопасности движения Дианов и Хренов, выступавшие в судебном заседании.

Позволю себе еще раз проанализировать элементы состава преступления и обратить внимание суда на все объективно существующие данные, которые, на мой взгляд, с правовой стороны не дают возможности суду согласиться с по-человечески понятной позицией супруги погибшего: «Раз мой муж погиб, значит, виноват водитель!». А фактов, указывающих на невиновность подсудимого или как минимум на недоказанности его вины, немало. Титов обвиняется в том, что «следовал со скоростью, которую выбрал без учета характера организации движения». Этот вывод следствия опровергается материалами дела.

Согласно Закону «О безопасности дорожного движения» «безопасность дорожного движения — состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий». Защищенность пешехода Коростылева в нашем случае была «на высоте», так как имеющийся подземный переход на 100 % защищает пешехода от ДТП. Поэтому выбор водителем скорости на этом участке вообще не может иметь отношения к безопасности пешехода в рассматриваемых условиях организации дорожного движения. Пешехода там просто не должно было быть, и учитывать его появление водитель не должен.

Автомобиль подсудимого двигался с общей скоростью потока. Поэтому водитель без необходимости не имел права, двигаясь в левом ряду, выбрать скорость меньшую, чем скорость потока в пределах разрешенного максимума. Такое снижение запрещено ч. 3 п. 10.5 ПДД, так как подсудимый создал бы помехи движению остальных автомобилей. Таким образом, можно утверждать, что скорость Титовым была избрана в полном соответствии с требованиями разд.10 ПДД.

Скажу и о контроле над движением автомобиля, которого, по мнению обвинения, якобы у подсудимого не имело места. Очевидно, что скорость 80 км/час для легкового автомобиля — это та скорость, которая вполне позволяет контролировать его движение, так как она вдвое меньше допустимой для автомобиля этого типа. Этот факт подтверждается и тем, что после ДТП подсудимый смог экстренно остановиться в своем ряду без заноса, без столкновений с другими транспортными средствами.

В силу вышесказанного отпадает и включенный в обвинение признак «заведомости». Титов обвиняется в том, что он «заведомо поставил себя в условия, при которых не был в состоянии обеспечить безопасность движения, в результате чего совершил наезд...».

Стороной обвинения Титову вменяется неосторожная вина (ст. 26 УК РФ) в форме «легкомыслия» (ч. 2 ст. 26 УК РФ), а в преступной «небрежности» (ч. 3 ст. 26 УК РФ) он не обвиняется.

Но для полноты картины есть смысл разобраться и в том, имела ли место со стороны подсудимого преступная небрежность? Имело ли место преступное бездействие?

Иначе говоря, нам надо ответить на вопрос: «Достаточно ли внимательно Титов смотрел по сторонам?»

В Правилах нет указаний, что водитель обязан ожидать нарушения правил другими участниками движения, в том числе пешеходами. Именно поэтому в Правилах не записано: «водитель обязан обнаружить опасность».

Правила говорят только об опасностях, «которые он в состоянии обнаружить» (п. 10.1 ПДД). Эта формулировка ПДД указывает правоприменителю на тот факт, что данная оценка («был в состоянии» — «не был в состоянии») всегда весьма субъективная категория. Она прямо привязана к личности водителя.

Тут нельзя стричь всех «под одну гребенку». Один водитель в состоянии обнаружить, а другой — не в состоянии.

Кто исследовал личность водителя Титова? Никто!

Но прежде чем исследовать субъективную возможность обнаружить пешехода, а без этого признать вину Титова нельзя, следует разобратся в объективной возможности его обнаружения.

Объективной невозможностью предотвратить ДТП — назовем ее «геометрической» — является невозможность увидеть пешехода из-за загромождающего пешехода препятствия (автомобиля, поворота и т. п.) или наезд ввиду недостатка времени для экстренного торможения после того, как водитель обнаружил опасность.

Имеет право водитель следить за спидометром? Как показал в суде эксперт Дианов, водитель даже обязан это делать — для контроля скорости. Взгляд на спидометр с уяснением его показаний в темное время суток занимает не менее секунды.

Имеет право водитель поглядеть в зеркало заднего вида? Имеет, — говорит тот же эксперт, — еще минимум секунда долой! Но водитель имеет право и в боковые зеркала посмотреть! Глянул водитель вперед на свою полосу — никакой опасности. Ну, еще на соседнюю полосу посмотрел. Все едут дисциплинировано. А пешеходов тут быть не

должно, поэтому смотри себе назад: контролируй дорожную обстановку.

Что в деле опровергает версию защиты о том, что из периода времени, рассчитанного в экспертизе следствия как время для торможения, следует вычесть время, в течение которого Титов смотрел в зеркала?

Уберите из экспертизы следствия эти две-три «законные» секунды, и она сильно «покачнется». Можно сказать, «рухнет».

Но она обрушится и без названных допущений. Собственно «арифметика» у экспертов правильная, а вот исходные данные негодные.

На взгляд защиты, «цифровые» показания, данные самим подсудимым на предварительном следствии и фактически уличающие его, не могут в силу ч. 1 ст. 276 УПК РФ быть отнесены к допустимым доказательствам.

В части содержащихся в них конкретных цифр все они были основаны лишь на догадке подсудимого.

Подсудимый до ДТП не задумывался над этими цифрами, не запоминал их.

Подсудимый в своих показаниях на следствии и даже тут — в суде, видимо, от волнения, — тут моя недоработка, — некоторые цифры приводил вовсе несуразные. Например, говорил о том, что ехал рядом с фурой, ограничивавшей ему обзор справа, более 10 минут, чего в условиях Москвы не могло быть даже технически.

Место столкновения в своих первых показаниях Титов перенес в десять раз дальше от очевидного ориентира, чем было на самом деле. Поэтому нельзя учитывать как достоверные и остальные указанные им цифры, которые человеку и зафиксировать, и запомнить гораздо труднее. Как указано в письме Института психологии РАН (автор — профессор, доктор психологических наук В. Барабанщиков), полученном по запросу защиты и приобщенном судом к уголовному делу, человек не в состоянии столь точно определить малые размеры и дистанции в ходе быстротечного ДТП, как это якобы определили на предварительном следствии все свидетели и подсудимый.

Как я уже говорил в своем подробном выступлении в начале процесса, грош цена всем этим «точным» до полуметра цифрам.

Особенно это касается скорости автомобиля, шедшего впереди машины свидетеля Орлова — большегрузной фуры с прицепом, или установления положения относительно этой фуры автомобиля подсудимого.

В судебном заседании свидетель Орлов опроверг свои показания, данные на следствии. Погрешность всех цифр, которые называет Орлов, оценивается самим свидетелем в 20–30%.

В показаниях свидетеля Дарченко, находившегося рядом с потерпевшим, для нас ценно только одно. Свидетель показывает, что до момента наезда он автомобиль подсудимого не наблюдал, хотя смотрел в сторону потерпевшего.

Из этого можно сделать вывод — автомобиль был загорожен от него фурой.

Представляется, что правомерен вывод: в судебном процессе установлено, что у обвинения не осталось ни одного доказательства реально-го местонахождения автомобиля подсудимого до момента его остановки. Нет достоверных доказательств правильности основного критерия виновности Титова: скорости движения автомобиля подсудимого по отношению к рядом идущему транспорту. Даже длина автопоезда, загромождавшего Титову обзор, не ясна, а поэтому при экспертизе должна была приниматься максимальной допустимой по ПДД.

Непроверенные объективным контролем данные без какой-либо критической оценки и, главное, без указания погрешностей передавались для «геометрических» расчетов эксперту. Эксперт эти данные принял, ничуть не удивившись точности измерений, произведенных свидетелями невооруженным глазом.

Считаю, что эксперт был обязан установить и учесть обычные в подобных условиях погрешности. Во всяком случае, сам факт того, что эксперт не учитывал погрешностей, должен был быть экспертом оговорен в своих выводах.

Судебно-медицинская экспертиза установила сильнейшую степень опьянения потерпевшего. Мог он при таком состоянии двигаться, как принято в экспертизе, — равномерно прямолинейно? Однозначно нет! А все расчеты экспертизы следствия построены на этой предпосылке, которую опровергли в суде свидетели.

Данные о скоростях движения, переданные экспертам, опровергаются и следующим. В письме ЦНИИАМ, приобщенном к делу стороной защиты, указано, что спидометр ВАЗ в рассматриваемом диапазоне скоростей может завышать реальную скорость до 8 км/час. Откуда свидетель Орлов черпал знания о скорости своего автомобиля и соответственно фуры, ограничивавшей обзор Титову? Он знал ее из показаний спидометра своих «Жигулей», но спидометр мог показывать на 8 км/ч больше, чем была реальная скорость автомобиля. Значит, эксперты просто обязаны были принять скорость автомобиля Орлова не 70, а 62 км/ч, что опять же оправдывает Титова.

В настоящее время прошло уже 12 месяцев после ДТП. А течение времени, как указано в письме Института психологии РАН, резко снижает достоверность показаний свидетелей. Поэтому доказательствен-

ное значение следственного эксперимента, если его проводить сегодня, будет невелико. Сегодня, больше чем через год после ДТП, пытаться «выжать» из свидетелей истинные данные о скоростях и местоположении участников движения — значит, обманывать самих себя.

Еще раз повторю, что пока мы говорим только об объективной («геометрической») невозможности обнаружения опасности — пешехода — водителем Титовым.

Перейдем, наконец, к возможностям субъективным. Возможностям именно для водителя Титова обнаружить опасность. Они не менее важны, чем относительно легко устанавливаемые — объективные.

Никакая новая экспертиза или эксперименты не помогут стороне обвинения добыть неопровержимые доказательства того, что Титов и субъективно мог обнаружить Коростылева. Правда, говоря о субъективном восприятии, следует оговориться, что личность Титова не исследовалась, поэтому все нижесказанное относится к любому водителю. Даже при «геометрической» возможности вовремя заметить пешехода этому могут воспрепятствовать обстоятельства психологического свойства.

А именно обстоятельства, влияющие на восприятие водителем дороги, на которые указывается в ответе профессора В. Барабанщикова из Института психологии РАН, а именно снижающие возможность обнаружить опасность.

Ни один из факторов, указанных психологом, следствием не учтен: темное время происшествия (23 ч.): большинство водителей при искусственном освещении видят хуже («ночью все кошки серы»); ночное время происшествия (с 22 ч. до 6 ч.): ночью, когда человеку природой положено отдыхать, скорость и возможности восприятия снижаются; темная одежда потерпевшего: дополняет трудности восприятия при искусственном освещении; наличие движущегося рядом с автомобилем подсудимого со стороны движения потерпевшего массивного автомобиля КАМАЗ, который привлекает внимание водителя, резко снижая возможность обнаружения более отдаленной и меньшей по размеру опасности; нахождение в непосредственной близости от места ДТП ярко освещенного рекламного щита, яркость освещения которого значительно превышала яркость уличного освещения в месте перехода потерпевшего и т.д.

Все это мы в зале суда своими глазами видели во время просмотра подготовленных стороной защиты видеоматериалов. Помните, как там все мелькало?

О рекламном щите, из-под которого вышел потерпевший, скажу особо. Речь не идет о том, что подсудимый отвлекся от управления,

глядя на рекламу, и потому проглядел потерпевшего. Дело в другом. Периферическое зрение человека передает в мозг информацию обо всех объектах, попавших в поле зрения. Но информация о больших ярких объектах передается и воспринимается быстрее и в более полном объеме. На ее фоне информация о маленьких и темных объектах передается медленнее или вовсе воспринимается мозгом как «шум», помехи. Возможно, при отсутствии большого яркого щита информация о сером малом предмете — человеке, двигавшемся на фоне серой же толпы на тротуаре, могла бы быть мозгом водителя воспринята лучше.

Следствие даже не задумалось над тем, что «геометрию» необходимо дополнять «психологией». Давно пора в подобных делах изучать и личность водителя. Необходимо назначать соответствующие экспертизы.

Если суд придет к выводу, что защита опровергала «геометрическую» экспертизу следствия, то, понятно, в психологической экспертизе нужды нет.

Резюмирую, что все обвинение зиждется только на косвенных доказательствах, тенденциозно отобранных среди равноценных им оправдывающих. Причем обвинительные доказательства весьма низкого доказательственного качества.

Взять хотя бы проанализированную выше противоречивую экспертизу следствия, опровергнутую свидетелем стороны защиты — экспертом Хреновым.

Таким образом, защитой в судебном заседании опровергнуты все доказательства обвинения без исключения. Как минимум следует признать, что от доказательств вины остались одни «неустрашимые сомнения».

Защита считает, что четко доказано: подсудимый в сложившейся дорожно-транспортной обстановке действовал правомерно.

Объективных же данных для проведения новой сколько-нибудь доказательной автотехнической экспертизы, т.е. экспертизы, которая могла бы иметь категорические выводы, нет. Этот важный факт подтвердил в судебном заседании эксперт Дианов.

Известно, что автоспортсмены, к числу которых относится подсудимый, есть самые дисциплинированные водители. Они обладают особыми навыками автоматического ориентирования в любой дорожной обстановке, и если спортсмен прямо говорит, что не видел, значил и не мог видеть. И никакие косвенные доказательства, а особенно из числа тех сомнительных, которые фигурируют в деле, не могут опровергнуть этого прямого утверждения подсудимого.

Это взгляд защиты. У суда, к нашему несчастью, может быть взгляд, отличный от позиции защиты, поэтому считаю необходимым обратить внимание суда на ряд обстоятельств, которые защита просит признать в качестве смягчающих (ст. 61 УПК РФ).

1. Грубо противоправное поведение потерпевшего, явившееся первопричиной ДТП.

2. Исключительно положительная характеристика с места работы подсудимого.

3. Многолетняя бескорыстная работа подсудимого с детьми в автоклубе.

Среди воспитанников подсудимого два чемпиона Европы по автоспорту в различных дисциплинах!

Не стоит забывать, что подсудимый сам вполне мог погибнуть. И не только он. Потерпевший поставил на грань гибели всех окружающих. На скоростях около 80 км/ч любое столкновение может иметь фатальный исход для всех участников.

Если суд все же придет к заключению о виновности подзащитного, прошу не избирать в качестве наказания лишение свободы.

Коснусь гражданского иска на сумму 528632 рублей. Я никогда не советую своим подзащитным торговаться из-за денег, если они виновны. Даже в сомнительных случаях не советую, какую бы «липу» не представляли потерпевшие в обосновании своих требований. Виноват — отвечай! Но сегодня следует констатировать, что из-за пьяного потерпевшего, явившегося непосредственной причиной рассматриваемой аварии, случайно причастного водителя больше года «тягают» по инстанциям, хотят «посадить», да при этом и обобрать. Попытку гражданского истца получить с подзащитного значительную сумму в компенсацию морального вреда в случае, когда виновник аварии — сам потерпевший, а подсудимый вполне мог погибнуть, можно объяснить только полной потерей моральной ориентации.

Ну, тогда уж, будьте добры, пусть все будет по «букве» процессуального закона и Гражданского кодекса!

Представленные документы вызывают серьезные сомнения в своей подлинности и в достоверности понесенных затрат.

На взгляд адвоката, представленные доказательства не отвечают признакам допустимости, представляются подложными и не подтверждают расходов истицы на погребение.

Квитанция по форме БО-13 № 451001 от 12 апреля с. г. не имеет обязательного реквизита — подписи приемщика, зато имеет мастичный штамп, якобы свидетельствующий о приеме денежных средств, который на квитанциях данного вида никогда не проставляется.

Квитанция к приходному кассовому ордеру № 1246 имеет место в форме, не предназначенной для расчетов с населением, не имеет подписи главного бухгалтера и расшифровки подписи кассира, дата исправлена с 12 на 14 апреля. Исправления в документах данного вида не допускаются.

В ходе подготовки к судебному заседанию нами был произведен опрос дежурного приемщика ОАО «ТБ и К» в помещении морга № 10 Больницы им. Боткина. Она не подтвердила принадлежность названных документов названной организации.

Кроме того, считаю правильным исключить из суммы, предъявленной к возмещению, ботинки мужские, так как в упомянутой выше квитанции уже имеет место обувь похоронная — «тапочки белые».

Представляется, что расходы на вторую и, особенно, столь дорогую пару обуви не могут быть включены в число обоснованных расходов на погребение, компенсируемых согласно ст. 1094 ГК РФ.

Основой для присуждения компенсации должен быть перечень услуг на погребение, предусмотренный постановлением правительства Москвы от 20 ноября 2001 г. — 1045-ПП «О предоставлении гарантированного перечня услуг по погребению на безвозмездной основе».

Представлены к взысканию документы, якобы свидетельствующие о расходах по транспортированию тела для погребения в Липецкую область. В связи с отсутствием документов о захоронении Коростылева в Липецкой области вызывает сомнение и сам факт такой транспортировки. Транспортировка на столь дальнее расстояние разрешена только в металлических «цинковых» гробах, а в документах описан деревянный. Полагаю, в обоснование заявленных сумм требуются документы о захоронении на конкретном кладбище.

Вместе с тем, понимая необходимость предусмотренной законом для владельцев средств повышенной опасности компенсации справедливых расходов на погребение, подсудимый, выступая в качестве гражданского ответчика, готов без всяких оправдательных документов немедленно выплатить истице сумму, равную 12 тыс. рублей, что значительно превышает сумму, предусмотренную распоряжением первого заместителя мэра Москвы в правительстве Москвы от 13 марта 2002 г. № 106-РЗМ «О ценах и тарифах на услуги, входящие в гарантированный перечень по погребению на платной основе», и в 10 раз превышает сумму, предусмотренную письмом Минфина РФ от 8 января 1998 г. № 12-05-01/Д.

В процессуальном плане при отсутствии надлежащих доказательств считал бы правильным при любом выводе суда о виновности подсуди-

мого оставить гражданский иск без рассмотрения и передать в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ в гражданское судопроизводство.

Подводя итоги, защита констатирует следующее.

По объективной стороне состава преступления, предусмотренно ч. 2 ст. 264 УК РФ, у обвинения остался доказанным только один его признак, а именно только тяжкие последствия. Остальные признаки объективной стороны стороной защиты опровергнуты. Нарушение подсудимым Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств места не имело.

Если суд все же усмотрит признаки объективной стороны, то по субъективной стороне состава у подсудимого отсутствует как неосторожная вина в форме легкомыслия, в которой он обвиняется, так и небрежность, в которой он не обвиняется.

В целом же защита просит Титова оправдать в связи с отсутствием в деянии состава преступления по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а гражданский иск оставить без рассмотрения.

* * *

Головинский районный суд г. Москвы принял во внимание доводы защиты и оправдал Владимира Титова, признав его невиновным в нарушении Правил дорожного движения.

Дело А. Наумова

(О продаже мобильных телефонов)

Речь адвоката А.А. Куприянова:

Начиная свою речь, хочу сказать, что данное уголовное дело — пример того, как правильный по своей сути уголовный закон можно вывернуть «на изнанку».

Какие общественные отношения защищает под страхом многолетней тюрьмы ст. 171.1 УК РФ?

Они описаны в самом обвинительном заключении в виде ссылки на закон 1993 года «О сертификации продукции и услуг» (об. закл. л. 1).

В ст. 1 указанного закона сказано:

Сертификация осуществляется в целях:

- создания условий для деятельности организаций и предпринимателей на едином товарном рынке Российской Федерации, а также для участия в международном экономическом, научно-техническом сотрудничестве и международной торговле;

- содействия потребителям в компетентном выборе продукции;

- защиты потребителя от недобросовестности изготовителя (продавца, исполнителя);

– контроля безопасности продукции для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества;

Как было сказано ранее в моем ходатайстве о прекращении дела и как видно из допросов подсудимого и свидетелей, мобильный телефон — особый продукт. Он практически не может быть подделан или фальсифицирован, он не может нанести вред здоровью, поскольку не в состоянии быть включен в сеть связи без разрешения другого федерального органа Госсвязнадзора на конкретный аппарат.

Что касается потребителей, то во всех сертификатах на все мобильные телефоны написаны одни и те же слова, поэтому сделать выбор на основе сертификата невозможно.

Таким образом, в случае с мобильными телефонами сертификация очевидно вовсе не требуется. Но главное — подсудимый торговал именно сертифицированными телефонами.

По поводу того, является ли мобильные телефон тем специальным товаром, который описан в диспозиции статьи 171.1 УК РФ, я достаточно привел, на мой взгляд, неопровержимых доводов в своем ранее уже заявленном ходатайстве о прекращении дела.

Сейчас я только подтверждаю все положения этого ходатайства и прошу суд повторно рассмотреть их при вынесении приговора по настоящему делу.

Добавлю, что в «Послании президента Российской Федерации Федеральному собранию» (официальное опубликование, Изд. «Известия» УД П РФ, 2001 г., л. 22): «Нужно энергично наводить порядок в сферах, где есть избыточное государственное вмешательство. ... Прежде всего в чрезмерной на сегодняшний день обязательной сертификации продукции, ..., разрешениях, регистрациях, ..., не предусмотренных в законах, но настойчиво вводимых всякого рода инструкциями».

Кто же у нас главный орган наведения порядка? Конечно суд, который во всех своих звеньях должен проводить эту весьма правильную президентскую линию.

В обвинительном заключении в числе нормативных актов, на которых основано обвинение, я не нашел документа, доказывающего необходимость наклеивать защищенные марки на мобильные телефоны.

Если в судебном заседании обнаружится такой документ, то без дополнительного расследования не обойтись.

При этом, если суд, изыскав новые неопровержимые доказательства вины, которые защите пока неизвестны, придет к выводу, что мобильные телефоны относятся к числу товаров, маркирование которых защищенными марками обязательно, то следует отметить и следующее.

Зачем вообще необходимы защищенные знаки соответствия? Чтобы гарантировать достижения целей сертификации. Но, как видно из выше сказанного мной и самого судебного следствия, эти цели во всех вменяемых случаях были достигнуты Наумовым в возможно полном объеме.

Все проданные им аппараты были отличного качества, соответствовали маркировке производителя, были, в конце концов, все сертифицированы!

Таким образом, следует сделать вывод о том, что, хотя отдельные признаки состава преступления могут быть усмотрены, но имеют место и все основания для применения п. 2 ст. 14 УК РФ, которая гласит, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Уверен, что никакой общественной опасности — ни большой, ни маленькой — содеянное подсудимым не имеет!

О правомерности применения этой нормы УК говорит и тяжесть санкции вменяемой статьи, никак не соответствующая содеянному. Напомню, что никто не только не пострадал, но и не мог пострадать, а госбюджет от получения причитающихся от продажи налогов даже выиграл.

Теперь, закончив с признаками объективной стороны состава, перейдем к субъективной. Адвокат обязан отработать дело со всех сторон.

Кто наш субъект?

Молодой, инициативный, грамотный в техническом плане человек — инженер.

Правда, вовсе не юрист. Где же ему разобраться в таком массиве законов, дополнений, изменений, писем и проч., и проч.?

В одном из допросов говорится о том, что Постановление № 601 было Наумову знакомо. Знакомо, конечно, он этого и не отрицал.

Но как инженеру ему было понятно, что радиостанции, к которым в силу действующего классификатора и здравого смысла, относятся мобильные телефоны, не входят ни в понятие «аудио-видеопродукция», ни в понятие «компьютеры», названные в 601-м постановлении, тем более они не относятся и к алкогольной продукции.

Иначе говоря, не было у подсудимого умысла нарушать закон, ведь даже орган сертификации РОСТЕСТ-Москва счел, что маркирование мобильных телефонов защищенными марками, «не предусмотрено» (л. д. 15).

Того же мнения были и юристы, к которым он обращался, и все другие продавцы на рынке.

Именно удостоверившись в своей правоте, Андрей и продолжил торговлю (см. 2 эпизод).

Кстати, об эпизодах.

На мой взгляд, в силу прямого указания ст. 16 УК РФ вывод следствия о наличии совокупности преступлений ошибочен.

Следствием зафиксировано три эпизода деяния, на их взгляд, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, т. е. одной частью одной статьи, имевшие место 31 августа и 9 ноября 2001 года. То, что первое состоялось до возбуждения уголовного дела, а второе после возбуждения в плане материально-правовом значения не имеет.

Очевидно, что все эпизоды вполне однородны и охватываются понятием неоднократности, предусмотренным ст. 16 УК РФ. В этом случае всякие основания говорить о совокупности преступлений по ст. 17 УК РФ, по мнению защиты, отсутствуют.

А вот при оценке смягчающих наказание обстоятельств факт продажи товаров после возбуждения уголовного дела показателен.

На взгляд защиты, имеют место обстоятельства, предусмотренные ст. 61 п. «Д» «совершение деяния в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств».

Как видно из допроса обвиняемого и свидетелей, Наумов закупал оптом телефоны на заемные деньги. Бизнес дело жесткое, иногда даже жестокое, в России всегда опасное. Не отдав долг вовремя, Андрей мог попасть в пожизненную кабалу, потерять бизнес, все, что создавалось годами с таким трудом. И вот тут никто из «правоохранителей» ему бы точно не помог. «Когда убьют — приходите, а пока оснований нет», — дежурная шутка нашей милиции.

Имел место у Наумова и «мотив сострадания», указанный в том же законе.

Если бизнес рухнет? Куда пойдут все его многочисленные сотрудники со своими детьми? На улицу, побираться?

Как всякий настоящий руководитель, молодой, но уже вполне состоявшийся гражданин нашей Родины, подсудимый Наумов, в первую очередь думал о подчиненных и только потом о своем благополучии.

Я прошу суд учесть вышесказанное о безработных сотрудниках и, если дойдет, до решения вопроса о конфискации имущества.

Государство при конфискации не сильно обогатится, как видно из материалов дела — 3 телефона из изъятого у Наумова уже украли. Не будем показывать пальцем на свидетелей в погонах, так как «не пойман не вор». Судьба конфискатов у нас так же, как правило, плачевна: разворуют.

А вот сотрудники подсудимого, все сегодняшние свидетели, «по миру» пойдут автоматически, прямо с завтрашнего дня.

Вторым смягчающим наказанию обстоятельством прошу суд признать в порядке ч. 2 ст. 61 УК РФ исключительно положительную характеристику, данную подсудимому трудовым коллективом и приобщенную к материалам дела.

Представляется, что обстоятельства отягчающие наказание полностью отсутствуют.

Если суд все же признает Наумова виновным..., суд есть суд и предсказание его вердикта дело для адвоката неблагоприятное, я просил бы суд применить при назначении наказания ст. 64 УК РФ и назначить подсудимому более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией вменяемой части статьи 171.1 УК РФ. Например, штраф.

Исключительность ситуации, в контексте ст. 64 УК РФ, в данном случае определяется как совокупностью смягчающих обстоятельств, так в основном и неопределенность правового положения предметов преступления, разобраться с которым не в силах даже юристы.

Если суд вынесет обвинительный приговор, значит с правовым положением мобильных телефонов не смог разобраться даже я — опытный юрист, автор многих статей в «Российской юстиции», награжденный премией «Фемида» и правительственной наградой за участие в правовой реформе.

Из мелочей, обращаю внимание суда на то, что мобильного телефона модели SONY — Z5, указанной в обвинительном заключении в природе не существует.

Есть SONY-CMD — Z5; может быть это и мелочь, но в деле, где признаком преступления является специально описанный предмет и его сертификация, эта описка характеризует общий низкий уровень предварительного расследования.

Более серьезно то, что в числе доказательств, на которых основано обвинительное заключение, имеет место Постановление Госстандарта № 56, а л. д. 104, якобы относящийся к названному постановлению, представляет из себя выписку из совершенно другого документа — Постановления Госстандарта № 5, что на взгляд защиты недопустимо. Это прямая фальсификация доказательств обвинением.

Важно, что оба эти документа не проходили регистрации в Минюсте, не были опубликованы порядком, установленным п. 8 Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов фе-

деральных органов исполнительной власти» (с изменениями от 16 мая 1997 г., 13 августа 1998 г.), и потому не могут порождать обязанности, обязательные для граждан, в т. ч. для подсудимого.

Прошу суд моего подзащитного оправдать за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК РСФСР) ввиду отсутствия у него в обороте специального товара, описанного в диспозиции статьи 171.1 УК РФ, или за отсутствием состава преступления п. 2 ст. 5 УПК РСФСР ввиду отсутствия умысла на совершение вменяемого преступления.

Если суд будет склоняться к обвинительному вердикту, прошу учесть все вышесказанное.

Дайте честному человеку возможность нормально работать и дальше приносить пользу обществу.

* * *

Подзащитный оправдан Тушинским судом.

Дело Хатовой¹ (Налоговое дело)

Речь адвоката А. Куприянова:

Уважаемый суд!

Диспозиция вменяемой моей подзащитной статьи 198 УК РФ прямо указывает на важный для судьбы дела факт. Преступным вменяемое подсудимой деянием, объективную сторону которого образует в частности бездействие при подаче декларации по НДФЛ, может стать только тогда, когда у лица возникает отличная от нуля налогооблагаемая база. Иначе говоря, неподача декларации может стать преступлением тогда и только тогда, когда налогоплательщик оказывается обязанным уплатить определенную сумму налога и при этом эта сумма превышает размер, который закон считает крупным. Конечно при дополнительном условии присутствия всех признаков субъективной стороны состава преступления.

Соответственно, если у подсудимого нет обязанности заплатить налог, то нет и состава преступления по его объективной стороне, а именно отсутствует само событие преступления, выражающееся в уклонении от уплаты конкретно причитающейся суммы налога.

Посмотрим еще раз, имеется ли у подсудимой невыполненные налоговые обязательства по доле в квартире, полученной ею по наследству от своего отца, умершего 01.03.2000 г.?

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kupriyanov.info/speeches/2011-01-06-13-59-22>

Наследство открылось в дату смерти наследодателя. Наследница проживала (была зарегистрирована) в одной квартире с наследодателем, то есть фактически владела ей (что подтвердил и свидетель — оперативный сотрудник милиции Арбузов, допрошенный в суде), оплачивала квартиру и даже налог на квартиру — налог на недвижимость. Иначе говоря, вне всякого сомнения, подсудимая-наследница наследство приняла.

В нашем случае, подзащитная, проживая совместно с отцом-наследодателем в одной квартире и зарегистрированная там же, в силу презумпции, установленной п. 2 ст. 1153 ГК, приняла наследство без подачи заявления нотариусу. Это было ее законное право. Она не нарушила какого-либо закона. Хатова приняла наследство в момент смерти отца. А нотариус, выдав свидетельство о праве на наследство в 2007 году, этот бесспорный для нас и для нотариуса факт подтвердил, т. к. иначе он обязан был бы отказать в выдаче свидетельства и потребовать судебного решения. Нотариальное свидетельство от 11.12.2007, как явствует из его текста, подтвердило возникновение права собственности Хатовой на спорную долю квартиры. То есть из самого нотариального документа, выданного за неделю до госрегистрации этого права, следует, что право возникло совсем не 18.12.2007, как это полагает обвинение, а как минимум существовало 11.12.2007.

Важно отметить, что нотариус только подтверждает факт возникновения этого права. Сами нотариальные действия в силу своей специфики принципиально никогда (!) не оказывают влияния на наступление того или иного юридического факта. Они их только фиксируют. Дата возникновения права собственности наследника при наследовании (универсальном правопреемстве) всегда в силу закона совпадает с датой открытия наследства. Об этом очень подробно сказано в ходатайстве защиты № 1.

Таким образом, право собственности на наследственное имущество, безусловно, возникло у Хатовой именно 01.03.2000 г. и к моменту отчуждения имущества в виде $\frac{1}{4}$ квартиры, произошедшего 25.12.2007 г. оно находилось в собственности подсудимой более 3 лет.

Заметим, что Налоговый кодекс РФ связывает те или иные налоговые последствия именно с датой возникновения права собственности, справедливо не считая дату регистрации названного права существенным обстоятельством и даже ни в каком ином контексте не упоминая о такой регистрации.

Соответственно подсудимая независимо от факта неподачи ею декларации имеет право на налоговый вычет в полном размере выручки (п. 1 ст. 220 НК РФ). Таким образом, вменяемое уклонение не имело места, т. к. у подзащитной не было обязанности уплатить налог, и кроме

того, необходимое вредное последствие в виде непоступления денежных средств в соответствующий бюджет также отсутствует.

В Обвинительном заключении нет никаких умозаключений со ссылками на нормы права в обоснование того, что право собственности на наследство якобы возникло у подзащитной лишь в указанную в Обвинительном заключении дату — 18.12.2007 г. (дата госрегистрации этого права). Право собственности всегда принципиально возникает ранее даты его регистрации, кроме случаев установленных законом. В отношении наследства таких исключений законодатель не утвердил.

Это же подтверждается и текстом самого обвинительного заключения.

Стоит заметить, что молодой сотрудник ИФНС, допрошенный судом в качестве свидетеля — Даненков, сообщил, во-первых, что передача физического лица с учета в одной ИФНС на учет в другую ИФНС в связи с изменением места жительства происходит автоматически по данным регистрации милиции в силу п. 4 ст. 85 НК РФ, во-вторых, все ИФНС в силу п. 4 ст. 85 НК РФ имеют данные по обороту недвижимости, зарегистрированной ФРС по Москве, и имеют возможность и обязанность привлечь каждое лицо, получившее доход в прошедшем году к уплате НДФЛ в следующем году даже, если отчуждатель недвижимости не подал декларации. Направляли ли Хатовой из ИФНС предупреждение о необходимости уплатить НДФЛ со сделки по отчуждению последней квартиры, свидетель не знает.

Заметим, подсудимая заявила, что подобного документа из ИФНС не получала. По существу конкретного дела свидетель ничего не сообщил. Далее суд задал свидетелю вопрос, на взгляд защиты, более подходящий для специалиста и оказалось, что свидетель убежден, что дата возникновения права собственности у Хатовой совпадает с датой госрегистрации этого права. При этом свидетель сообщил, что по образованию является инженером. В обоснование своих ошибочных суждений свидетель не смог сослаться на норму права, зато сообщил суду, что в его личной практике случаев идентичных рассматриваемому не было, поэтому он рассуждает тут в суде не по прецеденту или инструкции, описывающей подобные случаи, а по собственному его — инженера разумению. Заметим, что в главе 23 НК «НДФЛ» слово регистрация встречается всего 4 раза (1 раз — касается служебного загранпаспорта, 1 раз — фермерского хозяйства, 2 раза — индивидуального предпринимателя). В контексте применимых норм НК слово регистрация чего-либо не встречается ни разу!

Допрошенная судом специалист-ревизор ОНП подполковник Платонова сообщила суду, что имеет только среднее экономическое (бух-

галтерское) образование, а так же высшее юридическое образование. Все доводы экспертизы обвинения опровергнуты с подробной аргументацией допрошенным в суде специалистом, приглашенным стороной защиты, проф. Гришковцом А.А., профессором, доктором наук.

Защита обращает внимание суда на следующее. Среди комментаторов существует отрицательное мнение о самой возможности вменения статьи 198 УК РФ в подобных случаях. Большинство ученых справедливо полагают, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности по сходным фактам должны оправдываться, поскольку подача или неподача декларации в данном случае никак не влияет на процесс извещения налоговых органов о факте продажи недвижимости. Эти сведения они получают от ФРС в силу вышеназванного закона без участия налогоплательщика в обязательном порядке и в автоматическом режиме. Декларация же нужна только самому налогоплательщику для заявления о причитающихся ему вычетах.

В рассматриваемом сегодня судом случае подсудимую ввели в заблуждение в риэлторском агентстве, в котором она специально задавала вопрос о необходимости совершения ею каких-либо действий в связи с продажей недвижимости и получила ответ, что ничего делать не требуется.

Далее, как видно из материалов дела, она пыталась связаться с налоговыми органами по телефону, а налоговая инспекция была обязана давать справки по телефону, эту свою обязанность не выполнила. Не привлекла ИМНС также подсудимую к административной ответственности за непредставление в срок декларации.

Какие же действия налоговые органы в кругу своих обязанностей должны были совершить, получив в 2007 году сведения из ФРС? Они были обязаны привлечь подсудимую к налогообложению в 2008 году, направив ей соответствующий запрос. Этой обязанности посвящена целая глава 14 Налогового кодекса РФ. Но этой обязанности ИФНС не выполнила.

В совокупности все эти обстоятельства должны были подтвердить подсудимой ее полностью соответствующее бездействию налоговых органов мнение, сформированное допрошенными риэлторами. Во-первых, правильное об отсутствии у Хатовой объекта налогообложения и, во-вторых, ошибочное об отсутствии обязанности подавать декларацию.

Посмотрим далее, каким образом органы следствия получили информацию о якобы совершенном преступлении? Конечно, из базы данных. Сверили информационную базу сделок с базой поданных деклараций. Вот и вся оперативная работа.

Многие комментаторы полагают сомнительным при таких обстоятельствах осуждение лица, вовремя не подавшего декларацию именно в ФНС. Ведь получается, что наличие или отсутствие преступления зависит от качества и добросовестной работы государственной службы. Полагаю, это обстоятельство есть самостоятельное основание для оправдания.

У подсудимой, вне всякого сомнения, не было умысла на совершение вменяемого ей преступления потому, что она полагала после консультации специалистов-риэлторов, что налог ей платить не следует.

Ровно об том же говорит и письмо ФНС, приобщенное защитой к делу в предыдущем судебном заседании: «При решении вопроса о моменте возникновения права собственности на имущество, переходящее в порядке наследования, необходимо учитывать следующее. ... Свидетельство о праве на наследство по закону или по завещанию является достаточным доказательством наличия и объема права на наследственное имущество. ... Следовательно, право собственности на наследственное имущество возникает у наследника со дня открытия наследства (дня смерти наследодателя) независимо от даты государственной регистрации этих прав».

Именно этим письмом и руководствовался риэлтор-консультант, дававший разъяснения подзащитной, в которых он его должен был упоминать, что не отрицает и подсудимая. Таким образом, подзащитная только выполнила разъяснение ФНС РФ.

Как выяснилось в ходе исследования доказательств, обвинение увидело трудность в толковании следующего абзаца вышеназванного письма: «Реализация права на предусмотренный подпунктом 1 пункта 1 статьи 220 НК РФ налоговый вычет ставится в зависимость от подтверждающих документов (договора купли-продажи, свидетельства о государственной регистрации права, платежных документов), а не от правоустанавливающих обстоятельств, в частности от основания и момента возникновения права собственности на соответствующее имущество налогоплательщика».

В контексте приведенных ранее цитат того же документа, не вызывающих двойного толкования, рассматриваемый абзац говорит лишь о том, что возникшее в силу закона право на налоговый вычет должно реализовываться (оформляться) только в случае предоставления полного пакета документов, в который должно входить, конечно, и свидетельство о государственной регистрации прав на недвижимость. Правоустанавливающими же обстоятельствами в данном случае являются смерть наследодателя, родственные отношения с последним подсуди-

мой и проживание дочери в квартире отца. Понятно, что налоговый орган не может и не должен подменять нотариат и ФРС, учитывая эти обстоятельства непосредственно.

Кроме того, лингвистическое толкование абзаца показывает, что слова «в частности от основания и момента возникновения...» никак не относятся к периоду (части предложения) «а не от правоустанавливающих обстоятельств», так как в нем отсутствует частица «НЕ». Конец фразы относится либо к первой части рассматриваемого предложения, предшествующей союзу «а», либо имеет самостоятельное значение перечисления.

А именно, считали бы правильным следующее толкование: реализация права зависит, во-первых, от подтверждающих документов, во-вторых, не зависит от правоустанавливающих обстоятельств, в-третьих, зависит от основания и момента возникновения права собственности.

Впрочем, при любом толковании значимость исследуемого абзаца не может превысить значимость прямого указания того же письма данного тремя абзацами выше, потому что, повторяю, в исследуемом абзаце речь идет не о самом праве, что только и важно для уголовного дела, а лишь о порядке реализации этого возникшего права.

Наличие подобного разъяснения, прямо противоречащего обвинению, по мнению Верховного суда (Постановление Пленума от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» — п. п. 3 и 8), исключает умысел подзащитной, а соответственно и состав преступления по его субъективной стороне.

Прошу подзащитную оправдать по основаниям ст. 24 УПК РФ.

Кроме того, обращаю внимание суда на следующую юридическую ошибку обвинения, важную для оценки социальной опасности личности подсудимой. Целью налогового преступления не может быть «личное обогащение» (такая цель якобы была у подсудимой согласно обвинению), поскольку неуплата налогов не увеличивает размер собственного имущества субъекта. Уплата налога, в зависимости от их размера, скорее предпосылка к разорению налогоплательщика. То есть имущественной целью неплательщика может быть его нежелание впасть в бедность (просто стать беднее) или обанкротиться. При этом такое поведение криминология считает менее социально опасным, чем основанное на мотивах наживы.

В случае обвинительного приговора, прошу применить санкцию в виде штрафа, назначив его ниже нижнего предела в размере 30 тыс. рублей с учетом данных о личности подсудимой...

При назначении наказания в виде лишения свободы, прошу применить условное осуждение и прямо указать в приговоре, что подсудимая не ограничивается судом в праве выезда из Российской Федерации. При отсутствии такого указания, в силу не основанной на законе, но повсеместно существующей практики, сложившейся в органах ФМС, условное осуждение приведет к отказу в выдаче подсудимой нового загранпаспорта (срок действия имеющегося истекает в 2010 году), что неизбежно приведет к запрету на исполнение служебных обязанностей.

Гражданский иск в случае вынесения обвинительного приговора прошу передать для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, поскольку в исковом заявлении не рассмотрены правоотношения, возникшие в связи с наследованием квартиры в период действия закона о налоге «О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения», а также не учтена подлежащая в таком случае возврату переплата подсудимой и третьими лицами — ее сыновьями, не привлеченными к настоящему производству по гражданскому иску, налога на имущество в части четверти квартиры, якобы в этом случае не находившейся ни в чьей собственности в течение 7 лет. Удовлетворение иска в полной сумме без учета переплат по налогу на недвижимость и привлечения к процессу третьих лиц полагаю необоснованным.

* * *

Симоновский районный суд, рассмотрев уголовное дело № 1-493/09, принял во внимание доводы защиты. Хатова была приговорена к лишению свободы условно.

Дело о признании права собственности на часть дома¹

Краткое содержание дела: истец требовал признать его право собственности на часть дома, которым он много лет пользовался и реконструировал, так как отец истца — титульный владелец дома — подарил весь дом сестре истца — своей дочери.

Адвокат А. Куприянов защищал интересы стороны ответчика, формально являясь представителем третьего лица. Дело осложнялось тем, что судья с первого заседания явно встал на сторону Истца: стыдил старика-отца, грубил ответчице. Для предотвращения незаконного, на взгляд адвоката, решения, Куприянов написал статью «Можно ли по-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=5456&start=0>

дарить собственный дом?» в судебный журнал «Российская юстиция» (1996. № 3).

Авторитет журнала решил дело в пользу ответчика, хотя судья во-лынил это очевидное дело еще полтора года.

Речь адвоката А.А. Куприянова:

Истец представил аргументы, обосновывающие в той или иной мере факты его участия в работах по ремонту дома (квитанции, как было показано, в большинстве не соответствующие действительности и свидетелей, противоречащих друг другу).

Отметим, что все спорные правоотношения сторон происходили уже после принятия новых законодательных актов России о собственности.

Для установления факта «договоренности» о создании общей собственности на жилой дом, на необходимость доказательства которого для удовлетворения данного иска указывает п. 5 Пост. Пл. ВС СССР № 4-81г., как, впрочем, и для любого договора, необходимо доказать предмет этой «договоренности».

Но ни эти квитанции, ни свидетели (учет показаний которых для установления факта сделки, имеющей очевидный «дефект формы» вообще неправильно) не показали и не могли показать ничего о предмете того устного договора (что такое «договоренность?»), который был якобы заключен между сыном и отцом, но который последний начисто отрицает.

Предметом «договоренности», само наличие которой, повторюсь, ответчики отрицают, могло быть, с таким же успехом, например, последующая продажа части построенного сооружения третьему лицу, аренда дома Истцом, временное или постоянное пользование домом и т. п.

Чем, кроме голословного заявления самого истца доказывается, что речь могла идти только и именно о создании совместной собственности?

Ничем!

В зале суда не прозвучало ни одного довода в доказательство этого тезиса.

В том же пункте упомянутого выше Постановления Пленума ВС СССР говорится, что «сам по себе факт содействия застройщику со стороны членов его семьи или родственников в строительстве дома не может являться основанием для удовлетворения их претензий к застройщику о признании права собственности на часть дома».

Изложенное обоснование истцом своих претензий, тем более странно, и из-за того, что Истец никак не объясняет, почему же дочь в этой

«договоренности» не участвовала, хотя вложения ее семьи значительно больше?

Истец также старательно замалчивает факт получения им именно в то время, когда он помогал отцу отремонтировать дом, права на московскую квартиру отца, что, по мнению ответчиков, напрямую между собой связано.

На наш взгляд, претензии, изложенные в исковом заявлении и повторенные сегодня в процессе, совершенно безосновательны по следующим причинам.

Сыров Г.Е. на законном основании распорядился принадлежащим ему и только ему правом — правом собственности на жилой дом. Как видно из выступления в суде несмотря на преклонный возраст его дееспособность ни у кого не вызывает сомнений. Его собственность не была обременена и согласие каких-либо третьих лиц на ее отчуждение не требовалось.

Ответчик мог подарить дом не только своей дочери, что более, чем естественно, но и Церкви, Детскому дому, наконец, государству.

Такие случаи не единичны и именно тогда, когда сын чем-либо не устраивает — обижает родителей. А сын, который не только не подчинился святой родительской воле, но и ухитрился подать на отца в суд, по-видимому, вполне заслуживает лишения наследства.

Важно отметить и то, что как было сказано ранее, любое строительство со стороны Истца было в данном случае самовольным без соответствующего разрешения компетентных госорганов. Поэтому даже в том случае, если бы все, что он считает своим, было бы построено в чистом поле, и тогда права собственности на указанные строения у Истца не возникло.

По поводу доказательственного значения проведенной судом экспертизы я могу повторить только аргументы, изложенные в моей статье «Можно ли подарить собственный дом?», опубликованной в журнале «Российская юстиция» № 3, 1996 г. (Рубрика «Судебная практика»).

На мой взгляд, то, что экспертиза проведена с грубейшими нарушениями закона, совершенно некомпетентным лицом, явно тенденциозно, и преследовала лишь цель угодить истцу, для решения вопроса роли не играет и не дает никаких оснований считать Истца сособственником спорного дома.

На основании вышеизложенного прошу в иске отказать.

* * *

Суд в иске отказал.

Липецкер М.С.

Адвокат Московской областной коллегии адвокатов.

Кандидат юридических наук

Дело С.И. Зубова¹

(Об изъятии самовольно построенного дома)

Краткое содержание дела: по договору купли-продажи от 14 апреля 1969 г., удостоверенному сельским Советом народных депутатов, С.И. Зубов приобрел у В.И. Кудрявцева жилой дом, расположенный в сельской местности в одном из районов Московской области.

В 1973–1975 гг. Зубов разобрал дом, купленный у Кудрявцева, и на его месте построил новый дом, использовав при этом часть строительных материалов, оставшихся от старого дома.

23 апреля 1976 г. райисполком вынес решение об изъятии у Зубова построенного им дома в фонд местного Совета на родных депутатов. Оно было мотивировано тем, что Зубов незаконно купил старый дом у Кудрявцева и самовольно построил вместо него новый дом большего размера.

Во исполнение указанного решения райисполком предъявил к Зубову иск о безвозмездном изъятии построенного им дома на основании ст. 109 ГК РСФСР.

Речь адвоката М.С. Липецкера:

Уважаемые товарищи судьи!

Вряд ли есть необходимость подробно останавливаться на том, какое важное значение имеет борьба с самовольным строительством. Общеизвестно, что самовольное строительство затрудняет осуществление реконструкции городов и сел, нарушает их планировку, ухудшает их внешний вид и благоустройство. В результате самовольного строительства происходит внеплановое перераспределение земли.

Именно поэтому у нас запрещено всякое самовольное строительство, с ним ведется решительная борьба. В частности, действующее законодательство не только предусматривает уголовную ответственность за самовольное строительство, но и допускает принудительный

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=5>

снос или безвозмездное изъятие в собственность государства самовольно возведенных строений.

Установленные меры борьбы с самовольным строительством помогут искоренить такие правонарушения. Но, к сожалению, иногда требования об изъятии домов как построенных самовольно предъявляются тогда, когда застройщик не мог своевременно оформить разрешение на строительство не по своей вине, а по вине местных органов власти, либо когда дом в целом был построен правильно, на законном основании, но застройщиком были допущены кое-какие мелкие, легко устранимые нарушения и т. п.

Дело Зубова, которое вы сегодня рассматриваете, представляет собой пример этого. Райисполком поставил вопрос об изъятии дома Зубова без всяких оснований, только по клеветническому доносу одной из его соседок — гр-ки Сурковой.

Требование райисполкома об изъятии принадлежащего Зубову дома мотивировано тем, что Зубов:

- 1) купил у Кудрявцева старый дом без разрешения райисполкома;
- 2) купил его не для того, чтобы жить, а для того, чтобы снести его и построить на том же месте новый дом;
- 3) построил новый дом самовольно, без надлежащего разрешения;
- 4) увеличил габариты нового дома по сравнению с габаритами старого дома, купленного у Кудрявцева, почти вдвое и, кроме того, построил мансарду площадью около 40 кв. метров, которой не было в старом доме.

В ходе судебного разбирательства ни один из приведенных пунктов не подтвердился.

В частности, довод о том, что Зубов купил старый дом у Кудрявцева якобы без разрешения райисполкома опровергнут представленной Зубовым нотариально заверенной копией решения райисполкома от 11 апреля 1969 г., согласно которому Кудрявцеву разрешено продать Зубову свой дом.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что договор купли-продажи старого дома от 14 апреля 1969 г. был заключен Зубовым фиктивно, с целью прикрыть незаконное приобретение земельного участка для строительства.

В основе этого утверждения лежит предположение, что Зубов с самого начала, т. е. еще тогда, когда покупал старый дом у Кудрявцева, не собирался жить в нем, а имел намерение снести его и построить на том же месте новый дом. Но данное предположение ни на чем не основано. Оно не подкреплено никакими доводами и не подтверждено никакими доказательствами, а представляет собой беспочвенную догадку, кото-

рая не может иметь практического значения и не должна учитываться судом.

В действительности же Зубов, покупая старый дом у Кудрявцева, имел намерение жить в нем. Правда, он знал, что дом построен более 25 лет назад и нуждается в ремонте. И со временем он собирался произвести такой ремонт. Но у Зубова тогда еще не возникало мысли о сносе старого дома и постройке на его месте нового.

Однако когда Зубов через четыре с лишним года собрался отремонтировать старый дом, пригласил для этого рабочих и приступил к ремонтным работам, дом неожиданно начал заваливаться. Его пришлось разобрать. При этом выяснилось, что большая часть стен сгнила, изъедена жучком и превратилась в труху. В таком же состоянии находились и многие другие деревянные конструкции. В результате оказалось, что вновь собрать старый дом невозможно. Поэтому Зубову пришлось приступить к постройке нового дома.

Изложенное подтверждено многочисленными свидетелями, в том числе рабочими Луневым и Ошаниным, которых Зубов нанял сначала для ремонта старого дома, а затем для постройки нового, соседом Позументиновым, с которым Зубов постоянно советовался по всем делам, связанным с домом, и др. Все свидетели являются посторонними для Зубова людьми и не заинтересованы в исходе дела. Их показания не опровергнуты и не опровержены.

О том, что Зубов купил у Кудрявцева старый дом для проживания, а не для сноса, свидетельствует и то, что после покупки Зубов прожил в нем свыше четырех лет — с апреля 1969 года по июнь 1973 года. Если бы Зубов купил дом для того, чтобы снести его и построить на том же месте другой дом, то он, несомненно, приступил бы к этому не через четыре года, а значительно раньше.

Не менее важно и то, что из приобщенного к делу списка строительных материалов, приобретенных Зубовым, видно, что до лета 1973 года, т. е. до тех пор, пока старый дом не развалился, Зубов купил только несколько кубометров леса и незначительное количество кирпича-половняка, нужных для ремонта дома, а в основном материалы для строительства нового дома были заготовлены им в конце 1973 года и в 1974 году.

Это также свидетельствует о том, что намерение построить новый дом возникло у Зубова лишь после того, как выяснилось, что старый дом невозможно восстановить.

Все сказанное исключает возможность признания фиктивным договора на покупку старого дома, заключенного 14 апреля 1969 г. между Кудрявцевым и Зубовым. Согласно ст. 53 ГК РСФСР сделка может

быть призвана притворной (т.е. фиктивной) только в случае, если она совершена с целью прикрыть другую сделку, которая в действительности имела в виду. Значит, для признания сделки притворной, необходимо установить, что лицо, ее совершившее, сознательно преследовало цель добиться результатов, вытекающих из прикрываемой сделки, т.е. действовало умышленно.

В данном же случае в действиях Зубова не было никакого умысла.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 года «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении ст. 109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома» указано, что поскольку безвозмездное изъятие дома на основании ст. 109 ГК РСФСР есть карательная статья за правонарушение, постольку эта мера может быть применена «лишь при доказанности вины лица, осуществившего самовольное строительство». Следовательно, если Зубову нельзя вменить в вину то, что он на месте старого дома, купленного у Кудрявцева, построил новый дом, то это не может служить основанием для безвозмездного изъятия у него дома на основании ст. 109 ГК РСФСР.

В обоснование своего иска об изъятии дома Зубова райисполком сослался также на то, что он был возведен Зубовым самовольно, без разрешения местных органов власти.

Но в процессе рассмотрения дела в суде выяснилось, что 21 мая 1974 г. исполком сельского Совета народных депутатов вынес решение, в котором было записано, что в связи с тем, что старый дом Зубова пришел в ветхость и стал непригоден для жилья, ему разрешается перестроить его в прежних габаритах; вопрос же об устройстве мансарды согласовать с районным архитектором.

Следовательно, разрешение на постройку нового дома у Зубова было.

Правда, в судебном заседании представители райисполкома пытались опорочить это решение исполкома сельского Совета народных депутатов на том основании, что оно якобы не имеет силы. При этом они указали, что исполком сельского Совета народных депутатов неправомочен выносить такое решение, ибо право санкционировать новое строительство принадлежит только райисполкому, что решение исполкома сельского Совета народных депутатов от 21 мая 1974 г. вынесено уже после того, как Зубов разобрал старый дом и приступил к постройке нового, и что упомянутое ранее решение в настоящее время отменено решением райисполкома от 9 июля 1976 г.

Однако все эти доводы совершенно необоснованны и не могут быть приняты во внимание.

Ссылка представителей райисполкома на то, что исполком сельского Совета народных депутатов не имел права давать разрешение на постройку дома и что оно могло быть дано только самим райисполкомом, не основано на законе. В статье 4 «Правил застройки сельских населенных пунктов РСФСР», утвержденных постановлением Совета Министров РСФСР от 6 мая 1970 г. № 28, записано, что все виды строительства и благоустройства в сельских населенных пунктах производятся с разрешения соответствующего исполкома сельского, поселкового и районного (в районных центрах) Совета народных депутатов. Следовательно, разрешение райисполкома необходимо только для строительства в районных центрах, а для сельских населенных пунктов достаточно разрешения исполкома сельского Совета народных депутатов.

Решение исполкома сельского Совета народных депутатов от 21 мая 1974 г. не может быть опорочено и по тому мотиву, что оно было вынесено уже после того, как Зубов начал строить новый дом. Объяснениями бывшего председателя сельского Совета народных Депутатов Алехиной установлено, что Зубов обратился в сельский Совет за разрешением на перестройку дома еще летом 1973 года, сразу после того как его старый дом развалился и возникла необходимость в строительстве нового, т. е. своевременно. Но в тот момент Алехина была занята и не могла оформить письменное разрешение.

Поэтому она предложила Зубову приступить к строительству на основании ее устного разрешения с тем, что соответствующее письменное решение будет вынесено позже. Следовательно, если и имела место какая-то задержка в оформлении разрешения на строительство, то не по вине Зубова, а по вине соответствующего должностного лица, за действия которого Зубов не может нести ответственности.

Кроме того, нужно иметь в виду, что выдача надлежаще уполномоченным органом разрешения на строительство, хотя бы и задним числом, исключает возможность признания его самовольным.

Не может иметь значения для дела и то, что разрешение на постройку нового дома, выданное Зубову исполкомом сельского Совета народных депутатов 21 мая 1974 г., было отменено решением райисполкома от 9 июля 1976 г.

Разрешение было отменено через два года после того, как Зубов закончил постройку дома, и даже после того, как райисполком возбудил в суде дело об изъятии этого дома. Когда Зубов строил дом, он не знал и не мог предполагать, что имеющееся у него разрешение на строительство будет отменено.

Следовательно, это также не может быть поставлено ему в вину.

Из изложенного можно сделать вывод, что попытки представителей райисполкома опорочить выданное Зубову разрешение на строительство нового дома являются несостоятельными.

Зубов построил дом не самовольно, а с разрешения управомоченного на это местного органа власти.

В заключение я хочу остановиться на утверждении представителя райисполкома о том, что Зубов якобы почти вдвое увеличил габариты нового дома по сравнению с размерами старого дома, купленного у Кудрявцева, и, кроме того, оборудовал в новом доме жилую мансарду, которой не было в старом доме.

И это утверждение беспочвенно.

Райисполком пытался уверить суд в том, что площадь старого дома составляла всего 38 кв. метров, а Зубов построил дом площадью 68 кв. метров.

То, что в новом доме Зубова имеется 68 кв. м полезной площади, не вызывает никаких сомнений. Это указано в материалах Бюро технической инвентаризации и подтверждено строительно-технической экспертизой.

Что же касается размера старого дома, то официальных данных, подтверждающих, что в старом доме было всего 38 кв. м, нет. В то время (до 1969 года) техническая инвентаризация домовладений в сельских местностях не проводилась, планы домов не составлялись, обмеры не производились.

Исполком взял сведения о размерах старого дома из договора купли-продажи от 14 апреля 1969 г., заключенного между Кудрявцевым и Зубовым. В п. 2 этого договора сказано, что Кудрявцев продал Зубову дом жилой площадью 38 кв. м. Но размеры старого дома, указанные в договоре купли-продажи, нельзя сравнивать с 68 кв. метрами площади нового дома, зафиксированными в современных инвентаризационных документах. 68 кв. м — это полезная площадь, в состав которой входит не только площадь жилых комнат, но и подсобные помещения (кухня, коридоры, сени и пр.), а 38 кв. м жилой площади, указанные в договоре купли-продажи, представляют собой только чистую площадь жилых комнат, без подсобных помещений. Полезная и жилая площадь — сопоставимые величины.

Никаких сопоставимых данных о размерах старого и нового дома райисполком суду не представил. Следовательно, он не доказал, что Зубов незаконно превысил габариты нового дома по сравнению с габаритами старого дома.

Зубов же представил достаточно убедительные доказательства, что он не превысил габариты.

В частности, допрошенные в качестве свидетелей соседи Зубова Позументиров и Васильева показали, что новый дом, построенный Зубовым, значительно выше и выглядит солиднее, чем старый дом Кудрявцева, но он поставлен на том же месте, что и старый. То же подтверждено и в письменном заявлении в райисполком учительницы Пелагеи Васильевны Кудрявцевой — дочери покойного продавца старого дома, все детство и юность которой прошли в этом доме.

Свидетели Лунев и Ошанин, строившие для Зубова новый дом, показали, что они клали фундамент дома не в заново вырытых траншеях, а поверх старого фундамента, на котором стоял дом Кудрявцева. Эти показания подтвердила и строительно-техническая экспертиза. Эксперты сообщили, что они в нескольких местах вскрыли фундамент нового дома и повсюду под слоем нового кирпича обнаружили старую кладку. А если новый дом поставлен на старом фундаменте, то размеры дома не могли увеличиться.

Кроме того, эксперты обратили внимание на то, что при строительстве нового дома использовались некоторые менее поврежденные бревна, сляги и другие строительные материалы, оставшиеся от старого дома. Все они подошли для нового дома; их не пришлось наращивать. Это также доказывает, чьи длина и ширина нового дома не превышали длину и ширину старого и что, следовательно, габариты нового дома не увеличены.

Что же касается ссылки райисполкома на то, что Зубов самовольно оборудовал в новом доме жилую мансарду площадью около 40 кв. м., то необходимо пояснить следующее: первоначально Зубов действительно построил такую мансарду. Но в решении исполкома сельского Совета народных депутатов от 21 мая 1974 г., которым Зубову было разрешено построить новый дом, имелась оговорка, что вопрос об устройстве мансарды должен быть согласован с районным архитектором.

А когда Зубов обратился к районному архитектору — это было в феврале 1976 года, последний отказался санкционировать устройство мансарды. Тогда Зубов демонтировал ее — разобрал внутренние перегородки, снял полы и потолки, забил окна и т. п. Сейчас — это обыкновенный чердак.

То, что мансарда уничтожена, не оспаривают и представители райисполкома. Но они считают, что, поскольку Зубов раньше построил мансарду, не получив на это разрешения, он совершил правонарушение, за которое должен быть наказан безвозмездным изъятием его дома.

С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1977 г. «О при-

менении законодательства при рассмотрении судами дел об изъятии домов, построенных гражданами с нарушением действующих правил» разъяснено, что «если допущенное существенное отступление от проекта либо грубое нарушение строительных норм и правил технически устранимы и ответчик дал согласие привести строение в соответствие с утвержденным проектом, суд вправе отложить разбирательство дела и предоставить ответчику срок для приведения строения в надлежащее состояние. При устранении допущенных нарушений иск об изъятии строения удовлетворению не подлежит...».

Следовательно, согласно этому разъяснению изъятие дома на основании ст. 109 ГК РСФСР не может иметь места даже тогда, когда собственник дома устранил допущенные нарушения уже после предъявления к нему иска. Тем более недопустимо изъятие дома, если собственник добровольно устранил эти нарушения еще до возбуждения дела в суде.

Таким образом, вина Зубова в самовольном строительстве не установлена. Все его действия, связанные с покупкой старого дома у Кудрявцева, сносом этого дома и постройкой нового, совершены с ведома и разрешения местных органов власти. Это полностью исключает возможность удовлетворения иска райисполкома.

При рассмотрении настоящего дела необходимо учесть, что Зубов — честный советский труженик. Он проработал свыше сорока лет в промышленности, занимал ответственные посты, за отличную работу неоднократно награждался орденами, медалями и почетными званиями. Никаких порочащих его поступков он никогда не совершал, ни к какой ответственности не привлекался. Сейчас он достиг преклонного возраста и ушел на заслуженный отдых. За долгие годы трудовой жизни Зубов не нажил никакого имущества, кроме дома, который является предметом спора. Лишать его сейчас, на склоне лет, этого единственного достояния было бы несправедливо.

Поэтому я прошу отказать в иске райисполкому.

* * *

Решением народного суда в иске райисполкома к С.И. Зубову о безвозмездном изъятии дома было отказано.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда кассационный протест прокурора района и кассационная жалоба райисполкома были оставлены без удовлетворения.

Любарская Г.В.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело А.П. Перадзе¹

(О расторжении договора найма жилого помещения)

Краткое содержание дела: прокурор Сочи предъявил иск к А.П. Перадзе о признании недействительным ордера на двухкомнатную квартиру в Сочи, о расторжении договора найма жилого помещения и о выселении из нее ответчика.

Обстоятельства дела излагаются в объяснениях адвоката.

Решением народного суда исковые требования были удовлетворены.

На это решение была подана кассационная жалоба в Краснодарский краевой суд.

Речь адвоката Г.В. Любарской:

Уважаемые товарищи члены краевого суда!

Позвольте мне прежде всего обратить ваше внимание на следующее, на мой взгляд, чрезвычайно важное обстоятельство — поспешность, с которой суд рассмотрел этот непростой жилищный спор.

Как видно из материалов дела, исковое заявление прокурора Сочи о признании недействительным ордера на двухкомнатную квартиру, о расторжении договора жилищного найма и о выселении Перадзе было принято судьей 18 ноября 1975 г. и дело назначено к рассмотрению по существу на 24 ноября 1975 г.

Таким образом, очевидно, что подготовки к разбирательству дела судьей не проводилось и определение в порядке ст. 142 ГПК РСФСР не выносилось. Ответчик на беседу с судьей не вызывался) объяснения от него не истребовались.

Это процессуальное упрощенчество, являющееся следствием нарушения судом постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», привело к тому, что в материалах дела отсутствуют важнейшие документы, необходимые для правильного рассмотрения дела по существу.

Суд неправильно определил круг лиц, заинтересованных в исходе дела: им не определено процессуальное положение исполкома Централь-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=7>

ного районного Совета народных депутатов, в интересах которого прокурором предъявлен иск; не привлечено к участию в деле Дорожно-эксплуатационное управление (ДЭУ) № 137, на жилой площади которого Перадзе проживали до предоставления им ныне спорной квартиры.

Принимая к рассмотрению дело о признании ордера недействительным, о расторжении договора жилищного найма и о выселении нанимателя, суд должен был иметь в виду последствия удовлетворения такого иска, предусмотренные ст. 335 ГК РСФСР, а потому в порядке досудебной подготовки привлечь к участию в деле организацию, в доме которой проживали ответчики до получения ныне спорной квартиры.

И хотя в ходе судебного разбирательства было установлено, что до получения двухкомнатной квартиры Перадзе проживал на жилой площади ДЭУ № 137 в с. Н. Высокое Адлерского района Сочи в качестве нанимателя и никто из участников процесса не оспаривал законности получения ответчиком этой площади, суд выселил Перадзе А.П. и его мать без предоставления другого жилого помещения.

Очевидно, что решение суда в этой части противоречит ст. 335 ГК РСФСР. Отсутствие досудебной подготовки не могло не сказаться на полноте исследования судом материалов дела, тем более что в ходе судебного разбирательства он без какой-либо мотивировки отклонил ходатайство моего доверителя об истребовании необходимых для решения дела документов.

Между тем, кроме копии ордера на спорную жилую площадь, в деле нет других материалов, свидетельствующих о предоставлении райисполкомом Центрального района спорной квартиры Перадзе. В деле отсутствует даже копия решения райисполкома. О том, что такое решение состоялось, можно судить лишь по данным ордера. Об этом же свидетельствует и решение исполкома Сочинского городского Совета народных депутатов от 17 октября 1975 г. об отмене решения исполкома Центрального районного Совета народных депутатов от 5 октября 1971 г., на основании которого был выдан ордер. Перадзе же утверждал, что исполком Сочинского городского Совета народных депутатов дважды выносил решения, обязывающие исполком Центрального районного Совета народных депутатов предоставить ему квартиру. При этом ответчик ссылается и на то, что квартира была предоставлена ему по указанию исполкома Сочинского городского Совета народных депутатов и вне очереди, как нужному для Сочи специалисту. Об этом свидетельствует представленная Перадзе суду переписка Министерства строительства по эксплуатации автомобильных дорог РСФСР с Министерством автомобильного транспорта, исполкомом Сочинского городского Совета, Управления

Азово-Черноморских автодорог с исполкомом Сочинского городского Совета народных депутатов, между этим управлением и Росавтостроем.

Однако суд уклонился от исследования представленных Перадзе документов, не дав им в решении никакой оценки и отказав в истребовании остальных.

Между тем с учетом особенностей настоящего дела выяснение всех обстоятельств предоставления Перадзе как нужному для Сочи специалисту спорной квартиры имело чрезвычайно важное значение.

Из имеющихся в деле, а также дополнительно представленных материалов в суд кассационной инстанции видно, что решения исполкома Сочинского городского Совета народных депутатов и исполкома Центрального районного Совета народных депутатов были вынесены по настоятельным просьбам нескольких министерств и ведомств, причем спорная квартира была выделена с обязательством возврата исполкому равноценной жилой площади в строящемся доме. Это обязательство остается в силе и сегодня, что мог бы подтвердить представитель ДЭУ № 137, если бы оно было привлечено к участию в деле.

Признав, что при выдаче ордера моему клиенту было допущено отступление от установленного порядка, поскольку решению райисполкома не предшествовало обсуждение этого вопроса представителями общественных организаций, суд не поставил даже вопроса, есть ли вина моего доверителя в этом нарушении. Между тем судебной практикой выработано твердое правило, что нарушение порядка предоставления квартиры исполкомом местного Совета народных депутатов, если наниматель не имеет к этому нарушению никакого отношения, не может служить основанием для выселения.

Уклонившись от исследования и обсуждения таких существенных фактических данных, суд нарушил п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам» об обязательном учете всех конкретных обстоятельств, связанных с предоставлением в пользование жилой площади.

Другим существенным процессуальным нарушением, допущенным судом, является рассмотрение дела без участия матери Перадзе, которая жила вместе с сыном. Поэтому нельзя согласиться с выводом суда о том, что Перадзе дал якобы неверные сведения о составе своей семьи. На чем основано это утверждение, из решения понять трудно. Не привлекая мать Перадзе к участию в деле, суд лишил ее возможности представить доказательства о совместном проживании с сыном как на прежней, так и на новой, ныне спорной жилой площади.

В результате обжалуемым решением суд разрешил вопрос об отсутствии у матери Перадзе, не привлеченной к участию в деле, права на

спорную квартиру, что представляет собой существенное, нарушение норм процессуального права (п. 4 ст. 308 ГК РСФСР).

Неверным является также указание в решении суда, что мать Перадзе имеет право на жилую площадь в квартире своего мужа в Грузинской ССР. Делая такой вывод, суд не учел, что она более пяти лет назад выехала из Грузинской ССР и проживала вместе с сыном в Сочи, сначала в Адлерском, 9 затем в Центральном районах города.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что Перадзе якобы сообщил неверные сведения о составе своей семьи при предоставлении спорной квартиры нельзя признать правильным.

Наконец, следует остановиться на нарушении судом норм материального права, допущенных при исчислении срока исковой давности.

Ордер на двухкомнатную квартиру был выдан Перадзе 8 октября 1971 года. Дело о признании его недействительным и о расторжении договора найма жилого помещения возбуждено по иску прокурора только 18 ноября 1975 года.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в п. 18 постановления от 25 марта 1964 г. (в ред. от 27 июня 1975 г.), на требования о признании недействительным ордера, выданного на занятие жилого помещения, а также на требования о расторжении договора найма жилого помещения, распространяется предусмотренный ст. 16 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 78 ГК РСФСР) общий трехгодичный срок исковой давности.

В соответствии со ст. 87 ГК РСФСР истечение срока исковой давности до предъявления иска является основанием к отказу в иске, причем согласно ст. 83 ГК РСФСР течение срока исковой давности начинается со дня возникновения права на иск, а право на иск возникает со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Исполком Центрального Совета народных депутатов Сочи, выдавая Перадзе ордер на двухкомнатную квартиру, не мог не знать обо всех обстоятельствах предоставления жилой площади (отсутствие решения жилищной комиссии, предоставление квартиры вне очереди и т.д.). Поэтому время возникновения у исполкома права на иск о признании недействительным выданного ордера, а следовательно, течение срока исковой давности начинается для исполкома со дня выдачи Перадзе ордера на эту Квартиру, т. е. с октября 1971 года.

Суд же при исчислении начала течения срока исковой давности допустил ошибку. В решении указано: «...суд считает, что истцом (т.е. прокурором) не пропущен срок исковой давности, так как о нарушении своего права он узнал лишь в 1975 году».

Между тем прокурор Сочи предъявил иск в интересах исполкома Центрального районного Совета народных депутатов.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 ГПК РСФСР исполком Центрального районного Совета народных депутатов должен участвовать в этом процессе в качестве истца.

Независимо от того, кто обращается в суд — прокурор в порядке ст. 41 ГПК РСФСР либо само лицо, чьи интересы нарушены, дело рассматривается судом по правилам искового производства, а нормы материального права применяются к спорному правоотношению только в пределах прав такого лица.

Это вытекает из ст. 83 ГК РСФСР, специально подчеркивающей, что право на иск возникает со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Прокурор предъявил иск в защиту интересов исполкома Центрального районного Совета народных депутатов, для которого срок исковой давности уже истек. Очевидно, он истек и по требованиям, заявленным прокурором. Всякое иное толкование закона об исчислении начала течения срока исковой давности не со дня, когда лицо узнало о нарушении своего права, а со дня, когда о нарушении этих чужих прав стало известно органам, предъявившим иск в защиту интересов других лиц, является неправильным.

В противном случае оказалось бы, что сторона, пропустившая срок исковой давности без уважительных причин, не теряет права на удовлетворение иска, если таковой заявляется прокурором в порядке ст. 41 ГК РСФСР. Однако законодатель не делает из общего правила о сроках исковой давности никаких исключений.

Отсюда следует, что суд неправильно истолковал нормы, регулирующие институт исковой давности, и удовлетворил иски требования прокурора, предъявленные через четыре года после возникновения права на иск.

Все перечисленные нарушения норм материального и процессуального права дают основание сделать вывод о незаконности и необоснованности обжалуемого решения суда. Поэтому я прошу отменить его и с учетом сложности дела принять его к производству краевого суда по первой инстанции.

* * *

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда решение народного суда было отменено, а дело принято к производству краевого суда в качестве суда первой инстанции.

При новом рассмотрении дела в иске прокурору было отказано.

Могилянский Леонид Генрихович

Директор специализированного бюро «Адвокат»

Московской городской коллегии адвокатов

Родился в 1923 году. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды и боевыми медалями. В 1952 году окончил юридический факультет Одесского государственного университета. В московской адвокатуре — с 1955 года. Инициатор открытия первого адвокатского бюро («Адвокат») в стране, в июне 1991 года, которое возглавляет до настоящего времени. Основная специализация бюро — корпоративное право, клиенты — российские и зарубежные организации: Государственная регистрационная палата, Торгово-промышленная палата, детективные и охранные структуры Москвы, коммерческие банки и другие.

Возглавляет различные группы адвокатов по защите клиентов по уголовным делам и представлению интересов клиентов в арбитражных судах.

Наряду с другими вопросами занимается проблемами налогообложения игорного бизнеса. Юрисконсульт Союза культурно-развлекательных центров г. Москвы. Принял активное участие в разработке Госдумой РФ Закона «О налогообложении игорного бизнеса».

Сегодня в адвокатской деятельности общеизвестен и повседневно используется термин «утрата товарной стоимости автомобиля». Около трех десятилетий назад в судебную практику его ввел адвокат Л. Могилянский.

Могилянский опубликовал по ведению этой категории дел десятки статей в журнале «За рулем», методические пособия для адвокатов, книгу «Возмещение ущерба при столкновении автотранспорта».

Дело А.Н. Приймака¹

(О замене купленного автомобиля)

Краткое содержание дела: А.Н. Приймак предъявил иск к универсаму «Березка» и автозаводу им. Ленинского комсомола (АЗЛК) о замене купленного автомобиля «Москвич-427 ИЭ» (из-за дефектов производственного характера).

Народный суд отказал в иске, а кассационная инстанция оставила его жалобу без удовлетворения.

Президиум Московского городского суда вынесенные по делу постановления отменил и направил дело на новое рассмотрение в Судеб-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=9>

ную коллегия по гражданским делам Московского городского суда по первой инстанции.

Речь адвоката Л.Г. Могилянского:

Уважаемые товарищи судьи!

А.Н. Приймак купил в универмаге «Березка» автомобиль «Москвич-427 ИЭ». Изготовитель — автозавод им. Ленинского комсомола.

Вскоре он обнаружил в автомобиле ряд дефектов производственного характера, а затем установил и несоответствие маркировки на деталях документам, оформленным в магазине. В своих первых письмах на автозавод Приймак указал на это и просил разобраться в том, какой же автомобиль ему продан в магазине. Но тогда речь шла лишь о производственных дефектах и несоответствии маркировки. Об экспортном исполнении впервые упомянул начальник бюро иногороднего обслуживания завода. В ответе он рекомендовал Приймаку обратиться по этому вопросу в магазин. Заместитель директора АЗЛК подтвердил это в ответе на письмо Приймака.

По поводу дефектов купленного Приймаком «Москвича» Харьковская станция гарантийного обслуживания автомобилей дважды составляла рекламационные акты. По первому акту три дефекта были устранены, а один — течь масла из картера рулевого механизма — устранить не смогли, и владелец вынужден был сам замазать эти места эпоксидной смолой. Во втором рекламационном акте перечислены новые производственные дефекты, и в нем отражено отсутствие маркировки «ИЭ». Наконец, в это же время Приймак обнаружил и неправильное комплектование автомобиля, в частности радиоприемник в нем был более дешевый, чем тот, что идет на экспорт.

Просьба Приймака заменить автомобиль в связи с большим количеством неустраняемых производственных дефектов и несоответствием маркировке была отклонена магазином и заводом, а потому он до истечения гарантийного срока обратился в народный суд. Но в иске Приймаку отказали, а кассационная инстанция оставила его жалобу без удовлетворения.

Президиум Московского городского суда, отменяя в порядке надзора ранее состоявшиеся по делу решения, указал, что суд не дал оценки заключению первой экспертизы, которая утверждала, что проданный автомобиль не соответствует кондициям экспортного исполнения, и, кроме того, суд не выяснил, можно ли устранить обнаруженные производственные дефекты в гарантийных мастерских.

Этим вопросам и было уделено основное внимание Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда, рассматривавшей это дело по первой инстанции.

Как известно, с маркировкой связаны определенные права и обязанности предприятий, вопросы качества, комплектации и т. п.

Представители завода утверждают, что все автомобили выпускаются в экспортном исполнении. Однако мы утверждаем, что Приймаку был продан автомобиль не экспортного исполнения как по качеству, так и по маркировке.

Эксперт Ильиных считает, что при ответе на вопрос, изготовлен ли этот автомобиль в экспортном исполнении, надо исходить как из маркировки, которую требует ГОСТ, так и из дефектов автомобиля, а они свидетельствуют о том, что автомобиль был не экспортного исполнения.

В соответствии с ГОСТ 10.15-69 к изделиям, идущим на экспорт, предъявляются особые требования. Среди них проверка качества продукции экспертной комиссией, назначаемой приказом директора завода-изготовителя; технический контроль всех деталей, сборочных единиц, изделий и т. д.

Можно было бы сослаться еще на Положение о поставках товаров народного потребления от 9 апреля 1969 г., согласно п. 41 которого Универмагу запрещено продавать в розничной сети немаркированную продукцию даже надлежащего качества.

Возникают вопросы, возможно ли устранить обнаруженные производственные дефекты в гарантийных мастерских.

Почти все допрошенные в суде представители завода признали, что около 20 серьезных дефектов — это дефекты производственного характера. Их можно устранить на заводе-изготовителе. Когда говорят об устранении дефектов, то подразумевают оставление у Приймака того же автомобиля. Но существуют еще Правила обмена, в которых предусмотрена возможность замены автомобиля, если гарантийные мастерские не в состоянии устранить обнаруженные дефекты. Приймак и просит заменить автомобиль.

В комментарии к ст. 246 ГК РСФСР рассматривается вопрос о безвозмездном устранении недостатков проданной вещи. Там указано: «Это требование обычно заявляется в случаях, если при ремонте или доставке недостающих частей качество вещи может быть восстановлено» (см. Комментарий к ГК РСФСР. 2-е изд. М., 1970. С. 359).

Но существенные дефекты автомобиля невозможно устранить так, чтобы была обеспечена заданная техническая характеристика по прочности, товарному виду, весу, как это и указал эксперт Кореневич.

Об автомобиле Приймака эксперты высказались так: «Если будет произведен ремонт, эксплуатировать можно, но нельзя дать гарантию безопасности» (Ильиных); «Автомобиль к дальнейшей эксплуатации непригоден — нет гарантии его надежной работы» (Кореневич). Кроме

того, «ремонт сокращает срок службы автомобиля. Любой ремонт нарушает сопряжение деталей» (Ильиных).

Ленинградская научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз разработала нормы утраты товарного вида при ремонте автомобиля. При этом исходят из того, что любой нагрев металла ухудшает его качество, сокращает срок службы, увеличивает возможность коррозии, ухудшает эстетическое восприятие вещи и т. д.

Приймак покупал новый автомобиль, к тому же в экспортном исполнении, а теперь ему говорят: давайте отремонтируем и дадим вам вещь худшего качества. Уже пытались устранить дефекты автомобиля в гарантийных мастерских, но там, как указывают эксперты, нет возможности отремонтировать автомобиль Приймака.

Итак, следует прийти к выводу, что Приймаку продали автомобиль не экспортного исполнения и с дефектами, которые не могут быть устранены в гарантийной мастерской.

Согласно ст. 245 ГК РСФСР «вещь, продаваемая торговой организацией, должна соответствовать государственному стандарту, техническим условиям...». Кроме того, согласно ст. 246 ГК РСФСР, регламентирующей права покупателя в случае продажи ему вещи ненадлежащего качества, при определенных условиях, предусмотренных в Правилах обмена промышленных товаров, покупатель имеет право на замену купленной им вещи.

В связи с тем, что для Приймака эти условия наступили, он вправе требовать замены купленного автомобиля. Приймак с универмагом заключил договор купли-продажи, но продавец передал ему автомобиль ненадлежащего качества. Магазин и должен заменить его.

При этом в соответствии со ст. 171 ГК РСФСР исполнение данного обязательства должно быть возложено на завод, который в данном случае выступает как третье лицо, состоящее в договорных отношениях с универмагом по поставке этих автомобилей. На основании ст. 223 ГК РСФСР ответственность магазина остается, если завод, на который суд возложит исполнение данного решения по замене машины, не исполнит его.

Итак, суд должен обязать универмаг заменить Приймаку неисправный автомобиль «Москвич-427» на исправный «Москвич-427 ИЭ», возложив исполнение этого решения на завод АЗЛК, а с универмага (ответчика) взыскать все судебные расходы по делу.

* * *

Решением Московского городского суда универмагу «Березка» было предложено заменить проданный автомобиль, а исполнение решения возложено на автозавод им. Ленинского комсомола.

Нахимова Елена Владимировна

Старший управляющий партнер адвокатского бюро «Нахимова и Партнеры» Московской городской коллегии адвокатов

Родилась 5 февраля 1948 года в Москве. В 1974 году окончила Всесоюзный юридический заочный институт.

28 февраля 1975 года по результатам стажировки принята в члены МГКА. До 1988 года в основном вела гражданские дела в судах. Специализировалась на жилищных спорах, наследственном праве, делах о защите чести и достоинства, спорах о разделе домовладений.

В 1995 году создала адвокатское бюро «Нахимова и Партнеры». Бюро специализируется на ведении гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Дело И.А. Зорина¹ (О взыскании пая)

Краткое содержание дела: И.А. Зорин предъявил иск к жилищно-строительному кооперативу «Металлист» о взыскании 526 руб., считая, что указанная сумма неправильно удержана с него при возврате стоимости пая в связи с исключением его из членов ЖСК.

Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката.

Речь адвоката Е.В. Нахимовой:

Уважаемые товарищи судьи!

29 ноября 1973 г. решением общего собрания И.А. Зорин был принят в члены ЖСК «Металлист» на двухкомнатную квартиру.

19 ноября 1976 г. ему по жеребьевке выделена квартира № 501.

Через три месяца, т.е. в феврале-марте 1977 года, началось заселение дома, однако к этому моменту ввиду изменившегося семейного положения (расторжения брака с женой) И.А. Зорин был лишен возможности получить ордер.

Полагая, что со временем он может получить право на дополнительную жилую площадь, а из его объяснений вы знаете, что он в тот период готовился к защите кандидатской диссертации, Зорин просил руководство ЖСК не ставить вопрос о передаче квартиры другому лицу.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=9>

Объяснение Зорина в этой части полностью подтвердил представитель ответчика, который пояснил суду, что из уважения к Ивану Александровичу, который много сил, энергии и времени отдавал кооперативу в период строительства дома, правление ЖСК до июня 1978 года не поднимало вопроса о судьбе квартиры № 501, которая все это время пустовала.

8 июня 1978 г. Зорина исключили из членов ЖСК «Металлист» и вскоре после этого ему вернули стоимость пая.

Тогда же кооператив из подлежащей возврату стоимости пая удержал: расходы на содержание и эксплуатацию дома за период с марта 1977 года по 15 июня 1978 г. в размере 378 руб. 35 коп., проценты по ссуде Стройбанка за тот же период в размере 43 руб. 23 коп. и стоимость амортизации квартиры — 104 руб. 75 коп., а всего 526 р. 32 к.

Считая, что указанная сумма удержана в нарушение п. 22 Примерного устава ЖСК РСФСР, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 2 октября 1965 г., И.А. Зорин обратился в народный суд.

Такова не отличающаяся особой сложностью фабула рассматриваемого вами спора.

Товарищи судьи! Представляется, что для того чтобы решить, законны ли требования, заявленные моим доверителем, вам необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1) с какого момента возникают жилищно-правовые отношения между кооперативом и его членами-пайщиками;
- 2) возникли ли указанные правоотношения между истцом и ответчиком.

Как следует из возражений по заявленному иску, ответчик считает, что жилищно-правовые отношения между названными сторонами возникают в момент вынесения общим собранием решения о принятии лица в члены ЖСК.

Применительно к нашему случаю это означает, что жилищные правоотношения между И.А. Зориным и ЖСК «Металлист» возникли 29 ноября 1973 года. Ответчик полагает, что с этого момента и до исключения из членов кооператива И.А. Зорин должен нести все расходы, связанные как с эксплуатацией квартиры, так и с эксплуатацией дома в целом.

Такова точка зрения ответчика и такова его правовая позиция, положенная им в основу возражений против заявленных исковых требований.

Однако, если даже согласиться с изложенным, то суду следует признать действия ответчика незаконными, произведенными в нарушение законодательных актов, регулирующих деятельность ЖСК.

Так, согласно п. 4 постановления Совета Министров РСФСР от 11 марта 1976 г. № 171 «Об утверждении Перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей органов, совершающих нотариальные действия» платежи по ссудам, а также проценты за пользование ссудой при наличии обязательства взыскиваются с члена кооператива на основании исполнительных надписей органов, совершающих нотариальные действия.

Обязательство, подписанное И.А. Зориным, представлено в суд ответчиком и не оспаривается нами, однако правом исполнительной надписи кооператив не наделен.

Такой же порядок предусмотрен и для взыскания задолженности по просроченным более двух месяцев платежам в счет покрытия расходов на содержание и эксплуатацию дома (п. 20 постановления Совета Министров РСФСР от 11 марта 1976 г. № 171).

Что касается стоимости износа квартиры — 104 р. 75 к., то указанная сумма при наличии спора могла быть удержана с И.А. Зорина только на основании судебного решения, ибо этот спор подведомствен суду (п. 7 постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами»).

Однако представляется, что возражения ответчика против заявленных исковых требований противоречат закону по своей сути.

Считаю, что момент возникновения жилищных правоотношений между кооперативом и его членом-пайщиком не может быть отождествлен с моментом принятия лица в члены ЖСК.

Товарищи судьи! Вы знаете, что затронутый вопрос является дискуссионным в юридической литературе, однако большинство цивилистов придерживается той позиции, что право пользования кооперативной квартирой возникает у члена-пайщика ЖСК при наличии: 1) членства в кооперативе; 2) решения общего собрания о выделении конкретной квартиры; 3) ордера исполкома; 4) занятия квартиры.

Данной точки зрения придерживаются, в частности, И.С. Гуревич («О жилищных правоотношениях в домах жилищно-строительных кооперативов»), В.Ф. Чигир («Жилищное правоотношение»), Е.Н. Гендехадзе («Жилищно-строительные кооперативы в городе и селе»), Б.С. Лесин («Право пользования жилой площадью в домах ЖСК») и др. Указанная позиция представляется правильной.

Как известно из материалов дела, И.А. Зорин не получал ордера на спорную жилую площадь и в квартиру № 501 не вселялся. Это дает осно-

вание утверждать, что мой доверитель не стал пользователем кооперативной жилой площади, т.е. жилищные правоотношения между ним и ЖСК «Металлист» не возникли, а следовательно, на него не может быть возложена обязанность нести расходы по эксплуатации квартиры и дома.

Изложенные соображения позволяют мне просить суд об удовлетворении исковых требований моего доверителя о взыскании с ЖСК «Металлист» 526 руб.

* * *

Народный суд удовлетворил иск И.А. Зорина.

Решение вступило в законную силу.

Падва Генрих Павлович

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Старший партнер адвокатского бюро «Падва и Партнеры». Член Президиума МГКА. Вице-президент Международного союза адвокатов. Генеральный директор совместного российско-американского адвокатского бюро «Чадборн и Парк — и Союз адвокатов» («Международные адвокаты»).

Родился 20 февраля 1931 года в Москве. В 1953 году — выпускник Московского юридического института и член коллегии адвокатов.

Заслуженный юрист Российской Федерации.

Награжден Золотой медалью имени Ф.Н. Плевако.

Кавалер почетного знака «Общественное признание».

Дело Каулина¹

(О доведении до самоубийства)

Краткое содержание дела: 19-летний Каулин познакомился с 20-летней Алимовой. Вскоре они стали сожителями, и Алимова забеременела. Она и ее родные потребовали от Каулина регистрации брака, он пообещал это сделать после рождения ребенка. После повторных требований он порвал связь с Алимовой, когда же она сделала аборт, отношения возобновились.

Вскоре Алимова вновь забеременела и вновь возник вопрос о регистрации брака. Каулин дважды назначал определенные даты, но откладывал исполнение обещания.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://litlife.club/br/?b=222526&p=30>

21 января между Алимовой и Каулиным в доме последнего произошла ссора из-за того, что Каулин накануне не пришел на свидание. В процессе ссоры Алимова внезапно выбежала на кухню и выпила уксусную эссенцию.

Через два дня Алимова скончалась в больнице.

Каулин был привлечен к ответственности за доведение Алимовой до самоубийства.

Обвинение исходило из того, что Алимова в результате сожительства и двукратной беременности попала в зависимость от Каулина, а он своей жестокостью, выразившейся в ложных обещаниях жениться, довел ее до самоубийства.

Речь адвоката Г.П. Падвы:

Доведение до самоубийства! Вдумайтесь в страшный смысл этого тяжкого обвинения, товарищи судьи! Что должно было скрываться за этой краткой, но достаточно выразительной юридической формулировкой? Какие отношения? Какие люди?

Горькая картина должна была бы развернуться перед вами, не картина смерти, так красноречиво здесь обрисованная обвинителем, а изображение предшествующих этой смерти страданий, унижений, боли, безысходности.

Вы должны были бы здесь увидеть сильного, сурового, нет, не сурового, а жестокого, своевольного человека и мысленно представить себе его слабую, глубоко несчастную, мятущуюся жертву.

И этого мало! Вам должны были продемонстрировать, как эта жертва безуспешно бьется в тисках материальной, служебной или иной зависимости, как безрезультатно пытается освободиться от пут подчиненности, как ищет и не находит путей к спокойной и свободной жизни.

Вас должны были, наконец, убедить в том, что между самоубийством девушки и поведением любимого ею человека имеется причинная связь, что казавшееся ей единственным выходом решение умереть естественно и логично вытекало из тех условий, в которых оказалась она по злой воле другого человека. Что же увидели вы, товарищи судьи? Что узнали вы за эти дни?

Что сможете именем Республики провозгласить людям, вас избравшим и пришедшим сюда узнать правду о причинах гибели молодой девушки?

Где истина, в чем она?

Всего лишь несколько месяцев назад молодой парень познакомился с молодой девушкой.

Меньше чем через месяц после знакомства началось их сожительство.

Каковы же были взаимоотношения Каулина и Алимовой в период их интимной связи и особенно в последнее время?

Я беру на себя смелость утверждать, что ничто в отношениях этих молодых людей, ничто в поведении Каулина не предвещало трагедии.

Да, я готов согласиться с тем, что Каулин после кратковременно-го знакомства, не задумываясь над серьезностью своего отношения, не проверяя глубины чувства, не отдавая себе отчета в значимости последствий такого шага, легкомысленно вступил в интимную связь с девушкой. Но, простите, разве эта связь — односторонний акт? Разве все сказанное в равной мере не относится и к той, кого и невозможно и, быть может, кощунственно, сейчас упрекать в чем-либо?

Уважая чувства матери, я обойду молчанием показания Алимовой Антонины Петровны по поводу того, как начиналась интимная близость Каулина и Алимовой, но я не могу не возразить прокурору, пытавшемуся изобразить Каулина эдаким опытным совратителем и развратником, жуиром, запутавшим в своих тенетах наивную девушку.

Ничто в прошлом Каулина об этом не свидетельствует. Напротив, он утверждает, что Алимова первая женщина в его жизни, и никто даже не попытался опровергнуть эти его показания. И вместе с тем по возрасту Каулин моложе Алимовой, пусть всего лишь на один год, да и жизненный опыт у Гали к моменту знакомства был богаче, если только можно назвать «богатством» горькие ошибки и расплату за них в местах лишения свободы... (впрочем, не будем порочить память умершей), но согласитесь, товарищи судьи, что трудно при известных нам фактах увидеть в моменте первой близости в Гале — жертву, а в Вадиме — совратителя.

Однако отношения Галины и Вадима не ограничились первой встречей. Они познали и радость первых поцелуев, и горечь размолвок, и счастье интимной близости, и трудность расставаний, они познали и сладость надежд, и боль разочарований. Они не единственные, кто прошел через все это в 18–20 лет! Быть может, правда, слишком просто, презрев веления морали и нравственности, открыто начали, сожительство эти двое молодых людей. Но разве не свободна была Галя в выборе характера своих отношений с Вадимом, разве мы не убедились в том, как легко и даже радостно пошла эта девушка навстречу своему и Вадима влечению?

Но за первыми радостями вскоре же наступили печали, и вот печали больше коснулись Алимовой — с этим нельзя не согласиться.

И возникшие трудности, и огорчения так характерны для подобных отношений, так типичны для обоюдных ошибок, что могут служить азбучными примерами возмездия за легкомыслие и неосмотрительность.

Встречаясь почти ежедневно с Каулиным, бывая у него и ночуя в его доме, поддерживая с ним фактические супружеские отношения, Алимова вскоре забеременела, и тогда, и, к сожалению, только тогда, она впервые заговорила с Каулиным о замужестве, о юридическом оформлении их отношений. Разве может быть что-либо более естественным и обычным? Но Каулин просит повременить с браком. Правда, он обещает жениться, но назначает сравнительно отдаленный срок, срок, который не казался бы, впрочем, столь далеким, если бы не было обстоятельств, не терпящих отлагательства, требования же ускорить регистрацию вызывают обратную реакцию — Каулин вообще прекращает связь с Алимовой. Первоначально все это представляется Гале необычной подлостью, непорядочностью, обманом. Но вскоре она соглашается с Вадимом и прерывает беременность. Она готова ждать и надеяться, она не желает прекращать свои взаимоотношения с Каулиным.

Прервав беременность, живя в это время в доме матери и некоторое время не встречаясь с Вадимом, написав в техникум жалобу на «аморальное» поведение Каулина, работая и имея самостоятельный заработок, Алимова сама не пожелала порвать с человеком, о «непорядочности» которого она писала в жалобе. И вот она пишет новое заявление директору техникума о том, что все недоразумения позади и у нее больше нет к Каулину претензий, идет домой к Каулину и говорит ему, что он прощен ею и она хочет быть снова с ним, и вот уже на настоятельные просьбы матери и брата порвать с Вадимом окончательно она говорит им, что ей хорошо с ним, весело, что она его любит. Вы слышите, товарищи судьи, сама Алимова говорила, что ей хорошо с Вадимом, весело, а вас пытаются убедить в обратном!

Ни одной жалобы от Гали на Вадима не слышал никто: ни подруга, ни мать, ни брат, ни знакомый. Ни одного факта оскорблений, избиения, издевательства, ни одного случая умышленного унижения достоинства, принуждения со стороны Вадима мы здесь не узнали.

Но ведь только такие обстоятельства предусмотрены законом как необходимый элемент состава преступления, называемого доведением до самоубийства.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Е. говорит, что нежелание продолжать сожительство не является тем действием, которое могло быть признано преступным. «Факт прекращения ин-

тимной связи не может рассматриваться как действие, подпадающее под действие указанной статьи», — указывает Пленум.

Судебная практика твердо стоит на такой точке зрения и иной быть не может, так как она бы противоречила закону.

Итак, мы убедились, что никакого жестокого обращения со стороны Каулина с Алимовой не было, было лишь стремление оттянуть брак.

И потому никто не слышал от Алимовой ни одной жалобы, а только слова любви, только желание быть снова и снова с ним.

Да, уважаемые товарищи судьи, я готов согласиться, что любовь может подчинить лучше и вернее любых приказов, привязать сильнее любых благ. Но не о такой зависимости говорит закон, и, чтобы разрешить это дело, я вынужден вновь увлечь вас в трудный анализ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости, жестоким обращением или иным путем до самоубийства.

Это — закон, проникнутый высокой гуманистической идеей, содержащий величайшую заботу о человеке, отражающий подлинный демократизм нашего строя. Социалистические отношения не совместимы со злоупотреблениями материальной или иной зависимостью, особенно тогда, когда они представляют угрозу для жизни зависимого человека. Директор фабрики или завода, руководитель предприятия или учреждения не вправе в нашей стране издеваться над теми, кто находится в его подчинении.

Советский закон защищает слабого, он не разрешает родителям глумиться над детьми, закон осуждает жестоких и злоупотребляющих властью над детьми людей.

Социалистическое правосудие строго наказывает того, кто, пользуясь властью, своей жестокостью и издевательствами доведет до самоубийства свою жертву.

Закон направлен на защиту трудящегося от самодура-начальника, закон направлен на раскрепощение женщины в семье, закон защищает всякого, кто как-либо, материально или служебно, зависит от другого человека. Таков социальный смысл закона.

И чем глубже вы вникните в смысл предписаний закона, в его исторический, классовый, социальный смысл, тем очевиднее вам станет, что никакого отношения к рассматриваемому нами делу эта норма не имеет, ибо Алимова не находилась в какой-либо зависимости от Каулина в смысле этой статьи.

В подтверждение правильности моих утверждений, а вновь позволю себе сослаться на постановление Пленума Верховного Суда СССР

уже по другому делу. В нем говорится, что сам факт внебрачного сожительства не создает еще той зависимости между лицами, о которой говорит закон. «Из дела видно, — указывается в постановлении, — что А. не находилась ни в какой материальной или иной зависимости от М., она даже не жила с ним в одной квартире и имела самостоятельный заработок». Та же мысль выражена и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу В., где указано, что зависимость может наступить только в результате брака, а не сожительства двух материально независимых друг от друга лиц. Судебная коллегия обращает внимание на то, что приравнять сожительство к браку — значит, в корне извращать понятия семьи и брака, значит неверно оценивать глубокое значение юридического оформления семейных отношений.

Поэтому я с полной уверенностью утверждаю, что Алимова не находилась в зависимости от Каулина.

Итак, товарищи судьи, нет и следа от той картины, которая должна была бы возникнуть перед вами в случае доведения до самоубийства, нет ни зависимой жертвы, ни жестокого обидчика.

И теперь остается ответить на один лишь вопрос: если не было ни уз зависимости, ни страданий от них, если не было жестоких обид и глубоких ран, откуда тогда возникло у молодой девушки такое близкое к безумию решение уйти из жизни.

Ответ на этот вопрос менее всего находится во внешних обстоятельствах ее жизни и тем более в действиях и поведении Каулина. Ответ вы найдете в характере самой Алимовой.

Порывистая, безудержная натура Гали нам хорошо известна. Прочтите два ее заявления в техникум. Они противоположны по смыслу, но тождественны по яростному темпераменту, по эмоциональному накалу, я бы даже сказал, по какой-то иступленности.

Об этих же свойствах Галиного характера поведали вам и свидетели. По утверждению людей, хорошо ее знавших, Галя при жизни была девушкой чрезвычайно неуравновешенной, вспыльчивой, грубоватой, нервной, легко возбудимой. Об этом даже сказано и в приобщенной к делу характеристике, об этом же свидетельствовали и Савельева, и Графова, и Иванова, и Каулины — сын и мать.

Нужно ли удивляться, что такой человек остро и мгновенно, но совершенно неадекватно реагировал на малейшую обиду, на любой внешний раздражитель?

Конечно, нельзя забывать и того, что нервы этой, и без того неуравновешенной девушки были в тот период напряжены до предела. Жизнь в доме матери была нелегка. Родные попрекали Галину внебрачной

связью, ее осуждали открыто и за глаза многие... «худая слава бегом бежит»... свадьба снова откладывалась.

Что и говорить, ситуация не из приятных. Но так ли уж виноват в этой обстановке Каулин, как это пытались изобразить? Давайте посмотрим правде в глаза. Не будучи ханжами и лицемерами, мы должны признать, что как ни глубоко и успешно развивается эмансипация женщины, в психологии и психике мужчины и женщины, как и в оценке их действий другими людьми, многое осталось нам в наследство от прошлого. Стремление девушки к браку, ее боязнь остаться в «старых девах», сознание постыдности, позорности внебрачных связей и детей живы еще и в наш век.

И сейчас еще досужие кумушки, если и не решаются мазать дегтем чьи-либо ворота, то уж не стесняются бросить камень в женщину-мать, если в паспорте у нее нет лилового оттиска печати отдела записи актов гражданского состояния. Да, уж эти кумушки!! Они и ребенка-то потом не пощадят... впрочем, не об этом речь.

Так не естественно ли в этих условиях, что в то время, как Каулин сомневался и тянул, Алимова, стыдясь и негодуя, жаждала брака. И разве не столь же знакомо нам стремление ее матери поскорее увидеть дочь замужем, а его матери оттянуть время появления в доме невестки?

Но беда не приходит одна.

Незадолго до 21 января Каулин случайно узнает о судимости Алимовой за кражу. Он упрекает ее, она тяжело переживает упрек, но вскоре наступает примирение, примирение, не снимающее тяжести с души, оставляющее в ней горький осадок... и, наконец, Алимова вновь была беременна... 21 января Алимова приходит к Каулину и внезапно между ними возникает ссора. Мы знаем теперь, что повод к ней был ничтожен, но повышенная возбудимость Алимовой не дала ей возможности точно и соразмерно реагировать на обиду. В одно мгновение, неожиданно даже для нее самой, впервые молнией проносится в ее воспаленном воображении мысль о самоубийстве, и она бежит, не идет, а бегом бежит к полке, где стоит уксус, торопясь, трясущимися от возбуждения руками хватая и открывает бутылку и, захлебываясь, обжигаясь, глотает эссенцию...

Необузданное и так легко ранимое сердце этой девушки перестало биться через два дня, и только в эти два дня оно нашло успокоение и новую надежду.

Быть может, впервые в жизни, на пороге смерти, она пишет элегически спокойно. И кому? Тому, кто якобы бросил ее в лапы смерти! «Вадик, — пишет она, — чувствую себя хорошо, болит только горло. Много писать трудно. Галя. Встретимся, поговорим».

Им не пришлось больше встретиться. Жизнь Гали оборвалась трагически и внезапно, но вины в этом Вадима Каулина нет.

Он не был жесток с ней.

Она не зависела от него.

Она убила себя под влиянием быстро и сильно нахлынувших на нее чувств, и он скорбел о ней, плача навзрыд на ее могиле.

Сегодня вы слышите здесь в перерывах плач. Это плачет мать Вадима. Она страшится за судьбу сына. Я надеюсь, что этот страх необоснован. Сын ее должен быть оправдан, ибо он не совершил преступления, и я прошу вас сказать об этом в вашем приговоре и освободить Каулина из-под стражи здесь, в зале суда.

***

По жалобе адвоката, поддержанной им во второй инстанции, Калининским областным судом приговор народного суда был отменен и дело прекращено за отсутствием в действиях Каулина состава преступления.

Дело по иску Селиверстова к Гуваковой и Дубовой¹

(О признании недействительным договора дарения квартиры)

12 ноября 1991 года 85-летняя Валентина Ивашова оформила генеральную доверенность на право распоряжаться своей двухкомнатной квартирой в районе станции метро Аэропорт (сейчас коммерческая стоимость квартиры составляет около \$100 тыс.) на имя Татьяны Дубовой. Через два дня, благодаря усилиям Дубовой и Гуваковой, старушка попала в больницу. Еще через два дня она умерла, но Дубовая успела оформить договор дарения квартиры на свою сестру — Элеонору Гувакову. Родственники покойной подали в суд на новых владельцев, утверждая, что Ивашова подписала документы в невменяемом состоянии. С тех пор у истцов и ответчиков сменилось по три адвоката, а на ежемесячных многочасовых свиданиях в зале суда в течение неполных шести лет они узнали друг о друге практически все. С мертвой точки дело сдвинулось, когда на стороне родственников Ивашовой выступил адвокат Генрих Падва. Денег за свою работу он не брал. «Меня просто возмутила вся эта история», — объяснил адвокат.

Речь адвоката Г.П. Падвы:

Уважаемые судьи!

Ивашова — старая женщина. Вдруг, незадолго до ее смерти, появились два человека (Дубовая и Гувакова), вообще ей не родственни-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/178790>

ки. В результате она подписывает документы и все свое имущество отдает им. В тот момент, как она поставила подпись, ее участь была предрешена.

Эти две женщины утверждают, что самочувствие Ивашовой было таково, что срочно надо было ее госпитализировать. Но вместо того чтобы вызывать «скорую помощь», чтобы оценить ее состояние, вызвать специалистов, они на «левой» машине доставляют старую женщину в больницу. Они не везут ее в консультацию, а по блату, пользуясь тем, что одна из сестер работала в поликлинике, получают направление в больницу. Гинекологический осмотр был проведен в машине!

Затем везут больную женщину — сердечницу в гинекологическое отделение, где ей делают непонятно какие уколы, и она на второй день умирает.

Я утверждаю, что их действия объективно способствовали ранней смерти старушки. Я пока не имею оснований утверждать, что это было умышленно. Я пока не имею оснований утверждать, что они специально это сделали. Мы говорили о сердечном заболевании, а ее возили на каком-то непонятном транспорте. Это граничит с убийством!

Я не сомневаюсь, что займутся рано или поздно этим вопросом. И нотариусом (имеется в виду нотариус Лариса Булгакова, оформлявшая документы) также. Мы утверждали и утверждаем, и это подтвердили 10 экспертов, что Ивашова подписывала бумаги, не понимая, что делает. Будучи психически больной, в старческом маразме, она могла говорить, что ей хочется пить, показать, где болит, но принимать важнейшие решения не могла.

Ваша честь!

Вы посмотрите, что они делают! (судья посмотрела на сестер. Те нервно заерзали на скамейках). Надеюсь, вы вынесете правильное решение и удовлетворите наши исковые требования о признании обоих документов недействительными».

* * *

Черемушкинский суд Москвы удовлетворил иск родственников покойной Валентины Ивашовой о признании незаконным переоформления ее квартиры в собственность сестер Элеоноры Гуваковой и Татьяны Дубовой.

Порецкая А.П.

Адвокат Московской областной коллегии адвокатов

Дело М.И. Валиной¹

(О разделе жилой площади в ЖСК)

Краткое содержание дела: Б.С. Шерман состоял членом ЖСК и занимал вместе с женой М.И. Валиной и сыном Андреем две комнаты размером 119,6 и 12,4 кв. м в трехкомнатной квартире.

В 1971 году брак между ними был расторгнут. Одновременно с расторжением брака суд утвердил мировое соглашение о разделе имущества, нажитого во время брака, в том числе и пая в ЖСК, согласно которому за М.И. Валиной было признано право на часть пая в сумме 850 руб., а за Б.С. Шерманом — в сумме 1065 руб.

Еще до расторжения брака между супругами сложились неприязненные, враждебные отношения, вследствие чего М.И. Валина с сыном вынуждена была проводить значительную часть времени у своей матери, а в апреле 1972 года перевезла к матери и большую часть своих вещей.

В июле 1972 года Б.С. Шерман предъявил к Валиной иск о признании ее утратившей право на жилую площадь в доме ЖСК. М.И. Валина обратилась в суд с встречным иском о разделе кооперативной жилой площади и выделении ей с сыном комнаты размером 19,6 кв. м.

Дело рассматривалось в судах неоднократно и было принято к производству Московского городского суда по первой инстанции.

Речь адвоката А.П. Порецкой:

Уважаемые товарищи судьи!

Обстоятельства настоящего дела, которые были подробно исследованы вами в ходе двухдневного разбирательства, позволяют признать, что иск Шермана о признании Валиной утратившей право на жилую площадь не обоснован и не подлежит удовлетворению, а встречное требование Валиной о разделе спорной жилой площади нашло подтверждение и должно быть удовлетворено.

Иск Шермана о признании Валиной утратившей право на жилую площадь предъявлен по двум основаниям: во-первых, Шерман считает,

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=8>

что по мировому соглашению от 15 июля 1971 г., утвержденному судом, Валина согласилась получить свою долю пая деньгами и тем самым отказалась от права пользования спорной жилой площадью; во-вторых, он утверждает, что Валина не живет на спорной жилой площади свыше шести месяцев и поэтому утратила право на нее.

Мировое соглашение от 15 июля 1971 г. истолковано Шерманом неправильно. По его мнению, оно предусматривает выплату Валиной денежной компенсации за причитающуюся ей долю пая и это прекращает право пользования кооперативной жилплощадью. Но подобное толкование противоречит мировому соглашению, в котором ничего не сказано о денежной компенсации или о денежных расчетах за пай, а также об отказе Валиной от права пользования спорной жилой площадью и обязанности освободить ее.

В мировом соглашении записано, что за Валиной признается определенная доля в паенакоплении в ЖСК. Такая формулировка означает, что пай в ЖСК «Поиск-2», числящийся на счете Шермана, является общим имуществом обоих бывших супругов, в котором Валина имеет право на долю в размере 850 руб.

Пытаясь оспорить это, Шерман ссылается на то, что мировым соглашением предусмотрен только раздел пая. А это, по его мнению, означает, что Валина имеет право лишь на соответствующую денежную компенсацию и не имеет права на пользование жилплощадью. Однако согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. по просьбе супруга суд может признать за ним право на определенную часть паенакопления, без раздела его на два самостоятельных пая. В этом случае пай остается общим имуществом обоих супругов, за которыми сохраняется право пользования кооперативным помещением.

Именно это, а не выплата денежной компенсации и выселение Валиной из квартиры имелось в виду в мировом соглашении. Для этого достаточно указать, что Шерман не платил и не предлагал Валиной никакой денежной компенсации за ее долю пая, а Валина после заключения мирового соглашения не только не требовала никаких денег, но и пыталась даже оплачивать расходы по квартире. Кроме того, она подавала заявление о принятии ее в члены кооператива на признанную за ней долю пая, но заявление не было своевременно рассмотрено.

Все изложенное дает основание сделать вывод, что мировое соглашение сторон не может служить основанием для удовлетворения иска Шермана о признании его бывшей жены утратившей право пользования спорной жилой площадью.

Не может служить основанием для этого и утверждение Шермана о том, что Валина не проживала на этой жилой площади свыше шести месяцев. Оно вообще не соответствует действительности. Показаниями свидетелей Адамовой, Белолобовой, Костилина и др. установлено, что хотя Валина с апреля 1971 года постоянно не находилась в спорной квартире, но очень часто посещала ее и нередко оставалась ночевать, причем перерывы между посещениями не превышали двух-трех недель.

Регулярно посещать спорную жилую площадь Валина прекратила лишь после того, как вывезла из нее свои вещи, т.е. с середины апреля 1972 года. Но с этого момента до дня предъявления Шерманом иска — до 11 июля 1972 г. прошло всего два с половиной месяца, что явно недостаточно для признания ее утратившей право на жилую площадь.

Вывоз Валиной своих вещей из спорной квартиры не может рассматриваться как отказ от дальнейшего пользования этой жилой площадью. Об отсутствии у Валиной намерения отказаться от права пользования помещением свидетельствует хотя бы то, что она уже после того, как вывезла вещи, обращалась в правление ЖСК с заявлением о приеме в кооператив и о принятии от нее платежа за квартиру. Действительной причиной вывоза вещей послужило то, что Шерман в отсутствие Валиной самовольно пользовался ее имуществом, в результате чего часть вещей оказалась испорченной. Это было подтверждено показаниями свидетелей Адамовой, Белолобовой и др.

При рассмотрении требования Шермана о признании Валиной утратившей право на жилую площадь необходимо учесть и то, что Шерман препятствовал Валиной пользоваться этой площадью: сменил замок на входных дверях, отказался выдать ей ключ от нового замка и т.п. Это подтверждено, в частности, показаниями нескольких свидетелей, справками правления ЖСК и другими доказательствами.

Но если бы даже Валина действительно не проживала в спорной квартире без уважительных причин свыше шести месяцев, все равно нельзя было бы признать, что она утратила право на эту площадь.

Как известно, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. указано, что к членам жилищно-строительного кооператива не применимо правило ст. 306 ГК РСФСР о сроках сохранения жилой площади за лицами, временно выбывшими из жилого помещения (только в течение шести месяцев). За членами ЖСК кооперативные жилые помещения сохраняются в течение всего време-

ни их отсутствия, в том числе и свыше шести месяцев, независимо от причин этого отсутствия.

Но можно ли распространить рассматриваемое правило не на членов кооперативов, а на их супругов или даже бывших супругов. Шерман утверждает, что нельзя и по прошествии шести месяцев их отсутствия они могут быть признаны утратившими право пользования кооперативной площадью. При этом он ссылается на п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г., в котором сказано, что по иску пайщика ЖСК член его семьи может быть признан судом утратившим право на жилую площадь в доме кооператива в связи с длительным непроживанием применительно к ст. 306 ГК РСФСР.

Полагаю, что эта статья относится только к тем членам семьи, которые не имеют никакой доли в паенакоплении, и не может быть распространена на супругов или бывших супругов члена кооператива, которые участвовали во внесении пая и, следовательно, имеют в нем долю. Лишать их права пользования помещением только за то, что они отсутствовали какое-то время в месте своего постоянного жительства, так же неправильно и несправедливо, как и лишать по этой причине самого члена кооператива права на закрепленную за ним квартиру.

В п. 25 Примерного устава ЖСК сказано, что в случае расторжения брака между членом кооператива и его супругом последний вправе требовать раздела пая и жилой площади и принятия его в члены кооператива. Следовательно, такой супруг является потенциальным пайщиком кооператива. Поэтому за ним должно быть признано такое же право на сохранение жилой площади в случае длительного непроживания, какое имеет член кооператива.

Все сказанное относится и к Валиной. Она была женой члена кооператива Шермана, ей принадлежит доля в кооперативном пае. Поэтому ст. 306 ГК РСФСР на нее не распространяется.

Это значит, что иск Шермана о признании Валиной утратившей право на жилплощадь должен быть отклонен как не основанный на законе и не вытекающий из обстоятельств дела.

Встречный же иск Валиной о разделе жилой площади, закрепленной в настоящее время за Шерманом, является обоснованным и подлежит удовлетворению.

Валина просит выделить ей и малолетнему сыну Андрею в пользование комнату площадью в 19,6 кв. м, значащуюся по поэтажному плану под № 2, и оставить за Шерманом комнату в 12,4 кв. м (по плану — № 1).

Требование Валиной основано на упомянутом п. 25 Примерного устава ЖСК, а также на п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 года.

Все условия, предусмотренные этими нормативными актами, налицо. Валина поселилась на спорной жилой площади в качестве супруги члена ЖСК Шермана. Пай за эту жилую площадь был внесен во время брака между Шерманом и Валиной, в основном за счет их общих средств. В настоящее время брак расторгнут. За Валиной признана доля пая в сумме 850 руб. Площадь, которую Валина просит разделить, состоит из двух комнат. То, что они смежные, не может служить препятствием к разделу. В п. 5, подп. «в» постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. сказано, что раздел жилой площади между разведенными супругами может иметь место, если каждому из них может быть выделена отдельная комната, хотя бы и изолированная.

Не является препятствием к разделу и то, что стоимость комнаты, которую Валина просит закрепить за ней, превышает долю пая, принадлежащую ей по мировому соглашению.

Согласно п. 5, подп. «г» постановления от 28 января 1970 г. в таком случае разница может быть компенсирована другому супругу деньгами или другим имуществом.

Валина согласна выплатить Шерману разницу между стоимостью выделенной ей комнаты и принадлежащей ей долей пая в размере, определенном решением ЖСК «Поиск-2».

Из сказанного видно, что к удовлетворению встречного иска Валиной нет никаких препятствий. Об этом я и прошу Судебную коллегию.

* * *

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда в иске Шерману было отказано, а встречный иск М.И. Валиной удовлетворен.

Оно оставлено без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 2. С. 4).

Рапопорт Леонид

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов,
общественный деятель

Дело А.И. Кузенковой¹

(О праве собственности на автомобиль)

Краткое содержание дела: жена гр-на Кузенкова — А.И. Кузенкова (к моменту рассмотрения дела их брак был расторгнут), ссылаясь на то, что ее муж гр-н Кузенков продал автомобиль «Волга» без ее согласия, вопреки ее воле, предъявила в народном суде иск к Кузенкову и Вамадзе о признании сделки купли-продажи автомобиля недействительной. Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката.

Речь адвоката Л.Е. Рапопорта:

Уважаемые товарищи судьи!

Одним из основных принципов советского законодательства о браке и семье является равенство прав супругов. Оно подчеркивается в ст. ст. 4, 19 и 20 Кодекса о браке и семье РСФСР. В статье 20 указано, что супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения совместно нажитым имуществом.

Возникает, однако, вопрос, означает ли это, что сделка, совершенная одним из супругов, во всех случаях должна признаваться недействительной, если не было согласия другого супруга.

Мнения ученых по этому вопросу совпадают. Так, В.Ф. Маслов («Вопросы общей собственности в судебной практике»), А.А. Ярошенко («Личная собственность в гражданском праве») подчеркивают, что в тех случаях, когда один из супругов совершил действия вопреки желанию и воле другого супруга, такая сделка должна быть признана недействительной.

Судебная практика придерживается такой же точки зрения.

Соответствующее определение опубликовано в Бюллетене Верховного Суда РСФСР № 9 за 1966 год. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу, что продажа коровы, совершенная одним из супругов в период нахождения другого супруга в больнице, должна быть признана недействительной.

В постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР по конкретному делу также подчеркивается, что неправомерные действия од-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=6>

ного супруга, ущемляющие имущественные права другого, недействительны (Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1970. № 7. С. 10).

Товарищи судьи! При разрешении настоящего дела следует — ответить на вопрос: доказано ли, что Кузенков распорядился автомашиной «Волга» помимо воли теперь уже бывшей жены?

В ходе судебного разбирательства утверждалось, что этот иск был предъявлен только для того, чтобы признать сделку недействительной, что на самом деле семья сохранилась, а иск является искусственным и нет оснований считать, что Кузенков оформил куплю-продажу этой автомашины помимо воли своей жены.

Я должен сказать, что такого рода утверждения опровергаются рядом доказательств. Свидетель Лихачева, работающая вместе с Кузенковой, показала, что Кузенкова жаловалась ей на то, что муж не хочет привезти ребенка с дачи, так как якобы сбил женщину, и дорожно-транспортное происшествие рассматривается в ГАИ (в это время совершалась оспариваемая сделка). Свидетель Малькова говорила о том, что у Кузенковой в семье ненормальные взаимоотношения, что муж ушел из дома, Кузенкова жаловалась на него, плакала. Аналогичные показания дал и свидетель Мрыль, который специально пришел из больницы, чтобы выполнить свой гражданский долг.

Можно искать какие-то противоречия в показаниях свидетелей, сказать, что Мрыль, например, не называет точных дат, но эта-то неточность в первую очередь и свидетельствует о правдивости, потому что если спустя шесть-восемь месяцев свидетель дает показания, точно называя даты, то именно это даст основание усомниться в правдивости показаний такого свидетеля.

Но, товарищи судьи, есть одно доказательство, которое не вправе оспорить никто. В ст. 55 ГПК РСФСР указано, что факты, установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица.

Состоялось решение районного народного суда о расторжении брака от 27 сентября с.г., где написано, что семья Кузенковых фактически распалась, сохранение семьи не создает нормальных условий для дальнейшей жизни и воспитания детей. Это установлено вступившим в законную силу судебным решением.

Кроме того, я считаю, что ответчика Вамадзе нельзя считать добросовестным приобретателем.

Что такое добросовестный приобретатель? Это то лицо, которое не знало и не должно было знать, что оно приобретает имущество от лица, не правомочного совершать эти действия.

Так, А.А. Ярошенко (в книге «Личная собственность в гражданском праве») указывает, что под понятием «не должен был знать» имеются в виду случаи, когда участник гражданского оборота, приобретая вещь у ненадлежащего отчуждателя, не был осведомлен об отсутствии у него права на реализацию имущества, однако по обстоятельствам дела мог и обязан был знать это».

Представляется правильной точка зрения Г.Н. Амфитеатрова, полагающего, что слова «не должен был знать» выражают требование об отсутствии в действиях приобретателя не только грубой, но и простой неосторожности.

Товарищи судьи! Можно ли серьезно говорить о том, что ответчик Вамадзе не знал, а вернее, даже не мог предположить, что моя доверительница Кузенкова не осведомлена о тех действиях, которые совершает ее супруг.

Я думаю, что нет серьезных оснований верить ответчику хотя бы потому, что все переговоры о купле-продаже автомобиля, как установленно в судебном заседании, велись вне дома ответчика Кузенкова.

Между тем ответчик Вамадзе знал (это он признал в суде), что Кузенков женат. Ответчик Вамадзе знал адрес Кузенкова и телефон, однако ни разу в присутствии моей доверительницы в квартире Кузенковых не был...

Товарищи судьи, в соответствии со ст. 34 ГПК РСФСР истец имеет право, в частности, изменить основание иска.

Представляется, что истец вправе указать и дополнительные основания иска.

При рассмотрении этого дела были установлены также обманные действия ответчика Вамадзе при совершении сделки по купле-продаже автомобиля.

Как пояснил в судебном заседании ответчик Кузенков, автомобиль имел ряд улучшений, был оснащен многими дорогостоящими предметами. Так, он имел внутренние замки зарубежного производства и противоугонное устройство, дополнительные противогуманные фары, магнитофон, коврики и т. п.

Моя доверительница и Кузенков утверждали, что всего улучшений и дополнительных предметов было на сумму около 1000 руб.

Ответчик Вамадзе не отрицал, что были дополнительные предметы и улучшения, но на сумму не свыше 150 руб. Понятно, что их Кузенков не мог подарить Вамадзе в благодарность за приобретение автомобиля.

Представитель комиссионного магазина пояснил, что в соответствии с правилами комиссионной торговли автомобилями через комиссионный магазин нельзя оформлять ни продажу дополнительных

предметов, которыми оснащен автомобиль, ни улучшения. Поэтому между Кузенковым и Вамадзе состоялось дополнительное соглашение о их купле-продаже.

Однако Вамадзе обманул Кузенкова и со своим приятелем вместо обусловленной суммы вручил ему «куклу», где было только около 100 руб.

Одним из серьезных доказательств совершения Вамадзе обманных действий являются установленные в суде фактические данные о том, что Вамадзе после оформления им купли автомобиля в комиссионном магазине, увидев брата Кузенкова, у которого был портфель с «куклой», и поняв, что обман раскрыт, пытался скрыться на приобретенном автомобиле, проскочив три светофора с красным сигналом, а затем бросил автомобиль и убежал.

Товарищи судьи! Вы не могли не обратить внимания на то, что Вамадзе не мог объяснить этих своих действий. Он говорил, что, увидев брата Кузенкова, испугался, но непонятно чего. Это подтверждает правдивость утверждений Кузенкова и его брата о том, что Вамадзе испугался, так как его обман был разоблачен.

Статья 58 ГК РСФСР, указывая основания для признания сделки недействительной, в частности при совершении сделки под влиянием обмана, не ограничивает возможность признания такой сделки недействительной случаями, когда обманувший был привлечен к уголовной ответственности за это. Оценивая при рассмотрении гражданских дел утверждения и действия сторон, нельзя абстрагироваться и от данных об их личности.

Как выяснилось в судебном заседании, ответчик Вамадзе почти не работал, а когда работал, то заработок его не превышал 95 руб. в месяц.

Вместе с тем Вамадзе, приехав в Москву, намеревался купить только «Волгу». Другая машина его не устраивала. Последние шесть месяцев Вамадзе снова не работал, заявив, что не мог работать из-за этого дела, хотя и был занят по данному делу только два дня во время судебных заседаний...

Поскольку сделка по отчуждению автомобиля «Волга», являвшегося общим совместно нажитым имуществом Кузенковых, была совершена ответчиком Кузенковым без согласия его жены — моей доверительницы, вопреки ее воле и при заключении сделки между ответчиками со стороны покупателя имели место обманные действия, прошу совершенную сделку признать недействительной в соответствии со ст. ст. 48, 58 Гражданского кодекса РСФСР.

Я убежден, что такое решение будет соответствовать требованиям закона.

* * *

Решением народного суда иск А.И. Кузенковой был удовлетворен, договор купли-продажи автомашины «Волга» был признан недействительным.

Решение вступило в законную силу.

Резник Генри Маркович

Первый вице-президент Адвокатской палаты города Москвы

Родился в г. Ленинграде в семье музыкантов (1938 г.).

Окончил юридический факультет Казахского государственного университета (1962 г.), очную аспирантуру Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР (1969 г.).

Кандидат юридических наук (1970 г.). Член Московской городской коллегии адвокатов с 1985 года, Председатель ее Президиума с 1997 года. До прихода в адвокатуру работал следователем, научным сотрудником, преподавал.

Автор около 200 научных, научно-популярных и публицистических работ по правовым проблемам.

Вице-президент Международного и Федерального союзов адвокатов, член Московской Хельсинкской группы.

Специализация: уголовное право и уголовный процесс, диффамация и деловая репутация, интеллектуальная собственность, предпринимательство.

Награжден Золотой медалью имени Ф.Н. Плевако.

Дело о публикации в журнале «Наш современник»¹

Краткое содержание дела: в журнале «Наш современник» (1990. № 11) была опубликована статья Александра Казинцева «Я борюсь с пустотой». В статье приводилась цитата из книги гражданина Израиля профессора Г. Брановера: «...Славные сыны Израиля Троцкий, Свердлов, Роза Люксембург, Мартов, Володарский, Литвинов вошли в историю Израиля. Может быть, кто-нибудь из моих братьев спросит, что они сделали для Израиля? Я отвечаю прямо: они непосредственно или посредством

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/rec_rez.htm

старались уничтожить наших наибольших врагов — православных гоев. Вот в чем заключалась их работа. Этим они заслужили вечную славу!». Брановер предъявил редакции и автору статьи иск о защите чести и достоинства, утверждая, что ни в одном из многочисленных изданий своей книги ничего подобного не писал. 1 июля 1992 г. Дзержинский районный суд г. Москвы иск удовлетворил, обязав «Наш современник» опубликовать опровержение. Интересы Г.Брановера на судебном процессе представлял член Московской Хельсинкской группы, адвокат Генри Резник. Основное внимание в своей речи защитник уделил обоснованию злонамеренности ответчиков, осознававших, что распространяют ложь.

Речь адвоката Г.М. Резника:

Уважаемые судьи!

Для вынесения решения вам необходимо ответить на три вопроса: Распространены ли сведения? Носят ли они порочащий характер? Состоят ли они действительности?

Всестороннее и объективное судебное исследование полностью прояснило ситуацию. Ответы очевидны. В номере одиннадцатом журнала «Наш современник» за 1990 год опубликована критическая статья заместителя главного редактора Александра Казинцева «Я борюсь с пустотой». Автор начинает свою борьбу с приведения довольно обширной выдержки из книги Германа Брановера «Возвращение».

Процитированный текст носит вполне определенный характер. Он омерзителен. Первое право человека, закрепленное во всех международно-правовых актах, — это право на жизнь. Первая нравственная заповедь, объединяющая все мировые религии — «Не убий». В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется геноцид. Автор «Возвращения» предстает в общественном мнении, в глазах каждого, прочитавшего статью Казинцева, как изувер, внушающий отвращение и ужас, не заслуживающий ничего, кроме осуждения и презрения. Как не разделить читателю потрясенность критика и не присоединиться к его оценке прочитанного: «Поначалу отказываешься верить, что этот текст был напечатан, да и в то, что он принадлежит психически здоровому человеку, тоже не верится».

Теперь всем присутствующим ясно: верить нельзя. Ни в одном из изданий книги «Возвращение» и ее первой части «Из глубин» — а их за двадцать лет было восемь: на русском, английском, испанском языках, на иврите — этой гадости нет.

Если бы я не участвовал в судебном процессе, то отказался бы поверить уже другому — оценке цитаты представителем редакции проф. Кузнецовым, не усмотревшим в ней ничего порочащего. Остается на-

десять, что не все сотрудники «Нашего современника» так относятся к воспеванию геноцида. Во всяком случае, можно констатировать, что оценки несуществующей цитаты Казинцевым (в статье) и представителем редакции (в суде), диаметрально противоположны.

Диффамация бесспорна. Должны последовать предусмотренные законом санкции. В соответствии со ст. 7 Гражданского кодекса России — это обязанность опубликовать опровержение и компенсировать опоро-ченному человеку моральный вред.

Ответчики против применения санкций возражают, мотивируя свою позицию тем, что Казинцев саму книгу Брановера не читал, заимствовал цитату из газеты «Русская жизнь», издающейся в Сан-Франциско, а сам факт дословной перепечатки будто бы освобождает редакцию и автора и от опровержения распространенной лжи, и от возмещения морального вреда. Правовое обоснование этой позиции менялось. На протяжении всего процесса представитель редакции ссылался на ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и только в самом конце, уже перед судебными прениями, неожиданно стал оперировать ст. 38 Закона СССР «О печати». Но ни союзное, ни российское законодательство позиции ответчиков не опора.

Не существует обстоятельств, которые бы освобождали редакцию средства массовой информации от обязанности опубликовать опровержение недостоверной информации. На этот счет ст. 7 Гражданского кодекса, ст. 43 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР содержат абсолютно четкие, не знающие никаких исключений указания. Гражданско-правовые санкции делятся на две группы: меры защиты и меры ответственности. Обязанность опубликовать опровержение — это, безусловно, санкция. Но санкция — защита, а не санкция — ответственность.

Дело В.Ю. Поэгли¹ (Об оскорблении личности)

Краткое содержание дела: уголовное дело по обвинению Вадима Поэгли в оскорблении Павла Грачева было возбуждено Генпрокуратурой 22 октября 1994 года. Министр обиделся на статью Поэгли «Паша-Мерседес» с подзаголовком «Вор должен сидеть в тюрьме, а не быть министром обороны». В ней, в частности, сообщалось, что бывший командую-

---

¹ [Электронный ресурс] URL: http://law.vl.ru/analit/show_a.php?id=423&pub_name=%C7%E0%F9%E8%F2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%E0%FF%20%F0%E5%F7%FC%20%E0%E4%E2%EE%EA%E0%F2%E0%20%EF%EE

щий Западной группой войск Матвей Бурлаков приобрел для министра обороны два служебных автомобиля Mercedes. Машины покупались на деньги, выделенные для строительства домов военнослужащих¹.

Речь адвоката Г.М. Резника:

Первое обстоятельство, к которому я привлекаю внимание суда, состоит в том, что рассматривается незаконно возбужденное дело. По общему правилу случаи оскорбления составляют дела частного обвинения. Предварительное расследование по ним не проводится и обвинительное заключение прокуратуры не составляется. Гражданин, посчитавший себя оскорбленным, обращается непосредственно в суд и сам поддерживает обвинение. Если потерпевший и обвиняемый примиряются, дело подлежит прекращению. Право возбудить уголовное дело об оскорблении (ч. 3 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса) предоставляется прокурору лишь в исключительных случаях. Для этого потерпевший в силу беспомощного состояния или зависимости от обвиняемого должен быть не в состоянии защищать свои интересы либо дело должно иметь особое общественное значение. Что же произошло в данном случае? Из постановления начальника управления по надзору за расследованием преступлений Генеральной прокуратуры г-на Киракозова невозможно узнать: на каком основании возбуждено настоящее уголовное дело и частное обвинение превращено в публичное? Постановление прокурорского генерала не мотивировано. Ссылка на часть 3-ю статьи 27-й Уголовно-процессуального кодекса в нем отсутствует. Остается только строить догадки. Беспомощное состояние Павла Грачева исключается. О зависимости министра обороны от журналиста говорить тоже не приходится. Значит, «особое общественное значение»? Если это так, а, по всей видимости, это действительно так, то налицо поспориение основополагающего конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Оскорбление – преступление против личности, а не против должности. Оскорбленный министр ничем не отличается в правовом отношении, простите, от оскорбленного дворника. Потому что достоинство личности охраняется независимо от занимаемого кресла. Никакой высокий служебный статус, никакая сановная должность не добавляют гражданину прав и свобод и неспособны придать делу об оскорблении особое общественное значение. Поэтому возбуждение уголовного дела Генеральной прокуратурой незаконно, а следовательно, незаконно и все предварительное следствие, незаконно преобразование частного обвинения

---

¹ Подробнее: URL: <http://kommersant.ru/doc/175167>

в публичное. Имеется безусловное основание для возврата дела прокуратуре в связи с грубейшим нарушением Уголовно-процессуального кодекса. Второе существенное обстоятельство: на скамье подсудимых находится человек, в отношении которого и по факту написания статьи которым уголовное дело не возбуждалось. В постановлении о возбуждении дела фигурирует фамилия не «Поэгли», а «Пэггли». Это не крючкотворство, не мелочное цепляние адвоката Резника. Искажение фамилии автора статьи «Паша-Мерседес» в постановлении о возбуждении дела — свидетельство редкостного произвола, учиненного Генеральной прокуратурой, Существует законный порядок приема заявлений граждан о преступлениях. Заявления подаются на приеме дежурному прокурору. В соответствии со статьей 110-й Уголовно-процессуального кодекса составляется протокол, куда, в частности, заносится отметка о том, что заявителю разъяснена ответственность за заведомо ложный донос. Протокол подписывается заявителем и должностным лицом прокуратуры, принявшим заявление. Затем изучаются представленные заявителем материалы, в нашем случае — эта статья, и, если усматриваются признаки преступления, возбуждается дело. Сказать, что этот порядок был нарушен, — значит, ничего не сказать. Закон просто отставили в сторону. 20 октября 1994 года публикуется статья Вадима Поэгли «Паша-Мерседес». 20 же числа заявление Грачева оказывается на столе у исполняющего обязанности Генерального прокурора России Алексея Ильюшенко, который вообще не ведет приема заявлений о нарушениях, 20-го же числа накладывается резолюция: «Гайданову. Возбудите дело и проведите расследование силами следственного аппарата Генпрокуратуры». На следующий день появляется постановление Киракозова, содержащее глубокомысленный текст: «Установлено, что статья опубликована за подписью В. Поэгли». Так вот, искажение фамилии журналиста в киракозовском постановлении — не ошибка и не опечатка. Дело в том, что фамилия эта искажена в заявлении Грачева. Никаких сомнений нет: ни Ильюшенко, ни Гайданов, ни Киракозов статью Вадима Поэгли не читали. А прочли бы — хоть увидели бы, как пишется фамилия автора публикации. А так: в заявлении «Пэггли» и в постановлении «Пэггли»... О каком престиже Генпрокуратуры в обществе можно говорить при таких порядках, при таком надругательстве над законом, при такой бессовестности? Беззаконие продолжается при расследовании. Дело возбуждено по статье 131-й части 2-й Уголовного кодекса — «Оскорбление в средстве массовой информации». Оскорбление закон определяет как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Есть текст закона. Есть текст статьи. Их нужно сопоставить и определить,

нарушен уголовный закон или нет. Иными словами, по сути, дело в расследовании не нуждается. Разве что нужно удостовериться: существует в действительности журналист Поэгли, не псевдоним ли это? Двух-трехдневная задача для рядового следователя районной прокуратуры. Но Генеральная прокуратура не рискует спустить дело не только в район, но даже в прокуратуру Москвы. Расследует дело сама, причем создает в своих недрах следственную группу, в которой за три (?) месяца следствия перебивало 7 (семь — ?!) следственных работников: начальник отдела, старший следователь по особо важным делам, три следователя по особо важным делам, два старших следователя. Перед ними была поставлена задача раскрыть страшную тайну: прилично или неприлично обошелся журналист Поэгли в своей публикации с министром обороны. Обвинительное заключение и речь прокурора показывают: тайна сия велика есть для прокуратуры и поныне. На предварительном следствии был подменен предмет доказывания: мощная следственная группа пыталась доказать, что Поэгли не оскорбил, а оболгал Грачева. Цель изначально негодная. Ибо публикация на 95 процентов состоит из документов следственного производства о коррупции в Западной группе войск. Пытаться говорить сейчас о том, что нужно было проверить подлинность поступивших в редакцию «МК» материалов, не спешить их публиковать, бессмысленно. Неопровержимо установлено: все документы подлинные. И протокол допроса министра, и протоколы допросов его подчиненных, и соглашения между управлением по реализации имущества ЗГВ и испанской фирмой «Трансидер», и справка следователя Атомньева. Все эти материалы расследования, проводимого в конце 1992 года — начале 1993 года, были, казалось, надежно похоронены где-то в архиве Генпрокуратуры. Публикация журналиста Поэгли их реанимировала. Руководство Генеральной прокуратуры было поставлено перед необходимостью дать им правовую оценку и оценку эту доверили дать начальнику отдела Генпрокуратуры Евгению Ильченко. Тому самому, кто расследовал дело об оскорблении. Факты исказить было невозможно. О них следственные материалы не говорили, кричали: целевые деньги, выделенные правительством постановлениями и приказами Министерства обороны для обустройства семей военнослужащих ЗГВ, выводимых из Германии, незаконно расходуются на покупку двух «Мерседесов» — один становится персональной машиной министра обороны, другой отводится для приемов иностранных делегаций. Правонарушение налицо. Но какое? Административное или уголовное? «Уголовное, — делает категорический вывод в своей справке следователь Атомньев, — совершено преступление, предусмотренное пунктом

„а” статьи 260-й Уголовного кодекса — злоупотребление начальника или должностного лица властью или служебным положением». «Уголовное» — разделяет этот вывод в своей статье, публикуя справку Атомьева, журналист Поэгли. «Нет, не уголовное. Незаконная покупка „Мерседесов” всего лишь дисциплинарный поступок, финансовое нарушение», — пишет в своем постановлении Ильченко. Отличие финансового нарушения от уголовно наказуемого злоупотребления определяется наличием или отсутствием корыстной или иной личной заинтересованности, а равно причинением существенного вреда. Ильченко что — издевается, когда не дрогнувшей, а может, и дрожащей, рукой выводит: «Нет со стороны должностных лиц Министерства обороны никакой личной заинтересованности в покупке „Мерседесов”, не причинила переброска денег государству никакого вреда». Защита посчитала: стоимость двух «Мерседесов» — это цена двух шестнадцати-квартирных домов. Их должны были построить для 32-х офицерских семей в 1993 году. Может быть, будут построены в 1996 году или уже построены в нынешнем, 1995-м году: благодаря публикации Вадима Поэгли деньги, потраченные на «Мерседесы», возвращены в целевой строительный бюджет. Значит, не было нанесено вреда «военнослужащим, ютящимся в общагах и снимающим за свою мизерную зарплату углы», как пишет обвиняемый журналист Поэгли и с чем согласился в судебном процессе признанный Генпрокуратурой потерпевшим министр Грачев; значит, говоря житейским языком, не были обворованы 32 офицерские семьи, не нанесен моральный вред Министерству обороны, не дискредитировано государство? Здесь, в судебном заседании, Грачев, отвечая на вопросы защиты, признал: «Да, „Мерседесы” куплены по моей инициативе, по моему указанию. Я знал о том, что они приобретены в нарушение действующих нормативных актов. Один „Мерседес” стал моей персональной служебной машиной». Не скрывал Грачев этих обстоятельств и на допросе у следователя Исаенко, чей протокол опубликован в статье Вадима Поэгли. Однако Ильченко не только посчитал, что личной заинтересованности в незаконном приобретении «Мерседеса» у министра не было. В постановлении о прекращении уголовного дела фамилия Грачева вообще не упоминается. «Мерседесы» приобретались как бы независимо от министра, помимо него. Генеральная прокуратура переусердствовала, стремясь защитить министра обороны от самого себя. Постановление, прекращающее дело о «Мерседесах», — ярчайший пример раболепия и лизоблюдства прокурорских чиновников, любыми путями отмывающих сановных вельмож от ими же признаваемых нарушений. После предания гласности следственных материалов в статье «Паша-Мерседес» государственный

муж с сознанием чести и с развитым чувством собственного достоинства подает не заявление в прокуратуру, он подает в отставку. И так, ни в чем не покривил Вадим Поэгли против истины, нигде не исказил факты, публикуя принесенные в газету ксерокопии следственных материалов. Все, буквально все сведения, содержащиеся в статье, соответствуют действительности. Но суть в том, что вся часть моей речи, посвященная доказыванию истинности фактической стороны статьи Вадима Поэгли, была в значительной степени вынужденной той конструкцией обвинения, какую выдвинула Генеральная прокуратура против журналиста. Конструкция эта имеет мало общего с тем, что понимает закон под составом уголовно наказуемого оскорбления. Ваша честь! Колоссальная нагрузка, с которой вам, как и всем нашим судьям, приходится работать, скорее всего, препятствует регулярному чтению газет и просмотру телевизионных программ. Но все же вы, видимо, обратили внимание на то, как освещался наш процесс в средствах массовой информации, и досадливо морщились, слушая или читая, что в Пресненском суде, оказывается, рассматривается дело по иску Павла Грачева к Вадиму Поэгли. Не далее как вчера один из самых образованных и тонких тележурналистов Леонид Парфенов объявил телезрителям о том, что мы слушали дело о клевете. Простим журналистам их юридическую некомпетентность. Но когда работники Генпрокуратуры не в состоянии отличить оскорбление от клеветы, а клевету от гражданского деликта — распространения порочащих репутацию сведений, — в пору отчаяться. Защищая Вадима Поэгли от незаконного обвинения, я обвиняю Генеральную прокуратуру в редкостном непрофессионализме. В обвинительной речи прокурора отсутствовал юридический анализ статьи 131-й Уголовного кодекса, суд так и не услышал от моего процессуального противника, в чем же все-таки заключается уголовно наказуемое оскорбление. Такое умолчание не случайно. Прокурор связан формулой обвинения, содержащейся в обвинительном заключении. Юридический анализ эту формулу враз разрушил бы, неминуемо повлек бы отказ от обвинения. Обвинение, предъявленное Вадиму Поэгли, не конкретизировано. Так и непонятно, в чем же состоит неприличная форма употребляемых в статье выражений. Против такого обвинения невозможно защищаться. Неприличными следствие считает такие случаи, когда лицо называют преступником при отсутствии на этот счет следственных и судебных решений. Большая часть речи государственного обвинителя была посвящена тому, что Поэгли не имел права в отсутствие обвинительного судебного приговора называть министра обороны «вором». Однако соответствие действительности сообщаемой информации имеет значе-

ние для состава клеветы, но никак не оскорбления. При оскорблении наказуема сама неприличная форма, непристойное обращение обвиняемого с потерпевшим. С фактической стороны произведенная в неприличной форме оценка личности может быть и правдивой. В комментарии к Уголовному кодексу, который я держу в руке, приводятся два случая из практики Верховного Суда Российской Федерации. В первом случае было признано оскорблением, когда один сослуживец назвал другого «дураком». Хотя в судебном заседании было установлено, что потерпевший действительно не очень умен. Во втором Президиум Верховного суда не признал оскорблением характеристику «подхалим», констатируя, что в этом слове нет ничего неприличного. В теории уголовного права и судебной практике обще признано, что неприличную форму составляют выражения, которые до недавнего времени называли нецензурными, а сейчас именуется ненормативной лексикой, ругательства, брань, непристойные действия и жесты. Я склонен вслед за некоторыми криминалистами считать неприличными и такие выражения, которые дают обобщенную негативную оценку личности вне связи с конкретными поступками. Но ничего подобного в деле Поэгли нет. Потерпевший заявил в судебном процессе: считаю неприличным употребление в подзаголовке слова «вор», поскольку таковым никогда судом не признавался. Задаю вопрос: а если бы признавался, если бы осуждался, значит, слово из неприличного мигом превратится в приличное? Легко заметить разницу между двумя рядами слов. В одном — такие, как «мерзавец», «негодяй», «подлец», «гаденьш» (последнее слово входит, как известно, в лексикон потерпевшего), «свинья», «продажная шкура» и т.п. Они не информируют о фактах, касающихся потерпевшего, а в циничной клеймящей форме дают оценку его качествам и активно унижают достоинство личности. В другом ряду — слова «преступник», «взяточник», «расхититель», «коррупционер», «вор» и т.д. Они указывают на совершение потерпевшим конкретных позорных поступков. Ставшую крылатой цитату братьев Вайнеров «Вор должен сидеть в тюрьме» Поэгли использовал в подзаголовке своей статьи для информации о Грачеве как о должностном лице, совершившем преступление по службе. В русском языке слово «вор» употребляется, как известно, в двух значениях: узком — для обозначения человека, который что-то своровал, и широком — как вообще любого нарушителя закона. Предложив вопреки закону формулу оскорбления как названия потерпевшего лицом, совершившим преступление, Генеральная прокуратура, видимо, не отдаст отчета в том, сколь губительно отразится подобная ситуация на судебной практике. В гражданском суде рассматриваются сотни исков о защите

чести, достоинства и деловой репутации. Едва ли половина таких споров связана с тем, что человека называли преступником, вором, взяточником, расхитителем и т. п. Теперь, следуя логике обвинительного заключения, все эти дела должны переместиться из гражданского суда в уголовный. Поэтому в выступлении прокурора мы так и не услышали, в чем же все-таки выражается неприличная форма заголовка статьи: слове «вор», обращении «Павел Сергеевич, вы выйдете из тюрьмы совсем молодым?». Вы слышали ответ потерпевшего на вопрос защиты: «Если бы заголовок „Паша-Мерседес” был у статьи иного содержания, посвященной страстному автомобилисту Грачеву, который предпочитает всем маркам „Мерседес”, вы бы на это обиделись?». «Нет», — ответил министр. Есть определенная закономерность восприятия человека. Сам облик Павла Сергеевича, его простецкий вид, без всякой иронии открытая белозубая улыбка так располагают к именам «Паша, Павлик, Павлуша». Уменьшительно-ласкательные от «Павел». Что же здесь оскорбительного? Нередко журналисты называют по имени «Боря» нашего президента. Ельцин дает основания для этого своими запанибратскими манерами, от которых он не отходит даже в общении с главами иностранных государств. Но я никогда не встречал, чтобы нашего премьер-министра кто-то назвал «Витей». Сам облик Черномырдина вступил бы в явное противоречие с таким обращением. Мне кажется, даже родители премьера никогда не называли сына Витей, а с самого рождения Виктором Степановичем. Генпрокуратура пребывает во власти каких-то партийных криминальных стереотипов, называя заголовок статьи кличкой. Клички заменяют подлинные имена у профессиональных революционеров и преступников. В статье нет ни единого обращения к министру обороны по какому-либо прозвищу вместо подлинного имени. У всех государств бывают периоды, когда власть, говоря словами поэта, становится «отвратительной как руки брадоброя». Чем отвратительнее власть, чем наглее и бесцеремоннее она лапает физиономию общества, тем более раздражительной и обидчивой становится. Тем больше жаждет любви и настаивает на соблюдении каких-то приличий. С заявлением в Генпрокуратуру обратился человек, с чьим именем связаны похороны военных реформ, причастный к развязыванию кровавой бойни в Чечне, человек, который запятнал себя кощунственной фразой о «мальчиках, которые умирают в Чечне с улыбкой на устах». Ваша честь! Никакие изменения политического климата не должны влиять на температуру зала судебного заседания. Ваше решение по делу должен определять только закон. Конечно, у суда есть более простой выход: вернуть дело прокуратуре в связи с нарушениями закона, выявленными защитой. Но я не прошу вас об

этом. Судебное разбирательство по делу состоялось. В его ходе виновность подсудимого доказана не была. Я прошу оправдать Вадима Поэгли за отсутствием в его действиях состава преступления. Непристойно журналист Вадим Поэгли с министром Павлом Грачевым обошелся. Прошу также вынести частное определение в адрес Генеральной прокуратуры Российской Федерации в связи с грубейшими нарушениями закона, допущенными при возбуждении и расследовании уголовного дела.

***

Московский городской суд отменил приговор и прекратил дело в отношении Поэгли за отсутствием состава преступления.

Резниченко Иосиф Моисеевич

Адвокат Приморской краевой коллегии адвокатов

Родился в 1930 году в г. Керчи.

В 1952 году окончил с отличием Казанский юридический институт, в 1959 году — филологический факультет Уссурийского педагогического института.

С 1966 года ведет преподавательскую работу в Дальневосточном государственном университете.

Автор более 100 работ, в том числе учебного пособия «Основы судебной речи», сборника «Судебные речи» (Владивосток, 1999).

Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Доктор юридических наук. Профессор.

Дело Сосниной¹

(О непреднамеренном убийстве при самообороне)

Краткое содержание дела: учительница Тамара Соснина и Вадим Губин познакомились в общежитии строительного треста. Между ними возник роман. Но Соснина прекратила их отношения, так как ей стало с ним просто неинтересно. Губин, обладавший прекрасной внешностью, известный в коллективе донжуан, не мог смириться с тем, что впервые в жизни его оставила женщина. Он стал добиваться возобновления прерванных отношений.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestlawyers.ru/best/r2.html>

Однажды июльским днем он оказался в комнате Сосниной. Будучи в нетрезвом состоянии, он проявил особую настойчивость. Однако все было безуспешно. Тогда он неожиданно жестко заявил, что убьет ее. Не успела Соснина опомниться, как Губин потащил ее к открытому окну, чтобы выбросить с четвертого этажа. Соснина попыталась сопротивляться, но силы были не равны. Когда Губину оставалось только перекинуть ее через подоконник, Соснина схватила лежавший на подоконнике молоток и ударила им Губина по голове. Удар оказался смертельным...

Суд состоялся при огромном стечении народа. Родственники Сосниной ждали ее оправдания, родные Губина — возмездия убийце.

Отрывки из речи адвоката И.М. Резниченко:

«...Итак, Сосниной угрожала поистине смертельная опасность. У Сосниной был дефицит времени, измеряемый двумя-тремя секундами. Все ее попытки предотвратить опасность — обращение к самому Губину, вопли о спасении — не дали результата. Спаситься бегством не представлялось никакой возможности... Она имела все основания немедленно, тут же использовать молоток для защиты, использовать его, говоря функционально, как предмет ударного действия».

Когда адвокат начал говорить, в зале восстановилась полная тишина. И он продолжал: «Может быть, мы должны ей сказать, что она должна была бить не до смерти? Но такая претензия может иметь только сугубо умозрительное значение. Находясь под угрозой неминуемой гибели, уже прощаясь с жизнью, как можно было рассчитать такую силу удара, который мог только оглушить, а не убить Губина? К тому же ошибка в силе удара, останься Губин в сознании, не избавила бы ее от гибели. Он действовал бы с еще большим остервенением, и расстояние от окна до земли она преодолела бы еще скорее... Таким образом, анализ конкретных обстоятельств, предшествовавших нанесению удара, показывает, что Соснина не имела никакого выбора. Ситуация вынуждала ее, спасая свою жизнь, действовать так, как диктовала обстановка».

А теперь представим себе, что Соснина не воспользовалась своим единственным и последним шансом. Что было бы? Тогда на скамье подсудимых сидела бы не она, а Губин. За что бы его судили? Безусловно, за убийство: истории еще не известны случаи, когда человек, выброшенный летом на асфальт с четвертого этажа, остался бы жив. И в роли потерпевшей была бы не мать Губина, а мать Сосниной... И все, в том числе и судьи, задавались бы вопросом: «За что?» Но в отличие от этого процесса, мы в том гипотетическом процессе не смогли бы найти внятный ответ.

Получилось же так, как получилось. И в этом процессе, задавая тот же вопрос: «За что?», мы знаем ответ: «За то, что он хотел убить Соснину, за то, что сделал все мыслимое, чтобы убить ее».

За это, именно за это, он заплатил своей жизнью. Или, говоря более конкретно, она спасла свою жизнь ценой его жизни. Другого пути у нее не было.

Мне нелегко далась эта защита. Мать есть мать, и матери Губина больно слышать эти слова. Она в любом случае жаждет наказания Сосниной. Но виноватых в этой трагедии среди живых нет!

«Соснина, — сказал в финале своей эмоциональной речи адвокат, — не совершила преступления. Она не хотела убивать Губина. Но она не хотела и умирать. Сработал вечный инстинкт жизни. В данном случае действие было, безусловно, правомерным. Мне представляется, что дело Сосниной — классический случай необходимой обороны. Поэтому, полагаю, мы все вправе ожидать вынесения только оправдательного приговора».

* * *

Речь адвоката произвела на суд должное впечатление. Суд возвратил дело для дополнительного расследования, в ходе которого оно было прекращено за отсутствием состава преступления.

Россельс Владимир Львович

Известный московский адвокат. Он в течение многих десятилетий выступал с защитительными речами в суде, отстаивая законность, правду и справедливость. Его речи всегда были принципиальны, содержали глубокий анализ действий и личности подсудимого, убедительную оценку доказательств.

Юристы часто цитируют его слова о значении для правосудия освещения обстоятельств дела с позиции обвинения и защиты: «Судья с помощью прокурора и защитника воспринимает обстоятельства дела, подобно человеку, смотрящему в стереоскоп обоими глазами, из которых каждый видит предмет со своей «позиции», вследствие чего предмет этот виден не только в его плоскостном изображении, но и как бы рельефно, пространственно и в глубину»¹

---

¹ Левин А.М., Огнев П.А., Россельс В.Л. Защитник в советском суде. М., 1960. С. 15.

Дело Семеновых¹ (О хищении)

Речь адвоката В.Л. Россельса:

Товарищи судьи!

Старый рабочий, слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семенов ценил, оно казалось ему даже лестным.

Встречи этой ему не забыть.

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой обратился к нему Любомудров. «Гавриил Борисович, — сказал он, — машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а оплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли? Да в чем сомневаетесь? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги на ее имя, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я — машинистке. Вот как приходится обходить бюрократические формальности», — вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилося сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался.

«В чем дело, в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...»

Согласился...

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладится.

Как обещал, так и сделал.

Полина Александровна по просьбе мужа написала счет и доверенность, а он, получив по изготовленной Любомудровым на имя его жены доверенности тысячу рублей, передал их Любомудрову.

«Спасибо, Гавриил Борисович». — «Да что вы, не за что, Виктор Иванович».

И только значительно позже, у следователя, Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и жену.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://textbook.news/sudoproizvodstvo_759/rossels-rech-zaschitu.html

«Поверить не мог. Потемнело в глазах, подкосились ноги, стали как ватные», — вспоминал здесь об этом Семенов.

Все так, как было, рассказали Семеновы следователю, и он поверил и тому, что они обмануты Любомудровым, и их бескорыстию.

Да и как было не поверить Семеновым, которым проще было бы утверждать, что Полина Александровна действительно работала и за работу получила законно причитавшееся ей вознаграждение.

Но Семеновы говорят правду — никакой работы Полина Александровна не выполняла, да и не в состоянии была по объему своих знаний и компетенции выполнить работу, о которой она и представления не имела.

Легко было проверить Семеновых еще и потому, что в аналогичном положении оказались и другие простые душой люди, бескорыстные которых было выгодно использовать Любомудрову и которых он, как и Семеновых, убеждал, что они делают хотя по форме неправильное, но по существу доброе дело.

Поверил Семеновым следователь и, несмотря на это, внес их в список тех, кому суждено было разделить скамью подсудимых с Любомудровым.

И вот они перед вами.

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники.

Мы слышали здесь прокурора.

И он поверил Семеновым, но... тем не менее предлагает осудить их как соучастников Любомудрова, обвиняемого в хищении.

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел.

Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «невиновны, должны быть оправданы!»

Вам придется решить, кто из нас прав.

Вы помните, товарищи судьи, что Семенов на вопрос, признает ли он себя виновным, ответил: «Тысячу рублей получил и отдал их Любомудрову, в этом каюсь, но у меня и в помыслах не было содействовать ему в хищении».

В этих простых, бесхитростных словах заключено содержание, имеющее серьезное правовое значение. «И в помыслах не было» — это значит на языке права «не было умысла».

Хищение — преступление умышленное, и само собой разумеется, что Семеновы могли бы быть осуждены за участие в этом преступлении только в том случае, если была бы установлена их умышленная вина.

Однако наличие умышленной вины предполагает раньше всего сознание лицом фактических обстоятельств, образующих соответствующий состав преступления.

Но ведь прокурор согласен, что здесь именно те фактические обстоятельства, которые образуют состав хищения, и были скрыты от Семеновых.

Ведь в их представлении, в противоречии с действительностью, существовали и машинистка, и работа, за выполнение которой ей законно причиталось получить тысячу рублей.

Но если в сознании Семеновых не создалось представления о готовящемся Любомудровым хищении, то не может быть и речи об умышленной их вине.

Далее, у участников хищения должен быть общий, направленный на совершение этого преступления умысел.

Однако и этого не отрицает прокурор, прямой умысел Любомудрова был направлен на хищение тысячи рублей, а умысел Семенова — на уплату этой суммы машинистке за произведенную ею работу.

И, наконец, эти соображения, устанавливающие отсутствие умышленной вины у Семеновых, подкрепляются и тем имеющим самое серьезное значение обстоятельством, против которого также не спорит прокурор, что Семеновы никакой корыстной или иной заинтересованности не имели.

Этот факт делает предположение о соучастии Семеновых в хищении государственного имущества совершенно необоснованным, предположение это повисает в воздухе, лишенное почвы, на которой могло бы вырасти соучастие в тяжком, касающемся экономической основы государства преступлении, грозящем преступнику суровым наказанием.

Вот почему полагаю, что в споре с прокурором я прав. Обманутые Семеновы не могут быть осуждены за соучастие с Любомудровым в хищении государственного имущества.

Однако остается еще серьезный уголовно-правовой вопрос.

Семеновы без умысла, направленного на хищение, бескорыстно передали Любомудрову тысячу рублей, но деньги эти они получили из кассы главка подложно, за работу, которую они не делали.

Можно ли считать их действия безразличными с точки зрения закона?

Ответ находим в законе.

Подлог предусмотрен ст. 72 и 1201 УК нашей республики. Обе эти статьи не предусматривают подлогов, бескорыстно совершенных частными лицами. Такой подлог не является преступлением и уголовно не наказуем.

Стало быть, Семеновы не участвовали ни в хищении, ни в совершении уголовно наказуемого подлога и должны быть судом оправданы.

Этим, казалось бы, я исчерпал свою непосредственную задачу защитника.

Но я не могу и не хочу уйти при оценке поведения Семеновых от общественного долга защитника, обязывающего меня ответить еще на один, настоятельно требующий разрешения вопрос.

Можно ли считать соответствующим интересам государства и общества, справедливым, честным, заслуживающим уважения и одобрения поведение Семеновых, получивших подложно из государственного учреждения не причитающиеся им деньги, хотя бы переданные впоследствии тому, кому, по их убеждению, они причитались? Конечно, нет.

Такие действия наше общество никогда не сочтет соответствующими нормам поведения советского человека. Семеновы не нарушили норм права, воплощенных в уголовном законе, но нарушили нормы морали, которые хотя и не поддерживаются силой государственного аппарата, но поддерживаются силой общественного мнения относительно того, что является правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, хорошим или дурным.

Нормы социалистического права и нормы социалистической нравственности, отличаясь друг от друга источником силы, принуждающей к их исполнению, связаны, как два ствола одного корня, общим происхождением, проникают друг в друга и, находясь между собой в неразрывном взаимодействии, служат одной и той же цели — построению коммунизма.

Эта их общность и тесная связь вытекают из самой природы нашего социалистического права и социалистической нравственности, между которыми нет пропасти и которые, наоборот, покоясь на одних и тех же принципах, граничат друг с другом.

Семеновы, несомненно, нарушили нормы нравственности. Может ли защитник, «добру и злу внимая равнодушно», пройти мимо такого рода нарушения и не высказать слов морального осуждения?

Конечно, нет. Не может этого сделать и суд...

Судебный зал — лаборатория, в которой формируется общественное сознание граждан, поэтому здесь громко должны прозвучать слова осуждения неправильных, недопустимых действий Семеновых. Но нарушение норм морали влечет моральное, а не уголовно-правовое осуждение.

Моральную недопустимость своего поведения сейчас понимают и Семеновы.

Семенов сказал: «Виновным себя не признаю, но каюсь в том, что я сделал». Это значит: «Я не нарушал норм уголовного закона, а нарушил нормы социалистической морали и в этом раскаиваюсь».

Он и на этот раз, как всю жизнь, сказал правду.

В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом, протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...

Они совершили, и они сознают это, противообщественный проступок, но они не совершали преступления. Морального осуждения они заслуживают, и они его уже получили. Но для их осуждения в уголовном порядке и применения к ним уголовного наказания нет законного основания. Я прошу их оправдать.

Дело об оговоре отчима падчерицей¹

Краткое содержание дела: М.А. Муров обвинялся в том, что он, «состоя в браке с Е.Г. Муровой, 7 мая 1952 г. у себя на квартире по Щербаковскому переулку пытался изнасиловать свою несовершеннолетнюю падчерицу Людмилу Угарову».

2 апреля 1953 г. суд приговорил Мурова по ст. 19 УК РСФСР и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к 15 годам лишения свободы.

По кассационной жалобе приговор был отменен, и дело было направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

При доследовании дело было производством прекращено.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/6320156/page:20/#45>

Речь адвоката В.Л. Россельса:

Товарищи судьи!

Студент последнего курса высшего учебного заведения Муров обвиняется в покушении на изнасилование своей четырнадцатилетней падчерицы.

Бывают тяжкие преступления, когда беспомощность обиженного создает вокруг него атмосферу доверия, обостряет желание прийти ему на помощь, охранить, защитить его, а обидчик вызывает чувство отращения, ненависти... Никто не пропустит ни одного ничтожного аргумента, говорящего в пользу пострадавшего, не пройдет мимо слова, избличающего того, кто причинил страдания.

Так и в этом деле, где, по мнению обвинителя, мать предала свою дочь из любви к мужу, где муж, который должен был заменить отца ее дочери, покушался на тяжкое преступление, а дочь, жалкая, маленькая девочка, еще не способная противостоять нападению, стала жертвой его разнузданного инстинкта!

И здесь каждое слово обиженной вызывает доверие, каждый вздох — сострадание, неверное утверждение кажется случайностью, сомнение в ее показаниях — почти кощунством.

И, наоборот, доброе отношение отчима к ребенку представляется дьявольской хитростью, желание сделать падчерице подарок — тонким и злым способом оболыщения, строгий его приказ — запугиванием, подавлением воли маленького существа.

Все в поведении обидчика внушает сомнение, все подозрительно, все избличает его в грязном стремлении. Возникающие сомнения быстро переходят в острые подозрения и еще быстрее перерастают в убеждения. Это кажется почти естественным, потому что вызывается присущим человеку благородным желанием защитить беззащитного, наказать виновного. Далее благородная идея помощи слабому растет, овладевает человеком...

И если даже потрясенная делом рук своих, испуганная вставшей во весь рост ею самой взращенной неправдой девочка закричит, как это и случилось здесь: «Остановитесь, я обманула вас, все что я говорила, — ложь», — все равно ее слабый голос потонет в буре негодования загнипнотизированных людей.

И не случилось ли так, товарищ прокурор, что и вы, ослепленный ярким блеском благородной идеи помощи, потеряли правильную ориентацию, изменились в ваших глазах реальные очертания окружающей действительности, и она представляется вам в превратном свете.

А между тем при анализе связи событий необходимы разумная бдительность, обостренное критическое отношение к оценке фактов.

В делах, подобных этому, усиливается опасность осуждения невиновного, а потому осторожнее должны стать и суд, и обвинение, и защитник, глубже их внимание, напряженнее борьба за объективную истину.

И, быть может, лишь голос защитника, вооруженного фактами и законом, более сильный, чем голос испуганной девочки, будет услышан и предупредит возможную ошибку.

И не девочка, а я, защитник, скажу теперь:

«Остановитесь, товарищ прокурор...»

Нелегко доказать, что нет жалкой, обиженной девочки, внушающей своей беспомощностью симпатию, а есть обиженный ею, да, именно ею, любящий ее мать взрослый мужественный человек, есть горькая, неутешная печаль матери о жестокой дочери, которую она любит, но которой не верит, и о муже, которому она отдала свое женское сердце и безгранично верит. Истина должна быть обнаружена, а с глаз снята застилающая их пелена.

Нет, я не призываю вас, товарищи судьи, при оценке первоначальных показаний Людмилы к сплошному скепсису. Нет, я только прошу вас отнестись с особым вниманием к изучению всей ситуации, ее реальной значимости, к определению психических качеств и особенностей девочки.

Ситуация сложилась трудная.

6 мая, взяв принадлежавшие матери 350 руб. (а по словам Мурова, — 450 руб.) и дамский костюм, Людмила Угарова ушла из дому. Она ночевала у школьной подруги Оли Рудиной, а утром вместе с ней пошла в школу. Оле и другой соученице, Нине Берман, Людмила объяснила, что вынуждена была уйти из дому, так как боялась отчима, который на 7 мая «назначил ее изнасилование».

К концу второго урока в школу пришел разыскивающий Людмилу отчим Муров. Вместе с Людмилой и Олей Рудиной он пошел к Рудиной домой, где получил оставленные Людмилой 350 руб. Людмила с отчимом отправились домой, а Рудина вернулась в школу.

Оля Рудина и Нина Берман, испуганные, рассказали директору школы Буслаевой, что отчим на сегодня, 7 мая, «назначил изнасилование» Людмилы и увел ее домой.

Директор Буслаева послала обеих девочек к Людмиле с тем, чтобы та вернулась в школу.

Девочки пошли к Людмиле. Дверь им открыла соседка Тучкова, и они услышали крик Людмилы; тут же на зов соседки вышла из комнаты заплаканная Людмила, на ходу застегивая кофточку. Подруги передали распоряжение директора и ушли в школу.

Вслед за ними пришла в школу и Людмила. Она занималась на последних двух уроках, а вечером ее позвали к директору Буслаевой, где

присутствовали еще два педагога — Шарова и Груздева и вызванная в школу мать Людмилы.

По словам трех педагогов, Людмила рассказала, что она, взяв принадлежащие матери 350 рублей и вещи, переночевала у Оли Рудиной и «собиралась 7 мая уехать в Тулу к бабушке», так как «7 мая отчим назначил ее изнасилование». Она рассказала еще, что отчим давно к ней «пристает», пишет любовные записки, а 4 мая написал, что если она добровольно не согласится, то он все равно 7 мая выполнит свое решение. 7 мая он назначил как последний срок. Накануне она просила дать отсрочку до среды, т.е. еще два дня, но «он ни за что не соглашался». Далее Людмила сказала, что, приведя ее домой, он велел ей лечь на кровать, кажется, велел раздеваться и сам начал раздеваться...

Мать спросила у рассказывающей это плачущей дочери, почему она не сопротивлялась ему. Она ответила, что «он прижал меня так, что даже трудно было дышать... потом мне было больно, попросила, чтобы он ее отпустил, застонала».

Рассказ Людмилы вызывает серьезное недоумение.

Прежде всего, для чего Мурову было писать Людмиле записку, если он мог в любое время сказать ей все, что ему угодно? К тому же записку Людмила могла показать матери, и насильник был бы изобличен, и, наконец, эта записка могла служить в руках следствия прямым доказательством предполагавшегося или совершенного насилия.

Прошло мимо внимания педагогов и непонятное поведение Мурова. Их не удивило и то, что отчим точно в срок выполняет свою угрозу и 7 мая «на глазах у публики» уводит из школы свою жертву, пренебрегая в дальнейшем опасностью многочисленных свидетельских показаний. Не заставило призадуматься и то, что преступник для выполнения якобы давно намеченного и заранее объявленного плана выбирает самое неподходящее время и обстановку. Он уводит свою жертву среди бела дня в коммунальную квартиру, где в это время находилась соседка Тучкова, открывшая дверь пришедшим за Людмилой подругам. Кстати, Тучкова объяснила нам, что «если бы что дурное произошло, я слышала бы».

Что за странное поведение преступника?

Но таким же странным является и поведение Людмилы.

Берман рассказала, что, войдя в квартиру, она и Оля услышали крик Людмилы, которая тут же вышла из своей незапертой комнаты. Казалось бы, подвергшаяся или подвергающаяся насилию девочка бросится к своим спасительницам — подругам, убежит вместе с ними... Как раз наоборот. Она просит подруг уйти, обещает позже прийти в школу.

Не кажется ли вам, товарищи педагоги, подобное поведение девочки в такой страшный для нее момент совершенно необъяснимым?

И представьте себе, Людмила действительно приходит в школу и спокойно, как будто ничего не случилось, занимается на последних уроках.

Какое неслыханно наглое поведение насильника, какая необыкновенная, железная выдержка у его четырнадцатилетней жертвы!

Есть о чем задуматься, есть основания усомниться в правдивости ее рассказа.

Тем не менее ничто не колеблет уверенности трех педагогов в том, что устами ребенка глаголет истина.

«Девочка говорила правду, она была совершенно искренна, а мать, наоборот, внушала недоверие; она производила впечатление скорее женщины, отбивающей нападение на любимого, чем матери, охраняющей свою дочь», — рассказывали педагоги.

В своем совместном заявлении на имя прокурора они приходят к одному общему выводу: «Нам всем стало ясно, что он ее изнасиловал по приходе домой».

Непогашенный огонь негодования против преступника они принесли к нам, в зал судебного заседания.

Но я уверен, что они изменили бы свое убеждение, если бы им стало известно то, что и нам.

А мы знаем, что в первых же своих показаниях, данных следовательно, Людмила рассказала обо всем не так, как говорила педагогам. «Когда отчим привел меня от Рудиной домой, он меня чуть не изнасиловал, но помешали девочки из школы. А то уже стал раздеваться, снял пиджак, ботинки, требовал, чтобы я принадлежала ему, иначе убьет...».

Как видите, товарищи свидетели, хотя речь еще идет об изнасиловании, о требовании, чтобы Людмила «принадлежала», об угрозах отчима, однако нет уже весьма отвратительных реалистических подробностей: «положил на кровать», «прижал» и тому подобное.

А вот послушайте объяснения Людмилы, данные прокурору. Вы увидите еще более серьезные изменения. «Отчим говорит: «Ты взяла 450 рублей, я буду тебя бить только за 100 руб., которых не хватает...». Он взял провод от утюга и говорил: «Не отдашь? Убую...». Только он стал раздеваться, здесь стучат девочки, Ольга и Нина, сказали, что меня зовет директор».

Теперь ни одного слова об изнасиловании, окончательно исчезли грязные подробности покушения на изнасилование. Речь идет о том, что отчим собирался бить девочку за кражу денег. Все показание приобретает совершенно иной смысл: Людмила говорит об угрозе избить ее шнуром, если она не вернет 100 руб.

А теперь вдумайтесь в то, что говорила Людмила врачам, как это зафиксировано в акте судебно-медицинской экспертизы: «Я хотела уе-

хоть, потому что отчим, дядя Миша, меня часто наказывает, а мама, узнав об этом, ничего ему не говорит... Дядя Миша придирался ко мне и бил за всякий пустяк. 7 мая он увел меня с уроков и дома избил».

И, наконец, вот передо мной последние показания Людмилы, данные в период предварительного следствия, которые содержат полный, последовательный, логически связный рассказ о событиях, освещающий все подробности...

«Отчим ко мне никогда не приставал, никаких разговоров даже на эту тему не вел. Я не любила его, не хотела, чтобы он с нами жил; он никуда не пускал меня, не разрешал дружить с кем мне хотелось, наказывал, если я не слушалась, не готовила уроков или приходила домой позже, чем он велел. Мама держала его сторону. Я наговорила на дядю Мишу плохое, якобы он пристаёт, потому, что ненавидела его и думала, что его за это посадят. В школе в присутствии мамы я тоже говорила неправду, потому что была зла — он избил меня в этот день. Все неправда. Никакого срока 7 мая для изнасилования он не назначал. Я придумала, рассказала девочкам, а потом учителям. В этот день просто не выучила уроков, и дядя Миша не велел брать велосипед, так как я плохо училась. Я взяла деньги и костюм, хотела уехать к бабушке.

Когда мы жили на Преображенке, то разные девочки рассказывали подобные вещи. Я знала, что за это арестовывают и судят. Вот я и придумала, что дядя Миша хотел меня изнасиловать, что он развращал меня».

Эти свои показания девочка повторила в судебном заседании.

Как будто фонарем осветился темный переулок со всеми его закоулками и подворотнями.

Нам ясно, что никаких любовных записок Муров не писал, да их никто и не видел. Ясно также, что Муров действительно негодовал на падчерицу, совершившую пусть семейную, но кражу денег и костюма, что он в самом деле бил ее дома шнуром, как он сам признал.

О том, что он и ранее бил девочку шнуром, нам рассказывала Мурова.

Теперь все становится понятным. Нина Берман и Оля Рудина, когда пришли в квартиру к Людмиле, услышали крик. Это был крик их подруги, которая только что сняла костюм матери и, надевая кофточку, вышла к ним заплаканная и расстроенная. Теперь мы не удивляемся тому, что Людмила не сразу пошла со своими друзьями в школу и что потом сравнительно спокойно занималась на уроках. Нам легко представить себе и душевное состояние жестоко наказанной отчимом падчерицы, которая не нашла в себе мужества на допросе у педагогов отказаться от сочиненной ею и рассказанной ранее подругам злой неправды.

Итак, причины и цель оговора отчима ясны.

Поведение девочки получило свое естественное объяснение и оказалось совсем не таким, как вы его себе представляли, товарищи педагоги. Я уверен, теперь вы убедились, что желание помочь слабому без критического анализа фактов, без проникновения в их сущность ввело вас в заблуждение.

Вы ошиблись...

Но прокурор, тронутый беспомощностью девочки, не в состоянии вырваться из мелового круга, начертанного ее первыми показаниями, загишотизированный ими, уже не верит ей и объясняет ее последние показания влиянием матери: «Девочка маленькая, внушаемая, а мать любит мужа и хочет спасти его от заслуженного наказания».

Прокурор не замечает, как ненадежно это его построение.

Людмила — девочка, конечно, внушаемая, в этом сомневаться не приходится. Но ведь в период следствия она училась в школе и находилась под влиянием педагогов и подруг, с которыми ежедневно встречалась. Педагоги, как мы знаем, были убеждены в виновности отчима. Сомневаетесь ли вы, товарищ прокурор, в том, что они советовали девочке «говорить правду», то есть говорить то, что они считали правдой?

Ну, а подруги? Думаете ли вы, что Оля Рудина и Нина Берман, искренне возмущенные отчимом, советовали Людмиле отказаться от его изобличения?

По своей внутренней сущности, по своему моральному содержанию правда всегда сильнее лжи и имеет притягательную силу. Сказать правду легче, в особенности ту, которой достигаются желанные цели, чем выдумать ложь.

Если бы то, что рассказала Людмила педагогам, было правдой, то скажите, как можно объяснить, что девочка отказалась от этой правды, благодаря которой она освободила бы себя от ненавистного насильника, а любимую мать от гнусного обманщика.

Товарищ прокурор, Вы думаете, что Людмила отказалась от своих первых утверждений потому, что на нее влияла мать.

Но разве Вы не замечаете, что и это Ваше положение насквозь неверно.

Евгения Григорьевна Мурова, занимающая скромное положение начальника цеха фабрики, — простая, честная советская женщина, о которой мы не слышали ни одного дурного слова. Почему вы, товарищ прокурор, думаете, что эта женщина способна унижить свою дочь, внушив ей отказаться от правды, от изобличения загрязнившего ее своим прикосновением отчима? Мне кажется наоборот, что грязь, внесенная даже самым любимым человеком в любовь, отравит чувство любви к нему душевно чистой женщины.

Вы, товарищ прокурор, на мой взгляд, допускаете незаслуженно оскорбительное предположение в отношении матери Людмилы, Евгении Григорьевны Муровой. А ведь она больше, чем кто-либо другой, заинтересована в правде, в настоящей, подлинной, пусть жуткой, но правде.

Нет, товарищ прокурор, Вам придется покинуть и этот последний форт Вашей крепости, стены которой оказались ненадежными и рухнули под ударами истины.

Но, товарищи судьи, как объяснить, что девочка так тяжело солгала, выдумала такой страшный, фантастический рассказ? Я и сам задаю себе этот вопрос.

Почему, спрашиваю я себя, оговорив отчима, она обвинила его в таком преступлении, которое находится в сфере интимных отношений мужчины и женщины, т. е. тех отношений, которые, казалось бы, наиболее далеки от этой еще не взрослой девушки?

Почему она избрала темой своей выдумки не покушение на убийство, не нанесение тяжких побоев, ранений, не истязание?

Если вспомнить о грубых физических методах наказания, к которым прибегал отчим, то такого рода обвинение, будучи также неосновательным, могло казаться, по крайней мере, более правдоподобным, чем покушение на изнасилование в назначенный для этого день.

Почему содержанием своего вымысла падчерица избрала именно покушение на изнасилование? Как возникла, вкралась именно эта мысль в сознание, укрепилась, овладела им, и как решилась девочка реализовать ее в ложном оговоре?

Я уверен, что защитник, желающий наиболее полно выполнить свою задачу, обязан ответить и на этот вопрос.

И когда я думаю, с чего начать, я вспоминаю о горестных сплетениях жизненных условий, в которых росла и воспитывалась девочка.

Прошу вас, товарищи судьи, вместе со мной войти в квартиру дома, находящегося на далекой от центра города Преображенской улице — «Преображенке», как они все ее называли.

В одной из комнат этой квартиры Людмила прожила вместе с матерью и отчимом первые годы их совместной жизни.

Мать целый день на работе. Отчим занят, учится, не в состоянии уделить много внимания падчерице.

Она предоставлена сама себе и попечению, заботе соседей, с которыми проводит все время.

Но кто они, эти люди, которые как будто сошли из потускневших позолоченных рамок, старых, напоминающих почти забытое прошлое, картин?

Мы слышали здесь бывшую их соседку Гаврилову. Ей явно непонятна циничность ее собственных показаний. «У меня сын Юра, 15-ти лет, — говорила она. — Он действительно проживал, с моего согласия, в моей комнате, вместе со своей сожительницей Марусей». «Ну и что ж?» — вызывающе обратилась она ко мне, отвечая на мой вопрос.

Это тот самый Юра, который, вызванный обвинением в качестве свидетеля, в суд не явился, так как он далеко, отбывает наказание за кражу. За соучастие с ним лишена свободы и его сожительница Маруся.

Кстати, отчим запрещал Людмиле дружить с этим Юрой и строго ее наказывал за посещение семьи Гавриловых.

А вот другая соседка — Ищенко, которая откровенно, непринужденно рассказала, что она еще с одной женщиной часто подсматривали в замочную скважину в комнату Муровых.

И, наконец, рядом, тут же живет взрослая девушка, Катя Прудкина, которая картинно рисовала своим подругам, как однажды летом, приехав на дачу к Муровым, она «своими глазами видела, что Муров утащил по лестнице на чердак Людмилу, а когда она, Катя, поднявшись по лестнице, заглянула на чердак через слуховое окно, то увидела лежавших вместе Мурова и Людмилу». Свидетельница эта в суд не явилась. Трудно себе представить, что она говорила бы нам после того, как выяснилось, что и Муров, и Людмила все это отрицали, что никакой лестницы на даче нет, нет ни слухового окна, ни чердака.

Таковы люди, вызванные в суд обвинением для уличения Мурова фактами, о которых им сообщила Людмила.

Людмила была рано вовлечена этими людьми, с которыми она ежедневно сталкивалась, в круг интересов и вопросов, которые она была не в состоянии критически расценить и не в силах правильно разрешить. Все эти люди, помимо их воли, не понимая этого и, вернее всего, не желая этого, создавали вокруг Людмилы, выросшей у них на глазах и которую они по-своему любили, атмосферу нездорового, эротического соблазна.

Муровы бежали от этого окружения на Преображенке на другую квартиру в Щербаковском переулке, хотели уберечь девочку от тлетворного влияния этих уходящих в прошлое людей.

Но знакомство продолжалось...

Отчим строго наказывал падчерицу за дружбу с Гавриловой, Юрой, Марусей — не помогало.

Мать упрекала дочь за позднее возвращение домой после посещения «преображенцев» — не действовало. Муровы надеялись на новую среду, на хороших, настоящих людей, подруг Олю и Нину, внимательных, чутких, любящих детей педагогов, на новую соседку Тучкову —

тщетно. Яд проник глубоко... Теперь яд этот был тем опаснее, что Людмиле уже исполнилось 14 лет. А ведь общеизвестно, что в этот период формирования личности она оказывается особенно восприимчивой к воздействиям извне, к влиянию, давлению среды. 14 лет — это возраст, когда только просыпается чувство пола, когда снятся непонятные сны, а наяву еще ребенка и уже юную девушку сопровождает повсюду, почти как недомогание, неосознанное, неясное, смутное, до сих пор неиспытанное ощущение. Если вы спросите, что это и откуда, она не знает и не скажет.

Она, как зачарованная... И все представляется ей сквозь призму этого не покидающего ее ощущения.

Людмила нам рассказывает: она утром собирает книги в школу, и вдруг отчим сзади обнимает ее.

Из глубины ее души какой-то неясный голос шепчет воображению: «Это он как мужчина». А отчим и не подозревает этого... Она вырвалась и убежала...

Вот он обещал починить часы, купить крепдешинное платье, и взволнованное воображение подсказывает девочке: «Так мужчины относятся к своим возлюбленным».

Товарищи судьи, ведь это не домысел защитника.

Это — ее показания.

А вот еще...

«Я стала утром просыпаться от того, что около меня стоял дядя Миша. Когда я просыпалась, он отходил. Что он делал со мной, когда я спала, я не знаю, но мне бывало неприятно», — рассказывала следователю девочка.

Бедный отчим! Может быть, и вернее всего, он ничего не делал, а может быть укрывал ее сброшенным во сне одеялом, но он никак не представлял себе, что вызывает в ней окрашенные легкой эротикой представления.

Ей кажется, что он обманывает мать, когда говорит ей о своей любви, ласков с ней, обнимает и целует ее, а мама ничего не видит, ничего не понимает. Глухая обида за мать берedit душу.

А мать, которая раньше так ее любила, теперь любит его, этого чужого человека, «держит его сторону», и ревность закрадывается в душу девочки и живет в ней, как незаживающая рана.

Мать требует от Людмилы, чтобы она слушалась, уважала и любила отчима.

Любить его? Да ведь это сверх ее сил.

Нет, любить его нельзя, его можно только ненавидеть!

Какой жгучий комплекс переживаний!

Любовь к матери, обида за нее, требование уважать и любить отчима и ненависть к этому недостойному, обманывающему ее человеку, — все связалось в один клубок и жжет, как созревающий, но еще не вскрывшийся нарыв.

С кем разделить боль свою?

Может быть, маме рассказать о себе, об отчине, о его обмане, об обиде, о которой мама не подозревает? Но ведь с ней-то говорить о дяде Мише страшней всего. Она занята целый день на работе и, поглощенная своей любовью к мужу, проходит мимо, не замечает волнений Люды и, может быть, что вернее всего, не поняла бы дочери.

Может быть, напрямик поговорить с отчимом?

Угрожать ему, что она расскажет матери все, как он обнял ее, как по утрам стоит у ее кровати, как ласков с ней?

Нет, на это не могла решиться девочка, страдания которой и начались именно тогда, когда в дом вошел этот ненавистный ей человек.

А сам Муров, искренне желавший заменить ей отца, только теперь понял, что это было почти невозможно.

«Я понимаю, — сказал он нам, — что если бы я был родным отцом, то Людмиле и в голову не пришли бы эти страшные мысли, о которых я и не подозревал». Он прав. Если бы так, как он, относился к девочке отец, у нее не возникли бы те ощущения, какие она испытывала к отчиму, чужому человеку, не сумевшему стать ей близким. И не кажется ли вам, товарищи судьи, что этот процесс есть хорошая иллюстрация к вопросу о семьях, где отчим или мачеха.

Воспитание детей, растущих в таких семьях, требует больших усилий, особо напряженного и неустанного внимания близких людей и педагогов, тонкого и глубокого проникновения в детскую психологию, для чего иногда недостаточно искреннего любовного отношения к пасынку или падчерице, а необходимо искусство педагога, соединенное с серьезными знаниями в этой области.

Хорошо было бы, если бы каждый, создающий такую семью, крепко задумался бы над судьбой своего ребенка.

Хорошо бы, если бы наши педагоги, с честью выполняющие высокие задачи воспитания молодого поколения, еще с большим вниманием и свойственной им душевной зоркостью наблюдали за жизнью детей в этих семьях, помогали их близким советами, консультацией.

Может быть, меньше было бы душевно раненных детей, как это случилось здесь.

Но с кем же Людмила поделится тем, что мучает, жжет и мысль, и душу?

Ну, конечно, с соседями, с которыми так сдружилась, когда они жили на «Преображенке». Именно этим людям, Ищенко, Гавриловой, Юре, Марусе, Кате Прудкиной, Людмила рассказывала о том, что ей только казалось и что она принимала как реально существующее, хотя его на самом деле не было.

Жадное любопытство слушающих, ловящих каждое слово, жаждущих и требующих подробностей, взвинчивало и поощряло рассказчицу, и она, чувствуя себя в центре внимания, приукрашивала, расцвечивала, преувеличивала неправду, в которую верила, и, возбужденная успехом рассказа, выдумывала и то, чего никогда не было, но что, как ей казалось, возвышало ее, делало «героиней» в глазах окружающих.

Психология и психопатология давно дали объяснение этого рода явлениям.

Наши ученые, профессор В. Внуков и А. Брусиловский говорят, что «жажда признания», стремление попасть в центр внимания, стать объектом всеобщего сочувствия сопрягается с тенденциями возраста полового созревания, и бывает так, что в этих случаях фантазия, ее поток и логическое развитие приходят на помощь оформлению выдумки.

Ничего этого не знали слушавшие Людмилу ее бывшие соседи и верили каждому ее слову.

Эти темные, казавшиеся нам такими ничтожными, люди, тронутые ее рассказом, сердцем своим поняли ее несчастье, и тогда большая горячая человеческая жалость к беспомощной, выросшей в этой квартире, близкой, родной девочке, которую они называли Людочкой, затопила все другие их чувства и переживания и в гневном возмущении отчимом они сказали ей: «Ну, что же ты плачешь, Люда? Слава богу, есть у нас Советская власть. Таких, как отчим, обольщающих, развращающих, насилующих сажают в тюрьму и надолго».

Так рассказала нам Людмила. Эти слова соседей она запомнила.

Людмиле казалось, что все несчастья начались с того времени, когда в дом пришел Муров, что он виновник всего, его надо прогнать, удалить, уничтожить.

Тогда она отомстит за себя, за мать и вернет любовь матери.

Ей казалось, что тяжкий круг теснее и теснее смыкается вокруг нее...

И, когда 7 мая отчим жестоко, позорно наказал ее, она вспомнила то, что говорили ее друзья с «Преображенки».

«Ты меня наказал, и я накажу тебя».

И она рассказала следователю неправду, которую принимала за правду, и другую жестокую тяжкую неправду, выдуманную ею для того, чтобы обрушить ее на голову невинного, ненавистного ей, не заслуживающего этой ненависти человека.

Так маленькая беспомощная девочка зло оговорила взрослого мужчину, который никогда ничего дурного ей не желал.

А потом...

А потом, когда увидела, что по ее вине над головой невинного человека нависло позорное и грозное обвинение, когда поняла горе матери, ужаснулась неправде — и отшатнулась от нее.

Правда победила ложь, доброе победило злое.

Вот и все.

Я прошу вас оправдать Мурова, вырвать его из несчастья, в которое его незаслуженно ввергла падчерица, горько плачущая сейчас о нем, о матери, о себе.

Свирин Юрий Александрович

Адвокат адвокатской палаты города Москвы. Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений. Доктор юридических наук. Действительный член Российской Академии Естественных наук, Академик Российской Академии Фундаментальных наук.

Дело об убийстве на сексуальной почве¹

Краткое содержание дела: В декабре 2004 г. в г. Долгопрудном на берегу Котовского залива был найден изуродованный труп молодого человека, у которого отсутствовали ребра слева, с множеством резаных ран головы, щитовидного хряща, проникающее ранение грудной клетки. Был отрезан половой орган и вложен в рот трупа. У органов следствия возникла версия, что убийство было совершено на сексуальной почве. Убийцей могло быть лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Обвинение было предъявлено моему подзащитному Пименову.

Речь адвоката Ю.А. Свирина:

Уважаемый суд!

Мой подзащитный обвиняется в совершении тяжкого преступления, за которое предусмотрено одно из самых суровых мер наказания.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20334&start=0>

Вынося обвинительный приговор и тем более по тяжкому преступлению суд должен располагать неопровержимыми, непротиворечивыми доказательствами вины подсудимого, о чем собственно и говорится в ст. 302 ч. 4 УПК РФ.

А какие же доказательства имеются по данному уголовному делу? Я позволю себе начать исследование доказательств в том порядке, в каком они исследовались судом. Допрошенный в ходе судебного заседания потерпевший — дед погибшего пояснил, что его внук проживал совместно с дедом. Мальчик был послушный, ночевал почти всегда дома, за редким исключением у своей девушки, спиртного почти не употреблял. Когда же внук пропал и отсутствовал более двух недель, это не вызвало у деда никакого беспокойства, он не сообщил в милицию, а только созвонился с несколькими знакомыми внука. Хотя он же на предварительном следствии утверждал, что внук пропал не в конце октября, а 3 или 4 ноября. Причем, замечу, что было сказано «не в начале ноября», «не в конце октября», а была названа точная дата — 3 или 4 ноября (л. д. 160). Убийство же, согласно обвинительному заключению, произошло 31 октября. Почему же потерпевший поменял свои показания данные на предварительном следствии? На следствии на него никто не оказывал давления, не угрожал. Или потерпевший, выполняя чью то волю, пытается в суде оговорить Пименова?

Кроме того, показания потерпевшего противоречат показаниям свидетеля Андриевского — брата убитого. Андриевский в суде утверждает, что девушки у брата не было. Где же, в таком случае, мог находиться погибший в течение 2 недель, что это не вызвало подозрений у деда и у брата? Не значит ли это, что погибший был убит значительно позже 31 октября? Да и сам свидетель Андриевский поменял свои показания данные на предварительном следствии в судебном заседании. Он начинает утверждать, что его брат пил редко. На предварительном следствии говорил обратное, что брат любил выпить. Дату, когда пропал его брат, он забывает. А на предварительном следствии утверждал, что брат пропал 3 или 4 ноября. Далее свидетель в суде говорит, что не знает и времени, когда брат ушел из дома, т. к. он спал в это время. Но на предварительном следствии он называет не только дату, но и время, а именно 14 часов, именно в это время погибший уходил из дома. А перед уходом они разговаривали, и погибший сказал, что пошел гулять.

Свидетель Андриевский и далее дает неправдивые показания, утверждая, что с Пименовым по телефону не общался. При этом в квартире, как говорит свидетель, кроме него и деда никого не бывает. Со-

гласно распечаткам разговоров в период с 31 октября по 10 ноября 2004 г. Пименов трижды звонил в квартиру Андриевских, и общался как со свидетелем, так и с дедом. Своими ли словами говорят в суде потерпевший и свидетель? Почему и дед, и брат убитого скрывают, что общались по телефону с подсудимым? В свою очередь, подсудимый показывает, что он несколько раз звонил и деду и брату, говорил им, что у него был Андриевский, и что он забыл свою куртку. Почему вдруг они скрывают правду о том, что погибший ушел из дома 3 или 4 ноября. По всей вероятности, источником противоположных показаний потерпевшего и свидетеля являются иные лица, желающие, чтобы уголовное дело прошло через суд, и в отношении Пименова был вынесен обвинительный приговор.

В судебном заседании 07.12.2005 мной было сделано заявление о том, что я слышал, как следователь прокуратуры Артеменко консультировала свидетелей Галкина, Федорова и Воробьева о том, какие показания надо давать в суде.

Сразу после этого при допросе в суде, Федоров меняет свои показания данные на предварительном следствии. А именно, на следствии он утверждал, что 6 ноября накануне своего дня рождения звонил и общался с погибшим и приглашал его на свой день рождения. Перепутать числа Федоров не мог, т.к. говорил, что звонил накануне своего дня рождения, 6 ноября. А день рождения 7 ноября. Таким образом, еще 6 ноября Андриевский был жив. Убийство Пименову вменяют 31 октября. Поскольку показания Федорова на предварительном следствии не укладывались в прокрустово ложе государственного обвинения и обеспечивали алиби Пименову, Федоров с подачи следователя прокуратуры отказался от своих показаний. На вопрос защиты «Почему на следствии им давались другие показания?» Федоров просто ответил, что он их не давал. Хотя в протоколе стоит его подпись. Федоров является свидетелем обвинения, и никто на следствии на него не мог оказывать давления. По всей вероятности, в тот период прокуратура еще сама не знала, когда произошло убийство и кому вменить это преступление. Поэтому показания Федорова, потерпевшего и брата убитого были записаны на следствии так, как они сами говорили, и как было на самом деле.

Допрошенные в качестве свидетелей Галкин, Федоров и Воробьев показали, что хорошо знакомы с Пименовым. И охарактеризовали его как человека не агрессивного, даже когда Пименов был пьян. Потерпевшего они также хорошо знали и характеризуют его также как не агрессивного человека. Что исключает возможность ссоры между ними и, тем более, такого кровавого убийства. Также они показали, что им

известно, что Андриевский был у Пименова, но уехал от него. Характеризуя погибшего, они говорят, что он и курил, и пил, на дне рождения напивался сильно. И это — в малолетние годы. Невольно возникает вопрос, мог ли погибший, будучи 31 октября 2004 г. в сильной степени опьянения уйдя от Пименова, с кем-то еще провести несколько дней, продолжая пьянствовать?

Свидетель Вельган видела, как Андриевский выходил из квартиры Пименова 31 октября после 18 часов.

Согласно обвинительному заключению: после убийства Андриевского Пименов перетащил труп примерно на расстояние 700 метров, где снял с него одежду. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы труп сильно обезображен. Итак, чтобы выйти из дома, пройти метров 300–400 до места убийства, поспорить, убить, отрезать уши и обезобразить труп, а после перетащить его метров на 700, снять с него одежду и спрятать, — потребуется очень много времени. Сколько? Следственный эксперимент не проводился. Но мне представляется, что больше 30–40 минут. Ровно столько отсутствовал Пименов в квартире. А данное время подтверждают свидетели: Пименова — мать подсудимого, и соседи — Калайджан и Дубровская, которые показывают, что Пименов отсутствовал в квартире примерно 30–40 минут (за 15–20 минут до приезда матери он с Андриевским ушел из дома, и минут через 15–20 после приезда матери один вернулся домой). Причем, Дубровская утверждает, что именно в эти 30–40 минут (в этот отрезок времени) она встретила Пименова у подъезда. Попросила его зайти к ней в квартиру и помочь ее дочери в установке компьютерной программы. И минут 10–15 Пименов пробыл у нее. Таким образом, путем несложных подсчетов можно определить, что Пименов отсутствовал вне дома и подъезда минут 15–25, что естественно недостаточно, для того чтобы, как я уже говорил, проделать все те действия, которые вменяют Пименову.

Далее все три свидетеля (Пименова, Калайджан и Дубровская), которые видели, как Пименов вернулся 31 октября около 17 часов домой, утверждают, что у подсудимого была чистая и сухая одежда. В то время как на улице моросил дождь. Кроме того, если учесть характер и локализацию телесных повреждений погибшего, а также то, что следствием Пименову вменяется то, что он перетаскивал труп, раздевал его и т.д. — нелепость обвинения проявляется сама собой. При таких телесных повреждениях вся одежда подсудимого должна была бы быть в крови и грязи. К тому же, выводы проведенной судебно-биологической экспертизы также недвусмысленно говорят, что крови (чьей бы то ни было) на одежде Пименова не обнаружено.

Все обвинение Пименова строиться на его чистосердечном признании, на допросе, проведенном сразу после этого, и протоколе проверки показаний на месте. Однако в суде Пименов заявил, что данные чистосердечные показания он давал под давлением сотрудников милиции. Также в качестве давления его, как бывшего сотрудника ГИБДД, посадили в изоляторе в общую камеру. Что является недопустимым.

Суд, несмотря на возражения адвоката, допросил в судебном заседании сотрудников милиции, которые допрашивали Пименова и добивались от него несурзных, но признательных показаний. Вполне естественно, что данные сотрудники, конечно же, в суде показали, что никакого давления они не оказывали. Суд не имел права в судебном заседании проводить проверку заявления Пименова о том, что на него оказывалось давление со стороны оперативных сотрудников.

Допрошенный в судебном заседании начальник криминальной милиции Кузнецов дал ложные показания, которые противоречат опять-таки материалам предварительного следствия. Так, в деле имеется ответ ОВД за подписью Кузнецова (л. д. 32), из которого видно, что оперативными сотрудниками при «отработке» жилого сектора установлено: Андриевский приехал в Долгопрудный 8 или 9 ноября. В судебном же заседании Кузнецов говорит, что такой ответ он давал, основываясь на показаниях Пименова. Но из содержания вышеназванного ответа не следует, что Кузнецов давал ответ на показаниях Пименова. Кроме того, в материалах дела нет ни одного показания, в которых бы подсудимый говорил, что Андриевский приезжал к нему 8 или 9 ноября. Таким образом, очередной свидетель обвинения в суде дает ложные показания.

С другой стороны, если Андриевский действительно приезжал 8 или 9 ноября, становится понятным, почему дед убитого так долго не разыскивал своего внука. Поскольку внук пропал не 31 октября, а 8 или 9 ноября.

Допрошенные в судебном заседании свидетели Корнилова и Маланин показали, что знали Пименова давно. Характеризуют его с положительной стороны. Как спокойного и не агрессивного человека. Не способного на преступления и уж тем более, такого как убийство.

Учитывая все вышеизложенное, защита считает, что вина Пименова в инкриминируемом ему убийстве полностью не доказана. Имеется множество неопровержимых и последовательных свидетельских показаний, обеспечивающих алиби моего подзащитного и доказывающих его невиновность. В то же время свидетели обвинения и потерпевший поменяли свои показания в судебном заседании.

Прошу суд вынести в отношении моего подзащитного Пименова оправдательный приговор в соответствии со ст. 302 ч. 2 п. 2 УПК РФ, поскольку подсудимый не причастен к совершению преступления.

Дело А.П. Землянского¹

(О нарушении таможенного законодательства)

Речь адвоката Ю.А. Свирина:

Уважаемый суд!

Мой подзащитный, Землянский А.П. обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 169-1 ч. 3 УК РСФСР (в редакции ФЗ от 01.07.1994 г.) и 194 ч. 2 УК РФ. А именно в том, что он в сентябре-декабре 1996 г. систематически нарушал таможенное законодательство и уклонялся от уплаты таможенных платежей.

Данное уголовное дело в отношении Землянского, Юсилевича, Власова и Иванова было выделено из дела № 569 16.01.2001 г. Московской транспортной прокуратурой. Собственно говоря, само постановление о выделении уголовного дела и явилось основанием для дальнейшего уголовного преследования вышеперечисленных лиц, в т.ч. и Землянского. В материалах отсутствует постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Землянского. В то время как судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем постановлении отметила: «По смыслу ст.ст. 232, 345 УПК РСФСР, проведение предварительного следствия по материалам, выделенным из дела в отдельное производство в отношении иного лица по новому обвинению без возбуждения уголовного дела, является существенным нарушением уголовно процессуального законодательства» (Бюллетень ВС РФ. 2002. № 4. С. 3). Уголовное дело № 569 было возбуждено не в отношении Землянского, следовательно, в отношении него, прежде чем выделять дело в отдельное производство, необходимо было возбудить уголовное преследование и только потом выполнять необходимые следственные действия, в т.ч. и привлекать его в качестве обвиняемого. Исходя из вышесказанного, следует, что к настоящему времени уголовного дела в отношении Землянского не возбуждено, все следственные действия следует признать не допустимыми, т.к. они выполнены с нарушением уголовно-процессуального законодательства. А при таких обстоятельствах напрашивается сам по себе вывод о том, что в отношении Землянского следует вынести оправдательный приговор. (Это позиция защиты с процессуальной стороны).

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=10010&start=0>

Однако вина моего подзащитного не доказана и в ходе проведения недопустимых следственных действий. На чем же строит свое доказательство вины государственное обвинение? В первую очередь, на материалах ревизий, и, прежде всего ст. лейтенанта таможенной инспекции Журавлевой.

Хотелось бы отметить, что в соответствии с п. 5 Приказа Минфина РФ, МВД РФ, ФСБ РФ от 7 декабря 1999 г. № 89н/1033/17, которым было утверждено «Положение о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов... при назначении и проведении ревизий» под ревизией понимается «система контрольных действий по документальной и фактической проверке обоснованности совершенных организацией хозяйственных и финансовых операций в ревизуемом периоде или достигнутых результатов ее финансово-хозяйственной деятельности». А какие же задачи ставит перед ревизорами следователь Крючков? Он просит дать оценку правомерности деятельности Фонда по получению в льготном таможенном режиме поставок кофе в определенный период. И просит определить, допущены ли нарушения таможенного законодательства. Исходя из вышеупомянутого Положения, следователь не может ставить перед ревизорами правовые вопросы. А Журавлева, отвечая на них, выходит за рамки своей компетенции и превышает полномочия.

Далее. В соответствии с п. 17 вышеназванного Положения при проведении ревизии должны присутствовать должностные органы, материально-ответственные лица ревизуемой организации и необходимо получение от них объяснений. Однако как мы видим из многочисленных актов ревизий, по настоящему уголовному делу, ни в одной из них не принимали участие должностные органы и иные лица, и от них не бралось объяснений. Да и сама Журавлева в судебном заседании показала, что при проведении ревизии должностные лица ревизуемых организаций ею не привлекались. Предполагается, что и по этому основанию заключения ревизора по настоящему уголовному делу следует признать не допустимыми, и они не могут быть положены в основу обвинения, т. к. они выполнены с нарушением Закона.

А теперь перейдем конкретно к каждому акту ревизий. Акт ревизии от 31.08.2000 г. (л. д. 167 т. 1) также следует признать незаконным и не допустимым. Данная ревизия, как следует из самого акта, выполнялась Журавлевой с 01.04.1999 г. по 31.08.2000 г. А постановление следователя о назначении ревизии (л. д. 166 т. 1) датировано 01.06.2000 г. Как могла ревизор Журавлева начать ревизию без постановления следователя? В судебном заседании она вразумительного ответа на этот вопрос не дала.

В своем акте от 31.08.2000 г. Журавлева говорит о руководителях АОЗТ «РАУТ-Р», ООО «Компания РАУТ», ТПФ «РАУТ-Р», «РАУТ-Холдинг» и др. (т. 1, стр. 167) как об обвиняемых. А обвинение им было предъявлено после 01.09.2000 г. Это свидетельствует о необъективном и предвзятом отношении таможенного инспектора Журавлевой к данному делу. Данную ревизию необходимо было поручать независимым ревизорам. Кроме того, в этом же акте Журавлева утверждает, что грузы (имеется в виду кофе) были оплачены. Данный вывод основывается лишь на документах, большей частью представленных в ксерокопиях, имеющих различное происхождение и наименования: письма от АО РАУТ, ООО Компании РАУТ, письма СЕПН НЕСТЛЕ, ООО НЕСТЛЕ ФУД и др. В материалах дела отсутствуют подлинные банковские документы, свидетельствующие об оплате в валюте грузов. Непонятно как по ксерокопиям писем имеющим неизвестное происхождение делается однозначный вывод об оплате грузов ООО «РАУТ». При допросе же в зале судебного заседания Журавлева сказала, что она подготовила такой акт, какой нужен был следователю. Поэтому об объективности данного акта говорить не приходится.

В своем постановлении о назначении дополнительной ревизии (л. д. 384 т. 1) следователь установил границы исследуемого периода — по декабрь 1996 г. А Журавлева по непонятным причинам исследует материалы по февраль 1997 г. (т. 1, стр. 386–393) акт от 09.11.2000 г. И опять в зале судебного заседания все та же Журавлева пояснила, что она вышла за рамки постановления следователя только потому, что ей было так удобно для подсчета. В этой связи хотелось бы отметить, что в обвинении говорится о неправомерной деятельности подсудимых с сентября по декабрь 1996 г. с перечислением товара якобы ввезенного в Россию без уплаты таможенных платежей, с указанием объемов и сумм, с перечислением ГТД, инвойсов и т. д. А по акту Журавлевой, если исходить из сроков, которые она исследовала, товар ввозили в Россию с нарушением таможенного законодательства с сентября 1996 по февраль 1997 года. Тогда либо следователь не прав, т. к. за более короткий период, по логике, должно быть завезено меньше товара, либо Журавлева ошибается.

Другим своим постановлением о назначении дополнительной ревизии следователь устанавливает верхнюю границу исследуемого периода по январь 1997 г. (т. 16, стр. 280). Однако все та же Журавлева проводит исследование по март 1997 г. (т. 16 л. д. 281–284) акт от 10 января 2001 года. И в постановлении следователя ставится задача выяснить движение валютных средств. В акте же говорится о движении рублевых

средств. В самом же акте нет списка исследуемых документов. В этом случае непонятно, какими же документами оперировала Журавлева, какие документы ею были исследованы. Ни следователь, ни государственное обвинение как будто этого всего не замечают и на основании вышеупомянутых актов делают вывод о том, что подсудимые ввозили в Россию кофе с уклонением от уплаты таможенных платежей, причем все это сопровождается цифрами неизвестно откуда взявшимися.

В актах ревизии также есть ссылки на неизвестные и отсутствующие в деле документы:

1. По акту дополнительной ревизии от 10 января 2001 г. не приложены банковские выписки. Поэтому проверить правильность и полноту исследования не представляется возможным.

2. В этом же акте Журавлева ссылается на электронные копии ГТД. Никаких распечаток, подтверждающих ее анализ в деле нет (т. 16 л. д. 281 и далее).

3. По акту ревизии от 31 августа 2000 г. в каждом эпизоде ревизор ссылается на некую инструкцию водителю (т. 1 л. д. 171 эпизода 1). В материалах дела данный документ отсутствует. Происхождение, местонахождение и назначение данной инструкции неизвестно.

4. По акту ревизии от 31 августа 2000 г. ревизор в эпизодах 10–12, 17–19, 25–27 ссылается на некие доверенности, выписанные для сопровождения определенными лицами автомашин с грузом с терминала СОФИ до места их таможенной очистки. Однако в материалах дела указанные документы отсутствуют.

В своих актах Журавлева утверждает, что весь так называемый «контрабандный» кофе по 53-м эпизодам обвинения реализовывался фирмами «Роланда» и «Гарольд-96». Но данный вывод опровергается отсутствием каких-либо подтверждающих документов и актами ревизий названных фирм. Такими домыслами проникнуты все акты ревизора Журавлевой. Приведу примеры:

1. Журавлева делает вывод о том, что груз был доставлен заказчику на основании доверенности на получение машины на представителя фирмы «РАУТ». И здесь неизвестно какую фирму имеет в виду Журавлева. Фирм с созвучным названием «РАУТ» было четыре. С вышеуказанными доверенностями товар следовал с транспортной стоянки СОФИ на таможенно (стоянку при таможене). Кто же забирал товар после таможенной очистки и куда он дальше следовал, неизвестно, так как в материалах дела нет документального соответствующего подтверждения.

2. Журавлева утверждает, что окончательным получателем товара была фирма ООО «Компания РАУТ», которая в дальнейшем реа-

лизовала данный товар на рынке без уплаты таможенных платежей и налогов. В этой связи представляется, что по каждому эпизоду в материалах дела должны быть документальные подтверждения получения товара и его реализации. Поскольку таких документальных подтверждений нет, то данный вывод ревизора следует признать голословным.

3. При каждом упоминании фирмы «ГАРЛАНД МЭНЕДЖМЕНТ ЛТД» Журавлева сопровождается ее определением «подставная». Непонятно, на основании каких доказательств ревизор пришла к такому выводу. В материалах дела доказательств такого вывода нет. И наоборот есть письмо № 0897 таможенного атташе Великобритании (т. 1 л. д. 21–22) что такая оффшорная фирма существует, и претензий к ней с английской стороны нет.

В самих же актах ревизора Журавлевой много путаницы, ошибок. Вот характерные примеры.

1. В первом эпизоде номер автомашины, упоминаемый ревизором, не соответствует ни одному документу, приведенному в т. 2.

2. Т. 1 л. д. 169 — доверенность на имя Нудельмана от БФСЭЗСМ на получение с СВХ СОФИ автомашины с № В580АМ47 (оригинал). В материалах эпизода указываются разные номера доверенности, но никак не № В580АМ47.

3. В описании 2-го и 3-го эпизода Журавлева приводит номер автомашины из 1-го эпизода (т. 2 л. д. 175).

4. При анализе документов 2-го эпизода № исследуемого ей сертификата соответствия качества не соответствует № сертификата, находящемуся в материалах эпизода. В этой связи непонятно что же исследует ревизор.

5. Т. 1 л. д. 272, п. 2 выводы по эпизоду 28. Ревизором упоминается фамилия Борисов, в то время как по документам значится Нудельман. И таких ошибок много.

6. В ряде эпизодов, например 36 и 37, ревизор ссылается на доверенность, находящуюся в материалах и указывает ее номер. Однако такого документа нет. В л. д. 310 т. 1 п. 4 и 7 ревизор ссылается на доверенность в материалах эпизода 31. Однако такой доверенности там тоже нет.

7. Т. 1 л. д. 301–302 эпизод 35: «23) Подтверждение об оплате 10.12.96 фирмой РАУТ через фирму GMLtd суммы 894 223,10 долл. Поступившей на счет 1622307 фирмы NWTC-копия (изъято в фирме НЕСТЛЕ) на 2-х листах с печатью фирмы Нестле, подтверждающий перевод денег 10.12.96 в CITIBANK LONDON для фирмы Нестле — NWTC — VeVey от клиента под номером 081576 фирмы GM по заказу 358122.01 с номером распечатки 566025,выставленного платежа по Formatted memo» .

Несоответствия:

- а) сумма — 235526,40 долл. США;
- б) нет там слова РАУТ, а только GARLAND MANAGEMENT;
- в) нет слова CITIBANK LONDON;
- г) не 358122.01, а 358120.01;
- д) не 566025, а 566929.

Все эти ошибки оказывают прямое влияние на выводы ревизора, в связи с чем данные выводы нельзя признать правильными и объективными. Все вышесказанное относилось только к ревизиям, проводимым таможенным инспектором Журавлевой, в которых, как уже выше упоминалось, указывалось, что все кофе реализовывалось через фирму РАУТ. Но в деле есть и другие документальные ревизии, выводы которых противоречат выводам Журавлевой.

Так в постановлении о назначении дополнительной документальной ревизии от 01.02.99 (т. 16 л. д. 1) были поставлены следующие вопросы:

1. Установить получение АОЗТ «РАУТ»... кофе... от ПОО Бюро Фонда СЭЗСМ с 1996 г. по март 1997 года.
2. Установить фирмы, которым поступал кофе... от АОЗТ «РАУТ».
3. Установить фирмы, которым перечислялись денежные средства от АОЗТ «РАУТ» за кофе.

Согласно выводам ревизора Болдыревой от 28.05.99 (т. 16 л. д. 17–19) «Денежные средства от реализации кофе за период с 01.09.96 по 01.04.97 в АОЗТ „РАУТ“ не поступали и другим фирмам не перечислялись». Мы видим явное несоответствие в выводах двух ревизий. Однако следователь и, следовательно, обвинение упор делают только на выводы Журавлевой, и на основании этих выводов строится само обвинение и доказательство вины.

07.04.99 следователь выносит постановление о назначении дополнительной ревизии и поручает ее сотрудникам Департамента государственного и финансового контроля и аудита Минфина РФ (л. д. 34 т. 16). Из акта ревизора Янишевской от 09.07.99 (т. 16 л. д. 35–81) следует, что «За период с 09.96 по 12.96 был получен товар от ООО «Компания РАУТ» на сумму 4804,6 тыс. руб., из которых кофе на сумму 4166,7 тыс. руб. (45911,4 кг), в том числе марки «НЕСТЛЕ» на сумму 1896,7 тыс. руб. (18419,3 кг) После реализации ООО «РОЛАНДА» перечислила в ООО «Компания РАУТ» 4600,7 тыс. руб.

В тоже время, согласно вынесенным постановлениям о привлечении в качестве обвиняемых, ООО «КОМПАНИЯ РАУТ» реализовала через ООО «РОЛАНДА» по 53-м эпизодам кофе марки «НЕСТЛЕ» на сумму 31 871,79 тыс. руб. (418 425 кг), что явно противоречит выводам

ревизора. Создается такое впечатление, что следователь брал эти цифра «с потолка». Без всякого обоснования.

Далее. При проведении ревизии по ООО «Компания РАУТ» (л.д. 96–134 т. 16) акт от 18.08.99, ревизору Саенко были предоставлены учредительные документы, банковские выписки, платежные документы по все счетам, справки ГНИ, отчеты за проверяемый период, контракты на поставку товара, копии ГТД. Из этих документов усматривается, что ООО «Компания РАУТ» заключила 6 контрактов с иностранными фирмами на поставку кофе. «Общее количество кофе 215 334 кг. Фактурная стоимость 1 116 852 долл. (5 528 900 руб.). Оплата за него произведена в полном объеме. В период с сентября по декабрь 1996 г. (согласно копиям ГТД) поставлено кофе — 75 909 кг. Фактурной стоимостью 377 218 дол. (2 017 062 руб.). Кроме того, ООО «Компания РАУТ» приобретало товар на Российском рынке. За период с января 1996 г. по март 1997 г. ООО «Компания РАУТ» перечислило различным фирмам 50 507 352 руб., в том числе в ООО «НЕСТЛЕ ФУД» А за период с сентября по декабрь 1996 г. на счета ООО «Компания РАУТ» поступили денежные средства от 25 фирм в сумме 17 591 185 руб. И наличная выручка в размере 4 792 750 руб.». Из данного заключения можно сделать вывод (согласно копиям ГТД), что ООО «Компания РАУТ» только за сентябрь-декабрь 1996 г. завезла с уплатой все таможенных платежей кофе на сумму около 2 млн руб. Далее из акта следует, что ООО «Компания РАУТ» приобрело товар:

- завезло с уплатой все таможенных платежей на 2 017 062 руб.
- купила за рубли у ООО «НЕСТЛЕ ФУД» на 6 863 212 руб.
- купила за рубли у других фирм на 9 030 643 руб.

Итого 17 910 917 руб.

Продало товар:

- получило от ООО «РОЛАНДА» 4 600 630 руб.
- от других покупателей 12 990 555 руб.
- наличная выручка 4 792 750 руб.

Итого 22 383 935 руб.

В то же время в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых стоимость кофе составляет 31 871 789 руб.

Из этого можно также сделать вывод, что если бы ООО «Компания РАУТ» реализовала товар через ООО «РОЛАНДА» и ООО «Гарольд 96», как сказано в обвинении, то выручка составила бы, как минимум стоимость товара приобретенного — 17 910 917 плюс стоимость контрабанды 31 871 789, что равняется сумме около 50 млн руб., а не 22 383 935 руб. Кстати, в акте от 09.07.99 сказано, что ООО «Гарольд 96» в указанный период вообще не платило в ООО «Компания

РАУТ». А в акте Журавлевой говорится, что ООО «Компания РАУТ» в указанный период продавало кофе через ООО «Гарольд 96».

В соответствии с актом ревизии от 20.08.99 (ревизор Каюмова) (л. д. 200 т. 16) в исследуемом периоде ЗАО «РАУТ-Холдинг» приобретало товар только на Российском рынке.

В соответствии с актом ревизии от 25.08.99 (т. 16 л. д. 246) ревизором Ивановой сделан вывод о том, что ЗАО «ТПФ РАУТ-Р» в исследуемый период операций не проводила.

Из вышеперечисленных актов ревизии следует, что АОЗТ «РАУТ» и ЗАО ТПФ «РАУТ-Р» в 1996 г. не работали, а ООО «Компания РАУТ» и ЗАО «РАУТ-Холдинг» получили продукцию «НЕСТЛЕ» за рубли от ООО «НЕСТЛЕ ФУД» Актов ревизий ООО «ГАРОЛЬД-96», ООО «Торговая компания РАУТ» и других в деле нет.

Анализ документальных ревизий, приведенный мною выше, дает однозначный ответ, что выводы, содержащиеся в этих ревизиях, не объективны, не точны и было бы грубейшей ошибкой ссылаться на них в приговоре, как на доказательство вины подсудимых. Да и сами акты ревизий являются недопустимыми доказательствами, поскольку ревизии выполнены с нарушением процессуального закона, о чем я также говорил выше.

А в чем же собственно обвиняется Землянский? Согласно обвинительному заключению: «В том, что являясь менеджером четырех коммерческих фирм в Москве ЗАО „РАУТ“, ООО „Компания РАУТ“, ЗАО „РАУТ-Холдинг“, ТПФ „Раут-Р“, вступил в преступный сговор с учредителями данных фирм и другими сообщниками в сентябре-декабре 1996 г., организовавшись в устойчивую преступную группу, систематически нарушал таможенное законодательство. В этих целях он направлял в Московское представительство Швейцарской фирмы „NESTLE...“ и ООО „НЕСТЛЕ ФУД“ письма для финской компании „WILSON“ о переадресовки поступающих из Индии и Франции кофе по контрактам ООО „Компания РАУТ“ в адрес предприятия общественной организации „Бюро фонда социально-экономической защиты сотрудников милиции“».

Хотелось бы остановиться подробнее, какими же доказательствами оперирует обвинение в доказывании вины Землянского.

1. Землянский якобы является менеджером 4-х компаний. Подробно изучая материалы уголовного дела я не нашел ни одной бумаги, ни одного документа из которых бы было видно, что Землянский работал на 4-х фирмах. При допросе в качестве обвиняемого (т. 17 л. д. 217) Землянский просит следователя исследовать его трудовую книжку, в которой абсолютно четко написано, где он работает. Однако следо-

ватель игнорирует это, упорно утверждая, что Землянский работает на 4-х фирмах «Раут». Каких-либо свидетельских показаний о том, что Землянский работает в 4-х компаниях с похожим названием, в ходе судебного заседания мы не услышали. В этой связи я совершенно ответственно заявляю, что данная позиция следователя, а впоследствии и обвинения является голым вымыслом, абсолютно не подтвержденная никакими доказательствами. К тому же суд приобщил к материалам дела копию трудовой книжки Землянского, в которой видно, что Землянский работает только в ООО «РАУТ».

2. Что касается устойчивой преступной группы и преступного сговора. В ходе судебного заседания мы слушали многочисленных свидетелей, исследовали письменные материалы уголовного дела и нигде ни разу мы не услышали и не увидели ни одного доказательства существования данной преступной группы или о том, что был сговор между подсудимыми. Чем же обвинение подтверждает сговор и преступную группу. Ответ прост — ничем. Ничем, кроме своей фантазии, неудержимым желанием довести дело до суда, придать ему большое значение, якобы это не простое преступление, а устойчивая организованная преступная группа. Да и привлечь лиц, сидящих на скамье подсудимых, в том числе и Землянского к уголовной ответственности по ст.194 УК РФ можно лишь, вменив им всем квалифицирующий признак — устойчивая преступная группа, где роль каждого исполнителя не имеет значения. В противном случае Землянский не является субъектом преступления ни по одному из двух вмененных ему составов преступления. Как менеджер фирмы он не имеет даже опосредованного значения к уплате таможенных платежей и не должен уплачивать никаких таможенных сборов и налоговых платежей.

3. Что же касается рассылки неких писем, якобы Землянским в адрес Швейцарской и Российской фирм НЕСТЛЕ, то здесь следователь имеет в виду 13 ксерокопий документов (10 факсимильных сообщений и 3 письма), их же упоминает и свидетель Иванова в своих показаниях (т. 8 л. д. 414–425). На некоторых из них действительно есть подпись, похожая на подпись Землянского, причем на одних его фамилия напечатана печатными буквами, а на других стоит просто непонятный росчерк. А на некоторых вообще нет ни подписи, ни фамилии. Ни одной оригинальной подписи Землянского на этих документах нет. В этой связи по делу не проводилась подчерководческая экспертиза подписи Землянского. Более того, на ряде писем стоит факсовая отбивка с номером исходящего факса, свидетельствующим о том, что факс был отправлен вовсе не из офиса фирмы, в которой

Землянский работал. Однако следователь утверждает, что это подпись Землянского. На чем основана такая уверенность? И опять вопрос остается без ответа. Таких доказательств нет. Землянский же говорит, что некоторые подписи похожи на его, но выполнены не им. Что же касается возможной рассылки факсов, то Землянский не отрицает, что данное могло иметь место. Поскольку он работал менеджером транспортного отдела и в соответствии с его должностной инструкцией ему в обязанности и было вменено регулировать транспортные потоки, составлять маршрут движения автомашин, заказ автомашин для перевозки кофе в зависимости от того куда и откуда перевозить и в каком объеме. В чем же здесь криминал? Должностная инструкция на Землянского также приобщена судом к материалам уголовного дела. Мой подзащитный был рядовым сотрудником среди десятков других штатных сотрудников фирмы. И привлекать его к уголовной ответственности за то, что он исполнял свои должностные обязанности (даже если он и посылал вышеуказанные факсы) является полным абсурдом.

4. И, наконец, как отмечают сами эксперты в заключении финансово-экономической экспертизы назначенной определением суда «В материалах дела, представленных к экспертизе имеются письма от АО «РАУТ» и АО «РАУТ-ХОЛДИНГ», где сообщается, что данные фирмы подтверждают оплату по №№ инвойсов. Письма представляют собой ксерокопии, переданные фирме «Нестле» по факсу (печати АО «РАУТ» и АО «Раут-Холдинг» отсутствуют. Что естественно исключает утверждение того, что письма действительно исходили от фирм с созвучным названием «РАУТ» Далее эксперты в своих выводах (п. 2) указывают, что на письмах стоит подпись от имени Землянского, а не самого Землянского. И самый главный вывод (п. 6): «Факты получения товара (кофе) АОЗТ „Раут“, ООО „Роланда“, ООО „Гарольд 96“, ООО „Компания Раут“, ТПФ „Раут-Р“, ЗАО „Раут-Холдинг“ по представленным материалам не выявлены».

Исходя из вышеизложенного, я считаю, что вина моего подзащитного абсолютно не доказана, и прошу СУД вынести в отношении Землянского оправдательный приговор.

* * *

Суд вынес оправдательный приговор.

Дело Е.И. Астафьевой¹

(Об уклонении от уплаты налогов)

Краткое содержание дела: подзащитная Астафьева Е.И. обвинялась следствием по ст. 199 ч. 2 УК РФ (уклонение от уплаты налогов). А именно в том, что в 2003 году, являясь участником ООО «МалтиСЭН» и одновременно Генеральным директором и главным бухгалтером, совершила уклонение от уплаты налогов с организации путем непредоставления налоговой декларации и путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору. В том, что она с целью уклонения от уплаты налогов перечисляла денежные средства, которые впоследствии обналичивала, на счета заведомо фиктивных организаций, за якобы оказанные услуги, чем увеличивались расходы ООО «МалтиСЭН» и занижалась налогооблагаемая база по налогу на прибыль и НДС.

Речь адвоката Ю.А. Свирина:

Уважаемый суд!

Еще древним римским юристам было известно изречение, которое стало принципом уголовно-процессуального права: «Нет преступления, без указания на то в Законе. И нет наказания без указания на то в Законе».

В каком же преступлении милицейское следствие (а уровень его проф. пригодности давно вызывает дискуссии) а следом за ним и прокуратура обвиняют находящихся на скамье подсудимых Астафьеву и Скрипкину.

Если почитать текст обвинительного заключения, то их обвиняют в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 ч. 2 п. «А» УК РФ, а именно в том, что они совершили уклонение от уплаты налогов с организации путем непредставления налоговой декларации и путем включению в налоговую декларацию заведомо ложных сведений. Временем совершения преступления является 2003 год. Однако по действующему в тот момент Уголовному кодексу РФ такого преступления не было предусмотрено. Ст. 199 УК РФ, действующего в 2003 году, предусматривала следующее преступление: «Уклонение от уплаты налогов с организаций путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо путем сокрытия других объектов налогообложения, совершенное в крупном размере».

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=20335&start=0>

Таким образом, подсудимым вменено преступление, не существующее в тот период времени, который был предметом исследования. А именно — 2003 год. Уже одно это обстоятельство позволяет мне просить суд вынести оправдательный приговор. А у суда нет другого варианта и другого решения по представленному обвинительному заключению, кроме вынесения оправдательного приговора. Что соответствует ст. 302 ч. 2 п. 3 УПК РФ — за отсутствием в деянии подсудимого состава преступления т. к. отсутствует объективная сторона состава преступления, предусмотренного Законом 2003 года.

Однако я позволю себе остановиться все же на тех доказательствах, которыми оперирует обвинение, якобы изболничая Астафьеву в несуществующем преступлении.

В первую очередь, следствие априори подходит к тому, что договора с фирмами «Фаворит Трейд М», «Дориан Трейд», «Флеш Турбос» и «Форсет» являются фиктивными. Почему и кто признал данные договора фиктивными? В материалах уголовного дела мы не найдем ответа на этот вопрос. И наоборот, эти договора имеются в деле (т. 1 л. д. 237, 266, 278). Договора соответствуют условиям заключения сделок, предусмотренным гражданским законодательством. К договорам приложены счета-фактуры и акты о выполненных работах. Что соответствует и налоговому законодательству. В соответствии с НК РФ под документально подтвержденными расходами понимаются затраты, подтвержденные документами и оформленные в соответствии с законодательством России. А документы, как мы видим, как раз оформлены в соответствии с законодательством России. Об этом, кстати, говорит и специалист Остапчук Д.П., допрошенный в качестве специалиста по данному уголовному делу. Он поясняет, что если организация фактически расходы не производила, то они и не могут быть приняты к учету. Для этого не надо быть специалистом, чтобы понять, что если услуги не оказывались, то они и не оплачиваются. Но услуги — и транспортные и агентские — были оказаны, что подтверждено документально (существуют акты сдачи-приемки и выставлены счета фактуры). Свидетели — сотрудники ООО «МалтиСЭН» все без исключения показали, что объем работы в 2003 году был большой. Грузов перевозилось много, своего транспорта ООО «МалтиСЭН» не имело, поэтому использовался транспорт (в основном «Газели») различных транспортных организаций. А также привлекались различные фирмы с целью поиска контрагентов-покупателей для поставок дезинфицирующих средств. Сами же договора, как я уже отмечал, соответствуют гражданскому законодательству и что характерно, соответствуют и другим договорам, заключенным между ООО «МалтиСЭН» и другими организациями (напри-

мер, т. 1 л. д. 64 Договор между ООО «МалтиСЭН» и поликлиникой или на л. д. 65 и других листах дела). Абсолютно одинаковые договора, но одни следствие почему-то считает фиктивными, а другие нет.

О том, что такие фирмы, как «Фаворит Трейд М», «Дориан Трейд», «Флеш Турбос» и «Форсет», зарегистрированы с нарушением действующего законодательства, подсудимые узнали только от следствия. Указанные фирмы были зарегистрированы (как было выяснено на следствии) на граждан по потерянным паспортам. От имени ООО «МалтиСЭН» с вышеуказанными фирмами договор заключала Астафьева как генеральный директор. Однако в российском законодательстве отсутствовал и отсутствует в настоящий момент какой либо закон или иной нормативный акт, обязывающий стороны при заключении договоров представлять другой стороне учредительные документы, иную информацию об учредителях, паспорта учредителей и, на всякий случай, самих учредителей, чтобы сверить фотографии на паспортах с живыми лицами в том случае, если договор подписывает не учредитель, а, скажем, директор. Ведь договор может подписать и директор. В соответствии со ст. 161 ГК РФ сделки между юр. лицами заключаются в простой письменной форме. И в соответствии со ст. 160 ГК РФ сделка подписывается лицом, совершившим сделку. Что мы и наблюдаем во всех сделках, заключенным ООО «МалтиСЭН» со всеми контрагентами.

О том, что вышеуказанные фирмы существовали и имели государственную регистрацию, свидетельствуют доказательства в материалах уголовного дела.

Так, в т. 1 л. д. 49 имеется письмо из МНС № 34 о том, что ООО «Форсет» состоит на учете в налоговых органах с 27.01.2003, а последний баланс был сдан в 1 квартале 2004 года. Таким образом, это было действующее ООО в 2003 году, с печатью, органами управления. Которые в свою очередь могли и имели право заключать хозяйственные договоры. В т. 10 на л. д. 19–42 имеется Устав и балансы ООО «Форсет».

В т. 1 на л. д. 51–53 имеется выписка из Единого гос. реестра юр. лиц, из которой видно, что ООО «Флеш-Турбос» было образовано и зарегистрировано в 2002 году и в т. 8 на л. д. 16–19 имеется свидетельство о гос. регистрации и бухгалтерская отчетность вышеуказанной фирмы.

В т. 1 л. д. 56 и 57 — Информационное письмо из МНС № 3 и выписка из ЕГРЮЛ о том, что ООО «Дориан-Трейд» было зарегистрировано. Состояло на учете в налоговых органах с 2002 года. Причем было зарегистрировано 30 мая 2002 года. А учредитель Шагова умерла 15 декабря 2002 года. Таким образом, в момент регистрации учредитель была жива и, возможно, она зарегистрировала данную фирму. Этот вопрос следствием не исследовался. А после ее смерти данной фирмой могли вос-

пользоваться другие лица, в том числе и наследники. В т. 9 л. д. 15–22 имеется свидетельство о гос. регистрации и бухгалтерская документация по вышеуказанной фирме. А из заключения по исследованию документов на л. д. 102 т. 1 видно, что операции по счетам «Дориан Трейд» приостановлены только 29 сентября 2004 года. Таким образом, в 2003 году ООО «Дориан-Трейд» вела производственно-хозяйственную и финансовую деятельность.

В т. 10, начиная с л. д. 81, имеется документация, в том числе и бухгалтерская, по ООО «Фаворит Трейд М», из которой также видно, что данная фирма была юридически зарегистрирована, в 2003 году вела производственно-хозяйственную деятельность, сдавала отчетность о своей деятельности в налоговые органы.

Даже если вышеуказанные фирмы и были зарегистрированы по чужим паспортам, то Астафьева об этом не знала, да и не могла знать в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации. Однако следствие упорно пытается доказать, что фирмы были фиктивными, услуги ими не оказывались, а Астафьева обналачивала таким образом денежные средства.

В то время как в самих материалах уголовного дела имеются фиктивные процессуальные документы, выполненные следователем Борщевым. Так, в т. 4 на л. д. 4 и 7 имеются: постановление следователя Борщева и отдельное поручение от его имени. Но подписи на указанных документах от имени Борщева разные. Или: на л. д. 10 и 13 т. 5 имеются поручение о проведении ОСД и постановление о производстве выемки от имени все того же Борщева. Но на указанных документах стоят также разные подписи, но выполненные от имени Борщева. Что это? Подлог документов.

В т. 5 л. д. 59 имеется бланк протокола обыска, а на самом деле Борщев производит допрос Астафьевой. Или, может быть, следователь Борщев не различает таких следственных действий как обыск и допрос.

В т. 5 л. д. 170 — постановление о производстве выемки от имени Борщева. Л. д. 172 — протокол выемки, которые проводил сотрудник уголовного розыска, а отдельного поручения нет. В следственном действии участвовали понятые и Щербакова. Написано, что права участникам разъяснены, а подпись только одна.

В т. 7 л. д. 250 имеется допрос специалиста, где следователь Борщев ставит такой вопрос: «следствием установлено, что никаких услуг ООО „МалтиСЭН“ не оказывало, правомерны ли действия руководителя по отнесению затрат на прибыль?». Более глупого вопроса мне не приходилось видеть. Следователь своим вопросом предопределяет и сам ответ. Вполне понятно, что если услуги не оказывались то их и нельзя отно-

сильно на затраты и для этого не нужны знания специалиста. В духе Борщева было поставлено перед экспертами-почерковедами следующий вопрос: «Следствием установлено, что подпись выполнена Аксеновой на документе и тут же задается вопрос: „выполнена ли подпись Аксеновой?“».

Протоколы осмотра выполнены с нарушением уголовно-процессуального закона. Так, в протоколе осмотра от 17 марта 2005 г., от 16 марта 2005 г. идет перечисление документации без описания индивидуализирующих свойств предмета и без описания того, что в данном предмете — документе было обнаружено и зафиксировано с помощью понятых. А в последующем данные документы послужили материалом при проведении экспертиз.

И все эти перечисленные нарушения и злоупотребления со стороны Борщева им же перечисляются как доказательства в обвинительном заключении.

Допрошенные в качестве свидетелей в судебном заседании Горшенев, Аксенова, Щербакова, Кондратьев и другие сотрудники ООО «МалтиСЭН» показали, что в 2003 году было много работы. ООО «МалтиСЭН» поставляло во многие организации диз. средства. Как правило, товар доставлялся транспортом сторонних организаций, с которыми были заключены договора. Своего транспорта ООО «МалтиСЭН» не имело. Также им известно, что поиском клиентов занимались какие-то организации. Какие, в настоящее время они не помнят. Но названия таких фирм как: «Фаворит Трейд М», «Дориан Трейд», «Флеш-Турбос» и «Форсет» им знакомы, ООО «МалтиСЭН» с этими организациями сотрудничало. Но что конкретно выполняли названные фирмы, они не знают, т.к. знание данной информации не являлось необходимым для исполнения ими трудовых обязанностей. Всю договорную работу вела генеральный директор. Груз, как правило, сопровождал Кондратьев, даже если и использовался транспорт сторонних организаций. В конце 2004 — начале 2005 года объем работы упал, грузов перевозилось меньше, поэтому его доставка осуществлялась Кондратьевым на своей машине — ВАЗ 2104.

Допрошенные в судебном заседании многочисленные свидетели: Масеткина, Падрухина, Рычагова, Ахназарова, Румянцева, Найденова, Степанова, и др. (они являлись сотрудниками различных поликлиник покупающих дез. средства у ООО «МалтиСЭН») показали, что действительно покупали у ООО «МалтиСЭН» дез. средства в 2003 году. Объемы поставок не позволяли доставлять товар покупателю на общественном транспорте. А на каком именно транспорте перевозился товар, они не видели. Товар доставлялся от ООО «МалтиСЭН», вместе с товаром доставлялись все необходимые документы. А кто выступал в качестве

перевозчика, их не интересовало. По договору с продавцом груз доставлялся за счет Продавца. Причем Ахназарова заявила, что следователь одновременно допрашивал ее и Кудишину. Однако в протокол вписана только она, хотя велся допрос одновременно двух человек. Защита расценивает данные действия следователя как подлог документов. И учитывая вышеперечисленные (в начале своей речи я уже говорил об этом) злоупотребления следователя Борщева прошу вынести в отношении него частное представление.

Здесь же хочу добавить, что свидетель Степанова заявила, что она не знает, кто доставлял груз, и об этом она сказала следователю. Однако следователь Борщев сказал ей утвердительно, что это был Кондратьев и вписал его в протокол. А она, в свою очередь, поверила и согласилась. Хотя самого Кондратьева она не знает, а опознания на следствии не проводилось.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о грубых нарушениях уголовно-процессуального закона на предварительном следствии, что в свою очередь должно привести к исключению из доказательств тех процессуальных документов, которые были получены с нарушением закона и упоминались мною выше.

Учитывая также все вышесказанное, руководствуясь ст. 302 ч. 2 п. 3 УПК РФ прошу Суд вынести оправдательный приговор в отношении Астафьевой Елены Ильиничны за отсутствием состава преступления.

Дело Гирша В.Р.¹

(Обвинение по трем статьям: покушение на убийство
общеопасным способом, по найму, организованной группой;
умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью;
незаконное приобретение, ношение огнестрельного оружия
и боеприпасов в составе организованной группы)

Краткое содержание дела: Гирш В.Р. обвиняется по ст. ст. 30 (ч. 3), 105 (ч. 2, п. п. «е», «ж», «з») УК РФ (покушение на убийство общеопасным способом, по найму, организованной группой); а также по ст. 112 (ч. 2, п. «г») УК РФ в том, что в составе организованной группы совершил умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; а также по ст. 222 (ч. 3) УК РФ в том, что своими действиями совершил незаконное приобретение, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов в составе организованной группы.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=379&idnew=15139&start=0>

Речь адвоката Ю.А. Свирина:

Уважаемый суд!

Мой подзащитный Гирш В.Р. признал свою вину по предъявленному обвинению частично. И хотя на предварительном следствии он подробно рассказал обо всех обстоятельствах дела, написал чистосердечное признание, у него, как и у защиты, есть сомнения в правильности, а следовательно, в обоснованности и законности той квалификации, которая была дана на предварительном следствии.

В связи с чем я хочу поделиться с вами своими соображениями и сомнениями по квалификации содеянного моим подзащитным.

Первое.

Гиршу, как, впрочем, и другим подсудимым, предъявлено обвинение в том, что они совершили ряд преступлений в составе организованной группы. С этой целью для формирования у суда мнения следователь в повествовательной форме изложил рассказ (а по-другому я его назвать не могу) о том, «что в г. Кирове в 90-х годах были организованы преступные группировки, которые занимались массовой преступной деятельностью, вымогательством денег и имущества. Между группировками возникали конфликты» ну и т.д. Язык данного изложения был бы хорош для художественного романа, но никак не для обвинительного заключения, в котором должны содержаться факты и доказательства.

Доказательств о том, что существовала конкретная преступная группа, следствием не добыто. Лица, которые якобы организовали преступную группу, находятся на свободе. Им не предъявлено обвинения. Сами подсудимые, как на предварительном следствии, так и в суде заявляли, что ни в какую преступную группу не входили. Следствие и государственное обвинение в подтверждение своей версии не приводят ни одного доказательства. В обвинительном заключении нет ответов на вопросы: кто руководил, кто входил, когда организовал, как распределялись роли и обязанности, кто финансировал. Кроме абстрактного повествования, ничего нет. Поэтому, исходя из вышеизложенного, я прошу исключить из обвинения Гирша такой квалифицирующий признак как совершение преступления в составе организованной группы.

Следующий момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Гиршу предъявлено обвинение в покушении на убийство по п. «з» ст. 105 УК РФ, т.е. из корыстных побуждений.

Действительно, в своих первоначальных показаниях Гирш В.Р. говорил о том, что Н. обещал ему денежное вознаграждение и увеличение зарплаты за убийство Т. Однако как следует из материалов дела сам

Н. проходит по делу не как организатор преступления, а как свидетель и, следовательно, ничего подобного он уже не мог говорить Гиршу. Что, собственно, Н. в своих показаниях и подтвердил: «Никакого денежного вознаграждения Гиршу не обещал. Сам был свидетелем разговора между Гиршем и К., когда К. предложил Гиршу убить Т. В этом разговоре ни о каких деньгах речь не шла, а Гирш согласился только потому, что хотел возвыситься в глазах ребят».

Измествьев в своих показаниях в судебном заседании также говорит о том, что он предложил Гиршу возле шашлычной совершить убийство Т., Гирш согласился, но ни о каких деньгах речь не шла.

Чем же обосновывает свое обвинение по п. «з» ст. 105 УК РФ следствие? Первое: либо первоначальными показаниями Гирша, в которых фигурирует Н., но эту версию нельзя признать состоятельной по тем основаниям, о которых я уже говорил. Н. проходит по делу свидетелем, в противном случае он попал бы в разряд обвиняемых. И второе: более поздними показаниями Гирша, в которых Гирш говорит, что после того, как он уже согласился на убийство Т., со стороны К. было обещано вознаграждение, на которое Гирш не обратил внимания, т. к. не это было главным мотивом его согласия.

Теория уголовного права (комментарий УК, учебная литература по уголовному праву) комментирует убийство из корыстных побуждений как умышленное убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного. Таким образом, налицо должен быть корыстный мотив, и при совершении убийства виновный должен руководствоваться этим мотивом. Этого в действиях и в мотивах Гирша не было. Поэтому я прошу исключить из обвинения Гирша п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Далее, на что я обращаю ваше внимание, уважаемый суд.

Гирш обвиняется в умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью, в составе организованной группы, т. е. по п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ. И хотя про организованную группу я уже говорил и просил исключить ее как квалифицирующий признак из обвинения, добавлю. Для квалификации по ст. 112 ч. 2 п. «г» УК РФ необходимо, чтобы умысел группы лиц был един и направлен именно на причинение вреда здоровью. Однако, как следует из материалов дела, Измествьев, Гирш и Смирнов получили задание на убийство Т., а не на убийство или причинение вреда здоровью Ю. Все действия подсудимых, согласно обвинительному заключению, были направлены к единой цели, а именно на убийство Т. Ранение Ю. из пистолета ТТ, который, как предполагается следствием, был у Гирша, скорее можно отнести к эксцессу исполнителя или преступной небрежности само-

го Гирша. Никакого сговора у Гирша с другими подсудимыми на этот счет не было. Да и предъявляя обвинение по ст. 112 УК РФ только одному Гиршу, следствие тем самым подтверждает, что он один является субъектом данного состава преступления. А где же тогда группа, если никто больше не привлечен к уголовной ответственности по ст. 112 УК РФ? Поэтому действия Гирша следует квалифицировать по ч. 1 ст. 112 УК РФ.

В соответствии со ст. 15 УК РФ данное преступление является преступлением небольшой тяжести. В соответствии со ст. 78 УК РФ, срок давности по таким преступлениям составляет 6 лет, который истек в июле 2004 года. Гирш на протяжении 6 лет от следствия не скрывался. Совершенно легально проживал в Московской области, был зарегистрирован, женился. Работал охранником в частном охранном предприятии и имел право носить огнестрельное оружие, а следовательно проходил милицейскую проверку. Исходя из вышеизложенного, я прошу освободить Гирша от уголовной ответственности по ст. 112 УК РФ.

Гирш также обвиняется по ст. 222 ч. 3 УК РФ. Я уже просил суд исключить организованную группу из обвинения. И, если суд согласится с моими доводами, то действия Гирша следовало бы квалифицировать по ч. 2 ст. 222 УК РФ. Однако, вменяя Гиршу незаконное ношение оружия, а именно пистолета ТТ, следствие основывает свои выводы на предположениях. Пистолет с понятами не изымался, не осматривался, к делу не приобщался и не фигурирует в деле в качестве вещественного доказательства. Экспертиза пистолета не проводилась. А баллистическая экспертиза гильз показывает, что одни гильзы были отстреляны из пистолета Макарова, который был у Измествьева, а другие — из пистолета Токарева либо из другого пистолета. А что если Гирш и Измествьев заблуждаются ввиду своей неопытности по поводу того, какой пистолет был у Гирша? Может быть, это был не ТТ, а другой пистолет, либо самодельное огнестрельное оружие. Вывод следствия строится на предположениях. Приговор же на предположениях выноситься не может. Поэтому я прошу по ст. 222 УК РФ Гирша оправдать.

И последнее, о чем бы я хотел сказать. О назначении наказания.

При назначении наказания я прошу суд учесть положительные характеристики Гирша. Прошу учесть как смягчающее вину обстоятельство п. «е» ст. 61 УК РФ, а именно факт совершения преступления в силу материальной, служебной или иной зависимости. В своих показаниях Гирш говорил о том, что он не мог отказать К., т. к. с одной стороны, боялся его, а с другой — работал у него и зависел от работодателя.

Также прошу учесть п. «и» ст. 61 УК РФ, а именно, тот факт, что Гирш активно способствовал раскрытию преступления.

Я прошу суд, назначая наказание по ст.ст. 30 и 105 (ч. 2 п.п. «е» и «ж») УК РФ, обратить внимание на то обстоятельство, что Гирш хотя и является исполнителем преступления (дал согласие на убийство Т., участвовал в подготовке к преступлению), но не по своей воле. Он не мог прямо отказать преступному авторитету, будучи посвященным в его планы. Если бы сделал это, то нетрудно догадаться какая бы судьба его ожидала. А о том, что он не хотел убивать Т., говорят следующие обстоятельства:

1. Гирш отказался стрелять в Т. 26 июля 1999 г., когда последний вышел из дома с женой и дочерью.

2. Вел не прицельный огонь, хотя мог бы без особого труда застрелить Т. В служебной характеристике из армии говорится, что Гирш хороший стрелок. В характеристике из охранного предприятия также говорится, что Гирш отлично стреляет.

3. В момент стрельбы Т. подбегал к подъезду, где стоял Гирш на 3–4 метра, что давало Гиршу возможность причинить смертельное ранение Т.

4. Имея в обойме один или два патрона, Гирш не пристрелил Т., когда тот лежал на земле у ног Гирша в беспомощном состоянии. А о том, что у Гирша в тот момент оставались патроны, помимо самого Гирша, говорит свидетель Ельпин — независимый свидетель, который является сотрудником милиции и видел со стороны, что затворная рама в пистолете Гирша не отошла, а значит, в нем оставались патроны.

Все эти обстоятельства говорят о том, что у Гирша был лишь косвенный умысел на убийство, он относился с преступной небрежностью к наступившим последствиям, но не желал смерти Т.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, я прошу при назначении наказания применить к Гиршу ст. 64 УК РФ и назначить ему наказание более мягкое, чем предусмотрено санкцией ч. 2 ст. 105 УК РФ.

***

Суд согласился с мнением защиты и назначил Гиршу наказание по ст.ст. 30 и 105 (ч. 2 п.п. «е», «ж») в виде лишения свободы сроком на 5 лет.

Склярский И.И.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов,
заслуженный юрист РСФСР

Дело Т.Б. Косенко¹

(О вселении)

Краткое содержание дела: Т.Б. Косенко предъявила иск к А.Г. Косенко, А.С. Косенко, А.А. Косенко и В.Г. Луповой о вселении.

А.Г. Косенко, А.С. Косенко, А.А. Косенко и В.Г. Лупова предъявили встречный иск к Т.Б. Косенко о признании ее утратившей право на площадь.

Дело рассматривалось народным судом. Основной иск был удовлетворен, во встречном, отказано. А.Г. Косенко, А.С. Косенко, А.А. Косенко и В.Г. Лупова обжаловали решение.

Обстоятельства дела изложены в приводимых объяснениях адвоката.

Речь адвоката И.И. Склярского:

Уважаемые товарищи судьи!

Вполне благополучная супружеская пара моих доверителей Косенко недавно отметила свой серебряный юбилей. Около 25 лет прожили они в мире, дружбе, почете в труде и в быту. Взаимоотношения между ними, с родными, товарищами по работе, их отношение к труду являются примером должного выполнения норм социалистической морали.

Жили они в двухкомнатной квартире и растили двух сыновей — Сергея и Андрея. Но, к сожалению, один их сын, Сергей, пристрастился к алкоголю. Дважды он был судим и отбывал наказание за хулиганство.

По возвращении Сергея из исправительно-трудовой колонии они приняли Сергея в семью, устроили на работу, обменяли свою двухкомнатную квартиру и комнату матери Анны Сергеевны — В.Г. Луповой на трехкомнатную квартиру с тем, чтобы сыновья в их отсутствие были под присмотром.

В начале 1974 года Сергей заявил родителям, что встретил и полюбил девушку и намерен на ней жениться. Естественно, родители заинтересовались, кто эта девушка и известна ли ей его биография. Он сообщил им, что летом она заканчивает институт, а в марте будет распределение, пока проживает в общежитии, а до поступления в инсти-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=7>

тут проживала с матерью на Северном Кавказе. Вскоре он привел Таню в дом, родители напомнили ей обо всех грехах Сергея. Она сказала, что ей все известно и с ней Сергей начнет иную жизнь. Таким образом, была сделана заявка на ее поселение к ним в квартиру.

Не мне вам, товарищи судьи, рассказывать о состоянии родителей в этой ситуации. С одной стороны, они наслышаны и начитаны (об этом пишут газеты) о поветрии вступать в браки, чтобы осесть в Москве. С другой стороны, не так легко отказать сыну, тем более если он встретил действительно достойную подругу.

15 марта 1974 г. брак Тани и Сергея был зарегистрирован, и после этого Таня получила назначение в Москву. В конце апреля ее прописали на ныне спорную жилую площадь.

Через некоторое время втайне от моих доверителей и с ведома и согласия Тани Сергей покидает трудовой коллектив, в который его определили родители, и устраивается на работу в ресторан. Мои доверители понимали, что Сергею эта работа не подходит, но возражения родителей только обострили отношения — Сергей остался на работе в ресторане. Внешне Таня соблюдала нейтралитет, но фактически была на стороне Сергея.

Развязка не заставила себя долго ждать. 16 июля 1974 г., через 4 месяца после свадьбы и менее чем через три месяца после прописки Тани, Сергей избил в ресторане одного из обслуживаемых им посетителей. 8 августа его снова осудили по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к четырем годам лишения свободы.

После этого Таня стала говорить о том, что в этой ситуации ей в Москве делать нечего, ибо Сергея по отбытии наказания здесь не пропишут, и поэтому она будет просить министерство о перераспределении. В середине августа в отсутствие всех членов семьи Косенко Таня унесла все свои вещи, а также подарки, полученные в день свадьбы.

В конце августа она посетила моих доверителей, сообщила, что получила назначение на работу и уезжает из Москвы, но не сказала, куда именно; ранее она называла Калининград или Орел. Таня просила сообщить Сергею, чтобы письма он направлял ей по адресу ее матери, ибо не исключено, что она останется работать там. Таня попросила расчетную книжку по оплате за квартиру и коммунальные услуги с тем, чтобы отметить в домовой книге.

Через несколько дней опять же в отсутствие всех членов семьи Косенко она оставила расчетную книжку в квартире. Мои доверители были уверены, что Таня отметилась и выбыла из Москвы, ждали от нее вестей. Но известий не поступало около полугода. В конце января 1975 года она неожиданно появилась и без каких-либо объяснений

попросила приютить ее на короткое время. Вне всякого сомнения, что, если бы Таня поддерживала связь с родными мужа или хотя бы объяснила им причины своего молчания, ей не было бы отказано в просьбе. Но таинственное исчезновение и появление насторожили семью Косенко, они честно сказали ей о причинах отказа. Покидая их, Таня загадочно заявила им, что они «встретятся в другом месте».

Прошло еще два месяца, и в конце марта они получили повестку о вызове в суд. На приеме у судьи им была вручена копия искового заявления Тани о вселении и разделе жилой площади (требование о разделе жилой площади было зачеркнуто). Оказалось, что в домоводной книге она не отмечалась.

Мои доверители начали выяснять, где же она находилась все это время, и получили официальную справку управления руководящих кадров и учебных заведений министерства о том, что Самаровой (добрачная фамилия Тани) в сентябре 1974 г. было выдано направление на работу в Пензу, но к месту работы она не прибыла (см. л. д. 19).

Косенко и Лупова (бабушка Сергея) представили суду объяснения по иску и заявили встречный иск о признании Тани утратившей право на площадь по основаниям ст. 329 Гражданского кодекса РСФСР ввиду выезда Тани на постоянное жительство в другое место.

В судебном заседании 25 марта 1975 г. Таня заявила, что работает в Москве, в лаборатории того же министерства. На запрос суда министерство сообщило, что направления в лабораторию ей не выдавали (л. д. 26).

Таковы фактические обстоятельства, которые, за исключением деталей, не оспариваются сторонами.

Народный суд удовлетворил иск Тани, а во встречном иске моим доверителям отказал.

В мотивировочной части решения суд анализирует обстоятельства с позиций ст. 306 Гражданского кодекса РСФСР, указывая, в частности, что после осуждения Сергея отношения Тани с его семьей испортились и поэтому она временно вынуждена была покинуть спорную площадь, снимать комнату в поднаем; в ноябре Косенко сменили замки и она не могла попасть в квартиру; с октября работает в Москве; свидетели Кирина и Петrusова пояснили суду, что приходили вместе с Таней в квартиру родных ее мужа, но они возражали против проживания Тани; Таня обратилась с заявлением в жилищно-эксплуатационную контору с просьбой не выписывать ее, так как она не проживает временно, поскольку ей чинят препятствия. Наконец, суд указал в решении, что она отсутствовала менее шести месяцев и по уважительной причине.

Я сознательно не упустил ни одного из доводов решения, чтобы вы, товарищи судьи, убедились, что обжалуемое решение постановлено

вопреки требованиям ст. 197 ГПК РСФСР и постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 сентября 1973 г. № 9 «О судебном решении». В нем не содержится анализа возражений и встречного иска моих доверителей.

Между тем в силу ст. 329 Гражданского кодекса РСФСР и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам» для признания лица утратившим право на жилую площадь при его постоянном выезде не требуется 6-месячного срока; оно утрачивает право со дня выезда с этой площади. В судебном заседании Таня показала: «После окончания института я решила взять направление в Пензу и уехать...» (л. д. 37). «Когда забирала вещи, то родителей мужа дома не было, я открывала дверь своим ключом» (л. д. 38). «Все письма на мое имя, когда я была у мамы, пересылали на адрес матери. Я думала остаться там и найти себе работу. Я брала у родителей Сергея расчетную книжку по оплате квартплаты, чтобы выписаться» (л. д. 38 об.).

Таким образом, налицо добровольное и постоянное оставление жилой площади.

В упомянутом мною дополнительном ответе министерства (л. д. 26) указано, что в августе 1974 года ей была предложена работа в одном из производственных объединений в Москве, но она отказалась от этого места и настояла на направлении ее на работу вне Москвы.

Выводы суда даже в плане их обоснования с позиций ст. 306 Гражданского кодекса РСФСР не соответствуют обстоятельствам, установленным по делу, а поэтому в силу п. 3 ст. 306 ГПК РСФСР вынесенное решение подлежит отмене.

Как я уже говорил, суд начинает мотивировку решения с того, что после осуждения Сергея отношения моих доверителей с Таней обострились. Трудно понять, как такой вывод суда согласуется с заявлением Тани в судебном заседании о том, что после осуждения мужа отношения были неплохие (л. д. 37 об.),

Мои доверители утверждали и утверждают, что между осуждением Сергея и оставлением Таней их жилой площади прошли считанные дни, она выбыла в августе.

Желая сократить срок своего отсутствия — менее чем шесть месяцев, Таня утверждает, что до 15 сентября 1974 г. жила на ул. Алабяна (л. д. 38).

Суд, не уточняя в решении даты, утверждает, что она не проживала на спорной площади с сентября. Но сама же Таня в судебном заседании показала: «С августа по январь 1975 года я не могла попасть в квартиру...» (л. д. 38 об.).

Таким образом, и это утверждение опровергается объяснением истицы.

Далее, в решении указано, что в ноябре 1974 г. Косенко сменили замки. Да, один из двух замков они действительно сменили, но не в ноябре, а в декабре. Его сменили потому, что он испортился. О Тане они не думали, полагая, что ключи она им вернула (об этом они написали в своих объяснениях по ИСКУ на л. д. 9). Если верить Тане, что ключи остались у нее, то почему она ими не воспользовалась в августе, сентябре, октябре, ноябре. Косенко не предвидели, что этот вопрос возникнет в суде и объяснили, что замок испортился, они пригласили слесаря, чтобы исправить его, но слесарь заявил, что исправить его невозможно, и тогда они купили новый. Если суд усомнился в правдивости их объяснений, можно было вызвать слесаря, он работает в ЖЭК. Наконец, если Таня была лишена возможности попасть в квартиру, она могла обратиться за содействием в тот же ЖЭК, в милицию, в суд. Но она не сделала этого.

В решении указано, что истица с октября 1974 г. работает в Москве. Действительно, такая справка имеется в деле (л. д. 25). Но в соответствии с п. 26 Положения о персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения СССР, специалист с высшим и средним специальным образованием обязан работать после окончания обучения в том месте, куда его направила комиссия по персональному распределению или министерство, не менее трех лет.

Руководителям предприятий и учреждений запрещено принимать на работу молодых специалистов, не проработавших трех лет после окончания учебного заведения, без путевки о направлении на работу в данное предприятие (учреждение) или документов о предоставлении возможности самостоятельно устраиваться на работу.

Вместо того чтобы частным определением, о вынесении которого мы просили суд, реагировать на бесконтрольность использования молодых специалистов министерством, выдавшим Тане направление, а также на незаконный прием ее на работу в лабораторию, суд ограничился записью в решении, что она работает.

Далее в решении указано, что свидетели Кирина и Петrusова пояснили суду, что, «когда они вместе с Косенко Т.А. в декабре-январе приходили в квартиру ее мужа, родители возражали против проживания Косенко Т.А.».

Факт появления Тани Косенко в конце января 1975 года в квартире моих доверителей, а равно их возражения против ее поселения ими не оспаривались. Однако Таня Косенко приходила одна, и никаких свидетелей с ней не было.

Ни Кирина, Ни Петrusова не показывают, что приходили с Таней в квартиру родителей мужа.

Свидетель Кирина показала: «В январе 1975 года мы Таню ждали около часа. Когда она стала выходить, то приоткрылась дверь и раздался голос Анны Сергеевны. Она кричала, чтобы Таня оставила их площадь» (л. д. 41).

Свидетель же Петrusова пояснила суду: «В январе 1975 г. я и Таня были у Косенко, я стояла у двери. Татьяну в квартиру не пустили и на нее кричали, чтобы она убиралась с их площади» (л. д. 41).

Совершенно очевидно, что свидетели дали суду неправдивые показания, но суд заключает мотивировочную часть решения тем, что истица не проживала на спорной площади менее шести месяцев.

Если верить заявлениям истицы о времени и причинах ее выбытия со спорной площади, то самое позднее время, которое она называет, это 15 сентября.

Причины выбытия также объясняются по-разному. В исковом заявлении она пишет: «После ареста и осуждения моего мужа его отец, А.Г. Косенко, стал препятствовать проживанию на его жилплощади, поэтому я вынуждена была уйти на квартиру» (л. д. 3).

Когда мы напомнили ей, что А.Г. Косенко не было в Москве к моменту осуждения сына (ее мужа), что она и мать, приезжавшая к ней в гости, провожали его и предложили ему угощение на дорогу, истица вынуждена была признать в судебном заседании: «После осуждения мужа отношения были неплохие...» (л. д. 37 об.).

Поняв противоречивость своих объяснений, истица в порядке ст. 184 ГПК РСФСР дополняет свои объяснения: «Я ушла жить на квартиру по просьбе родителей мужа» (л. д. 41 об.).

Можно ли считать «просьбу» препятствием к проживанию; как при «неплохих отношениях» они препятствовали ей проживать с ними, истица не поясняет.

Однако она утверждает, что оставила спорную площадь 15 сентября 1974 г. и с этого времени, надо полагать, у нее возникло право на иск. А иск был предъявлен ею 18 марта 1975 г. (л. д. 1–4), или по истечении шести месяцев и трех дней. В действительности же она покинула спорную площадь на месяц раньше и, следовательно, ко времени предъявления иска прошло уже более семи месяцев.

Таким образом, с позиций ст. 306 Гражданского кодекса РСФСР истица утратила право на спорную площадь.

Я прошу вас отменить решение народного суда и направить дело на новое рассмотрение.

* * *

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда решение народного суда было отменено и дело принято к производству Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда в качестве суда первой инстанции.

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда в иске Т.А. Косенко было отказано, а встречный иск был удовлетворен.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР решение Судебной коллегии Московского городского суда оставлено без изменения, а жалоба Т.А. Косенко — без удовлетворения.

Скобунова Т.И.

Адвокат Черновицкой областной коллегии адвокатов

Дело С.Ф. Костюченко¹ (Об увольнении)

Краткое содержание дела: С.Ф. Костюченко — продавец магазина Смешторга была уволена с работы по мотиву утраты доверия.

Фабула дела изложена в речи адвоката.

Публикуемая речь произнесена в народном суде при первичном рассмотрении дела.

Речь адвоката Т.И. Скобуновой:

Уважаемые товарищи судьи!

Приказом по Смешторгу моя доверительница С.Ф. Костюченко в числе других четырех продавцов магазина № 32 была уволена с работы по п. 2 ст. 41 КЗоТ УССР по мотиву утраты доверия.

Поводом для увольнения послужили результаты инвентаризации, установившей в магазине недостачу и порчу товарно-материальных ценностей на сумму 2392 руб. Все продавцы, работавшие в нем, имели договор о бригадной материальной ответственности.

Как известно, п. 2 ст. 41 КЗоТ предусматривает возможность увольнения по инициативе администрации материально-ответственного работника, совершившего виновные действия, если они дали основание для утраты доверия к этому работнику. Сам же факт порчи и недоста-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=2>

чи товарно-материальных ценностей при наличии неиндивидуализированной (бригадной) материальной ответственности не дает основания для увольнения истицы по мотиву утраты доверия.

Однако в приказе по торгу нет указаний на совершение Костюченко какого-либо проступка. Один лишь факт членства в бригаде, несущей коллективную материальную ответственность за образовавшуюся недостачу, не может служить основанием увольнения всей бригады, включая мою доверительницу.

Чтобы уволить члена бригады за недостачу, ответчик должен был доказать его вину в образовании таковой.

Никаких доказательств ответчик не представил. Более того, в деле имеются доказательства, свидетельствующие об отсутствии вины Костюченко.

Так, прокуратурой района было возбуждено уголовное дело по факту недостачи и порчи товаров в магазине № 32, которое затем прекращено в отношении всех членов бригады, включая Костюченко, по ч. 2 ст. 6 УГК УССР — за отсутствием в их действиях состава преступления. Постановление приобщено к настоящему делу.

Об отсутствии вины Костюченко в образовании недостачи свидетельствует и тот факт, что, как видно из акта инвентаризации, недостачи по товарам, поступавшим в кондитерский отдел, где работала Костюченко, не выявлено.

Допрошенные в суде свидетели, в том числе Александрова, заведующая магазином № 32, показали, что каждый отдел сдавал выручку в кассу Смешторга отдельно; в складское помещение, где находились материальные ценности и где обнаружена недостача и порча товаров, имела доступ только Александрова.

Члены местного комитета профсоюза, давая согласие на увольнение, не усмотрели вины истицы в образовании недостачи.

Из протокола заседания месткома видно, что мотивом дачи согласия местного комитета профсоюза на увольнение послужил не факт недостачи товаров, а отказ Костюченко добровольно возместить ущерб, причиненный недостачей. Однако отказ Костюченко добровольно погасить недостачу мог служить лишь основанием в соответствии со ст. 132 КЗоТ УССР для обращения администрации с иском в суд о взыскании недостачи в принудительном порядке, а не для ее увольнения с работы.

Представитель торга, стремясь доказать законность и обоснованность увольнения Костюченко по п. 2 ст. 41 КЗоТ УССР, мотивировал правильность своего решения и тем, что Костюченко ранее допускала нарушения трудовой дисциплины — несвоевременно сдавала выручку, нарушала режим работы магазина, за что имела дисциплинарные взыскания.

Однако в судебном заседании установлено, что дисциплинарные взыскания торг наложил с нарушением трудового законодательства, поскольку не затребовал объяснений от Костюченко. Таким образом, он нарушил п. 28 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций. О них Костюченко в известность поставлена не была, чем был нарушен п. 31 упомянутых Правил.

Кроме того, указанные взыскания были наложены на Костюченко за упущения, допущенные в магазине № 44, где она работала ранее. При этом взыскания налагались за нарушения трудовой дисциплины — несвоевременную сдачу выручки, нарушение режима работы магазина, которые не могут служить дополнительными обстоятельствами в обоснование потери доверия к Костюченко как материально-ответственному лицу.

Несвоевременная попытка ответчика обосновать увольнение ссылкой на новые мотивы и процессуально недопустима. Суд проверяет обоснованность увольнения по тем основаниям, которые приведены в приказе. Разрешать вопрос об увольнении по другим фактам, не являющимся поводом к расторжению трудового договора, суд не вправе. Все сказанное дает основание утверждать о незаконности приказа об увольнении Костюченко. По вине администрации Костюченко — мать двоих детей, единственный кормилец семьи — не работала в течение трех месяцев.

В соответствии со ст. 234 КЗоТ УССР прошу суд вынести решение, которым удовлетворить иск и восстановить С.Ф. Костюченко на работе в должности продавца магазина № 32 Смешторга.

На основании ст. 235 КЗоТ УССР прошу также взыскать со Смешторга в пользу истицы средний заработок за время вынужденного прогула со дня увольнения до дня фактического восстановления на работе исходя из ее среднемесячного заработка 110 руб.

Ходатайствую о вынесении частного определения, чтобы довести до сведения Облгруппуправления о грубом нарушении трудового законодательства, допущенного администрацией Смешторга при увольнении С.Ф. Костюченко.

* * *

Народный суд отказал С.Ф. Костюченко в иске о восстановлении на работе.

По кассационной жалобе адвоката решение народного суда было отменено и дело направлено на новое рассмотрение.

При новом судебном рассмотрении С.Ф. Костюченко восстановлена в ранее занимаемой должности, со Смешторга взыскан в ее пользу средний заработок за время вынужденного прогула.

По ходатайству адвоката вынесено частное определение.

Трейстер И.А.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Является автором методических рекомендаций «Практика представительства адвокатами московской городской коллегии адвокатов по делам об освобождении имущества от ареста (исключения из описи)», изданных в Москве в 1989 году.

Дело С.Г. Кириной¹

(Об отказе в выдаче ордера на квартиру)

Краткое содержание дела: С.Г. Кирина и ее несовершеннолетняя дочь Ольга проживали в коммунальной квартире, где занимали комнату размером 18 кв. м.

Кирина подала заявление о приеме ее в жилищно-строительный кооператив, дав одновременно обязательство после получения квартиры в доме ЖСК сдать занимаемую комнату исполком районного Совета народных депутатов.

Кирина внесла первый паевой взнос.

К моменту завершения строительства дома в семье Кириной произошли изменения: она вышла замуж и прописала мужа на свою жилую площадь. К моменту окончания строительства и заселения дома дочь Кириной, став совершеннолетней, отказалась переехать с матерью и отчимом в кооперативную квартиру.

В связи с этим Кирина обратилась в исполком районного Совета народных депутатов с просьбой включить в ордер на выделенную кооперативную квартиру только ее мужа.

Решением райисполкома Кириной было отказано в выдаче ордера и отменено решение общего собрания жилищно-строительного кооператива о приеме в члены ЖСК.

С.Г. Кирина обратилась в народный суд с иском к правлению ЖСК о признании за ней права на выделенную квартиру.

В качестве третьего лица был привлечен исполком районного Совета народных депутатов.

Речь адвоката И.А. Трейстера:

Уважаемые товарищи судьи!

Истица Кирина является старшим научным сотрудником, имеет ученую степень кандидата наук, проживает в многонаселенной квар-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=9>

тире, где вместе с дочерью и мужем занимает одну комнату размером 18 кв. м.

Несколько лет назад Кирина вступила в жилищно-строительный кооператив «Яуза».

Решением исполкома районного Совета народных депутатов был утвержден список членов-учредителей названного кооператива. Для Кириной, которая в то время не была замужем, и ее дочери предназначалась малогабаритная трехкомнатная квартира. При получении квартиры Кирина должна была сдать ранее занимаемую ими комнату, о чем дала письменное обязательство.

Строительство дома закончилось и состоялась жеребьевка. Решением общего собрания за Кириной была закреплена трехкомнатная квартира в 34 кв. м.

К этому времени Кирина вышла замуж и прописала мужа на занимаемую ею и дочерью жилую площадь. Дочь стала совершеннолетней, приступила к трудовой деятельности. Она не пожелала жить вместе с матерью и отчимом и отказалась переехать в кооперативную квартиру. Тогда Кирина обратилась в райисполком с просьбой включить в ордер только мужа.

Однако решением райисполкома от 28 июня 1978 г. Кириной отказали в выдаче ордера и одновременно постановили отменить решение общего собрания членов ЖСК о принятии Кириной в члены ЖСК и прежнее решение райисполкома об утверждении Кириной членом-пайщиком кооператива.

Лишение Кириной права быть членом ЖСК райисполком мотивировал тем, что Кирина не выполнила обязательства о сдаче жилой площади.

В связи с этим необходимо решить два вопроса: обязана ли совершеннолетняя дочь следовать за своей матерью в предоставленную кооперативную квартиру и какие последствия может повлечь для С.Г. Кириной отказ дочери оставить комнату.

Ответить на первый вопрос нам поможет постановление № 51 Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г., в соответствии с которым при предоставлении нанимателю другого жилого помещения в него переселяются и члены семьи, если они дали письменное согласие на проживание во вновь предоставляемом жилом помещении.

Как видно из материалов дела, в момент дачи С.Г. Кириной обязательства об освобождении комнаты ее дочь Ольга была несовершеннолетней.

В соответствии со ст. 11 ГК РСФСР для Ольги Кириной гражданская дееспособность в полном объеме возникла лишь через два года по-

сле того, как ее мать дала обязательство. Достигнув совершеннолетия, она не может быть принудительно переселена в предоставленную ее матери кооперативную квартиру.

Вот почему жилищные органы не ставят вопрос о выселении Ольги Кириной из ныне занимаемой комнаты.

Отвечая на второй вопрос, подробно остановимся на тех последствиях, которые создает для Кириной указанное решение райисполкома.

В соответствии с п. 16 Примерного устава ЖСК, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 2 октября 1965 г. № 1143, каждому члену кооператива, выполнившему свои обязательства по внесению установленных вступительных и паевых взносов, предоставляется в постоянное пользование жилая площадь.

В этом же пункте записано, что жилая площадь предоставляется по ордерам, выдаваемым исполкомами районных Советов народных депутатов.

Какое юридическое значение имеет выдача ордера на занятие кооперативной квартиры?

Можно ли оспорить в судебном порядке отказ исполкома в выдаче ордера?

Эти вопросы неоднократно рассматривались в судебной практике высших судебных органов, а также в теории.

Анализируя нормы Примерного устава жилищно-строительного кооператива, авторы, как правило, обоснованно указывают, что членство в кооперативе может быть прекращено только по решению общего собрания и лишь по основаниям, предусмотренным в Уставе (п. 20 и п. 29, подп. «а» Примерного устава ЖСК РСФСР). Примерный устав предусматривает возможность прекращения членства гражданина в кооперативе (вопреки его воле) только вследствие исключения пайщика из ЖСК. Исключение из кооператива является прерогативой общего собрания пайщиков.

Поэтому отмена исполкомом местного Совета народных депутатов решения общего собрания о приеме гражданина в кооператив нельзя рассматривать как исключение его из кооператива, поскольку закон не предоставляет исполкому права на исключение пайщика из ЖСК. Выдача же ордера является формой контроля за правильностью распределения помещений в домах ЖСК. Отказ в выдаче ордера может быть оспорен в судебном порядке.

Это следует из постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел по спорам между гражданами и жилищно-строитель-

ными кооперативами», в ч. 1 п. 4 которого даны разъяснения, что член жилищно-строительного кооператива вправе обратиться в суде иском о защите нарушенного или оспариваемого права на пользование жилым помещением, выделенным ему как члену кооператива по решению общего собрания членов ЖСК.

Пленум Верховного Суда СССР указал, что такой иск подведомствен суду и в случаях отказа в выдаче члену кооператива ордера на жилое помещение, отмены исполкомом местного Совета народных депутатов решения общего собрания членов кооператива о приеме гражданина в члены кооператива.

В ч. 2 п. 4 названного постановления разъясняется, что при разрешении таких споров суды должны учитывать мотивы решения, принятого исполкомом, который в соответствии с Примерным уставом ЖСК вправе отменить решение общего собрания членов ЖСК, если оно противоречит действующему законодательству.

Основным мотивом, которым руководствовался исполком при отмене решения общего собрания членов жилищно-строительного кооператива «Яуза», было нарушение моей доверительницей обязательства о сдаче ныне занимаемой ею комнаты. Однако это произошло по причинам, от нее не зависящим, и упрекать ее в недобросовестности нет оснований.

Исходя из сложившейся в семье Кириной ситуации она и сейчас нуждается в улучшении жилищных условий, так как проживание в одной комнате с мужем и взрослой дочерью создает для Кириной большие неудобства. Вступая в жилищно-строительный кооператив, С.Г. Кирина просила выделить ей квартиру размером 34 кв. м на двоих с учетом того, что она как кандидат наук имеет право на дополнительную жилую площадь размером до 20 кв. м. И теперь на эту жилую площадь въедут двое.

Исковые требования С. Г. Кириной являются законными и обоснованными.

Поэтому на основании п. 16 Примерного устава жилищно-строительного кооператива, п. 4 постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. прошу признать за С.Г. Кириной право на выделенную ей квартиру в доме ЖСК «Яуза» и обязать отдел учета и распределения жилой площади райисполкома выдать на нее ордер.

* * *

Решением народного суда иск С.Г. Кириной был удовлетворен.
Решение вступило в законную силу.

Филиппов Б.В.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело И.Л. Красавиной¹

(Об обмене жилой площади в ЖСК)

Краткое содержание дела: гр-ка М.Н. Машкова состояла членом ЖСК «Наука» и занимала в доме ЖСК двухкомнатную квартиру № 10. В том же доме проживал и был членом ЖСК ее сын, И.И. Машков, занимавший с семьей (из трех человек) однокомнатную квартиру № 22.

В течение 1967–1970 гг. вместе с М.Н. Машковой проживала без прописки ее 18-летняя внучка И.Л. Красавина, прописанная у своей матери (дочери М.Н. Машковой) в 19-метровой комнате коммунальной квартиры.

В январе 1970 года с разрешения общего собрания членов ЖСК М.Н. Машкова и ее сын И.И. Машков обменялись своими квартирами.

В феврале 1970 года М.Н. Машкова обратилась к общему собранию членов ЖСК с просьбой разрешить ей родственный обмен с внучкой Красавиной с тем, чтобы внучка вместо нее была принята в члены ЖСК с закреплением за ней квартиры № 22, а она сама переедет к своей дочери, матери Красавиной, которая сможет за ней ухаживать.

Решением общего собрания ЖСК от 11 февраля 1970 г. такой обмен был санкционирован, но не был осуществлен, так как на следующий день, 12 февраля 1970 г., М.Н. Машкова умерла.

По завещанию Машковой наследницей паенакопления в ЖСК стала И.Л. Красавина.

Общее собрание ЖСК «Наука» отказало Красавиной в приеме в члены ЖСК, в связи с чем она предъявила иск о признании за ней права на членство в ЖСК и о закреплении однокомнатной квартиры № 22. Правление ЖСК предъявило встречный иск о выселении И.Л. Красавиной. Дело рассматривалось народным судом.

Речь адвоката Б.В. Филиппова:

Уважаемые товарищи судьи!

Основным вопросом настоящего дела, от разрешения которого зависит удовлетворение иска моей доверительницы о приеме ее в чле-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=8>

ны ЖСК и встречного иска ЖСК к ней о выселении, является вопрос о том, имеет ли И.Л. Красавина как наследница умершей Машковой преимущественное право на принятие ее в члены ЖСК и на закрепление за ней квартиры, находившейся в пользовании наследодательницы.

В силу п. 24 Примерного устава ЖСК и подп. в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. пай умершего члена ЖСК переходит к его наследникам и тот из них, кто пользовался квартирой при жизни наследодателя, имеет право на вступление в ЖСК и сохранение дальнейшего права пользования кооперативной площадью и это его право подлежит судебной защите.

Правление ЖСК признает наследственные права Красавиной на пай умершей Машковой и согласно выплатить сумму пая Красавиной, но считает, что она не имеет права на вступление в члены ЖСК, так как не проживала в квартире Машковой постоянно, а лишь изредка приходила в эту квартиру и ухаживала за больной бабушкой на правах гостыи и никогда не была прописана в этом доме.

Правление ЖСК указывало, что факт возбуждения умершей Машковой ходатайства о родственном обмене жилой площади между Машковой и Красавиной доказывает их раздельное проживание, поскольку обмен возможен только между лицами, проживающими в разных жилых помещениях. Красавина признает, что ни она, ни умершая бабушка никогда в этой квартире не проживали, из чего якобы следует, что обмен квартиры № 22 и № 10 был фиктивным и фактически не состоялся. Наконец, правление ЖСК утверждает, что признание Красавиной членом ЖСК невозможно, так как это нарушило бы п. 6 Примерного устава ЖСК, поскольку Красавина имеет жилплощадь по месту жительства матери.

Общее собрание почти единогласно отказало Красавиной в ее ходатайстве о приеме в члены ЖСК. Оно не располагало всей информацией об обстоятельствах дела и взаимоотношениях сторон, не имело доказательств, представленных нами и подробно рассмотренных в судебном заседании.

Постоянное проживание Красавиной в квартире бабушки подтверждено допрошенными судом многочисленными свидетелями, жильцами квартир, выходящих на одну лестничную клетку дома, в том числе членами ЖСК и даже одним членом правления ЖСК. Это подтвердили и учительница английского языка, которая давала уроки Красавиной и для этого раз в неделю приходила в квартиру бабушки, а также врач и медсестра, посещавшие больную М.Н. Машкову последние три года по несколько раз в неделю и всегда видевшие там Красавину. Соседки

коммунальной квартиры, где живет мать Красавиной и прописана сама Красавина, рассказали о том, что И.Л. Красавина начиная с 1968 года в их квартире не проживает, так как выехала к бабушке, в связи с чем они даже не начисляют матери Красавиной долю дочери на оплату коммунальных услуг и очереди по уборке квартиры, как это было до 1968 года, когда Красавина в их квартире проживала.

По существу, представители ЖСК признали проживание Красавиной в квартире бабушки, М.Н. Машковой, но указывали, что оно «не было оформлено» и в «списке жильцов она не значилась».

В п. 24 Устава ЖСК и в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970г. говорится о преимущественном праве на вступление в ЖСК наследников, «пользовавшихся квартирой» при жизни умершего члена ЖСК.

А И.Л. Красавина не только пользовалась, но и в течение более трех последних лет постоянно проживала в квартире, за которую она унаследовала паенакопление.

На л.д. 42 имеется представленное нами подлинное извещение Управления внутренних дел Мосгорисполкома от 29 ноября 1968 г., адресованное М.Н. Машковой, об отказе в прописке И.Л. Красавиной. Это было за три с половиной года до смерти Машковой, причем на ее заявлении есть резолюция правления ЖСК на прописку Красавиной.

Такое же заявление Машкова написала вторично в начале января 1970 года, и правление вновь поддержало его, но это заявление Машкова не подала вследствие обострения ее болезни.

Отсутствие логики в утверждениях членов правления ЖСК, что Красавина жила у Машковой без прописки, как гостя, подтверждается и тем, что общее собрание ЖСК по предложению того же правления 11 февраля 1970 г. единогласно санкционировало семейный обмен жилой площади между М.Н. Машковой и И.Л. Красавиной, в связи с чем исключило Машкову из членов ЖСК, а И.Л. Красавину приняло вместо нее с закреплением за ней квартиры № 22. Но на следующий день после общего собрания, 12 февраля, Машкова умерла и обмен не был оформлен и реализован, так же как не был реализован прием Красавиной в члены ЖСК по обмену.

Но факт обмена и действия правления и общего собрания ЖСК, утвердивших такой обмен, показывают, что никто в ЖСК не рассматривал Красавину как гостью Машковой и эта «версия» возникла лишь после смерти бабушки.

Нам говорят, что И.Л. Красавина не вправе претендовать на квартиру № 22, в которой ни она, ни умершая Машкова никогда не проживали. Какое это имеет значение?

Свою квартиру № 10 Машкова в январе 1970 года обменяла со своим сыном, который проживал в кв. № 22. Этот обмен был санкционирован решением общего собрания членов ЖСК и разрешен райисполкомом. Обе обменивавшиеся стороны получили ордера. Паенакопления были взаимно перечислены и переоформлены в бухгалтерии ЖСК.

Таким образом, обмен был произведен в полном соответствии с подп. «г» п. 19 Примерного устава ЖСК.

В силу п. 11 Инструкции МКХ РСФСР от 9 января 1967 г. обмен считается совершенным с момента получения обменивавшимися сторонами обменных ордеров. С этого момента Машкова считалась пользователем кв. № 22, паенакопление было переведено правлением на ее имя на квартиру № 22, и, следовательно, эту квартиру Красавина как наследница должна получить в свое пользование.

Обеспечена ли Красавина жилой площадью по месту ее прописки?

Моей доверительнице И.Л. Красавиной 19 лет. Она с матерью прописана в коммунальной квартире в комнате размером 19 кв. м. Мать моей доверительницы молодая женщина и имеет право на дополнительную площадь.

Мы предъявили вам извещение Дворца бракосочетания о том, что через две недели назначено бракосочетание И.Л. Красавиной с ее женихом.

Нуждается ли она в том, чтобы ее новая семья с начала ее возникновения была обеспечена отдельной площадью? Думаю, что здесь двух мнений быть не может.

Я прошу суд удовлетворить иск И.Л. Красавиной и отказать в иске о ее выселении.

* * *

Решением народного суда иск И.Л. Красавиной был удовлетворен, а в иске правлению ЖСК о ее выселении отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда оставила это решение без изменения.

Прокурор Москвы принес протест в Президиум Московского городского суда об отмене вынесенных по делу судебных постановлений. Адвокат Б.В. Филиппов представил письменные объяснения на протест и принял участие в заседании Президиума Московского городского суда, постановлением которого протест был оставлен без удовлетворения.

Аналогичный протест прокурора РСФСР был отклонен Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 11. С. 4).

Хейфец Леонид Генрихович

Родился 15 июля 1953 года в Москве. В 1982 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт. Член Московской областной коллегии адвокатов с 1982 года. В 1992 году принят в МГКА.

В 1990–1993 годах имел адвокатскую практику в США. Окончил курс юридического факультета Гарвардского университета по специализации международное, налоговое, корпоративное и коммерческое законодательство. Магистр права. В 1989–1993 годах — советник юридической фирмы «Milbank, Tweed, Hadley & McCloy» (США).

В 1991–1993 годах — организатор и партнер фирмы «Московские юристы», первой частной адвокатской фирмы в России. В 1991–1992 годах — член советско-американской рабочей группы по разработке законодательства по ценным бумагам для России, Латвии, Белоруссии и Украины. С 1993 года — управляющий партнер адвокатского бюро «ХелБи» Московской городской коллегии адвокатов. С 1998 года — эксперт Российского фонда правовых реформ. В 1999 году — руководитель юридической службы избирательного блока ОВР. С 2000 года — юридический консультант Фонда развития регионов.

Дело Г.Б. Маркова¹

(О возмещении вреда, причиненному автомобилю)

Краткое содержание дела: Г.Б. Марков предъявил иск к родителям несовершеннолетних И. Половцева, 1968 года рождения, С. Кожевникова, 1969 года рождения, и Е. Рукавишникову, 1971 года рождения, о возмещении вреда, причиненного его автомашине этими несовершеннолетними, не достигшими 15-летнего возраста.

В дальнейшем по ходатайству истца и его адвоката к участию в деле в качестве соответчиков были привлечены Передвижная механизированная колонна треста «Спецмонтаж» (ПМК треста «Спецмонтаж») и Научно-исследовательский институт автоматизированных систем управления (НИИ АСУ).

Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=10>

Речь адвоката Л.Г. Хейфеца:

Уважаемые товарищи судьи!

День 6 декабря 1978 г. начался для моего доверителя Маркова с радостного события: в тот день он приобрел автомашину «Жигули» ВАЗ 2101. Хотелось как можно скорее поставить ее на учет в ГАИ, так как давно было решено, что очередной отпуск он проведет за рулем автомашины.

В ГАИ Марков решил ехать на следующий же день, т.е. 7 декабря 1978 г. Предстояло позаботиться и о месте стоянки автомашины, а пока по договоренности со своим фронтowym другом Акуловым он поставил автомашину на ночь в его гараж, поскольку автомашина Акулова находилась в то время в ремонте.

Гараж Акулова непосредственно примыкает к обнесенной деревянным забором строительной площадке, где Передвижная механизированная колонна треста «Спецмонтаж» строит новое здание НИИАСУ. Ворота гаража выходят во двор дома № 5 по Радиаторной улице, а задняя стенка практически соприкасается с деревянным забором строительной площадки. Гараж Акулова имеет деревянную основу и обшит железом.

В судебном заседании было установлено, что на строительной площадке, за забором, находилось также три бесхозных гаража, которые должны были быть снесены, так как они мешали строительству. Для правильного решения настоящего дела немаловажное значение имеет то обстоятельство, что все эти бесхозные гаражи также непосредственно примыкали к деревянному забору строительной площадки.

Свидетель Комов, участковый инспектор отделения милиции, показал, что территория строительной площадки никем не охранялась, поэтому посторонние лица довольно часто приходили в эти гаражи, были случаи, когда они жгли костры. Со своей стороны отделение милиции неоднократно обращало внимание и заказчика (НИИАСУ), и подрядной организации (ПМК треста «Спецмонтаж») на необходимость сноса бесхозных гаражей и организации охраны строительной площадки. Однако ни заказчик, ни подрядчик никаких мер не предпринимали.

Вечером 6 декабря 1978 г. на строительной площадке возник пожар. В акте о пожаре отмечено, что площадь, охваченная пожаром, составила 100 кв. м, в результате пожара сгорели дотла все три бесхозных гаража, расположенных на строительной площадке, и часть деревянного забора, примыкающая к ним, прогорела задняя стенка и потолок расположенного вне строительной площадки гаража, принадлежащего Акулову, а стоящая в нем автомашина Маркова существенно повреждена огнем. Из акта и показаний свидетелей усматривается, что очаг пожара

возник на строительной площадке в одном из бесхозных гаражей, отмеченном на схеме № 2, затем пламя распространилось на остальные гаражи, расположенные рядом, в дальнейшем огнем был охвачен забор и примыкающий к нему гараж Акулова.

Ущерб, причиненный Маркову повреждением автомашины, составляет 1712 руб. 00 коп.: стоимость ремонта автомашины согласно калькуляции Консультационного отдела объединения «Мосавтотехобслуживание» 1410 руб. и стоимость утраты автомобилем товарного вида согласно экспертному заключению — 302 руб.

По поводу размера причиненных Г.Б. Маркову убытков ни у кого из участников процесса спора не возникало.

В соответствии со ст. 444 ГК РСФСР вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицами, причинившими вред.

Г.Б. Марков считает, что ответственными за вред являются все лица, привлеченные в качестве ответчиков по настоящему гражданскому делу, т. е. супруги Половцевы А.Н. и И.И., родители двенадцатилетнего Половцева Ивана, супруги Кожевниковы А.П. и В.Я., родители одиннадцатилетнего Кожевникова Сергея, супруги Рукавишниковы В.М. и Т.В., родители девятилетнего Рукавишникова Евгения, а также Передвижная механизированная колонна треста «Спецмонтаж» и Научно-исследовательский институт автоматизированных систем управления. Однако все ответчики иск в судебном заседании не признали, пояснив, что они не являются лицами, ответственными за причиненный вред.

Мой доверитель указывает в исковом заявлении, что постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении И.А. Половцева, С.А. Кожевникова и Е.В. Рукавишникова в связи с недостижением ими возраста, по достижении которого наступает уголовная ответственность, на основании п. 5 ст. 5 УПК РСФСР установлено, что они вечером 6 декабря 1978 г. купили спички, проникли на строительную площадку и в бесхозных гаражах жгли бумагу. Далее Марков указывает, что, как явствует из того же постановления, несовершеннолетние ушли со строительной площадки, не затушив костер, разведенный ими в одном из гаражей, в результате чего возник пожар. Это постановление никем из родителей детей не было обжаловано и никем не отменено. Оно, по нашему мнению, является доказательством того, что пожар возник именно в результате действий несовершеннолетних И. Половцева, С. Кожевникова и Е. Рукавишникова.

В соответствии со ст. 450 ГК РСФСР за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими пятнадцати лет, отвечают их родители

или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине. В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 36 «О некоторых вопросах, возникших в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда» под виной родителей и опекунов, влекущей их ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, понимается как неосуществление должного надзора за несовершеннолетними в момент причинения вреда, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред.

В данном конкретном случае вина всех родителей выражается в неосуществлении ими должного надзора за поведением своих несовершеннолетних детей в момент причинения вреда.

Какие же возражения представляют родители в опровержение исковых требований? Никто из них не утверждает, что вред возник не по их, родителей, вине. Все они единодушно заявляют, что по делу не добыто доказательств о возникновении пожара в результате неправомерных действий их несовершеннолетних детей. Родители утверждают, что их дети на дознании оговорили себя, так как давали объяснения в отсутствии педагога. Такое утверждение не соответствует действительности, поскольку из приобщенных к материалам гражданского дела объяснений несовершеннолетних И. Половцева, С. Кожевникова, Е. Рукавишника, данных ими в отделении милиции, видно, что педагог присутствовал.

Таким образом, в опровержение исковых требований родители несовершеннолетних не приводят никаких убедительных доводов.

В прошлом судебном заседании мы просили суд привлечь к участию в деле в качестве соответчиков Передвижную механизированную колонну треста «Спецмонтаж» и Научно-исследовательский институт автоматизированных систем управления, поскольку, по нашему мнению, следует считать установленным, что очаг пожара возник в бесхозных гаражах, расположенных на строительной площадке строящегося нового здания НИИАСУ. Это ходатайство было удовлетворено судом.

Представитель Передвижной механизированной колонны пояснил в судебном заседании, что между ней и НИИАСУ в 1978 году был заключен договор подряда на капитальное строительство, по которому Передвижная механизированная колонна взяла на себя обязательство по строительству нового здания НИИАСУ. Строительная площадка была огорожена забором, на ней действительно находилось три не имеющих владельцев полуразрушенных гаража, которые ПМК собиралась

снести, так как они мешали строительству. Пожарно-сторожевая охрана подрядчиком не осуществлялась, ее должен был обеспечить заказчик. Очаг пожара 6 декабря 1978 г. действительно возник в бесхозных гаражах на строительной площадке.

Представитель ПМК заявил, что все эти обстоятельства не имеют отношения к возмещению убытков Г.Б. Маркову, поэтому ПМК треста «Спецмонтаж» иска не признает. Его возражения, по нашему мнению, не могут быть приняты во внимание, поскольку из имеющихся в деле материалов явствует, что Передвижная механизированная колонна треста «Спецмонтаж» допустила грубые нарушения законодательства о капитальном строительстве, результатом чего явилось беспрепятственное проникновение несовершеннолетних И. Половцева, С. Кожевникова и Е. Рукавишника на территорию строительной площадки, игра с огнем и возникновение пожара.

В соответствии с п. 38 Правил о договорах подряда на капитальное строительство, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. № 973, подрядная организация обязана своими силами и за свой счет выполнить работы. Но подрядчик нарушил п. 46 Правил о договорах подряда на капитальное строительство и п. 34 Положения о взаимоотношениях организаций — генеральных подрядчиков с субподрядными организациями, утвержденного Госстроем и Госпланом СССР 31 июля 1970 г. № 94/81. В соответствии с указанными пунктами при производстве строительно-монтажных работ на действующем предприятии в случае невозможности изолировать строительную площадку заказчик обязан осуществить пожарно-сторожевую охрану.

Если строительная площадка изолирована от действующего предприятия, как это имело место в данном случае, пожарно-сторожевая охрана строительной площадки осуществляется подрядчиком, который устанавливает соответствующую дислокацию постов. Следовательно, ссылка ПМК треста «Спецмонтаж» на то, что пожарно-сторожевая охрана должна была осуществляться заказчиком — НИИАСУ не основана на законе.

Представитель НИИАСУ справедливо отметил в своих объяснениях, что обязанности по сносу препятствующих строительству бесхозных гаражей и по обеспечению пожарно-сторожевой охраны строительной площадки лежали в данном случае на подрядной организации — Передвижной механизированной колонне треста «Спецмонтаж». Однако из этого не следует, что организация-заказчик не допустила никаких нарушений и не должна нести ответственность за причинение вреда имуществу Г.Б. Маркова.

Согласно ст. 69 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 370 ГК РСФСР и п. 4 Правил о договорах подряда на капитальное строительство заказчик осуществляет контроль и технический надзор за соответствием объема, стоимости и качества выполняемых работ проектам и сметам. Он вправе в любое время проверять ход и качество строительно-монтажных работ, а также количество используемых материалов.

Как видно из материалов дела, представители Научно-исследовательского института автоматизированных систем управления посещали строительную площадку нерегулярно. Установив, что ПМК треста «Спецмонтаж» не принимает никаких мер к сносу бесхозных гаражей, НИИАСУ ограничилось двумя письмами, направленными в адрес ПМК в апреле 1978 года. Институту было известно, что бесхозные гаражи так и не были снесены, однако в вышестоящую организацию подрядчика по этому поводу он не обращался и не принимал действенных мер к незамедлительному устранению отмеченных недостатков.

Из сообщений отделения милиции НИИАСУ было известно также, что пожарно-сторожевая охрана строительной площадки подрядчиком не осуществляется, но и здесь институт проявил равнодушие.

Невыполнение своих обязанностей по сносу препятствующих строительству сооружений, необеспечение пожарно-сторожевой охраны строительной площадки подрядчиком, отсутствие должного контроля со стороны заказчика и привели к тому, что вечером 6 декабря 1978 г. несовершеннолетние И. Половцев, С. Кожевников и Е. Рукавишников беспрепятственно проникли на территорию строительной площадки в указанные гаражи, играли с огнем и жгли костры. Следствием этого явилось возникновение пожара и причинение Г.Б. Маркову имущественного ущерба. Все эти нарушения находятся в прямой причинной связи с фактом причинения вреда.

В заключение я хочу изложить суду свои соображения относительно исполнения обязательства по возмещению причиненного Г.Б. Маркову ущерба всеми ответчиками. Долевою или солидарную ответственность они должны нести?

В соответствии со ст. 455 ГК РСФСР лица, совместно причинившие вред, несут солидарную ответственность перед потерпевшим. Я полагаю, что в данном конкретном случае следует применить солидарную ответственность, и прошу суд взыскать в пользу Г.Б. Маркова причиненные ему убытки в сумме 1712 руб. солидарно.

Кроме того, должны быть взысканы расходы по госпошлине 102 руб. 72 коп. (ст. 90 ГК РСФСР), а также расходы по оплате помощи адво-

ката, внесенные Г.Б. Марковым в юридическую консультацию (ст. 91 ГПК РСФСР).

В связи с тем, что при рассмотрении настоящего гражданского дела были установлены факты бесхозяйственности, существенные недостатки в работе ПМК треста «Спецмонтаж» и НИИАСУ, на основании ст. 225 ГПК РСФСР прошу суд вынести частные определения в адрес вышестоящих органов этих организаций для применения к конкретным виновным лицам мер дисциплинарного взыскания и обсуждения вопроса о возмещении причиненного ущерба по действующим нормам трудового законодательства.

* * *

Решением народного суда с Передвижной механизированной колонны треста «Спецмонтаж» были взысканы полностью причиненные Г.Б. Маркову убытки в сумме 1712 руб., расходы по госпошлине 102 руб. 72 коп. и 60 руб., внесенные Марковым Г.Б. в юридическую консультацию, а всего 1874 р. 72 к.

В части взыскания указанных сумм с родителей несовершеннолетних И. Половцева, С. Кожевникова, Е. Рукавишникова и с Научно-исследовательского института автоматизированных систем управления было отказано.

Решение суда вступило в законную силу.

Чертков Владимир Лазаревич

Адвокат Московской областной коллегии адвокатов.

Кандидат юридических наук

Дело Леонова и др.¹

(О взыскании постановочного вознаграждения)

Краткое содержание дела: истцы составляли съемочную группу многосерийного телевизионного фильма, созданного на киностудии по заказу телевидения. Поскольку последняя серия не была включена в план Госкино, студия отказала в оплате постановочного вознаграждения за эту серию.

Дело рассматривалось в народном суде.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=10>

Речь адвоката В.Л. Черткова:

Уважаемые товарищи судьи!

Это своеобразное дело возникло из тройственности правоотношений, существующей в системе заказов телевидения на постановку многосерийных телефильмов. Телевидение заказывает фильмы киностудиям, которые располагают соответствующими возможностями. Между телевизионным объединением «Экран» и киностудией заключается договор заказа. Киностудия вступает в авторско-трудовое правоотношение с киносъёмочной группой, создает ей условия работы, принимает от нее созданный фильм и выплачивает вознаграждение. Таким образом, киностудия оказывается связующим, промежуточным звеном, выступает в роли работодателя для киносъёмочной группы и исполнителя заказа для телевидения. У телевидения же как плательщика непосредственно с постановочной группой правоотношений нет.

И в данном случае телевидение в лице объединения «Экран» предложило ответчику поставить телевизионный фильм о мужественной борьбе советского разведчика в фашистском логове с интересным детективным сюжетом в 13 серий. Ответчик — киностудия сообщила об этом Госкино как своей вышестоящей инстанции и просила откорректировать план из расчета именно 13 серий. На это ответа не последовало, и киностудия заключила с телевидением — заказчиком несколько неопределенный договор, где хотя и был обусловлен объемом — 9 серий, но имелась оговорка, что по соглашению сторон количество серий впоследствии при съемках может быть увеличено. Гостелерадио как вышестоящая по отношению к заказчику инстанция дала заключение на 12 серий и просило Госкино откорректировать план из этого расчета. Но Госкино отказал включить в план 12-ю серию со ссылкой на «принятый порядок планирования». Пока шла эта переписка, съемки 12-й серии на киностудии уже закончились, и Госкино счел для себя неприемлемым менять план, поскольку съемки планируются заранее.

Тем временем 12-я серия была принята по акту ответчиком от съёмочной группы, т. е. от истцов. Но оплатить им проделанную работу ответчик отказался из-за позиции своей вышестоящей инстанции.

Между тем объединение «Экран» перечислило киностудии деньги и за 12-ю серию, включая постановочное вознаграждение. Так возник спор между киностудией и постановочной группой. Его следует считать искусственным потому, что в действительности нет спора между истцами и ответчиками в том, что работа сделана истцами и принята ответчиком. Значит, казалось бы, нужно оплатить.

О сумме иска спора нет. Она основана на твердых установленных расценках, определяющих размер вознаграждения каждого члена съемочной группы.

Поскольку заказчик перечислил ответчику постановочное вознаграждение за 12-ю серию, то, если в иске будет отказано, эти деньги составят неосновательное обогащение для ответчика.

Позиция Госкино, из-за которой может возникнуть такое положение, не имеет ни моральной, ни правовой базы.

Работа проделана, фильм выпущен пользуется у зрителей успехом.

Можно ли упрекнуть истцов в искусственном растягивании фильма с целью увеличения количества серий? В фильме действительно много кажущихся длиннот, замедленных проходов.

Но это фильм о подвиге советского разведчика, долго действующего в тылу врага, выполняющего серьезнейшие рискованные и тщательно продуманные операции.

В ходе съемок некоторые эпизоды в целях сокращения были исключены. Ужась же то, что отснято, означало бы скомкать интереснейший и очень удачный фильм, т. е. испортить его. Это, к счастью, не произошло.

Следует учесть и то, что по сложившейся мировой практике многосерийные телевизионные фильмы создаются из расчета 13 серий. В таком объеме происходит и международный обмен. Значит, во внешне-торговом плане он соответствовал бы мировым стандартам не при 12, а при 13 сериях. Так и было первоначально задумано. В договоре телевидения с киностудией не говорится об ограничении объема. Значит, объем 12 серий нельзя рассматривать как увеличение какого-либо норматива или как нарушение какой-либо договоренности.

Ответчик-киностудия, выполняя указания своей вышестоящей инстанции, отказывает в оплате, ссылаясь на п. 11 Временного положения о порядке выплаты постановочного вознаграждения за постановку телефильмов. В нем говорится: «В тех случаях, когда количество первоначально запланированных частей в производстве увеличено, постановочное вознаграждение работникам выплачивается исходя из первоначально запланированного количества частей фильма, а при уменьшении — исходя из количества фактически принятых частей».

Однако из этого же пункта видно, что он распространяется на короткометражные телефильмы. Данный же фильм к таковым не относится. Многосерийные телефильмы идут обычно отдельными сериями в пределах одного часа каждая, тогда как короткометражные фильмы идут одновременно и продолжительность показа определяется количеством входящих в них «частей». Как видим, понятие «серия» здесь

не упоминается. Разница очевидна. Расширительное толкование здесь было бы недопустимым и неправомерным. Это возможно только путем распространения данного положения на многосерийные телефильмы. Пока этого нет.

Значит, правовых оснований к отказу в оплате не имеется. Правоотношение в данном случае служило только между ответчиком как работодателем и истцами как исполнителями. Истцы выполнили свои обязанности, они сделали работу и получили право на оплату; у ответчика, принявшего от них работу по акту, возникла обязанность оплатить ее.

Ни телевидение как заказчик, ни тем более Госкино как административный орган и вышестоящая по отношению к ответчику инстанция в этом правоотношении не участвуют. Значит, их позиция не имеет юридического значения.

Позиция телевидения как заказчика в данном споре положительна в отношении истцов, в его план включено 12 серий. Именно оно финансировало создание фильма. Поскольку для оплаты их работы нет ни правовых, ни этических препятствий, я прошу иск удовлетворить полностью.

* * *

Решением народного суда иск был удовлетворен.
Решение ответчиком не обжаловано и исполнено.

Цегельницкий И.Л.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Дело И.Б. Осенева¹

(О признании брака недействительным)

Краткое содержание дела: К.А. Осенева предъявила иск к своему мужу И.Б. Осеневу о признании брака недействительным.

Исковые требования были мотивированы тем, что ответчик вступил в брак без намерения создать семью, в целях получения московской прописки.

Обстоятельства дела подробно излагаются в речи адвоката.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/202000/index-2059-1.html?page=3>

Речь адвоката И.Л. Цегельницкого:

Уважаемые товарищи судьи!

Много в нашей стране прекрасных городов, но особой притягательной силой обладает столица нашей Родины — Москва. Одних привлекает наличие театров, концертных залов и музеев, других — неповторимая красота старинных зданий работы Баженова, Казакова и других мастеров, комфорт современных зданий, обилие видов общественного транспорта, третьи хотят учиться в московских вузах и втузах. Но есть люди, которых влечет только право на жилую площадь в Москве. Такие лица ищут любые пути для достижения своих целей: они вступают в брак с москвичками, в брак без любви, без намерения создать семью. Таких в народе метко называли «брачными аферистами».

И вот перед судом предстал мой доверитель И.Б. Осенев в качестве ответчика по иску к нему его жены К.А. Осеновой о признании их брака недействительным.

Общеизвестно, что за вступлением в законную силу решения о признании брака недействительным возникает новое дело, дело о выселении такого «супруга» ввиду отсутствия у него права на жилплощадь.

Желая добиться в будущем выселения Осенева из квартиры, истица стремится показать его перед судом как человека, помышлявшего только о том, как бы попасть в Москву и завладеть московской квартирой.

На первый взгляд, ее позиция представляется убедительней.

У истицы комната, где она живет с 8-летним сыном, а две другие комнаты в трехкомнатной квартире в центре Москвы со всеми удобствами занимает другая семья.

Ситуация такова, что, как говорится, сама судьба благословила Осенена на брак со счастливой обладательницей московской жилплощади, а в качестве приданого — московская прописка и возможность поступить на хорошо оплачиваемую работу.

Однако в самом ли деле мой доверитель Осенев стремился получить московскую прописку и жилплощадь и была ли у него необходимость в этом.

Приступая к тщательному анализу доказательств необоснованности предъявленного к Осеневу иска, я остановлюсь прежде всего на истории взаимоотношений сторон.

Как показала истица в судебном заседании, с Осеневым она «познакомилась случайно у метро». Как только знакомство состоялось, он стал жить у нее. Прожив так дней десять, Осенев уехал в Уфу, где он работал.

В декабре того же года он опять приехал в Москву, 5 января 1974 г. после уговоров истицы зарегистрировал брак с ней и, как об этом

пишет истица в своем исковом заявлении, «несмотря на мои просьбы остаться и начать устраиваться на работу, ответчик снова уехал в Уфу».

Как видно, «брачный аферист» не упустил бы случая прописаться у истицы в Москве и тем самым приобрести право на жилплощадь, однако Осенев этого не сделал.

Известно, что для поступления в Москве на работу необходима постоянная прописка. Истица уговаривала мужа устраиваться на работу, иных возможностей постоянно прописаться, кроме как у истицы, у Осенева не было, и тем не менее, отвергнув все мольбы и просьбы истицы, он уехал обратно в Уфу.

Такое поведение ответчика бесспорно доказывает, что он не желал воспользоваться браком с истицей для прописки на ее жилой площади в Москве.

В чем же заключались истинные намерения Осенева?

Он действительно вступил в брак с истицей, чтобы создать семью.

Из имеющегося в деле письма конструкторского бюро, полученного по запросу суда, видно, что Осенев, проживавший в общежитии, был поставлен на очередь для получения жилплощади и на 1 апреля 1974 г. значился вторым на получение комнаты.

27 февраля 1974 г. (напомню, что он зарегистрировал брак с истицей 5 января 1974 г.) согласно тому же письму Осенев «переписал свое заявление на получение жилплощади», указав следующий состав семьи:

1. Осенев — муж, проживающий в общежитии в Уфе.
2. Осенева (истица) — в Уфе не проживает.
3. Осенев (сын истицы) — в Уфе не проживает.
4. Осенева (мать ответчика) — в Уфе не проживает.

О чем же говорит этот документ? Из него совершенно определенно вытекает, что Осенев имел самое серьезное намерение создать семью, включая и сына истицы, причем не на ее московской площади, а по месту своей работы в Уфе.

Следовательно, версия истицы о намерении Осенева с помощью брака с нею получить московскую прописку и жилплощадь разваливается как карточный домик.

Узнав от Осенева, что он не стремится переехать в Москву, а, напротив, прилагает все усилия к тому, чтобы переманить истицу в Уфу, она в мае посылает ему телеграмму с просьбой выслать согласие на развод, так как ей был нужен более покладистый муж.

И вот теперь, когда личными признаниями истицы, фактами и документами с непреложной достоверностью доказано отсутствие у Осенева стремления путем регистрации брака добиться московской прописки

и жилплощади, попробуем разобраться в действительных намерениях истицы, тщательно ею замаскированных.

Как я уже об этом говорил, в квартире Осенева занимала одну комнату, а в двух других комнатах проживала другая семья. Последняя освобождала занимаемые две комнаты, что было известно истице, и у нее созрел план завладеть ими, т. е. стать обладательницей трехкомнатной квартиры.

Так как ей с сыном эти две комнаты не дали бы, то ей срочно понадобился муж, к тому же крупный специалист, что дало бы основание для получения ордера на освободившиеся две комнаты.

Обеспокоенная нежеланием Осенева переехать в Москву, истица просит его приехать и «добивается» или получает его согласие на прописку в ее комнате.

Прописав его, она тотчас же обращается с ходатайством от своей работы в райисполком с просьбой о предоставлении ей освобождающихся в ее квартире двух комнат, ссылаясь на наличие мужа.

Несмотря на то, что Осенев прописался у истицы, он все же, как об этом указывает в своем исковом заявлении Осенева, уезжает работать в Уфу.

Я вынужден часто обращаться к исковому заявлению, так как оно помогает установить ее истинные намерения. Так, она пишет, что 3 октября без его приглашения приехала в Уфу, уговаривала его вернуться, но он отказался поехать с ней в Москву. Правда, она не пишет, что взяла его паспорт и, вернувшись в Москву, без его заявления, о чем в деле также есть документ, через 5 дней получила ордер на две комнаты.

Итак, мечта истицы осуществилась, и теперь Осенев ей уже не нужен. Это видно из того, что она через два с лишним месяца обращается в суд с иском о признании брака с Осеневым недействительным.

К каким методам при этом прибегает истица, красноречиво свидетельствуют такие факты. Желая доказать, что Осенев не заботился о семье, истица пытается опорочить представленные чеки на купленную им для семьи мебель — гардероб, трельяж, стол, кушетку, бездоказательно заявляя, что они фальшивые. И в то же время она вынуждена признать, что мебель стоит в ее комнатах. Далее истица заявляет, что Осенев плохо относился к ее сыну, но в деле имеются письма, где сын истицы обращается к нему с различными просьбами: «купить фотоаппарат получше», передает ему приветы и поздравления с Днем Советской Армии и т. д.

Истица в судебном заседании признала, что Осенев высылал ей деньги. Разве это не является одним из доказательств устойчивого характера их отношений?

Позволю себе остановиться еще на двух моментах: на показаниях свидетелей со стороны истицы (у Осенева свидетелей нет) и на мораль-

ном облике каждой из сторон, так как при решении вопроса о так называемых «брачных аферистах» вопрос о моральном облике играет не последнюю роль.

Обратимся к показаниям свидетелей. Из шести вызванных истицей свидетелей четыре показали, что обо всем знают со слов истицы, так что нет смысла останавливаться на их показаниях. Две свидетельницы столь колоритны, что их показания заслуживают особого внимания.

Так, свидетельница Петриченко показала, что, взявшись сшить истице костюм, она пришла к истице на примерку и так как она, поднявшись на 5-й этаж (дом без лифта), устала, то остановилась на лестничной площадке отдохнуть. И здесь, несмотря на наличие трех комнат, как показала свидетельница, Осенев стал говорить истице у самой входной двери в квартиру, за которой стояла пожилая и плохо слышащая свидетельница (пусть она меня извинит), столь необходимые для истицы слова, что он вовсе и не собирался жить, а женился из-за прописки.

Свидетельница до этого никогда не видела Осенева, не слышала его голос.

Я думаю, товарищи судьи, что желание свидетельницы любой ценой помочь истице очевидно, и вы соответствующим образом оцените ее показания.

Обратимся теперь к показаниям последней свидетельницы — Никитиной.

Вряд ли можно поверить ей, что Осенев на своей свадьбе с истицей стал бы делать свидетельнице, которую видел в первый раз, предложение выйти за него замуж. Это настолько житейски неправдоподобно, что нет смысла останавливаться на ее других показаниях.

Осенев не стремился переехать в Москву, так как, проработав в Уфе на одном предприятии свыше 12 лет, пользовался заслуженным авторитетом, его повышали в должности, и он имел все основания получить жилплощадь на свою семью.

Стремясь доказать, что Осенев аморальный человек, истица представила в суд записные книжки Осенева с имеющимися там номерами телефонов женщин. Осенев объяснил, что, часто бывая в Москве в командировках, ему приходилось звонить своим коллегам, конструкторам, чертежницам, машинисткам. И, наконец, холостой мужчина вправе был иметь просто знакомых девушек. Разве это может служить доказательством его аморального поведения?

Что же касается поведения самой истицы, то все действия по вовлечению Осенева в брак исключительно для получения ею освобождающихся двух комнат налицо.

Таковы обстоятельства этого дела. Они приводят к выводу о явной необоснованности исковых требований. Поэтому я прошу в иске К.А. Осеновой отказать.

***

Решением народного суда в иске К.А. Осеновой о признании брака недействительным было отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда оставила это решение без изменения, а кассационную жалобу К.А. Осеновой без удовлетворения.

Ярмуш Мария Михайловна

Московский адвокат по гражданским делам, эксперт по международному праву. Юридический стаж 13 лет. С 2006 года является адвокатом Адвокатской Палаты города Москвы.

Ведет юридическую практику в сфере гражданского и семейного права по различным аспектам, включая весь комплекс семейных и родительских правоотношений, защиты права собственности, договорных обязательств. Сделав своей специализацией гражданское, семейное и международное право, она активно сотрудничает с адвокатами США, Великобритании, Италии, Бельгии, Германии, Франции, помогая разрешать возникающие семейные конфликты с иностранным элементом.

Мария Ярмуш имеет успешный опыт по ведению дел в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ. Глубокие знания права и высокий профессионализм позволили ей стать постоянным экспертом по правовым вопросам ведущих российских СМИ.

Дело о взыскании алиментов в твердой денежной сумме¹

Краткое содержание дела: Горина С.Н. обратилась с иском в суд к Горину В.Р. о взыскании алиментов на ребенка в твердой денежной сумме, поскольку Горин В.Р. живет и работает за границей, не исполняет решение суда о взыскании с него алиментов в долях к заработку. Дело рассматривал мировой судья судебного участка № 244 Донского района г. Москвы. Интересы Гориной С.Н. представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speech-child%20support.htm>

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый Суд!

Заявленные исковые требования основаны на ст. 118 СК РФ, которая предусматривает в случае выезда лица, обязанного уплачивать алименты на постоянное место жительства в иностранное государство, право истца обратиться в суд с требованием об определении размера алиментов в твердой денежной сумме и о единовременной выплате алиментов, и ст. 107 СК РФ, которая устанавливает возможность взыскания алиментов за предыдущие три года с момента обращения в суд. В материалах дела есть все необходимые доказательства, подтверждающие выезд и проживание ответчика в иностранном государстве — Ирландии, а также получения ирландского гражданства. Решение суда от 10.04.2008 года принятое мировым судьей судебного участка № 226 района «Черганово-Южное» г. Москвы, гражданское дело № xxx-08 является в соответствии со ст. 71 ГПК РФ письменным доказательством. В судебном решении указано, что представитель ответчика Николаева пояснила, что ответчик Горин последние семь лет постоянно проживает в Ирландии, где работает по контракту. Доверенность своему представителю ответчик выдал в Ирландии (копия доверенности представителя ответчика). После того, как был предъявлен иск к ответчику, на счет истца деньги перечислялись из Ирландии через ООО «Объединенные Ирландские Банки» (копии платежных поручений). Ответчику принадлежала на праве собственности $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на квартиру общей площадью 58,3 кв. м, находящуюся по адресу Москва, ул. Шаболовка, д. 12, кв. 2. Матери ответчика также принадлежала на праве собственности $\frac{1}{2}$ доли в вышеуказанной квартире. После отъезда в Ирландию ответчик передал в собственность матери свою $\frac{1}{2}$ долю. Это доказывает то, что, выезжая за границу на постоянное жительство, Горин передал матери, которую он должен содержать (ст. ст. 87, 118 СК РФ), имущество на счет уплаты алиментов. Также это доказывает, что в планы ответчика не входит возвращение в Москву. В учетной карточке сотрудников Дублинского Университета, которую ответчик просил приобщить к материалам дела, выдавая за трудовой договор, указывается, что Горину не требуется разрешение на работу (Раздел 1 документа). В соответствии с трудовым законодательством любого государства только лица имеющие гражданство не должны получать разрешение на работу. Поскольку ответчику не требуется разрешение на работу, то это означает, что он получил ирландское гражданство. В материалах дела имеются письменные показания, данные под присягой ирландского частного детектива Томаса И. Дьюнна, заверенные нотариусом (стандартный документ Ирландской нотариальной конторы),

с проставлением апостиля Министерством Иностранных Дел Ирландии. Статья 408 ГПК РФ устанавливает, что документы, выданные в соответствии с иностранным правом по установленной форме компетентными органами иностранных государств в отношении российских граждан, принимаются судами в РФ при наличии легализации, с надлежащим образом, заверенным переводом на русский язык. Частный детектив установил, что ответчик с июня 2000 года проживает в Ирландии, работает в Университетском колледже Дублина, имеет в собственности дом, стоимость которого оценивается в 345 000 евро. В пункте 4 показаний ирландского детектива говорится, что Горин указывается в списке избирателей графства Килдар, Ирландия. Избирательными правами наделены только граждане государства. В пункте 13 показаний ирландского детектива указывается, что Горин получил в Ирландском Банке, где имеет счет, ссуду под залог дома. Иностранцу, временно работающему по контракту, взять кредит в банке на покупку дома невозможно. Все эти доказательства подтверждают, что Горин постоянно живет в Ирландии (статья 20 ГК РФ определяет место жительства гражданина местом, где гражданин постоянно или преимущественно проживает) и имеет ирландское гражданство. В материалах дела есть все необходимые доказательства, подтверждающие уклонение ответчика от уплаты алиментов своему ребенку. Уехав в 2000 году за границу, ответчик скрывал от истца место жительства и место работы, содержание ребенку не оказывал, на контакты с истцом не выходил. Только полтора года назад удалось получить информацию о месте работы ответчика и его адрес электронной почты по опубликованным статьям Горина в западных научных изданиях. Неоднократные просьбы истца о материальной помощи ребенку были оставлены ответчиком, без внимания. Даже сейчас после начала судебного процесса в платежных поручениях ответчик указывает адрес места работы, а не место жительства (платежные поручения), пытается скрыть адрес своего дома в Ирландии. Только 16 октября 2008 года истцом были получены сведения о месте жительства ответчика через ирландского частного детектива (письменные показания детектива). Ответчик не предоставляет сведения о своих доходах: даже в судебном заседании ответчик проигнорировал требование Суда о предоставлении информации о своих доходах. В предоставленной ответчиком копии учетной карточки сотрудников колледжа (которую ответчик называет трудовым договором) сведения о заработной плате ответчика не подлежат прочтению (в переводе на русский язык определяются словом «неразборчиво»). Только с помощью ирландского частного детектива удалось получить сведения о размере заработной платы ответчика за 2006 год — 52 000 евро, за

2007 года — 48 000 евро (письменные показания детектива) 4000 евро в месяц после уплаты налогов. Все эти доказательства подтверждают, что ответчик уклонялся от уплаты алиментов, несмотря на принятые истцом меры по получению средств на содержание ребенка. Истец уже 10 лет одна воспитывает ребенка, проживает с сыном в однокомнатной квартире (дом «хрущевской» застройки), получает заработную плату в размере 30 000 рублей и помогает нуждающейся нетрудоспособной матери, живущей на Украине. Ответчик женат, вместе с работающей супругой, доход которой в 2007 году составил 21 000 евро, содержат общего ребенка. Ответчик имеет в Ирландии в собственности комфортную, дорогую недвижимость (дом), хорошо оплачиваемую и статусную работу, с заработной платой 4000 евро в месяц (около 150 000 рублей), плюс гонорары за научные статьи. Ответчик $\frac{1}{2}$ долю в праве собственности на дорогостоящую квартиру в центре Москвы передал матери, которая сдает эту квартиру в аренду и деньги пересылает ответчику. В то же время доктор и кандидат наук г-н Горин на протяжении 8 лет не платит алименты первому ребенку, грубо нарушая его права и законные интересы. Я прошу Суд удовлетворить искимые требования в полном объеме.

***

Иск был удовлетворен в полном объеме.

Иск Торри Энн Хансен к Российской газете об обязанности опубликовать ответ гражданина на публикацию в газете¹

Краткое содержание дела: 24 апреля 2013 года Мосгорсуд отказал американке Торри Энн Хансен в праве на ответ в Российской газете на статью «Везучий Артем Савельев обрел семью». Право на ответ гражданина в СМИ гарантировано п. 3 ст. 152 ГК РФ и ст. 46 Закона о СМИ.

Верховный Суд РФ в своем Постановлении Пленума от 15 июня 2010 г. № 16 дал разъяснения судам о том, что если в средстве массовой информации допущено неполное или одностороннее предоставление информации, которое ведет к искажению восприятия реально произошедшего события, факта или последовательности событий, и такое опубликование нарушает права, свободы или охраняемые законом интересы гражданина или организации, то указанные лица име-

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/Hansen%20speech%20Moscow%20court.htm>

ют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.

Несмотря на то, что статья в Российской газете крайне односторонне и тенденциозно описывает возвращение российского ребенка в РФ, тем самым ущемляет право Хансен на защиту доброго имени, суд отказал гражданину в праве на ответ. Данное незаконное решение суда будет обжаловано истцом в кассационном порядке.

24 апреля 2013 года детский омбудсмен Павел Астахов написал в своем микроблоге, что Московский городской суд отказал бывшей приемной матери Артема Савельева в иске к нему — Уполномоченному. О Российской газете Павел Алексеевич забыл упомянуть. На самом деле иск был заявлен только к ФГБУ Редакция Российской газеты. Павел Астахов был привлечен к участию в деле по ходатайству газеты. В исковых требованиях Торри Хансен отсутствуют какие-либо требования к детскому омбудсмену.

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Так сложились обстоятельства, что решение Савеловского районного суда по иску Торри Энн Хансен было отменено и мне выпала честь выступать в стенах Московского городского суда не с апелляционной жалобой, а с повторным обоснованием исковых требований о защите чести и достоинства истца. Надеюсь сегодня мне удастся доказать законность и обоснованность наших требований и добиться реализации права гражданина на ответ в СМИ.

Полагаю, что нужно начать с причины подачи иска к ФГБУ Редакция «Российской газеты».

Истцу стало известно, что 24 ноября 2011 года в электронной версии Российской газеты была опубликована статья «Везучий Артем Савельев обрел семью». Автор статьи — специальный корреспондент отдела «Общество» Галина Брынцева.

В спорной статье автор смело рассуждает о чувствах истца, в частности сообщается о причинах возвращения Артема Савельева в РФ («...Торри Энн Хансен разочаровалась в приемном сыне...»).

Данное высказывание автора является предвзятым, поскольку Галина Брынцева не могла знать, что чувствовала Хансен в апреле 2010 года, и какие были истинные причины возврата ребенка в РФ.

Высказанное в статье предположение автора формирует в сознании читателей необъективное понимание данного события и, как следствие, читатель начинает негативно относиться к истцу.

Сама Торри Хансен по-другому объясняет причины возврата Артема Савельева в Москву. Но этого объяснения никто из читателей Рос-

сийской газеты так и не услышал, поскольку автор при написании статьи не интересовалась у приемной матери о причинах, побудивших ее отказаться от усыновленного ребенка.

Приведенная выше необъективность автора при изложении материала не единственная в спорной статье. Автор сравнила перелет ребенка из Вашингтона в Москву с отправкой «...*что называется авиабандеролью*».

После таких высказываний читатель уверен, что ребенок перемещался из США в РФ, как вещь, как неодушевленный предмет, без заботы и надзора со стороны взрослого ответственного лица.

По мнению Торри Хансен, сравнение перелета ребенка в самолете под присмотром перевозчика с «возвратом российского сироты, что называется авиабандеролью», некорректно и необъективно, поскольку правила воздушных перевозок России и США допускают перевозку детей в возрасте от двух до двенадцати лет без сопровождения совершеннолетнего пассажира под наблюдением перевозчика.

Таким образом, Артем Савельев возвращался в Россию не как бандероль, а способом, считающимся в РФ законным и допустимым. По мнению истца, читатели газеты имеют право об этом знать, чтобы объективно оценить ситуацию.

И, наконец, автор статьи утверждает, что в США открылись предварительные слушания по делу, на которых *«истцы требуют обязать Торри Энн Хансен, по закону все еще являющуюся приемной матерью ребенка, выплачивать 27 процентов от зарплаты»*.

Да, действительно в США на момент опубликования спорной статьи было начато дело о взыскании алиментов с Торри Хансен в пользу Джастина Артема Хансен. Но на момент выхода спорной статьи в свет 24 ноября 2011 г. Торри Хансен не являлась приемной матерью ребенка, поскольку 7 июня 2011 г. Верховный Суд РФ удовлетворил ее иск и отменил усыновление в отношении Артема Савельева. Таким образом, по закону истец больше не является приемной матерью ребенка.

Констатация автора статьи о том, что Торри Хансен по закону все еще является приемной матерью ребенка, является завуалированным утверждением о том, что Хансен в ноябре 2011 г. уклонялась от возложенных на нее законом обязанностей приемной матери. Это утверждение вводит читателей газеты в заблуждение и формирует у них отрицательное мнение о Хансен.

Необъективность спорной статьи и выраженное мнение Галины Брынцевой для истца небезразличны, поскольку могут способствовать формированию у людей, чьим отношением к себе она дорожит,

отрицательного мнения о ее уважении к закону и моральных качествах, то есть, создается угроза умаления чести и достоинства Торри Хансен.

Эта статья давала нам основания обратиться с иском в суд к автору статьи и к редакции Российской газеты. По закону это надлежащие ответчики.

По ходатайству ответчиков был привлечен к участию в деле детский омбудсмен Павел Астахов. Мы полагаем, что П. Астахов не является надлежащим ответчиком по делу, поскольку в спорной статье нет указаний на него, как на источник сведений об истце, и в иске отсутствуют требования к нему. Мы считаем, что в силу ст. 40 ГПК РФ у Савеловского суда не было законных оснований к привлечению П. Астахова к участию в деле по причине того, что ФГБУ Редакция Российской газеты не доказало, что без его участия невозможно рассмотреть дело, а это обстоятельство обязательно должно быть установлено судом для привлечения соответчика.

Таким образом, П. Астахов не имеет законных оснований возражать против удовлетворения нашего иска.

Перейдем к правовым обоснованиям нашего искового требования.

Как выраженное мнение, так и сообщение о факте могут умалить честь и достоинство гражданина. Для защиты чести и достоинства статья 152 ГК РФ дает гражданину возможность требовать в суде признания порочащих сведений недостоверными, требовать от ответчика опровержения этих сведений, требовать компенсации морального вреда. Для удовлетворения этих требований суд должен установить, порочат ли сведения честь и достоинства истца и соответствуют ли эти сведения действительности.

Существует еще один способ защиты чести и достоинства — гражданин, в отношении которого СМИ опубликованы сведения, ущемляющие его права и законные интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же СМИ. В этом случае суд устанавливает, затрагивают ли сведения права и охраняемые законом интересы истца, и в случае положительного ответа на этот вопрос удовлетворяет иск.

Истец свободен в выборе способа защиты своего нарушенного права. Первоначально в иске мы просили суд обязать ответчиков опубликовать опровержение недостоверных и порочащих сведений, компенсировать моральный вред, но, поскольку в спорной статье имеет место скорее оценка поведения истца, чем сообщение о факте, по закону мы не вправе требовать опровержения сведений. Поэтому, пользуясь своим правом, мы изменили предмет иска и выбрали другой способ защиты чести и достоинства истца, а именно мы просим суд в силу ч. 3

ст. 152 ГК РФ обязать ответчиков опубликовать ответ истца на спорную статью с объяснением действительных причин отказа от усыновления, порядка и условий возвращения ребенка в РФ, правового статуса истца в отношении Артема Савельева.

Требую опубликования своего ответа в Российской газете, мы обязаны доказать суду, что спорная статья ущемляет права и законные интересы истца. Полагаю, что проанализировав выше спорную статью, мне удалось убедить суд в угрозе умаления чести и достоинства Торри Хансен и, следовательно, в ущемлении законного права истца на честь и доброе имя.

Для рассмотрения данного дела не имеет правового значения, соответствуют или не соответствуют действительности сведения, изложенные в статье. Нам достаточно доказать, что содержание мнения автора статьи затрагивают права и законные интересы истца.

Имеет ли по праву Торри Хансен обращаться с иском в суд об обязанности ответчика опубликовать свой ответ на спорную статью без предварительного обращения непосредственно в ФГБУ Редакция Российской газеты?

Как разъяснил в своем Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 Пленум ВС РФ, гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации. В соответствии со статьями 45 и 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» отказ редакции средства массовой информации в опровержении распространенных им не соответствующих действительности порочащих сведений либо в помещении ответа (комментария, реплики) лица, в отношении которого средством массовой информации распространены такие сведения, может быть обжалован в суд в течение года со дня распространения указанных сведений. Поэтому пропуск без уважительных причин названного годового срока может служить самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска о признании необоснованным отказа редакции средства массовой информации в опровержении распространенных им сведений и помещении ответа истца в том же средстве массовой информации. При этом лицо, в отношении которого были распространены такие сведения, вправе обратиться в суд с иском к редакции средства массовой информации о защите чести, достоинства и деловой репутации без ограничения срока.

Таким образом, закон дает право гражданину самому выбирать обращаться ему непосредственно в суд с иском к СМИ о защите чести

и достоинства или к СМИ, а затем, в случае отказа, в суд. Законное право гражданина на ответ не может ставиться в зависимость от того, обратился гражданин сразу в суд или непосредственно к СМИ.

Считаю необходимым обратить внимание Судебной коллегии на тот факт, что издание Российская газета является уважаемым источником массовой информации, который публикует новое законодательство РФ. Такое издание обязано следить за строгим соблюдением норм Закона о СМИ и своей деятельностью не нарушать права граждан. Нас удивляет тот факт, что законное требование гражданина на публикацию ответа в СМИ воспринято ответчиком в штыки, а доводы, которые приведены в возражениях на иск, противоречат статье 152 ГК РФ и разъяснениям ВС РФ.

Мы надеемся, что приведенные здесь объяснения будут признаны заслуживающими внимания и просим удовлетворить наши исковые требования в полном объеме.

Дело о признании сделки купли-продажи земельного участка недействительной¹

Краткое содержание дела: Ильин купил земельный участок в Новой Москве. По устному соглашению с продавцом оплату за участок он должен был произвести в два этапа: во время подписания договора уплачивалась одна часть денег, а после продажи другого дома Ильин должен был оплатить оставшуюся часть суммы. Также условием продавца было внесение в договор купли-продажи только первой суммы оплаты, а подтверждение действительной стоимости участка стороны согласовали в расписке. Сделку совершали представители продавца и покупателя по доверенности. Покупатель оплатил первую часть суммы.

Продавец участка Маркова через четыре месяца подала иск в суд к Ильину о признании данной сделки недействительной по причине неуплаты покупателем цены за участок. В иске она скрыла получение части денег от покупателя. Первоначально суд принял заочное решение и удовлетворил иск в полном объеме. Впоследствии адвокат ответчика подала заявление об отмене заочного решения. Суд заочное решение отменил и рассмотрел дело по существу заново, учитывая возражения адвоката ответчика. Интересы ответчика представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speech-restoration%20of%20rights.htm>

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый Суд!

Данное дело сопряжено с коварством и неприкрытой ложью, исходящей с одной стороны, и правовой неосведомленностью и детской наивностью — с другой. Надеюсь, что мои доводы помогут разобраться в установлении фактических обстоятельств сделки купли-продажи земельного участка, которую истец и ее представители стараются признать недействительной для получения незаконной выгоды вследствие необоснованного расторжения договора.

Полагаю, что начать необходимо с 12 сентября 2012 года. Истец Маркова получает в собственность по наследству квартиру и земельный участок. Она решает эту недвижимость продать и просит свою соседку и близкую подругу Кавенко посодействовать в поиске покупателя и в совершении сделки.

В ноябре 2012 г. Маркова выдает Кавенко нотариальную доверенность на право совершать с ее недвижимым имуществом сделки купли-продажи, в том числе наделяет подругу правом получить от покупателей не только аванс или задаток, но и все следуемые ей за проданное имущество деньги. На это я хочу обратить внимание Суда!

В течение года Марковой публиковались многочисленные объявления о продаже земельного участка, но желающих купить землю не находилось. Наконец, ровно через год, в сентябре 2013 г., нашелся покупатель Ильин Владимир Михайлович, который поручил своему сыну Павлу найти подходящий для строительства дома участок недалеко от Москвы.

Участок, принадлежащий Марковой, несмотря на свою захламленность и запущенность, вполне подходил Ильину по размеру, расположению и стоимости. Маркова, ее представитель Кавенко и Павел Ильин встретились для обсуждения возможной сделки. Маркова просила 3 900 000 рублей. У покупателя таких денег в наличии не было, но он намеревался продать свой дом в Тверской области и выручить необходимую сумму.

Стороны сделки согласились на оплату участка частями: первая часть один миллион рублей выплачивалась до государственной регистрации сделки, а вторая часть должна была быть выплачена продавцу после продажи дома Ильина в Твери. Не удивительно, что после годового ожидания покупателя земли продавец Маркова была согласна подождать. Она сама пользоваться участком не могла, желала его продать и получить долгожданные деньги.

Наконец был заключен договор купли-продажи, в котором по требованию Марковой была указана стоимость участка в один миллион

рублей. Это было главным ее условием, поскольку она, как продавец недвижимости, которая находилась в собственности менее трех лет, обязана была заплатить налог на доходы физического лица в размере 13%. Именно поэтому только Марковой было выгодно не указывать в договоре действительную цену 3 900 000 рублей. Эта цена была согласована сторонами сделки по настоянию продавца в расписке, данной Павлом Ильиным Кавенко.

Обращаю внимание Суда, что обе стороны сделки подтверждают эту сумму как цену участка!

Договор был подписан, причем от имени продавца действовала Кавенко по доверенности. По просьбе Марковой первую часть денег — один миллион рублей — Ильин перевел на банковский счет Кавенко в день подписания договора купли-продажи (800 000 рублей) и в день государственной регистрации (200 000 рублей). После государственной регистрации по договоренности сторон новое свидетельство о праве собственности Ильина на земельный участок забрала Кавенко до момента оплаты второй части денег. Ильин начал продажу своего дома в Твери, чтобы расплатиться с Марковой.

Через несколько месяцев Кавенко связалась по телефону с Павлом Ильиным и потребовала оставшиеся деньги за купленный участок. На просьбу подождать до завершения сделки по продаже дома Кавенко ответила отказом и предложила договор расторгнуть, поскольку у них есть другой покупатель. Ильин отказался.

Получив деньги за проданный дом, Ильин сразу по телефону связался с Кавенко с просьбой дать реквизиты счета Марковой для перевода денег. Кавенко предложила перечислить причитающиеся за участок деньги ей на счет, но Ильин отказался, поскольку Маркова просила перечислить Кавенко только один миллион рублей. Сын Ильина Павел в марте приезжал в Москву и пытался связаться с Марковой для передачи денег, но дверь в квартире ему никто не открыл, Кавенко на телефонные звонки не отвечала. Таким образом, Ильин был лишен возможности полностью расплатиться с продавцом и выполнить свои обязательства по договору.

Маркова, в свою очередь, 4 марта 2014 г. обратилась в суд с иском о признании сделки купли-продажи недействительной. В иске она указала, что деньги за участок от Ильина она вообще не получала, что ее обманули и она обратилась в полицию с заявлением о привлечении покупателя к уголовной ответственности.

В своем иске Маркова не только солгала суду о том, что не получила деньги за участок в размере одного миллиона рублей, но солгала и о том, что уже обратилась в полицию. На самом деле в материалах дела имеется

постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором указано, что Маркова обратилась в полицию с заявлением только 29 апреля 2014 г., то есть через два месяца после возбуждения дела в суде.

Также хочу обратить внимание Суда на тот факт, что Кавенко, вызванная на допрос дознавателем в связи с проведением проверки по заявлению Марковой, отрицала факт получения от Ильина денег за земельный участок. Материалы дела содержат платежные документы о переводе Ильиным одного миллиона на счет Кавенко. Это доказывает недобросовестность и злонамеренность Кавенко и Марковой.

Сам факт их обращения в правоохранительные органы подтверждает, что Маркова и Кавенко готовы лгать суду и правоохранительным органам для получения своекорыстной выгоды, а именно: вернуть через суд участок Марковой и не возвращать деньги Ильину.

Ильин узнал об иске только в мае 2014 года. Понимая, что Маркова намеренно не принимает от него оставшуюся сумму за участок с целью расторгнуть договор и продать участок другому покупателю, Ильин выполнил свое обязательство по оплате участка, открыв в Сбербанке банковский счет на имя Марковой и переведя на этот счет оставшиеся 2 900 000 рублей. При этом до сегодняшнего дня договор купли-продажи является действительным и не расторгнутым.

Таким образом, на сегодняшний день все свои обязательства покупателя в силу договора купли-продажи от 6 ноября 2013 г. Ильин выполнил перед Марковой в полном объеме, то есть он оплатил 3 900 000 рублей за земельный участок, как и было согласовано сторонами.

Хочу остановиться на правовых аспектах данного дела и обратить внимание Суда на следующее:

1. Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается. Так, если оценить поведение Марковой и Ильина, можно сделать вывод, что именно Ильин действовал добросовестно. Он не стал отрицать, что цена за участок была согласована в 3 900 000 рублей, не стал оспаривать расписку, пусть и с вынужденной просрочкой, но оплатил продавцу всю согласованную сумму за участок.

2. Если бы Ильин действовал недобросовестно и желал бы обмануть доверчивую Маркову, то после регистрации сделки в ноябре 2013 г. он бы участок продал третьему лицу, которое по закону было бы добросовестным приобретателем. В суде Ильин бы заявил, что по договору он должен был заплатить Марковой один миллион рублей, что и было сделано еще в 2013 году путем перевода суммы на счет Кавенко, представляющей продавца по доверенности и имеющей полномочия получить с покупателя все деньги. Расписку, данную Кавенко, Ильин бы оспари-

вал. При таких обстоятельствах Маркова вряд ли доказала бы обоснованность своего иска. Но этого всего не было! Этот факт является лучшим доказательством несправедливости и лжности обвинений истца в адрес ответчика Ильина, который в этой сделке и в суде действует добросовестно и честно.

3. Давайте проанализируем действия Марковой после сделки. Если допустить, что она говорит правду и Кавенко не отдавала ей деньги, полученные от Ильина за участок, то, не получив деньги за проданный участок, Маркова не стала бы ждать четыре месяца до обращения в суд и пять месяцев до обращения в полицию. Она бы приостановила государственную регистрацию договора и уже в декабре 2013 г. стучала бы во все двери и требовала бы расторжения сделки за неоплату. Но в действительности этого не случилось, поскольку Маркова, получив один миллион рублей, ждала, когда Ильин продаст свой дом и выплатит оставшуюся часть.

4. Если бы Маркова действовала добросовестно, то она, подав в суд иск, указала бы, что получила от покупателя не всю сумму, а только часть — один миллион рублей, просила бы договор расторгнуть вследствие нарушения одной из сторон существенных условий договора — полной оплаты товара. Требуя вернуть ей участок, она бы указала на необходимость вернуть Ильину его деньги. Но этого не было! Напротив, представители Марковой пытаются доказать Суду, что перечисленные покупателем деньги в день подписания договора купли-продажи участка являются, якобы, возвратом какого-то долга. Такая неумелая ложь при этом подтверждается только лживыми показаниями Кавенко.

5. Если бы Маркова действовала добросовестно и желала бы получить за проданный участок деньги, то она, получив от Ильина на свой счет 2 900 000 рублей, отказалась бы от иска, но ее представитель заявила, что эти деньги Марковой не нужны. Ей нужно только расторгнуть договор и вернуть себе участок.

6. Если Маркова, действительно не знала, что по обстоятельствам дела маловероятно, о получении Кавенко одного миллиона рублей от Ильина за проданный участок, то, узнав в суде об этом факте, она бы незамедлительно привлекла Кавенко к ответственности за присвоение чужих денег. Но нет, Маркова обвиняет покупателя и продолжает настаивать на недействительности абсолютно законной сделки. Ей на самом деле не нужны деньги от Ильина, она уже имеет договоренность с другим покупателем, который предложил лучшую цену. И то, что этот факт не является законным основанием для расторжения договора купли-продажи и грубо нарушаются права покупателя, Маркову не волнует.

7. Давайте разберемся, имеет ли по закону Маркова право требовать признания сделки купли-продажи земельного участка недействительной, по основанию несвоевременной оплаты покупателем Ильиным всей стоимости земли? Какая норма права дает ей такую возможность?

А такого права у Марковой нет! Данная сделка законная, поскольку отвечает всем требованиям закона и оснований признания ее недействительной не существует!

Закон, а именно ГК РФ в статье 486, дает следующие указания в случае просрочки оплаты за товар покупателем: продавец вправе потребовать оплаты товара и уплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

Таким образом, по закону истец не вправе требовать признания сделки недействительной, но вправе только требовать полной оплаты недвижимости и взыскать проценты.

В настоящее время ответчик исполнил перед истцом все свои обязательства, поэтому заявленные исковые требования не подлежат удовлетворению! Прошу в иске отказать!

***

Дело рассматривалось Щербинским районным судом г. Москвы. В удовлетворении исковых требований было отказано в полном объеме.

Дело об определении места жительства детей¹

Краткое содержание дела: супруги Коротковы решили расторгнуть брак. Имея двоих малолетних детей, супруги не могли договориться с кем из родителей останутся проживать дети после развода. Короткова Татьяна забрала детей и переехала в свою квартиру без согласования с отцом детей. Последний обратился в органы опеки и попечительства с заявлением и начал обвинять мать детей в нанесении детям психологической травмы, связанной с внезапным переездом. Органы опеки встали на сторону отца и в своем заключении выразили мнение о необходимости передачи детей отцу. Дело рассматривалось Гагаринским районным судом г. Москвы. Интересы супруги представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый Суд!

Для правильного рассмотрения настоящего спора и определения места жительства детей с одним из родителей необходимо исследовать, в чем заключается наилучший интерес детей, к кому из родителей дети

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speech-korotkova.htm>

наиболее привязаны, какая имеется возможность у каждого из родителей создать своим детям условия для воспитания и развития, какой режим работы родителей и материальное положение. При этом важным обстоятельством является возраст детей, сложившиеся отношения между детьми и родителями, доля участия каждого из родителей в воспитании детей во время совместного проживания семьи.

В настоящем деле, как и во всех подобных делах, спорящие о детях родители приводят прямо противоположенные доводы для доказательства своей правоты. Чтобы разобраться в семейном конфликте и защитить наилучшим образом интересы детей, необходимо изучить факты на основе представленных доказательств и сделать из них правильные выводы.

Что мы видим из материалов дела?

Семья Коротковых состоит из мужа Николая, жены Татьяны, двоих детей — Филиппа (четыре года) и Артема (три года). Также у детей есть старший брат от первого брака матери — Ваня и бабушка со стороны отца Ольга Петровна Короткова.

Три месяца назад 20 сентября 2013 г. Короткова Татьяна переехала с детьми в свою трехкомнатную квартиру на ул. Крылатская. Фотографии этой квартиры мы приобщили к материалам дела. Данный переезд не был для Короткова Николая неожиданностью, поскольку в Гагаринском суде уже прошло первое судебное заседание по иску его жены о расторжении брака и определении места жительства детей с матерью, где мать прямо указала, что планирует жить с детьми в своей трехкомнатной квартире; также договор найма таунхауса, где проживала семья до распада, был расторгнут по инициативе наймодателя; детские вещи и мебель были перевезены Татьяной Коротковой в Москву еще 18 сентября. Как подтверждают специалисты опеки, данная квартира хорошо обустроена и обставлена, имеет две детские комнаты и находится в пяти минутах от детского сада № 1331, который дети в настоящее время регулярно посещают. Также от этой квартиры в пятнадцати минутах езды на машине находится Перинатальный центр, где дети с рождения получают медицинское обслуживание.

В Москве дети регулярно посещают развивающие занятия в детском клубе «Олененок» и детском клубе «Солнышко», которые также расположены в шаговой доступности от настоящего места жительства детей. За три месяца раздельного проживания семьи отец детей навещал мальчиков только 7 раз. Также детей посещала бабушка со стороны отца Ольга Петровна, которая привозила внукам гостинцы и читала им вечером книжки.

В настоящее время дети активные, веселые, общительные. Так их характеризуют воспитатели детского сада № 1331. Это доказывает, что

дети вполне счастливы, проживая с мамой в Москве, не переживают из-за раздельного проживания с отцом, не испытывают никаких психологических проблем из-за расставания родителей. Поскольку дети в Москве посещают детский сад, Татьяна Короткова сейчас пользуется услугами только одной няни, которая работает вахтовым методом и еженедельно сменяется напарницей. Как и прежде, мать осуществляет лично уход за детьми и сама их растит и воспитывает, организывает их лечение. Личное участие матери в воспитании детей возможно из-за ее рабочего графика. Она работает всего пятьдесят часов в месяц в режиме удаленного домашнего офиса. Хочу также отметить, что после рождения детей Татьяна Короткова, как и любая заботливая мать, два с половиной года вообще не работала и была в отпуске по уходу за детьми. Таким образом, утверждение Николая Короткова о том, что жена настроена только на карьеру и не занимается воспитанием детей, лопается как мыльный пузырь.

Квартира, где сейчас живут дети, является собственностью Татьяны Коротковой. Эта квартира хотя и находится в ипотеке у банка, но половина стоимости уже выплачена. В случае необходимости однокомнатная квартира на ул. Крылатские холмы, принадлежащая Коротковой Татьяне, при продаже легко покроет оставшуюся половину долга перед банком за трехкомнатную квартиру.

Довод Николая Короткова о том, что квартира арестована и в ней нельзя жить его детям, опровергается выпиской из ЕГРП. Квартиру нельзя отчуждать и запрещено совершать с квартирой регистрационные действия, а пользоваться квартирой никто не запрещал. Считаю необходимым заметить, что арест этой квартиры был произведен судом по заявлению бабушки детей Ольги Петровны, которая сначала подарила деньги семье сына, а при разводе подала иск к невестке о возврате неосновательного обогащения. Этот долг, несмотря на то, что деньги были использованы на нужды семьи, добрая бабушка повесила только на свою невестку. Решение по настоящему делу не вступило в законную силу и будет обжаловано в Мосгорсуде. Если вторая инстанция подтвердит законность решения суда, Татьяна Короткова подчинится решению и вернет деньги бывшей свекрови. Арест с квартиры будет снят. Таким образом, в настоящее время дети с матерью имеют комфортное и надежное собственное жилье.

Для обоснования своих встречных требований Николай Коротков искажает истину и откровенно лжет. В беседе с органами опеки, в своем встречном иске и письменных объяснениях он утверждает, что все развивающие кружки и секции оплачивал именно он, детей также только он возил на эти занятия. Но в материалах дела нет ни одного доку-

мента, подтверждающего его слова. Напротив, все договоры с центрами развития детей и спортивными секциями были заключены матерью детей, которая оплачивала лично оказываемые детям образовательные услуги и возила сама детей на занятия. Благодаря матери дети рисуют, лепят, готовятся к школе, занимаются спортом, плавают.

Коротков предоставил только одну справку из детского сада № 666 в деревне Старая. В этот сад дети фактически ходили только два месяца. Справка об оплате услуг этого детского сада также подтверждает оплату только за два месяца, поскольку оплата за одного ребенка в месяц составляла около 2 600 2 400 рублей. Всего за два месяца и было оплачено родителями. В этой единственной справке подтверждается, что отец два месяца приводил и забирал детей из сада, интересовался у воспитателей успехами детей. Кроме этой справки, в материалах дела нет ни одного документа, который подтверждал бы личное участие отца в воспитании и развитии своих детей.

Считаю необходимым остановиться на аспекте оказания детям медицинской помощи, поскольку дети имеют некоторые проблемы со здоровьем. По запросу суда была предоставлена информация о том, что при обращении за медицинской помощью детей сопровождает в большинстве случаев мать, крайне редко при визите врача присутствовал отец детей. Специально по вопросам, связанным со здоровьем детей, к врачу он не обращался. Материалы дела подтверждают, что не отец детей, а работодатель бабушки оплачивает медицинскую страховку для детей. Таким образом, именно мать детей контролирует и организует лечение сыновей. Бабушка способствует оплате медицинских страховок. Папа в этом вопросе не участвует. Это обстоятельство является очень важным для принятия решения по делу, поскольку от него зависит не только здоровье, но и жизнь мальчиков.

Теперь разберем все доводы Николая Короткова о том, почему, по его мнению, в интересах детей после развода жить с ним в поселке Жуковка. Первый довод: дети с рождения преимущественно проживали в этой квартире. Но это ложь. Дети жили в этой квартире всего один год с 2010 по 2011 год. Уже прошло два года, как дети выехали из этой квартиры. Это подтверждается справками из Перинатального центра о графике посещения врачами детей на дому.

Второй довод: именно он (Коротков) вместе с четырьмя нянями лично участвует в воспитании детей, в то время как мать детей занимается карьерой. И этот довод опровергается материалами дела, а именно: мать детей два с половиной года находилась в декретном отпуске и сама осуществляла за ними уход, в настоящее время она работает дома не более пятидесяти часов в месяц. В это время Николай Коротков работает

на ответственной должности советника генерального директора крупной компании, занимается научной деятельностью, участвует в России и за рубежом в общественной деятельности в комитете по защите мира, участвует в благотворительных аукционах и вечерах, жертвуя с ведома и согласия своей супруги Татьяны совместно нажитые деньги на лечение и реабилитацию больных детей, много времени уделяет спасению своей души, посещая женский монастырь в селе Колюпаново и материально помогая воспитанницам детского приюта при монастыре. Также Николай Коротков является ценителем и давним членом клуба любителей французского вина кантона Бордо. Из всех вышеперечисленных организаций и учреждений Коротков предоставил прекрасные характеристики на себя, но эти виды деятельности никак не характеризуют Николая Короткова как отца двух малолетних детей. Из этих материалов дела не понятно, что делал лично он для воспитания и развития своих детей Филиппа и Артема.

Третий довод: Татьяна Короткова злоупотребляет своими правами и вводит суд в заблуждение, обвиняя его (Короткова) в алкогольной зависимости, агрессивном поведении и проблемах со здоровьем. Мы имеем неопровержимые доказательства того, что все доводы Коротковой являются правдой. Свидетели подтвердили эти факты. Все мы знаем, что часто человек на людях контролирует себя и выглядит воспитанным и миролюбивым истинным христианином, а дома агрессивен, как сапожник, и жесток с членами семьи. На людях все стараются быть лучше, а дома можно расслабиться и быть самим собой. Это и есть насилие в семье. И очень многие женщины страдают от такого насилия. Такому насилию долгое время подвергалась Татьяна Короткова. Особенно агрессивность мужа в этой семье проявлялась в состоянии алкогольного опьянения. Можно пить дорогой алкоголь и не знать меры. Как часто люди, имеющие алкогольную зависимость, не признаются в этом ни себе, ни своим близким. Если бы Николай Коротков послушал свою жену и свою мать и начал бы лечить зависимость, возможно, этот брак был бы сохранен.

Обращу внимание Суда на заключениях органов опеки, данных по делу.

Такое впечатление, что обе опеки совсем не изучали материалы дела, а только прислушивались к тому, что им поведал тяжущийся отец детей, а именно:

– опеки искажают доводы Татьяны Коротковой, изложенные в иске и указывают, что, по мнению матери, дети должны проживать с ней, так как они привязаны друг к другу и она их любит. На самом деле в иске указано, что дети привязаны к матери и она с рождения осуществляет уход за ними;

– опека в своем заключении умышленно или по халатности указывает, что выезды врачей на дом осуществлялись с 2010 года по адресу: поселок Жуковка, с 2011 года по адресу: деревня Старая. В заключении забыли указать, что врачи также выезжали в течение одиннадцати месяцев в Москву на ул. Крылатская и в течение восьми месяцев в поселок Нахабино. Полагаю, это было сделано для того, чтобы доказать себе и суду, что дети преимущественно жили в поселке Жуковка;

– опека в заключении ссылается только на одну справку из детского сада № 666, подтверждающую участие папы детей в их воспитании, и полностью игнорирует 12 документов, подтверждающих факты постоянного личного участия матери детей в воспитании мальчиков, а именно: договоры с развивающими центрами, благодарственные письма, докладную записку из перинатального центра;

– составляя свое заключение о передаче двух малолетних детей отцу, Одинцовская опека даже не пригласила мать детей к себе для выяснения важных обстоятельств дела, ни разу не участвовала в судебных заседаниях и просила суд рассматривать дело без их участия;

– опека не видела детей вместе с родителями, не задала вопрос отцу детей, как при таком загруженном графике работы, при занятии наукой, общественной и благотворительной деятельностью он лично осуществляет воспитание, развитие, лечение детей. Отца не спросили, что он лично делает для детей ежедневно. Не потребовали достоверных доказательств того, что мать не выполняет свой родительский долг перед детьми и их лично не воспитывает;

– в заключении отсутствуют выводы, к кому из родителей дети больше привязаны, кто из родителей осуществляет уход за детьми и на основании каких документов были сделаны данные выводы;

– опека в своем заключении передает двух малолетних детей, уже три месяца проживающих в Москве с мамой отдельно от отца, посещающих детский сад в Москве и группы дополнительного развития, отцу для проживания в квартире в поселке Жуковка. При этом данная квартира даже не принадлежит отцу детей на праве собственности;

– в данном заключении опека решила вопросы, которые должна решать только комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, а именно: специалист опеки утверждает, что 20 сентября 2013 г. Короткова без согласования с отцом детей забрала детей и увезла в неизвестном направлении, в результате этого детям была нанесена психологическая травма, которая представляет серьезную угрозу их здоровью. При подготовке данного заключения сотрудник опеки взял за решение вопросов, которые выходят за рамки его компетенции.

В заключении сделан вывод о наличии психологической травмы у детей. Однако диагностика посттравматического стрессового расстройства ребенка должна выполняться специалистами в области детской психиатрии, а не специалистами опеки без медицинского образования. Это является не только очевидным превышением пределов компетенции органов опеки, но и недопустимым с точки зрения профессиональной этики.

Все вышеперечисленные факты указывают на факт игнорирования специалистами опеки своих должностных обязанностей и на отсутствие в действиях опеки стремления защитить интересы детей.

Такое заключение опеки не может быть признано объективным и обоснованным и положено в обоснования судебного решения.

Также добавлю, что все материалы дела свидетельствуют о том, что в наилучших интересах детей после расторжения брака проживать с мамой в Москве в квартире на ул. Крылатская, где они уже три месяца постоянно проживают, поскольку именно мать с рождения растит детей и лично обеспечивает им надлежащий уход и лечение. Отец детей пояснял неоднократно, что он очень любит детей, читает с ними книги, играет, обеспечивает семью материально. Все это он сможет делать и после определения места жительства детей с мамой в Москве. Так будет лучше для детей.

Прошу удовлетворить искивые требования в полном объеме.

* * *

Дети были оставлены проживать с матерью.

Дело об исключении личного имущества из общего имущества супругов¹

Краткое содержание дела: гражданин Турции Каш обратился с иском в суд о признании недействительным договора дарения квартиры, разделе общего имущества супругов. Ответчиками по иску выступали супруга Каш — Волкова З.А. и ее мать — Волкова А.А., которые возражали против иска мотивируя это тем, что Волкова А.А. приобрела квартиру на имя своей дочери — Волковой З.А. на собственные средства, поэтому спорная квартира не являлась общим имуществом супругов. Дело рассматривал Пресненский районный суд г. Москвы. Интересы Волковых представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speach-razdel-2.htm>

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый Суд!

Истец в обоснование исковых требований ссылается на то, что у него с ответчиком в силу ст. 33 СК РФ законный режим имущества супругов — «совместная собственность», что в период брака в Москве была приобретена двухкомнатная квартира на имя ответчика. Данная квартира была впоследствии подарена ответчиком своей матери без согласия истца. Истец утверждает, что этим нарушено его право на долю в совместном супружеском имуществе, и просит суд отменить дарение и разделить спорную квартиру между ним и ответчиком по закону, то есть поровну.

Считаю, что исковые требования истца не подлежат удовлетворению, поскольку они не основаны на законе, а доводы иска противоречат фактическим обстоятельствам дела.

Материалы дела доказывают, что истец и ответчик вступили в законный брак 21 декабря 1996 года. Брак был зарегистрирован в Турецкой Республике. Семья постоянно проживала в Турции, где у сторон спора родилось двое детей.

Супруги совместно проживали в Турции. Они приняли законный режим раздельной собственности супругов, поскольку на момент регистрации брака в Турецкой Республике законным режимом имущества супругов являлся режим «раздельной собственности». Этот факт подтверждается документом, выданным турецким судом по семейным делам, который в настоящее время рассматривает дело о расторжении брака супругов.

Таким образом, по турецким законам при приобретении имущества супругами в период брака собственником имущества становился тот супруг, на чье имя имущество приобреталось.

Какое же имущество супруги приобрели за период брака?

В материалах дела имеется документ, выданный турецким судом о том, что истец имел в собственности в Турции шесть квартир, которые он продал третьим лицам. И приобретение квартир в собственность истца, и отчуждение этих квартир происходило в период нахождения в браке.

Поскольку законный режим имущества у супругов — «режим раздельной собственности», истец благополучно распорядился шестью квартирами без согласия своей законной жены. Впоследствии и денежные средства от продажи этих квартир были пристроены истцом по собственному разумению и желанию без оглядки на супругу.

Турецкий суд, рассматривающий в настоящее время дело о разводе супругов, учитывает, что супруги имеют законный режим имущества

супругов — «раздельная собственность супругов». Шесть квартир, купленных на имя истца и проданных им третьим лицам, суд считает личным имуществом мужа. У жены в Турции нет никакого имущества, поэтому и вопросов у суда тоже нет.

Истец в суде Турции не заявляет, что у него с женой по российскому закону (ст. 33 СК РФ) должна быть общая супружеская собственность в отношении имущества, нажитого в браке, и он в этом случае должен своей жене передать половину денег от продажи шести квартир. Нет, в Турции у истца раздельный режим имущества супругов. Доводы о режиме совместной собственности супругов приводит только в Москве по настоящему иску.

Полагаю, что адвокат истца уверил его в том, что российский суд не имеет юрисдикцию для того, чтобы поделить деньги от продажи шести квартир в Турции между супругами при рассмотрении иска о разделе совместного супружеского имущества. «Нет, в Москве мы будем делить так называемое совместное имущество, а в Турции у вас раздельный режим имущества и ваша жена ничего не получит», — так говорил адвокат истцу.

Но у одной семьи может быть только один законный режим имущества супругов!

Какой бы законный режим имущества супругов не признал бы суд у семьи — раздельная или общая собственность, имущество будет в любом случае поделено справедливо. А именно: если у супругов раздельная собственность, как утверждает истец в суде Турции, то он не имеет права на квартиру в Москве. А если у супругов совместная собственность, как утверждает истец в российском суде, то истец должен супруге половину стоимости шести проданных в Турции квартир.

Но проблема заключается в том, что суд Турции не имеет юрисдикцию на квартиру в Москве, а российский суд не вправе решать вопрос о недвижимом имуществе, находящемся в Турции. И в такой ситуации истец благополучно оставит свою жену без имущества в Турции и сможет получить долю в квартире жены в Москве.

Чтобы защитить граждан, вступивших в брак с иностранцами, от таких правовых ситуаций, российский законодатель в Семейном кодексе предусмотрел ст. 161, которая определяет, законодательство какого государства следует применять к имущественным правам и обязанностям супругов — граждан разных государств. Законодатель четко указал, что применяемое законодательство к имущественным и личным неимущественным отношениям супругов определяется законодательством государства, на территории которого они имеют или имели по-

следнее место жительства. Это еще раз доказывает, что супруги могут иметь только один законный режим владения имуществом.

Супруги заключили брак и совместно проживали в Турции, поэтому законный режим имущества у них раздельный. Супруги приобрели за период брака много разной недвижимости, и эта недвижимость была при приобретении уже супругами поделена. Собственником имущества считался тот супруг, на чье имя имущество было записано. Тот факт, что истец в Турции ссылается на раздельное имущество супругов, а в России пытается доказать, что имущество у супругов совместное, ставит ответчика в крайне неблагоприятное положение, в то время как истец получает двойную выгоду.

Почему я утверждаю, что истец получит двойную выгоду? А вот почему: спорная московская квартира была куплена на деньги, подаренные жене ее матерью. Супружеские средства не участвовали в приобретении этой квартиры.

На этом я хочу подробнее остановиться. Спорная квартира приобреталась в 1998 году. В это время супруги жили в Турции по законам Турции. Супруга не собиралась возвращаться в Россию, а тем более ее супруг не планировал жить в Москве. Когда мать ответчика приняла решение подарить дочери квартиру, она учитывала раздельный режим имущества супругов, по которому жила ее дочь. Именно поэтому она решила оформлять квартиру сразу в собственность дочери. Материалы дела доказывают, что мать ответчика положила на свой банковский счет 185850 долларов США, которые впоследствии были зачислены продавцу спорной квартиры. Эта сумма полностью соответствует указанной в договоре стоимости квартиры.

Только через 14 лет во время судебного заседания в Пресненском суде вдруг выяснилось, что истец в период оплаты квартиры переводил на свой счет в Москве денежные суммы, якобы на покупку этой квартиры. Также есть информация, что истец в банке оформлял доверенности на жену и ее маму для возможности проводить операции по своему счету.

Обращаю внимание суда на то, что квартира стоила 185850 долларов США, а со счета истца было снято только 165952 доллара США. Разница почти 20 000 долларов США. Если за квартиру действительно платил истец, то почему он прислал на 20 000 долларов меньше, чем стоила квартира? Кто вообще снимал эти деньги и для каких целей? Почему истец не перевел деньги за квартиру банковским платежом, как это сделала мать ответчика?

На эти вопросы истец не дал нам ни одного вразумительного или правдивого ответа. В деле отсутствуют доказательства того, мать ответ-

чика снимала деньги со счета истца. Напротив, выписка по счету доказывает, что 165 952 доллара со своего счета снял сам истец. В материалах дела нет доказательств, что деньги, снятые со счета истца, были уплачены за спорную квартиру. Но то, что свои наличные деньги за квартиру перевела мать ответчика, подтверждено платежным поручением и выписками с ее счета.

При таких обстоятельствах оплаты спорной квартиры, учитывая, что супруги имеют законный раздельный режим имущества супругов и квартира записана на имя супруги, считаю, что иск не может быть удовлетворен, поскольку ответчик была вправе распоряжаться своей личной собственностью по своему усмотрению без согласия супруга и истец не имеет никаких прав на имущество своей жены.

Прошу Суд в иске отказать!

***

В иске было отказано.

Дело о разделе имущества супругов¹

Краткое содержание дела: Попова О.С. обратилась с иском в суд о разделе совместно нажитого имущества — двух квартир и двух гаражей. Попов В.С. возражал против раздела, предложенного истцом, указывая, что на совместные деньги супругов семья могла приобрести только часть в одной квартире. Оплату второй квартиры он произвел за счет личных добрых накоплений.

Дело рассматривал мировой судья судебного участка № 172. Попова В.С. представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый суд!

Требование, с которыми истца Попова обратилась в суд, сформулированы предельно кратко и недвусмысленно: она просит при разделе совместного имущества супругов признать за ней право на имущество в размере более $\frac{1}{2}$ доли и присудить ей двухкомнатную квартиру общей площадью 64,5 кв. м в Москве и машиноместо в гараже. Изложив свои притязания в нескольких фразах искового заявления, истца обосновала требования тем, что спорная квартира была приобретена в период брака с ответчиком, а значит, является совместной собственностью, подлежащей разделу.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speech-razdel.htm>

Из содержания ст. 34 СК РФ отнюдь не вытекает, как это, по-видимому, считала Попова, что все имущество, появившееся в семье во время брака, предполагается принадлежащим обоим супругам, а тот, кто с этим не согласен, должен представить доказательства в опровержение этой законной презумпции. Дело обстоит несколько иначе: общим считается лишь имущество, нажитое обоими супругами, а потому в случае спора истец обязан доказать правовую природу такого имущества, как объекта общей совместной собственности, следовательно, в споре о разделе имущества, приобретенного супругами во время брака, обязанность доказывания в силу ст. 56 ГПК РФ лежит на обеих сторонах: истец, заявляющий требование на выделении своей доли, должен подтвердить его принадлежность обоим супругам, а ответчик, оспаривающий такое утверждение, обязан доказать источник его происхождения, лежащий за пределами семейного бюджета.

Как же истица обосновывает свои притязания на спорную недвижимость?

В своих письменных возражениях от 19.01.2009 Попова пояснила, что часть средств на покупку спорных квартир была взята в долг у родителей и друзей, но точную сумму не обозначила. В судебном заседании 20.01.2009 истица устно заявила, что на покупку квартир было взято в долг у друзей и коллег где-то 30% от стоимости квартир. 18.03.2009 в своем ходатайстве о вызове свидетелей истица изменила свою позицию, заявив, что часть денежных средств на покупку квартир была подарена ей отцом, об одолженных средствах уже не упоминается.

Допустимых доказательств (ст. 60 ГПК РФ) получения денег в долг или в дар на покупку спорных квартир истицей представлено не было.

Показания свидетелей, вызванных истицей, о том, что ответчик до регистрации брака с истицей все свои деньги растрачивал на рестораны, клубы, путешествия, а после регистрации брака стал экономить и копить на совместно нажитые квартиры, не могут быть признаны доказательствами этих фактов. Эти свидетели проживают в другом населенном пункте, о покупке спорных квартир и личной жизни ответчика знают со слов истицы. Поэтому не могут с достоверностью свидетельствовать об указанных обстоятельствах.

Показание матери истицы о передаче в дар дочери 10 000 долларов США на покупку спорной недвижимости также не могут быть признаны допустимым доказательством передачи денег. Поскольку в судебной практике выработано правило, согласно которому передача денег, если этот вопрос является спорным, может подтверждаться свидетельскими показаниями в том случае, если им корреспондируются операции по получению и оплате денег, совершенные в банке.

Истица не знает, сколько в действительности было уплачено за квартиры, она заявила, что стоимость квартир составляет 2 218 753 рублей, а в материалах дела имеются письменные доказательства уплаченных за квартиры сумм в размере 3 492 629 рублей.

Истица ошиблась в цене недвижимости на какие-то один миллион двести семьдесят три тысячи рублей (около 42 000 долларов США)...

Истица заявила, что семья почти не имела расходов в первый год брака до покупки квартир и привела нереальные расчеты семейных трат. Цель у истицы одна — максимально снизить расходы семьи и увеличить размер совместно нажитого дохода.

В материалах дела имеются доказательства того, что семья Поповых в первый год брака до момента оплаты спорных квартир имела общий доход в размере 1 763 200 рублей (том 2 л. д. 37–39). Межрайонная ИФНС России № 47 по г. Москве полностью подтвердила сведения о доходах моего доверителя за 2002–2003 года, указанные в справках 2-НДФЛ, выданных работодателем ответчика. По курсу ЦБ на март 2003 г. (31,56 рублей за 1 доллар США) эта сумма равнялась 55 868 долларов США, а квартиры стоили 113 940 долларов США (48 395 долларов США — однокомнатная квартира, 62 527 долларов — двухкомнатная квартира).

Материалами дела подтверждено, что истец и ответчик не имели достаточных общих средств на покупку двух квартир.

Мой доверитель, несмотря на то, что в действительности до покупки квартир семьей было скоплено не более 20 000 долларов США, добровольно признал, что с момента заключения брака и до момента покупки спорных квартир семья Поповых скопила 24 000 долларов США, что составляет $\frac{1}{2}$ от стоимости однокомнатной квартиры. Оставшиеся общие средства в размере 31 868 долларов США семья потратила за 16 месяцев на покупку товаров и оплату услуг, что составляло около 1991 долларов США (около 63 000 рублей) в месяц, и из которых 400 долларов тратилось на аренду квартиры.

Ответчик Попов намеренно приобрел не одну трехкомнатную квартиру, что гораздо дешевле, а две отдельные квартиры. Поскольку только на часть однокомнатной квартиры были истрачены общие деньги семьи, на покупку двухкомнатной квартиры ответчик потратил свои личные сбережения, и истица об этом знала.

В материалах дела имеется достоверное подтверждение расходов семьи — чеки, на сумму 435 777 рублей (около 13 800 долларов США). В своих письменных объяснениях истица подтвердила некоторые расходы семьи на сумму 6600 долларов, на которые чеки не сохранились. Учитывая это, сумма подтвержденных расходов составляет 20 407 долларов США (13 800 + 6600).

Если из дохода семьи за 16 месяцев 55 868 долларов вычесть подтвержденные расходы 20 407 долларов, получится 35 461 доллар «накопленных средств», что на 12 934 доллара меньше, чем стоимость однокомнатной квартиры.

Даже, если учитывать показания истицы Поповой относительно мирных расходов семьи, то «накопленной суммы» не хватает на полную оплату однокомнатной квартиры, поскольку 35 461 доллар составляет $\frac{73}{100}$ от стоимости квартиры.

Цифры и статистика — вещь упрямая. Федеральная служба государственной статистики РФ посчитала удельный вес расходов в денежных доходах населения и подтвердила, что 73,2% доходов тратится населением РФ на покупку товаров и оплату услуг и 8,6% тратится на обязательные платежи и разнообразные взносы. Это означает, что доказанными расходами можно признать 81,8% от всех доходов. Получается, что 1 442 297 рублей (81,8% от полученного за указанный период дохода) — это подтвержденные Росгосстатом расходы семьи Поповых.

А в своих объяснениях ответчик указывает, что, по его подсчетам, было истрачено только 1 005 744 рублей. Это еще раз доказывает обоснованность и правдивость расчета расходов семьи, представленного моим доверителем.

Я полагаю доказанным тот факт, что к моменту приобретения спорных квартир у семьи не могло быть скоплено более 24 000 долларов США. Но за спорные квартиры было уплачено всего 113 940 долларов США. Разницу в размере 89 940 долларов США мой доверитель заплатил из своих личных сбережений, накопленных за период его трудовой деятельности.

До брака трудовой стаж ответчика составлял 7 лет в иностранной компании. Ответчик с достоверностью доказал, что на протяжении трех лет до брака он получил около 3 589 137 рублей и сумел накопить примерно 2 869 140 рублей (около 95 000 долларов США), которые предназначались на покупку жилья. Также в материалах дела имеется доказательство того, что на начало 1999 года у ответчика уже была скоплена сумма в размере 79 267,54 долларов США, хранящаяся в банке Пруденшл Секьюритиз, Нью Джерси, США. Общая сумма накоплений ответчика до заключения брака составляла около 170 000 долларов США.

Считаю, что доводы истицы о том, что нет доказательств, что спорные квартиры были приобретены на личные средства ответчика, поскольку не представлены доказательства снятия этих средств со счета в банке, являются необоснованными и противоречат материалам дела.

Гражданский кодекс РФ в ст. 209 установил правило, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим

имуществом. Доказано, что размер заработной платы ответчика позволял ему откладывать деньги на покупку недвижимости. Он, как собственник, мог положить свои сбережения в банк, мог хранить их дома или отдать на хранение родителям.

Сумма, накопленная семьей за первый год брака в размере 24 000 долларов США, была истрачена на покупку однокомнатной квартиры № 53. Указанная сумма составляла часть стоимости квартиры, оставшуюся часть ответчик заплатил из личных средств.

При разделе совместного имущества истица по закону может претендовать только на $\frac{1}{4}$ долю в праве собственности на квартиру № 53. Квартиру № 54, состоящую из двух комнат, ответчик купил на свои личные средства, поэтому требование истицы признать за ней право собственности на эту квартиру незаконны и необоснованны.

Я прошу суд отказать истице в удовлетворении исковых требований в части присуждения ей квартиры № 54 и разделить совместное имущество супругов, присудив истице $\frac{1}{4}$ долю в праве собственности на квартиру № 53, находящейся по адресу: Москва, ул. XXX и имущественное право на приобретение в собственности одного машиноместа, и присудить ответчику квартиру № 54 и $\frac{3}{4}$ доли в праве собственности на квартиру № 53, находящихся по адресу: Москва, ул. XXX и имущественное право на приобретение в собственности одного машиноместа.

* * *

Суд отказал истице в удовлетворении иска и разделил двухкомнатную квартиру № 54 между супругами в долях: истице — $\frac{1}{40}$ и ответчику — $\frac{1}{60}$, в разделе однокомнатной квартиры № 53 суд отказал. Впоследствии стороны достигли мирового соглашения по разделу квартир, которое устроило обе стороны.

Дело об определении места жительства детей и о выезде детей с матерью на постоянное проживание за границу без согласия отца¹

Краткое содержание дела: Оленева И.П. обратилась с иском в суд об определении места жительства детей с ней и разрешении выехать с детьми в Великобританию на постоянное жительство без разрешения отца детей. Отец детей — Григорьев Н.И., возражая против иска, предъявил встречный иск об определении порядка его общения с детьми.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speech-child%20UK.htm>

Дело рассматривал Королевский городской суд Московской области. Интересы Оленевой представляла адвокат Мария Ярмуш (фамилии сторон изменены).

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемый Суд!

Разрешая спор родителей о порядке осуществления родительских прав, суд, прежде всего, учитывает интересы детей, привязанность детей к каждому из родителей и заслушивает мнение детей по вопросам, затрагивающим их интересы.

Я считаю своим долгом обосновать наши исковые требования об определении места жительства несовершеннолетних Ани и Андрея Григорьевых с матерью и доказать необходимость разрешения выезда моей доверительницы с детьми в Великобританию без разрешения ответчика.

Истица и ответчик никогда не состояли в законном браке и вместе прожили только пять лет. С 2005 года они проживают отдельно. Семейные отношения были прерваны истицей по причине физического насилия в семье со стороны ответчика. Дети живут с матерью, которая надлежащим образом исполняет свои родительские обязанности. Ответчик все это время лишь изредка общался с детьми на отдыхе и в выходные дни. После переезда в город Королев отец редко навещал детей, не принимал участие в их воспитании, не заботился об их развитии. Свидетель — Куркина, которая уже полтора года работает у истицы няней, пояснила, что ни разу не видела отца детей. Няня слышала, как иногда дети общаются с отцом по телефону. Также няня заявила, что не получала от матери детей указания препятствовать отцу видиться или общаться с детьми.

Объяснения ответчика, что он редко видится с детьми из-за препятствий со стороны матери детей не подтверждены материалами дела и являются откровенной ложью. Все, что касается образования и воспитания детей, организации их отдыха и досуга решается только матерью, поскольку ответчик самоустранился от воспитания своих детей.

Моя доверительница в апреле этого года вступила в брак с гражданином Великобритании Диксоном и намерена жить с мужем в Великобритании вместе с детьми. Дети привязались к супругу своей матери, с радостью изучают английский язык и хотят поехать жить в Великобританию, где у них будут хорошие жилищные условия (у каждого ребенка будет своя комната), возможность учиться в частной школе, заниматься в различных развивающих кружках и спортом. В материалах дела есть доказательства наличия у супруга моей доверительницы в собственности комфортабельного дома. Дети уже зачислены в школу. Моя доверительница имеет приглашение на работу с заработной

платой 50 000 фунтов стерлингов (около 1 850 000 рублей) в год. Супруг моей доверительницы также представил сведения о своем доходе и берет на себя обязанность по материальному обеспечению жены и ее детей в Великобритании. В материалах дела имеется отчет работника социальной службы и письмо из частного колледжа, подтверждающие эти обстоятельства. Свидетель Куркина (няня) подтвердила, что дети привязались к супругу своей матери, который уделяет детям много внимания и участвует в их жизни, в том числе Диксон присутствовал в школе на выступлении Андрея Григорьева в концерте, они всей семьей отдыхают на море, ходят в походы, посещают театры. Сами дети в судебном заседании подтвердили, что хотят поехать с матерью в Великобританию. Дети уже хорошо изучили английский язык и смогут продолжить углубленное изучение иностранного языка в англоязычной среде. Знание иностранного языка пригодится детям в будущем и в России. Но, по мнению отца детей, изучение иностранного языка вызовет негативные последствия.

Ответчик Григорьев в судебном заседании заявил, что возражает против переезда детей в Великобританию. Он отказался дать нотариальное разрешение на оформление детям визы на въезд в Великобританию. Отец детей не возражает, чтобы дети остались проживать, как и прежде с матерью, но требует от матери детей, чтобы она не ставила свои собственные интересы (создание семьи и счастливую личную жизнь) выше интересов детей. Запрещая детям поехать с матерью, ответчик не просит определить место жительства детей с ним, а только просит обеспечить ему право общаться с детьми на территории Российской Федерации. При этом ответчик требует установить график общения с детьми, который он не в состоянии сам исполнить. Ответчик требует предоставить ему детей каждую субботу с 10 утра до 20 вечера, при этом он не учитывает, что физически может прибыть в город Королев из Мурманска самолетом только к обеду (при назначении времени судебного заседания ответчик ходатайствовал о назначении рассмотрения дела после обеда). Получается, ответчик заявил график общения с детьми физически неисполнимый, но дающий возможность запретить детям выехать с матерью по новому месту жительства.

Ответчик предлагал заключить мировое соглашение, в котором он готов дать разрешение на выезд детей взамен отказа истицы от законного размера алиментов. Если бы мы согласились на 12 000 рублей в месяц, то ответчика уже не волновал бы ни языковой барьер, ни бытовые условия детей в Англии. Мы посчитали, что такое мировое соглашение грубо нарушит права и интересы несовершеннолетних детей и решили отстаивать свои иски в суде.

Ответчик заявил, что опасается разлучения с детьми, но за два года он только четыре раза навещил детей в Королеве. Я хочу обратить внимание суда на то, что ответчик в обоснование своих требований и возражений указал, что мать детей препятствует общаться детям не только с ним, но и со своими родителями. В судебном заседании свидетель Толмачева, которая проживает на одном этаже с родителями моей доверительницы, показала, что дети часто навещают своих бабушку и дедушку, а вот папу детей она видела лишь однажды в прошлом году. Ни бабушка, ни дедушка детей не обращались в органы опеки с просьбой устранить препятствия в общении с детьми. Мать никогда не запрещала детям общаться с отцом и другими родственниками и обязуется делать это и в дальнейшем.

Моя доверительница имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства. Это право гарантировано каждому Конституцией РФ. Поэтому, если бы речь в споре шла об изменении места жительства моей доверительницы в пределах РФ, то законных оснований препятствовать переезду Оленевой с детьми в другой город у ответчика бы не было. Но поскольку для оформления визы для выезда детей за границу требуется согласие отца, то ответчик реализует свое право на воспитание детей, но при этом нарушает права других лиц, а именно матери и детей. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. Ответчик преследует свои эгоистичные цели и не думает об интересе своих детей. Мы искренне считаем, что в интересах детей проживать, как и прежде, с матерью и выехать с ней в Великобританию по месту жительства ее супруга.

Также мы полагаем, что необходимо взыскать с ответчика алименты на детей в размере, установленном СК РФ — $\frac{1}{3}$ доли дохода на двух детей.

Я прошу суд определить место жительства детей с матерью, разрешить Оленевой выезд из РФ в Великобританию вместе с детьми без согласия отца детей и взыскать с ответчика на детей алименты. Я прошу частично удовлетворить встречные иски требования и предоставить право отцу детей ежегодно проводить с детьми отпуск в количестве 20 дней. В определении графика общения отца с детьми по субботам на территории города Королев прошу отказать, поскольку при постоянном проживании детей в Великобритании такой график общения будет невозможно исполнить. При этом мать детей согласна предоставлять отцу возможность общаться с детьми по месту их жительства в Великобритании.

* * *

Иск Оленевой был удовлетворен в полном объеме.

Дело о взыскании стоимости заказанного товара¹

Краткое содержание дела: Тайваньская фирма WELD произвела для российской компании АСД по ее заказу клей с фирменным товарным знаком последней. По договору клей должен отгружаться из порта отправки покупателем. Однако российская компания отказалась принять поставленный товар. Для защиты своих прав тайваньская фирма вынуждена была обратиться с иском в МКАС при ТПП РФ. Интересы тайваньской фирмы представляла адвокат Мария Ярмуш.

Речь адвоката М.М. Ярмуш:

Уважаемые арбитры!

В сентябре 2002 года началось деловое сотрудничество между истцом и ответчиком.

Это партнерство крепло и развивалось, принося и истцу и ответчику хорошую прибыль.

Осенью 2005 года, ответчик, окрыленный успешной продажей своих товаров на российском рынке, заказал у истца большие партии клея различного наименования.

Но зимой 2006 г. ответчик нарушил договорные обязательства, а именно: поставка Weld 74 на сумму 54 720 долларов США не была принята в оговоренные сроки — 25 января 2006 года.

К тому моменту на складе моих доверителей уже находился клей артикля 403-004 и 403-005, заказанный и не принятый ответчиком, на общую сумму 18 602 доллара США.

В своих письмах ответчик обещал моим доверителям принять товар в разумный срок, который неоднократно менялся и был назначен на конец мая 2006 года.

Но 19 мая 2006 г. в своем письме ответчик заявил, что прекращает всякие деловые отношения с моими доверителями, оставив моих доверителей не только в крайней растерянности, но и с убытками на сумму более 75 000 долларов США.

Как же возник гражданский спор, ставший сейчас предметом арбитражного разбирательства? Почему партнеры, лишь недавно связанные крепкими деловыми отношениями, оказались на противоположенных полюсах и именуются сейчас на сухом протокольном языке истцом и ответчиком?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проследить действия ответчика, нарушившего договор и принцип добросовестности.

---

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawandtax.ru/speach-MKAS.htm>

Предпринимательский риск неизбежен по определению предпринимательской деятельности.

Ответчик, надеясь на предыдущие результаты продаж и позитивный прогноз своих менеджеров, заказал слишком много товара, который скопился на его складе.

Все мы помним, какие сюрпризы преподнесла зима в прошлом году — сильнейшие морозы, снегопады, отключение электроэнергии. Погода нанесла большой урон нашей экономике. В своих письмах ответчик искренне сетует на снижение уровня продаж в результате холодной зимы, а еще и конкуренты отвоевывают место под солнцем... (предпринимательский риск)!

Очевидно, что ответчик, имея на своем складе переизбыток клея, искал любые причины для того, чтобы не оплачивать заказанный у истца товар.

Классический пример — покупатель не хочет оплачивать товар и предъявляет продавцу претензии о качестве. В своем письме от 27 февраля 2006 г. ответчик жалуется на проблему с упаковкой и качеством клея Авиора, не подтверждая претензии к качеству товара в соответствии с контрактом.

Следующим шагом является письмо от 13 апреля 2006 г., в котором ответчик необоснованно и бездоказательно обвинил моих доверителей в интеллектуальном пиратстве. Принятие заказанного товара было поставлено в зависимость от решения вопроса с торговыми марками.

По моему глубокому убеждению, перекладывать свои убытки, возникшие в результате предпринимательского риска, на других крайне не порядочно!

Мои доверители не имеют никакого отношения к регистрации торговых марок ответчика на территории Китая.

Весь товар, заказанный ответчиком, производился по Агентскому договору об использовании бренда.

Все эти обвинения казались моим доверителям чудовищной несправедливостью или недоразумением и ошибкой.

5 июля 2006 года истцом была предпринята последняя попытка урегулирования возникшей ситуации без обращения в суд. Ответчику было предложено принять товар до 31 августа 2006 года. О своем решении ответчик должен был уведомить истца до 15 июля 2006 года.

Поскольку, ответ на это предложение не был получен, мои доверители обратились с иском в МКАС за защитой своих нарушенных прав.

Узнав, что дело принято на рассмотрение МКАС ответчик предложил добровольно принять поставку Weld 74 на сумму 54 720 долларов США.

Оставшийся клей артикля 403-004 и 403-005 на общую сумму 18 602 доллара США ответчик не принял, надеясь выиграть иск, предъявленный к моим доверителям в МКАС о взыскании стоимости бракованного товара.

Теперь, когда фактические обстоятельства дела выяснены с исчерпывающей полнотой, позвольте перейти к правовой оценке возникшей ситуации.

Мои доверители просят взыскать с ответчика в свою пользу стоимость заказанного товара, проценты за пользование чужими денежными средствами, сумму арбитражного сбора и сумму на оплату юридического представителя.

В соответствии с Венской конвенцией ст. 61, 62, если покупатель не исполняет какое-либо из своих обязательств по договору, продавец может потребовать от покупателя уплаты цены, принятия товара. В соответствии со ст. 78, если сторона допустила просрочку в уплате цены, другая сторона имеет право на проценты с просроченной суммы.

Суммируя все высказанные соображения, я полагаю, что исковые требования моих доверителей нашли свое подтверждение и должны быть удовлетворены судом.

* * *

Российская компания во время рассмотрения дела в МКАС добровольно приняла и оплатила заказанный товар.

Судебные речи современных прокуроров и адвокатов Красноярского края¹

Дело Артемьева² (Об убийстве и поджоге)

Обвинительная речь:

Уважаемые присяжные заседатели!

Окончилось судебное следствие, и для вас наступает ответственный момент оценить представленные доказательства и ответить на поставленные вопросы: имело ли место совершение преступлений — убийства и поджога; совершил ли их подсудимый Артемьев; виновен ли подсудимый в совершении этих преступлений?

Факты совершения убийства и поджога считаю бесспорно доказанными. Они не оспариваются подсудимым и стороной защиты. Не вызовут сомнений и у вас. Доказательствами происшедшего пожара 3 июня 2002 г. в квартире 42 дома 23 по ул. Федеровского в г. Талнахе является акт о пожаре; заключение о пожаре; показания пожарного Мазина; показания свидетеля Стефанцова Станислава и потерпевшей Стефанцовой Натальи Михайловны.

По показаниям Мазина, двери в квартиру на момент прибытия пожарного караула были прикрыты. Пожар особой сложности не представлял, поэтому был ликвидирован в течение 7–10 минут. По мнению Мазина, с учетом отсутствия электронагревательных приборов вблизи электропроводки причиной пожара мог быть поджог. В акте о пожаре и заключении о пожаре указано, что причиной пожара является поджог с целью сокрытия следов преступления.

По показаниям потерпевшей Стефанцовой, ущерб от пожара составил 44 тыс. руб. Пожаром уничтожены телевизор, мебельная стенка, кресла, ковровые дорожки, люстра. По состоянию материального положения на июнь 2002 г. данный ущерб для нее является значительным.

Показаниями свидетеля Мази и протоколом осмотра места происшествия с участием судебного врача доказано, что в квартире 42 обнаружен труп Стефанцова — хозяина этой квартиры.

Судебно-медицинская экспертиза выявила у погибшего Стефанцова более 17 резаных и колото-резаных ран в области лица, туловища,

---

¹ Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). М.: Юристъ, 2007. 455 с.

² Печ. по: Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). М.: Юристъ, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3234607/page:14/>

конечностей, в том числе травматическую ампутацию пальца левой кисти; 24 линейные рвано-ушибленные раны головы, туловища; закрытую травму груди с переломом грудины и 13 ребер. Смерть Стефанцова наступила на месте происшествия 3 июня 2002 г. в период с 15 до 16 часов от массивной кровопотери, развившейся вследствие резаной раны шеи с повреждением крупных сосудов.

В результате осмотра места происшествия следователем обнаружены и изъяты орудия преступления: два кухонных ножа и пила-ножовка. Эти орудия направлялись на судебно-медицинскую экспертизу, и экспертом дан ответ, что причинение потерпевшему Стефанцову одних ран возможно ножом, ряда других ранений возможно меньшим изъятым ножом, а 24 раны причинены пилой-ножовкой.

Совокупность данных доказательств подтверждает факт совершения преступлений и отвечает на вопрос, что 3 июня 2002 г. в квартире 42 дома 23 по ул. Федоровского в г. Талнахе имело место убийство Стефанцова и поджог этой квартиры с уничтожением имущества и причинением ущерба.

Следующий вопрос, который потребует вашего внимания и тщательного анализа, — это вопрос, совершил ли убийство Стефанцова и последующий поджог именно Артемьев?

Уважаемые присяжные заседатели! Обращаю ваше внимание, что следствие, расследуя убийства, редко располагает прямыми доказательствами, такими, как показания очевидцев, которые могли бы быть использованы для обвинения. На убийство преступник решается, осознавая, что за его действиями никто не наблюдает. Но все же большинство обвинительных приговоров вынесено на основании тщательного анализа всех доказательств и сопоставления их друг с другом. Дело по обвинению Артемьева является одним из таких. Те доказательства, которые представило следствие, являются достаточными для подтверждения предъявленного Артемьеву обвинения в убийстве Стефанцова Сергея Алексеевича с особой жестокостью и в поджоге. Давайте проанализируем вместе эти доказательства.

Одно из них — заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, проведенной 7 июня. Согласно заключению этой экспертизы, у него имелись резаные раны на ладони правой кисти и первом пальце правой кисти, ссадины на тыльной стороне 2, 4, 5-го пальцев левой кисти. По поводу механизма образования резаных ран эксперт сделал вывод, что они могли быть получены от воздействия ножом, а ссадины на левой кисти — от зубцов пилы. И давность их получения составляет примерно пять суток до момента осмотра, что соответствует времени наступления смерти Стефанцова. Артемьев пояснил,

что получил их 3 июня 2002 г. в квартире Стефанцова, когда последний выгонял его из квартиры и размахивал ножовкой по дереву и ножом. При этом попал по пальцам левой кисти и порезал правую кисть.

Таковыми же предметами — пилой и ножом — были причинены телесные повреждения и потерпевшему Стефанцову. Судебно-медицинский эксперт при осмотре трупа Стефанцова в заключении однозначно ответил, что 24 рвано-ушибленные раны на волосистой части головы, в области лица с повреждением скуловой кости, а также в области плеча, предплечья и кисти и множественные точечные ссадины на задней поверхности туловища причинены режущей кромкой зубцов пилы. Резаная рана шеи, которая находится в причинно-следственной связи с наступившей смертью, могла быть причинена большим ножом. Остальные раны, в том числе рана груди, могли быть причинены меньшим по размеру ножом, представленным на экспертизу.

Утверждение Артемьева о том, что следствие не приняло мер для обнаружения отпечатков пальцев на изъятых предметах, опровергается фактическими данными. Из оглашенного в зале суда заключения дактилоскопической экспертизы следует, что на клинках и рукоятках изъятых ножей следов пальцев рук и ладоней, пригодных для идентификации личности, не обнаружено.

Отпечатки пальцев и ладоней не могли быть обнаружены, но не по причине их отсутствия, а потому, что обнаруженные отпечатки эксперт не смог идентифицировать, так как в квартире в результате пожара и воздействия высокой температуры они стали непригодными для проведения по ним экспертизы. Пожарные подавали воду во все комнаты, и предметы, вещи, находившиеся в квартире, были замочены. Поэтому закрепить документально еще одно доказательство вины Артемьева не представилось возможным по объективным причинам.

Выводы судебно-медицинских экспертов, определяющие характер и механизм образования телесных повреждений у Стефанцова и Артемьева, согласуются с показаниями Артемьева на следственном эксперименте, где он, не задумываясь, указывает место около кресла, где, когда он пытался перехватить ножовку у Стефанцова, тот «чиркнул» ему этой ножовкой по пальцам. Артемьев продемонстрировал на следственном эксперименте резаную рану на ладони.

Сомневаться в достоверности показаний Артемьева на следственном эксперименте у меня нет оснований, так как обстоятельства происшедшего Артемьев воспроизводит не только на следственном эксперименте, но и в явке с повинной, а также при допросе его в качестве обвиняемого с участием защитника. И нигде Артемьев не отказывается давать показания.

Явка с повинной также является доказательством вины Артемьева. Явка с повинной — это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Что сообщил Артемьев в явке с повинной? Цитирую: «Хочу сознаться, что 3 июня 2002 г. я совершил убийство гражданина, проживающего по ул. Федоровского, д. 23, кв. 42. В эту квартиру я пришел, чтобы найти Стаса, проживающего в этой квартире, но его там не было. Там же произошла стычка с находившимся в квартире мужчиной, в ходе чего я и убил его».

В судебном заседании Артемьев подтвердил, что писал эту явку собственноручно. Перед тем как написать, ему было разъяснено право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, что он вправе не свидетельствовать против себя. Разъяснение данной статьи предоставляет право выбора, рассказать или нет о совершенном преступлении. Однако Артемьев делает свой выбор и сознается в убийстве мужчины из 42-й квартиры.

Протокол явки с повинной и собственноручно написанная явка с повинной являются прямыми доказательствами совершения Артемьевым убийства.

Явка с повинной, следственный эксперимент, заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, результаты обыска дали следствию полное основание предъявить Артемьеву 18 июня 2002 г. обвинение в убийстве Стефанцова и допросить его в качестве обвиняемого.

Для предъявления обвинения и допроса Артемьев обеспечивается по его заявлению юридической помощью — адвокатом Старожуком. Доводы о том, что ему не было известно, что при допросе присутствует адвокат, несостоятельны. Когда обвиняемый требует адвоката, но не знает его фамилию, следователь в этом случае выносит постановление о назначении адвоката. В деле же Артемьева этого постановления нет.

Перед началом допроса Артемьеву в очередной раз разъясняется право не свидетельствовать против себя. Но Артемьев в присутствии адвоката дает показания, что в ходе ссоры Стефанцов пытался ударить ножом Артемьева, но он отобрал нож. Когда Стефанцов дернул Артемьева за руку, в которой находился нож, Артемьев по неосторожности нанес ему удар ножом. Но куда был нанесен удар ножом, Артемьев пояснить не мог. Он сказал также, что не помнит, что было дальше.

В последующих допросах Артемьев от своих показаний отказался, отрицал, что 3 июня заходил в квартиру Стефанцова. Отказ Артемьева от первоначальных показаний является проявлением защитного поведения.

И все-таки проанализируем все детали совершенного преступления.

Мотивом прихода Артемьева в квартиру Стефанцова явилось то обстоятельство, что, разыскивая лиц, похитивших у отца деньги, он

идет в 42 квартиру, чтобы поговорить об этом со Стасом. Данный мотив в ходе следствия подтвердился, так как по факту открытого хищения 500 руб. у Артемьева Виктора Ивановича 4 июня 2002 г. было возбуждено уголовное дело, и 26 июня 2002 г. обвинения в грабеже было предъявлено Шостаку.

В судебном заседании Артемьев не отрицал, что от отца ему стало известно об ограблении, поэтому он пошел искать подростков. На звонок в квартиру 42, по показаниям Артемьева, дверь ему никто не открыл. Тогда он решил сходить к Маслову, с которым впоследствии распил полуторалитровую бутылку пива «Лауреатское». В квартире Маслова он находился с 14 до 15 часов, а затем пошел домой. Отец его спал, и, посмотрев некоторое время футбол, Артемьев тоже уснул. Проснулся он, когда услышал вой милицейской сирены и запах дыма. Выйдя на лестничную площадку, он от подростков узнал, что в 42-й квартире убили отца Стаса. Примерно через пять минут он пришел в 39-ю квартиру, где проживает Приймак, и рассказал ему о пожаре и убийстве.

Время, когда Артемьев ушел от Маслова, т. е. 14.30, подтверждается оглашенными в зале суда показаниями свидетеля Маслова. Но дальнейшие показания Артемьева опровергаются совокупностью доказательств, исследованных в суде. Какие это доказательства?

Дополнительная судебно-медицинская экспертиза показала, что телесные повреждения погибшему были причинены в достаточно короткий промежуток времени и что смерть Стефанцова наступила в период с 15 до 16 часов.

Первыми труп Стефанцова в задымленной квартире обнаружили пожарные. Согласно акту о пожаре, сообщение о пожаре поступило в пожарную часть в 16 часов 25 минут. Пожар был локализован в 16 часов 44 минуты.

Свидетель Мазин показал, что после обнаружения в квартире трупа с признаками насильственной смерти сразу был вызван наряд милиции. Милиция приехала очень быстро.

Спецсообщение в дежурную часть Талнахского ГОВД от диспетчера пожарной части об обнаружении трупа поступило в 16 часов 50 минут. Следовательно, вой милицейской сирены, который слышал Артемьев, мог раздаваться только в 17 часов. Таким образом, только после 17 часов Артемьев мог спуститься на второй этаж и узнать от подростков об убийстве. И уже после этого пойти с этими сведениями к Приймаку.

Однако вспомним, что показал Приймак. Он показал, что Артемьев пришел к нему в то время, когда начинался фильм «Папа». В представленной вам программе указано время начала этого фильма — 16 часов 20 минут. Я утверждаю, что показания Приймака являются правдивы-

ми и достоверными, поскольку давал он их 4 июня 2002 г., т. е. сразу после совершенного преступления, и в них связывал время прихода Артемьева с началом фильма «Папа».

Не мог Артемьев в 17 часов узнать об убийстве, поскольку в 16 часов 20–25 минут он уже находился в квартире 39 и рассказывал Приймаку о пожаре и трупе. Это еще одно обстоятельство, по которому не следует верить показаниям Артемьева.

Не мог Артемьев прийти в квартиру Приймака в окровавленной одежде, что вызвало бы подозрение в его причастности к убийству Стефанцова. Поэтому после совершенного убийства он пришел домой, снял с себя окровавленные вещи: спортивную футболку зеленого цвета и кофту синего цвета — и замочил их в ванне. Это не мои предположения. Как вы помните, уважаемые присяжные заседатели, на следственном эксперименте Артемьев пояснял, что, придя домой, он снял окровавленные вещи и бросил их в ванну, переодевшись в чистую одежду. Данные показания подтверждаются протоколом обыска в квартире Артемьева, в ходе которого изымаются эти вещи: куртка кожаная, кофта, а спортивную куртку синего цвета сняли с бельевой веревки.

На следующий день следователь производит осмотр этих вещей и назначает биологическую экспертизу. Каковы ее результаты? Заключение биологической экспертизы свидетельствует о том, что на изъятых объектах обнаружена кровь 1-й группы. Именно к такой группе относится кровь убитого Стефанцова (Артемьев имеет 2-ю группу крови).

На футболке и спортивной кофте следов крови не найдено, потому что они были застираны. Но даже после застирывания пятна крови остались. На кожаной куртке кровь сохранилась, потому что Артемьев ее не заметил, когда пришел домой. Таким образом, уважаемые присяжные заседатели, судебно-биологическая экспертиза является еще одним доказательством причастности Артемьева к убийству Стефанцова.

Как сам Артемьев объясняет появление пятен крови на одежде? По его показаниям, 4 июня он был одет в черную кожаную куртку. Во время осмотра квартиры Стефанцовых его собака забежала в квартиру. Он прошел в коридор, около ванной поймал собаку, взял ее на руки и вышел из квартиры. Собака могла испачкать его куртку и оставить следы крови на правой поле куртки и на спине внизу.

Защита будет акцентировать ваше внимание на том обстоятельстве, что по делу не проведена криминалистическая экспертиза по установлению механизма образования пятен крови на одежде обвиняемого Артемьева. То есть по вопросу, могла ли образоваться кровь на куртке при обстоятельствах, изложенных Артемьевым, нет заключения эксперта, следовательно, нет доказательств причастности Артемьева к убийству.

Но доводы Артемьева тщательно проверялись как на следствии, так и в суде: были допрошены свидетели, оглашен протокол дополнительно осмотра места происшествия. Свидетель Пронин показал, что Артемьев в квартиру Стефанцова во время осмотра ее милицией вообще не заходил, а лишь заглянул. Когда ему было сделано замечание, чтобы не мешал, он позвал собаку, и она выбежала из квартиры. При этом Артемьев был одет в матерчатую куртку. Стефанцова же не помнит, брал ли Артемьев собаку на руки, но помнит, что дальше коридора он не заходил.

Далее, уважаемые присяжные, обращаю ваше внимание на то, что при дополнительном осмотре места происшествия все смывы на двери в ванную комнату, на входной двери и на мебели были сделаны путем увлажненного марлевого тампона. Кровь была высохшей, поэтому пришлось увлажнять тампоны и таким образом переносить кровь с предмета на марлю. Следовательно, Артемьев не мог испачкаться ни о лапы собаки, ни о двери, если бы прикоснулся к ним.

В своих показаниях Артемьев акцентирует внимание на футбольном матче, который он смотрел по телевизору у себя в квартире. Адвокатом представлена программа передач на 3 июня 2002 года. В ней указано время матча с 14 до 16.30. Часть времени матча совпадает со временем убийства и временем пребывания Артемьева в квартире 42 с 14 до 16 часов и согласуется с его показаниями на следственном эксперименте, где он подробно рассказывал, что сел в кресло в квартире Стефанцова и стал смотреть телевизор, по которому шел футбол. Артемьев так же, как и на освидетельствовании, мог на следственном эксперименте не упоминать об этом матче. Но так как эта подробность является существенным обстоятельством, подтверждающим время совершения преступления, то Артемьев, отказываясь от своих показаний и создавая себе алиби, сообщает, что в то время, когда произошло убийство, он был дома и смотрел футбол. А чтобы показания были более правдоподобными, вспоминает, что играли не наши команды. То есть подсудимый корректирует свои показания в зависимости от имеющихся доказательств.

Показания, данные им 17 июня 2002 г., при предъявлении ему обвинения в совершении убийства, являются правдивыми. Об этом свидетельствуют показания отца подсудимого — Артемьева Виктора Ивановича, оглашенные в суде в связи с его смертью. Артемьев Виктор Иванович пояснил, что через несколько дней после 3 июня 2002 г. Евгения привезли домой сотрудники милиции. И когда Евгений уходил, то сказал: «Батя, мы больше не увидимся». Отец спросил его, почему, на что Евгений сказал, что убил он.

Мать подсудимого Артемьева Людмила Петровна показала, что у Евгения с отцом были теплые, доверительные отношения. Вы помни-

те также, что в рассказе об обстоятельствах дела Артемьев называл отца батей. И, прощаясь с отцом, он был искренен, когда признался отцу, что совершил убийство.

По показаниям Артемьевой Людмилы Петровны, Артемьев Виктор Иванович плохо слышал и мог неточно понять слова сына. Эти показания надо оценивать как показания близкого человека. В любой ситуации мать будет защищать ребенка и принимать все меры, чтобы как-то помочь ему в беде. И защита будет утверждать, что отец не мог слышать слов сына, которые тот сказал, выходя из квартиры, что он совершил убийство. По показаниям подсудимого, он сказал, что его обвиняют в убийстве; а в целом он согласился с показаниями отца. А это предположение в показаниях отца подсудимого имеет существенное значение, поэтому подсудимый отрицает его.

Защита будет также настаивать, что правдивыми являются показания Артемьева, данные в присутствии защиты, в которых он отказался от своих признательных показаний; а к показаниям на следственном эксперименте следует относиться критически, так как его показания, данные в квартире Стефанцова, не согласуются с протоколом осмотра места происшествия. Так, в протоколе указано, что один нож находился в ванной, а второй нож с ножовкой по дереву лежал на диване. Но Артемьев на следственном эксперименте указывает место на кухне, куда бросил нож, а ножовку, выхваченную у Стефанцова, он бросил в коридоре, не доходя до кухни.

Напомню, уважаемые присяжные заседатели, что с 14 до 15 часов Артемьев распил с Масловым полуторалитровую бутылку пива, следовательно, находился под воздействием спиртного. Допрошенный в качестве свидетеля 18 июня Артемьев сообщил, что после того, как он по неосторожности один раз ударил ножом Стефанцова, он ничего не помнит. Но Артемьев совершил не простое убийство. Судебно-медицинская экспертиза выявила 17 колото-резаных ран, в том числе травматическую ампутацию пальца левой кисти; 24 раны головы, туловища, причиненные пилой-ножовкой; закрытую травму груди с переломами тринадцати ребер. Все это прямо указывает на то, что Артемьев убивал Стефанцова осознанно, сознательно причинял ему особые страдания и мучения, т.е. действовал с особой жестокостью. Заключение о пожаре и показаниями Мазина обоснован вывод о поджоге как причине пожара с целью сокрытия следов преступления. С учетом времени обнаружения пожара — 16 часов 1 минута — считаю доказанным, что данный поджог совершил Артемьев. Я прошу вас, уважаемые присяжные заседатели, вдумчиво и ответственно подойти к оценке каждого из доказательств и принять правильное решение.

Речь в защиту Артемьева:

Глубокоуважаемые присяжные заседатели!

Главный принцип уголовного судопроизводства заключается не только в справедливом наказании действительного виновника преступления, но и, что гораздо важнее, в отказе уголовного преследования и освобождения от наказания невиновного. Обвиняемый и подсудимый считаются невиновными до тех пор, пока их виновность не будет установлена судом, т.е. вами, и основана она должна быть на доказательствах, которые не вызывают сомнения. Любой приговор, обвинительный или оправдательный, не может быть основан на предположениях, а только на неопровержимых фактах.

Вам предстоит решить вопрос о дальнейшей судьбе Артемьева, оценить представленные обвинением доказательства по своему внутреннему убеждению, в соответствии с законом и совестью.

То, что совершено преступление, не вызывает сомнения; но вы должны решить вопрос: доказано ли, что именно Артемьев совершил данное преступление, что именно Артемьев виновен в его совершении.

Государственный обвинитель в своей речи сослался на акт о пожаре, что кто-то из жильцов сообщил о пожаре, а пожарные приехали и обнаружили труп. В 16 часов 01 минуту обнаружен пожар, в 16 часов 26 минут приехали пожарные; в 16 часов 44 минуты был ликвидирован пожар, и только в 16 часов 50 минут сообщают пожарные в ГОВД об обнаружении трупа. А ведь на месте происшествия было много людей! Сотрудники милиции начали осмотр места происшествия в 18 часов 40 минут. В квартире был разгром. Вы видели это на фотоснимках. И это свидетельствует об активной борьбе между потерпевшим и убийцей. Из квартиры были изъяты ножовка, два ножа, коробок спичек, волосы, топорик.

Государственный обвинитель ссылался на заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Артемьева, в котором записано с его слов, что ранения ему причинены ножовкой. Но расстояния между точками должны соответствовать размеру зубцов ножовки. А какое это расстояние, неизвестно, эксперт не указал. Артемьев показал, что он резал мороженое мясо. Если бы эти ссадины были от удара ножовкой, то они должны были быть глубокими.

На видеокассете видно, что запись начинается со слов следователя о том, что следственный эксперимент проводится с целью проверки показаний подозреваемого на месте. Но какие показания проверялись, неизвестно. Следственный эксперимент не соответствует протоколу осмотра места происшествия.

На следственном эксперименте Артемьев заявил, что он не помнит, что случилось в квартире потерпевшего; значит, его там не было.

Не понятно, как Артемьев мог явиться для написания явки с повинной, если он в это время находился в изоляторе временного содержания.

Председательствующий останавливает защитника и просит присяжных заседателей не принимать во внимание высказывания защитника по поводу написания Артемьевым явки с повинной, так как явка с повинной является допустимым доказательством, полученным в соответствии с законом.

Защитник:

– Да, явка с повинной признана допустимым доказательством, но в явке с повинной не указано время совершения преступления.

В протоколе допроса обвиняемого Артемьева от 18 июня 2002 г. с участием защитника не указано время совершения преступления, в протоколе же следственного эксперимента время совершения преступления указано.

Потерпевшая Стефанцова и свидетель Стефанцов утверждают, что потерпевший не открывал дверь незнакомым. Так как же могла быть открыта железная дверь? О том, что в квартире труп, люди узнали раньше работников милиции. Также хочу отметить, что Артемьев не утверждал, что он слышал сирену милицейской машины.

Свидетель Приймак пояснил, что у него провалы в памяти, и его показания на предварительном следствии, что в 14 часов 20 минут к нему зашел Артемьев и он в это время смотрел фильм «Папа», идут вразрез с его показаниями в сегодняшнем судебном заседании. Приймак в судебном заседании показал, что в этот день он со знакомыми выпил три бутылки водки на троих, и непонятно, как он мог что-то помнить. В 16 часов 30 минут закончился футбол, который смотрел Артемьев, фильм «Папа» в 16 часов 20 минут начался; значит, Артемьев к Приймаку заходил позже, а не раньше.

А теперь о другой стороне доказательств. Изъятые при обыске вещи не были упакованы, о чем показал в суде сотрудник милиции Пронин.

Председательствующий останавливает защитника и просит присяжных заседателей не принимать во внимание при вынесении вердикта данные слова защитника, так как сотрудник милиции по этому вопросу не допрашивался в судебном заседании в их присутствии, протокол обыска является допустимым доказательством.

Защитник:

– Согласно заключению биологической экспертизы, кровь 1-й группы могла быть от Стефанцова. А почему не от другого человека и где она обнаружена? Артемьев показал место, где на одежде было обнаружено пятно крови. Полнейшее несоответствие количества кро-

ви в квартире и в найденном пятне на куртке. Как могло такое быть? Ведь кровь у потерпевшего фонтанировала, и убивший должен был быть с головы до ног в крови. Пронин, совершавший осмотр квартиры, не мог не обратить внимания на кровь, когда заходил в квартиру Артемьева. О механизме образования пятен на одежде я ничего не могу сказать, так как одежда не представлена. То, что кровь собиралась влажным тампоном, как указал обвинитель, не говорит о том, что кровь была засохшей.

По поводу показаний отца Артемьева. Почему нельзя доверять показаниям матери подсудимого? Она пояснила, что муж рассказал, что подсудимый сказал ему, что его обвиняют в убийстве. Протокол допроса отца подсудимого был зачитан следователем.

Председательствующий останавливает защитника, так как он вводит присяжных заседателей в заблуждение, заявляя, что протокол допроса отца подсудимого был оглашен следователем, что не соответствует действительности, и просит присяжных заседателей при вынесении вердикта не принимать во внимание это высказывание защитника.

Защитник:

– Почему не были направлены на экспертизу пучки волос?

Председательствующий останавливает защитника, поскольку вопрос о недостатках следствия не исследуется в присутствии присяжных заседателей, и просит присяжных заседателей при вынесении вердикта не принимать во внимание высказывание защитника о пучке волос.

Защитник:

– О том, что в квартире было два человека, свидетельствуют два очага пожара. Обнаружено два ножа. Дактилоскопическая экспертиза не установила, кому принадлежат отпечатки, а ведь свидетель Мазин показал, что не вся квартира заливалась водой.

Проведенный защитой анализ доказательств позволяет сделать вывод о невиновности Артемьева. Нет ни одного бесспорного доказательства, на основании которого Артемьев мог быть привлечен к ответственности за убийство Стефанцова и поджог его квартиры, за исключением протокола его допроса в качестве обвиняемого от 18 июня 2002 г., когда он признавал вину. Но этого недостаточно для вынесения обвинительного вердикта. Конституция РФ, а именно ст. 49, указывает, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу подсудимого. А выше закона, чем Конституция, нет. Правосудие — это суд по праву, правый суд, основанный только на законе. И я надеюсь, господа присяжные заседатели, что вы вынесете оправдательный вердикт.

Дело Б.Г. Савельевой¹

(О признании права собственности)

Речь адвоката:

Моя доверительница — истица Савельева Бэлла Геннадьевна обратилась в суд с иском к Савельеву Валерию Порфирьевичу о признании права собственности на квартиру; ответчик заявил встречный иск — о вселении в жилое помещение и признании права собственности на долю в паенакоплении.

Казалось бы, взрослые, образованные люди, прожившие вместе много лет, воспитавшие сына и дождавшиеся внуков, в состоянии сами разрешить те проблемы, которые между ними возникают, и не выносить их на публичное рассмотрение в суд. Но накал конфликтных страстей и обид со стороны ответчика таков, что вести с ним спокойный и резонный диалог истице невозможно. Поэтому мы просим суд разобрататься в сложившейся ситуации и закрепить за истицей ее права с помощью решения судебного органа.

Итак. В зарегистрированном браке супруги Савельевы проживали с 1963 года. В 1965 году вступили в кооператив «Родина», а в 1967 году заселились в спорную квартиру. При этом Савельев всегда сохранял прописку в квартире своей матери по ул. Декабристов и никогда не был прописан в спорной квартире.

В 1984 году семья распалась, и они расторгли брак. Савельев ушел из семьи, и с тех пор бывшие супруги уже не поддерживали абсолютно никаких отношений.

В распоряжении Савельева остался купленный ими совместно новый автомобиль и гараж, жильем в центре города он был обеспечен, и, судя по всему, сложившаяся жизненная ситуация его полностью устраивала. Личная его жизнь тоже складывалась отдельно от забот бывшей семьи: у него было нескольких гражданских браков, в одном из которых родилась дочь. Интересы к проблемам бывшей семьи Савельев не проявлял.

В 1989 году мама истицы продала свою квартиру, чтобы обеспечить отдельным жильем сына Савельевых Алексея и его семью, а сама поселилась с Бэллой Геннадьевной в спорной квартире, где и проживала до последних дней своей жизни.

Бэлла Геннадьевна не поддерживала с Савельевым никаких отношений. Он никогда не заявлял о каких-либо своих претензиях мате-

---

¹ Печ. по кн.: Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). М.: Юрист, 2007. С. 241–242.

риального плана на имущество и, в частности, на паенакопление или жилую площадь, на которой проживала истица. Я уверена в том, что, если бы моя доверительница не затеяла обмен квартиры, для чего потребовалась регистрация ее права собственности в регпалате (а для этого необходимо заявление от бывшего супруга, с которым квартира приобреталась в период брака), сам Савельев В.П. никогда не проявил бы инициативы в заявлении каких-либо требований на данную собственность, и они еще прожили бы много лет в таком же положении. Я убеждена, что он не признал иск и затеял правовой спор просто из желания досадить своей бывшей супруге от обиды за свою несостоявшуюся судьбу, хотя сам он прекрасно понимает, что по закону она права.

Более того. Он прекрасно понимает то, что его брачная доля в паенакоплении полностью и даже с лихвой компенсирована стоимостью того имущества, которое осталось за ним при расторжении брака и разделе имущества в добровольном порядке. Это имущество — гараж и автомобиль. В тот период времени автомобиль стоил в два раза больше, чем $\frac{1}{2}$ доли паенакопления. И капитальный гараж стоил недешево! А ведь этим совместно нажитым имуществом распорядился Савельев единолично! Прошу обратить внимание на этот факт.

Полагаю, что право собственности на спорную квартиру возникло у Савельевой Б.Г. после того, как полностью был выплачен пай, что она делала уже после расторжения брака, одна. У ответчика в этом случае имелось лишь право на половину паенакопления, выплаченного совместно. Но на требования о разделе этого имущества, общего совместного имущества, распространяются сроки исковой давности. Эти сроки ответчиком Савельевым пропущены, так как их течение следует исчислять с момента расторжения брака в органах загса, т. е. с 1984 года. На момент обращения в суд с иском ответчика Савельева с тех пор прошло почти 20 лет, а значит, пропущен не только общий срок исковой давности, исчисляемый тремя годами, но и специальный срок по сделкам с недвижимостью, равный 10 годам.

На основании изложенного и ст. 305, ч. 1 ст. 311 ГПК РФ прошу исковые требования Савельевой Б.Г. удовлетворить, признать за ней право собственности на квартиру 8 в доме 18 по ул. Коммунальной в г. Красноярске.

Ответчику Савельеву В.П. во встречных исковых требованиях отказать по основаниям пропуска срока исковой давности, необходимого для обращения в суд.

* * *

Суд удовлетворил исковые требования Савельевой Б.Г.

Дело Старовойтова¹ (Об изнасиловании и убийстве)

Уважаемый суд! В зале судебного заседания мы убедились, что существует проблема воспитания, бродяжничества и попрошайничества. На основании этого совершаются преступления.

В судебном заседании было доказано, что 2 апреля 2003 г. Старовойтов, Ишкабулов и Кардаш приехали в г. Красноярск. Я не буду вдаваться в подробности их передвижения по городу. Ночью со 2-го на 3-е апреля 2003 г. у Старовойтова и Ишкабулова, который не достиг возраста уголовной ответственности, возник умысел на убийство Кардаша, а также умысел на совершение с ним мужеложства и иных сексуальных действий.

Фабула дела всесторонне исследована в зале судебного заседания. Старовойтов по предварительному сговору с Ишкабуловым совершил изнасилование и убийство Кардаша. Остановимся на моментах, которые необходимы для квалификации действий подсудимого Старовойтова.

Доказательством вины Старовойтова являются показания Ишкабулова. Его показания детальны, стабильны. Ишкабулов подтвердил, что умысел на изнасилование и убийство возник до того, как они пришли в подвал дома.

Ишкабулов и Старовойтов вооружились металлическими палками, и Старовойтов, угрожая палкой, приказал Кардашу раздеться. Ишкабулов и Старовойтов совершили с Кардашом поочередно действия сексуального характера. Оснований не доверять показаниям Ишкабулова нет. Его показания подтверждаются протоколом осмотра места происшествия, протоколом осмотра трупа, заключением судебно-медицинской экспертизы. Промежуток времени между изнасилованием и убийством небольшой. Действия Старовойтова и Ишкабулова были согласованны. Оба связывали Кардашу руки. Это следует из заключения биологической экспертизы. Ишкабулов ножницами заталкивал в нос Кардаша тряпочки, Старовойтов закрывал ему рот кляпом. Тем самым они проявили особую жестокость и причинили особые страдания Кардашу.

Старовойтов пытался опровергнуть показания Ишкабулова и пояснил, что он был пьяный и в преступлении участия не принимал. Однако его показания опровергаются показаниями свидетелей и материалами

---

¹ Печ. по: Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). М.: Юрист, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3234607/page:14/>

дела, а именно протоколом изъятия одежды, обнаруженной на станции Студенческая. Место ее нахождения указали Старовойтов и Ишкабулов.

Таким образом, вина Старовойтова по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ доказана, так как было установлено, что подсудимый знал о малолетнем возрасте Кардаша.

По поводу обвинения в убийстве. Прошу исключить из обвинения признаков беспомощного состояния потерпевшего. Возраст не является основанием для вменения данного признака. Также установлено, что второй участник преступления, Ишкабулов, был одного возраста с Кардашом, поэтому у потерпевшего была возможность сопротивляться.

Смягчающим вину Старовойтова обстоятельством является его несовершеннолетие и то, что он юридически не судим.

На основании изложенного прошу назначить Старовойтову наказание по п. «в» ч. 3 ст. 132 — восемь лет лишения свободы; по п. п. «д», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ — восемь лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 прошу назначить десять лет лишения свободы с отбыванием в воспитательной колонии.

* * *

Суд приговорил Старовойтова к десяти годам лишения свободы.

Речь в защиту Иванова¹

Ваша честь! Сегодня мы заканчиваем разбирательство этого необычного уголовного дела. Необычность его прежде всего состоит в том, что на скамье подсудимых — девять подростков, девять детей, по-другому их назвать просто невозможно. Дети, которые хорошо учились в школе, каждый из них стремился учиться дальше. Дети из абсолютно хороших семей, где каждым родителем уделялось достаточное внимание воспитанию ребенка.

Необычность дела определена и возрастом подсудимых, и объемом предъявленного им обвинения. Еще вначале, когда я только вступала в дело, знакомясь с материалами, было несколько страшно представить и поверить, что группа подростков, возраст которых не переступил порога 16-летия, совершила все то, что им вменяется в вину.

В данном судебном заседании я защищаю подсудимого Иванова. Органами следствия ему предъявлено обвинение по трем эпизодам совершения разбойного нападения на павильоны «Домовенок», «Лаком-

---

¹ Печ. по: Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). М.: Юрист, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3234607/page:14/>

ка» и «Лукошко», и квалифицированы его действия по каждому эпизоду п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное организованной группой по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших.

Почему органами следствия усмотрен именно такой объем обвинения? Ответ на этот вопрос найден при тщательном, скрупулезном изучении материалов дела в ходе судебного разбирательства. Я очень внимательно слушала речь государственного обвинителя и полностью согласна с ее мнением в той части, что в действиях Иванова и других участников содеянного не усматриваются квалифицирующие признаки организованной группы, проникновение в помещение с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

Прежде всего хочу рассмотреть объем предъявленного обвинения. Не касаясь содеянного Ивановым, нахожу явное несоответствие объема обвинения фактическим обстоятельствам дела буквально с первого предложения обвинения: «22 июля 2004 г. у Иванова возник преступный умысел на создание устойчивой преступной организованной группы для совместной преступной деятельности в корыстных целях». Данное обвинение не нашло каких-либо доказательств еще в ходе следствия. С первого дня задержания, с первых допросов ни Иванов, ни другие участники группы, или, как называли ребята, из этой «компании», не говорили о подобном формировании. Каждый подробно пояснял цель формирования этой группы, причины их объединения и т. д.

Далее из обвинения: «Во время телефонного разговора с Маковым Иванов предложил последнему вступить в состав устойчивой преступной организованной группы». Однако же Маков поясняет, что у него были проблемы со сверстниками, у него вымогали деньги. Иванов пытался разобраться, с этой целью предложил Макову объединиться с несколькими ребятами.

Ваша честь! Их не могли защитить родители, которые пытались защитить их интересы обращения в правоохранительные органы, т. е. принимая единственно законное решение. Их не захотели защитить правоохранительные органы, которые просто игнорировали обращения родителей. Им оставалось только самим решить эти вопросы путем объединения и взаимной помощи. Общество создавалось только для самозащиты. Вывод следствия о том, что подростки объединились для совершения преступлений, ни на чем не основан и противоречит собранным по делу доказательствам. Маков в суде пояснил, что Иванов не был руководителем, что отношения между ребятами были товарищеские.

Далее по тексту обвинительного заключения: «Во время вступления в преступную организованную группу Шамсутдинова и Болтовского, имевших у себя пневматические газобаллонные пистолеты, Ивановым было принято решение о создании устойчивой вооруженной организованной группы, на что все члены группы согласились». Шамсутдинов и Болтовский в суде и на предварительном следствии подробно пояснили, что вступить в их группу им предлагал не Иванов, что цель объединения — защита от сверстников. Поскольку государственный обвинитель в данной части обвинение не поддерживает, не буду останавливаться на нем подробно. Я просто хотела подчеркнуть несоответствие предъявленного обвинения действительным событиям. Подобное имеет место и при предъявлении обвинения по каждому из эпизодов, но об этом я скажу при квалификации действий.

Итак, эпизод первый. Павильон «Домовенок».

В судебном заседании долго пытались разобраться, как же все происходило, когда Иванов и Маков оказались внутри павильона. Есть три очевидца происходивших событий: Иванов, Маков и потерпевшая Сунчукова. После подробного допроса Сунчуковой я прихожу к убеждению, что действия Иванова, Макова и других участников правильно квалифицировать п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а не ч. 4 ст. 162 УК РФ, а именно: грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия. Первоначально по данному эпизоду дело было возбуждено именно по ч. 2 ст. 161 УК РФ. Я уверена, что это не случайность, а подтверждение фактических обстоятельств дела.

Чтобы убедить суд в правильности квалификации по п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, необходимо вспомнить показания потерпевшей Сунчуковой, которая в суде пояснила, что оговорила ребят, потому что была зла. Прошу внимания! Вот что она сказала в судебном заседании: «Я сначала удивилась, затем разозлилась и как-то их обозвала». Когда же Маков хотел подойти к прилавку, она ему сказала: «Тебе здесь вообще делать нечего». Далее она села на стул и сказала, что ничего, никаких денег давать не будет, хотя деньги в кассе были. Поскольку Сунчукова не испытала страха, она и не торопилась передавать им деньги. К тому же она пояснила суду, что сразу, как только зашли Иванов и Маков, увидев у Иванова пистолет, она поняла, что это не боевой пистолет, а пневматический. Она такими же торгует, знает их действие. Сунчукова нападавшим заявила: «Что вы мне этими пукалками сделаете?»

В суде выяснялся вопрос: если бы была угроза, могла бы она защититься? На данный вопрос Сунчукова дала однозначный ответ, что действительно имела возможность защититься: применить газовый баллончик или выбежать через дверь в подсобном помещении.

Иванову вменена угроза применением насилия, опасного для жизни и здоровья. Данное обвинение не нашло в суде своего подтверждения. Пистолеты в данном случае использовались как макеты. Все участники: Иванов, Маков, Шамсутдинов, Черкасов — пояснили, что пистолеты брали с целью напугать, потому что они не были заряжены. Баллистическая экспертиза дала такое заключение: «Пистолет к стрельбе не пригоден» (т. 3, л. д. 158–149). Подобные заключения даны по всем четырём пистолетам, используемым при нападении на павильоны (т. 3, л. д. 231, 234).

Осуществляя защиту и говоря о переквалификации действий Иванова на ч. 2 ст. 161, я не могу не сослаться на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Обратите внимание на п. 21: «В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившего неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо демонстративных действий, свидетельствующих о намерении нападавших применить физическое насилие и т. п.».

Пункт 23 гласит: «Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например, макетом пистолета, не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой или грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия». Я полагаю, что, принимая данное постановление, Пленум ВС РФ дает судам возможность тонкого и правильного подхода к квалификации действий в каждом конкретном случае. А здесь именно такой случай!

Аналогичная ситуация и в павильоне «Лакомка». Также уверена, что действия Иванова по данному эпизоду должны быть квалифицированы по п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, опять же исходя из показаний потерпевшей. Глушкова в суде показала: «Первоначально испуг, вероятно, и был, но, поскольку с их стороны агрессии не было, я успокоилась. Дважды ходила в подсобку. Если бы я испугалась, я убежала бы через подсобку». Я убеждена, что наши грабители сами боялись продавцов. Ни в первом, ни во втором случае не только какие-либо угрозы не высказываются, но с их стороны не прослеживается грубости, оскорблений, циничности.

По данному эпизоду потерпевшей признана и Барщинова, которая в суде пояснила, что, когда Глушкова ей позвонила и сообщила об ограблении, она была в нормальном состоянии. Так же, как и в первом случае, деньги в кассе оставались. Глушкова передала нападавшим деньги только для того, чтобы они ушли. Если бы существовала реальная угроза, думаю, чтобы спасти свою жизнь, деньги потерпевшая передала бы все.

Угроз ей не высказывалось, оружие брали с целью напугать, пистолеты были разряжены и, по заключению баллистической экспертизы, к стрельбе не пригодны. Потерпевшая Глушкова понимала, что ситуация управляемая, опасности для себя не видела, не ощутила. У суда имеются все основания, руководствуясь названным постановлением ВС РФ, переквалифицировать действия Иванова с ч. 4 ст. 162 на п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Третий эпизод — павильон «Лукошко».

Иванов, как и другие ребята, в суде был честен и, как мог, доказывал степень своей причастности или непричастности к тому или другому эпизоду.

Ваша честь! Обращаю ваше внимание на то, что по первому эпизоду, не перекладывая ни на кого ответственность, он открыто пояснил: «Я предложил совершить ограбление павильона «Домовенок», так как всем хотелось иметь такие пистолеты». Это вполне объяснимо. Им нужны были макеты оружия, роль которых вполне могли сыграть газобаллонные пистолеты. Макеты оружия нужны им были для запугивания лиц, конфликты с которыми уже были и могли случиться в будущем.

В эпизоде с павильоном «Лакомка» инициатором Иванов не являлся, он был исполнителем. В эпизоде, происшедшем в павильоне «Лукошко», вряд ли он понимал, что своими действиями (а действия его сводились к тому, что он передал ребятам пистолет, маску и дал надеть свою толстовку) он совершает преступление.

И вообще, понимали ли подростки в полной мере правовые последствия своих поступков? Я с уверенностью могу заявить, что нет. Не понимали. Современное поколение подвергается разноплановой обработке со стороны средств массовой информации. Даже наше российское телевидение практически в каждом сериале пропагандирует культ насилия, когда вроде бы положительный герой совершенно безнаказанно совершает убийства и иные тяжкие преступления. Даже в криминальных новостях, говоря о совершенных разбоях, приводят примеры, связанные с насилием над жертвами, с применением настоящего оружия или предметов, используемых в качестве такового, т. е. ножей, топоров и т. п. Подростки, не обладающие достаточным жизненным опытом, имея при себе, по существу, макеты оружия, не высказывая явных угроз, не применяя

физического насилия, считали несопоставимыми те действия, которые они совершили, с тем, что они привыкли видеть по телевидению.

Однако в момент ограбления павильона «Лукошко» Иванов внутренне для себя решил, что надо прекращать противоправные поступки, грабежи. Насмелился, сказал об этом друзьям, на что другой участник сказал, что он уже «настроился».

Он, Иванов, не смог настоять на том, что подобное совершать не следует. В тот момент они испытывали друг к другу определенные товарищеские чувства. И когда Иванов давал согласие на повторное ограбление павильона «Домовенок», в тот момент он пообещал пистолет и маску. А когда все изменилось и грабить решили «Лукошко», он просто не мог отказать. Здесь главенствующую роль сыграло чувство товарищества, но ложное, неправильное это было чувство.

То, что Иванов первым высказал мысль о необходимости заканчивать с грабежами, засвидетельствовано и на следствии в протоколе допроса Иванова от 28 апреля 2005 г. (л. д. 120). Черкасов, Яманов, Болтовский в суде подтвердили, что Иванов говорил: «Пора завязывать с ограблениями».

Не уменьшая роли Иванова в нападении на павильон «Лукошко», полагаю, что действия его правильно квалифицировать по п. 5 ст. 33; по ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как Иванов выполнял роль пособника. К месту совершения преступления он пошел из любопытства, посмотреть, как все пройдет. От павильона он с Черкасовым отошел за забор на стройку. Вход и выход из павильона с того места, где они стояли, не просматривался. Другие участники преступления это подтвердили. В суде и на следствии оперуполномоченный Токарев подтвердил, что Иванов говорил ребятам, что пора прекращать совершать ограбления.

Что я могу сказать о Иванове как о человеке?

Иванов Виктор родился 4 сентября 1988 г. в интеллигентной семье. Житель г. Шарыпово. Его воспитанием занимались не только родители, которые абсолютно положительно характеризуются как по работе, так и в быту, но и дедушка с бабушкой. Дедушка Виктора, Иванов Валентин Никифорович, является почетным гражданином г. Шарыпово, почетным энергетиком, был награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник ЕЭС России». Я хочу этим подчеркнуть, что в этого молодого человека было вложено все хорошее и что он не потерянный для общества человек. (Ни одна из потерпевших не сказала, что кто-то из ребят оскорбил, сказал что-то грубое. Это тоже говорит о воспитании).

За то, что случилось, безусловно, надо нести ответственность. Но эта ответственность не должна сводиться к лишению свободы. На моего подзащитного в деле пять характеристик. Все положительные. В них

отражено мнение учителей — не лишать его свободы. У Иванова имеется конкретная цель — получить высшее образование по профессии, которая его увлекает и к которой он стремится. Лишение свободы сломаёт все его жизненные планы. От этого не выиграет никто: ни его родители, ни он, ни общество в целом.

Каково состояние здоровья Иванова? Он страдает язвенной болезнью желудка, стрептодермией; у него было сотрясение головного мозга. В суде оглашались документы, подтверждающие это.

Все, что произошло с Виктором, — это его первый в жизни проступок. И наказание он уже несет с момента задержания и заключения под стражу. Задержан он был 29 марта 2005 года.

Идет весна. И какая! Семнадцатая! Свою семнадцатую весну он провел в СИЗО. Судьба дала ему достаточный урок. Страшно представить условия, в которых оказываются подростки в СИЗО. Это в полной мере позволило ему оценить свое поведение. В сознании один постоянный вопрос: «Зачем я это сделал? Отшумел выпускной бал. Одноклассники сдают вступительные экзамены. А я... Зачем?» Все это там, в неокрепшей душе, переживалось. И в результате — раскаяние. Полное, деятельное! Сегодня у него язвы на теле. Самое главное — чтобы язв не осталось в душе. Колония или тюрьма, к сожалению, не исправляют.

Наконец, вопрос о мере наказания. В соответствии с уголовным законодательством наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Хочу обратить внимание суда на то, что тяжких последствий в результате действий подсудимых не наступило. Все возможное для того, чтобы загладить причиненный вред, было предпринято как подсудимыми, так и их родителями. Мой подзащитный Иванов раскаялся в содеянном. На протяжении всего следствия и в суде его показания последовательны, правдивы, и тем самым он активно содействовал раскрытию преступления. И это служит достаточной гарантией того, что он больше не окажется на скамье подсудимых.

Ваша честь! Заканчивая свое выступление, я хочу, чтобы после оглашения приговора девять пар глаз засияли счастливым блеском; чтобы девять мам впервые за пять месяцев уснули спокойно; чтобы девять отцов на видном месте в квартире повесили ремни как напоминание о действенном методе воспитания. Этих детей еще можно направить в нужное русло.

Ваша честь! Я прошу вас об условной мере наказания для Иванова Виктора. Его судьба — в ваших руках.

Учебное издание

ИСКУССТВО СЛОВА

Хрестоматия по судебной риторике

Составители:

Нигматуллина Танзиля Алтафовна, **Вельц** Рахиль Яковлевна

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Сдано в набор 12.01.2017. Подписано в печать 03.02.2017.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 39,06. Уч.изд. л. 40,43.

Тираж 500. Заказ 122

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2
www.ufabist.ru

Отпечатано в типографии БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО»
450054, г. Уфа, просп. Октября, 74/2